Борис Фрезинский

Писатели и советские вожди

Книга историка литературы Б.Я. Фрезинского «Писатели и советские вожди» насыщена неизвестными и малоизвестными историческими документами. Она позволяет читателю на конкретных примерах, избегая упрощенных схем и скороспелых выводов, увидеть, как в различные десятилетия советской истории по-разному складывались в стране, оставаясь неизменно сложными, неоднозначными и трагическими, индивидуальные судьбы писателей. А попутно – и как созданная в результате Октябрьской революции система привела к жесточайшей диктатуре Сталина, уничтожившей вождей революции – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Радека...

Борис Фрезинский

Писатели и советские вожди

Избранные сюжеты 1919–1960 годов

Москва
Эллис Лак
2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
УДК 82.091:930.85(47)
Ф86

***Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»***

Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»

Художник *В.М. Мельников*

ISBN 978-5-902152-53-8

ОТ АВТОРА

Исторические легенды и документы на тему «Писатели и правители (монархи, диктаторы и проч.)» существуют, наверное, столь же давно, как появились на свете писатели (правители-то были всегда)... Благословенные времена, когда писатели имели возможность работать совершенно свободно и независимо от власти, в истории, скорее, редкость. Применительно к российской истории таких времен, пожалуй, не припомнить. В этом смысле тема «Писатели и правители» у нас редко утрачивала актуальность; здесь она представлена избранными документальными сюжетами из советского периода нашей истории, когда правителей именовали старославянским словом «вожди».

Отечественные вожди, принадлежа к одной и той же политической партии, заметно различались между собой – чертами характера, склонностью к диктату, уровнем образования и культуры, мерой догматичности, интересом к идеологии и литературе, представлениями о том, насколько свободна или несвободна может быть литература и каковы должны быть требования к ней власти.

Случались такие периоды (короткие), когда советским писателям казалось: литературная жизнь налаживается и впереди их ожидают счастливые времена. Тогда они особенно старались идти в ногу со своими вождями. Как ни странно, это вызывало большой энтузиазм и у их западных коллег левой ориентации. Скажем, 19 июня 1936 г., на второй день своего первого и последнего пребывания в СССР, французский писатель и будущий Нобелевский лауреат Андре Жид в речи с трибуны мавзолея Ленина (в присутствии прохаживавшегося рядом Сталина), сравнивая положение советских писателей с положением левых писателей в капиталистических странах, заявил: «Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые стоит иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот, он выражает волю масс, всего народа и, что прекраснее всего, – волю его вождей. Эта проблема как бы

исчезает, и эта перестройка настолько необычна, что разум не может ее сразу осознать. Это лишь одно из многого, чем может гордиться СССР в эти замечательные дни, которые продолжают потрясать наш старый мир. Советский Союз зажег в новом небе новые звезды...»[1]. (Следует, правда, заметить, что, повидав СССР своими глазами, А. Жид уже четыре месяца спустя написал о советской жизни иначе: «Важно не обольщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего хотели. Еще один шаг, и можно будет даже сказать: это как раз то, чего не хотели»[2]).

Хотя индивидуальные писательские судьбы в различные десятилетия советской истории и складывались *по-разному*, но они неизменно оставались сложными, подчас неоднозначными и зачастую трагическими. (Заметим попутно, что с установлением диктатуры Сталина судьбы самих *вождей* Революции складывались *одинаково* трагически и завершались тоже *одинаково* – казнью).

В книге речь идет о многих вождях: о Троцком, Ленине, Каменеве, Зиновьеве, Бухарине, Радеке, затем о Сталине и его, как их тогда называли, соратниках – Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Андрееве, Жданове, Маленкове, да еще о секретарях ЦК, которых, пожалуй, вождями и не считали – Щербакове и Шепилове, ну и, наконец, о Хрущеве.

Что касается писателей – персонажей этой книги, – то об одних речь заходит часто и подробно, о других – скорее эпизодически. Если называть имена, то это Горький и Зощенко, Федин и Эренбург, Пастернак и Бабель, Ходасевич и Сологуб, Ремизов и Волошин, Слонимский и Павленко, А.К. Воронский и Вс. Иванов, Сейфуллина и Пильняк, Кольцов и Безыменский, К. Чуковский и Сельвинский, Н. Тихонов и Вс. Вишневский... Есть писательские моносюжеты, есть сюжеты групповые. Один «групповой» сюжет, занимающий в книге немало места, – это история международных писательских конгрессов 1930-х гг. Именно в связи с этим сюжетом в книге представлены не только советские авторы, но и зарубежные – Ромен Роллан и Виктор Серж, Андре Жид и Анри Барбюс, Луи Арагон и Андре Мальро, Лион Фейхтвангер и Эльза Триоле – им тоже приходилось иметь дело с советскими вождями – прямо или косвенно....

Информацию о лицах, чьи имена встречаются в книге, помимо постраничных примечаний читатель найдет также в аннотированном именном указателе; в конце книги приводится и расшифровка встречающихся в тексте аббревиатур.

---

[1] Интернациональная литература. 1936. № 8. С. 149.

[2] *Жид А.* Возвращение из СССР. Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1990. С. 91.

Л.Б. КАМЕНЕВ И ПИСАТЕЛЬСКИЕ ПРОСЬБЫ (1919–1924)

(С эпилогом, относящимся к 1934–1936 гг.)

У Льва Борисовича Каменева в интеллигентных кругах была репутация человека, живо интересующегося литературой и искусством и при этом отнюдь не лишенного чисто человеческого внимания к людям культуры. Уцелевшая часть почты Каменева это подтверждает. Но прежде чем перейти непосредственно к этой почте, напомним краткую биографическую канву жизни одного из лидеров послереволюционной России.

Ю. Каменев – давний литературный псевдоним Льва Борисовича Розенфельда. Он родился 18 июля 1883 г. в Москве; его отец окончил Технологический институт в Петербурге, мать – Бестужевские женские курсы. Родители смолоду вращались в радикальной студенческой среде (отец был сокурсником знаменитого Игнатия Гриневицкого, бросившего 1 марта 1881 г. бомбу в Александра II). Вскоре после рождения сына семья переехала в Виленскую губернию, где отец получил место главного инженера на небольшом металлическом заводе. Учебу будущий член ленинского Политбюро начал во 2-й виленской гимназии и завершил – во 2-й тифлисской (в 1886-м семья перебралась на Кавказ). Когда в 1901 г. Лев Розенфельд закончил тифлисскую гимназию, он уже был тесно связан с марксистскими кружками, что в его аттестате сказалось на оценке по поведению, а это лишало права поступления в университет. Чтобы выхлопотать такое право, пришлось специально обращаться к министру народного просвещения Боголепову, и в итоге Лев смог поступить на юрфак

Московского университета. Там его революционная настроенность лишь укрепилась: он ездил на студенческие сходки в Петербург, участвовал в демонстрациях и вскоре был из Москвы выслан в Тифлис, уже окончательно утратив право продолжения учебы.

Дальнейший жизненный путь молодого Каменева обозначим пунктирно: 1902 г. – Париж, знакомство с Лениным (еще одно знакомство стало не менее значимым в его судьбе: встреча на собрании по случаю пятилетия Бунда с сестрой Троцкого, Ольгой Бронштейн, вскоре ставшей его женой), затем Женева, редакция «Искры», подпольная работа в России; Тифлис – Москва – арест и пятимесячная отсидка, затем пресеченная полицией попытка стать студентом в Юрьеве и снова Тифлис, работа в Кавказском комитете большевиков (вместе с Михой Цхакая, Кобой и Кнунянцем); 1905 г. – Петербург, Лондон, III съезд партии, где он становится агентом ЦК; 1905–1907 гг. – Петербург (с Лениным); 1907 гг. – Лондон, V съезд партии (делегат от Москвы); 1908 – арест в Петербурге и заключение с апреля до июля; 1908 – 1914 гг. – Париж (с Лениным и Зиновьевым), участие в международных социалистических конгрессах; 1914 г. – Краков (с Лениным и Зиновьевым), затем направление в Петербург, работа в «Правде»; арест в Озерках и Туруханская ссылка (вместе со Сталиным, Свердловым, молодым Молотовым); весной 1917 г. – возвращение в Петербург, в апреле встреча с Лениным; участие в апрельской конференции большевиков, избрание членом ЦК РКП(б) и членом ЦИКа Советов, работа одним из редакторов «Правды», публицистика...

Осенью 1917 г. Каменев (вместе с Зиновьевым) выступил против немедленного захвата власти большевиками. Эту позицию большинство ЦК отвергло на двух заседаниях, что Каменев и Зиновьев (ближайшие ученики и соратники Ленина) посчитали смертельным для партии, и накануне восстания, чтобы спасти дело своей жизни, разгласили опасные радикальные планы ЦК в газете Горького «Новая жизнь». Это вызвало ярость Ленина: он требовал немедленно исключить Каменева и Зиновьева из партии, но ЦК Ленина не поддержал. (В вопросе о восстании позиция Сталина осенью 1917-го отличалась от каменевской разве что меньшей определенностью и меньшей решительностью). В дни восстания, исчерпав все возможности его предотвратить, Зиновьев и Каменев принимали в работе ЦК

действенное участие. Впоследствии Троцкий (едва ли не главный организатор Октябрьской революции), которого Сталин в 1925 г. руками Зиновьева и Каменева убрал с постов наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета Республики, вспоминал октябрь 1917 г.: «К ночи 24-го члены Революционного Комитета разошлись по районам. Я остался один. Позже пришел Каменев. Он был противником восстания. Но эту решающую ночь он пришел провести со мною, и мы остались вдвоем в маленькой угловой комнате третьего этажа, которая походила на капитанский мостик в решающую ночь революции»[1].

Троцкий признавал, что во времена Ленина Каменев был одной из центральных фигур в стране: в 1917–1927 гг. Каменев – член ЦК партии большевиков, в 1919–1926 гг. – член Политбюро ЦК (после смерти Ленина председательствовал на заседаниях Политбюро), в 1918–1926-м – председатель Моссовета, в 1923–1926-м – заместитель председателя Совета народных комиссаров, в 1922–1924-м – заместитель председателя, а в 1924–1926-м председатель Совета труда и обороны, одновременно в 1923–1926-м – директор Института Ленина. «Как администратор, Каменев был доступен, – писал Ф. Раскольников. – Умный и благодушный "барин-либерал", со склонностью к меценатству, он быстро схватывал суть дела и своим авторитетом пресекал произвол "власти на местах", устранял "головотяпство" помпадуров и с наслаждением восстанавливал попранную справедливость. Со свойственной ему добротой и гуманностью он нередко по просьбе родственников заступался за арестованных, и немало людей обязано ему спасением жизни. Он увлекался театром, литературой, искусством, заботился об украшении Москвы и с пеной у рта защищал от разрушения художественные памятники московской старины»[2].

Каменев никогда не рвался к личной власти, не претендовал на лидерство, политическое честолюбие не было главным мотором его существования. Продолжим цитировать Ф. Раскольни-

---

[1] *Троцкий Л.* Моя жизнь М., 1991. С. 313.

[2] *Раскольников Ф.* Кремль // Смена. Л. 1988. 4 окт. Эти воспоминания написаны за границей. В 1926 г. Раскольников, присягнувший Сталину, прекратил с выведенным из Политбюро Каменевым какие-либо отношения. Характерно, что и после разрыва со Сталиным, зная о его звериной ненависти к Троцкому, Раскольников опасался упоминать Троцкого в мемуарах (судя по публикации 1988 г.).

кова: «Еще во время болезни Ленина руководство страной и партией перешло к “тройке”: Сталин, Зиновьев, Каменев. Как музыкальное трио они великолепно дополняли друг друга: железная воля Сталина сочеталась с тонким политическим чутьем Зиновьева, уравновешивалась умом и культурой Каменева. Зиновьев и Каменев были более на виду, чаще выступали с докладами на огромных собраниях в Большом театре и в Колонном зале Дома Союзов, но меткой пчелиного улья, хозяином “тройки” Политбюро и всего Центрального Комитета с самого начала был Сталин».

Не будучи интриганом, Каменев все-таки оказался втянутым в политические схватки – сначала он поддавался влиянию Зиновьева в его, тайно и явно поощряемой Сталиным, борьбе с Троцким, а вскоре вместе с Троцким и Зиновьевым выступил против Сталина, но здесь его ждало полное и окончательное поражение (естественное для борьбы достаточно интеллигентного человека против политика с моралью пахана).

Последующие этапы карьеры Каменева: в январе–августе 1926 г. – нарком внешней и внутренней торговли, с декабря 1926-го – полпред в Италии, затем председатель научно-технического управления ВСНХ; в ноябре 1927-го исключен из ВКП(б) и, как и Зиновьев, выслан на полгода в Калугу; 22 июня 1928 г. восстановлен в ВКП(б) и возвращен в Москву, где назначен на административно-хозяйственную работу…

Теперь два значимых высказывания хорошо знавших его людей:

«Каменев – “умный политик”, по определению Ленина, – писал Троцкий, – но без большой воли и слишком легко приспосабливающийся к интеллигентной, культурно-мещанской и бюрократической среде»[3]. А Луначарский, знавший Каменева еще до 1905 г., писал о нем: «Помимо нашей общеполитической работы – нас сразу соединило и многое другое, например, большая любовь Каменева к литературе, его сердечная мягкость и значительная широта взглядов, которая выгодно отличала его даже от самых крупных работников социалистического движения… Настоящее призвание Каменева не столько ораторское, сколько писательское»[4].

[3] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Chalidze Publications. Vermont. 1988. С. 190.

[4] *А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 299.

Литераторы, обращаясь к Каменеву с письмами, неизменно подчеркивали его репутацию человека гуманного и внимательного к деятелям культуры. Однако после того как Каменева оклеветали, прокляли, расстреляли и полвека не реабилитировали, никому из писателей, живших в СССР, и в голову не приходило вспоминать его добрым словом[5]. Писатели-эмигранты тоже корректировали свою память политическими соображениями, но другого рода. Поэт Владислав Ходасевич, чью парижскую жизнь не назовешь сладкой, вспоминал свои советские годы не иначе, как о времени, «когда русской литературой при помощи безвольного Луначарского управлял Каменев»[6] – а ведь запросто приходил к Каменеву в Кремль, делился бытовыми невзгодами, получал поддержку.

Вспомним еще одного писателя-эмигранта – А.И. Куприна. Осенью 1919 г. в Гатчину, где он постоянно жил, вошли войска Юденича, и Куприн тут же стал редактором штабной газеты Белой армии «Приневский край». В ней он писал о Ленине: «Чем держится он среди народа и откуда в одном человеке могла сосредоточиться такая страшная жажда крови, такая сатанинская ненависть к людям и презрение к чужим мукам, к чужим людским страданиям и чужой жизни?»[7] При такой-то, как теперь бы сказали, отвязанности, в статье «Александриты» Куприна вдруг (или не вдруг?) отпустила застившая глаза ненависть: «В конце 1918 года мне пришлось быть по одному делу в Москве, на Тверской, в старинном генерал-губернаторском доме, занятом тогда, если не ошибаюсь, Московским Советом. Мне пришлось там беседовать довольно долго с одним видным лицом большевистского мира, человеком, кстати сказать, весьма внимательным, умным и терпимым <...> Этот человек был – Л.Б. Каменев...»[8]

[5] Исключение, пожалуй, – мемуары Эренбурга, где он, не назвав фамилии Каменева, человечно написал о председателе Моссовета 1921 г. (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 357).

[6] *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 223 (это напечатано 17 июня 1925 г. в парижских «Последних новостях»).

[7] Приневский край. Нарва. 1919. 25 окт. Цит. по: *Куприн А.* Голос оттуда. 1919–1934. М., 1999.

[8] Новая русская жизнь. Гельсингфорс. 1920. № 29. 6 февр.

Приведем еще одно свидетельство Ф.Ф. Раскольникова: «С 1918 по 1926 годы я часто бывал в уютной квартире Каменева в Московском Кремле. <...> У него всегда можно было встретить артистов, писателей, художников, музыкантов. Это не был салон, но интеллигенция охотно посещала его гостеприимный дом. В начале 1920-х годов я познакомился там с Федором Ивановичем Шаляпиным, Всеволодовичем Эмильевичем Мейерхольдом, Ильей Григорьевичем Эренбургом, Максимилианом Александровичем Волошиным, Георгием Ивановичем Чулковым. Каждый приходил туда со своим нуждами, жалобами, просьбами, зная, что он найдет благожелательное отношение. Мейерхольд просил дотацию для своего театра и вдохновенно рассказывал о планах постановок. Приехавший из Парижа Эренбург жаловался на травлю журнала «На посту». Георгий Чулков, ссылаясь на отъезд Бориса Зайцева, просил отпустить его за границу. Писатели и поэты просили Каменева прослушать их новые произведения, и он всегда находил время...»[9]

А теперь конкретные сюжеты, сгруппированные тематически.

I. Об арестованных и высланных

1. М. Горький просит за М.И. Будберг

Алексей Максимович Горький познакомился с Каменевым лично в 1907 г., а заочно – еще в 1905-м[10]; в 1917-м Каменев печатался в газете Горького «Новая жизнь». В 1920 г. на отношениях Горького с Каменевым отрицательно сказывалось, хочешь не хочешь, соперничество М.Ф. Андреевой и О.Д. Каменевой за власть в ТЕО Наркомпроса.

Письмо Горького Каменеву в защиту М.И. Будберг имело свою предысторию.

Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская) – дочь сенатского чиновника; в 1911 г. ее отправили в Англию совершенствоваться в английском (сводный брат Марии Игнатьевны

[9] *Раскольников Ф.* Кремль // Смена. Л. 1988. 4 окт.

[10] См. статью и публикацию Л. Спиридоновой «"Я Вас сердечно любил..." (М. Горький и Л. Каменев)» // *Горький М.* Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М., 2000. Письма Горького, кроме оговоренных случаев, цитируются по этому изданию.

служил тогда в Лондоне в российском посольстве). Два лондонских знакомства Будберг оказались весьма значимыми в ее жизни. Первое – с молодым дипломатом Брюсом Локкартом – существенно повлияло на ее российскую судьбу в годы революции и начала Гражданской войны. Второе – с русским дипломатом графом И.А. Бенкендорфом – изменило ее жизнь сразу же, поскольку в 1911 г. она вышла за него замуж. Вскоре Бенкендорф получил назначение в Берлин, и Мария Игнатьевна последовала за ним; Бенкендорф имел родовые земли в Эстонии – именно там у Марии Игнатьевны в 1913 и 1915 гг. родилось двое детей. Осенью 1917 г. она, оставив мужа и детей в поместье, вернулась в Петроград, где встретилась с Брюсом Локкартом, работавшим тогда в России. Отношения Будберг и Локкарта вскоре стали близкими, и после переезда советского правительства в Москву она отправилась с дипломатическим представителем Англии Локкартом в новую столицу. Существует обширная литература о «заговоре Локкарта», но мы этой стороны жизни М.И. Будберг касаться не будем. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 г. Локкарт был арестован по обвинению в антисоветском заговоре (во время восстания эсеров в Москве). М.И. Будберг во время ареста находилась в его квартире и была задержана. В ответ на арест своего представителя англичане арестовали в Лондоне советского представителя М.М. Литвинова. В итоге все кончилось тем, что Локкарт был выслан из России, а Мария Игнатьевна вернулась в Петроград, где оказалась без средств к существованию. К.И. Чуковский устроил ее работать в горьковское издательство «Всемирная литература»; она же помогала Чуковскому в его Студии.

В 1919–1920 гг. М.И. Будберг арестовывали еще несколько раз (шлейф «знакомства» с Локкартом срабатывал при каждом ухудшении политической ситуации). Так, в августе 1919-го, когда войска Юденича наступали на Петроград, ВЧК произвела массовые аресты подозреваемых в антисоветских настроениях, и Мария Игнатьевна, естественно, оказалась в числе арестованных.

А.М. Горький – Л.Б. Каменеву

Лев Борисович!

Позвольте просить Вас о следующем: здесь арестована и отправлена в Москву Мария Игнатьевна

Бенкендорф, жена графа Бенкендорфа, но порвавшая с ним еще до революции.

Ее обвиняют, кажется в сношении с иностранцами, и это в известной степени верно, но отнюдь не преступно, ибо единственный иностранец – англичанин, с которым она сносилась – это ее новый муж или жених.

Прошу Вас, однако, не предавать сего широкой гласности, дабы не задеть честь этой дамы.

Лично она – человек хороший, ценный, политике чужда. Она сотрудничала во «Всемирной литературе» по переводам.

Убедительно прошу Вас похлопотать о ее освобождении, ибо слышал, что Вы охотно и сердечно беретесь за такие дела.

Здесь было сделано столько нелепых и бессмысленных арестов, убийств, что – по возможности – необходимо исправлять эти отвратительные глупости.

Крепко жму руку

23 VIII 19

А. Пешков.

4 сентября 1919 г. К.И. Чуковский записал в дневнике, как он пришел к Горькому, узнавшему об аресте академика С.Ф. Ольденбурга, непременного секретаря РАН, попросить о Бенкендорф («моей помощнице в Студии, – как называет ее Чуковский, – которую почему-то тоже арестовали»): «Я подошел к нему, а он начал какую-то длинную фразу в ответ и безмолвно проделал всю жестикуляцию, соответствующую этой несказанной фразе. “Ну что же я могу, – наконец выговорил он. – Ведь Ольденбург дороже стоит. Я им подлецам – то есть подлецу, – заявил, что если он не выпустит их сию минуту… я им сделаю скандал, я уйду совсем – из коммунистов. Ну их к черту” Глаза у него были мокрые»[11]. 24 сентября Чуковский записал про заседание в издательстве «Всемирная литература»: «Впервые присутствует Марья Игнатьевна Бенкендорф, и, как ни странно, Горький,

[11] *Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. С. 255.

хотя и не говорил ни слова ей, но все говорил для нее, распуская весь павлиний хвост. Был он остроумен, словоохотлив, блестящ, как гимназист на балу»[12]. 14 ноября 1919 г. Чуковский записывает: «К Марье Игнатьевне Горький относится ласково. Дал ей приют у себя»[13]. Осенью 1919 г. в Эстонии был убит И.А. Бенкендорф. Весной 1920 г. Марию Игнатьевну арестовали при попытке незаконного перехода финской границы, тогда же у Горького на Кронверкском был произведен обыск (Зиновьев и петроградская ЧК устойчиво считали М.И. Будберг английской шпионкой). Горький снова ходатайствовал об ее освобождении: «Нельзя ли выпустить ее на поруки мне? К празднику Пасхи?», – спрашивал он в письме Зиновьева; об освобождении Будберг именно Каменев сообщил Горькому по телефону[14].

6 февраля 1921 г. Чуковский записал в дневнике: «Приехал из Берлина Гржебин. Опять возникли слухи о М.Игн. Бенкендорф, – будто она агент чрезвычайки. Странное у нее свойство: когда здесь были англичане, они были уверены, что она немецкий шпион. Большевики считают ее белогвардейской ищейкой. Я не удивлюсь, если окажется, что она и то, и другое, и третье…»[15]. В августе 1921 г. Я.С. Агранов, допрашивавший профессора В.Н. Таганцева, вскоре расстрелянного (с Н.С. Гумилевым), записал такие его показания: Горький-де советовал мне уехать за границу, «где я буду иметь возможность заняться научной работой. Он спрашивал у меня, имею ли я возможность переправиться надежным образом через границу. Я сказал, что могу вполне надежным способом. Он просил известить его о сроке моего отъезда и захватить с собой Марию Игнатьевну Бенкендорф, которая пять раз пробовала перейти границу, но каждый раз неудачно, и он не хотел больше рисковать ее отправкой <…> Разговор с Бенкендорф и возможности ее отъезда при моем посредстве происходили в половине августа 1920 г. Горький указал мне имена и фамилии тех лиц, которые находятся в качестве осведомителей в Чрезвычайной Комиссии»[16]. Понятно, что такая

---

[12] *Чуковский К.* Т. 11. С. 256.

[13] *Там же.* С. 267.

[14] *Горький М.* Неизданная переписка... С. 221.

[15] *Чуковский К.* Т. 11. С. 319.

[16] Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Документы / Сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 29.

информация регулярно докладывалась Зиновьеву...Между тем, переправиться за границу М.И. Бенкендорф удалось, и в 1921 г. в Таллине она вышла замуж за барона Н.Х. Будберга, с которым вскоре рассталась, но его фамилию носила до конца своих дней. В 1922-м она приехала к Горькому в Сааров (Германия)...

2. Ходатайство Куприна

(За месяц до прихода Юденича)

Александр Иванович Куприн принял Февральскую революцию и сразу же начал редактировать эсеровскую газету «Свободная Россия». Отношение его к большевистскому перевороту в октябре 1917 г. было иным. 1 июля 1918 г. в Гатчине в своем доме Куприн был арестован за публикацию фельетона «Михаил Александрович» в газете «Молва» (восхваление великого князя признали контрреволюционным); через три дня писателя отпустили домой. Уже 8 июля он напечатал в той же «Молве» статью «У могилы» – памяти убитого Володарского. В 1918-м Куприн разработал план беспартийной народной (для крестьян) газеты «Земля». Горький его поддержал и в Москве 25 декабря 1918 г. написал Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Очень прошу принять и выслушать Александра Ивановича Куприна по литературному делу. Привет! А. Пешков»[17]. Ленин Куприна принял в Кремле уже 26 декабря. Куприн передал ему листки с программой газеты. О реакции Ленина Куприн вкратце упомянул в статье «Ленин. Моментальная фотография»: «Так! – говорит он и отодвигает листки. – Я увижусь с Каменевым и переговорю с ним»[18].

Через неделю Л.Б. Каменев принял Куприна в Моссовете. «Каменев в Москве убеждал меня для успеха дела, – вспоминал Куприн, – непременно внести в газету полемику. “Вы можете хоть ругать нас”, – сказал он весело. Но я подумал про себя: “Спасибо! Мы знаем, что в один прекрасный день эта непринужденная полемика может окончиться на Лубянке, в здании ЧК”, – и отказался от любезного совета»[19].

[17] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 12. М. 2006.

[18] Общее дело. Париж. 1921. 21 февр. Цит. по: *Куприн А.* Голос оттуда. 1919–1934. М., 1999.

[19] *Там же.*

25 января 1919 г. в Кремле прошло совещание с участием Д. Бедного, Л. Каменева, А. Куприна, В. Милютина и Л. Сосновского. В финансировании газеты Куприну было отказано и предложено участвовать в журнале «Красный пахарь»[20]. Историю о встрече Куприна с Каменевым описал еще один литератор: «Куприн хлопотал о разрешении издавать чуть ли не на советскую субсидию “беспартийную” газету. Ни с субсидией, ни с газетой не выгорело. Из всей вышеописанной истории Куприн сделал единственно правильный вывод – сбежал вместе с Юденичем»[21]. Вернувшись домой, Куприн принимал некоторое участие в культурной жизни Петрограда, в частности – в горьковском издательстве «Всемирная литература» (об одном из собраний в издательстве К.Чуковский записал 5 марта 1919 г.: «Куприн вдруг стал рассказывать, как у него делали обыск. “Я сегодня не мог приехать в Петербург. Нужно разрешение, стой два часа в очереди. Вдруг вижу солдата, который у меня обыск делал. Говорю: – Голубчик, ведь вы меня знаете… Вы у меня в гостях были! – Да, да! (И вмиг добыл мне разрешение)…”»[22].

Как и многие в Петрограде, Куприн ожидал прихода Юденича, при этом его знакомые знали о новых московских связях Куприна и он не отказывал им в просьбах походатайствовать перед кремлевскими вождями.

А.И. Куприн – Л.Б. Каменеву

Глубокоуважаемый Лев Борисович,

кратковременное наше знакомство в Москве не давало бы мне права беспокоить Вас личной просьбой. Но те впечатления внимания и доброжелательности, которые у меня связаны в памяти с Вами, утверждают меня в смелости просить Вас о помощи другому лицу.

Соблаговолите принять и выслушать Ксению Александровну Леванда, подательницу этого письма. Ее сын, состоявший начальником отдельной бригады в Петрограде – Артемий Борисович Леванда –

[20] Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 320.

[21] *Бедный Д.* История одной беспартийной газеты // Известия. 1919. 16 нояб.

[22] *Чуковский К.* Т. 11. С. 239.

был арестован 17 июня с.г., а через месяц отправлен в Москву, где и находится на принудительных работах на заводе «Проводник» в Лефортове.

Обвинения ему не предъявили и допроса не производили. По справке, наведенной политическим комиссаром штаба бригады в Ч.К., арест состоялся лишь на время осадного положения. За благонадежность его могут поручиться все его сослуживцы, а между тем арест длится при весьма тяжелых условиях до сих пор.

Боюсь затруднять Вас длинным письмом. К.А. Леванда вкратце дополнит его необходимыми подробностями. Я ж пользуюсь случаем еще раз уверить Вас в моем искреннем уважении и вечной готовности служить Вам

А. Куприн

1919 3 /IX[23].

О дальнейшей судьбе А.Б. Леванды удалось узнать немногое. Точно установлено, что в 1919 г. он остался жив. Вполне возможно, что обращение к Каменеву сыграло в этом свою роль. Известно также, что впоследствии Леванда перебрался в Москву, жил на Шаболовке и работал инженером в тресте Мосстрой. Репрессии 1930-х годов его не пощадили – имя Леванды значится в мартирологах общества «Мемориал».

Что касается маршрутов Куприна, то они в 1938-м вернули его в родную Гатчину (после Эстонии, Гельсингфорса и длительного Парижа).

3. Возвратите А.В. Ганзен в Петроград

Анна Васильевна Ганзен – сотрудница «Всемирной литературы», переводчица с немецкого, датского, шведского и норвежского языков; в ее переводах, в частности, вышло собрание сочинений Г. Ибсена в издании А.Ф. Маркса.

В знаменитом альманахе К.И. Чуковского «Чукоккала» в 1919 г. появились стихи А.В. Ганзен, которые Корней Иванович

[23] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 163. Л. 101.

предварил такими ссловами: «Много трудилась во "Всемирной литературе" Анна Васильевна Ганзен, одна из лучших переводчиц той эпохи. Русские читатели моего поколения знали Андерсена, Ибсена, Гамсуна главным образом по ее переводам. Это была пожилая и добрая, всеми любимая женщина. Вечно хлопотала о каких-нибудь неимущих и страждущих, о голодных писателях, об инвалидах войны. По какому-то недоразумению она была арестована и вместе с дочерью очутилась в тюрьме на Шпалерной улице. Оттуда писала незатейливыми виршами письма своей приятельнице Зинаиде Афанасьевне Венгеровой, тоже работавшей в нашем издательстве. Зинаида Афанасьевна показала эти письма мне, и я попросил ее записать их в "Чукоккаллу"». Вот строки из письма, написанного 17 июня 1919 г.:

Все просьбы ни к чему, увы!
Меня увозят из тюрьмы –
В Москву, одну, сегодня в ночь.
Спокойна я, но плачет дочь[24].

А через 14 лет К.И. Чуковский описал в дневнике человеческие достоинства А.В. Ганзен: «Анна Васильевна Ганзен, с которой я теперь все ближе знакомлюсь на работе, – выступает предо мною все ярче. Бескорыстный, отрешившийся от всякого самолюбия, благодушный, феноменально работящий, скромный человечек, отдающий каждую минуту своей жизни общественной работе – заботе о других, несет на своих плечах всю Детсекцию; мы в Горкоме писателей хотели ее премировать, но она и слышать не хочет. Между тем – так нуждается...»[25].

О том, что с А.В. Ганзен произошло в 1919 г., она подробно рассказала в письме:

А.В. Ганзен – Л.Б. Каменеву

25/IX 19 г.

Не знаю, как и благодарить Вас, глубокоуважаемый Лев Борисович, за мое и дочери освобождение. Огромное душевное Вам спасибо!..

---

[24] *Чукоккала.* Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006. С. 290.
[25] *Чуковский* К. Т. 12. С. 521. Запись 10 ноября 1933 г.

Заказ № 2076

Будь я бардом, я бы поспешила воспеть Вашу отзывчивость и свою радость звучными стихами, но увы!! моя мечта умеет только забавляться моими драматическими переживаниями, реагирует на них юмористически.

Краткое пребывание в Питере прибавило еще листок к трагикомическому альбому, начатому в первый день нашего ареста 14 VI[26].

Дело в том, что из Питера, – куда я под впечатлением Вашего дружеского напутствия, выехала с таким легким сердцем, – мы вылетели весьма скоропалительно – после «дружественного» предупреждения т. Бакаева[27], что он меня арестует, если я не уберусь до 20-го. Как же было не убраться?!.

Сидя же на вокзале, я получила по телефону из дому новое приятное известие о полученной уже после нас телеграмме от Отдела принудительных работ с требованием немедленно вернуться из отпуска. –

Теперь «отдел» нам больше не страшен. Благодаря Вам, мы – свободные гражданки... В Москве, а в Питере все-таки не смеем показаться.

Алексей Максимович Горький, пока я была в Питере, подписал 2 ходатайства о моем освобождении: одно по адресу В.Ч.К, другое – П.Ч.К. Первое я при-

[26] А.В. Ганзен было предъявлено обвинение в том, что она «является женой статского советника, который по поручению Временного правительства Керенского уехал в Данию и оттуда не вернулся». 7 июля дело в отношении А.В. Ганзен было прекращено «без указания законных оснований» (Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 415).

[27] И.П. Бакаев – член ВКП(б) с 1906 г. После Октябрьской революции – на партийной работе в Петрограде, в 1919–1920 гг. председатель Петроградской губернской ЧК; в 1925–1927 гг. – член ЦКК, участник зиновьевской оппозиции. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) исключен из партии, как участник левой оппозиции, в 1928-м вместе с Зиновьевым и Каменевым в партии восстановлен, после чего находился на хозяйственной работе. Вплоть до ареста 9 декабря 1934 г. – управляющий Главэнергосети. Именно на основе выбитых из Бакаева подробных, но лишенных каких-либо конкретностей показаний в начале января 1935 г. против бывших «зиновьевцев» было состряпано обвинение в их причастности к убийству Кирова. В 1935 г. осужден на восемь лет. На процессе 1936 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян вместе с Каменевым и Зиновьевым.

лагаю к этому письму, а второе мои товарищи подали в П.Ч.К. Теперь все дело в том – удастся ли добиться того, чтобы т. Бакаев сменил гнев на милость. Без его индульгенции я возвращаться в Питер побаиваюсь. Как ни нужна я Горькому, он предпочтет, чтобы я гуляла на свободе в Москве, нежели «сидела» в Питере! –

Последняя передряга уложила меня на несколько дней в постель, поэтому я лишь сегодня могу передать через т. Крыленко[28] это мое письмо с выражением моей глубокой благодарности и с ...новою, очень робкой просьбой о совете: как быть, как умилостивить П.Ч.К.?!

С искренним большим уважением и с маленькой надеждой на то, что Вы вызволите меня окончательно

Анна Ганзен[29].

По-видимому, возвращение А.В. Ганзен в Петроград наталкивалось на трудно преодолимые препятствия, потому как оно потребовало нового обращения к Каменеву – на сей раз со стороны Горького:

М. Горький – Л.Б. Каменеву

Уважаемый Лев Борисович!

Очень прошу Вас похлопотать о возвращении Анны Ганзен в Петербург.

Ганзен – известнейшая переводчица Андерсена, Ибсена и др. норвежцев, шведов; она ныне работает во «Всемирной литературе» и крайне необходима здесь.

Очень, очень прошу Вас – возвратите ее сюда!

3 X 19. Приветствую.

М. Горький.

Просьба Горького была уважена...

[28] Н.В. Крыленко – с 1918 по 1931 г. председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР.

[29] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 99–100.

4. Тайная записка Лили Брик

Записка Л.Ю. Брик Л.Б. Каменеву датирована 9 ноября 1924 г.

В этот же день Маяковский, ожидавший в Париже американской визы и в итоге не дождавшийся ее, писал Л.Ю. Брик в Москву: «Как я живу это время я сам не знаю. Основное мое чувство тревога, тревога до слез и полное отсутствие интереса ко всему здешнему (усталость?) Ужасно хочется в Москву, если б не было стыдно перед тобой и перед редакциями сегодня же б выехал <...> Ужасно тревожусь за тебя. И за лирику твою и за обстоятельства...»[30] Ответ на это письмо сочинен был через 10 дней: «...ужасно обрадовалась твоему письму, а то уж думала, что ты решил разлюбить и забыть меня. Что делать? Не могу бросить А.М. пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни. Поставь себя на мое место. Не могу. Умереть – легче...»[31].

Публикатор переписки Маяковского и Лили Брик шведский славист Бенгт Янгфельдт комментирует тексты строго, не допуская никаких не доказанных документами версий. Воспользуемся для начала его комментариями, очень важными для дальнейшего.

А.М. – это Александр Михайлович Краснощеков, начавший революционную деятельность с 1896 г., прошедший через тюрьмы и ссылки и в ноябре 1902 г. уехавший за границу, в Берлин. С марта 1903 г. – жил в США, где в 1912 г. окончил университет в Чикаго (по юридическим и экономическим наукам). В 1917 г. вернулся в Россию через Владивосток. Там стал председателем правительства и министром иностранных дел Дальневосточной республики. В 1921-м вернулся в Москву и в 1922-м занял пост председателя Промбанка и заместителя наркомфина. Л.Ю. Брик познакомилась с ним летом 1922-го, когда он со своей дочерью Луэллой (его жена осталась в США) жил по соседству с Бриками и Маяковским на даче в Пушкино. Вскоре между Л.Ю. Брик и А.М. Краснощековым возник роман, о котором знал Маяковский. В сентябре 1923-го Краснощеков был арестован и заключен в Лефортово. В связи с этим арестом Москва полнилась слуха-

[30] *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М., 1991. С. 123.

[31] *Там же.* С. 125.

ми, и нарком Рабоче-крестьянской инспекции, секретарь ЦК РКП(б) В.В. Куйбышев в «Правде» и «Известиях» опубликовал 3 октября официальное сообщение о том, что установлены бесспорные факты использования Краснощековым крупных средств в личных целях (назывались устройства кутежей и использование крупных сумм для «обогащения родственников»). Добавим, что 12 февраля 1924 г. «Правда» напечатала статью «Дело Краснощекова», где сообщала:

> В ближайшее время судебная коллегия Верховного Суда начинает слушание дела о злоупотреблениях бывшего директора Промбанка Александра Краснощекова и шести его ближайших сообщников (среди которых был и его родной брат Яков). По распоряжению наркома Рабкрина В.В. Куйбышева была проведена ревизия и впоследствии дознание через органы ГПУ. Полученные материалы целиком подтвердили наличие злоупотреблений.

Далее шли главки: «Яков Краснощеков», «Злоупотребления в хозяйственном отделе банка», «Кутежи», «За счет Промбанка», «Растраты»...

Краснощеков был осужден на шесть лет тюрьмы. Его дочь поселилась у Л.Ю. Брик, они вместе регулярно носили Краснощекову передачи в Лефортово (вкусную пищу, лекарства, Уитмена по-английски...)[32]. Этого сюжета касается в книге «Загадка и магия Лили Брик» и писатель А. Ваксберг; в частности, он пишет, что Л.Ю. Брик «в промежутках между своими заграничными поездками пыталась использовать все свои связи, чтобы помочь Краснощекову, но пока ничего не получалось. Дело Краснощекова находилось под столь высоким патронажем, что даже Агранов (тогда зам.начальника Секретного отдела ГПУ, приятель Бриков и Маяковского. – *Б.Ф.*) и его отнюдь не маломощные коллеги преодолеть волю куда более высоких начальников не имели возможности»[33].

Тут, пожалуй, и следует привести текст записки Лили Брик Каменеву:

---

[32] *Янгфельдт Б.* Любовь это сердце всего. С. 30, 218–219, 227.

[33] *Ваксберг А.* Загадка и магия Лили Брик. М., 2003. С. 141.

Л.Ю. Брик – Л.Б. Каменеву

9 XI 24

Лев Борисович, звонила Вам по телефону три дня – так и не дозвонилась. Если можете найти для меня час времени – очень прошу Вас позвонить мне 67-10, чтоб условиться, когда и куда придти к Вам (может быть, удобнее Вам – ко мне?)

То, о чем хочу говорить с Вами касается лично меня – хотелось бы, чтобы никто не знал об этом.

Жму руку

Лиля Юрьевна Брик[34].

Подчеркнем, что в 1924 г. по своим официальным должностям (председательствующий на заседаниях Политбюро, заместитель председателя Совнаркома, председатель Совета труда и обороны, директор Института Ленина) Л.Б. Каменев являлся самой крупной государственной фигурой в СССР, едва ли не главным наследником Ленина. Тон записки Л. Брик свидетельствует о достаточно хорошем знакомстве Каменева с нею (чего стоит одно только предложение встретиться у нее дома!). Судя по всему, речь могла идти *только* о А.М. Краснощекове, и тогдашний уровень влияния Каменева был как раз таким, что именно он и мог бы остановить сильное давление влиятельного Куйбышева, в аппарате ЦК несомненно входившего в сталинский круг.

Неизвестно, состоялась ли встреча Л.Ю. Брик с Каменевым, но зато известно, что уже 20 ноября 1924 г. Краснощеков из Лефортовской тюрьмы был переведен в тюремную больницу[35] (он страдал наследственной бронхоэктазией[36]). О том, что произошло следом, А. Ваксберг пишет: «...примерно через две недели (после возвращения в Москву Маяковского 27 декабря 1924 г. – *Б.Ф.*) Краснощекова неожиданно освободили полностью – выписали из больницы и в тюрьму не вернули. Считать это косвенным признанием судебной ошибки, конечно, нельзя: своих "ошибок" советская юстиция старалась не признавать, приговор отменен не был, реабилитации не последовало. По

[34] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 163. Л. 74.

[35] *Ваксберг А.* Загадка и магия Лили Брик. С. 142.

[36] *Янгфельдт Я.* Любовь это сердце всего. С. 227.

чьему-то – несомненно, очень высокому – распоряжению Краснощекова просто отпустили на волю, сославшись на состояние здоровья. Такой гуманности за властями не замечалось – болезнь была просто удобным предлогом. Решающую роль все же сыграли связи – десять лет спустя они уже не помогали, только вредили»[37]. Это правда – в 1937 г. А.М. Краснощеков был расстрелян, как и В.М. Примаков – тогдашний муж Л.Ю. Брик (впрочем, сам-то Л.Б. Каменев был расстрелян еще в 1936-м, а Я.С. Агранов в 1938-м; В.В. Куйбышев умер еще в 1935-м...)

II. О разрешениях на выезд

В годы Гражданской войны многие писатели (из оказавшихся в тех регионах, что находились под властью белых) покинули Россию вместе с остатками их разбитых армий. Писатели, существовавшие в регионах под властью красных, простой возможности бежать на Запад не имели. Те из них, кого жизненные обстоятельства настойчиво толкали к тому, чтобы непременно уехать из России, пытались получить официальное разрешение на выезд, используя более-менее правдоподобную мотивацию (чаще всего – необходимость поправить плохое состояние здоровья). Такое разрешение в 1920 г. было дано, скажем, К.Д. Бальмонту, и поначалу за рубежом он вел себя лояльно по отношению к покинутому большевистскому режиму. Но с весны 1921 г., то есть со времени Кронштадтского восстания, Бальмонт позволил себе открытые выступления в эмигрантской печати с резкими антибольшевистскими статьями. Еще более резкими и враждебными по отношению к большевикам изначально были выступления А.И. Куприна, который благодаря войскам Юденича, захватившим Гатчину, покинул родину без разрешения большевистских властей. Антисоветские выступления бывших граждан Советской России аккуратно отслеживались ВЧК и докладывались в ЦК РКП(б). Понятно, что такая информация препятствовала положительным решениям об отъезде собирающихся за границу литераторов.

Наиболее трагичной в этом смысле была судьба А.А. Блока, преступный отказ в выезде которому привел к его гибели. Это решение все же не было чистым самодурством, и своя, равно-

[37] *Ваксберг А.* Загадка и магия Лили Брик. С. 143.

душная, логика у сторонников отказа была. Ожесточение Гражданской войны еще не остыло, и реакция на антибольшевистские публикации в эмигрантской печати уехавших из Советской России литераторов, их статьи, содержавшие резкие оскорбления в адрес не только режима в целом, но и в персональные адреса его лидеров, была возмущенной. Получалось так, что писатели, отпущенные за границу, вырвавшись на свободу, по существу, забывали своих, еще не получивших такого разрешения, коллег, закрывая им путь за границу. Л.Д. Троцкий, представивший в Политбюро просьбу об отъезде Ф.К. Сологуба, открыто написал ему об этом (на языке эпохи): «Мне незачем прибавлять, что то или другое Ваше содействие походу мировых эксплуататоров против трудовой республики чрезвычайно затруднило бы возможность выезда для многих других граждан»[38].

Документальная хроника 1921 г., касающаяся разрешения на выезд Блока за границу, выглядит как бюрократический триллер. 28 июня в записке в ЦК РКП(б) начальник Иностранного отдела ВЧК, ссылаясь на кампанию против Советской России, развязанную Бальмонтом, Куприным, Буниным, не считает дальше возможным удовлетворять ходатайства об отъезде. 30 июня секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро Молотов сообщает в Иноотдел ВЧК, что ЦК будет вносить в Оргбюро ходатайства об отъезде за границу, только когда ВЧК находит это нужным. 2 июля управделами Совнаркома Н.П. Горбунов представляет в ЦК пятистраничное дело о выдаче разрешения на поездку Блока, прося заключения, без которого ВЧК отказывается высказать свое мнение. 8 июля наркомпрос Луначарский, пытаясь привлечь наркоминдела Чичерина на свою сторону, пишет ему, что «общее положение писателей в России чрезвычайно тяжелое», и, в частности, что «особенно трагично повернулось дело с Александром Блоком». «Я предпринял все зависящие от меня шаги, – продолжает Луначарский, – как в смысле разрешения Блоку отпуска за границу, так и в смысле его устройства в сколько-нибудь удовлетворительных условиях здесь». Все эти попытки кончились ничем, и Луначарский в отчаянии заявляет: «Моей вины тут нет потому, что я никогда не отказывал ни на одно ходатайство, как Блока, так и других писателей того же типа, поддерживал всячески их просьбы, но со стороны Петроградских продо-

[38] Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 629.

вольственных и советских учреждений равно как и со стороны Особого отдела я наталкивался либо на прямой отказ, либо на систематическое неисполнение принимаемых на себя обязательств (например, с академическим пайком). Между тем перед общественным мнением России и Европы я являюсь в первую голову ответственным за подобные явления. Поэтому я еще раз в самой энергичной форме протестую против невнимательного отношения ведомств к нуждам крупнейших русских писателей и с той же энергией ходатайствую о немедленном разрешении Блоку выехать в Финляндию для лечения»[39].

11 июля Луначарский пишет в ЦК, отправив копию Ленину, настаивая, как и Горький, на необходимости отпустить Блока в Финляндию, и просит ЦК повлиять на Менжинского, который в тот же день напоминал ЦК, что за Бальмонта тоже ручались Луначарский и Бухарин, а потому Блока отпускать нельзя, надо ему улучшить жизнь здесь. Наконец, 12 июля пять членов Политбюро обсудили ходатайство Луначарского и Горького о разрешении Блоку уехать (Троцкий и Каменев голосовали «за», Ленин, Зиновьев и Молотов – «против»). В итоге ходатайство было отклонено. После этого Горький пишет письмо Ленину, что Блок умирает и что последнее постановление Политбюро – выражение странной, подозрительной политики. 16 июля Луначарский пишет в ЦК (отправив копию Ленину), высказывая свое возмущение постановлением Политбюро. После всего этого Каменев в письме Молотову сообщает, что на заседании Политбюро за то, чтоб Блока отпустить, голосовали двое, но теперь Ленин изменил свою позицию о поездке Блока и надо пересмотреть вопрос. В итоге всех итогов 23 июля Политбюро переголосовало: «за» – Троцкий, Каменев, Ленин, «против» – Зиновьев, воздержался Молотов. Блока отпустили. Реализовать это должны были в Петрограде, то есть все тот же Зиновьев. Очевидно, что резкие ходатайства перед Лениным Луначарского и Горького позволили Каменеву уговорить Ленина и решить вопрос положительно. К сожалению, было потрачено слишком много времени. Оперативных мер для реализации положительного решения Политбюро в Петрограде не приняли, и 7 августа Блок умер[40].

---

[39] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 20–22.

[40] Власть и художественная интеллигенция. С. 24–29.

Вот еще два сюжета.

1. Тяжкая морока Федора Сологуба

В 1919–1921 гг. просьбы разрешить временный выезд за границу ему и его жене писательнице Ан. Чеботаревской Федор Сологуб подавал неоднократно. Первый документ, связанный с этим, таков:

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходатайстве Ф.К. Сологуба о выезде за границу

20 декабря 1919 г.

п. 14. Переданное т. Троцким ходатайство Сологуба о разрешении ему выехать за границу. Отклонить. Поручить комиссии по улучшению условий жизни ученых включить в состав обслуживаемых ею крупных поэтов и литераторов, в том числе Бальмонта и Сологуба[41].

В 1920-м Сологуб продолжает свои попытки; 26 февраля он пишет В.И. Ленину, сообщая ему, что обращения к Луначарскому и Троцкому ничего не дали, просит председателя Совета народных комиссаров разрешить выехать с женой «для лечения и устройства литературных дел»[42]. Ответа снова нет. Следующее обращение – к Каменеву:

Ф.К. Сологуб – Л.Б. Каменеву

Петроград. В.о. 10 линия 5, кв.1
6 мая 1920 г.

Многоуважаемый Лев Борисович,
Решаюсь обратиться к Вам, как к человеку, близко стоящему к делу литературы и, вследствие этого, к психике писателя. Уже неоднократно я об-

[41] Власть и художественная интеллигенция. С. 14.
[42] Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 521.

ращался к лично мне известным Народным комиссарам Луначарскому и Троцкому с просьбой дать мне разрешение на поездку за границу; этого настоятельно требует совершенно расстроенное условиями петербургской жизни здоровье мое и моей жены, Анастасии Ник. Чеботаревской, а также полная невозможность существовать здесь на сдельный заработок переводчика. За последние три года я, несмотря на наличие законченных произведений, не имел возможности ничего печатать и должен был заниматься исключительно переводами, чтобы елееле влачить самое убогое существование, между тем как за границей находятся издатели, желающие печатать мои книги на русском языке и в переводах. Согласитесь, что такое положение дел совершенно ненормально и надо наконец прямо поставить вопрос, нужна ли сейчас России литература, нужны ли поэты, и если нет, честно признать это (может быть, и вправду не до литературы!), и тогда не препятствовать писателям временно выезжать за границу для устройства своих литературных дел. Повторяю то, что я уже не раз писал в своих о ходатайствах: я очень люблю Россию, и даже временная разлука с нею для меня тяжела; я не политик и не публицист и никакою активной политикой никогда не занимался; я смотрю на явления и на людей, как поэт и беллетрист, подходя к ним, конечно, не с классовым, а только с художественным критериумом. В прошлом моем и моей жены было оказано достаточно много услуг делу освобождения России, достаточно для того, чтобы люди, имеющие глаза, уши и не затемненный разум, могли дать себе отчет в наших политических симпатиях; кроме того, ответ на подобные вопросы я дал в двадцати томах своих сочинений, а мой долг народу уплатил 25-летним служением в качестве народного учителя. В настоящее время я лишен даже грошовой учительской пенсии, потерял мою страховку на дожитие, неоднократно был выселяем с квартиры и с арендуемой мною дачи под Костромою, куда мы с женой вло-

жили наш личный труд и трудовые деньги. Я болен, но все-таки должен ежедневно гнуть спину над переводами, чтоб заработать то на фунт сахару, то на фунт масла, которые приходится покупать по фантастическим ценам вольного рынка.

Очень прошу Вас оказать мне и моей жене содействие в получении разрешения выехать на короткое время хоть на 2–3 месяца за границу для лечения, отдыха и устройства моих литературных дел. Если для получения разрешения необходимо нам лично побывать в Москве, то не откажите любезно уведомить меня об этом по выше означенному моему петроградскому адресу.

С приветом

Федор Сологуб[43].

Л.Б. Каменев передал решение этого вопроса А.В. Луначарскому, и 29 мая 1920 г. коллегия Наркомпроса, заслушала сообщение «О командировке за границу писателей Ф. Сологуба и А. Чеботаревской». Постановление ее было отрицательным: «Ввиду крайней затруднительности в настоящий момент выезда за границу, ходатайство Ф. Сологуба и А. Чеботаревской о разрешении им выезда за границу отклонить»[44].

В сентябре 1920 г. Сологуб снова обращается к Троцкому, прося разрешить себе и А. Чеботаревской временный выезд в Ревель (теперь Таллин).

30 сентября Троцкий ему отвечает: «Я не вхожу в обсуждение Ваших замечаний об "унизительности" хлопотать о галошах и чулках в истощенной и разоренной стране и о том, что будто бы эта "унизительность" усугубляется "литературным положением. Что касается Вашей деловой поездки в Ревель, то, по наведенным мною справкам, мне было заявлено, что препятствий к ней не встречается. Я сообщил, со слов Вашего письма, что Вы не преследуете при этом целей политического характера. Мне незачем прибавлять, что то или другое Ваше содействие походу мировых эксплуататоров против трудовой республики чрез-

[43] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 36–37.

[44] Приводится по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград 1917–1920 гг. С. 552.

вычайно затруднило бы возможность выезда для многих других граждан»[45].

В этот день 30 сентября Сологуб был в Москве, где в Дворце искусств состоялся вечер его поэзии «в авторском исполнении»; просьбу Сологуба Троцкий, так же как и Каменев, передает Луначарскому. На сей раз 5 октября коллегия Наркомпроса сообщает в Наркомат иностранных дел, что «к выезду в Ревель писателя Ф. Сологуба и А.Н. Чеботаревской со стороны Коллегии НКП препятствий не встречается»[46]. Какие-то препятствия, тем не менее, где-то встретились и выезд Сологуба не состоялся.

Наконец, 5 июня 1921 г. Сологуб повторно обращается к Ленину с просьбой о временном выезде за границу. Ленин передает эту просьбу в ВЧК. В секретном письме Иностранного отдела ВЧК в ЦК РКП(б) 28 июня подтверждается, что у них находятся заявления Блока, Венгеровой и Сологуба, но в связи с «самыми гнусными измышлениями» Бальмонта, Куприна и Бунина, «ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства...»[47]

В итоге Политбюро, рассмотрев 12 июля вопрос о разрешении на выезд Блоку и Сологубу, постановило выезд разрешить одному Сологубу, о чем ему и телеграфировал Троцкий...

Полученным разрешением, одновременно означавшим смерть Блока, Сологуб воспользоваться не мог, а 23 сентября 1921 г. А.Н. Чеботаревская покончила с собой, и новых прошений о выезде Сологуб, умерший в 1927 г., не подавал...

2. Вяч. Иванов ходатайствует за своего переводчика

Как пишет в своих воспоминаниях дочь поэта Вячеслава Иванова Лидия: «В 1918 году я решила, что нужно найти заработок, чтобы помогать семье. Я заявила Вячеславу:

– Я хочу поступить на службу к большевикам.

Вячеслав не удивился

– Ах да? Я слышал, что в Наркомпросе есть музыкальный отдел и во главе Артур Лурье. Это тот молодой человек, который ко мне приходил показывать свои стихи на Башню. Я тебе

---

[45] Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград 1917–1920 гг. С. 628–629.

[46] *Там же*. С. 628.

[47] Власть и художественная интеллигенция. С. 20-21.

дам к нему письмо»[48]. С этим письмом Лидия Иванова заявилась в Наркомпрос, и ее приняли на работу в Музыкальный отдел. А затем ее отца, Вячеслава Иванова, пригласили заведовать историко-театральной секцией Театрального отдела, которым тогда руководила О.Д. Каменева. 4 августа 1919 г. Вячеслав Иванов посвятил ей следующее стихотворение, которое обнаружил в архиве ИМЛИ и опубликовал Дж. Мальмстад:

Во дни вражды междуусобной
Вы, жрица мирная народных эвменид,
Нашли в душе высокой и незлобной,
Что просвещенных единит.

И разные, но все с мечтой вольнолюбивой
О славе новых зорь и в мир идущих Муз,
Сомкнулись в трудовой союз
Вкруг Вас, порывистой, вкруг Вас, нетерпеливой.
И полюбились нам Ваш быстрый гнев и лад,
Нрав опрометчивый, и Борджий профиль властный,
И черных глаз горячий взгляд,
Трагический, упорный, безучастный...

И каждый видит Вас такой, – но каждый рад
Вновь с Вами ратозать, товарищ наш прекрасный[49].

Стихотворение это менее всего можно считать подобострастным и панегирическим, но о добром расположении автора к его героине оно, несомненно, говорит.

В марте 1920 г. Вяч. Иванов обращался к А.В. Луначарскому с просьбой о финансовой помощи для своей поездки за границу. Коллегия Наркомпроса рассматривала этот вопрос, Луначарский вел переговоры с Наркоминделом, после чего сообщил В.И. Ленину о своей рекомендации разрешить Вяч. Иванову выезд за границу, но поездка из-за отсутствия финансовых возможностей так и не состоялась[50]. В августе 1920 г. Вяч.И. Иванов отправился в Баку, откуда в 1924 г. уехал уже за границу.

[48] *Иванова* Л. Воспоминания. Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 78.

[49] *Там же*. С. 80–81.

[50] См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 528.

Вольфганг Грёгер (Groeger Wolfgang E.) – живший в России немецкий поэт и переводчик русской поэзии и прозы. Первая мировая война разделила его с семьей; его дальнейшее пребывание в России было лишено всякого смысла. Дочь Вяч. Иванова упоминает в мемуарах о встрече с Грёгером в санатории в Серебряном бору в 1919 г.[51]. Своими проблемами он поделился с Вячеславом Ивановым, попросив посодействовать ему по части разрешения на проезд к семье. Вячеслав Иванович обратился к Каменеву.

Вяч.И. Иванов – Л.Б. Каменеву

6 мая 1920

Глубокоуважаемый Лев Борисович.

Беру смелость направить к Вам Вольфганга (Владимира Николаевича) Грёгера, даровитого немецкого поэта, уроженца Риги. Ему хочется пробраться в Германию, как в целях литературной деятельности, так и потому, что там живет его семья. Он был застигнут войной в Германии и выслан оттуда, как русский подданный. Он нуждается во влиятельной рекомендации в <1 слово *нрзб.*>, точнее к т. Эйдуку[52]: там обещали ему, при условии такой рекомендации, доставить его в Латвию. Может быть, Вы найдете возможным помочь ему, чем и меня премного обяжете.

С глубоким уважением
Душевно преданный Вам

Вячеслав Иванов[53].

[51] *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 84.

[52] А.В. Эйдук – заведующий следственной частью Военного отдела ВЧК, затем работник особого отдела ВЧК, в 1919 г. член коллегии ВЧК, затем председатель Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах (Центропленбежа), именуемый в воспоминаниях члена президиума ВСНХ Ю.В. Ломоносова «чекистом с сомнительной репутацией и без всякого понятия о железнодорожном деле» (Минувшее. М.; СПб., 1992. Т. 10. С. 28).

[53] РГАСПИ Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 163. Л. 41.

Ходатайство Вяч. Иванова помогло, и В. Грёгер вскоре оказался в Берлине, где уже в 1922 г. увидели свет его переводы на немецкий, в частности поэмы Александра Блока «Двенадцать» и стихов Вячеслава Иванова (W. Iwanow, Klüfte. Über die Krisis des Humanismus. Berlin 1922). 28 января 1923 г. Борис Зайцев писал из Берлина Ивану Бунину: «Ваша книга появилась здесь у Фишера. Переводчик и поэт В. Грёгор говорил мне, что она имела большой успех...»)[54].

Переписка, которую вел Вольфганг Грёгер с Освальдом Шпенглером в 1923–1924 гг., опубликована в Гамбурге в 1987 г.[55]. Имя Грёгера встречается и на берлинских страницах «Камерфурьерского журнала» Владислава Ходасевича...

III. О жилище

1. Московские напасти Владислава Ходасевича

Поэт Владислав Фелицианович Ходасевич родился в Москве в 1886 г., а в ноябре 1920-го из Москвы бежал в Петроград, где, как ему тогда показалось, он прижился и воскрес. Ходасевич был человеком больным; болезни преследовали его и одолевали упорно; начиная с 1916 г. он страдал туберкулезом позвоночника, носил корсаж, и спасали его только поездки в Крым. О предотъездных московских годах в берлинской (1922 г.) автобиографии Ходасевича рассказывается коротко: «Весной 1918 года началась советская служба и вечная занятость не тем, чем хочется и на что есть уменье: общая судьба всех, проживших эти годы в России. Работал сперва в театрально-музыкальной секции Московского Совета, потом в ТЕО Наркомпроса, с Балтрушайтисом, Вяч. Ивановым, Новиковым. Читал в московском Пролеткульте о Пушкине...»[56]. В мемуарах, написанных Ходасевичем в эмиграции, чувствуется, как при воспоминаниях о кошмарной московской жизни эпохи военного коммунизма злость и негодование захлестывают его и острие жала направляется на большевистских лидеров – чем дальше уходило прошлое, тем

[54] См.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15. М.;СПб., 1994. С. 184.

[55] Этот и другие факты, относящиеся к фигуре В. Грёгера, содержатся в работе К.М. Азадовского «Вячеслав Иванов и Рильке. Два ракурса» // Русская литература. 2006. № 3. С. 115–127.

[56] *Ходасевич В.* Т. 4. С. 187–188.

злее Ходасевич думал о Кремле. Поскольку из кремлевского ареопага ему довелось общаться лишь с Л.Б. Каменевым, то именно на него и выплескивался весь заряд негодования; ну, и, конечно, на О.Д. Каменеву, под началом которой пришлось служить в Наркомпросе: «К концу 1918 года, в числе многих московских писателей (Бальмонта, Брюсова, Балтрушайтиса, Вяч.Иванова, Пастернака и др.), я очутился сотрудником ТЕО, то есть Театрального отдела Наркомпроса. Это было учреждение бестолковое, как все тогдашние учреждения. Им заведовала Ольга Давыдовна Каменева, жена Льва Каменева и сестра Троцкого, существо безличное, не то зубной врач, не то акушерка. Быть может, в юности она игрывала в любительских спектаклях. Заведовать Тео она вздумала от нечего делать и ради престижа»[57]. Работа под началом О.Д. Каменевой дала Ходасевичу возможность обратиться к ее супругу, прося помочь по квартирной части. В письме к Л.Б. Каменеву срок своим непрерывным житейским бедам Ходасевич отсчитывает с 1904 г.; из письма ясно также, что это не первый контакт поэта с председателем Моссовета:

В.Ф. Ходасевич – Л.Б. Каменеву

3 июля 1919

Многоуважаемый Лев Борисович,

15 лет, проведенные в шкуре российского стихотворца, т.е. 15 лет каторжного труда, эксплоатации и попыток урвать в месяц полдня для действительного творчества, а не литературной поденщины, принесли мне в результате сырой полуподвал на окраине города, обставленный мебелью с толкучего рынка, туберкулез позвоночника и непрестанную, томительную тревогу только об одном: смогу ли я завтра работать? При всем том я считал себя «устроенным».

Минувшую зиму провел я в валенках, под шубой сбившись с семьей в одну комнату, отопляемую самоварами и теснотой. Мечтал о лете, как времени для работы. Оно настало, и, преодолевая всякие препятствия: полуголодную жизнь, двухнедельную

[57] *Ходасевич В.* Т. 4. С. 241.

испанку, отсутствие света, дальние расстояния, хлопоты с мобилизацией (я *дважды* получал освобождение как незаменимый работник, и пять раз белый билет по болезни, а 11 июля буду проделывать все это еще по разу) – словом, борясь со всеми затруднениями, я было принялся за работу. Но теперь – новая беда.

Живу я с женой, пасынком 2 лет и прислугой (жена служит). Но горе в том, что эти четыре человека (включая меня) размещены в клетушках, из которых ни в одной не поставишь двух кроватей. Но их целых шесть, что, на бумаге, делает меня прямо-таки буржуем. Поэтому, несмотря на подвал, жилищный отдел Хамовнического Совета решил меня «уплотнить», поселив ко мне других жильцов из этого же дома. Это значит, что пока тепло и можно пользоваться всей квартирой, я, нервничая и слушая за перегородкой идиотские и обывательские разговоры о муке, дороговизне, «кооперации» и т.д., вновь буду лишен возможности работать, а с наступлением холодов, когда едва ли не всем, с новыми жильцами вместе, придется перебираться в две, а то и в одну комнату – настанет для меня жизнь, вовсе невыносимая. Даже служба моя требует домашней работы, т.е. тишины, которой я не смогу добиться от чужих людей. Отнять у меня тишину в доме – то же, что лишить столяра верстака, рабочего выгнать с фабрики. Это понял даже тот мальчик, который приходил ко мне из жилищного отдела. Он *видел* мою квартиру. Но этого не поняло его начальство, заочно решивши меня уплотнить, несмотря на представленную копию Вашего письма (№ 3174). Исполнило ли оно то, что сказано в письме, запросило ли Вас? Я уверен, что нет.

Простите, что беспокою Вас. Мне совестно это делать, зная, как Вы заняты. Но я все же надеюсь, что, зная писательское житие не понаслышке, Вы захотите что-нибудь сделать для меня и моей семьи, для избавления нас от этого бедствия. Я не преуве-

личиваю. Ольга Давыдовна (Каменева. – *Б.Ф.*) зимой не раз спрашивала, «не нужно ли мне что-нибудь». Я благодарил, говоря, что у меня все есть. Но вот – теперь истинная беда: я лишен возможности работать. Это ужасно и морально, и материально.

Домовой комитет предупредил меня, что *сегодня* я получу бумагу о вселении. Я потому-то и бью тревогу. Потом будет труднее освободиться от людей, уже вселившихся в квартиру.

Еще раз – простите.

Уважающий Вас *Владислав Ходасевич*

Мой адрес: Плющиха, 7-й Ростовский пер., д. 11, кв. 24. Владиславу Фелициановичу Ходасевичу тел. 4-53-9[58].

О дальнейших месяцах жизни Ходасевича рассказывается в его автобиографии 1922 г.: «Зиму 1919–1920 года провели ужасно. В полуподвальном этаже нетопленого дома, в одной комнате, нагреваемой при помощи окна, пробитого – в кухню, а не в Европу. Трое в одной маленькой комнате, градусов 5 тепла (роскошь по тем временам). За стеной в кухне спит прислуга. С Рождества, однако, пришлось с ней расстаться: не по карману. Колол дрова, таскал воду, пек лепешки, топил плиту мокрыми поленьями. Питались щами, нелегально купленной пшенной кашей (иногда с маслом), махоркой, чаем с сахарином...»[59]

К Каменеву Ходасевич по квартирным делам обращался, по крайней мере, еще раз, о чем писал в «кремлевских» мемуарах «Белый коридор», где чете Каменевых посвящены две из трех главок – «Званый вечер у Каменевых» (о визите вместе с Вячеславом Ивановым, Балтрушайтисом, Чулковым... по приглашению О.Д. Каменевой к ним в Кремль) и «У камелька в семье Каменевых» – о том, как в начале 1920 г. Ходасевич, уже не работавший в ТЕО, а руководивший московским отделением горьковского издательства «Всемирная литература» и Московской книжной палатой, позвонил председателю Моссовета с

[58] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 65.
[59] *Ходасевич В.* Т. 4. С. 187–188.

просьбой дать ему письмо в центральный жилотдел, чтобы помогли с ремонтом жилья. Каменев в ответ пригласил его к себе домой, в Кремль. О визите к «мэру Москвы» и разговоре с ним Ходасевич вспоминал: «Я изложил Каменеву свое дело. Он долго молчал, а потом ответил мне так:

– Конечно, письмо в жилищный отдел я могу вам дать. Но поверьте – вам от этого будет только хуже.

– Почему хуже?

– А вот почему. Сейчас они просто для вас ничего не сделают, а если вы к ним придете с моим письмом, они будут делать вид, что стараются все устроить. Вы получите кучу адресов и только замучаетесь, обходя свободные квартиры, но ни одной не возьмете, потому что пригодные для жилья давно заняты, а пустуют такие, в которые вселиться немыслимо»[60].

В итоге письмо в жилотдел Ходасевич все же стребовал. Вручив его, Каменев отбыл по делам, а его супруга задержала поэта, чтобы побеседовать с ним об искусстве. Этой беседе Ходасевич уделил семь страниц текста, ни слова не сказав, чем же закончились его квартирные муки... Определенно известно лишь, что в конце 1920 г. Ходасевич из Москвы перебрался в Петроград, надеясь с помощью Горького улучшить условия своего существования. Когда Горький уехал в Германию, Ходасевич последовал за ним, оставив в Петрограде жену и пасынка. Поселился в Берлине, потом у Горького в Саарове, а в 1924-м перебрался в Париж, где и прожил до конца своих дней, то есть до 1939 г.

2. М. Горький просит не «уплотнять» сына своей гражданской жены

Актриса МХТ Мария Федоровна Андреева (по первому мужу Желябужская) имела дочь и сына, когда (в 1905 г.), оставив Художественный театр, стала гражданской женой М. Горького. Уже раньше, помимо театра, сильным увлечением Марии Федоровны была (и осталась) политика – всю жизнь она хранила верность наиболее радикальному крылу российской социал-демократии – большевикам (с Лениным ее связывали безусловно дружеские отношения). Используя всероссийскую славу Горького, она добывала для большевиков необходимые им дозарезу день-

[60] *Ходасевич В.* Т. 4. С. 254.

ги. Андреева с детьми жила у Горького на Капри, потом в петроградской квартире Горького на Кронверкском. После Октябрьской революции в Петрограде она была одним из основателей и ведущей актрисой БДТ. Но уже в ту пору у Андреевой были напряженные отношения с местным диктатором Зиновьевым; из-за соперничества с О.Д. Каменевой испортились отношения и с ее мужем. Но Ленин всегда оставался ее главной и надежной опорой. В 1919–1921 гг. Андреева была комиссаром театров и зрелищ Петрограда (вернее Союза коммун Северной области), а с 1921 г. восемь лет заведовала художественно-промышленным отделом советского торгпредства в Берлине; в 1931 г. она стала директором Московского дома ученых…

Не вдаваясь в подробности непростой истории длительных и неровных взаимоотношений Горького с Андреевой, обратимся к ее сыну. До того, как Юрий Желябужский стал известным кинорежиссером, оператором и сценаристом, он с 1909 г. жил с матерью у Горького на Капри, а в 1914-м – в его петроградской квартире на Кронверкском.

Кинематографом начал заниматься с 1915 г. и перебрался из Петрограда в Москву. В 1917-м снимал политическую хронику; в 1918-м провел съемки Ленина, поправлявшегося после выстрела Каплан (это был его, едва ли не главный, советский козырь). В 1924 г. вышел на экраны его, пожалуй, самый известный и популярный фильм – «Папиросница из Моссельпрома»; в последние десятилетия жизни Желябужский служил профессором ВГИКа.

Считалось, что в квартире Желябужского (не сказать, чтобы великих размеров, без ванной) была комната для М.Ф. Андреевой, в которой она могла остановиться при наезде в Москву. Тем не менее, в 1921 г., когда Андреевой не было в Москве, эту квартиру московский жилотдел (возможно, и понятия не имевший об особых заслугах Марии Федоровны перед большевиками и лично В.И. Лениным) попытался уплотнить.

Горький в это время как раз был в Москве, и Желябужский бросился к нему. Алексей Максимович тут же написал письмецо:

М. Горький – Л.Б. Каменеву

Дорогой Лев Борисович!

Очень прошу Вас принять и выслушать Юрия – сына Марии Федоровны.

Его квартиру свирепо и нелепо уплотняют, так что нет свободной комнаты ни для него, ни для Марии Федоровны. Не повлияете ли Вы на Жилищный отдел, дабы он отнесся к этому делу несколько более разумно и гуманно?

В крайнем случае – задержите процесс уплотнения до приезда М.Ф. – она будет здесь в начале той недели.

Очень прошу Вас об этом.

Крепко жму руку

М. Горький

3 II 21 Москва.

Просьба Желябужского была Каменевым удовлетворена, но, когда в конце 1921 г. М.Ф. Андреева приехала в Москву, она разместилась в кишевшей клопами гостинице «Савой». Новый, 1922-й, год Андреева встречала у сына. В дневниковых записях Марии Федоровны сохранилось описание его квартирки, которую отстояли с помощью такой тяжелой артиллерии, как председатель Моссовета: «<...> я встречала Новый год у Юры. Пришла к ним в 9 ч. вечера – они мылись. В столовой на полу поставили корыто, на плите-печке в той же комнате кипит большой котел воды, на полу другой котел с холодной водой и ковш висит сбоку... Тут же на буфете приготовлен ужин, накрытый белым вышитым полотенцем с широким кружевом, на этот раз очень обильный, с закусками и даже графин водки – небольшой. Вымылись, вытерли пол, накрыли стол чистой скатертью и баня снова обратилась в столовую...»[61]

IV. О пайках, изъятых рукописях, невыпущенных книгах, о защите от нападок

1. Пайки 1-й категории

(Ю. Балтрушайтис борется за писателей)

Когда Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» вспоминал Москву 1918 г., образ Ю.К. Балтрушайтиса возник перед ним сам собой: «Председателем Всероссийского Союза писателей

[61] Дневниковые записи М.Ф. Андреевой // Знамя. 1994. № 6. С. 135.

был Юргис Казимирович Балтрушайтис, человек очень добрый и очень угрюмый. Лицо у него было пустынное, бледные глаза, горестно сжатый рот <...>. Мне кажется, что те годы были для Юргиса Казимировича лучшими в его жизни. (В 1921 году он стал послом Литвы в Москве. Ему хотелось по-прежнему встречаться с писателями, но он числился дипломатом, и его дипломатично избегали)[62]». Следует добавить, что в конце 1918 г. Балтрушайтис, еще не ставший литовским посланником, пошел служить в Наркомпрос, где стал заведовать секцией. Именно у него в секции служил и Ходасевич, вспоминавший потом: «Мы составляли репертуарные списки для театров, которые не хотели нас знать. Мы старались протащить классический репертуар: Шекспира, Гоголя, Мольера, Островского. Коммунисты старались заменить его революционным, которого не существовало. Иногда приезжали какие-то "делегаты с мест" и, к стыду Каменевой, заявляли, что пролетариат не хочет смотреть ни Шекспира, ни революцию, а требует водевилей...»[63]. В итоге, с одной стороны, Балтрушайтис хорошо знал, каково живется московским писателям той поры, а с другой, как чиновник Наркомпроса, имел некоторую возможность отстаивать писательские права перед московскими чиновниками. Продовольственные пайки, определявшие тогда самую возможность существования, были разделены советской властью на три классовые категории. По точному слову А.М. Ремизова, «русские ученые и писатели определены были в 3-ю категорию и подыхали, падали, как в ту пору лошади»[64]. Вопрос о повышении категории писательских пайков был поставлен на Политбюро ЦК РКП(б) и 16 августа 1919 г. оно приняло Постановление о продовольственном снабжении писателей: «Удовлетворить просьбу Моск. проф. союза писателей о переводе их в первую категорию, считая их труд общественно необходимым и полезным»[65]. Однако в ту пору исполнительная дисциплина чиновников на местах еще не гарантировала обязательного выполнения решений высшего органа политической власти. Продотдел Моссовета отказался снабжать писателей по более высокой категории, Балтрушайтис обжаловал это решение в Президиуме Моссовета и предусмотрительно под-

[62] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. I. С. 283, 284.

[63] *Ходасевич В.* Т. 4. С. 241–242.

[64] Русская книга. Берлин. 1921. № 9. С. 29.

[65] Власть и художественная интеллигенция. С. 13.

ключил к обсуждению самочинства Продотдела лично председателя Моссовета. Вот его письмо Л.Б. Каменеву, написанное на бланке Московского профессионального Союза писателей:

Ю.К. Балтрушайтис – Л.Б. Каменеву

Председателю Московского Совета Р.К.Д. тов. Л.Б. Каменеву

Глубокоуважаемый Лев Борисович,

Окончательно выяснилось, что продовольственный отдел отказывает Профессиональному Союзу в переводе его членов в I-ую категорию классового пайка. Так как вопрос будет обжалован завтра в президиуме, всемерно ходатайствую о защите и подтверждении социальных прав нашего труда, признанного постановлением ЦК РКП общественно-необходимым.

25 сент. 1919 Председатель Правления

Ю. Балтрушайтис[66].

В октябре 1919 г. писатели паек 1-й категории получили.

2. Рукописи

(*А.М. Ремизов просит вернуть изъятые бумаги*)

О советских годах Алексея Михайловича Ремизова, проведенных в Петрограде, рассказывается в написанных в Эстонии автобиографических заметках (написаны они лояльно к советскому режиму – в них даже не упоминается о том, что в ночь с 13 на 14 февраля 1919 г. Ремизов был арестован и отправлен в ЧК вместе с Блоком, Замятиным, А. Штейнбергом и др., правда, 15 февраля отпущен). Приведем из этих заметок пунктир советской жизни Ремизова:

«С 1 V 1918 по 15 XI 1919 служил в ТЕО (Театральном Отделе): член историко-теоретической и репертуарной секций, непременный член Бюро ТЕО, заведующий русским театром репер.

[66] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 73.

секции. С 15 XI 1919, когда в Петербурге похерили ТЕО, назначен в ПТО (Петербургское Театральное Отделение) членом репертуарной коллегии. 15 VI 1921 уволился по болезни: головные боли, не отпуская, мучили всю зиму. Театральное служение прошло под началом заведующих: О.Д. Каменевой, М.Ф. Андреевой…

<В эссе «К звездам», посвященном памяти Блока, Ремизов писал: «1918 год. Наша служба в ТЕО – О.Д. Каменева – бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло…». В этом же эссе написано, что мысль об отъезде за границу появилась у Ремизова еще в январе 1920… – в 1919–1920 гг. работал во «Всемирной Литературе»>.

С 1 VI 1920 – 15 VII 1921 был лектором Теории прозы на Словесном отделении Факультета Искусств в Красноармейском университете имени т. Толмачева… С 15 VII само собой уволился за сокращением лекторов….

С 15 окт. 1920 заступлением Горького был зачислен на ученый (академический) паек при “Доме ученых” вместе с Сологубом, Кузминым, Блоком и Гумилевым. В 1919 г. был избран членом “Дома искусств” и состоял сотрудником ж<урнала> “Дом Искусств”.

5 VIII 1921 по беженскому билету уехал из России за границу, чтобы “прикоснувшись к старым камням Европы, набраться силы и вернуться назад в Россию, – русскому писателю без русской стихии жить невозможно”»[67].

Незадолго перед тем, в июне 1921 г., Ремизов подал прошение о временном выезде за границу А.В. Луначарскому и 8 июня получил удостоверение, подписанное Луначарским: «Настоящим удостоверяю, что Народный Комиссар по просвещению находит вполне целесообразным дать разрешение писателю Алексею Ремизову временно выехать из России для поправки здоровья и приведения в порядок своих литературных дел, т.к. его сочинения издаются и сейчас за границей вне поля его непосредственного влияния»[68].

8 июля 1921 г. Луначарский писал в Наркоминдел: «Общее положение писателей в России чрезвычайно тяжелое. Вам, вероятно, известно дело об отпуске за границу Сологуба и просьба о том же Ремизова и Белого…»[69]

---

[67] Русская книга. Берлин. 1921. № 9. С. 29–30.

[68] Приводится по комментариям А.М. Грачевой к кн.: *Ремизов А.* Собр. соч. Т. 5. М., 2001. С. 602.

[69] Власть и художественная интеллигенция. С. 22.

В итоге разрешение на выезд Ремизов с женой получили и поездом отправились в Ревель (нынешний Таллин). Судя по некоторым источникам, провоз своих рукописей (роман «Плачужная канава», рабочие тетради и др.) Ремизов доверил некоему знакомцу, у которого они были изъяты при обыске на русско-эстонской границе в Ямбурге.

Список изъятых бумаг, состоящий из 13 позиций, Ремизов отправил почтой Л.Б. Каменеву, М.О. Гершензону (Союз писателей), секретарю Наркоминдела Чичерина А.Г. Котельникову, режиссеру детского театра в Москве Г.М. Паскар (для ознакомления А.В. Луначарского), Ю.К. Балтрушайтису, а также в петербургское отделение Союза писателей и в Дом искусств[70].

Остановившись в Ревеле, Ремизов стал хлопотать о германской визе[71] и вскоре ее получил. Из Берлина он долго продолжал добиваться получения изъятых на границе рукописных материалов. Известие о том, что его изъятые на границе рукописи целы, Ремизов получил от О.Д. Каменевой; возможно, эту информацию от Каменевой привез кто-то из знакомых Ремизова. Вряд ли, однако, это был Пильняк, приехавший в Берлин 11 февраля 1922 г. и поселившийся у Ремизова в Шарлоттенбурге, иначе бы Ремизов сразу же написал Каменеву. Ремизов написал Каменеву лишь в марте:

А.М. Ремизов – Л.Б. Каменеву

18 III 1922

Многоуважаемый Лев Борисович,

очень Вам благодарен – Ольга Давыдовна передала мне, что рукописи мои целы и Вы дадите их мне.

Я очень хотел бы хоть сейчас вернуться в Россию, но я не могу этого сделать по своему бессилию, но как только наберусь сил, будем просить Вас о разрешении вернуться нам домой[72].

---

[70] Сообщено Е.Р. Обатниной.

[71] См., например, его письмо из Ревеля в Берлин 27 августа 1921 г. профессору А.С. Ященко, редактору журнала «Русская книга» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983. С. 165–166).

[72] Эту мысль он многократно повторял многим людям, не только Каменеву и Луначарскому.

Если бы я не уехал, чувствую – знаю, не поднялись бы.

Прошу Вас, пришлите рукописи сюда в Берлин.
Захару Григорьевичу Гринбергу[73] для меня

Zietzenburger str. 11
Kirchst. 2
Charlottenburg-Berlin
Alexei Remizow
Алексей Ремизов

Кланяйтесь Михаилу Осиповичу Гершензону.
Когда выйдут мои книги пришлю Вам и ему[74].

Письмо Ремизова могло быть получено Каменевым числа 20–21 марта. Вопрос о том, как именно рукописи доставили их автору, не вполне ясен. Комментатор сочинений Ремизова А.М. Грачева пишет, что после изъятия бумаг на границе «рукописи оказались у Л.Б. Каменева и при помощи А.И. Рыкова возвращены Ремизову»[75], и следом приводится письмо от 27 марта 1922 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Ко мне обратились в Берлине от Вашего имени с просьбой найти отобранные у какого-то жулика на границе РСФСР и принадлежащие Вам рукописи и литературный материал. Настоящим препровождаю их Вам и надеюсь, что при обратном возвращении в Россию Вы не будете прибегать к содействию сомнительных лиц. *А.И. Рыков*». Это письмо изображает дело так, как будто бы Рыков был озадачен ремизовскими рукописями совершенно независимо от Каменева и сразу же отправил их автору. Между тем в книге Н.В. Кодрянской «Алексей Ремизов» приводятся слова героя книги: «Много было хлопот освободить – немалый срок прошел, и только в Париже 1923 г. вернулась ко мне моя “жемчужная” рукопись»[76]. Если это не описка, то отметим, что между мартом 1922-го и осенью 1923-го, 10 августа 1922 г., Политбюро ЦК РКП(б) утвердило списки «антисоветской интелли-

[73] З.Г. Гринберг – историк по образованию, бывший бундовец, член РКП(б) с 1917 г., зам. наркома просвещения Союза коммун Северной области, член коллегии Наркомпроса РСФСР, зав. Организационным Центром Наркомпроса, представитель Наркомпроса и Госиздата в Берлине.

[74] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 1.

[75] *Ремизов А.* Т. 4. С. 528.

[76] Цит. по: *Ремизов А.М.* Избранное. Лениздат, 1991. С. 590–591.

генции» для высылки за границу с предварительным арестом. В Списках, в частности, значился Е.И. Замятин; в его характеристике говорилось: «Выступает в своих произведениях всецело против советской власти. Он в тесной компании с бежавшим Ремизовым. Ремизов – это определенный враг. Замятин – то же самое»[77]. Уже арестованного Замятина в итоге все же не выслали (Б. Пильняк и А. Воронский самочинно обратились с ходатайством о его освобождении и невысылке к Л.Б. Каменеву и получили его поддержку, но, когда, выйдя из тюрьмы, Замятин заявил, что предпочел бы уехать и за него снова стали хлопотать – в частности А. Эфрос и тот же Б. Пильняк, – выезд ему не разрешили[78]). Возможно, в 1923 г. Ремизову и стало что-то об этом известно. Тем не менее в 1923-м он получил в Консульском отделении в Берлине разрешение на возвращение в Россию, о чем говорилось в его письме Каменеву, и действовало это разрешение с 1 октября по 2 декабря 1923 г. Однако 5 ноября 1923-го Ремизов с женой неожиданно отправились из Берлина в Париж, где и остались…

3. Столкновения и защита

(П.С. Коган благодарит)

В основе этого сюжета отношения двух литераторов: критика и историка западноевропейской и русской литератур, профессора МГУ, бессменного президента Государственной академии художественных наук П.С. Когана и критика, публициста, теоретика литературы, мемуариста, создателя и редактора литературного журнала «Красная новь» А.К. Воронского. В 1921–1923 гг. П.С. Коган был активным автором «Красой нови»[79]. Но с конца 1923 г. его взаимоотношения с Воронским резко испортились. Английский историк советской литературы, много занимавшийся Воронским, Роберт Магуайр утверждает, что П.С. Ко-

[77] Литературная жизнь России 1920-х годов. С. 488.

[78] См. публикацию А.Ю. Галушкина «К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И. Замятина в 1922–23 гг.» / de visu. 1992. № 0. С. 17, 18.

[79] См., например, в публикации Е.А. Динерштейна «А.К. Воронский Из переписки с советскими писателями» // Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 549–550.

ган – «один из самых заклятых и явных противников Воронского», относившийся тем не менее "к нему с уважением"»[80]. Отечественный биограф Воронского Е.А. Динерштейн ограничивается констатацией того, что после прихода в 1922 г. Воронского на должность директора Госиздата профессор П.С. Коган, заведовавший там отделом художественной литературы, долго на своем посту не удержался, и еще – справедливым замечанием, что Коган не пользовался в писательских кругах тем авторитетом, что успел заслужить Воронский[81]. Действительно, именно А.К. Воронский осуществил публикацию большинства лучших произведений русских писателей 1920-х гг.

История, о которой пойдет речь, начинается со следующей, безусловно, ироничной, но «достаточно невинной», по выражению поддержавших ее большевистских вождей, реплики П.С. Когана из его книги «Литература этих лет. 1917–1923»:

«Как быстро, сверкнув на мгновенье яркими звездами, стали меркнуть <Серапионовы> братья. Они пишут бледнее, чем раньше. "Голый год" Пильняка или "Партизаны" Всеволода Иванова – лучшие вещи, написанные ими. Критик-эстет сказал бы, что нужна была усиленная беспрерывная работа над "совершенствованием своего таланта"... а по-моему во всем виноват Воронский. Он ни разу не сводил Пильняка на съезд Коминтерна, но зато часто бывал с ним в разных кафе. И все, что от кафе, у Пильняка росло и ширилось. А все, что от Коминтерна, осталось спутанным и тусклым...»[82].

На эту реплику П. Когана последовал предельно резкий, можно сказать, даже грубый ответ Воронского: «Клеветнику и сплетнику»[83]. Процитировав полностью приведенный здесь абзац из книги «господина Когана», Воронский продолжал:

«В том, что господин Коган опустился до базарной сплетни в "серьезном труде", нет ничего удивительного и неожиданного. "Труд" г. Когана по существу является очень вульгарным приспособлением к коммунизму и к революции человека, кото-

---

[80] *Магуайр Р.* Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. СПб., 2004. С. 32.

[81] *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 87, 88, 99.

[82] *Коган П.С.* Литература этих лет. 1917–1923. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 104. В самом начале 1920-х гг. некоторые критики, не слишком сведущие в истории петроградской литературной группы «Серапионовы братья», причисляли к ней и Бориса Пильняка, дружившего с «серапионовым братом» Н. Никитиным.

[83] Красная новь. 1923. № 7 (вышел в январе 1924 г.). С. 291.

рый никогда ни революционером, ни, тем более, коммунистом не был и быть не может, но готов в известные моменты (при победе) утверждать: "и мы пахали". Такие запоздавшие нередко спешат занять самую крайнюю позицию, очень много толкуют о Коминтерне и т.д. Тут ничего не поделаешь.

К сведению читателя, которому попадет в руки книга Когана, – сообщу:

В кафе и ресторанах за все время Нэпа я бывал три или четыре раза. С Пильняком в кафе, тем более часто, я не бывал. Что же касается Коминтерна, то подряда водить Пильняка или кого-либо еще в Коминтерн я не брал. Кроме того, и сам Пильняк – не бычек на веревочке. Оставляя в стороне глубокомысленный прогноз г. Когана о том, почему Пильняк и Всеволод Иванов не пишут лучше, должен еще раз сказать, что утверждение г. Когана есть дрянненькая сплетня и клевета всегда "опаздывающего"человека».

4 февраля 1924 г. бессменный нарком просвещения А.В. Луначарский направил в редакцию «Правды» протест, в котором заявил: «Мы, в Наркомпросе, привыкли относиться к П.С. Когану как к своему человеку, даем ему разного рода ответственные поручения, и удар по нему является в то же время ударом и по Наркомпросу <...> Думается мне, что на это нужно реагировать, но, конечно, в очень мягкой форме, потому что мы все любим и уважаем т. Воронского»[84]. Письмо Луначарского напечатано не было, но 13 февраля 1924 г. на 8-й странице редактировавшейся Н.И. Бухариным «Правды» появилось на пару с другим, не относящимся к нашему сюжету, письмецом читателя, без заголовка, но под общей шапкой «Письма в редакцию» скромно сверстанное письмо. Под ним стояло три подписи: двух членов Политбюро Л.Б. Каменева и Н.И. Бухарина, третьей была подпись А.В. Луначарского. Нельзя исключить, правда, что внутренней причиной, толкнувшей членов Политбюро к написанию этого письма, было не столько желание поддержать заслуженного профессора (которого, скорее всего не занимали внутрипартийные свары большевистских лидеров), сколько намерение осадить Воронского – открытого и пылкого сторонника взглядов Л.Д. Троц-

[84] Цит. по: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Литературное наследство. Т. 93. С. 550.

кого на проблемы культуры, а Каменева с Бухариным в ту пору объединяло в разной мере яростное и одинаково недальновидное стремление сместить Троцкого с властного Олимпа, что, заметим, в итоге дорого обошлось им самим.

Вот это письмо большевистских вождей:

> Мы... отнюдь не входя в контроверзу между т. Коганом и т. Воронским, не беря на себя ответственности за шутливый упрек т. Когана относительно якобы неправильного воспитания писателя Пильняка, хотя мы находим эту шутку достаточно невинной, не можем пройти мимо слишком сердитой и, главным образом, несправедливой характеристики П.С. Когана, которую в раздражении опубликовал тов. Воронский. Мы категорически утверждаем что тов. Коган никогда не называл себя коммунистом и ни на одну минуту не может быть отнесен к числу примазавшихся к победителям людей. Это был за все время своей деятельности очень передовой литературный критик и историк литературы, выдержанный марксист, который, естественно, примкнул к культурной работе советской власти на другой же день после революции, когда победа была еще весьма сомнительной и когда такого рода сотрудничество с нами навлекало на себя громы интеллигенции и казалось несравненно в большей степени опасным, чем выгодным. С тех пор П.С. Коган как в своих литературных трудах, так и в преподавательской и профессорской деятельности и, наконец, в своей общественной деятельности, как президент Академии художественных наук и председатель научно-художественной секции государственного ученого совета, был неизменно добросовестнейшим и талантливым сотрудником советской власти. Мы не можем поэтому не протестовать против характеристики его, которая набрасывает тень на всю его общественную личность и может вредно отразиться на его в высшей степени положительной и важной для советской власти деятельности. Мы выражаем твердую уверенность, что сам тов. Воронский, печатав-

ший большинство статей, вошедших в сборник тов. Когана, в журнале «Красная новь», отнюдь не держится того взгляда на тов. Когана, который выражен в заметке тов. Воронского, и что в данном случае мы имеем дело со слишком большой поспешностью, вызванной обидой мнимой, а не действительной.

Л.Б. Каменев,
Н.И. Бухарин,
А.В. Луначарский

Неизвестно, поблагодарил ли письменно П.С .Коган каждого из подписавших это письмо, но его ответ Л.Б. Каменеву действительно существует:

П.С. Коган – Л.Б. Каменеву

1924, 20 II

Дорогой Лев Борисович, позвольте принести Вам глубокую благодарность за Вашу защиту.

Если бы я был карьеристом, как думает Воронский, я считал бы это письмо в «Правде» венцом своей карьеры.

Я один из тех, чей творческий пыл угасает в атмосфере недоверия и даже сомнения. Без В<ашего> письма я остался бы добросовестным ремесленником, но я не мог бы быть влюбленным трубадуром и Советской Власти и Вашей великой партии.

Если мне и принадлежит какая-нибудь заслуга в общем деле, то это заслуга неучитываемая: я привлек к Вам много сердец, а каждое сердце стоит сотен умов. И это было не усилием, а естественным побуждением моей души.

О своих чувствах к Вам лично не буду говорить, Лев Борисович. Вы навсегда останетесь для меня воплощением того огромного, что совершается сейчас в мире, и я никогда не забуду, что Вы отнеслись ко мне с таким доверием.

Воронский оказался более мелочным, чем я думал. Крупный деятель не может быть таким «личным». Его ответ Вам – это ответ раскапризничавшегося ребенка: «буду, буду, все-таки буду, назло вам всем».

По существу – монополия, на кую (так в подлиннике. – *Б.Ф.*) претендует Воронский, вредна. Да и природа литературы такова, что она все равно выбьется из-под нее. Мне не раз приходилось слышать от молодежи: «попробуй писать не по-пильняковски, Воронский заест».

Ведь в конце концов всякий неумелый восторг перед Коминтерном будет объявлен демагогией и карьеризмом, а всякая возня с капризничающими и очень спорными талантами будет считаться признаком культурности и хорошего тона.

Ведь даже среди интеллигентов старого типа уже не считают признаком дурного тона самую искреннюю преданность Советской Власти.

Почему же идея, уже психологически покоряющая глубинами ума и сердца в Европе, все еще у нас должна склоняться перед пьяными прихотями литерат. богемы? Почему у нас словно совестишься говорить об Октябрьской Революции тем языком, каким говорит Барбюс или старик Брандес?[85]

Своей шуткой я хотел бы сказать, что Воронский слишком усердно насаждает у нас культ литературной богемы, и глух, если не враждебен, к более суровым и глубоким порывам вдохновения. В таком спорном деле, как литература, должно дать простор выражению всего, что овеяно уже дыханием революции. В<оронский> этого не делает.

Еще раз благодарю Вас.

Искренне Ваш *П. Коган*[86].

---

[85] Имеется в виду датский литературный критик Г. Брандес.

[86] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 163. Л. 66–67. (Л. 68 – характерное для той поры письмо П.С. Когана к Л.Б. Каменеву с просьбой посодействовать тому, чтобы его квартиру «не уплотняли»).

Заказ № 2076

4. В поисках патрона

(*Максимилиан Волошин, его дом и книги*)

Поэт, художественный критик и художник Максимилиан Александрович Волошин послереволюционные годы прожил в Коктебеле, лишь изредка выбираясь в Москву и Петроград. После установления в Крыму прочного советского режима он создал в своем доме Коктебельскую художественную колонию для отдыха и работы литературной и художественной интеллигенции. И с самого начала деятельности Колонии Волошин столкнулся с разнообразными притеснениями местной власти, почувствовавшей в нем некоего конкурента. В связи с этим, как пишет биограф Волошина В.П. Купченко, еще осенью 1923 г. В.В. Вересаев посоветовал Волошину написать полуофициальное письмо председателю Совета труда и обороны и председателю Моссовета Л.Б. Каменеву: «Он к Вам, как к писателю, относится очень хорошо»; более того – Вересаев намеревался даже «устроить Волошину чтение его стихов в Кремле»[87].

В феврале – мае 1924 г. М.А. Волошин предпринял первую после революции и длительную поездку в Москву и Ленинград (переименованный так сразу после смерти Ленина Петроград). Поездка была связана не столько тем, что Максимилиан Александрович изголодался по обеим столицам, сколько с его стремлением хоть как-то укрепить свое сильно пошатнувшееся за последние месяцы политическое положение[88]. В Москве, пытаясь прояснить властям свою политическую позицию и смысл своих стихов последних лет, а также ища протекции на предмет литературных публикаций и изданий, Волошин посетил в Кремле председателя Совета труда и обороны и председателя Моссовета Л.Б. Каменева[89].

---

[87] *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. СПб., 1996. С. 356.

[88] В ответ на зарубежные публикации стихов Волошина эпохи Гражданской войны (книги «Стихи о терроре» и др.) в советской печати появился ряд враждебных Волошину статей; наиболее опасной была статья Б. Таля «Поэтическая контрреволюция М. Волошина» (На посту. 1923. № 11) – ответ Волошина Талю см.: *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 333–338.

[89] В.П. Купченко датировал эту встречу 2 апреля 1924 г. (см.: *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. С. 369).

Об этой встрече повествуют эмигрантские воспоминания ее участника Л. Сабанеева (впервые опубликованы в Нью-Йорке в 1953 г.).

Леонид Сабанеев – писатель, музыковед, композитор, в 1924 г. председатель Совета Московского музыкально-научного института; в 1926-м уехал из Советской России; в эмиграции много писал о музыке. Его мемуары впервые напечатаны в двух номерах нью-йоркского «Нового русского слова», спустя почти три десятилетия после описываемых событий. Воспоминания живописно дополняют портрет Л.Б. Каменева послереволюционной поры, хотя следует отметить, что, как и всякие мемуары, не основанные на дневниковых записях, они не дают полной уверенности в точности мемуариста по части конкретных деталей, реплик, подробностей описанного поведения участников встречи и т.д. Вот интересующий нас эпизод:

«Я, Петр Семенович Коган и бородатый, огромный Максимилиан Волошин – уже известный поэт, проживающий в Крыму, в Коктебеле, – шествуем втроем в Кремль на свидание с Каменевым. Волошин хочет прочесть Каменеву свои “контрреволюционные” стихи[90] и получить от него разрешение на их опубликование “на правах рукописи”. Я и Коган изображали в этом шествии Госуд. академию худож. наук, поддерживающую ходатайство.

Проходили все этапы, неминуемые для посетителей Кремля. Мрачные стражи деловито накалывают на штыки наши пропуска. Каменевы обитают в дворцовом флигеле направо от Троицких ворот, как и большая часть правителей. Дом старый со сводчатыми потолками – нечто вроде гостиницы: коридор и “номера”, в него выходящие. Все, в сущности, чрезвычайно скромно. Я и раньше бывал у Ольги Давыдовны по делам ЦЕКУБУ и Дома ученых, и обстановка мне, как и П.С. Когану, хорошо знакома, но Волошин явно нервничает. Хозяева, которые были предупреждены, встречают нас очень радушно. Каменева подходит ко мне с номером парижских «Последних новостей» и говорит:

– Послушайте, что “они” о нас пишут!

И действительно, выясняется из статьи, что Россией управляет Каменев, а Каменевым... его жена.

---

[90] Волошин читал стихи из книг «Путями Каина» и «Неопалимая купина».

Она страшно довольна и потому в отличном расположении духа.

Волошин мешковато представляется Каменеву и сразу приступает к чтению "контрреволюционных" стихов.

Это было в высшей степени забавно созерцать со стороны. "Рекомый" глава государства (он был тогда председателем Политбюро) внимательно слушал стихотворные поношения своего режима, которые громовым пророческим голосом, со всеми проклятиями, в них заключенными, читает Волошин, напоминая пророка Илию, обличающего жрецов. Ольга Давыдовна нервно играет лорнеткой, сидя на маленьком диванчике. Коган и я с нетерпением ждем, чем кончится эта контрреволюция в самых недрах Кремля.

Впрочем, в самой семье Каменевых гнездилась контрреволюция в лице его сына – это был партийный секрет, но все его знали.

Волошин кончил.

Впечатление оказалось превосходное. Лев Борисыч – большой любитель поэзии и знаток литературы. Он хвалит, с аллюром заправского литературного критика, разные детали стиха и выражений. О контрреволюционном содержании – ни слова, как будто его и нет вовсе. И потом идет к письменному столу и пишет в Госиздат записку о том же, всецело поддерживая просьбу Волошина об издании стихов "на правах рукописи".

Волошин счастлив и, распростившись, уходит. Я и Коган остаемся: ему необходимо кое-что выяснить с Каменевым относительно своей академии. Тем временем либеральный Лев Борисыч подходит к телефону, вызывает Госиздат[91] и, совершенно не стесняясь нашим присутствием, говорит:

– К вам приедет Волошин с моей запиской. Не придавайте этой записке никакого значения.

Даже у искушенного в дипломатии П.С. Когана физиономия передернулась. Он мне потом говорил:

– Я все время думал, что он это сделает. Но не думал, что так скоро и при нас»[92].

---

[91] Директором Госиздата до 9 июня 1924 г. был А.К. Воронский; надо полагать, Каменев говорил с ним.

[92] *Сабанеев Л.* Мои встречи. «Декаденты» // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 352–353

Следует сказать, что Волошин, будучи у Каменева, очень волновался и, опасаясь оказаться слишком навязчивым, не успел после чтения стихов обсудить еще один, важный для него, вопрос – о Коктебельской художественной колонии. Уже после визита в Кремль Волошин говорил об этом с влиятельным партийным издателем Н.С. Ангарским, который отдыхал у него в Коктебеле и был волошинским «болельщиком». Ангарский порекомендовал написать о делах Колонии обстоятельное письмо Каменеву и обещал при случае с ним об этом переговорить. Сразу по возвращении в Крым Волошин осознал, что все трудности Колонии не кончились и набрался духу советом Ангарского воспользоваться. Написанное им письмо Каменеву было отправлено в Москву с В.В. Вересаевым.

В доступной исследователям части архива Л.Б. Каменева, письма Волошина нет, но несколько редакций его черновика, по счастью, уцелели в доме поэта в Коктебеле.

Все зачеркнутые в черновиках значимые выражения приводятся в квадратных скобках; в угловых скобках раскрываются сокращения.

М.А. Волошин – Л.Б. Каменеву

<Коктебель, 20 ноября 1924>

Многоуважаемый Лев Борисович,

после долгой нерешимости, но предполагая, что т. Ангарский, который мне советовал обратиться к Вам, уже успел переговорить с Вами, решаюсь просить Вас оказать содействие делу Художественной колонии, организованной мною в Коктебеле.

В Коктебеле я живу уже тридцать лет, имея здесь клочок земли, дом, мастерскую, большую французскую библиотеку <около 5 тыс. томов> и литературный архив, что представляет большую личную ценность, но весьма малую рыночную. О скромности обстановки моего жилища может свидетельствовать то, что во время всеобщего грабежа, сопровождавшего смены Крымских правительств, во всем поселении оно единственное не было ни разу

разграблено. Сюда из года в год шла ко мне тяга писателей и художников с севера и создала из Коктебеля, который я застал совершенно пустынным заливом, небольшой литературно-художественный центр.

Раньше – при жизни моей матери – комнаты в доме отдавались в наем, а после ее смерти я открыл его для бесплатного пользования, расширив этим и углубив установившуюся традицию. С начала Советской Власти ни одна комната не была отдана за плату. Двери моего дома раскрыты всем и без всякой рекомендации – в первую голову писателям, художникам, ученым и их семьям, а если остается еще место – всякому, нуждающемуся в солнце и отдыхе, кому курортные цены не по средствам. Ставится одно условие: каждого вновь прибывающего принимать как своего гостя. Поэтому емкость моих 25 комнат среди лета достигает иногда ста человек. Срок пребывания не ограничен. Налажено коллективное питание для экономии. Летом сюда приезжают отдыхать, весной – работать. За 1923 год через мой дом прошло 200 человек, а за текущий – 300.

Юридическое мое положение таково: Советская власть – Крымская и Центральная – были всегда внимательны ко мне и периодически выдавали Охранные Грамоты, а бесплатный дом отдыха признан и рекомендован Наркомпросом СССР. Что касается самого дома, то он, как ни разу не национализированный с начала Революции, согласно действующему праву СССР остается в моем владении. [Как бесплатный Дом отдыха рекомендован А.В. Луначарским].

Местные власти сами стали эксплуатировать Коктебель как курорт и усмотрели во мне неприятного конкурента. В порядке бытовом это формулировалось так: «Ишь – буржуй – комнаты даром сдает: нашей власти признавать не хочет», или же «В Коктебеле можно было бы расторговаться, если бы не Волошинский страннопriимный дом...»

Видя количество людей, живущих у меня, они наивно думают, что все они были бы в состоянии оплачивать высокие курортные цены. (В этом году местные цены на комнаты поднялись в двадцать раз по сравнению с прошлогодними, что сразу делало весьма убогой в смысле культурных удобств Коктебель, лишенный пресной воды, врача, гостиницы, аптеки, самым дорогим из Крымских курортов: дороже Алупки и Ялты).

В истекающем году было сделано несколько попыток уничтожить К<октебельскую> Х<удожественную> Колонию путем произвольных обложений и налогов, что, конечно, не трудно, т.к. она существует без всяких средств и не принося никаких доходов. Мне предлагалось в ультимативной форме немедленно выбрать «промысловый патент на содержание гостиницы и ресторана», т.е. записаться в «нэпманы» со всеми налоговыми последствиями этого, под угрозой выселения всех «жильцов» и запечатания дома. А все мои «Грамоты» и «Удостоверения» объявлялись «Властью на местах» – недействительными.

Приходилось сломя голову скакать в Симферополь искать защиты у Крым-ЦИК. А когда Крым-ЦИК заступился за меня и признал обложение незаконным, это воспринималось как оскорбление и создавало вокруг ту напряженную атмосферу, в которой ежеминутно ждешь, откуда и в какой плоскости будет сделано новое нападение.

Я думаю, что Коктебельская Художественная Колония является для Республики организацией полезной, а для искусства органически необходимой. Вы сами знаете, как тяжело сейчас экономическое положение писателей, поэтов, художников, как переутомлен каждый службой и напряженностью городской жизни, и как важен при этом для одних возрождающий летний отдых, для других – возможность уединиться для личной творческой работы, и как мало может сделать в

этом отношении одно ЦЕКУБУ, все время сокращающее свою деятельность.

Поэтому я обращаюсь к Вам, Лев Борисович, как к лицу, которому понятны и дороги интересы русской литературы и искусства, с просьбой стать патроном Коктебельской Художественной Колонии и дать мне право обращаться к Вам за защитой в критические моменты ее существования.

Это очень обще... В сущности, мне следовало бы просить у Вас:

I) Мандата на устройство в моем доме Художественной Колонии.

II) Официального утверждения за мной права владения моим участком в 1/2 десятины и домом с пристройками в Коктебеле.

III) Полного освобождения его от местных налогов и обложений, как предприятия, не дающего никаких доходов.

Это бы сразу оградило, думаю, Колонию от всяких притязаний и нападений. Но боюсь просить слишком многого и, может быть, тактически невозможного.

Не подумайте, что я сам заинтересован здесь как-нибудь экономически: как Вы можете видеть по прилагаемым документам, я сам, мой угол, моя мастерская и библиотека защищены достаточно и не они являются мишенью. Пользуясь Ак<адемическим> обеспечением от ЦЕКУБУ, я сам употребляю весь свой – правда скудный и непостоянный – литературный заработок на поддержание и ремонт дома. Ни на какую материальную помощь, ни на какие субсидии я не рассчитываю. Что дело Художественной Колонии вполне бескорыстно и «чисто», Вам могут подтвердить все гостившие у меня, все знающие мою жизнь. Среди них назову: из писателей – Валерия Брюсова (увы, покойного), В.В. Вересаева, Андрея Белого, К. Чуковского, Шенгели, С. Шервинского, Адалис, А. Соболя, Е. Замятина... Из Академии Художественных наук – Леонида Гроссмана, А. Габри-

чевского. Из общества научного изучения Крыма – д-ра Саркизова-Серазини. Из коммунистов: Майского (редактора «Ленинградской правды» и «Звезды»), А.Ф. Женевского (редактора «Красной Газеты», брата Раскольникова), Иннокентия Сергеевича Кожевникова (бывшего полпреда Латвии), И.С. Кондурушкина (помощника прокурора СССР), Л.З. Каменского (московский представитель Укрмахортреста), наконец, Ангарского.

Но самое лучшее было бы, конечно, если бы Вы сами с Ольгой Давыдовной во время летней поездки на юг навестили бы меня в Коктебеле, чтобы почувствовать стиль и дух моего дома.

P.S. Весной перед моим отъездом из Москвы Воронский[93] взял у меня полный текст моих книг *ПУТЯМИ КАИНА* и *НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА*, отрывки из которых я читал у Вас, с тем, чтобы дать на просмотр Вам, с Вашей помощью провести через цензуру и издать. Должен ли я считать его молчание указанием на то, что Вы нашли обе эти книги цензурно безнадежными?[94]

Приведем еще два фрагмента из другого черновика письма Волошина Каменеву, содержащего существенные подробности и автохарактеристики политических взглядов М.А. Волошина. От включения их в окончательную, отосланную Каменеву, редакцию письма Волошин, скорее всего благоразумно, отказался. Здесь также зачеркнутые им значимые слова заключены в квадратные скобки:

[93] Именно Воронский в 1922 г. печатал стихи Волошина в журнале «Красная новь» и альманахе «Наши дни» и выпустил в Госиздате его книгу «Стихи».

[94] В фонде Л.Б. Каменева в РГАСПИ письмо Волошина отсутствует. Текст письма печатается по анонимной публикации его в книге «Память. Исторический сборник» (Вып. 1. М., 1978; Нью-Йорк, 1978. Chalidze Publ. USA. С. 298–301), сверенной и выправленной по любезно предоставленной Р.П. Хрулевой и переписанной В.П. Купченко в коктебельском музее М.А. Волошина в 1970-е гг. копии с черновика волошинского письма, наиболее близкого к напечатанному в «Памяти».

Я очень далек от политики, но социальное устройство, текущая история и смысл современной машинной культуры – поглощают все мое внимание. Я отношусь отрицательно: к государственности, всеобщей воинск<ой> повинности, [к суду], к собственности, к заработной плате, считая, что государство это монополия всего кустарного зла и насилий, но практически выгодная [и необходимая] и потому неизбежная, что Всеоб<щая> воинс<кая> повинность была главным фактором, понизившим моральный уровень Европы в XIX в., что собственность есть только то, что можно подарить, что заработная плата [есть безнравственна] антисоциальна, т.к. социальный идеал будет осуществлен в том обществе, где никто не будет отдавать тому, от кого получил, а третьему, третий четвертому и т.д.: Всякое даяние будет жить в обществе неугасимо. Эти идеи я провожу в личной жизни без насилия и без дон кихотства. Худож<ественная> колония – одно из применений их.

<...>

К Сов<етской> Вл<асти> в 1918 г. я относился отрицательно из-за Брестского Мира. В 1919 признал ее как единственный и неизбежный путь России, не закрывая глаз на ее ущербы, ни на жестокость переживаемых моментов, но считая, что все это было бы пережито Россией, независимо от того или иного правительства. Единственная моя общественная деятельность во время Революции была борьба с террором – то с белым, то с красным в зависимости от смены правительств в Крыму, считая, что всякое разумное правительство должно использовать силы, ему данные в руки, а не истреблять их.

Я не марксист. Вернее: я принимаю анализ [и критику] марксизма, но не его идеологию. Считая, что главная революционная борьба человека это борьба: против законов природы им самим формулированных, т.к. в этой борьбе он пересоздает себя, идя таким образом не путем пассивного приспособления, а путем творческой эволюции.

Все это, конечно, не совпадает с текущими государственными задачами и тенденциями. Но от конечных идеалов коммунизма мысли мои не так уж далеки и у меня вовсе нет мании их проповедовать и распространять. И сейчас я сообщаю все это для того, чтобы Вы знали, с кем Вы имеете дело и если Вы считаете возможным принять меня таким, как я есть, то помогите мне»[95].

Об ответе Л.Б. Каменева на это письмо ничего не известно. Имя Каменева в почте Волошина еще встречалось. Так, скажем, в 1925 г. директор издательства «Недра» Н.С. Ангарский, напечатавший в шестом номере альманаха «Недра» поэму Волошина «Россия» и намеревавшийся издать его книжку, сообщал Волошину, что неожиданно для него поэма понравилась Каменеву и Дзержинскому...[96] Имя Л.Б. Каменева в связи со стихами Волошина возникает также в воспоминаниях Д. Новоселова[97], жившего в Коктебеле в мае 1927 г.: «У Волошина был большой цикл стихов об ужасах, переживаемых Россией и другой цикл – об ужасах которые несет человечеству политика. Эпиграфом к этому циклу были строка: “Политика – есть дело грязное”. Как-то мы все, гостившие у него, поинтересовались:

– Пытались ли вы, Максимилиан Александрович, издать свои стихи?

– Я показывал их Льву Каменеву, он сказал: “Все это увидит свет, когда не будет нас”. Я спросил, долго ли ждать этого времени? “Лет тридцать”, – ответил он»...[98]

Волошинские беды, связанные с его домом в Коктебеле, продолжались, еще несколько лет; 2 мая 1925 г. Волошин писал Е.Л. Ланну: «Только что была снова сделана попытка отнять у меня дом, чтобы пустить его в эксплоатацию. Местным властям претит “бесплатность” моей колонии – им кажется, что я подрываю их курортные доходы. Я об моих желаниях писал

[95] Текст этих фрагментов из черновика письма Волошина Каменеву, переписанный в Коктебеле в 1970-е гг. В.П. Купченко, любезно предоставлен Р.П. Хрулевой.

[96] См.: *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. С. 393.

[97] Согласно картотеке В.П. Купченко, Д. Новоселов – псевдоним Р.М. Акульшина – эмигранта второй волны, оказавшегося после мировой войны в США.

[98] Грани. 1949. № 5. С. 53.

кое-кому (Вересаеву, Ангарскому...) Об этом уже осведомлены и Каменев, и Енукидзе»...[99]

Похоже, что последняя попытка отобрать у Волошина дом и выслать его из Коктебеля была предпринята местным комбедом 6 октября 1928 г. Тогда Волошин сам написал Енукидзе и Луначарскому, в свою очередь Е. Ланн по просьбе Волошина обращался к П.С. Когану, а тот в свой черед – к А.В. Луначарскому и О.Д. Каменевой (Ланн писал 1 ноября Волошину: «Петр Семенович <Коган> устно рассказал обо всем Ольге Давыдовне, которая очень возмущена произволом»[100]). Наконец, в декабре 1928 г. Крымский ЦИК окончательно решил этот вопрос, и дом Волошина остался за ним навсегда.

Летом 1928 г. у Волошина гостил поэт, прозаик, и журналист из Калуги Константин Алтайский, ставший впоследствии переводчиком казахского акына Джамбула. Он познакомился с Каменевым в Калуге, куда в конце 1927 г. на полгода сослали бывших членов Политбюро Зиновьева и Каменева (они служили там соответственно в Наробразе и в Губплане). 5 сентября 1928 г. Алтайский писал Льву Борисовичу в Москву: «...приехав в Калугу из Крыма не застал уже Вас, хотя весть (газетную) о Вашем назначении прочел в Калуге. Поздравляю Вас с новой работой.

...В Коктебеле встречался с Макс. Волошиным. Он просил всенепременно кланяться Вам. Волошин, по его словам, пишет мало, больше рисует. Видел его акварели: своеобразная насыщенная настроением, комбинация коктебельских ландшафтов: небо, море, горы...»[101] Похоже, что это последний привет, посланный Каменеву от Волошина

Вместо эпилога

(Писатели о Каменеве до и после 16 декабря 1934 г.)

В связи с «делом Рютина» в октябре 1932-го Л.Б. Каменев был снова исключен из ВКП(б) и сослан. 27 ноября 1932 г. Горький из Сорренто писал Ромену Роллану: «Буржуазная пресса сообщила об аресте Каменева и Зиновьева, это – невер-

[99] «"...Темой моей является Россия". Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 58.

[100] *Там же.* С. 119.

[101] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 5.

но. Они оба исключены из партии, как раньше, в 28 г., были исключены из ее Центр. Комитета. Зиновьев – болен и лежит в Москве, в частной больнице, Каменев – выслан в Тобольск. Он будет продолжать работу в издательстве "Академия", где он – мне кажется, – более на своем месте, чем в политике»[102].

В мае 1933 г. Каменев под безусловным нажимом Горького был освобожден из ссылки и возвращен в Москву, где принят Сталиным. В декабре его восстановили в партии и назначили директором издательства «Academia». Поощряемый Горьким, Каменев делал все, что было в его возможностях для издательства «Academia» – в короткий срок оно стало наиболее культурным издательством СССР: по содержанию и ассортименту изданий, по серьезности их литературной подготовки, качеству переводов, наконец, по уровню полиграфии и художественности иллюстраций. «Academia» работала в условиях, до некоторой степени привилегированных; в других издательствах, например, в ГИХЛе, политический режим был более жестким; но и там случалось, что авторитетное «советское» предисловие могло открыть книге дорогу к читателю. Каменев, не ограничивавший себя литературной работой для издательства «Academia», когда к нему обращались с предложением написать предисловие-паровоз, в этом не отказывал. Он написал в предисловии к изданию в ГИХЛе второй книги воспоминаний Андрея Белого, что «автор воспоминаний ничего существенного не видел, не слышал и не понимал в воссоздаваемой им эпохе»[103]. Понятно, каково было Белому это читать; неудивительно, что давно покинувшие страну литераторы (например, Ходасевич), с гневом и сарказмом ополчились на эти страницы, но сегодня, зная советскую жизнь 1930-х гг., как мы ее знаем, нельзя не согласиться с непредвзятым выводом ученого: «Вторая книга воспоминаний Белого вышла в свет только благодаря тому, что издательское предисловие к ней написал Л. Каменев»[104] – в 1935 г. издание такой книги уже непредставимо.

[102] М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995. С. 244.

[103] *Белый А.* Начало века. М., Л. 1933. С. XIV.

[104] *Лавров А.В.* Андрей Белый. Размышления и этюды. М., 2007. С. 263. Сошлюсь еще на работу Моники Спивак «Смерть "на задворках культуры": Андрей Белый и Л.Б. Каменев» // Stanford: A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes, 2006. P. 194–218.

В июне 1933 г. Горький в письме Сталину рекомендовал именно Л.Б. Каменева назначить вместо себя главным докладчиком на готовившемся Первом съезде советских писателей. Сталин этого не одобрил и на трибуну писательского съезда Каменева не выпустил, но Горький все-таки настоял на избрании Каменева в Правление вновь созданного Союза писателей. Кроме того, в 1934-м, и снова с подачи Горького, Каменев был назначен еще и директором Института мировой литературы, а также Института русской литературы (Пушкинский Дом). Предполагалось также избрание Каменева действительным членом Академии наук СССР. Словом, 1934 год оказался временем интенсивных и разнообразных контактов Каменева с писателями – особенно с Горьким, в частности, периодом обширной их переписки. Многим казалось, что карьера бывшего лидера левой оппозиции вышла на стабильный уровень.

1 декабря 1934 г. был убит Киров. В начале декабря того же года Горький из Тессели отправил Каменеву два деловых письма (первое из них кончалось строчкой «Совершенно ошеломлен убийством Кирова»). Но 16 декабря Каменев был арестован по обвинению в руководстве контрреволюционной группой «Московский центр», подготовившей убийство Кирова. Похоже, что свое последнее письмо Горькому Каменев отправил уже из тюрьмы 17 января 1935 г., на следующий день после вынесения ему приговора: к пяти годам заключения (суд прошел в Ленинграде, Каменеву было вынесено самое легкое наказание, – Зиновьев получил десять – как «менее активному участнику указанной выше группы»; отбывать наказание заключенных отправили в Верхнеуральский политизолятор). Из последнего письма Каменева Горькому опубликовано три фразы[105]. Первая: «К тяжести переживаемого мне было бы бесконечно горько добавить мысль, что Вы имеете право усомниться в правдивости и искренности моего поведения с Вами, в правдивости того, что я говорил Вам при наших встречах». В коротких второй и третьей речь идет о второй жене Каменева Т.И. Глебовой, которую

[105] *Горький М.* Неизданная переписка. М., 2000. С. 236. Письмо хранится в Архиве Горького.

Горький хорошо знал: «Ей будет тяжело. При нужде поддержите ее духовно, подкрепите ее бодрость». Неизвестно, разрешили Горькому прочесть это письмо или нет. 18 января «Литературная газета» продолжила публикацию его статьи «Литературные забавы»[106], в которой сказано: «Вот – мерзавцы убили Кирова, одного из лучших вождей партии <…> Убили Кирова – и обнаружилось, что в рядах партии большевиков прячутся гнилые люди, что среди коммунистов возможны “революционеры”, которые полагают, что если революция не оканчивается термидором, так эта – плохая революция <…> Не удалось убить Димитрова – убили Кирова, собираются убить Тельмана…». Это неопределенная фраза, странная. Никаких фамилий и конкретных обвинений Горький не называет, а цепочка Димитров – Киров – Тельман лишь путает планы Сталина. В любом случае, расстрелять Каменева при жизни Горького вождь не решился; он сделал это сразу после смерти писателя – в августе 1936 г.

Напоследок возвращаемся к 1934 году.

Писательская почта Каменева была на редкость обширной. Приведем одно письмецо, полученное им в августе, перед съездом писателей. Автор письма – писатель не без способностей, политически человек с тонким нюхом и ушлый, в ту пору – редактор популярного литературного ежемесячника «30 дней». Речь идет о Петре Павленко, о котором у нас еще будет подробный разговор в специальной главе. Это письмо отражает общие иллюзии по части каменевской судьбы.

---

[106] Об этой статье «начальник» Союза писателей А.С. Щербаков докладывал Л.М. Кагановичу: «Сегодня 29/ XII <1934> с ведома А.М. Горького я прочитал оригинал его новой статьи “Литературные забавы”. Статья написана в духе той, которая не появилась в печати в период съезда писателей. В статье – резко отрицательное отношение к Панферову, Фадееву, а также к группе писателей: Бахметьеву, Березовскому, Никифорову, Евдокимову, Шухову, Герману и др. Обращает особое внимание то место статьи, где автор, беря под защиту критика Д. Мирского – сына дворянина, аргументирует в его пользу тем, что Ленин и другие революционные деятели – тоже дети дворян. Мною переданы через Крючкова А.М. соображения: 1) дать предварительно статью в ЦК 2) обращено внимание А.М. на ряд, по моему, – ошибочных мест. А. Щербаков. 29/XII 34» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 428. Л. 111)

П.А. Павленко – Л.Б. Каменеву

<Москва, лето 1934>

Дорогой Лев Борисович

Есть на свете такой журнал «30 дней», который Вас очень любит и уважает, и искренне хочет видеть Вас на своих страницах. Наша редколлегия самая молодая и, возрадовавшись некоторыми успехами журнала, пытается сделать из «30 дней» самый острый журнал, журнал новеллы, рассказа, маленькой пьесы.

Мы очень хотели бы Вас видеть в предсъездовском номере.

Тема – по Вашему выбору. В качестве пожелания, позволяем себе перечислить, что нас и читателей интересовало бы в первую очередь – о новелле, о русской новелле в частности, о работе редактора над классическими вещами и, наконец, диалог о литературе в той Вашей простой и свободной манере, которая делает Вас самым интересным публицистом.

Может быть, Вы хотели бы поспорить о литературных делах? Помечтать? Покритиковать когонибудь?

Единственно главное, чтобы Вы дали нам чтонибудь.

Крепко жму Вашу руку

П. Павленко[107].

Не пройдет и четырех месяцев, как Павленко даже имя «самого интересного публициста» сотрет из своей памяти, надеясь, что его письмецо 1934 г., адресованное, как было объявлено, «фашистскому шпиону, диверсанту и убийце», не будет поставлено ему в вину…

Из письма Корнея Чуковского, вернее, из сохранившейся у Каменева рабочей записки без обращения, приведем введение

[107] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 1.

(Опустим деловое, конкретное содержание – замечания к вступительной статье Каменева для двухтомника полного собрания стихов Некрасова). Это письмо коллеге-писателю: «Я люблю язык Ваших позднейших писаний: даже при изложении сложных и запутанных мыслей он остается свободен, изящен и прост. Тем придирчивее я отношусь к случайным погрешностям Вашего стиля…»[108].

Дневники Корнея Чуковского содержат ценнейший для нашего сюжета материал; грех им не воспользоваться:

5 декабря 1934, Москва:

«...Вчера я весь день писал и не выходил из своего 114 номера "Национали". Вечером позвонил к Каменевым, и они пригласили меня к себе поужинать. У них я застал Зиновьева, который – как это ни странно – пишет статью… о Пушкине ("Пушкин и декабристы"). Изумительна версатильность этих старых партийцев. Я помню, как Зиновьев не удостаивал меня даже кивка головы, когда он был недосягаемым мифом (у нас в Ленинграде). <…> Татьяна Ивановна <Глебова> угостила меня луком, ветчиной, пирожками – очень радушно. А потом мы пошли по Арбату к гробу Кирова. На Театральной площади к Колонному залу очередь: человек тысяч сорок попарно. Каменев приуныл: что делать? но, к моему удивлению, красноармейцы, составляющие цепь, узнали Каменева и пропустили нас, – нерешительно, как бы против воли. Но нам преградила дорогу другая цепь. Татьяна Ивановна кинулась к начальнику: "это Каменев". Тот встрепенулся и даже пошел проводить нас к парадному ходу Колонного зала. Т.И.: "Что это, Лева, у тебя за скромность такая сказал бы сам, что ты Каменев". – "У меня не скромность, а гордость, потому что а вдруг он скажет: никакого Каменева я знать не знаю". В Колонный зал нас пропустили вне очереди. В нем даже лампочки электрические обтянуты черным крепом. Толпа идет непрерывным потоком, и гэпеушники подготовляют ее: "скорее, скорее, не задерживайте движения!" Промчавшись с такой быстротой мимо гроба, я, конечно, ничего не увидел. Каменев тоже. Мы остановились у лестницы, ведущей на хоры, и стали ждать, не разрешит ли комендант пройти мимо гроба еще раз, чтобы лучше его разглядеть. Коменданта долго искали, нигде не могли найти – про-

108 РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 9.

цессия проходила мимо нас, и многие узнавали Каменева и не слишком почтительно указывали на него пальцами. Оказалось, Каменев добивался совсем не того, чтобы вновь посмотреть на убитого. Он хотел встать в почетном карауле. Наконец явился комендант и ввел нас в круглую "артистическую" за эстрадой. Там полно чекистов и рабочих, очень печальных, с траурными лицами <...> – и каждые 2 минуты из их числа к гробу отряжают 8 человек почетного караула. Каменев записал и меня. Очень приветливый, улыбающийся, чудесно сложенный человек, страшно утомленный, раздал нам траурные нарукавники – и мы двинулись в залу. Я стоял слева у ног и отлично видел лицо Кирова. Оно не изменилось, но было ужасающе зелено...»[109]

20 декабря, Москва:

«В "Academia" носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. Никто ничего определенного не говорит, но по умолчаниям можно заключить, что это так. Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нб. отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т.к. к гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой. С утра до ночи сидел с профессорами, с академиками – с Оксманом, с Азадовским, толкуя о делах Пушкинского Дома, будущего журнала и проч. Взял у меня статью о Шекспире, которая ему очень понравилась, звонил мне об этой статье ночью – указывал как переделать ее, спрашивал о радловском переводе "Отелло" – и казалось, весь поглощен своей литературной работой. А между тем...»[110]

18 января 1935, Ленинград:

«Очень волнует меня дело Зиновьева, Каменева и других. Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели. А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина, хлопочет о журнале Пушкинского Дома и что вся его жизнь у нас на ладони. Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот он искренне ушел в

[109] *Чуковский К.* Т. 12. С. 547–548.
[110] *Там же.* С. 549–550.

литературу – выполняя предначертания партии. Все знали, что в феврале он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного Института Литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами <...> Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время, как литератор, он значительно вырос, его книжка о Чернышевском[111], редактура "Былого и дум" стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем (на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1. всех литературоведов, гнездившихся в Пушкинском Доме; 2. всех переводчиков, гнездящихся в "Academia" и проч, и проч., и проч. Понемногу он стал пользоваться в литературной среде некоторым моральным авторитетом – и все это, оказывается, было ширмой для него, как для политического авантюриста, который пытался захватить культурные высоты в стране, дабы вернуть себе утраченный политический лик. Так ли это? Не знаю. Похоже, что так»[112].

Разговаривая в своем узком кругу, писатели чувствовали себя свободнее, чем перед листом белой бумаги (притом, конечно, что вероятность напороться на тайного агента НКВД в середине 1930-х резко возросла). Вот устное высказывание И.Э. Бабеля, записанное в сентябре 1936 г. сексотом НКВД: «Мне очень жаль расстрелянных потому, что это были настоящие люди. Каменев, например, после Белинского – самый блестящий знаток русского языка и литературы <...> Мне известно, что Гитлер после расстрела Каменева, Зиновьева и др. заявил: "Теперь я расстреляю Тельмана"»...[113]

Реестр писательских откликов на приговоры показательных политических процессов 1936-го куда скромнее, нежели в 1937-м, но тоже внушительный. В 1935 г., когда формулы обвинений вождей оппозиции еще могли казаться правдоподобными, писательских откликов даже «Литературная газета» не публиковала. Иное дело август 1936-го с постоянным

[111] *Каменев Л.Б.* Чернышевский. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Журнально-газетное объединение. 1933.

[112] *Чуковский К.* Т. 12. С. 555–556. Не исключено, что весь этот текст предназначен для посторонних глаз, чтобы уберечь Дневник, попади он в «чужие руки».

[113] Власть и художественная интеллигенция. С. 326. Историкам не обойтись без уцелевших записей сексотов, хотя эта информация оплачена жизнью тех, на кого стучали.

клише «бандитские дела Троцкого – Зиновьева – Каменева и их прихвостней», с передовой «Раздавить гадину!». 15 августа печатается сообщение «В прокуратуре Союза ССР» о передаче законченного следствием дела в суд. 20 августа публикуется на двух страницах «Обвинительное заключение». Его сопровождают нескольких писательских статеек – кто написал их от усердия, кто со страху. Один из лидеров уже распущенной литературной группы «Перевал» Иван Катаев успевает напечатать: «Троцкий, Зиновьев, Каменев готовили убийства, жертвой которых должны были пасть лучшие люди земли, руководители нового человечества». Про то, что случилось на следующий день, «Литературная газета» сообщает 27 августа: «Уже на последнем заседании партийной группы был разоблачен И. Катаев, тщательно скрывавший от партии свои непосредственные связи и прямую помощь ярым врагам партии – Воронскому и другим». А Воронский еще не арестован, но уже исключен из партии и Союза писателей; списки разоблаченных писателей растут как на дрожжах.

В издательстве «Academia» начиная с 23-го августа прошло пять (!) партийных собраний и обсуждений материалов процесса; несчастные сотрудники высасывают разоблачения из пальца: «Каменев не случайно писал предисловие именно к этой книге, – говорят о томике Макиавелли. – Теории государства и власти он учился у ее автора, а не у Маркса, Ленина и Сталина»[114]. Все работавшие с Каменевым чувствовали, что топор висит над каждым. Для начала – исключали из партии; один из видных перевальцев критик Д. Горбов, состоявший в партии с 1920 г. и чудом оставшийся в живых, по собственному его рассказу, «был исключен из партии в 1935-м на том основании что присутствовал на вечеринке у одного из моих сослуживцев по издательству “Академия”, где был также тогдашний директор этого издательства Л.Б. Каменев»[115]. Можно себе представить, что чувствовал тогда К.И. Чуковский, которого многие могли видеть вместе с Каменевым на похоронах Кирова и уж, конечно, это запомнили.

---

[114] Литературная газета. 1936. 27 авг.

[115] *Белая Г.А.* Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 555.

В перечне авторов выступлений есть имена тех, кого скоро арестуют (В. Киршон, Б. Ясенский, А. Гидаш), тех, кто всегда усердствовал (А. Караваева, В. Инбер, Вс. Вишневский, К. Тренев, В. Финк), иногда мелькнут имена достойных литераторов (Олеша, Лапин, Хацревин, Луговской, Сейфуллина)… То ли еще будет.

Если 27 июля 1935 г. Каменева приговорили уже к десяти годам заключения, то 24 августа 1936-го – к расстрелу. Президиум ЦИК отклонил ходатайства о помиловании всех осужденных. Приговор тотчас же был приведен в исполнение.

Реабилитация состоялась через 52 года.

ТРОЦКИЙ – СТАЛИН: КАК ПОМОЧЬ МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

(Документы 1922 г. по предыстории Наркомата литературы)

Союз советских писателей, провозглашенный в 1934-м (его формирование заняло два года), был фактически наркоматом литературы. Руки до его создания дошли у Сталина нескоро – располагая уже в 1929 г. почти абсолютной властью, он еще не числил отлаженное управление литературой в своих первоочередных задачах. Сохранялась действовавшая система: Агитпроп ЦК ВКП(б) курировал литературные группы, выступая арбитром в спорных сюжетах, а политическая цензура, направляемая тем же ЦК, контролировала издательства и журналы (к тому времени в большинстве своем уже государственные). Между тем, попытка создать государственную структуру для поощрения и направления молодых авторов была предпринята в Советской России еще в 1922 г.

1. Записка Троцкого: основания и нереализуемость плана

30 июня 1922 г. председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий направил в Политбюро записку. К очередному заседанию Политбюро она была размножена для его членов сталинским рабочим аппаратом:

С<овершенно> Секретно
Бюро секретариата ЦК РКП(б)
30/ VI <1922> вх. № 7668/ с
В Политбюро

О молодых писателях, художниках и пр.

Мы несомненно рискуем растерять молодых поэтов, художников и пр., тяготеющих к нам. Никакого или почти никакого внимания к ним нет, вернее сказать, внимание к отдельным лицам проявляется случайно отдельными советскими работниками или чисто кустарным путем. В материальном смысле мы даже наиболее даровитых и революционных толкаем к буржуазным или враждебным нам издательствам, где эти молодые поэты вынуждены равняться по фронту, т.е. скрывать свои симпатии к нам.

Необходимо поставить своей задачей внимательное, вполне индивидуализированное отношение к представителям молодого советского искусства. В этих целях необходимо:

1. Вести серьезный и внимательный учет поэтам, писателям, художникам и пр. Учет этот сосредоточить при Главном Цензурном Управлении[1] в Москве – Петрограде. Каждый поэт должен иметь свое досье, где собраны биографические сведения о нем, его нынешние связи, литературные, политические и пр. Данные должны быть таковы, чтобы

а) они могли ориентировать цензуру при пропуске надлежащих произведений

б) они могли помочь ориентировке партийных литературных критиков в направлении соответствующих поэтов, и

в) чтобы на основании этих данных можно было принимать те или другие меры материальной поддержки молодых писателей и пр.

[1] Троцкий имеет в виду созданный 6 июня 1922 г. Главлит (до того цензурные функции осуществлял Политотдел Госиздата).

2. Уже сейчас выделить небольшой список несомненно даровитых и несомненно сочувствующих нам писателей, которые борьбой за заработок толкаются в сторону буржуазии и могут завтра оказаться во враждебном нам лагере, подобно Пильняку[2] (как мне сообщил т. Ионов[3]). Составление списка таких писателей и художников поручить в Москве т.т. Мещерякову[4], Воронскому и Лебедеву-Полянскому[5] за тремя подписями, в Петербурге т.т. Ионову, Быстрянскому[6] (и может быть т. Зиновьев назовет кого-либо).

3. Дать редакциям важнейших партийных изданий (газет, журналов) указание в том смысле, чтобы отзывы об этих молодых писателях писались более «утилитарно», т.е. с целью добиться

---

[2] С Борисом Пильняком в 1922–1923 гг. у Троцкого установились дружественные отношения; в очерке, посвященном Пильняку и Замятину, сын Пильняка, говоря про в целом отрицательное отношение обоих писателей к большевистским вождям, заметил: «Только для Троцкого и Луначарского делали они исключение, видя в них людей образованных, причем и тот и другой были писателями и безусловными сторонниками литературного плюрализма, понимающими, что одного *мнения* еще недостаточно, нужно *умение*, а оно есть только у тех, у кого культура» (Знамя. 1994. № 9. С. 126). В 1922 г. три книги Пильняка вышли в зарубежных издательствах («Былье» в изд-ве «Библиофил», Ревель; «Метелинка» в изд-ве «Огоньки», Берлин; «Повесть петербургская» в изд-ве «Геликон», Берлин).

[3] Илья Ионов – пролетарский поэт, председатель правления издательства Петросовета (впоследствии директор Ленгиза, зарубивший немало хороших книг), шурин Г.Е. Зиновьева.

[4] Н. Мещеряков – член редколлегии «Правды», зав. Госиздатом РСФСР.

[5] Валериан Лебедев-Полянский – до 1920 г. председатель Всероссийского совета Пролеткульта; затем начальник всероссийской цензуры (с сентября 1922 г. – Главлита); редактор литературной газеты «Московский понедельник» (с осени 1922 г. – «Новости»), в которой он, скажем, предостерегал «серапионовых братьев» от занятий публицистикой, критикой, теорией, ссылаясь на вредный опыт Горького (правда, напечатал и ответную статью Л. Лунца «Об идеологии и публицистике» – см.: Звезда. 1997. № 12. С. 151–152).

[6] Вадим Быстрянский – член Петросовета, член редколлегии Госиздата, начальник питерской цензуры, член редколлегии журнала «Книга и революция» (наряду с И. Ионовым и К. Фединым, который фактически и делал журнал; отметим, что в 1923 г.в журнале была напечатана большая и сугубо положительная статья о многотомном издании работ Троцкого «Война и революция», после чего журнал закрыли – см.: Звезда. 1997. № 12. С. 152).

определенного воздействия и влияния на данного молодого литератора. С этой целью критик должен предварительно знакомиться со всеми данными о писателе, дабы яснее представить себе линию его развития. Очень важно также установить (через посредство редакций или другими путями) личные связи между отдельными партийными товарищами, интересующимися вопросами литературы, и этими молодыми поэтами и пр.

4. Цензура наша также должна иметь указанный выше педагогический уклон. Можно и должно проявлять строгость по отношению к изданиям со вполне оформившимися буржуазными художественными тенденциями литераторов. Необходимо проявлять беспощадность по отношению к таким художественно-литературным группировкам, которые являются фактическим центром сосредоточения меньшевистско-эсеровских элементов[7]. Необходимо в то же время внимательное, осторожное и мягкое отношение к таким произведениям и авторам, которые, хотя и несут в себе бездну всяких предрассудков, но явно развиваются в революционном направлении.

Поскольку дело идет о произведениях третьей категории[8], запрещать их печатанье надлежит лишь

[7] Так, в 1924 г. была запрещена в Петрограде Вольная философская ассоциация; в 1923 г. попал в проскрипционные списки один из ее руководителей –политически солидарный с левыми эсерами Иванов-Разумник, лишенный возможности печататься под своим именем (отметим, что еще в 1912–1914 гг. Троцкий резко полемизировал с Ивановым-Разумником в своих литературных статьях). «Невостребованность Андрея Белого советской литературной общественностью середины 1920-х годов во многом определялась тем, что его творчество получило однозначно негативную оценку в книге Л.Д. Троцкого "Литература и революция" (1923) – оценку, которая по тем временам воспринималась законопослушными литераторами как верховный и окончательный вердикт», – пишут А.В. Лавров и Дж. Мальмстад в предисловии к книге «Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка» (СПб., 1998. С. 17). Действительно, статья Троцкого о Белом завершалась грозно: «Белый – покойник, и ни в каком духе он не воскреснет» (Правда. 1922. 1 окт.).

[8] Т.е. колеблющихся, но не являющихся явными противниками режима, писателей.

в самом крайнем случае. Предварительно же нужно попытаться свести автора с товарищем, который действительно компетентно и убедительно сможет разъяснить ему реакционные элементы произведения, с тем, что если автор не убедится, то его произведение печатается (если нет действительно серьезных доводов против напечатания), но в то же время появляется под педагогическим углом зрения написанная критическая статья.

5. Вопрос о форме поддержки молодых поэтов подлежит особому рассмотрению. Лучше всего, разумеется, если бы эта поддержка выражалась в форме гонорара (индивидуализированного), но для этого нужно, чтобы молодым авторам было где печататься. «Красная Новь»[9] ввиду ее чисто партийного характера – недостаточное для них поле деятельности. Может быть, придется создать непартийный чисто художественный журнал под общим твердым руководством, но с достаточным простором для индивидуальных «уклонений».

6. Во всяком случае на это придется, очевидно, ассигновать некоторую сумму денег.

7. Те же меры нужно перенести и на молодых художников. Но здесь нужно особо обсудить вопрос о том, при каком учреждении завести указанные выше досье и на кого персонально возложить работу.

Л. Троцкий.

30 июня 1922 г. № 408[10].

Каковы были объективные основания для тревоги Троцкого?

---

[9] «Красная Новь» – литературный журнал, редактировавшийся А.К. Воронским; создан в 1921 г. Отметим, что так же называлось и созданное в январе 1922 г. на базе редакционно-издательской коллегии Главполитпросвета РСФСР партийное издательство массовой литературы, с января 1923 г. – издательство ЦК РКП(б); в августе 1924 г. слилось с Госиздатом РСФСР.

[10] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 9. Опубликовано по другому экземпляру: «Источник». 1995. № 6. С.131–132.

Посмотрим, как складывалось положение с изданием стихов в Советской России к 1922 г. и (для сравнения) в ближайшем будущем. В качестве выборки имен используем перечень 70 издававшихся современных (на тот момент) русских поэтов[11]. Политически этот перечень достаточно широк – от Безыменского до Гумилева. Данные, необходимые для установления тенденции книгоиздания на 1929 г., взяты из справочника А.К. Тарасенкова[12]; он же использован для коррекции в необходимых случаях информации Е.Ф. Никитиной.

Разобьем (с вынужденной мерой условности) всех поэтов на четыре группы по их политической благонадежности: 1) абсолютно советские (идеальный пример – Д. Бедный); 2) просоветские (Маяковский), 3) колеблющиеся (Пастернак), 4) чуждые (Гумилев).

Представим хронологическую таблицу количества выпущенных книг поэтов (стихи, поэмы, стихотворные драмы) данной политической категории. Три числа, указанные в одной клетке, дают количество книг, выпущенных: 1) государственными издательствами и издательствами советских литгрупп (Пролеткульт, ЛЕФ, Имажинисты, Кузница, Круг и т.д.), 2) частными, коммерческими российскими издательствами и 3) зарубежными (главным образом, берлинскими) издательствами (результаты приводятся последовательно именно в таком порядке); причем результаты трех авторов-рекордсменов покажем и отдельно:

Группа	1919	1921	1922	1923	1929
1	27; 0; 0	25; 0; 0	26; 1; 0	31; 0; 0	22; 0; 0
2	13; 6; 0	22; 8; 2	17; 10; 9	26; 0; 17	17; 3; 0
3	0; 4; 0	2; 7; 1	3; 10; 9	1; 3; 3	7; 0; 0
4	0; 3; 1	0; 16; 11	5; 21; 14	3; 2; 8	2; 0; 0
Д. Бедный	14; 0; 0	7; 0; 0	4; 0; 0	16; 0; 0	6; 0; 0
Маяковский	4; 0; 0	2; 0; 0	3; 0; 0	12; 0; 2	4; 0; 0
Блок (2 гр.)	1; 3; 0	2; 6; 0	0; 4; 5	3; 0; 12	4; 0; 0

[11] См. справочник: *Никитина Е.Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926.

[12] *Тарасенков А.К.* Русские поэты XX века. 1900–1955. М., 1966.

Таблица показывает:

1) суммарное улучшение книгопечатания после 1919 г. и относительное ухудшение его к 1929 г.;

2) стабильный уровень господдержки сугубо советских авторов;

3) резкий рост выпуска книг поэтов 4-й группы частными издательствами в 1921–1923 гг.;

4) рост зарубежных изданий поэтов 2–4-й групп к 1922 г. и спад после 1922 г. (пик по группе 2 в 1923 г. вызван многократным посмертным изданием в Берлине сочинений Блока);

5) увеличение в 1922 г. доли частных издательств по сравнению с госсектором в выпуске книг молодых, просоветски настроенных авторов;

6) почти полное свертывание частного сектора в книгоиздании к 1929 г.;

7) ничтожную издательскую поддержку государством поэтов 3-й и 4-й групп в течение всего этого времени.

Независимо от того, получали ли члены Политбюро статистические данные о политическом и классовом характере издания современных российских авторов (возможно, такая статистика попадалась в материалах Агитпропа) или Троцкий установил соответствующую картину на глазок сам, его посылы, на которых строилась записка, соответствовали реальной ситуации.

Эта записка написана Л.Д. Троцким во время летнего отдыха и лечения, когда у него появилась возможность заняться чтением тогдашней литпродукции РСФСР и вернуться к столь любезной ему литературной работе. Не исключено, что Троцкому вспомнились его молодые годы в Вене, откуда он систематически посылал в «Киевскую мысль» обзоры литературной и вообще культурной жизни Запада и отклики на новинки российской литературы. Так или иначе, но помимо публикуемой здесь записки, Троцкий тем летом по ходу чтения набрасывал, надо думать, какие-то заметки, из которых выросли его литературно-критические статьи – их первый куст появился в «Правде» в сентябре-октябре 1922 г. Статьи содержали общую картину послеоктябрьской русской литературы; они были изданы (вместе с давними, венскими) в Москве от-

[13] *Троцкий Л.* Литература и революция. 2-е, доп. изд. М.: ГИЗ, 1924. 424 с.

дельной книгой в 1923 г. и повторены в 24-м[13], а в 1991-м переизданы тиражом 100 тыс. экземпляров и быстро разошлись – чтение для достаточно массового читателя, воспитанного на ином представлении о Троцком, оказалось неожиданным и небезынтересным.

Предложения Троцкого, адресованные Политбюро, если их рассматривать вне конкретных обстоятельств российской ситуации того времени и вне исходной благой цели автора, представляют вариант организации тотального контроля в литературной сфере, причем административная природа и незакамуфлированная конкретность этих предложений поневоле обращают память к соответствующим страницам Замятина и Орвелла. Но, зная, *что* именно в итоге было осуществлено в СССР по части управления литературой, и обретя в последнее время привычку выбирать лишь из двух зол, грех не прокомментировать сделанные Троцким предложения, исходя из того, что являлось их первосутью.

Понятно желание навести порядок во всем, что было предварительно разрушено, включая и необходимую в рамках установленной политической системы издательскую политику государства. «Какую политику в искусстве предлагает партии тов. Троцкий? Коротко говоря: *политику благожелательного нейтралитета* (в отношении пролетарских поэтов и так называемых попутчиков). Политику *невмешательства*. Никакого выделения группировок, кроме явно враждебных. *В одни скобки вводится все, что не идет очень открыто против нас политически*»[14] – это было сказано *против* Троцкого (нападки на него уже шли публично, в открытую, но вежливость еще соблюдалась). И, в общем, это была правда, хотя, конечно, все упиралось в определение «явно враждебных сил» в литературе, в меру расширительности этого определения. Адепты классового искусства требовали: поощряется только пролетарское искусство, никаких попутчиков (этот термин ввел Троцкий; термин пережил политическую смерть своего автора в СССР). Троцкий же в своей записке ставит вопрос о помощи именно попутчикам (как видно из приведенной выше таблицы, помощь государства пролетарским авторам все годы была стабильной). Дело, стало быть, в том, кого считать попутчиком и кто это будет определять.

[14] *Чужак Н.* Литература. К художественной политике РКП. М., 1924. С. 63.

Даже если бы предложенная Троцким схема обслуживала распределение амуниции, и тогда ее работа не была бы автоматически безупречной – все зависело бы от тех лиц, кто принимает решения. Предмет же ее настоящих забот столь тонок, что требовал на всех ключевых местах схемы образованных, интеллигентных, обладающих хорошим литературным вкусом, энергичных людей, свободных в рамках своих полномочий (надо ли говорить, что применительно к России эти пять свойств практически несочетаемы).

Троцкий понимал, как многое зависит от определяющего: попутчик или нет? Недаром он счел необходимым указать фамилии «узловых» исполнителей своего проекта. Правда, если среди знакомых ему московских работников издательского дела он нашел три имени (Мещеряков, Воронский и Лебедев-Полянский), то уже для Питера ему едва пришли на ум двое (Ионов и Быстрянский), и он вынужден отсылать за третьей кандидатурой к «лучшему другу» питерских литераторов Григорию Зиновьеву...

Очевидно, что, когда предлагаемые модели требуют для своего осуществления хороших людей, они проваливаются. И в этом смысле реализуемость схемы Троцкого была, мягко говоря, сомнительна.

С другой стороны, эта схема, едва ли не автоматически, в руках человека иной задачи превращалась в план организации заурядной слежки за политически ненадежными авторами, давления на них и подкупа, словом, в тот «кнут и пряник», которыми вплоть до 1991 г. орудовал КГБ. Правда, для этого план нуждался в камуфляже...

2. Реакция Сталина

Когда бумага Троцкого пришла в аппарат Сталина, до заседания Политбюро оставалась неделя. Сталин был не готов высказаться по существу вопросов, поднятых в записке Троцкого.

«Роль И.В .Сталина в вопросах руководства литературным процессом <...> до начала 1930-х годов представляется, в том числе и в силу закрытости до сих пор важных документальных свидетельств, минимальной. В этот период генеральный секретарь партии не принимал активного участия в борьбе за идеологическое формирование позиции ЦК по ключевым вопро-

сам развития и состояния советской литературы, передоверяя это своим более образованным соратникам, прежде всего Н.И. Бухарину и А.В. Луначарскому», – утверждает знаток архивных документов Д. Бабиченко[15]. Это подтверждают и участники событий, скажем, В.Полонский, в книге которого есть очерки о литературных взглядах Богданова, Ленина, Троцкого, Воронского, Бухарина и Луначарского, но имя Сталина вообще не встречается[16]. Сие, однако, не означает, что Сталин *не хотел* заниматься вопросами литературной политики и не имел к ним интереса, и уж, конечно, он не мог оставить без внимания ни одну инициативу Троцкого (противостояние обоих вождей с болезнью Ленина стало фактически открытым).

Сталин поручил замзаву Агитпропом ЦК (потом генсек сделает его главным специалистом ЦК по сельскому хозяйству) Я.А. Яковлеву, в ведении которого находились вопросы литературы и искусства, представить соответствующую справку в связи с запиской Троцкого. Подробная справка (она должна была показать знание предмета и наличие конструктивных идей, а тем самым опровергнуть резкие обвинения ведомства в бездеятельности, как неоправданные) поступила через три дня:

3/VП Тов. Сталину.

В ответ на Ваш запрос сообщаю следующее:

1. В настоящее время уже выделили ряд писателей всех групп и литературных направлений, стоящих четко и определенно на нашей позиции. 21 год оказался годом бурного литературного расцвета, выдвинувшего десятки новых крупных литературных имен из молодежи. В настоящий момент борьба между нами и контр-революцией за завоевание значительной части этих литературных сил (вся эмигрантская печать стремится «купить» нашу литературную молодежь, «Утренники» – журнал Питерского Дома Литераторов – орган откровенной

[15] *Бабиченко Д.* «Счастье литературы». Государство и писатели. М., 1997. С. 4–5.

[16] *Полонский В.* Очерки литературного движения революционной эпохи. 1917–1927. М., 1928.

контрреволюции принужден оперировать теми же литературными именами что и мы. Основные организованные литературные центры – в руках белых (скрытых или явных) – Питерский Дом Литераторов, Всероссийский Союз Писателей. Наши организационные центры бездеятельны, немощны, не умеют привлечь нового писателя-революционера, советского человека, но не члена РКП (Московский Дом Печати в этом смысле безжизненнен (так! – *Б.Ф.*), Петроградская Ассоциация Пролетарских писателей исключает Всеволода Иванова по соображениям «пуританского» объективно вредного характера).

2. Основные группы, политически нам блиских (так! – *Б.Ф.*) в настоящий момент:

а) старые писатели, примкнувшие к нам в первый период революции – Валерий Брюсов, Сергей Городецкий, Горький и т.д.;

б) пролетарские писатели, Пролеткульт (питерский и московский), насчитывающий ряд несомненно талантливых людей

в) футуристы – Маяковский, Асеев, Бобров и т.д.;

г) имажинисты – Мариенгоф, Есенин, Шершеневич, Кусиков и т.д.;

д) Серапионовы-братья – Всеволод Иванов, Шагинян, Н. Никитин, Н. Тихонов, Полонская и т.д.; ряд колеблющихся политически неоформленных, за души которых идет настоящая война между лагерями эмиграции и нами (Борис Пильняк, Зощенко и т.д.);

е) идущие к нам через сменовеховство – Алексей Толстой, Эренбург, Дроздов и т.д.

3. Оформить настроение сочувствия нам, привлечь на свою сторону колеблющихся можно путем создания единого центра, объединяющего эти группы писателей. Объединение должно быть безусловно беспартийным. Коммунистическое меньшинство должно отрешиться от недопустимого, ничем не оправдываемого коммунистического чванства, мешающего коммунистическому влиянию на беспартий-

ных, но политически или социально блиских (так! – *Б.Ф.*) нам писателей, особенно из молодежи.

4. Таким организационным центром может стать Всероссийский Союз писателей, имеющий некоторую материальную базу и который при некоторой работе (достаточно тактичной и осторожной) завоевать можно. Московский Дом Печати при его реорганизации мог бы стать Московской базой такого Всероссийского Союза.

Можно пойти и иным путем – путем организации «Общества развития русской культуры» – как беспартийного общества, объединяющего прежде всего литературную молодежь и имеющего некоторую материальную базу.

Можно пойти комбинированным путем – путем создания «Общества» с более строго ограниченным составом и одновременного завоевания Всероссийского Союза писателей, рамки которого могли быть в этом случае более широкими.

5. И той и другой организации должны быть представлены значительные издательские возможности

Я. Яковлев[17].

Справка Яковлева отвечает на критическую часть записки Троцкого, никак не комментируя и даже не упоминая ее. Троцкий писал главным образом о поэтах, исходя из априорно большего благополучия беллетристов. Яковлев ведет речь сразу о всех писателях. Справка содержит классификацию писательских сил, на сотрудничество которых в той или иной степени власть может рассчитывать; исчерпывающего списка писателей нет, только по нескольку знаковых имен в каждой группе (ошибок при этом немного: М.С. Шагинян была знакома со всеми «серапионами», но в их группу официально никогда не входила и, наоборот, М.М. Зощенко был членом группы Серапионовых братьев с самого ее основания; И.Г. Эренбург, выехав, стараниями Н.И. Бухарина, с советским паспортом в Париж в 1921 г. к сменовеховству никакого отношения не имел).

[17] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 8. Опубликовано по другому экземпляру: «Источник». 1995. № 6. С. 135–136.

Литературный и коммерческий интерес берлинских издательств и читателей к книгам молодых советских авторов трактуется в справке как «борьба контрреволюции за завоевание литературных сил».

Предложения Троцкого о Главном цензурном управлении, его воспитательных задачах и методике их осуществления Яковлев не упоминает. Он предлагает два варианта объединения сочувствующих советской власти писателей: либо через подчинение Всероссийского Союза писателей, либо путем создания нового беспартийного «Общества развития русской культуры». Реплика о недопустимости комчванства со стороны комменьшинства в предполагаемом «Обществе» находится в явном русле антипролеткультовских соображений Ленина, известных Яковлеву по службе, при этом Пролеткульт назван в списке вторым по порядку, а его литераторы – «несомненно талантливыми». (Напомню, что Троцкий, в отличие, скажем, от Бухарина, не принимал всерьез мысли о возможности создания пролетарской культуры в данных исторических обстоятельствах, а наркомпрос Луначарский занимал не столь определенную позицию, не оспаривая Ленина, но и не забывая давней дружбы с изобретателем Пролеткульта Богдановым.)

Эта справка была Сталиным проанализирована, и в итоге он обратился к членам Политбюро в связи с запиской Троцкого со своими собственными предложениями, использовав, как он это и впоследствии делал, чужие мысли (а в данном случае – даже чужие грамматические ошибки, добавив к ним свои), не утаив, правда, от членов Политбюро текста скрыто полемизирующей с Троцким справки Яковлева.

Российская коммунистическая партия (большевиков)
Центральный Комитет

№ 50181/с Москва, 3 июля 1922 г.
Тов. Молотову[18]

Возбужденный тов. Троцким вопрос о завоевании блиских (так! – *Б.Ф.*) к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержки

[18] Аналогичные записки направлены всем членам Политбюро.

является на мой взгляд вполне своевременным. Я думаю, что формирование советской культуры (в уском (так! – *Б.Ф.*) смысле слова), о котором так много писали и говорили одно время некоторые «пролетарские идеологи» (Богданов и другие), теперь только началось. Культура эта, по-видимому, должна вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контр-революционными течениями и группами на новом поприще.

Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе – в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем, «Общества развития русской культуры» или чего-нибудь в этом роде. Пытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или к какому-нибудь «казенному» учреждению – значит оттолкнуть молодых поэтов от себя и расстроить дело. Было бы хорошо во главе такого общества поставить обязательно беспартийного, по советски настроенного, вроде, скажем, Всеволода Иванова. Материальная поддержка вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима.

Для ориентировки прилагаю ответ Замзавагитпропа т. Яковлева на мой соответствующий запрос.

И. Сталин[19].

По поручению Сталина его письмо, справка Яковлева и письмо Троцкого, как единый материал, были разосланы всем членам Политбюро с сопроводительной запиской, напечатанной на таком же бланке, как и письмо Сталина:

---

[19] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 7. Опубликовано по другому экземпляру: «Источник». 1995. № 6. С. 133–134.

Российская Коммунистическая партия (большевиков)
Центральный Комитет

№ 5018/с 3 июля 1922
Всем членам Политбюро
Т.т. Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Томскому, Молотову и тов. Цюрупе.

По поручению тов. Сталина препровождается для ознакомления к заседанию Политбюро (в четверг 6 VII) материал по вопросу о моральной и материальной поддержке молодых поэтов (на 3 лист.)

Пом. Секретаря ЦК *Назаретян*[20].

Заметим, что в перечне отсутствуют кандидаты в члены Политбюро Бухарин и Калинин (возможно, их не было в Москве), но есть кандидат в члены Политбюро Молотов, который одновременно являлся секретарем ЦК и членом подчиненного Сталину Оргбюро; Цюрупа приглашался, видимо, как зампред Совнаркома, в ведении которого находилось финансовое обеспечение культурных программ.

В письме Сталина присутствует его, ставший вскоре знаменитым, стиль «многозначительных трюизмов» (выражение Вяч.Вс. Иванова).

Для Сталина в борьбе с Троцким не было мелочей; каждый, даже малозначительный, сюжет тщательно обдумывался, любая инициатива Троцкого рассматривалась как вызов, требующий ответа.

Сталин признает вопрос, поднятый Троцким, своевременным. Но, как ему кажется, ставит вопрос шире – о создании советской культуры в борьбе с «контрреволюционными течениями» (именно советской, а не пролетарской – к идеологам Пролеткульта он не испытывает симпатии, отозвавшись о них с характерной иронической интонацией). Сталин пишет о сплочении «в одно ядро» молодых просоветских сил литературы, а не

[20] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 6. А.М. Назаретян в 1922 г. возглавлял секретариат Сталина, с 1924 г. – секретарь Закавказского крайкома РКП(б).

просто о материальной помощи им. Вообще, вслед за Яковлевым, Сталин делает упор на борьбе, причем не просто против «меньшевистско-эсеровских», как у Троцкого, сил в культуре, но с «многообразными течениями и группами»; задача практического содействия молодым литераторам в такой постановке вопроса перестает быть главной.

Что касается практического проекта Троцкого (в «уском» смысле), то Сталин решительно отвергает рабочее предложение сделать центром заботы о молодых поэтах Главное управление цензуры – он считает необходимым соответствующий камуфляж.

Взяв у Яковлева идею «Общества развития русской культуры» как возможный вариант решения вопроса, Сталин отверг план Троцкого, назвав его «попыткой пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету». Но содержательную часть плана (досье на всех участников, контроль за всем написанным и за литературными контактами), Сталин, как и во многих аналогичных случаях, использовал для организации тотального контроля за литературой под вывеской созданного через 12 лет Союза советских писателей.

Наконец, предложение Сталина поставить во главе писателей Вс. Иванова возникло не только потому, что Яковлев сообщил об изгнании Иванова пролетарскими писателями (Сталин и потом, бывало, ставил гонимого над гонителями), но и потому, что генсек знал его лично и одобрял его прозу. А.К. Воронский показывал Сталину материалы «Красной нови» и в марте 1922 г. писал Вс. Иванову о реакции вождей на его «Бронепоезд»: «В восторге Сталин и прочая именитая публика»[21]. Сын писателя свидетельствует со слов своего отца, что Сталин пригласил в 1922 г. Вс. Иванова пожить с ним на даче и это было осуществлено, видимо, летом 1922 г.; он же объясняет последующее охлаждение отношений отца с вождем несогласием Вс.Иванова с намерением Сталина написать предисловие к сборнику его прозы[22].

---

[21] Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Литературное наследство. Т. 93. С. 559.

[22] *Иванов Вяч.Вс.* Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 107, 128.

3. Решение Политбюро

Политбюро рассмотрело поднятый Троцким вопрос 6 июля 1922 г. и приняло следующее постановление:

> № 16. п. 5 – О молодых писателях и художниках (Троцкий)
>
> а) Принять предложение т. Троцкого со следующими поправками:
>
> В п. 1а слово «цензуру» заменить словом «Госиздат».
>
> В п. 2-м вставить: «в течение ближайших 2-х недель». Слова «подобно Пильняку (как сообщил т. Ионов)» – вычеркнуть. Тов. Лебедева-Полянского заменить тов. Яковлевым.
>
> П. 5-ый заменить следующим: «В качестве формы организации и поддержки молодых поэтов наметить в предварительном порядке создание художественного издательства (при государственной субсидии), которое в общем и целом находилось бы под контролем Госиздата, но имело бы беспартийный характер и давало бы вполне достаточный простор для всяких художественных тенденций и школ, развивающихся в общесоветском направлении».
>
> П. 6-ой: «Признать необходимым ассигновать для этого некоторую сумму денег».
>
> б) Поручить комиссии в составе тт. Ионова, Яковлева и Мещерякова обсудить вопрос о целесообразности и способе организации молодых поэтов, сочувствующих советской власти, в самостоятельное общество во главе с беспартийным, но вполне надежным лицом. Созыв комиссии за т. Яковлевым.
>
> в) Поручить т. Каменеву представить в Политбюро предварительный набросок плана, указанного п. 5-м издательства, и ознакомиться с Брюсовским институтом художественной культуры[23], выяснив способ его укомплектования и т.д.[24]

[23] Высший литературно-художественный институт, организованный В.Я. Брюсовым и открывшийся в Москве в ноябре 1921 г.

[24] Власть и художественная интеллигенция. С. 40–41.

Таким образом, на заседании Политбюро Сталин провел свой вариант: во-первых, Троцкий был устранен от дальнейшей разработки писательского вопроса, и от Политбюро докладчиком был назначен тогда абсолютно лояльный Сталину Каменев; вся реальная работа по созданию писательского сообщества была поручена специальной комиссии, во главе которой был поставлен сталинский человек Яковлев.

20 июля 1922 г. на заседании Политбюро Л.Б. Каменев доложил вопрос «О молодых поэтах» и по его сообщению было принято решение:

> № 18 п. 16 – О молодых поэтах (Каменев)
> Не возражать против предложения комиссии т. Яковлева[25].

Приложением к этому решению стал утвержденный Политбюро документ:

> Постановление Комиссии, назначенной Политбюро от 6 VII с.г.:
>
> 1. Об организации общества. Идти к организации общества через издательство. В инициативную группу издательства привлечь: Асеева, Вс. Иванова, Пильняка, Ляшко, Семенова, Брюсова, Воронского и одного из «Серапионовых братьев» по соглашению с Шагинян. Поручить т. Воронскому снестись с наиболее надежными из этой группы.
> 2. О формах субсидии. Признать основной формой субсидии субсидию издательству для повышенного гонорара и для удешевления издания; признать необходимым предоставление издательству (обществу) дома, в котором мог бы быть устроен клуб, общежитие с обстановкой человек на 40 и при котором смог бы организоваться фонд помощи писателям. Поручить т. Воронскому выделить из списка писателей, нуждающихся в немедленной субсидии. Субсидия необходима в размерах, кото-

[25] Власть и художественная интеллигенция. С. 41.

рые дали бы возможность в ближайший месяц издать 10 томиков и развернуть клуб, общежитие и фонд.

Зам.зав агитпропотделом *Я. Яковлев*[26].

Однако в ходе работы и, скорей всего, под воздействием авторитета и опыта Воронского, поддерживавшего нормальные отношения со Сталиным, но по вопросам культурной политики занимавшего позицию Троцкого, Комиссия решила использовать группу «Красной нови» в качестве ядра будущего беспартийного общества писателей. Таким образом Воронский становился во главе намечаемого процесса. Важно было и то, что Комиссия наметила привлечь к этой деятельности «широкие слои писательской общественности» от Брюсова до «серапионов». «Для того, чтобы придать этой ассоциации деловые формы и избежать возможной бюрократизации, и было решено "идти к организации общества через издательство". 26 июля 1922 г. Комиссия, созданная Политбюро ЦК РКП(б), назначила Воронского ответственным за организацию нового издательства, названного по его предложению "Круг"»[27]. Оно возникло как кооперативное издательство артели писателей «Круг», которой надлежало стать центром будущего объединения всех просоветских писателей. 17 августа 1922 г. Л.Б. Каменев докладывал на Политбюро об издательстве молодых поэтов и по его сообщению было принято решение: «Одобрить предложение о вложении Госиздатом в смешанное издательское общество "Круг" 150 миллиардов рублей 1921 г. при условии организации этого общества на акционерных началах и при наличии на руках Госиздата контрольного пакета акций», причем «определение основ существования общества, способов управления, расходов и т.д. поручить комиссии в составе тт. Каменева, Шмидта и Воронского»...[28]

23 августа Троцкий отправил письмо Каменеву, посвященное реализации постановления Политбюро от 6 июля 1922 г. о создании единого союза писателей на базе «Круга». Литературные леваки из различных литгрупп не желали сотрудни-

[26] Власть и художественная интеллигенция. С. 41.
[27] Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. С. 536.
[28] Власть и художественная интеллигенция. С. 42.

чать с «Кругом», настаивая на создании идеологически чистого объединения писателей (в декабре 1922 г. они образовали группу «Октябрь», прародительницу РАППа, и с 1923 г. начали издавать одиозный журнал «На посту»). Троцкий, которому суждено было стать лидером левой оппозиции в СССР (единственной массовой оппозиции режиму Сталина), в вопросах культуры не разделял напостовских взглядов. В его письме Каменеву – конструктивное стремление к объединению всех литературных сил, стоящих, если пользоваться тогдашней лексикой, на советских рельсах, проявляется вполне отчетливо:

№3359
Тов.Каменеву Л.Б.
Копия тов. Воронскому.

Наряду с «Кругом» делаются попытки объединения писателей коммунистов. Было уже организационное собрание. Вырабатываются тезисы (критику этих тезисов я тов. Каменеву послал). Цели этого объединения пока еще довольно смутны. Но мне кажется, что одним из мотивов является недоверие к «Кругу» – в том смысле, что он будет затирать молодых коммунистов в пользу «Сменовеховцев». Такой мотив объединения был бы наиболее болезненным и вредоносным. Мне кажется, что тут «Кругу» надо пойти навстречу коммунистической молодежи и предложить ей составить альманах, который мог бы быть издан в ближайшее время. Чисто идейное объединение писателей-коммунистов может принести известную пользу, но лучше всего, если они будут фракцией в рамках «Круга», а не конкурирующей с ним (особенно на почве издательства) организацией.

23/VIII 22 г.

Л. Троцкий[29].

---

[29] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 8.

И еще одно письмо Каменеву на тему литературной политики Троцкий написал 12 сентября:

№ 3553
Л.Б. Каменеву

Разумеется, «Кузницу»[30] нужно поддержать, но я очень опасаюсь, чтобы не вышло новых недоразумений: есть ведь и другие пролетарские издательства в Петрограде и в Москве. Насколько я знаю, между ними борьба. В «Кузнице» тоже есть что-то вроде раскола[31]. Может оказаться, что мы поддерживаем одну группу против другой. Этого нужно во что бы то ни стало избежать.

Л. Троцкий[32].

Как известно, артель писателей и ее издательство «Круг» действительно были созданы, выпустили массу книг и несколько альманахов, но Союза писателей из артели «Круг» не получалось, как не могло получиться его и из группы «Перевал», созданной Воронским на базе «Красной нови» в 1924 г. Литературная деятельность Воронского вызывала оголтелые нападки напостовцев, а затем и Агитпропа ЦК. В 1927 г. Воронскому пришлось оставить работу и в «Красной нови», и в издательстве «Круг»; в 1928 г. по обвинению в принадлежности к троцкистской оппозиции его исключили из партии, а затем выслали в Липецк. Уход Воронского «Круг» не спас, и в 1929-м его слили с издательством «Федерация», из чего в итоге образовалось издательство художественной литературы (ГИХЛ), а не Союз писателей, как предполагалось в 1922 г.

Но мы забежали вперед, во времена, когда Троцкому уже давно было не до помощи советским поэтам, а Сталин еще не мог заняться вплотную руководством литературой...

---

[30] Московская литературная группа, созданная в 1920 г. поэтами-пролеткультовцами; по ее инициативе был создан независимый от Пролеткульта ВАПП; к середине 1920-х гг. «Кузница» состояла главным образом из прозаиков (Ф. Гладков, Н. Ляшко и др.).

[31] В декабре 1922 г. левое крыло «Кузницы» (С. Родов, А. Дорогойченко, С. Малашкин и др.) вышли из «Кузницы» и инициировали создание группы «Октябрь».

[32] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 10.

4. Пастернак у Троцкого

Суть подлинных намерений авторов тех или иных проектов часто проясняется результатами и стилем их частных действий в сфере приложений.

Слова Троцкого (из его записки в Политбюро) о внимании, которое случайно проявляется к некоторым литераторам и художникам «отдельными советскими работниками», относятся и к нему самому. Получив с окончанием Гражданской войны и началом нэпа возможность заниматься не только тем, что составляло непосредственное содержание его официальных обязанностей председателя Реввоенсовета республики, Троцкий вернулся к своим давним литературным интересам – чтению и критическим статьям. Теперь его литературные выступления имели резонанс в огромной аудитории, а для литчиновников звучали как приказ (этому способствовал и мало изменившийся за 10 лет стиль Троцкого-критика – он оставался хлестким и безапелляционным). Как у всякого яркого литературного явления, у статей Троцкого были и поклонники, и противники (литературные, о политических здесь речи нет). Многие поэты видели в Троцком (наряду с Луначарским) – редкий случай большевистского вождя, искренне интересующегося литературой и способного воспринять не только ее содержание. Троцкому вручали и посылали свои книги с дарственными надписями (литературная часть библиотеки Троцкого, кажется, еще не описана, хотя в ней, несомненно, много интересного: есть указание на есенинские автографы[33]; наверняка были автографы Маяковского, с которым председатель Реввоенсовета встречался и переписывался, или, скажем, автографы Сельвинского; известно, например, что Е. Полонская послала в 1921 г. Троцкому свой сборник «Знаменья» и получила в ответ его письмо...[34]). Любопытное свидетельство о том, что Багрицкий читал Троцкому поэму «Дума про Опанаса», оставил в 1939 г. Бабель – он на этом чтении присутствовал. Понятно, что свидетельство получено на Лубянке, но оно сделано собственноручно и отличается от записи допроса следователем отсутствием некоторых деталей, которые, возможно, Бабель не хотел приводить в сво-

[33] См.: *Юсов Н.Г.* Дарственные надписи С.А. Есенина. Челябинск, 1996. С. 296.
[34] См.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. СПб., 2003. С. 99.

ем тексте[35]: «На квартире Воронского (не то в 1924-м, не то в 1925 г.) было устроено чтение, на которое пришли Троцкий с Радеком. Читал Багрицкий поэму "Дума про Опанаса", присутствовали Леонов, я и еще кто-то, не могу вспомнить точно, возможно Всев. Иванов. После чтения Троцкий расспрашивал нас о наших творческих планах, о наших биографиях, сказал несколько слов о новом французским романе; помню попытку Радека перевести разговор с чисто литературных тем на политические, но попытка эта была Троцким остановлена»[36].

Троцкому посвящали книги и спектакли. Он встречался с писателями, личное общение способствовало взаимопониманию. Об этих встречах сохранилось очень мало свидетельств, так как публичная травля Троцкого, начавшаяся уже в 1923 г., быстро набрала такие обороты, что малейший намек на былые общения с заклятым врагом Сталина мог стоить жизни.

Есть два свидетельства о состоявшейся в августе 1922 г. (то есть в пору развития нашего сюжета) встрече Троцкого с Борисом Пастернаком.

Одно принадлежит известному литературоведу-германисту и переводчику, дальнему родственнику Пастернака (брат жены брата) Н.Н. Вильмонту и содержится в его неоконченных воспоминаниях. Они сочинялись в середине 80-х по памяти; дневников автор не вел и спустя 60 лет излагал свои и чужие разговоры в форме диалогов, то есть беллетризованно.

11 августа 1922 г., рассказывает Вильмонт, Пастернак с семьей выехал из Москвы в Питер, чтобы затем морем (так дешевле) отправиться в командировку в Германию. За день до этого он устроил прощальную вечеринку («ночную попойку», – как называет ее мемуарист), а утром ему доставили приглашение на аудиенцию к Троцкому. Вильмонт, после попойки заночевавший у Пастернаков и дождавшийся возвращения Бориса Леонидовича, рассказывает с его слов об этой встрече, пред-

---

[35] Приведем его по кн.: *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. М., 1996. С. 53.

[36] В протоколе допроса следователь записал: «Помню, что Радек сделал попытку перевести разговор на политические темы, сказав: "Такую поэму надо было бы напечатать и распространить в двухстах тысячах экземпляров, но наш милый ЦК вряд ли это сделает". Троцкий строго посмотрел на Радека, и разговор снова коснулся литературных проблем» (*там же.* С. 54). Отметим, что в книге В. Шенталинского «Рабы свободы» (М., 1995. С. 34) этот рассказ излагается только на основе протокола допроса.

варяя рассказ собственным суждением: «Троцкий писал тогда очерки о советских писателях и поэтах, каковые им печатались в “Правде” (по два подвала на каждого литератора, будь то Маяковский, Есенин или Безыменский). Ими принято было тогда восторгаться как очерками, будто бы отличавшимися независимостью мысли “большого человека”. На самом деле это были самоуверенные, щеголевато-фразистые “эссейи”, пустопорожние до тошноты. Теперь очередь дошла до Пастернака»[37]. Ярлык «фразера» Троцкому прилепили давно, и определенные основания для этого были; но, поскольку его очерки о советской литературе теперь всем доступны, нетрудно убедиться, что приведенная здесь характеристика их никак не исчерпывает.

Затем следует повествование собственно о встрече. Начав разговор с Троцким, Пастернак признался, что приехал после попойки: «Да, вид у вас действительно дикий, – безапелляционно отчеканил нарком, любезно оскалив свои челюсти. Предотъездная взбудораженность Пастернака при полном отсутствии привычного уже тогда подобострастия ему и впрямь должна была показаться неслыханной дикостью»[38].

Далее приводится в том же стиле весь диалог, завершающийся взаимно выраженной надеждой на последующие встречи, и окончательный вывод: «Троцкий, видимо, так и не продрался сквозь “густой кустарник” поэзии Пастернака. Очерка о Пастернаке нет в его книге (это правда. – *Б.Ф*,). И они больше *не увиделись*. Так оно и лучше, конечно!»[39]

Отношение Вильмонта к Троцкому выражено определенно. Было ли оно следствием общего неприятия большевистского режима, к которому пожилой, интеллигентный автор мог прийти перед смертью в начальную пору горбачевской перестройки? Вот как он дальше восторгается «Высокой болезнью»: «Гениальная словесная живопись – лучше не скажешь! Писатель был покорен и восхищен этим историческим выступлением великого вождя Партии; не перестал говорить и восторгаться Лениным и его речью. Убеждал всех встречных и поперечных, что только Ленинским путем можно и должно идти навстречу будущему; все прочие (какие? – *Б.Ф.*) пути несостоятельны, ибо

[37] *Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. М., 1989. С. 93.

[38] *Там же.*

[39] *Там же.* С. 94.

неисторичны»[40]. Особенно впечатляют здесь «партия» и «ленинским» с большой буквы и без какого-либо скрытого сарказма, а также следующее за этими словами сожаление, что Пастернак, прослушав речь вождя, не ушел со съезда «последовательным ленинцем». После этого уже не удивляет изложение телефонной беседы Пастернака со Сталиным (вообще Вильмонту везло оказываться свидетелем «судьбоносных» бесед Пастернака!), вставленное в рассказ об отношении Пастернака к акмеистам: «Кого он недолюбливал, так это Мандельштама. И все же, несмотря на свою нелюбовь к Мандельштаму, не кто другой, как Пастернак решился похлопотать за него перед высшей властью. Обратиться к самому Сталину он не решался. Немыслимо! Стихи, написанные Мандельштамом о Сталине, были невозможно, немыслимо резки и грубы. Он читал их ближайшим друзьям. Читал – увы! – и Борису Леонидовичу»[41]. Изложение телефонного разговора Пастернака со Сталиным в форме диалога заметно отличается от рассказанного со слов Пастернака А.А. Ахматовой и Н.Я. Мандельштам. Весь этот текст не содержит никаких суждений автора о Сталине и тем более осуждений.

Скорей всего Н.Н. Вильмонт не знал, что в 1977 г. в Турине было опубликовано письмо, написанное Б.Л. Пастернаком В.Я. Брюсову 15 августа 1922 г. в Петрограде перед самым отплытием в Германию (это – второе, а на самом деле первое и главное свидетельство о встрече Пастернака с Троцким). Это письмо нельзя было напечатать в СССР полностью из-за следующих строк: «Перед самым отъездом вызвал меня к себе Троцкий. Он более получаса беседовал со мною о предметах литературных, жалко, что пришлось говорить главным образом мне, хотелось больше его послушать, а надобность в такой декларативности явилась не только от двух-трех его вопросов, о которых – ниже; потребность в таких изъяснениях вытекала прямо из перспектив заграничных, чреватых кривотолками, искаженьями истины, разочарованьями в совести уехавшего. Он спросил меня (ссылаясь на “Сестру <мою жизнь>” и еще кое-что, ему извест-

---

[40] *Вильмонт Н.* О Борисе Пастернаке. С. 161.
[41] *Там же.* С. 217.

ное) – отчего я “воздерживаюсь” от откликов на общественные темы. Вообще он меня очаровал и привел в восхищение, надо также сказать, что со своей точки зрения он совершенно прав, задавая мне такие вопросы. Ответы и разъясненья мои сводились к защите индивидуализма истинного, как новой социальной клеточки нового социального организма»[42].

Далее Пастернак, чья книга «Сестра моя жизнь» только что вышла в России и принесла ему известность, значительно большую, нежели прежние публикации, передает содержание своего монолога Троцкому о поэзии и революции:

«Проще: я начал с *предположительного* утвержденья того, что я современен и что даже уже и французские символисты, как современники *упадка* буржуазии, тем самым принадлежат нашему времени, а не истории мещанства; если бы они с мещанством разделяли его упадок – они мирились бы с литературой периода Гюго и молчаливо-удовлетворенно погибали, а не остро чувствовали и творчески себя выражали. Я ограничился общими положеньями и предупрежденьями относительно будущих своих работ, задуманных еще более индивидуально. А вместо этого мне, может быть, надлежало сказать ему, что “Сестра” – революционна в лучшем смысле этого слова. Что стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, – что, – *утро* революции и ее взрыв, когда она возвращает человека к *природе* человека и смотрит на государство глазами *естественного права* (америк. и французск. декларации прав), выражены этою книгою в самом духе ее, характером ее содержанья, темпом и последовательностью частей и т.д. и т.д.».

Тут нельзя не вспомнить для сравнения, что когда в июне 1934 г. Борис Леонидович, единственный раз в жизни и не по своей инициативе, говорил по телефону со Сталиным (об арестованном Мандельштаме) и под конец разговора заметил, что хотел бы встретиться с вождем и поговорить, а на его вопрос: «О чем?» – ответил: «О жизни и смерти...», Сталин повесил трубку[43] (но, правда, жизнь поэту сохранил)...

---

[42] *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 5. С. 134.

[43] См.: *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1989. С. 137.

5. Письма из архива Каменева

В архиве Л.Б. Каменева сохранилось несколько писем Л.Д.Троцкого 1922 г., которые иллюстрируют его подход к литературной политике.

Начнем с писем, связанных с запретом сборника Бориса Пильняка «Смертельное манит» (он вышел в 1922 г. в издательстве Гржебина). Главлит, как именовалась советская цензура, эту книгу Пильняка к изданию разрешил, но специальные политконтролеры ГПУ, читавшие независимо от цензуры всю печатную продукцию, оценили повесть Пильняка «Иван да Марья» (она входила в этот сборник) как «враждебную, возбуждающую в среде обывателей контрреволюционные чувства, дающую превратное представление о коммунистической партии». Об этом 31 июля 1922 г. они доложили заместителю начальника ОГПУ И.С. Уншлихту; предложение политконтролеров оказалось простым: временно, до особых распоряжений, книгу запретить[44].

На другой день Уншлихт распорядился тираж книги конфисковать. Узнав об этом, Троцкий уже 2 августа 1922 г. написал записку членам Политбюро Каменеву и Сталину:

> Тов. Каменеву и тов. Сталину. По поводу записки т. Уншлихта № 81423 от 1 VIII.
>
> В соответствии со всей нашей политикой по отношению к литераторам предлагаю арест книги Пильняка немедленно снять и объяснить его как недоразумение. 2 VIII 22 г.
>
> *Л. Троцкий*[45].

Сталин, похоже, на обращение Троцкого не отреагировал. Тогда 4 августа Троцкий обратился официально в секретариат ЦК (не упоминая фамилии Сталина):

---

[44] Власть и художественная интеллигенция. С. 736.

[45] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 1.

В<есьма> спешно. Совершенно секретно. В секретариат ЦК. Копия Л.Б. Каменеву.

Предлагаю немедленно поставить на разрешение Политбюро вопрос о конфискации, наложенной на книгу Пильняка «Смертельное манит». Ни по содержанию, ни по форме эта книга ничем не отличается от других книг Пильняка, которые, однако, не запрещены и не конфискованы (и совершенно правильно). Обвинение в порнографии неправильно. У автора наблюдается несомненная склонность к натуралистической необузданности. За это надо его жестоко критиковать в печати. Но натуралистические излишества, хотя бы и грубые, несомненно, в художественном произведении не являются порнографией. В отношении автора к революции та же двойственность, что и в «Голом годе». После того автор явно приблизился к революции, а не отошел от нее. В согласии с уже состоявшимся решением ЦК по отношению к авторам, развивающимся в революционном направлении, требуется особая внимательность и снисходительность. Конфискация есть грубая ошибка, которую нужно отменить немедленно. 4. VIII – 22 г.

Л. Троцкий[46].

На письме помета: «Согласен. Л. Каменев».

10 августа 1922 г. на заседании Политбюро по сообщению Троцкого было принято решение, в котором легко ощутим почерк Сталина:

О конфискации книги Б. Пильняка «Смертельное манит» (Троцкий).

а) Отложить до следующего заседания, не отменяя конфискацию.

б) Обязать Рыкова, Калинина, Молотова и Каменева прочесть рассказ Пильняка «Иван да Ма-

[46] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 3. Впервые: Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 292.

> рья», а всех членов ПБ – повесть <Пильняка. – *Б.Ф.*> «Метель» в сборнике «Пересвет»[47].

Через неделю, 17 августа 1922 г., Политбюро постановило:

> Предложить ГПУ отменить конфискацию книги Пильняка «Смертельное манит»...[48]

Мотивированная позиция Троцкого по поводу книги Пильняка отнюдь не означала проявления с его стороны идеологического либерализма. 4 августа 1922 г., в тот же день, когда Троцкий писал в секретариат ЦК, протестуя против конфискации книги Пильняка, он направил Сталину и Каменеву и другое письмо:

> т. Сталину,
> т. Каменеву Л.Б.
>
> В Москве начал выходить альманах «Авангард»[49] с участием партийных товарищей под редакцией Оскара Блюма[50]. Что это значит? Неужели же он на свободе и имеет возможность даже редактировать сборники? Он неизбежно станет

---

[47] См.: Власть и художественная интеллигенция. С. 41–42.

[48] Там же. С. 42.

[49] Журнал «Авангард» начал выходить в Москве 10 августа 1922 г. (редакция – на Тверской, 33) в издательстве «Книгопечатник» под редакцией О.В. Блюма. Среди сотрудников журнала были названы писатели Н. Асеев, С. Буданцев, С. Городецкий, О. Мандельштам, Б. Пастернак, К. Федин, художник Г. Якулов, проф. М. Рейснер и др. Журнал печатал статьи и обзоры на темы истории, политики, литературы, театра, живописи. В августе 1922 г. вышел и № 2 (тираж 3000), а в сентябре – № 3 (тираж 1500) с анонсом печатающегося № 4 (в нем, в частности, значились очерки Б. Пильняка «Из-за границы» и статья о нем Я. Брауна), после чего издание «Авангарда» прекратилось.

[50] О.В. Блюм в 1921 г. – режиссер московского театра Незлобина (должен был ставить в этом театре «Розу и крест» А. Блока, но в результате конфликта покинул театр). В журнале «Авангард», который О. Блюм редактировал, были напечатаны его статьи «Джордж-Бернард Шоу» и «Новая литература по истории социализма» (№ 2), «Портрет Якулова» (№ 3). В № 2 «Авангарда» анонсировалась статья О. Блюма «Уроки Октябрьской революции. II. Диктатура и Демократия», но напечатана в № 3 она не была; эта же статья значилась и в помещенном в № 3 анонсе невышедшего № 4. В 1923 г. О.В. Блюм эмигрировал.

источником величайшей заразы. Полагаю, что тут нужно принять решительные меры.

4/VIII 22 г.
№ 440 *Л. Троцкий*[51].

9 августа Троцкий запрашивал Каменева (видимо, речь шла о списке литературы): «Включен ли в список Нестор Котляревский? Его речь "Пушкин и Россия", изданная Академией наук (по распоряжению академика Ольденбурга[52]) насквозь пропитана реакционно-крепостническим идеализмом»[53].

Троцкий присылал Каменеву некоторые свои тексты; скажем – письмо поэту Городецкому[54] по вопросу объединения писателей, которое считал важным (в этом письме критически обсуждался план Городецкого деления писателей на категории; конкретные варианты Троцкий оспаривал: «Почему Брюсов, коммунист и, если не ошибаюсь, член партии отнесен к одной группе с Бальмонтом и Сологубом? Стало быть у Вас допускается отвод по прошлой деятельности. Сомнительная постановка вопроса»[55]. Чувствительность Троцкого в этом вопросе понятна – он в некоторых большевиках чувствовал подобную «память на прошлое» и в отношении себя лично.

---

[51] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. (Письма Л.Д. Троцкого Л.Б. Каменеву и др. по литературно-издательским делам). Л. 2. По другому источнику напечатано в кн.: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов 1917–1956. М., 2005. С. 52. Там же напечатано еще одно письмо Троцкого – в Секретариат ЦК от 19 октября 1922 г.: «Я получил от Оскара Блюма прилагаемое при сем письмо. Мое мнение такое, что литературную деятельность ему разрешить нельзя: его "сочувствие" коммунистической партии может иметь только отрицательный вес. Полагаю, что он убежит за границу».

[52] С.Ф. Ольденбург – востоковед-индолог, член Петербургской академии с 1900 г.; член коллегии петроградского издательства «Всемирная литература». В сентябре 1919 г. был арестован (см. главку «М. Горький просит за М.И. Будберг»). К. Чуковский записал в дневнике 25 января 1926 г., что Н.Э. Радлов «ругал Ольденбурга – зачем он так "пресмыкается". Ну хочешь хвалить – хвали. Но зачем же Владимира Ильича называть "Ильичем"? Этого от него никто не требует» (*Чуковский К.* Т. 12. С. 259).

[53] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 5.

[54] *Там же.* Л. 6–7.

[55] По другому источнику напечатано в кн.: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. С. 53.

До осени 1922 г. помимо официальных бумаг в Политбюро, Троцкий еще мог по вопросам культуры обращаться к Каменеву, человеку, не чуждому литературных интересов и женатому на его сестре. Хотя уже с началом болезни Ленина (в мае 1922 г). Каменев вошел в претендующую на захват власти «тройку» Сталин – Зиновьев – Каменев, а летом в одном из писем больному Ленину попросту намекнул на целесообразность устранения Троцкого и получил от него в ответ: «Выкидывать за борт Троцкого – верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...»[56].

С конца 1922 г. резкое ухудшение здоровья Ленина позволило участникам «тройки» действовать открыто, и переписка Троцкого с Каменевым прекратилась.

Троцкий продолжал печатать в «Правде» статьи по вопросам литературы, но атаки на него становились публичными; их ярость была монотонно возрастающей функцией времени. В 1923 г. Демьян Бедный в «Правде» писал о литературных статьях Троцкого так:

Не утаить, как не таи
(Признаньем дружбы не нарушу?),
Мне Льва Давыдыча статьи,
Как кислота, разъели «душу».

Да одному ли только мне?
С отравой справлюсь я, быть может,
Но неокрепнувший вполне
Наш молодняк меня тревожит.

Наш, пролетарский молодняк
Сконфужен собственным обличьем.
Зло-символический Пильняк
Пред ним смердит гнилым величьем.

Наглее, юрче с каждым днем
Орда попутчиков беспутных.

---

[56] См.: *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 24.

Меж тем, охвачен уж огнем
Простор тревожный далей смутных.

Уже минуты сторожит
Взор пролетарской Немезиды,
И надо крикнуть: – срок изжит! –
Но голос сорванный дрожит
От незаслуженной обиды[57].

Через семь лет Д. Бедный мог уже не заботиться о вежливости. 14 марта 1930 г. «Правда» напечатала его поэму-фельетон «Плюнуть некогда»: «Про Троцкого нынче мне толковать, // Что дохлую крысу жевать...» и т.д. Дальше – больше.

А в январе 1937-го, когда было объявлено о приговорах по делу Радека – Пятакова – Сокольникова и других «троцкистско-зиновьевских извергов», писательница А. Караваева написала, что не может радоваться предстоящим казням, «пока матерый бешеный волк фашизма Иуда Троцкий еще жив»[58].

Но к тому времени генеральный секретарь созданного заботами товарища Сталина Союза советских писателей, уже визировал не проскрипционные, а расстрельные списки его членов...

---

[57] См.: *Чужак Н.* Литература. К художественной политике РКП. М., 1924. С. 74.
[58] Литературная газета. 1937. 26 янв.

КАРЛ РАДЕК И ПИСАТЕЛИ

Европейский революционер, политик с явно авантюрной жилкой, марксистский идеолог, умевший менять ориентиры, сообразуясь с обстоятельствами времени и места, публицист и достаточно циничный острослов, наконец, литературный критик Карл Бернгардович Радек свободно говорил и писал по-польски, по-немецки и по-русски. Он родился в 1885 г. во Львове, с юности участвовал в революционном движении, состоял в социал-демократических партиях Польши, России, Австро-Венгрии и Германии, был делегатом международных социалистических конференций, включая знаменитую Циммервальдскую, и к моменту приезда в Россию в апреле 1917 г. (вместе с Лениным в пресловутом пломбированном вагоне) имел репутацию эрудита, знатока европейских дел и вместе с тем человека как бы не вполне серьезного. После захвата власти большевиками Радеку определили служить на ниве международной политики – в НКИДе. В 1918 г. вместе с Бухариным, Иоффе и Раковским его нелегально направляют в Германию для подготовки там революции; в феврале 1919-го немецкая полиция арестовывает Радека, и до декабря его держат в берлинской тюрьме Моабит (об этом Радек подробно и живо рассказал в книжке «Немецкий ноябрь», выпущенной в Москве в 1927 г.). Вернувшись в Россию в несомненном политическом ореоле[1], он становится

[1] Фундамент этого ореола теперь подвергается сомнению. Дело в том, что брат убитого в 1919 г. Карла Либкнехта Теодор обвинил российских большевиков и, в частности, Радека в выдаче германской разведке нелегального адреса К. Либкнехта. Этот сюжет обсуждается в переписке Б.И. Николаевского – см.: Минувшее. Ист. альманах. М., 1992. № 7. С. 247–248; публикация Ю. Фельштинского. Тогдашнему пребыванию Радека в Германии посвящено немало страниц книги Карла Шлёгеля «Берлин, Восточный вокзал». М.: НЛО, 2004.

членом и секретарем Исполкома Коминтерна и авторитетным экспертом Политбюро ЦК РКП(б) в области международной политики. В 1919–1924 гг. Радек – член ЦК РКП(б). В 1923 г. его вновь командируют в Германию по случаю возникновения очередной – и снова кончившейся поражением – революционной волны.

В политических дискуссиях 1923–1924 гг. Радек – сторонник Л.Д. Троцкого (особенно в критике Сталина за провал германской революции). Политически эта позиция оказалась проигрышной, и Радек лишился постов в ЦК и в Коминтерне. С 1925 г. он – ректор Университета народов Востока имени Сунь Ятсена и в эти годы много занимается литературной работой. Два тома «Портретов и памфлетов» Радека, впервые изданные в Москве в 1927 г.[2], пользовались в левых интеллектуальных кругах шумным политическим и литературным успехом[3]. «Сохранив в разговоре сильный иностранный акцент, Радек научился писать по-русски с редким совершенством», – воспроизводит мнение этих кругов А. Орлов[4].

Разговорчивый, остроумный, внешне демократичный, много и на разных языках читавший, Радек с уходом в оппозицию не только не утратил авторитета и контактов в писательской среде, но и стал фигурой по-человечески более привлекательной, в то же время сохраняя определенное влияние на политическом небосклоне (влиятельность оппозиции – «большевиков-

---

[2] Издание выходило дополненным дважды: в 1933 и 1934 гг. (после того, как Радек присягнул Сталину).

[3] У Радека был много стойких поклонников. Принадлежавший к их числу и живший в Алма-Ате литературовед Е.И. Ландау рассказывал мне, как он в 1947 г., когда истек срок десятилетнего заключения Радека, ждал втайне и, конечно, наивно его освобождения, не зная ничего о гибели Радека в тюрьме. Уже в наше время Ф. Горенштейн, говоря о «замечательном публицисте» Илье Эренбурге, заметил, что он – «на мой взгляд, просто великий публицист, не уступающий по таланту Карлу Радеку (но по цинизму, к сожалению, иной раз, тоже)» (Зеркало Загадок. Лит. прилож. Берлин, 1997. С. 34). И далее, сравнивая публицистику эпохи масскультуры с прежней: «Помимо фронтовых статей Ильи Эренбурга и революционных статей Карла Радека, писавших от души и сердца, были и статьи цинично служебные, написанные ими от желудка, на заказ тирана. Отвратительные, лживые статьи. Однако высокий профессионализм, высокий журналистский талант иной раз творили чудеса, противореча клеветнической идее красотой и образностью журналистского исполнения» (*Там же*. С. 35).

[4] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 190.

ленинцев» – ушла в песок не сразу, как не сразу ее деятели поняли окончательность своей политической смерти в стране, где исполнение директив «верха» неукоснительно осуществлялось партийной бюрократией; контуры этой «вертикали власти» проницательные оппозиционеры уже видели, но в необратимость ситуации еще старались не верить).

На известной фотографии празднования пятилетия «Красной Нови» (1927 г.) Радек вместе в А.К. Воронским запечатлен в окружении И. Бабеля, Б. Пильняка, В. Полонского, В. Вересаева, А. Эфроса, Ф. Гладкова, М. Герасимова и др.

Главной темой Радека-публициста оставалась политика; художественная критика как таковая не слишком привлекала его. Свое выступление на совещании в ЦК РКП(б) по вопросам художественной литературы 9 мая 1924 г. Радек так и начал: «Я не литератор и подхожу к вопросу с точки зрения общественной, которая нас здесь наиболее интересует»[5]. Но и десять лет спустя, начиная доклад на Первом съезде советских писателей, он повторил: «Я не работаю в области художественной литературы. Вопросы художественной литературы входят в орбиту моего внимания лишь как часть картины мира»[6]. Не эстетические, а политические аспекты литературы занимали Радека (такова, например, его эмоциональная статья о Ремарке). Состоянию современной русской литературы в ту пору Радек посвятил, кажется, только одну статью – «Бездомные люди» (Правда. 1926. 16 июня). Поводом для нее послужило самоубийство Андрея Соболя 7 июня 1926 г.[7]. Оно напомнило Радеку тяжело пережитый им «удар судьбы» – кончину 9 февраля 1926 г. Ларисы Рейснер, но он употребил множественное число («удары») и упомянул также смерть Д. Фурманова 15 марта.

[5] К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 47. Отметим, что здесь Радек был прерван Троцким: «Вы хорошо пишете, т. Радек, это клевета!»

[6] Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 314.

[7] 8 июня 1926 г. «Правда» сообщила: «Вчера в 12 час. 40 мин. в институте имени Склифосовского скончался писатель Андрей Михайлович Соболь» (о факте самоубийства не сообщалось и на следующий день в некрологе, где была использована формула «безвременно скончался»); отметим, что в КЛЭ ошибочно указана дата смерти 12 мая 1926 г. О самоубийстве Соболя в «Правде» было сказано только 16 июня в статье Радека.

«Такая смерть, – написал Радек об этих потерях, – кажется бессмысленной игрой враждебных нам непонятных сил. И не будучи в состоянии понять их закономерности, мы не можем осмыслить этих потерь». Однако не эти потери, а именно самоубийства Есенина и Соболя вызвали резонанс в стране, и Радек, по-видимому, уловил общественную реакцию на эти самоубийства, относившую их на счет власти. Он не вспомнил в своей статье, что подписи Есенина и Соболя стояли под обращением группы писателей к совещанию 9 мая 1924 г. в ЦК по художественной литературе, в котором принимал участие. В этом обращении напостовское, поощряемое властью, отношение к работе писателей-попутчиков было аттестовано, как недостойное ни литературы, ни революции[8]. Через два года литературная ситуация никак не стала лучше. Характерно, что даже такой лояльный к режиму писатель, как Борис Лавренев, написал в «Красную газету» явно в состоянии нервного срыва: «Ряд писательских смертей, последовавших одна за другой в течение краткого срока (Ширяевец, Кузнецов, Есенин, Соболь), привели меня к твердому убеждению, что это лишь начало развивающейся катастрофы, что роковой путь писателя в тех условиях жизни и творчества, какие существуют сегодня, неизбежно ведет к писательскому концу. Жить и работать для создания новой культуры, сознавая себя в то же время едва терпимым в государстве парием, над которым волен безгранично и безнаказанно издеваться любой финотдельский Акакий Акакиевич, любой управдом, любой эксплуататор-издатель, жить в таком обществе и творить "культуру" невыносимо тяжело, душно, страшно... Предпочитаю заняться "производительным" трудом и искупить преступное занятие литературой честным служением обществу в качестве счетовода»[9]. Это написано о временах, впоследствии названных вегетарианскими; власть аппарата тогда еще не стала тотально неограниченной.

В самоубийствах Есенина и Соболя Радек увидел «симптом недуга литературы», но не власти. Если Троцкий, посвятивший Есенину прочувствованный некролог (Правда. 1926. 19 янв.),

[8] К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 106–107.

[9] Письмо не было отправлено; публикация В. Бахтина. Искусство Ленинграда. 1989. № 6. С. 64.

увидел в его смерти неминуемость, заложенную в столкновении нежности поэта с катастрофичностью революции, то Радек высказывался грубо и заземленно, едва ли не зощенковским языком («Есенин умер, ибо ему не для чего было жить... Связи с обществом у него не было, он пел не для кого. Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь»). Это контрастировало с откликами на смерть Есенина писателей-друзей Радека[10], но не оттолкнуло их от автора «Бездомных людей».

«Левые» понимали нэп только как вынужденное отступление, и бытовое отражение его, хлынувшее на страницы новой русской прозы, раздражало их. Отсюда и выпад Радека: «Последние вещи даже таких выдающихся писателей, как Бабель, Всеволод Иванов и Пильняк[11], не только скучны для передовых читателей, но уже скучны *для самих авторов*. У них пропала радость творчества, ибо они повторяются вместо того, чтобы идти вперед в жизни»[12]. Радек только констатирует, он не пытается понять объективные причины явления. Статья «Бездомные люди» завершается призывом: «Многие говорят, что нельзя писать правды, ибо Главлит не пропустит. Попробуйте, товарищи! Попробуйте написать невыдуманные сановные истории с намеками, сотканные из сплетней и слухов[13], а дайте-ка жизнь – в деревне и на фабрике – как она есть. И посмотрим, запретит ли ее цензура». Отлично знавший секреты советской политической кухни, не отличавшийся наивностью Радек не мог писать такие благоглупости искренне. Это была обычная демагогия в угоду принципу публичной партийной корпоративности с несомненным, однако, привкусом провокации – всякое честное произведение литературы скандальностью своего появления, так или иначе, работало против аппарата власти,

[10] Например, Пильняка (см.: Журналист. 1926. № 1. С. 49) или Сейфуллиной (см.: *Сейфуллина З.* Моя старшая сестра. М., 1970. С. 62–63).

[11] Сама эта выборка характеризует и вкус, и литературные симпатии Радека.

[12] Так судил «левый» Радек в 1926-м, и так же судил «правый» Бухарин в 1928-м («Это не борьба, не творчество и не литература, это – произведение зеленой скуки для мертвых людей» — см.: *Бухарин Н.* Революция и культура. М., 1993. С. 143).

[13] Возможно, публичный намек на запрещенную «Повесть непогашенной луны» Пильняка (при ее неофициальной поддержке Радеком).

дубиноголовость которой Радек, человек, что ни говори, острого ума, не раз высмеивал в кулуарах.

19 декабря 1927 г. на последнем заседании XV съезда ВКП(б) Радек, состоявший в партии с 1902 г., был исключен из нее в составе группы 75 участников «троцкистской оппозиции» (вместе с Л.Б. Каменевым, М.М. Лашевичем, Н.И. Мураловым, Ю.Л. Пятаковым, Х.Г. Раковским, И.Т. Смилгой и др.). «Исключенные, – по емкому замечанию Троцкого, – поступали в распоряжение ГПУ»[14]. В январе 1928 г. исключенных оппозиционеров выслали в края, заметно удаленные от центра. На первых порах ГПУ не препятствовало их переписке (если не считать понятной задержки их корреспонденции по причине перлюстрации[15]), поскольку это позволяло Сталину быть в курсе и планов, и умонастроений сосланных политических противников. Радеку предписали Тобольск. Разместившись там на ул. Свободы, 49, он сразу же сообщил свои координаты многочисленным друзьям и товарищам, сосланным и несосланным. Их ответы не составили себя ждать. Сам Радек на письма был ленив, но его почта в ссылке – внушительна: масса писем и телеграмм, всевозможные машинописные и рукописные тексты политических статей, обзоров, заявлений; советская и западноевропейская пресса, книги.

Писательские письма составляют небольшую часть почты Радека 1928 г. Несомненно, они воспринимались адресатом в контексте всей его политической корреспонденции не только в силу специфики его интересов, но и потому даже, что круг друзей Радека – и политиков, и литераторов – был единым (неслучайны в писательских письмах упоминания имен оппозиционеров и сообщения о встречах с ними)[16].

---

[14] *Троцкий Л.* Моя жизнь. М., 2001. С. 525.

[15] В письме Радеку 13 августа 1928 г. из Великого Устюга от сосланного туда бывшего главного редактора поныне издающейся газеты «Труд» Г. Валентинова была характерная приписка: «Уважаемые перлюстраторы! Это письмо точно такое же, как и предыдущее письмо мое т. Радеку! Не затрудняйте себя и не чините почте лишней проволочки в путешествии письма» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 22).

[16] Письма до 1930 г., адресованные К.Б. Радеку, приводимые или цитируемые здесь (за исключением особо оговоренных случаев, когда они приводятся по публикации Ю. Фельштинского из архива Л.Д. Троцкого – Минувшее. № 7. С. 245–313) хранятся в РГАСПИ: Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 84, 85, 99, 106, 110–113, 118.

1. Авторы журнала «На посту»

Нельзя сказать, чтобы Радек был близок с идеологами напостовства. В мае 1924 г. он (наряду с Троцким, Бухариным и Луначарским) принял участие в совещании в ЦК РКП(б) по вопросу о политике партии в области художественной литературы. В жестком столкновении двух позиций, заявленной на совещании А.К. Воронским (следует поддержать все талантливые литературные силы, принявшие Октябрьскую революцию), и – по поручению напостовцев – Ил. Вардиным (следует поддерживать только пролетарскую культуру) Радек оказался скорее на стороне Воронского (куда решительнее это сделал Л.Д. Троцкий, но и тогдашний публичный куратор пролетарской культуры Н.И. Бухарин на этом совещании подверг напостовцев ядовитой критике и высказался за принцип состязательности в художественной литературе). Выступая на совещании, Радек вспомнил, как Ленин говорил ему о писателях-рабочих: «Напишет человек один рассказ из пережитого и десять старых дев дуют на него, чтобы сделать его гением и губят рабочих»[17]. Отметив, что из 100 выходящих в России книг 99 – не коммунистические, Радек этим мотивировал необходимость сильной коммунистической критики для ориентации масс в книжном рынке. О работе с попутчиками он высказался определенно: «Нужна громаднейшая работа, которую не может заменить литературный погром»[18].

В начале 1926 г. первое поколение вождей-напостовцев (Ил. Вардин, Г. Лелевич, С. Родов), занимавшее ультралевые позиции, было отлучено от руководства пролетарской литературой. Синхронизируя борьбу за власть в ВАППе с политическими схватками в верхах партии, группу Лелевича заклеймили как «левую оппозицию в пролетарской литературе». Возглавивший движение «На посту» Л. Авербах придал этому политическому обвинению форму законченной аналогии: «Партия говорила, что у нашей партийной оппозиции основная ошибка идет по линии переоценки кулака. У нашей литературной оппозиции прямая и непосредственная переоценка сил буржуазных писателей»[19].

---

[17] К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. С. 47.

[18] *Там же*. С. 48.

[19] Цит. по: *Шешуков С.* Неистовые ревнители. М., 1984. С. 150.

В 1927 г. низложенные вожди-напостовцы были исключены из партии и сосланы. Политически Радек относился к ним как к товарищам, хотя и не разделял их прежнего агрессивного отношения к Воронскому, которого поддерживали Ленин и Троцкий. К Радеку, бывшему в ту пору сподвижником Троцкого, но не имевшему его эстетических амбиций, они не относились враждебно. Впрочем, после 1926 г., когда удар по левым напостовцам сопровождался и ударом по «троцкисту» Воронскому, между отправленным в Саратов Лелевичем и сосланным в 1929 г. в Липецк Воронским установилась вполне дружественная переписка[20].

Г. Лелевич написал Радеку в Тобольск сразу же, как узнал его адрес (саратовский штемпель письма 22 марта 1928 г.):

> Дорогой тов. Радек! Узнал у моего напостовского друга вашу резиденцию и пишу. Очень бы хотелось учинять с Вами обмен мнений по литературе и прочим вопросам. А то на свете много прелюбопытных вещей и вентилировать их весьма невредно. Если имеете охоту, черкните! У меня интересного ничего: на ролях беспартийного спеца читаю в Университете литературу, изредка (очень редко!) печатаю что-нибудь на очень нейтральные темы, усиленно развиваю в себе эпистолярные способности. Вот и все.
>
> С большевистским приветом *Г. Лелевич*[21].

В письмах Лелевича Радеку неизменно возникают литературные вопросы и сюжеты. Самый неистовый из напостовцев Ил. Вардин[22], высланный в Бийск и ставший одним из первых капитулянтов среди корреспондентов Радека, интересовался исключительно политическими вопросами. Уже в мае 1928 г. Вардин, находившийся в ссылке вместе с Г. Сафаровым, сподвижником Зиновьева, сообщил Радеку об их намерении вернуться в партию. 1 июня Вардин писал Радеку:

[20] См.: Из истории советской литературы 1920–1930 гг. С. 611–615 / Публ. Е.А. Динерштейна.

[21] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 7.

[22] Илларион Вардин – сотрудник «Правды» и «Известий», в 1921 г. уполномоченный референт ВЧК. Погиб в заключении.

> Завтра в местной газете появится следующее сообщение: «В ЦКК ВКП(б) подали заявление об отходе от оппозиции бывшие члены партии Сафаров, Вардин, Вуйович, Будзинская, Наумов, Тарханов»[23].

Это заявление Вардин не рассматривал как капитулянтское, и будущее он представлял себе розовым: «На очереди – концентрация непримиримой враждебной капитализму и социал-демократии подлинно большевистской левой. Если группа Сталина не будет мешать этому необходимому процессу, ей многое простится. Кстати Л.Д. <Троцкий> во время вспомнил в своем письме по поводу тезисов Преображенского, что “политика не знает злобы”»[24]. Биограф Троцкого И. Дойчер пишет об ответе Радека: «<...> он упрекает Вардина, но очень мягко и сочувственно, отнюдь не намереваясь обращаться с отступником как с “нравственным мертвецом”»[25]. Между тем в почте Радека немало писем с резкими откликами на заявление Вардина и его иллюзии насчет «группы Сталина». 2 июля Лелевич послал Вардину откровенное письмо и в начале августа переслал его копию Радеку:

> Ты убаюкиваешь себя сказанным, будто бы капитулируешь для того, чтобы вернуться в партию, бороться с правыми. Вздор! Идя на войну, не бросают оружия. Без платформы, без ленинских взглядов, без большевистской установки ты сможешь быть *чиновником*, ты сможешь писать грязные статьи против «троцкизма» (на самом деле против ленинской оппозиции), но *бороться ты не сможешь*. Не сомневаюсь, что мы вернемся в партию, но вернемся не как банкроты, не как ренегаты, не как политические трупы, а как большевики-ленинцы, ничего не сдавшие из своих принципов. Мы вернемся, ибо когда рабочее ядро партии потребует возвращения к политике

---

[23] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1 Ед. хр. 99. Л. 55.
[24] *Там же.* Л. 57.
[25] *Дойчер И.* Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М., 2006. С. 453.

неурезанного большевизма, все формальные рогатки, все запретительные параграфы *потеряют какое бы то ни было значение*. Мы вернемся, ибо для настоящей борьбы с правыми рабочему ядру партии будут нужны именно соратники, не свернувшие ленинского знамени, не пошедшие в услужение центризму, не лгавшие на всех углах: «я каюсь в том и каюсь в этом»[26].

7 июля сосланный в Барнаул журналист «Правды» Л. Сосновский, один из постоянных авторов журнала «На посту», встревоженный слухами о колебаниях Радека, писал ему:

Был у меня этот прохвост Вардин после подписания в Новосибирске фальшивки с Сафаровым. Сей муж, оказывается, клянется до гроба защищать платформу, считает, что платформа победила, что сталинцы обанкротились. Но в публичном заявлении пишет противоположное и убеждает меня, что все это – формальный момент. Ну, нечто вроде подписания верноподданической присяги в Государственной думе нашими депутатами. Так вот, и Вардин позволял тоже «информировать» меня о каких-то мне неизвестных письмах Радека. Я его выторил[27] после того, как целый час популярно объяснял ему, что они с Сафаровым – мелкие жулики, обманывающие всех и вся[28].

29 августа 1928 г. Лелевич пишет Радеку в Томск:

Дорогой тов. Радек! Три недели назад я послал Вам заказное письмо с вложением копии моего письма Вардину. От Вас по-прежнему ни слуху, ни духу. Дошло ли хоть до Вас это письмо? У меня к Вам две больших просьбы.

---

[26] РГАСПИ. Ф 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 9–10.
[27] Так в документе.
[28] Минувшее. № 7. С. 285.

> 1) Не знаете ли вы случайно адреса (и судьбы) В.Л. Кибальчича (Victore Serge)? Я его потерял из виду, а очень хотел бы восстановить с ним связь[29].
>
> 2) Не можете ли Вы прислать более или менее связное изложение Вашей точки зрения на движущиеся силы китайской революции?[30] Очень бы нужно было.
>
> Как Ваша книга о Ленине?[31]

Видимо, к этому времени Лелевич получил предыдущее письмо от Радека и 2 сентября написал ему:

> Вы правильно подметили «диспропорцию» в праздновании юбилеев Толстого и Чернышевского[32]. Я метал громы и молнии по этому поводу на собрании Саратовского общества воинствующих материалистов еще весной. Согласитесь, что эта пышность в чествовании памяти апостола непротивления и эта неожиданная скромность в чествовании такого родного нам автора «Что делать» – факты неслучайные и социально-детерминированные[33].

В следующем письме Лелевич забрасывает Радека вопросами:

> Следите ли за художественной литературой? Читали ли термидорианский рассказ Вс. Иванова

---

[29] Виктор Серж – литератор, в молодости анархист, эмигрант, после революции 1917 г. вернулся в Россию, работал в Коминтерне; арестован за активную оппозиционную деятельность, в 1928 г. освобожден, в 1933 г. снова арестован как троцкист; в 1936 г. освобожден и отпущен из СССР в результате массовых требований левых западных интеллектуалов (в частности, обращения Ромена Роллана к Сталину при их встрече в Москве в 1935 г.). Подробнее см. в главе о Международных антифашистских писательских конгрессах.

[30] Вопрос о китайской революции – одна из тем столкновений Троцкого со Сталиным; по мысли Троцкого, Сталин предпочел пожертвовать китайской революцией ради нормализации отношений с Японией, что фактически так и было и позволило Сталину на десять лет избежать осложнений с Японией.

[31] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 8.

[32] Имеются в виду столетия со дня рождения писателей.

[33] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 11.

в № 1 «Журнала для всех»?[34] И рассказ Эренбурга (из романа о Бабефе) в № 26 «Прожектора»?[35] Художники НЭПа (из попутчиков ли или из парижских кабаков[36]) злорадствуют, предвидя торжество устряловых![37] Просчитываются, сволочи! А о Шолохове Вы все же неверно судите: роман его не так остер тематически, но все же – талантливая, неплохая вещь[38]. Читали ли превосходное большевистское стихотворение Н. Дементьева «Арбат» в № 7 «Нового мира»?[39] Что скажете о «Зависти» Олеши?[40]

В январе 1929 г. Лелевича выслали в Соликамск (ГПУ сочло, что для относительно либеральных саратовских условий он недостаточно быстро эволюционирует в сторону капитуляции). 11 февраля Лелевич пишет Радеку:

Соликамск оказался, неожиданно для себя, лабораторией марксистско-литературоведческой мысли... Ваше мнение о романе Эренбурга «Гракх

[34] Речь идет о повести Вс. Иванова «Особняк», сюжет которой относится к поре нэпа (мужик, приехавший с Урала в Питер, покупает особняк расстрелянного великого князя, а потом его из этого дома выселяют). Т.В. Иванова вспоминала: «Когда в 1928 году Всеволод опубликовал рассказ “Особняк”, изобличающий мещанина-стяжателя, в журнале “На литературном посту” была помещена статья, в которой отождествлялся сам Всеволод с выведенным им персонажем. Статья была снабжена иллюстрацией Кукрыниксов: Всеволод в образе цепного пса сидит у собачьей будки, охраняя “свой” особняк. Примечательно, что в библиотеке им. Ленина из комплектов журнала именно эту карикатуру тщательно вырезали» (см. сб.: Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990. С. 175–176).

[35] Роман И. Эренбурга о Бабефе «Заговор равных» был напечатан в № 11 и 12 «Красной нови» за 1928 г. в изуродованном виде; материал, связанный с эпохой Французской революции, легко соотносился с тогдашней российской действительностью.

[36] Намек на Эренбурга, жившего в Париже.

[37] По имени Н.В. Устрялова – деятеля кадетской партии, эмигранта, одного из идеологов сменовеховства, в 1935 г. вернувшегося в СССР.

[38] Речь идет о первой книге «Тихого Дона», напечатанной в 1928 г. в журнале «Октябрь».

[39] Антинэповское стихотворение, обращенное к подпольщику из Польши («Арбат – это черное горе мое // Каждым шагом в него // Я коплю динамит...»).

[40] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 45.

Заказ № 2076

Бабеф»?[41] Читали ли воспоминания Воронского (где он кстати?) в «Новом мире»?[42] По-моему замечательно![43]

16 февраля 1929 г.:

Вы обещали, вернувшись из Новосибирска, написать подробно, но, видно, не собрались… Ходят слухи, что Вы добиваетесь разрешения совещания с Евгением Алексеевичем <Преображенским>, Христианом Георгиевичем <Раковским> и <И.Т.> Смилгой[44]. Верно ли? И если верно, каковы Ваши планы – в каком положении находится это дело?… Как дела с Вашей книгой о Ленине, о которой Вы мне писали?

Тон этого письма так не похож на обличительное послание Лелевича Вардину; видимо, он готовился к капитуляции…

Долго не получая писем от Радека, 21 мая 1929 г., Лелевич написал его приемному сыну Витольду Глинскому[45], также сосланному в Томск:

---

[41] О советской публикации романа Эренбург так выразился 21 ноября 1930 г. в письме к Е. Полонской: «Отрывки, точнее лохмотья были напечатаны в “Красной нови”»; полностью в СССР роман был напечатан лишь в 1964 г.

[42] Имеется в виду первая книга воспоминаний Воронского «За живой и мертвой водой»; в 1929 г. Воронский был выслан в Липецк.

[43] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 14.

[44] Х.Г. Раковский в переговорах Радека с Преображенским и Смилгой об условиях капитуляции не участвовал; он сдался Сталину в числе последних видных троцкистов.

[45] В.К. Глинский – сын Р.М. Радек от первого брака, усыновленный Радеком. Активный участник левой оппозиции в Ленинграде; сослан в Сибирь (1928–1929 гг.); в 1929 г. вместе с Радеком находился в Томске. Как и Радек, в 1929 г. выступил против Троцкого. Так, 29 мая 1929 г. Глинский писал из Томска питерскому приятелю: «Я никогда троцкистом не был. Воспитываясь в Ленинградском комсомоле, рано начавший изучение сочинений Ленина, я был против неклассовой постановки вопроса о демократии в 1923 г., против теории о вузовской молодежи как о барометре революции. Нет, с ним мне больше не по дороге. Я возвращаюсь в партию, чтобы помочь ей в борьбе с кулаком, бюрократизмом и нэпманами» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 5–6). В 1930-е гг. работал старшим экономистом на металлургическом заводе «Азовсталь» в Мариуполе. В марте 1935 г. КПК при ЦК ВКП(б) объявила ему выговор за недостаточное участие в борьбе с «троцкистско-зиновьевской оппозицией»; затем арестован, погиб в лагере.

> Дорогой тов. Глинский! Я уж Вас побеспокою. Будьте добры: когда К.Б. не может почему-либо сам писать, пишите Вы...[46]

Это последнее письмо Лелевича в архиве Радека.

2. Рейснеры

Один сюжет в «писательской» почте Радека касается несомненно значимого события в его личной биографии. Событие это случилось в 1923 г., когда в жизнь Карла Радека вошла Лариса Рейснер. Вскоре (через нее) Радек познакомился и со всей семьей Ларисы, жившей в то время в Москве. Семья Рейснеров (отец, мать, дочь и сын) была спаяна невероятной близостью, дружбой и преданностью друг другу...Неизвестно, существовала ли переписка Радека и Ларисы Рейснер (во всяком случае, в почте Радека, теперь хранящейся в РГАСПИ, ни одного послания Ларисы нет); но два письма, отправленные Радеку в ссылку братом Ларисы – Игорем (впоследствии известным востоковедом, автором ряда книг) – сохранились. В историческом и тем более в биографическом, плане они существенны, но, будучи характерно личными и семейными, требуют предварительного рейснеровского семейно-биографического экскурса.

Михаил Андреевич Рейснер происходил из чиновничьей семьи обрусевших балтийских немцев; он окончил Варшавский университет, где защитил диссертацию на степень кандидата прав (его учителем был оказавший на него заметное влияние проф. А.Л. Блок, отец поэта). Стажировался Михаил Андреевич в Гейдельберге, после чего стал профессором юридического факультета в Томском университете. В 1904 г. по обращению К. Либкнехта он, как специалист по русскому праву, предоставил заключения для суда в связи с обвинением немецких социал-демократов в государственном преступлении против русского царя. В 1905 г. Рейснер организовал в Европе кампанию в связи с событиями 9 января и арестом Горького. В том же году он вступил (в Нарве) в большеви-

[46] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1 Ед. хр. 106. Л. 37.

стскую партию и участвовал в знаменитой Таммерфорсской конференции РСДРП(б), где познакомился с Лениным.

С 1907 г. М.А. Рейснер был допущен к чтению лекций в Петербургском университете; читал он лекции также на Высших женских курсах Раева и в Психоневрологическом институте (где училась и Лариса Рейснер). Автор двухтомного труда «Государство» (1911–1912), М.А. Рейснер вместе с тем вел широкую научно-социалистическую пропаганду в рабочих аудиториях, за это подвергался гонениям как академических кругов, так и «общественности». Гонения эти завершились широковещательным распространением клеветы: был пущен слух, что Рейснер – провокатор охранки; этот навет, как ни странно, поддержал В.Л. Бурцев. В брошюре «Мой ответ Бурцеву» Рейснер обстоятельно разоблачил ложные обвинения, но опровержения и логика впечатляли русское общество слабее, нежели эффектные сенсации...[47]

В 1914 г. Россия ввязалась в войну, и М.А. Рейснер с самого ее начала был активным противником мировой бойни. Антивоенным стал и литературный журнал «Рудин», восемь номеров которого в 1915–1916 гг. выпустили Михаил Андреевич и его дочь Лариса, ставшая душой журнала, где печатались и ее стихи, очерки, критические статьи.

Послереволюционная деятельность М.А. Рейснера выглядит скорее грустной. Он, конечно, принял предложение Ленина стать завотделом Наркомюста, но научная его работа явно стопорилась, поскольку социально-психологические методы в марксизме, которые развивал Рейснер, уже в 1920-е гг. в СССР не поощрялись, и он периодически обвинялся в различных «отступлениях»...[48]

---

[47] «Подлая клевета Бурцева породила у Рейснеров недоверие к людям вообще. Настороженность была настолько болезненной, что Михаил Андреевич, когда его с кем-нибудь знакомили, прежде всего спрашивал: А вы читали "Мой ответ Бурцеву?", все еще веря, что простой логикой можно уничтожить клевету» (*Андреев В.* Детство. М., 1968. С. 71–72).

[48] Из послереволюционных работ М.А. Рейснера наибольший интерес, вероятно, представляет книга «Идеологии Востока. Очерки восточной теократии» (М.; Л., 1927).

Еще в 1893 г. М.А. Рейснер женился на Екатерине Александровне Пахомовой[49], с которой, как сказано в его автобиографии, «прожил всю жизнь в исключительном счастьи»[50] (Лариса родилась в 1895-м, а в 1899-м – Игорь). Вспоминая старших Рейснеров, писатель Вадим Андреев, мальчиком живший у них на Черной речке (его отец Леонид Андреев дружил тогда с рейснеровским семейством) писал: «Медленный, приторно любезный, немного рыхлый и чересчур спокойный Михаил Андреевич и рядом острая неукротимая Екатерина Александровна – они прекрасно дополняли друг друга»[51]. Называя дом Рейснеров четыреединым, младший Андреев особенно восторженно вспоминал Ларису: «Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел и даже самые грубые предметы при ее приближении приобретают неожиданную нежность и мягкость. Я помню то ощущение гордости, которое охватывало меня, когда мы проходили с нею узкими переулками Петербургской стороны – не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий – статистика, точно мною установленная, – врывался в землю столбом и смотрел вслед, пока мы не исчезали в толпе. Однако на улице никто не осмеливался подойти к ней: гордость, сквозившая в каждом ее движении, в каждом повороте головы, защищала ее каменной, нерушимой стеной. Вообще гордость была из основных рейснеровских черт. Даже мой товарищ брат Ларисы, Игорь, веснушчатый, острый, в мать, четырнадцатилетний мальчишка, был преисполнен гордостью: так, как он, никто не умел закинуть голову, одним взглядом уничтожить зарвавшегося одноклассника и выйти с достоинством из трудного

[49] Это информация из автобиографии Рейснера, написанной в 1927 г. Не связанный внешними обстоятельствами, Вадим Андреев пишет, что Екатерина Александровна была урожденная Хитрово и находилась в родстве с семействами Храповицких и военного министра Сухомлинова (*Андреев В.* Детство. С. 69); заметим, что в юности Л. Рейснер выступала под псевдонимом Л. Храповицкий. Отметим также, что К. Радек писал о покойной Ларисе Рейснер: «Остзейская кровь ее отца удачно сочеталась в ней с польской кровью матери, наследие старой немецкой культуры ряда поколений строгих юристов – с пылкостью страстной Польши» (цит. по: *А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий.* Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 311).

[50] Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 623.

[51] *Андреев В.* Детство. С. 69.

положения. <...> Игорь был стремителен, настойчив, всегда увлекающийся и беспокойный, казалось, он не мог ни на чем остановиться надолго... Рассказывал он легко, плавно, без труда находя все нужные слова, легко подчиняя ритму своих беспокойных рук длинные периоды, придаточные предложения, вводные слова, так что самая сложная фраза получалась у него круглой, завершенной, как будто готовой к печати»[52].

Лариса Рейснер, еще будучи студенткой, приобрела известность в петербургской литературной среде как идейный вдохновитель, редактор и автор журнала «Рудин»; многие ее публикации в журнале, скажем, статья «Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому», имели несомненный резонанс не только у молодежи. Она была знакома с Блоком (правда, наиболее часто встречалась с ним в Петрограде 1920-го), Гумилевым и другими известными поэтами...С начала Гражданской войны Лариса Рейснер принимает в ней активное участие; она – легендарный комиссар Волжской флотилии, а затем комиссар штаба флота. Став женой командующего Волжско-Каспийской флотилии Ф.Ф. Раскольникова, она в 1921 г. отправляется с ним в Афганистан, куда Раскольникова направили послом. (К слову сказать, брата Ларисы Игоря уже в 1919 г. послали в Кабул секретарем посольства, когда послом был Я.З. Суриц. Сразу после отзыва Сурица Игорь Рейснер еще некоторое время оставался в Кабуле и дождался приезда сестры). В Кабуле Лариса увлеченно занималась дипломатической работой и собирала материал для книги об Афганистане. В 1923 г. она поехала отдохнуть к родителям в Москву, и вот тут-то начинается наш сюжет, сколько-нибудь внятных изложений которого мне не приходилось встречать в печати. Разве что воспоминания ученицы и коллеги И.М. Рейснера востоковеда К.А. Антоновой, в которых есть глава «Мой учитель – Игорь Рейснер», – соответствующее место из нее здесь приведем. Речь идет о том, что после отъезда Ларисы из Кабула в Москву она для Раскольникова, оставшегося в Афганистане... пропала: «Ни одно письмо не пришло от нее мужу, хотя Раскольников непрерывно писал ей, умоляя сказать, что случилось?. Он оказался в нелепейшем положении: при шахском дворе его все время спрашивали, как его жена, когда она вернется, а он ничего не знал и должен был вы-

[52] *Андреев В.* Детство. С. 70–71, 81–82.

думывать. Наконец Раскольников добился отзыва в Москву, приехал и стал искать встречи с Ларисой, но та его избегала: в то время она увлеклась маленьким, некрасивым, но живым и остроумным Карлом Радеком, который собирался в Германию где, казалось, начиналась революция, и мог взять ее с собой. <…> В конце концов, Лариса послала Федору Федоровичу письмо, объясняя, что он больше ничего не может ей дать, между ними все кончено. Это было тяжелым ударом для Раскольникова, имевшего другое представление о супружеской любви. Радек действительно взял в 1923 г. Ларису с собой в Германию, где она написала книгу "Гамбург на баррикадах"»[53].

Сам Радек излагает события, связанные с поездкой Ларисы Рейснер в Германию, туманно и без подробностей: «В сентябре <1923 г.> она приходит ко мне с просьбой помочь ей выехать в Германию… Ларису тянуло туда, тянуло сражаться в рядах германского пролетариата и приближать его победу к пониманию русских рабочих. Ее предложение меня очень обрадовало… Но в то же время я чувствовал, что ее поездка в Германию – бегство от неразрешенных сомнений»[54].

Конечно, об этой поездке Радека и Рейснер, об участии их в гамбургском восстании ходили вполне характерные легенды. По одной из этих легенд – я слышал ее в 1973 г. от А.В. Эйснера, – Лариса Рейснер ехала с документами польской графини, а Радек – один из вождей Коминтерна – сопровождал ее в качестве секретаря. По другой версии, Рейснер приехала в Берлин с Радеком, имея фальшивый немецкий паспорт, и в отеле ей утром сказали, что немки не могут так улыбаться – у нее улыбка русской женщины...[55]

В начале 1926 г. Лариса Рейснер заболела тифом и 9 февраля скончалась. Из воспоминаний о ее похоронах – писатель В. Шаламов: «За гробом вели под руки Карла Радека. Лицо его было почти зеленое, грязное, и неостанавливающиеся слезы проложили дорожку на щеках с рыжими бакенбардами»; брат Михаила Кольцова карикатурист Борис Ефимов: «По сей день стоит

---

[53] *Антонова К.* Мы, востоковеды… // Восток. 1991. № 3. С. 107.

[54] См.: *А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий.* Силуэты: политические портреты. С. 316.

[55] См.: *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С. 69–71. В этой книге рассказ о Л. Рейснер и ее семье содержит много неточностей.

у меня перед глазами Карл Радек, навзрыд рыдающий у ее свежей могилы на Ваганьковском кладбище. Глубокое сочувствие вызывало безутешное горе этого уже пожилого человека, прошедшего, как говорится, огонь и воду и медные трубы, опытнейшего политического деятеля. <...> Лариса, человек, близкий к Раскольникову и Радеку, не избежала бы расстрела в годы сталинских репрессий...»[56]

Радековский посмертный портрет Ларисы Рейснер исполнен большевистской риторики; он свидетельствует о хорошем знании подробностей ее биографии и, увы, содержит мало мемуарного. Два тома «Портретов и памфлетов» Радека, куда входил этот портрет[57], открывались патетическим посвящением, набранным на целую страницу: «Памяти незабвенного друга Ларисы Михайловны Рейснер, Борца и певца пролетарской революции книгу эту посвящает Карл Радек. Москва, Кремль»[58].

Племянник Ларисы Рейснер Лев, появившийся на свет уже после ее смерти, вспоминал грустные слова, которые часто слышал от своего отца И.М. Рейснера: «Брюшник подхватил я, она заразилась и умерла, а я выжил»; о взаимоотношениях отца и его сестры он пишет: «Лариса (Лэри) была для него больше чем родная сестра, он ее боготворил, как, впрочем, и старшие Рейснеры. И еще они, сестра и брат, были не только друзьями, но и товарищами (у них было товарищество, если быть точным)»...[59]

Чтобы подойти к письмам в Тобольск 1928 г. брата Ларисы Рейснер Игоря, кратко скажем о том, как складывалась его судьба. Вернувшись из Кабула, Игорь Рейснер окончил Вос-

[56] *Шаламов В.* Воспоминания. М., 2001. С. 39; *Ефимов Б.* Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 285.

[57] Как и в 41-й том Энциклопедического словаря «Гранат», посвященный деятелям русской революции.

[58] Посвящение сохранено в дополненных изданиях 1933 и 1934 гг., но в последнем снят адрес «Москва, Кремль». Возможно, стилистически это посвящение заимствовано у Троцкого – его книге «Литература и революция» (М., 1923 и М., 1924) предпослано набранное на всю страницу посвящение: «Христиану Георгиевичу / Раковскому / Борцу, / Человеку, / Другу / посвящаю эту книгу / 14 августа 1923 года».

[59] *Рейснер Л.И.* Портрет отца // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 235–236.

точный факультет Военной академии РККА, мечтая соединить карьеру деятеля с карьерой крупного ученого. К Карлу Радеку, которого он знал, понятно, по-домашнему, И.М. Рейснер относился с большой симпатией не только из-за Ларисы (его письма Радеку в ссылку в 1928-м это подтверждают). Но так случилось, что три года – 1926, 1927 и 1928-й – сложились для него трагически, поскольку за это время рейснеровская семья практически перестала существовать. Его сын, Л.И. Рейснер, спустя 60 лет писал о своем отце: «В конце двадцатых годов он потерял самое дорогое и драгоценное: семью Рейснеров, которая была в чем-то подобна маленькому культурному очагу, литературному салону, родственному клану. О своих родных он почти не рассказывал, не любил касаться этой темы – позже я понял, что рана никогда не заживала»[60].

Первой после Ларисы в 1927 г. умерла ее мать Е.А. Рейснер. О том, что случилось вскоре К.А. Антонова пишет так: «Отец Игоря спустя 3–4 месяца женился на своей кухарке. Игорь, боготворивший мать, никогда не мог ему этого простить, особенно когда отец, желая, видимо, как-то обеспечить эту неграмотную женщину, завещал ей свою библиотеку на которую, по мнению Игоря, он имел все права, т.к. она нужна ему была для работы.. Всю жизнь Игорь хранил в своей комнате гипсовый бюст матери и портрет Ларисы кисти Василия Ивановича Шухаева, но ни одного изображения своего отца. Как-то я нашла в одном журнале хороший снимок старого Рейснера и предложила его Игорю, но тот сказал, что не хочет смотреть “на этого человека”. Однако к самой кухарке Игорь претензий не имел и в официальном заявлении “горячо поддержал” просьбу о назначении ей повышенной вдовьей пенсии»[61]. События, столь сильно захватившие его, пришлись на пору, когда Игорь Рейснер, женившись и ожидая ребенка, жил отдельно от семьи, в Подмосковье, и не слишком оперативно отслеживал события жизни Карла Радека: он не сразу узнал о его высылке и не провожал его. Потом, конечно, и ему досталось с лихвой – сначала за само знакомство с Радеком, а в конце 30-х еще и за то, что зятем его был невозвращенец и враг народа Раскольников. И.М. Рейснер был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) и

---

[60] *Рейснер Л.И.* Портрет отца. С. 235–236.

[61] *Антонова К.* Мы, востоковеды... С. 107.

уволен из Института Востоковедения; спас его Ем. Ярославский, знавший семью Рейснеров и устроивший его в Ивановский пединститут. Только в конце войны он смог вернуться в Москву. Л.И. Рейснер писал об отце: «Печать своей анкетной "неполноценности" он нес, подобно многим, с 30-х годов; лишился до войны работы и партийного билета (был восстановлен в партии во время войны), а накануне смерти Сталина был вновь на грани увольнения из МГУ как "засоряющий кадры" Университета...»[62] Несколько раз его увольняли с работы; будучи профессором, он смог защитить докторскую диссертацию лишь когда умер Сталин, хотя был одним из виднейших индолгов страны...

А теперь возвращаемся в 1928 год:

И.М. Рейснер (Немчиновка Московской обл.) –
К.Б. Радеку (Тобольск):

I. <Март 1928 г.>

Дорогой Карл – мне решительно стыдно, что не удалось повидать Вас перед отъездом – но живя в Немчиновке[63] (это почти также далеко от Москвы, как Тобольск) узнаешь о событиях Post factum.

Сначала о личных делах. Дочка Ленсбери[64], она же Violet[65], через несколько месяцев совершит не-

---

[62] *Рейснер Л.И.* Портрет отца. С. 238.

[63] Дачная местность в Одинцовском районе Московской области.

[64] Имеется в виду Джордж Ленсбери – крупный деятель лейбористской партии Англии, бывший в 1932–1935 гг. ее лидером.

[65] Виолет (Вайолетт) Ленсбери – дочь Джорджа Ленсбери, жена историка А.Г. Пригожина, с которой И.М. Рейснер познакомился, работая в Московском институте востоковедения (по окончании в 1924 г. Военной академии). Вскоре Вайолет ушла от своего супруга и стала жить с И.М. Рейснером – сначала в проходной комнатке общежития РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, а потом на подмосковной даче. У них родилось двое сыновей: Лев и младший Георг (его в семье звали Додик), названный в честь деда Джорджа Ленсбери. В 1940 г. Вайолетт, уехавшая в командировку в Париж, вышла там замуж за брата известного индийского историка и крупного деятеля компартии Великобритании Раджани Палм Датта, навсегда бросив И.М. Рейснера с двумя сыновьями в Москве.

респектабельный поступок и подарит старому Джорджу незаконного внука – моего сына или дочку. Violet вернулась, живет в Немчиновке, так же строга в большевистской ортодоксии, шагает стремительным образом через немчиновскую грязь и лишь иногда (не слишком часто) жалуется на отсутствие ванной, метро и других удобств, свойственных капиталистической Англии. Мы члены кооператива, но маслом и яйцами нас снабжает местный представитель ростовщического капитала в виде пожилой подозрительно вежливой армянки. Я читаю лекции, изучаю древнюю историю Индии, занимаюсь физкультурой, худею, готовлю книгу по аграрному вопросу в Индии, редко хожу в театр и точно не знаю, где собственно находится центр тяжести. В институте мы дискутируем в высшей степени злободневные темы как вопрос о происхождении ислама и был ли в Индии феодализм в 4 веке до Р.Х. Отдаленность этих эпох не мешает весьма ожесточенному характеру споров, что очевидно объясняется 1) малым количеством слушателей, 2) тем обстоятельством, что в указанных областях далеко не всё идеологически закреплено, 3) профессиональными качествами «маленького мира ученых». В связи с юбилеем Горького[66] я с наслаждением перечел прочувствованные строки, посвященные ему Лэри в Гамбурге[67] и Вами в «Портретах».

М.А. <Рейснер> счастлив, помолодел и пишет историю политических учений от Калибана до Ленина[68]. Алеша[69] вырос, относится ко мне с давним

[66] 28 марта 1928 г. М. Горькому исполнилось 60 лет.

[67] В книге Л. Рейснер «Гамбург на баррикадах» (1925) никаких высказываний о Горьком нет.

[68] Вся фраза иронична и вызвана женитьбой М.А. Рейснера сразу после смерти его жены.

[69] Речь идет о младшем, приемном сыне М.А. Рейснера; К.А. Антонова в мемуарах «Мы, востоковеды...», повествуя об И.М. Рейснере в 1930-е гг., упоминает Алексея как «приемного брата Игоря, с которым он был не в ладах и о котором никогда не говорил» (Восток. 1991. № 3. С. 108).

презрением, как к вырождающемуся интеллигенту и слывет первым драчуном в округе. Лу-лу неизменно в своей томной прелести и готовится явить миру еще четырех щенят в дополнение 42 уже существующих. Проф. Залкинд[70] предполагает специально обследовать ее в целях использования ее опыта для своей статьи «Гигиена мозговой работы».

Дорогой Карл – напишите подробно, что Вам нужно в городе по имени Тобольск – сапоги? книги? табак? и т.д.? Можно ли будет навестить Вас в Тобольске во время моих летних каникул? И вообще дымится ли дым Вашей трубки и как относится к Вам прекрасная половина тобольской общественности?

Мы получаем «New Leader» и «Labor Monthly» – может Вам было бы интересно, если бы я переслал их в Тобольск?

Крепко целую *И. Рейснер.*

P.S. Посылаю Вам немного табаку.

М.Б.Б. Немчиновка, 3. Запрудная д.7 мне[71].

II. 5 августа <1928 г.>

Дорогой Карл. Вы наверное знаете из газет, что Михаил Андреевич <Рейснер> скончался в ночь на 3 августа. События развернулись достаточно быстро. Еще две недели назад он прекрасно чувствовал себя в Кисловодске, куда поехал с новой женой. Вдруг начала давать себя чувствовать водянка. В Москве, куда они вернулись, консилиум высказался за операцию, чтобы выпустить воду и поставить диагноз (подозрение на рак). Операция прошла хорошо. Рака тогда не обнаружили. Выпустили 13 литров воды. 2 дня спустя М.А. неожиданно почувствовал себя дурно – ночью после 8-минутного припадка он скончался от паралича сердца. Post mortem[72]

---

[70] А.Б. Залкинд – педолог, врач-психоневролог, педагог, автор многочисленных книг по педологии и педагогике, издававшихся до 1934 г., член ВКП(б).

[71] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 24–25.

[72] Посмертное (*лат.*).

вскрытие обнаружило плоскостной рак брюшины. На этот раз смерть была великодушна и избавила его от нескольких месяцев бесполезных и унизительных страданий. Я видел только мертвое тело. Щеки впали, но лицо было очень красиво и более чем когда-либо похоже на Лэри <Ларису>. На простом грузовичке, так же как было с мамой[73], я отвез тело в крематорий. Никаких торжеств и подобия толпы не было. Враги не произносили речей «о безвременной утрате»; отсутствовали флаги и делегации чуткой молодежи. Ссылаясь на волю покойного, я категорически высказался против венков, речей и заседаний. Надо сказать, что все «органы» власти и общественности ухватились за это предложение с горячностью, которая показалась бы странной при других условиях. Ни в «Правде», ни в «Известиях» даже не было помещено некролога. Даже в хронике наряду с кражей кальсон на Смоленском рынке или нападении хулиганов на кассира МСПО[74] отсутствовало малейшее упоминание о смерти М.А. Рейснера, профессора, члена Ком.Академии, члена ВКП(б) с 1905 года. Общими усилиями моими и общественности была вписана последняя, едва ли не самая стильная, страничка биографии покойного. Его пепел будет помещен в колумбарий рядом с пеплом Екатерины Александровны и Лэри (я уже имею разрешение на это). В колумбарии много цветов, спокойно и помещение напоминает не то банк, не то протестантскую церковь, не то вокзал, неожиданно превращенный в госпиталь. Вазы хоронятся в особых шкафах под стеклом, как экспонаты музея, где каждый предмет неповторим, но все они по существу одинаковы. Окна широко открыты, в воздухе вдали

[73] Е.А. Рейснер скончалась 19 января 1927 г.; за два месяца до своей смерти она писала Л. Сейфуллиной: «Ты не страдай о нас, все случилось 9 февраля (1926 г., когда умерла Л. Рейснер. – *Б.Ф.*), теперь только тянутся следствия. Каждое из них я встречаю равнодушно. И если ты услышишь, что я оборвалась, будь другом и порадуйся за меня» (Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969. С. 112).

[74] Московский Союз потребительских обществ.

прозрачный скелет радиостанции и слышны золотистые трели колоколов Донского монастыря.

Покойный сохранил до конца ясность мыслей и последовательность действий. Он отказался видеть меня за неделю до смерти и оставил все, включая свою библиотеку и библиотеку Лэри, своей второй жене. В своем завещании он просит правительство Союза назначить ей пенсию и не лишать квартиры. Нина Степановна[75] разбита горем, но решительно отказалась иметь какое-либо дело с Алешей и с его дальнейшим воспитанием. По всей вероятности мне удастся выкупить у нее библиотеку.

Маленький Лев[76] прибавил целый фунт и ничего не знает о смерти деда. Violet и я оба надеемся, что в будущем году нам не придется хоронить еще кого-либо из Рейснеров.

Ваш *Игорь*[77].

Ответные письма Карла Радека Игорь Рейснер, понятно, не сохранил.

3. Борис Пильняк

Сведениями о начале личного знакомства Бориса Пильняка с Карлом Радеком мы не располагаем. Известно, что в 1922–1923 гг. установилось близкое знакомство Пильняка с Троцким, а Радек был тогда в упряжке Троцкого своим человеком и появлялся на литературных обсуждениях вместе с Львом Давыдовичем[78]. О заинтересованном отношении Л.Д. Троц-

[75] Нина Степановна Рейснер – вторая жена М.А. Рейснера

[76] Лев Рейснер – сын И.М. Рейснера и Виолетт Лэндсбери, впоследствии историк-востоковед, автор прочувствованных воспоминаний об отце.

[77] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 22–23.

[78] На с. 92 мы приводили из следственных показаний И.Э. Бабеля его рассказ о появлении Радека с Троцким у Воронского, когда Багрицкий читал «Думу про Опанаса». Тогдашнюю попытку Радека перевести разговор на политические темы Троцкий остановил, строго на него посмотрев. Понятно, что этот «строгий» взгляд объяснялся корпоративной этикой: обсуждать, да еще в таком стиле, внутрипартийные проблемы при беспартийных создатель Красной армии считал недопустимым.

кого к литературной работе Бориса Пильняка Радек, конечно, знал…

На совещании в ЦК РКП(б) по художественной литературе 9 мая 1924 г., в работе которого Радек принимал участие, имя Пильняка звучало часто – он был одной из главных мишеней для напостовских атак; там же было оглашено написанное Пильняком[79] и подписанное крупными писателями-попутчиками письмо с протестом против политики напостовцев. Заканчивая свое выступление, Радек высказался против этой политики: «Если сравнить то, что пишет Пильняк теперь, и что он писал в 20-м году, заметен значительный шаг вперед. Развитие идет не по одной линии. Тут громаднейшая работа, которую не может заменить литературный погром. А литературный погром для правильно поставленной задачи – очень плохой план»[80].

Сын писателя Б.Б. Андроникашвили-Пильняк в работе, посвященной Пильняку и Замятину[81], говоря об отношении своих героев к большевистским вождям, включая Ленина, пишет: «Только для Троцкого и Луначарского делали они исключение, видя в них людей образованных, и тот и другой были писателями и безусловными сторонниками литературного плюрализма, понимающими, что одного *мнения* еще недостаточно, нужно *умение*, а оно есть только у тех, у кого культура». Относилось ли это к Радеку, фигуре не первого эшелона большевистских лидеров, сказать трудно, но после 1924 г. – вполне возможно. Несомненно, однако, что к 1925 г. Пильняк и Радек общались уже достаточно доверительно.

В 1937 г. на Лубянке в допросах арестованного Пильняка (Радек к тому времени уже был осужден) следователи настойчиво интересовались связями писателя с деятелями оппозиции (в безумной атмосфере того времени это само по себе было смертельным криминалом), и вопросы о Радеке Пильняку ставились. Если отвлечься от юридической трактовки показаний, выводов из них и ярлыков, употреблявшихся следователями, факты, содержащиеся в показаниях писателей, были, как правило, правдой, и в этом смысле протоколы допросов и записи показаний

[79] См.: Знамя. 1994. № 9. С. 140.

[80] К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе». С. 48.

[81] Два изгоя, два мученика: Б. Пильняк и Е. Замятин. Знамя. 1994. № 9.

писателей содержат важную историко-литературную информацию. Так вот, говоря о «Повести непогашенной луны», напечатанной в № 2 «Нового мира» за 1926 г. (этот номер был уничтожен и заменен другим с грифом «Второе издание», главного редактора журнала В.П. Полонского сняли с работы, а сам писатель был подвергнут жесткой критике и вынужден каяться), Пильняк дал такие показания: «Радек выразил мне свое сочувствие и оказал материальную помощь. Нужно прибавить, что Радек читал в рукописи эту повесть и даже принял участие в ее редактировании... Радек был первым, кто стал со мной говорить прямо и резко против руководства партии. В беседах со мной Радек утверждал, что Сталин отходит от линии Ленина, в то время как он, Радек, Троцкий и другие их сторонники были настоящими ленинцами, и что снятие их с руководящих постов есть искажение линии Ленина, в связи с этим, говорил Радек, неминуема борьба троцкистов со сталинцами»[82]. Такого рода суждения публично высказывались в 1925–1927 гг. и не содержали тогда юридически наказуемого криминала, но в 1937 г. следователю их не нужно было даже акцентировать – они гарантировали смертный приговор.

Неудивительно, что, когда Радека отправили в ссылку, Пильняк (как и другие писатели – Бабель, Сейфуллина...) отнесся к нему с естественным сочувствием, он оказывал жене и дочке Радека, оставшимся в Москве, материальную помощь[83]. В феврале 1928 г. по прибытии в Тобольск Радек отправил Пильняку открытку со своими координатами. В ответ он получил два письма:

1. Тобольск ул Свободы 49 Карлу Радеку
3/III 28

Дорогой Карл Бернгардович!

Посланная Вами открытка дошла до нас, и это, конечно, чудо, потому что более фантастического адреса Вы не могли придумать.

---

[82] *Шенталинский В.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 197–198.

[83] На заседании актива «Нового мира» 1 сентября 1936 г. главный редактор журнала И.М. Гронский обвинил Пильняка в материальной поддержке Радека: «Это тяжелым камнем висит на твоей биографии и ты, поскольку сейчас называешь себя непартийным большевиком, этот камень должен снять» (см.: *Шенталинский В.* Рабы свободы. С. 192).

Бориса сейчас нет в Москве. Он послал Вам свой рассказ и уехал на какой-то строящийся завод. Когда приедет, напишет Вам. Пока же я за него жму Вашу руку

Пильнятка[84].

Через четыре дня в Тобольск ушло второе письмо:

7 марта 1928

Дорогой Карл Бернгардович!

У нас совершенная весна, тает снег, воробьи, лужи, прочее.. Получил Вашу открытку – послал Вам мои рассказы: как видите, и плохо, и мало. Причин тому много, – первая: невозможно трудно писать… Вашу открытку я получил в день моего отъезда, ездил на Ладожское озеро, на Сясь. Там строится циллюлозный завод. Вернулся оттуда совершенно бодрым – видел колоссальные вещи, на месте сосен колоссальный завод – это очень хорошо, и очень хорошо строятся мысли, если их ведут машины. Романтике я предан навсегда. А в Москве пришел в расстройство – уж слишком много буден: писатель Алексеев украл у меня тему романа[85], надо не подавать руки – фининспектор насчитал мой подоходный налог, надо бегать за деньгами, – у других писателей, которые не воруют, болят зубы, и всякое прочее. Приехал вчера, – сегодня бегал по Гиз'у и фин-наркоматам, – видел Дробниса[86], сидит с палочкой в руке у Театральной

[84] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр.110. Л. 52. Вторая жена Пильняка, Ольга Сергеевна Щербиновская, актриса Малого театра; возможно, прозвище «Пильнятка» дал ей Радек.

[85] Глеб Алексеев – прозаик; в 1917–1923 гг. – эмигрант, жил в Берлине, где, видимо, и познакомился с Пильняком. Надо думать, речь идет о сюжете романа Г. Алексеева «Тени стоящего впереди» (1928).

[86] Я.Н. Дробнис – в 1904–1905 гг. член Бунда, с 1907 г. – в РСДРП(б); председатель Полтавского и Одесского советов; с 1922 г. – работник Малого Совнаркома; в 1923–1927 гг. – в троцкистской оппозиции; в 1937 г. приговорен к расстрелу на процессе Радека – Пятакова – Сокольникова.

Заказ № 2076

площади, у него сломана нога, теперь поправляется скоро едет на Кавказ[87].

Часто встречаю Воронского. Он бодр и увлекается теориями психологии творчества, теорией «первоначальных впечатлений» и пишет вторую часть «Живой и мертвой воды». Звонил несколько раз Розе Маврикиевне[88] и все неудачно. Дробнис ее видел вчера: она бодра и здорова.

Так вот идет время.

Ольга Сергеевна <Щербиновская> кланяется низко!...

Целую Вас крепко, дорогой Карл Бернгардович. Пишите. Если что надо, напишите, сделаю.

Ваш *Борис.*

Мой адрес: Москва 40
2-ая ул. Ямского Поля д.1а кв. 22[89].

26 августа 1929 г. статьей Б. Волина в «Литературной газете» началась массированная кампания против Пильняка в связи с публикацией в берлинском издательства «Петрополис» его повести «Красное дерево». Термин «пильняковщина», столь же малосодержательный, как и вся политическая лексика того времени, тиражировался хлесткими заголовками статей. Вернувшийся из сибирской ссылки Радек опубликовал в московской газете «Moskauer Rundschau» 20 сентября 1929 г. статью «Der Streit um Pilnjak»[90]. Этот еженедельник 17 августа напечатал материал о творческих планах Пильняка, а 7 сентября вы-

[87] В ссылку.

[88] Р.М. Радек – жена К.Б. Радека; член большевистской партии с 1905 г., исключена из нее в 1927 г., работала в Москве научным сотрудником в НКРКИ; в 1937-м выслана в Астрахань, скончалась в концлагере в Потьме.

[89] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1. На конверте (Л. 2) Пильняк подписался своей подлинной фамилией: Б.А. Вогау. При изъятии архива Радека после его ареста письмо Пильняка не было атрибутировано и хранится теперь в РГАСПИ, обозначенное в описи как письмо некоего Вагау (через «а»).

[90] В этом московском еженедельнике Радек начал печататься сразу по возвращении в Москву из Железноводска, где отдыхал, получив освобождение из ссылки; его первая статья – рецензия на книгу Ремарка «На Западном фронте без перемен» (29 сентября 1929 г.), затем в газете регулярно печатались политические статьи Радека.

нужден был поместить информацию «Писатель и политика» о кампании против Пильняка, начатой «Литгазетой»; статья Радека продолжала эту тему. В целом статья Радека была политически сдержанной (при вполне бойких подзаголовках ее главок: «Свобода, как я ее понимаю», «Убитый виноват» «Вина и расплата»), в ней выражалась уверенность, что осуждение Пильняка не потребует его головы, а пойдет писателю на пользу. Выступление Радека в печати, видимо, не изменило дальнейших его личных отношений с Пильняком (сошлюсь на московскую запись в дневнике К.И. Чуковского 2 апреля 1932 г.: «Вчера был у меня Пильняк по дороге от Гронского к Радеку»[91].

В 1936–1937 гг. Пильняку систематически напоминали о помощи, которую он оказывал Радеку в 1928 г. 30 января 1937 г. на общем собрании писателей Москвы по случаю вынесения приговоров на процессе Радека – Пятакова – Сокольникова и других Лев Никулин говорил: «Жаль, что нет здесь среди нас Пильняка. Правда, он был на заседании Президиума и признал свою вину. В свое время он помог деньгами Радеку – ему следовало бы быть здесь, на общем собрании, чтобы понять все то, что было в последнем слове Радека. Радек говорил о либералах, которые из чувства либерализма помогали троцкистам, и предсказывал их судьбу. Пильняк в Президиуме Союза писателей немного времени назад говорил о том, что он никогда не пытался делать никаких организационных выводов из своих мыслей. Это неверно. Он хотел иметь свой журнал. Он собирал вокруг себя группу. Над ними мелькала одна тень – тень троцкиста Воронского. Влияние Воронского еще не умерло, оно еще чувствуется»[92]. К тому времени Пильняк уже давно был обречен, хотя арестовали его только 28 октября 1937 г. на даче в Переделкине, где он жил.

4. Лидия Сейфуллина

Лидия Сейфуллина познакомилась с Карлом Радеком, видимо, в Москве в 1923–1924 гг. Познакомил их, скорее всего, А.К. Воронский, печатавший Сейфуллину в «Красной нови» и ценивший ее прозу, а может быть, и Лариса Рейснер, с которой Сейфулли-

[91] *Чуковский К.* Т. 12. С. 474.

[92] Литературная газета. 1937. 1 февр.

на подружилась в ту же пору (в любом случае, следует иметь в виду фразу из письма Сейфуллиной Радеку: «Лариса нас крепко связала»[93]).

В 1925 г. Сейфуллина жила в Ленинграде, и, судя по публикуемым здесь письмам, Радек навещал в Питере ее и ее мужа В.П. Правдухина[94] и хорошо знал подробности их жизни («Живем мы там, как и в те времена, когда Вы бывали у нас», – писал из Ленинграда 21 февраля 1928 г. Радеку Правдухин[95]).

Это была пора большого литературного успеха Сейфуллиной. В 1923–1924 гг. одна за другой печатались ее книги «Правонарушители», «Перегной», «Виринея»; в 1925 г. начали выходить ее собрания сочинений (в 1925-м – дважды – в 3-х томах; в 1926–1927-м – в 5-ти томах, в 1928-м – снова в 5-ти томах, в 1929–1930-м – в 6-ти); в театрах, включая зарубежные, шли ее пьесы (в частности, написанная в соавторстве с Правдухиным «Виринея»).

В московский, а впоследствии и питерский круг Сейфуллиной входили не только литераторы, но и знаменитые деятели большевистской партии, все – за исключением знакомого ей по Сибири Ем. Ярославского – ставшие левыми оппозиционерами (среди них К.Б. Радек, М.М. Лашевич, Е.А. Преображенский, В.М. Примаков и др.). Об этом ничего не говорится в мемуарах, опубликованных в СССР до 1987 г., но в лубянских показаниях дружившего с Сейфуллиной И.Э. Бабеля ее окружение очерчено, пусть и неполно (без наиболее знаменитых и потому наиболее опасных имен), но в целом точно, хотя используемые

---

[93] В биографическом очерке Радека о Л. Рейснер, написанном вскоре после ее кончины, и в кратких воспоминаниях Сейфуллиной, написанных год спустя, совпадает только один человеческий штрих: после чтения скучных учебников Лариса любила что-нибудь «вкусненькое» – художественную литературу у Сейфуллиной (Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969. С. 108), книги о нефти или хлебе – у Радека (*А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий.* Силуэты. С. 319). Отметим, что статью Л. Рейснер в защиту Сейфуллиной «Против литературного бандитизма» (Журналист. 1926. № 1) Лидия Николаевна прочла, видимо, уже после смерти ее автора (в № 2 «Журналиста» напечатан некролог Рейснер). Отметим также, что регулярные встречи в 1924 г. с Л. Рейснер у Сейфуллиной упоминаются в воспоминаниях Н.Г. Смирнова (см.: Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. С.140–142; в этом сборнике 1969 г. ни разу не встречаются имена не только К. Радека, но даже и Ф. Раскольникова – такова была эпоха застоя).

[94] В.П. Правдухин – критик, писатель.

[95] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 55.

в записях ярлыки шли, несомненно, от следователей: «Сейфуллина являлась активной участницей троцкистской группы Воронского, была близка не только с ним, но и с троцкистами Примаковым, Зориным и Лашевичем, постоянно вращалась в их среде. Кроме того, на нее оказывал сильное влияние ее муж, в прошлом активный эсер Валерьян Правдухин, приглашавший в дом людей такого же толка, как и он сам. Правдухин арестован органами НКВД во второй половине 1938 года»[96]. В другом месте Бабель говорит, что видел «Примакова в последний раз у Сейфуллиной в 1926 году»[97].

В 1928 г. Сейфуллина находилась в глубоком и устойчивом кризисе; Бабель об этом показывал на следствии так: «В неоднократных беседах со мной Сейфуллина жаловалась на то, что из-за неустойчивости и растерзанности ее мировоззрения писать ей становится все труднее. Внутренний ее разлад с современной действительностью сказался в том, что Сейфуллина в последние годы пьет запоем и совершенно выключилась из литературной жизни и работы. Во всяком случае, в области литературы Сейфуллина не видела выхода из создавшегося для нее положения»[98]. Несомненно, на кризисе Сейфуллиной сказалось общее положение в стране в середине 1920-х гг., разгром левой оппозиции, ссылка и преследование ее участников, в том числе и ближайших друзей писательницы. Кризис, разумеется, усугублялся и наследственным алкоголизмом, а материальное благополучие Сейфуллиной тех лет избавляло ее от литературной поденщины и мыслей о куске хлеба.

При всем том Лидия Николаевна сохраняла несомненное обаяние. «Много встречался с Сейфуллиной, – записывает 24 апреля 1926 г. К.И. Чуковский. – Она гораздо лучше своих книг. У нее задушевные интонации, голос рассудительный и умный. Не ломается»[99]. О том же свидетельствует В.Г. Лидин: «Страстности ее оценок сопутствовала необычайная правдивость души… В Сейфуллиной привлекали особенности ее прямой, без малейших скидок на приятельство, натуры»[100]. (Может быть, эта ее

[96] *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 63–64.
[97] *Там же.* С. 64.
[98] *Там же.*
[99] *Чуковский К.* Т. 12. С. 291.
[100] *Лидин В.Г.* Люди и встречи. М., 1965. С. 46.

душевная прямота и честность в порядке некоего уникального исключения расположили к ней Сталина во время его встречи с писателями у Горького в 1932 г.[101], и в итоге спасли ее от, казалось бы, неминуемой гибели). Искреннюю и демократичную Сейфуллину раздражал снобизм и высокомерие некоторых коллег (Замятина, например; это высокомерие она чувствовала и в его прозе, именно оно оттолкнуло ее от романа «Мы»), но ее безотказная готовность помочь товарищу в беде не зависела от их взаимоотношений; ее верность друзьям отличалась высокой надежностью. В декабре 1923 г. Сейфуллина отозвала из редакции «Молодой гвардии» свой принятый к печати рассказ и вернула полученный за него гонорар, когда журнал солидаризировался с напостовцами в нападках на Воронского[102]. Она продолжала дружить с Воронским и после того, как он был изгнан из «Красной нови» и выслан в Липецк[103]. Зная о перлюстрации почты, она открыто переписывалась с высланным в Сибирь Радеком. В 1935 г. Сейфуллина ходатайствовала об освобождении сына и мужа Ахматовой[104], а в 1944 г. она открыто заступилась за Зощенко с трибуны пленума Союза писателей[105], хотя Зощенко, по свидетельству К. Чуковского в дневниках, высказывался о ней отнюдь не дружески...[106]

Получив тобольский адрес Радека, Сейфуллина телеграфировала ему из Ленинграда 13 февраля 1928 г.:

---

[101] О выступлении на этой встрече Сейфуллиной и споре писателей с ней см. в воспоминаниях К. Зелинского «Вечер у Горького (26 октября 1932 года)» / Публ. Е. Прицкера / Минувшее. № 10. М.; СПб., 1992. С. 88–117.

[102] См. ее письмо в редакцию «Молодой гвардии» в кн.: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. С. 617.

[103] См. в показаниях Бабеля: «В 1927 г. Воронский был снят с работы редактора “Красной нови” и за троцкизм (формулировка, явно вписанная следователем. – *Б.Ф.)* сослан в Липецк. Там он захворал и я поехал его проведать, пробыл у него несколько дней, узнал, что до меня его навестила Сейфуллина» (*Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 58).

[104] Л.К. Чуковская приводит на сей счет рассказ Ахматовой и такие ее слова: «Сейфуллина была особый, прекрасный человек. Добрая, умная, и показала себя как отличный товарищ» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахаматовой: В 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 417).

[105] См. об этом сообщение Д. Поликарпова Г. Маленкову от 23 января 1944 г. (Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 110).

[106] См.: *Чуковский К.* Т. 12. С. 318.

ШЛЮ ПРИВЕТ КНИГИ ПОДРОБНОЕ ПИСЬМО ВЫСЫЛАЮ ПЯТНАДЦАТОГО ВСПОМИНАЕМ ЧАСТО ДЕНЬ ПАМЯТИ ЛАРИСЫ ДЕВЯТОГО[107] ПИСАЛА ВАМ ВЫШЛО ПЕЧАЛЬНОЕ ПИСЬМО НЕ ОТПРАВИЛА[108]· ЖИВЫМ НАДО БЫТЬ БОДРЫМИ ВЕСЕЛЫМИ ЧТО НАДО ВЫСЛАТЬ КНИГ ВЕЩЕЙ ТЧК МУСЯ[109] ЕДЕТ СЛУЖБУ ПИШПЕК ВАЛЕРЬЯН <Правдухин> КЛАНЯЕТСЯ ВЧЕРА УЕХАЛ МОСКВУ ВЫПИСАЛИ ВАМ ГАЗЕТЫ СООБЩИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ ПРИВЕТ РИТЫ[110] КРЕПКО ОБНИМАЮ ДОРОГОГО ДРУГА = ЛИДИЯ[111].

Подробное письмо Радеку Сейфуллина отправила через неделю (в тот же день Радеку написал и В. Правдухин):

21-го февраля 1928

Милый друг, дорогой товарищ Карл. Не знаю, получили ли Вы мое письмо-телеграмму и очень об этом беспокоюсь. Я Вас вспоминаю часто и всегда с любовью. Лариса <Рейснер> нас крепко связала. Не писала подробного письма потому, что настроение было паскудное. Это ведь не преуве-

[107] Вторая годовщина смерти Л.М. Рейснер. В.П. Правдухин писал в связи с этим Радеку: «В газетах в день ее смерти нигде ничего не было, кроме “Веч<ерней> Красной <газеты>”, где была статейка Ник. Смирнова, мало примечательная: автор жаловался, что она сильно сокращена».

[108] В.П. Правдухин писал Радеку 21 февраля 1928 г.: «Письмо и открытка Ваши до нас долетели. Я тогда же написал Вам письмо, а потом спешно уехал в Москву, а Лидия письма моего не отправила» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 55).

[109] Мария Яковлевна Натансон – большевичка с 1917 г., участница левой оппозиции в Ленинграде, исключена из партии в составе группы 75 деятелей «троцкистской оппозиции» на XV съезде ВКП(б); как и Радек, не подписала заявление съезду 23-х исключенных с просьбой «вернуть нас в партию». В начале 1928 г. выслана из Ленинграда в Пишпек (впоследствии Фрунзе, теперь Бишкек), но через некоторое время возвращена в Москву.

[110] Знакомая Сейфуллиной и Радека, жена литератора А. Дымова.

[111] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 51.

личение, не шутка, миленький, я совсем чуть было не спилась[112]. Не могла работать, и вся жизнь казалась непреоборимо мрачной. Налаживаюсь с трудом, начала писать пьесу[113], но третьего дня сорвалась – напилась безобразно. Надеюсь, это последний провал. Живем мы по-прежнему. Я называю наш дом: ночная чайная[114]. День проходит в разных чайных хлопотах, читаю, немного пишу, разговариваю по телефону, а часов с 10 вечера почти всегда далеко за полночь у нас люди. Знакомые Вам Дымовы[115], Маруся[116] и всякие новые, случайные знакомые или наезжие в Ленинград. Играем в пинг-понг[117], разговариваем, пьем чай. Больше всего играем в пинг-понг. Валя <Правдухин> ходит на каток. Всё собираюсь засесть серьезно за работу и прекратить эти вечерние налеты гостей, но все-таки не соберусь. А уж пора. Я уж давно не оправдываю ничем свое писательское

[112] 14 июня 1927 г. К.И. Чуковский записал рассказанное ему Сейфуллиной: «Много я стала пить. У меня отец запойный. И вот с тех пор я стала алкоголичкой (мне недавно доктор сказал, что я алкоголичка), я перестала писать. Отделываюсь некрологами да путевыми письмами» (*Чуковский К.* Т. 12. С. 309).

[113] Возможно, речь идет о пьесе в 4-х действиях «Кровь и вода» – см. о ней РГАЛИ. Ф. 656 (Главрепертком). Оп. 1. Ед. хр. 1783 – январь 1930 г. 15 февраля 1928 г. К.И. Чуковский записал после очередного посещения Сейфуллиной: «Пишет пьесу. В 6 дней написала всю. 3 недели не пьет. Лицо стало свежее, говорит умно и задушевно» (*Чуковский К.* С. 361). 21 февраля 1928 г. В. Правдухин писал Радеку: «Лидия начала понемногу работать: пишет пьесу».

[114] Обстановку ночных гостей у Сейфуллиной в феврале 1927 г. подробно описал в «Дневнике» К.И. Чуковский (*Чуковский К.* Т. 12. С. 298–303). «В доме было очень много шума», – замечает и З.Н. Сейфуллина (*Сейфуллина З.* Моя старшая сестра. М., 1970. С. 61).

[115] Литератор А. Дымов – автор изданных в 1927 г. московским издательством «Современные проблемы» четырех инсценировок по произведениям Сейфуллиной: «Губернатор», «Инструктор “Красного молодежа”», «Правонарушители» и «Старуха».

[116] Неустановленное лицо.

[117] З.Н. Сейфуллина вспоминала, что посреди столовой в большой квартире сестры стоял «стол, почти всегда раздвинутый на запасные доски – в готовности к модной тогда игре в пинг-понг» (*Сейфуллина З.* Моя старшая сестра. С. 60).; игра в пинг-понг у Сейфуллиной упоминается и в «Дневнике» К.И. Чуковского (Т. 12. С. 359).

существование[118]. За последние полтора месяца было у меня 26 выступлений, все вечера рабочей критики. Теперь отказываюсь, устала. Книг примечательных новых нет. С писателями вижусь редко. Чаще других бывает Лавренев[119]. Он играет в пинг-понг. Проводили Мусю[120]. Это очень для меня большая утрата, я ее люблю. Воронский сидит упорно за мемуарами, пишет вторую часть «За живой и мертвой водой»[121]. Приехала Ольга Форш[122]. Я еще с ней не видалась, хотя раз пять сговаривалась о свидании, все время наше с ней не совпадает. Она – интересный человек, была у Горького, очень хочется послушать ее рассказы. Внешне шумливая наша жизнь бедна содержанием. Нет в ней ничего, о чем хотелось бы Вам рассказать. Она какая-то неверная, ночная, вся из разговоров и игры для забвенья, оторвана от живой практической жизни людей иного, чем наш, труда. А в ней самой мы не производители, а только потребители. Произошел какой-то неладный отрыв работника литературы от живой жизни. Некоторые писатели деловито занялись упрочиванием своей карьеры. Так не имеющий ни долж-

[118] 2 января 1928 г. Сейфуллина писала В.Г. Лидину: «К сожалению не могу принять участие в альманахе. У меня нет ничего написанного и не скоро еще будет что-либо. Второй год я ничего не пишу. Еще не закончила даже обязательного описания поездки в Европу, за которую получила деньги от газет» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 933. Л. 6).

[119] Борис Андреевич Лавренев – прозаик, драматург. З.Н. Сейфуллина вспоминала пинг-понг в квартире сестры: «Постоянным партнером Валерьяна Павловича в этой игре был писатель Борис Лавренев. Они могли состязаться несколько часов подряд. Когда шла игра, через столовую проходить было невозможно – белые шарики летали во все стороны. Стук ракеток и крики "аут!" раздражали Лиду» (*Сейфуллина З.* Моя старшая сестра. С. 60).

[120] М.Я. Натансон, сосланную в Пишпек.

[121] О том же сообщал Радеку и Правдухин: «Ал.Конст. Вор. сильно поседел. Сидит у себя и работает над второй частью "За живой и мертвой водой"». Первая часть вышла в 1927 г. в издательстве «Круг», вторая – в 1928 г., третья – в 1931-м в издательстве «Федерация».

[122] Имеется в виду поездка О.Д. Форш во Францию (в Париже постоянно жила ее дочь) и в Италию.

ной компетентности, ни обязательного для редактора профессионального интереса к чужим произведениям Всеволод[123] занял место Воронского в «Красной Нови». Ходит к высоким лицам с официальными докладами и хозяйственно устраивает бытие. Он крепко скрутил Тамару[124]. Вы знаете, что она теперь живет с ним. Ему нежелательно даже упоминание о предшественнике, и при нем он не разрешает говорить о Бабеле[125]. Хорошо еще,

[123] Участник группы «Серапионовы братья» Всеволод Иванов уже в 1921 г. был высоко оценен и поддержан А.К. Воронским, много печатавшим его в «Красной нови» и в 1922 г. сообщавшим о нем Ленину: «Крупный талант, и наш». О повести «Возвращение Будды» (1923) Вс. Иванов записал: «А. Воронскому повесть не понравилась, он ее напечатал в каком-то альманахе и не стал печатать в "Красной нови" – считал повесть слабой. Я ему поверил, но все же издал повесть отдельно. Повесть затем, позже, была переведена на польский, и помню К. Радек сказал мне как-то: "Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку. Я читал ее по-польски". Это и было "Возвращение Будды". Я не понял Радека, я не понимаю его слов и сейчас» (*Иванов В.* Дневники. М., 2001. С. 367. Запись 31 декабря 1946 г.). 21 февраля 1928 г. В. Правдухин писал Радеку: «В Москве я посмотрел "Бронепоезд" Вс. Иванова. Отдельные сцены хороши, но пьесы, как органического целого нет. Диалог не всегда естественен: часто приподнят и фальшив». Сейфуллина познакомилась с Ивановым в 1923 г.; 15 ноября она писала Лидину: «В следующую пятницу жду Вас к себе. Известите остальных. Вс. Иванова, правда, лучше не звать. Я просто его рассмотреть хотела, но это лучше сделать в другой обстановке» (РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 1. Ед. хр. 933. Л. 1).

[124] Т.В. Иванова писала о Сейфуллиной: «Лидия Николаевна была не общим нашим со Всеволодом другом, а моим личным и очень близким. Дружба наша возникла еще до моего знакомства с Всеволодом. В переделкинский период Лидия Николаевна была в нашей семье как человек родной всем нам, включая Всеволода, и в последние годы своей жизни она очень сблизилась с моей мамой. Но воспоминания мои о ней носят настолько сугубо личный характер применительно и к моей, и к ее жизни, что тут граница несвоевременности отчетливо мною ощущается. Существуют такие воспоминания, которые можно, по-моему, публиковать только посмертно. Я имею в виду себя. Лидию Николаевны давно уже нет на свете. Если когда-нибудь увидят свет мои воспоминания «О себе самой» — там Лидии Николаевне отведется большое, может быть, даже одно из главенствующих мест». (*Иванова Т.* Мои современники, какими я их знала. М., 1984. С. 132—133)

[125] И.Э. Бабель на вопрос лубянского следователя: «Разве в последние годы вы с Ивановым не встречались?» — показал: «С Вс. Ивановым я не встречаюсь с 1927 года, когда он женился на Т.В. Кашириной, с которой до этого был близок я и которая родила от меня ребенка, ныне записанного как сын Вс. Иванова» (*Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 63).

что бабеленышу[126] позволяет существовать при матери. Заставил ее отказаться от службы и держит как в терему, строго контролируя и телефонные звонки, и посещенья. Тем не менее, она считает себя счастливой. Как чеховская «Душечка» восторгается теперь творчеством Всеволода, которого не признавала за писателя при Бабеле. Поэтому я к ней охладела. Дешевая оказалась бабенка. Маруся все толстеет, скоро родит. А наша Грайка уже родила[127]. Пять толстых маугленышей попискивают и портят воздух у нас в ванной. Папаша Маугли ничуть не остепенился, также побрызгивает в восторге и буйными объятиями встречает приходящих, пугает прачку и почтальона. Очень сильно страдает от него волоокий Ржанов[128], по мягкости своего маниловского характера не умеющий отбиться от его сильных лап. Рита опять без работы. Была вакансия и приняли было ее машинисткой в ГПУ, но, к несчастью, она захворала, должна была лечь в больницу и пропустила срок поступления на работу. Сейчас она здорова, было что-то по женской части, не очень тяжелая какая-то операция. Ее беспокоит лето, когда кончится клубная работа мужа, но в общем она – молодец, не нюнит. Здорово играет в пинг-понг. Вас она вспоминает часто и очень просит Вам кланяться, когда буду писать. Дымов (ее муж. – *Б.Ф.*) тихо острит и попрежнему перманентно ревнует жену ко всем муж-

[126] Имеется в виду сын Т.В. Кашириной и И.Э. Бабеля Михаил, которого впоследствии усыновил Вс. Иванов и который стал художником. К.И. Чуковский 14 июня 1927 г. записал в дневнике после посещения Сейфуллиной: «На столе у нее карточка Бабелёныша – сына Бабеля. Я не знал, чей это младенец, но он такой толстый, смешной (все *хорошие* маленькие дети – смешные), лобастый, что я невольно засмотрелся на карточку (Т. 12. С. 309).

[127] «Собачьи» новости сообщал Радеку и Правдухин: «Самая большая новость в нашем доме, это – то, что Маугли стал папашей, а Грайка – мамашей. Если бы можно было, я бы отправил Вам щенка, но Вы очень далеко забрались. Даже Маугли недоволен этим фактом: не с кем ему поиграть... Заведите настоящую сибирскую лайку и привезите ее с собой сюда».

[128] О заведующем отделом печати Ленинградского обкома ВКП(б) Г.А. Ржанове упоминает К.И. Чуковский в «Дневнике» (Т. 12. С. 298, 361).

чинам. В общем все по-старому, никаких перемен и экстраординарных событий в нашей ночной чайной нет. Да, теперь у нас рояль и Валя двумя пальцами наяривает на нем «Отойди, не гляди». Шафферша[129] из квартиры над нами от этой музыки заболела неврастенией и просит мужа летом, когда будут открыты окна, вывезти ее на дачу, а сейчас немедленно купить каракулевое манто. Появилась у нас новая знакомая, великолепно рыжеволосая крашенная Нина Борисовна[130], очень интересная и молодая женщина, киноартистка без ангажемента. Валерьяну за нее от меня уже влетело, но он все же наступательные действия продолжает. Вот все о нас. Скудно, но чем богаты тем и рады, иного нет. Одна надежда что я скоро по-настоящему примусь писать, в труде отмоюсь от этого житейского убожества. Не знаю, какие Вам книги послать, оттого задерживаю посылку. Ларисины два томика[131] у нас есть. Не очень нравится мне их внешний вид, а портреты и совсем неудачные. Напишите, получаете ли выписанные Вами газеты[132]. Пишите о себе, ждем от Вас с нетерпением вестей о здоровье, о жизни, о наблюденьях. Очень хорошо – «Экономисты»[133]. Напишите, нельзя ли в моей пьесе воспользоваться этим названием.

Крепко Вас целую Лидия[134]

---

[129] Соседка Сейфуллиной по дому.

[130] К.И. Чуковский записал 14 мая 1928 г.: «Пошел к Сейфуллиной – больна, простужена никакого голоса, удручена. В квартире беспорядок, нет прислуги. "Развожусь с Валерьяном!" Я был страшно изумлен. "Вот из-за нее, из-за этой дряни", – показала она на молодую изящную даму, которая казалась в этой квартире "как дома". Из дальнейшего разговора выяснилось, что Валерьян Павлович изменил Сейфуллиной – с этой "рыжей дрянью", и С. вместо того, чтобы возненавидеть соперницу, горячо ее полюбила. Провинившегося мужа услали на охоту в Уральск или дальше, а сами живут душа в душу – до его возвращения» (Т. 12. С. 369).

[131] *Рейснер Л.* Собр. соч. Т. 1–2. М., 1928; «Книги Ларисы, – писал об этом издании Радеку Правдухин, – мы, конечно, купили. Издано неплохо».

[132] Видимо, в дополнении к выписанным Радеку московским газетам Сейфуллина выписала ему и ленинградские; в письме Правдухина есть вопрос: «Получаете ли Вы "Красную газету"?»

[133] Видимо, речь идет о статье Радека.

[134] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 52–54.

Затем был долгий перерыв. Летом Сейфуллина отправила Радеку (уже в Томск) телеграмму:

> ДОРОГОЙ ДРУГ ШЛЮ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ТОЧКА НЕ ПИСАЛА ПРИЧИНАМ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА МНОГО БЫЛО НЕУРЯДИЦ СЕМЬЕ ПИШУ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ МЕНЯ ПИШИТЕ ПОЛОВИНЫ ИЮЛЯ БУДУ ЛЕНИНГРАДЕ = ЛИДИЯ[135].

Второе письмо Сейфуллиной было отправлено Радеку лишь осенью:

> 6-го ноября 1928
>
> Дорогой, родненький Карл.
>
> Виновата я перед Вами и перед Витольдом[136] безмерно, даже и прощения не прошу. Но так складывались обстоятельства, что очень трудно было писать письма именно друзьям. От алкоголя, от ленинградских туманов или вообще от всей, какой-то очень вялой жизни, более года страдала я мрачным ничегонехотеньем. Потом мы уезжали на Урал. Проехали тысячу верст в лодке, посмотрели пески, леса, степи, станицы и поселки. Поездка очень меня взбодрила. Там я совершенно ничего не пила, занималась физическим трудом и очень окрепла. Но по прибытии в Москву как-то

[135] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 62.

[136] С В.К. Глинским Сейфуллину связывали дружеские отношения; в архиве Радека сохранилось письмо Сейфуллиной, посланное в Москву его приемному сыну (на адрес Р.М. Радек) 18 ноября 1929 г.: «Дорогой Витольд. Когда Вас провожали в Сибирь, я привезла провизию в кожаном черном портфеле. Это портфель моей сестры, он сейчас ей нужен, а у меня нет и купить сейчас не удается. У меня маленькая денежная заминка. Если он у Вас уцелел, пришлите, пожалуйста. Если утерян, не беспокойтесь. Я забыла Вам сказать о нем, когда Вы у нас были. Ждем статью. Был Орлов, очень мне понравился. Я согласилась выступить у них на заводе. Сердечный поцелуй Карлу и Розе Маврикиевне. О себе писать нечего. Живу хорошо, работаю. Не забывайте. Л. Сейфуллина» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 61).

опять ошалела: и выпила, и промоталась зря. Розу Маврикиевну видел только один раз, на следующий день собиралась повидаться с ней у Нади Полуян[137], но так и не смогла. Она мне порассказала о Вас. Очень радостно было услышать, что вы оба здоровы, а главное, бодры. Приехала домой, сразу принялась за рассказ. Поэтому опять не сразу написала. Сейчас кончаю рассказ, утомлена им, и письмо выходит с помарками, туго подыскиваются нужные слова. Получила Вашу открытку, дорогой Карл, спасибо, что не забыли меня, несмотря на мое упорное молчание. Жизнь у нас идет по-прежнему, только, к счастью, теперь оба хорошо работаем. Думаем из Ленинграда перебраться в Москву. Лариса была права: творческая работа в городе прошлого, в его жизни с замедленным пульсом, с туманами впридачу – трудна. Надо «стоять со своим лотком» (ее слова) в Москве или жить в настоящей, в живой провинции. Сейчас Валерьян в Москве, подыскивает квартиру, но едва ли удастся найти ее раньше лета. Впечатлений от поездки у меня много. Есть и отрадное, но слишком много «сердца горестных замет». Неожиданно для меня, несмотря на долгое мое молчание и полное отсутствие стараний с моей стороны, популярность моя в глуши в провинции – большая. В станицах и в селах ветеринары, комсомольцы, хорошо грамотные крестьяне, работники кредитных товариществ, даже бакенщики на Урале если не читали, то слышали мое имя, а большинство при дальнейшем откровенном разговоре здорово меня ругали. Искренней похвалы я что-то по совести ни от кого не слышала. Больше всего досталось за грубый натурализм. Но должна сказать, что оказалась я в почетной компании. Один крестьянин, рыбак из поселка Рубежинского разговаривал со мной как Бобчинский с Хлес-

[137] Надежда Полуян – член большевистской партии с 1915 г., жена одного из лидеров левой оппозиции И.Т. Смилги.

таковым: «Если Калинина увидишь, Калинину скажи и Рыкову скажи, что проживаю я вот здесь, много страдал от казаков, сидел в тюрьме, сочувствующий пролетариату, сын у меня комсомолец, дочь коммунистка, всё расскажи, и скажи им, что я недоволен». Следом за этим он стал крыть Троцкого, всю оппозицию за то, что пшено у них 80 копеек, а в городе 6 рублей пуд. Я хорошо помню Ваш приказ: «Лидия, не говори о политике, ничего не понимаешь». А когда уезжала за границу еще Вы добавили: «Не говори, пожалуйста, как Пильняк, от лица Совнаркома». Я и не говорила, смиренно выслушивала. Пишу это не потому, что мне известно что письмо будет продезинфицировано в соответствующей лаборатории. Я – человек не трусливый, не боюсь ответственности – ни за свои мысли, ни за свои слова. А пишу Вам искренно о том, что у меня у самой смятенье мыслей и чувств и слева, и справа для меня все неясно. «Растерян мыслями и все чего-то ожидаю». Поэтому никак в рассужденья пускаться не могла, только жадно все слушала, вбирала в себя для переработки. Теперь, когда буду писать свои произведения, откроется для меня и мой собственный вывод. Но очень хотелось бы повидаться с Вами, побеседовать, получить порцию Вашей брани и разъяснений. В письмах это сделать трудно. И хоть нет у меня никакого тайного рассужденья, которого я не могла бы вести где угодно, неприятно все таки, что письма читают. Содержание моего письма к Муське Натансон о делах глубоко личных, о наших с Валей временных тяжелых переживаниях мне сообщили со стороны. Но это – ерунда. В конце концов революция обязывает к неудобствам житейским. По необходимости, можно поспать и в открытой спальне, претерпеть и разглашенье моих личных злоключений. Муська была в Ленинграде во время моего отсутствия, теперь ее отправили куда-то на курорт, и она еще не вернулась оттуда. Ида очень потрясена смертью Мих<аила> Михайловича[138].

А у меня тяжелое чувство. Мы с ним при последней встрече поругались. А перед мертвым всегда чувствуешь свою вину. Он был очень хороший человек, и мы дружили с ним еще в Сибири. В Уральске виделась с Преображенским. Пообедали вместе в кооперативной столовой. Он звал к себе, но не удалось пойти, недолго мы там пробыли. Он много работает в тиши своего захолустного жилья. Но есть и уклончик: граммофон завел. Очень хвалился своим граммофоном. Я советовала еще – канарейку. Курьезно как я его разыскивала. Я знала, что он служит в каком-то отделе Губисполкома. Пошла туда. Губисполком переезжал в этот день, отделы не работали. Пошла в редакцию местной газеты. Спрашиваю: «Товарищи, вы не знаете, где живет Преображенский? Хочу его повидать, он – мой хороший знакомый». Если б я спросила адрес какого-нибудь белогвардейца, впечатление, вероятно, было бы такое же. Все очень удивились, сухо и строго объявили, что не знают, да и откуда им знать. Пошла я в столовую, встретила своего старого знакомого т. Коростина. Он работал в ГПУ в Оренбурге, в Уральск приехал по делам на несколько дней. Он был пред<седателем> Губчека в Челябе, и мы вместе с ним работали в комиссии по улучшению

[138] Имеется в виду Ида Владимировна Лашевич – жена одного из создателей Красной Армии Михаила Михайловича Лашевича, сосланного за участие в левой оппозиции на Дальний Восток членом правления КВЖД и там скончавшегося. Ида Лашевич работала директором Государственного еврейского театра в Москве, и в 1928 г. ей объявили партвыговор за то, что она разделяла взгляды левой оппозиции. Тело М.М. Лашевича было доставлено поездом в Ленинград и там захоронено на Марсовом поле (затем могила уничтожена, а после 1956 г. восстановлена). После смерти мужа 21 сентября 1928 г. И.В. Лашевич писала Радеку из Москвы: «Дорогой Карл! Ты, значит, поздно получил мою телеграмму. Я думала, что тебе было бы легче, если бы ты встретил его тело. Как ни безумно тяжело мне, все-таки то, что я с ним проехала этот последний путь, облегчило для меня горе утраты. Теперь группа товарищей решила издать сборник его памяти. В какую форму он выльется – сказать трудно. Думают по образцу красинского. Напиши, дорогой друг. Срок – месяц. Послать по моему адресу: I Дом Советов к. 213. Количеством и обработкой материала – не стесняйся. Привести в порядок успеем, когда соберем всё. Привет! Ида» (РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 2–3).

жизни детей. Разговорились. Здесь же в столовой были местные губисполк<омовские> работ<ники>, подходившие к нашему столику. От них я узнала адрес Преображенского, но в тот день был товарищеский ужин по случаю нашего приезда, и я к нему не попала. Наутро пошли к нему в Губисполком и пообедали вместе в той же столовке. По приезде домой я нашла на столе письмо от Примакова[139]. Он писал из Ташкента, что скоро будет в Москве, оттуда думает приехать повидаться. Он лечился от бешенства, его укусила лошадь. Письмо его какое-то *вялое и грустное*, может быть от нездоровья. Бабель Тамару бросил. С горя или из-за пылкого темперамента сошлась она с Всеволодом. Из-за этого чуть было наша дружба не крахнула. Я Всеволоду публично (в кабаке Лит<ературно> худож<ественного> кружка в Москве) при многих любопытных не подала руки за то, что он не защитил Ал<ександра> Конст<антиновича>[140]. Тамара встала на сторону Всеволода, заявила, что этот мой жест она принимает и на свой счет. Мне было очень больно. Я очень люблю Тамару. Она – талантливый и душевно большой человек. Но в последний мой приезд в Москву мы с ней встретились случайно, объяснились, она признала мою правоту, и мы с ней опять друзья, но конечно, не с Всеволодом. Я его любила, но теперь у меня к нему острая неприязнь. Презренный человечишко. С Ритой мы тоже были долгое время в разрыве. Она, по глупости, по мещанским навыкам вмешалась в нашу

---

[139] Имеется в виду Виталий Примаков – военачальник, комкор, в 1920-е гг. участник левой оппозиции, отправлен на работу в Афганистан; в 1928 г. отошел от оппозиции; в 1930-е гг. – зам. командующего Ленинградскитм военным округом, в 1936 г. арестован, расстрелян. Радек был одним из близких к нему людей (см.: *Роговин В.* 1937 М., 1997. С. 376).

[140] Воронского. Не только Сейфуллина считала, что Вс. Иванов не поддержал столь многое сделавшего для него Воронского после его изгнания из журнала; см., например, показания Бабеля: «После снятия Воронского с "Красной нови" он стал чем-то вроде "воеводы без народа". Обнаружил колебания Всеволод Иванов – это было сочтено за предательство» (*Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 57).

Заказ № 2076

передрягу с мужем, выступила непрошено на мою защиту, я ей запретила бывать у нас. Но теперь все улеглось. Она милая душевная девчонка. Мы опять дружны. Терпели они материальный крах, опять сильно нуждались, но сейчас она служит на 70 руб. Работает и Дымов. Наш среброкудрый Воронский очень от волос похорошел, много пишет, хоть мало печатает. Напишите, Карл, как Вы живете. Рита летом была в Новосибирске. Ей там рассказывали, что студенты в Томске за пятак показывают приезжим «живого Радека». Милый мой Радек, как я соскучилась, двугривенный бы не пожалела, чтоб поглядеть на Вас живого. Из Витольдова имущества извлекла я Вашу фотографию с Соней[141]. Она стоит у нас в столовой. Витольду низко кланяюсь. Отдельно не пишу, устала, вот какое письмище намахала. Пусть он напишет мне: выслать ему драповое пальто или уже поздно. Я проездила долго, надо было к осени выслать. Не забывайте меня, дорогой мой друг. Мы с Валей постоянно Вас вспоминаем. Он бы приписал сейчас сам, но он в Москве.

Целую Вас крепко *Л. Сейфуллина*

Да! здесь тоже в Доме ученых живет Пригожин[142]. Он опять с Таней, Ирочка от него ушла, принесла ему много всяческих неприятностей. И он, и Таня бывают у нас ежедневно, играют в пинг-понг. Оба просили передать Вам сердечный привет. Л.С.

P.S. Напишите, не надо ли Вам чего-нибудь прислать. книги или из одежды что-нибудь. Если табаку, то какого? Вы ведь в этом отношении гурман.

Завтра 11 лет[143]. Сердечно поздравляю с большим праздником»[144].

---

[141] Софья Карловна Радек – дочь К.Б. Радека; в 1937 г. была выслана вместе с матерью в Астрахань.

[142] Речь идет об А.Г. Пригожине – научном работнике, члене РКП(б) с 1918 г., директоре ИФЛИ, арестованном в 1936 г.

[143] Годовщина Октябрьской революции.

[144] РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 55–60.

...Сейфуллина не выступила на московском писательском митинге, посвященном окончанию процесса по делу Радека и других, хотя ей и могли напомнить о дружбе с «врагом народа». В 1938-м арестовали В.П. Правдухина. Из опубликованных сочинений мемуаристов не узнать, что пережила в те годы Лидия Николаевна. «Она не знала иезуитской заповеди: “падающего толкни!”» – сказал Фадеев уже после смерти Сейфуллиной[145].

В 1939 г. большую группу писателей представили к наградам. Бабеля, Пастернака, Олешу и Эренбурга из списка вычеркнули лично Фадеев и Павленко[146]. Остальных проверял Берия. Секретарь ЦК Андреев докладывал Сталину, что «просмотрев с тов. Берия списки писателей», он считает, что заслуживают внимания материалы НКВД, компрометирующие нескольких писателей. Далее были перечислены девять имен. Среди них Сейфуллина[147].

5. Писатели прощаются с Радеком

(Вместо эпилога)

Эпистолярный архив Карла Радека 1930–1936 гг., если он не уничтожен, остается недоступным исследователям. Надо полагать, в нем было немало писательских писем – эти годы Радек выступал в печати не только как публицист, но и как литературный критик, причем литературные статьи его, как и доклад на Первом съезде советских писателей, обычно вызывали заметный резонанс: зачастую то, что мог себе в этих выступлениях позволить Радек (разумеется, с предварительного разрешения Сталина), не мог позволить никто из советских авторов (таковы, например, две известинские – 18 и 25 мая 1934 г. – статьи Радека о романе И. Эренбурга «День второй», в которых утверждалось право советских людей прочесть «не сладкий» роман о Кузнецкстрое и отвергалась демагогически разгромная критика этого романа)...

---

[145] *Сейфуллина З.* Моя старшая сестра. С. 160.

[146] Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сб. документов. М., 1994. С. 38

[147] *Там же.* С. 39.

Карл Радек был арестован 16 сентября 1936 г.; он сдался через 79 суток, проведенных на Лубянке, и не только начал давать требуемые показания, но взял инициативу в свои руки и стал творческим соавтором фантастического сценария будущего процесса (его подробности он обсуждал лично со Сталиным). Судебный процесс по делу «антисоветского троцкистского центра», где Радек наряду с Пятаковым и Сокольниковым, был главной фигурой, начался 23 января 1937 г. и продолжался неделю.

25 января 1937 г. состоялось заседание Президиума Союза советских писателей, посвященное начавшемуся процессу; на нем крови подсудимых требовали Вс. Иванов, Б. Пильняк, К. Федин…

В резолюции заседания было записано: «Одной из неотложных задач в свете выявившихся обстоятельств является, по правильному указанию тт. Безыменского, Сельвинского, Суркова и др., всестороннее разоблачение капитулянтских литературных концепций Радека и Бухарина[148], немало вреда принесших советской литературе, концепций, дающих искаженное представление о пролетарской литературе СССР и Запада и ориентирующих литературную молодежь в направлении, явно враждебном марксистско-ленинскому пониманию искусства».

26 января 1937 г. «Литературная газета» напечатала передовую статью «Нет пощады изменникам!» и массу писательских откликов на московский процесс – статьи А. Толстого, К. Федина, Ю. Олеши, А. Новикова-Прибоя, М. Шагинян, Вс. Вишневского, М. Козакова, Л. Леонова, В. Шкловского, И. Бабеля, А. Караваевой, М. Ильина, С. Маршака, Н. Огнева, А. Платонова, Г. Фиша, Л. Славина, В. Луговского, К. Финна, Д. Мирского, Б. Лавренева, Р. Фраермана, А. Малышкина.

На впечатляющем фоне разогретой писательской публицистики («К стенке!» – требовал Вишневский, «Террарий» – гвоздил скамью подсудимых Леонов), вымученно-сдержанной была короткая заметка Бабеля («Такой программы мы не хотим», – было сказано в ней о названной в обвинении фашистской «программе» обвиняемых). Писатели говорили о подсудимых как о покойниках. Н. Огнев назвал Радека «космополитическим шу-

[148] Н.И. Бухарин еще не был арестован, но отмашку писателям «разоблачать» его уже дали.

том и негодяем», Л. Славин – «кровавым пошляком», А. Платонов отказал подсудимым в праве называться людьми и призвал коллег художественно изобразить нелюдей («“Душа Радека” в свободном, типическом, так сказать, виде – поддается изображению»), поскольку «нет уверенности, что мы никогда в будущем не встретимся с еще более уродливыми фашистскими чудовищами». Газета писала, что за «преступниками и убийцами» стоит «матерый бешенный волк фашизма Иудушка-Троцкий», который «еще жив». Обо всем этом поэты говорили стихами. В. Гусев связал «диверсии» Радека с Украиной:

Школьники Киевщины в тетрадях
Пишут стихи о своей стране,
Это их счастливое детство Радек
Хотел спалить на фашистском огне.

Другой опус назывался «Мастера смерти», в нем вспоминались недавние годы, когда

Подлые шпионы и бандиты
Радеками терлись возле нас.
Может быть, еще не все добиты –
Крепче руки и острее глаз!

Этой поэтической находкой начинал 1937-й перспективный Евгений Долматовский.

28 января государственный обвинитель Вышинский потребовал казни всех подсудимых. Он с наслаждением процитировал статью Радека «Троцкистско-зиновьевская банда и ее гетман Троцкий»: «Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма» и резюмировал: «Так писал Радек. Радек думал, что он писал о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!»[149]

29 января Радек выступил на процессе с длинным последним словом; он полностью отдал его «разоблачению» Троцкого. Увлекшись, Радек ляпнул посреди речи «товарищи судьи», но был прерван бдительным председателем Военной коллегии Верхов-

[149] Процесс антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 187.

ного суда Ульрихом: не товарищи, а граждане. В заключение Радек исполнил последнее требование Сталина и призвал еще не арестованного Бухарина «сложить оружие» и признаться в террористической деятельности. Снисходительности Радек у суда не просил: верил, что это ему гарантировано.

Лион Фейхтвангер запечатлел Радека на процессе в печально знаменитой книге: «Писателя Радека я тоже вряд ли когда-нибудь забуду. Я не забуду, ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке, ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический, ни как при входе клал тому или другому из обвиняемых на плечо руку легким нежным жестом, или как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера – надменный, скептический, ловкий, литературно образованный... Из семнадцати обвиняемых тринадцать – среди них близкие друзья Радека – были приговорены к смерти; Радек и трое других – только к заключению. Судья зачитал приговор, мы все – обвиняемые и присутствовавшие – выслушали его стоя, не двигаясь, в глубоком молчании. После прочтения приговора судьи немедленно удалились. Показались солдаты, они вначале подошли к четверым, не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Радеку руку на плечо, по-видимому, предлагая ему следовать за собой. И Радек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся»[150].

Приговор был зачитан 30 января, и Радек получил 10 лет. Писатели, требовавшие его казни, возможно, удивились, но, понятно, не протестовали (не из гуманизма, а сугубо из осторожности). Они не знали, что вместо 120 месяцев Радек отсидит 32, после чего будет казнен подосланными в камеру уголовниками. Это произойдет в мае 1939 г., когда сговор Сталина с Гитлером начнет приобретать вполне осязаемые черты – сговор, к которому, по некоторым оценкам, Радек имел прямое отношение[151].

---

[150] *Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. М., 1937. С. 100–101.

[151] Первым на это обратил внимание Е.А. Гнедин.

30 января 1937 г. состоялось общемосковское собрание писателей, посвященное итогам процесса. Председательствовал А. Лахути, в президиуме сидели Ставский, Кирпотин, Фадеев, Вс. Иванов, Серафимович, Новиков-Прибой, Маркиш, Леонов[152]. Доклад сделал Фадеев; о Радеке он говорил так: «Что представляет собой Радек? Радек это человек без роду, без племени, без корня. Это порождение задворок второго интернационала, заграничных кафе, вечный фланер, перелетчик и туда и сюда. Русский рабочий класс, пришедший к власти, пытался его переделать, но Радек предпочел гнить заживо и пошел в троцкистское подполье». Затем выступили К. Федин, Вс. Иванов, В. Ставский, Л. Никулин, А. Новиков-Прибой, В. Герасимова, В. Киршон, А. Безыменский, Ф. Березовский, В. Инбер[153], Вс. Вишневский, а также иностранные коллеги товарищи Иоганнес Бехер и Мартин Андерсен Нексе. Непосредственно о Радеке вспоминали Вс. Иванов («Радек, этот наиболее болтливый бандит всей шайки, постоянно выпячивающий себя на первое место – приемами ли, гримом ли бездарного клоуна, многоглагольствованием ли...»), Л. Никулин («Я видел еще одну встречу у покойного А.М. Горького, когда тот же Радек паясничал, кривлялся и обличал наших французских друзей в том, что они неправильно понимают революцию. Вышинский имел перед собой блестящего болтуна, такого мастера анекдотов с антисоветским душком, как Радек. Он дал Радеку высказаться. Но в конце концов он сразил его беспощадными репликами и Радек поник и замолчал...») и А. Безыменский, который воспользовался случаем, чтобы свести личные счеты с политическими покойниками, не мог он им простить убийственной иронии по адресу своей музы, и, хотя Бухарин еще был на свободе, Безыменский о нем и об осужденном Радеке говорил, как о равновеликих диверсантах: «Они разделили между собой роли: Бухарин уничтожал пролетарских писателей у нас в стране, Радек это делал по отношению к Западу»[154].

Аналогичное собрание прошло и в Ленинграде, на нем выступили Зощенко, Лавренев, Марвич, Чумандрин, Либединский, Козаков.

[152] Привожу по: РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 574. Л. 8.

[153] Несчастная двоюродная племянница Троцкого боялась пропустить хоть один митинг 1937 г. и всюду выступала.

[154] Литературная газета. 1937. 1 февр.

1 февраля 1937 г. «Литературная газета» напечатала статьи о закончившемся процессе – Тренева, Лидина, Соболева, Тынянова, Бергельсона (по телефону из Биробиджана), стихи Д. Бедного, Маркиша, Исаковского... пяти страниц оказалось мало, чтобы удовлетворить всех – в архиве газеты сохранились правленые материалы, не попавшие в номер: статья Бруно Ясенского «Кузнецы войны» (в ней был такой пассаж о Радеке: «В своем последнем слове Радек, все еще пытаясь выкарабкаться из грязи и мрази на ходулях высокой политики, назвал троцкизм – кузницей войны. Правдивости этого показания мы не имеем основания не доверять. Это было для нас ясно – без высокоавторитетного признания троцкистского "министра иностранных дел"»[155]), статьи Е. Зозули «Убийцам нет места в советской стране», П. Антокольского «Безжалостные уроки», П. Яшвили «Презрение родины» (в ней были и такие слова: «С именем Берии связан небывалый, сталинский расцвет нашей страны»[156]). Агния Барто в статье, продиктованной по телефону, говорила: «Особенно меня возмущает Радек. Писать статьи против фашизма и "параллельно" договариваться с фашистами о том, чтобы "в той или иной форме" удовлетворить их хищнические аппетиты. Это самая страшная степень человеческого падения»[157]. Ленинградский поэт Вольф Эрлих писал о подсудимых: «Одного из этих людей мы знаем и как журналиста. Книга Радека о товарище Сталине вышла не так уж и давно. Это мелочь в сравнении с остальным, но каким же нужно быть подлецом, чтобы написать эту книгу! Бедный Азеф! Он выглядит эгоистичным ребенком рядом с этими людьми»[158]. (Эти «бестактные» строки, разумеется, были вымараны – бедный Эрлих![159]) Масса купюр и в статье Ю. Юзовского (политическая неумелость будущего космополита, неадекватность его лексики 37-му году заставила редакцию забраковать следующие фразы: «Народ доверял этим людям. Народ поручал им ведать центрами, от

---

[155] РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 574. Л. 5.

[156] *Там же.* Л. 71.

[157] *Там же.* Л. 49.

[158] *Там же.* Л. 43.

[159] Напомню, что среди названных здесь имен Пильняк, Бабель, Огнев, Мирский, Маркиш, Киршон, Бергельсон, Ясенский, Яшвили, Эрлих были физически уничтожены сталинским режимом.

которых зависела жизнь, здоровье, будущее», «Пуще всего они клялись в любви к тем двум человекам, имена которых – имена Ленина и Сталина – являются священными для народа. Это был ловкий ход. Они хотели польстить народу, глубже войти в его доверие, завоевать к себе доброе его отношение. Поэтому их фамилии звучали довольно импозантно: Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Сокольников», «Троцкий не может простить, что в этом великом "споре" перед мировым ареопагом оказался прав не он – шумный и гениальнейший Троцкий, а вот этот скромный человек в солдатской шинели»[160]).

Наконец, два сочинения посвящены персонально Карлу Радеку – в прозе и стихах.

Прозаический памфлет «Предатель Радек» создал живший в Москве немецкий писатель-антифашист Фридрих Вольф; он страдал теми же комплексами, что и Безыменский:

«За неделю до открытия Первого всесоюзного съезда советских писателей все делегаты съезда получили текст доклада Максима Горького... Несколько раз мы обращались с просьбой и к Радеку дать нам возможность ознакомиться с его докладом о международной литературе. Радек обещал сделать это, но всячески отвиливал от исполнения обещанного. За два дня до его выступления на съезде в печати появилась его статья, где он много места уделил теоретическому методу Джойса, но совершенно обошел молчанием творчество молодых революционных писателей Германии и Франции[161]. Через день после открытия съезда я случайно встретил Радека (разумеется, только случайно! – *Б.Ф.*) и сказал ему: "Я прочел вашу статью. И это все, что вы сумели сказать о международной литературе? Не нужно обладать премудростью, чтобы доказать, что Гомер, Шекспир, Уолт Уитмен, Ромен Роллан и Томас Манн – великие художники. Но,

---

[160] Так в советской печати 1930-х гг. было принято изображать Сталина; РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 574. Л. 38–39.

[161] Об этой статье в марте 1936 г. А. Мальро говорил с Горьким. Со слов Бабеля, это выглядело так: «...когда Мальро спросил, читал ли Горький прошлогоднюю статью Радека о Джойсе, в которой книги этого писателя оценивались как антигуманный апофеоз общественному и человеческому гниению, беседа приняла странный характер. Горький сказал, что не читал статью Радека, однако если Радек так написал, то он, Горький, с ним согласен» (см.: *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 126–127).

может быть, вы скажете также свое суждение и о таких молодых одаренных революционных писателях, как Людвиг Ренн, Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Берт Брехт, Адам Шарер, Густав Реглер, – если вам, конечно, эти имена знакомы?" (так якобы говорил с высокопоставленным советским деятелем состоявший на советском иждивении эмигрант, да еще законопослушный немец! – *Б.Ф.*). "А разве необходимо всю эту братию знать?" – развязно спросил Радек. – "Если вы не знаете немецкой революционной литературы, тогда ваш доклад будет дилетантским". – "Успокойтесь! Я всю революционную немецкую литературу изучу до утра, я умею прочитывать за ночь целую библиотечку!" На циничный, издевательский тон Радека, на его грубое подчеркнутое замалчивание революционной литературы Германии и Франции обратил внимание не только я»[162].

Стихотворный памфлет «Радек» создал Илья Сельвинский; его текст сохранился в архиве К. Зелинского[163]. Памфлет имеет эпиграф – строки из «последнего слова» Радека на суде: «Когда я входил в организацию, Троцкий в своем письме не заикнулся о захвате власти. Он чувствовал, что эта затея покажется мне чересчур авантюристичной».

Строфы Сельвинского – последнее «прости» Радеку:

Которые «слева», которые «справа» –
Одна уголовная радуга,
Но даже бандита можно исправить,
Ну, а попробуй Радека.

Вот он, игравший ни мало, ни много
Идеями, жизнями, пушками,
В черных бакенах – не без намека –
Загримированный Пушкиным.

В отблеске пафоса дутые стекла;
Сколько претензии – гляньте-ка:
От вдохновенья ворот расстегнут –
Словно – сама романтика!

[162] РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 574. Л. 44–45. Отмечу, что в речи на Первом съезде советских писателей Ф. Вольф резко полемизировал с Радеком.

[163] РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 1073.

И это не проза. О, нет, совершенно!
Мы с вами еще и не слушали
Такой классически-совершенный
Поэзии двоедушия...

...Карл Радек был реабилитирован в 1988 г.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ И НИКОЛАЙ БУХАРИН

(История длиною в жизнь)

Сюжет «Эренбург и Бухарин», разумеется, напрямую относится к теме «Писатели и советские вожди», но в то же самое время глубоко специфичен, ибо будущий писатель Илья Эренбург познакомился с будущим членом Политбюро партии большевиков Николаем Бухариным, когда оба они были учениками одной и той же московской гимназии. Это обстоятельство придает их взаимоотношениям особый характер, фактически не лишая их тех атрибутов, что характерны и даже типологичны для взаимоотношений советских писателей с советскими вождями вообще. Начнем, однако, с начала.

1. Начало было так далеко...

Николай Иванович Бухарин родился 27 сентября (9 октября) 1888 г. в Москве в семье учителя гимназии, математика; в 1893–1897 гг. семья Бухариных жила в Бессарабии, затем вернулась в Москву. В августе 1900 г. Николай Бухарин был зачислен во 2-й параллельный класс Первой московской мужской гимназии.

Илья Григорьевич Эренбург родился 14 (26) января 1891 г. в Киеве, в 1895 г. его семья переехала в Москву, где отец получил место директора Хамовнического медопивоваренного завода. Летом 1901 г. Илья Эренбург сдал вступительные экзамены и был зачислен в 1-й параллельный класс той же Первой московской мужской гимназии.

Разница в два класса в детстве и юности – значительна, и, учась в одной гимназии, где, кстати сказать, старшие (5–8-й) и

младшие (1–4-й) классы располагались на разных этажах и практически не общались, Эренбург и Бухарин познакомились лишь в 1906 г. Их различал не только возраст, но и качество учебы: Бухарин учился исключительно на пять и переводился из класса в класс с наградой первой степени, а Эренбург, выложившись на вступительных экзаменах (чтобы преодолеть процентную норму, существовавшую для поступления евреев), быстро стал троечником, в 4-м классе его оставили на второй год из-за большого числа пропусков занятий и несдачи экзаменов по трем предметам (русский язык, латынь, математика). У Бухарина были универсальные способности, и учился он играючи. Эренбург мог заниматься только тем, что ему было интересно, проявляя к остальному полное безразличие. У обоих был несомненный общественный темперамент. Бухарин руководил гимназическим кружком, который, начав с изучения Писарева, довольно быстро перешел от изящной словесности к куда более радикальным мэтрам политической мысли. Эренбург в ту же пору (осень 1904 г.) вместе с учениками 4-го класса выпускал машинописный литературный (политически вполне невинный) журнал «Первый луч»[1].

В январе-феврале 1905 г. в гимназии прошли «беспорядки» (Эренбург тогда учился в 4-м классе, Бухарин – в 7-м); а в октябре 1905-го начались новые: они захватили все московские учебные заведения. Как докладывал своему начальству директор гимназии И.О. Гобза, 14 октября после первого урока учащиеся четырех старших классов собрались в помещении 8-го параллельного класса (где учился Бухарин), затем двинулись в актовой зал и провели там митинг, на который пришли и учащиеся других учебных заведений Москвы[2]. Занятия в гимназии отменили до 8 ноября. Затем в Москве началось вооруженное восстание, и занятия отменили уже до 13 января. И Бухарин, и Эренбург, оставаясь лично незнакомыми, участвовали в декабрьском вооруженном восстании (Эренбург помогал строить баррикады). Знакомство с Бухариным Эренбург датирует осенью 1906 г.[3], когда, перейдя наконец в 5-й класс, он оказался на

[1] Экземпляр журнала хранится в РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 371.

[2] ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Ед. хр. 4475. Л. 14–16.

[3] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 197. (Далее при ссылках на это издание указываются номер тома и страницы).

втором этаже гимназии и тут же познакомился со старшеклассниками Бухариным, Астафьевым, Циресом, Ярхо. (Борис Ярхо стал известным литературоведом и переводчиком; судя по КЛЭ, в 1930-е гг. он был репрессирован и в 1940–1941 гг. оказался в Курске; умер он своей смертью; Николай Астафьев в 1907 г. за участие в революционном движении был арестован, сослан и вскоре умер; о дальнейшей судьбе Алексея Циреса ничего не известно.) Возможно, знакомство с Бухариным состоялось и чуть раньше. Во всяком случае, в сентябре 1906 г. Эренбург уже действовал совместно с Григорием Брильянтом (Сокольниковым)[4], который учился в Пятой гимназии и был признанным лидером социал-демократически ориентированной учащейся молодежи Москвы (с Бухариным Сокольников был к тому времени знаком по работе в марксистском кружке). Воспоминания А. Выдриной-Рубинской[5] повествуют, в частности, о визите к автору – тогда социал-демократической активистке женской гимназии в Замоскворечье – в самом начале учебного года Брильянта и Эренбурга с целью договориться о восстановлении прерванной летними каникулами работы.

В конце 1906 г. Бухарин и Эренбург вступили в большевистскую организацию. Еще осенью 1906 г. Бухарин и Сокольников объединили разрозненные гимназические кружки в единую социал-демократическую организацию учащихся; Эренбург активно в ней работал. По свидетельству А. Выдриной-Рубинской, он вместе с Сокольниковым, Бухариным и Членовым[6] вошел в организационную комиссию и участвовал в формировании комитета социал-демократической организации учащихся Москвы[7]. К 1907 г. эта организация окончательно оформилась. Вот

---

[4] Григорий Яковлевич Сокольников (Бриллиант;) – деятель большевистской партии, участник Гражданской войны; в 1922–1926 гг. – выдающийся нарком финансов, в 1924–1925 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), по 1936 г. – член ЦК ВКП(б); в 1929–1933 гг. полпред в Великобритании, затем заместитель наркома иностранных дел. В 1936 г. арестован по сфабрикованному делу о «Параллельном антисоветском троцкистском центре» и осужден на 10 лет; убит в тюрьме.

[5] См.: Комсомольская летопись. 1927. № 5–6. С. 67–84.

[6] С.Б. Членов – юрисконсульт Советского посольства в Париже, арестован в 1936 г., из обвинительного заключения по делу Пятакова – Радека – Сокольникова вычеркнут лично Сталиным, после чего расстрелян без судебного спектакля.

[7] Комсомольская летопись. 1927. № 5–6. С. 75.

важное свидетельство мемуаристки: «Душой нашей организации несомненно являлись Брильянт и Бухарин. Первый пользовался среди учащихся исключительным авторитетом благодаря своей серьезности, знаниям и вдумчивому подходу к работе. Второй был всеобщим любимцем, заражая всех своей бесконечной жизнерадостностью, бодростью и верой в дело. Пользовался большой популярностью среди учащихся и Семен Членов, блестящий оратор, прозванный Эренбургом за свое остроумие "Язвительным"»[8]. В 1936 г., вспоминая гимназические годы, Эренбург напишет в «Книге для взрослых» о своих еще не казненных товарищах: «Сокольников был старше меня. Он казался мне стратегом: мало разговаривал, почти никогда не улыбался, любил шахматы. Бухарин был весел и шумен. Когда он приходил в квартиру моих родителей, от его хохота дрожали стекла, а мопс Бобка неизменно кидался на него, желая покарать нарушителя порядка»[9]. И в 1960-е гг. Эренбург будет вспоминать о заразительном смехе Бухарина: «...с тех пор прошло почти шестьдесят лет. Я помню только озорные глаза Николая и слышу его задорный смех. Он часто говорил нецензурные слова, им придуманные, – в словотворчестве ему мог позавидовать Хлебников»[10]. Вдова Бухарина А.М. Ларина рассказывала мне о своем разговоре с Эренбургом в 1960-е гг.:

«– Вы не знаете, какой он был веселый!

– Ну, это я хорошо знаю.

– Нет! В зрелые годы это было уже не то, а в юности я больше полутора часов выдержать его не мог»[11].

Эренбург, бывший на два с половиной года моложе и Сокольникова, и Бухарина, тем не менее тоже стал заметной фигурой гимназической организации, впрочем, та же мемуаристка (иными свидетельствами мы не располагаем) пишет о нем так: «Сам же Эренбург, несмотря на свои исключительные способности, ладил далеко не со всеми благодаря своим эксцентрическим выходкам, составлявшим отличительную черту его характера»[12]. О своих эксцентрических выходках той поры Эрен-

[8] Комсомольская летопись. 1927. № 5–6. С. 75.

[9] *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1991. Т. 3. С. 462.

[10] *Эренбург* (2, 198).

[11] Запись беседы с А.М. Лариной 20 октября 1984 г.

[12] Комсомольская летопись. 1927. № 5–6. С. 75–76.

бург в мемуарах не вспоминает (след этой эксцентричности, впрочем, остался в заявлении, которое направил семнадцатилетний Эренбург 1 июня 1908 г. в Московское губернское жандармское управление, требуя освобождения из тюрьмы по болезни: «Жандармское Управление осведомлено из официального медицинского освидетельствования о моей болезни, и ему должно быть ясно, что содержание меня при таких условиях неминуемо приведет к сумасшествию или к смерти. Полагая, что моя вина не настолько велика, чтобы я заслуживал смертной казни, покорнейше прошу Жандармское Управление немедленно освободить меня из-под стражи. Если же меня хотят заморить или свести с ума до суда, то пусть мне заявят об этом»[13]).

В краткой автобиографии Бухарина есть свидетельство, относящееся к 1907 г.: «Во время выпускных экзаменов вел стачку на обойной фабрике Сладкова вместе с Ильей Эренбургом»[14]; Эренбург тоже вспоминал фабрику Сладкова – в мемуарах[15]; в ГАРФ сохранилось дело о забастовке на обойной фабрике[16], из него ясно, что допросили многих рабочих, зачинщиков из рабочих арестовали, но Бухарина и Эренбурга никто не выдал.

В 1907 г. Бухарин поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета. Он продолжал работу в большевистской организации и в 1908 г. стал членом Московского комитета партии; в 1907-м он уже не работал в организации учащихся и потому не привлекался по ее делу. Эренбург же продолжал заниматься и ученическими делами, и другими поручениями (в частности, контактами с военными казармами; печать военной организации большевиков, обнаруженная у него при обыске, стала серьезной уликой, грозившей каторгой). В октябре 1907 г. Эренбург был впервые задержан полицией, но отпущен. Еще в феврале задержали Членова, в сентябре арестовали Сокольникова. Опасаясь исключения сына из гимназии с «волчьим билетом», родители Эренбурга сочли за благо подать заявление о его выходе

[13] ЦГИА г. Москвы. Ф. 131. Оп. 74. Д. 458. Л. 193.

[14] Энциклопедический словарь бр. Гранат, Т. 41. Ч. 1. К. 54.

[15] *Эренбург* (1, 44).

[16] ГАРФ. Ф. 63 (1907 г.). Д. 2988.

из состава учащихся гимназии. В январе 1908 г. Эренбурга арестовывают, полгода держат в тюрьме, потом выпускают под залог, высылают на Украину, а затем отпускают за границу. Бухарина впервые арестовывают в 1909 г.; в 1911-м он бежит за границу.

Сокольникова Эренбург увидел один раз в тюрьме, а затем через несколько лет – в Париже; с Бухариным он встретился только после революции. Раздумывая на склоне лет о прожитой жизни, Эренбург напишет в мемуарах: «Конечно, молоденький Гриша когда-то помог мне разобраться в том, что, перефразируя стих Мандельштама, я назову “странностями политики”, но я недостаточно знал его, и в моей памяти он остался скорее образцовым большевиком, чем живым человеком. Героем моего отрочества был Николай Иванович Бухарин <...> Сокольников был создан для политики – я говорю не только о манере держаться, но о человеческом материале. А Николай Иванович был мне куда ближе и понятнее: веселый, порывистый, с любовью к живописи и поэзии, с юмором, не покидавшим его в самое трудное время, он был человеком той стихии, в которой я жил, хотя жили мы разным и по-разному. О нем я вспоминаю с волнением, с нежностью, с благодарностью – он помог мне не в понимании того или иного труднейшего вопроса, он мне помог стать самим собой»[17].

2. От «Хуренито» к «Лазику» и «Веселому Паоло»

Пути Эренбурга и Бухарина снова пересеклись только осенью 1920 г. в Москве. Не приходится сомневаться, что в 1918–1919 гг. они знали о работе друг друга, хотя и находились в идеологически враждебных станах (Бухарин был в Москве одним из лидеров большевистской партии, редактором «Правды»; Эренбург до своего бегства из Москвы в сентябре 1918 г. систематически выступал в левоэсеровских газетах с откровенно антибольшевистскими статьями, в которых бранил не только политику большевиков, но и персонально их верхушку, хорошо знакомую ему по парижской эмиграции, – Ленина, Каменева, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Антонова-Овсеенко; имя Бухарина в этих статьях не встреча-

[17] *Эренбург* (2, 197).

Заказ № 2076

ется; в Киеве Эренбург приветствовал белых и продолжал печатать статьи против красных[18]. За 1917–1920 гг. и Бухарин, и Эренбург политически эволюционировали: Бухарин – слева направо в пределах коммунистической части политического спектра, а Эренбург радикально – от белых к красным. Приняв победу советского режима, Эренбург в середине октября 1920 г. вернулся в Москву, где уже 25 октября был арестован ВЧК в Доме печати как агент Врангеля. Неизвестно, успел ли он до того повидаться с Бухариным, но когда жена Эренбурга художница Л.М. Козинцева бросилась к Бухарину за помощью, тот, по словам Эренбурга, «всполошился»[19], и, поскольку он еще в 1919 г. был направлен Лениным курировать ВЧК с правом вето, освобождение Эренбурга состоялось уже 27 октября. В декабре 1920 г. Эренбург, оказавшийся в Москве без каких-либо теплых вещей, в разваливающихся брюках, по записке Бухарина попадает на прием к председателю Моссовета, своему давнему парижскому знакомому Л.Б. Каменеву, и получает от него наряд на одежду (магазинов не было – только распределитель). В начале 1921 г. Эренбург беседует с Бухариным о своих творческих планах, делится замыслом большого сатирического романа и получает «добро» на заграничную командировку; в марте 1921 г. он выезжает в Европу. Полученный им тогда по бухаринской протекции зарубежный паспорт действовал почти двадцать лет и в значительной степени определил и характер литературной работы Эренбурга, и его политическую и человеческую судьбу.

Роман «Похождения Хулио Хуренито и его учеников» был написан в Бельгии летом 1921 г., а в начале января 1922-го вышел из печати в берлинском издательстве «Геликон» (на титульном листе было обозначено: Берлин – Москва); Эренбург пересылал книгу друзьям в Советскую Россию; получил ее, естественно, и Бухарин.

В апреле 1922 г. в Берлине Эренбург встретился с Бухариным, приехавшим (вместе с Радеком) на конференцию трех Интернационалов; в книге «Люди, годы, жизнь» об этом сказано кратко: «В 1922 году он (Бухарин. – *Б.Ф.*) приезжал а Берлин, и

---

[18] См.: *Фрезинский Б.* Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 22. СПб., 1997. С. 248–335.

[19] *Эренбург* (2, 199).

мы с ним просидели часа три в маленькой пустой кондитерской. Помню, я сказал, что многое происходит не так, как нам мерещилось на Новинском бульваре. Он ответил: "Вы – известный путаник", потом рассмеялся и добавил: "Меня тоже называют путаником. Но вам легче – вы путаете в романах или в частных разговорах…"»[20]. Эренбург не пишет о реакции Бухарина на роман, но, судя по знаменитому предисловию Бухарина, с которым роман вышел в Москве, она была доброжелательной: «"Хулио Хуренито" – прежде всего интересная книга… Автор – бывший большевик, знает кулисы социалистических партий, человек с большим горизонтом, прекрасным знанием западноевропейского быта, острым глазом и метким языком. Книга поэтому получилась веселая, интересная, увлекательная и умная…»[21].

5 мая 1922 г. Эренбург написал в Петроград М.М. Шкапской, что «Хуренито» «при всей своей остроте и актуальности очень понравился Ленину и Гессену»[22] – высказывание Ленина о «Хуренито» Крупская обнародовала в 1926-м, следовательно, об этом Эренбург мог узнать только от Бухарина. 1 апреля 1922 г. в Берлине вышел первый номер международного конструктивистского журнала литературы и искусств «Вещь», который Эренбург редактировал вместе с художником Эль Лисицким. Судя по первому приводимому здесь письму Эренбурга Бухарину, при их встрече речь шла об этом журнале, который Эренбург предполагал распространять в России[23]; тогда же Бухарин заказал Эренбургу ряд статей, как его самого, так и зарубежных авторов. Понять из письма Эренбурга, для какого издания заказаны статьи, нельзя; для «Правды» – кажется неправдоподобным, а иллюстрированный журнал «Прожектор» начал под редакцией Бухарина и Воронского выходить в Москве лишь в 1923 г.

---

[20] *Эренбург* (2, 199).

[21] *Бухарин Н.* Революция и культура. Статьи и выступления 1923–1936 годов / Сост., вступ. статья и коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 1993. С. 30.

[22] Эмигрировавший из России известный деятель кадетской партии И.В. Гессен находился тогда в Берлине. Все письма Эренбурга, кроме оговоренных случаев, приводятся здесь по двухтомнику, подготовленному нами: т. 1 – *Эренбург И.* Дай оглянуться… Письма 1908–1930. М., 2004, и т. 2 – *Эренбург И.* На цоколе историй… Письма 1931–1967. М., 2004.

[23] Несмотря на обещание, советские власти «Вещь», как и выходившую в Берлине горьковскую «Беседу», в Россию не пропустили.

К моменту встречи с Бухариным у Эренбурга застопорилась работа над романом «Жизнь и гибель Николая Курбова», но летом она возобновилась, и исполнить обещанное Бухарину он вовремя не смог, потому письмо начинается с объяснений:

Haus Trautenau
Trautenau Str. 9 Berlin 19/10 <1922>

Дорогой Николай Иванович,

чую, что Вы пробуете на меня сердиться, и эти попытки хочу пресечь в корне. *Я чист* (как всегда!). Я не написал Вам до сих пор статьи об искусстве, потому что работаю *исступленно* над своим новым романом. Нахожусь ныне в главе 23-ей и кончу его *через месяц. Тогда тотчас же напишу статью.*

Что касается статей иных, то они *будут вскоре пересланы Вам*, а именно – из немцев *Карла Эйнштейна*[24] (очень забавный отрок, его недавно судили за богохульство[25], и на суде был неслыханный будёж[26], – хотел описать это, но Пастернак пишет в «Известия»[27], и потом роман, роман!..) и *Франка*[28]. Из французов статьи архитектора *Корбюзье-Сонье*, художника *Глеза* и писателя *Блеза Сандрара*[29]. Статьи будут верно крепкие.

---

[24] С поэтом К. Эйнштейном Эренбург подружился в Берлине осенью 1921 г. – см.: *Эренбург* (2, 414).

[25] Точнее, за пьесу об Иисусе.

[26] Это слово Эренбург наверняка услышал от Бухарина.

[27] О каком тексте Пастернака идет речь, неизвестно; в «Известиях» Пастернак тогда не печатался.

[28] С немецким прозаиком Л. Франком Эренбург встречался в Берлине, а потом в Париже – см.: (2, 416–417).

[29] Французский архитектор, редактор журнала «Esprit Nouveau» Шарль Эдуар Жаннере известен под именем Ле Корбюзье; Эренбург познакомился с ним в 1924 г. в Париже; его имя не раз упоминается в мемуарах «Люди, годы, жизнь». Теоретик кубизма Альбер Глез печатался в журнале Эренбурга «Вещь». Французский поэт Блез Сандрар был дружен с Эренбургом в Париже еще в 1910-е гг. – см.: (1, 172); участие Сандрара было объявлено в журнале «Вещь»; перевод Эренбурга из Сандрара напечатан в бухаринском «Прожекторе» (1924. № 8).

Умоляю – *напишите предисловие* к жизнеописанию незабвенного *Учителя!*[30] Если руку приложит Мещеряков[31] – беда!

Получили ли мои «6 повестей»?[32]

Очень прошу Вас сказать в конторе, чтобы мне *выслали газету*[33].

Здесь теперь Маяковский и, следовательно, идет будёж, но уже веселого порядка.

Крепко жму руку.

Ваш Эренбург[34].

В романе «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923) Эренбург дал беглые, но выразительные портреты нескольких большевистских лидеров, уподобив их определенным геометрическим фигурам (Троцкий – треугольник, Каменев – трапеция и т.д.). Портрет Бухарина был, пожалуй самым привлекательным: «Молоденький, веселый. Идеальная прямая. Грызун – не попадись (впрочем, это только хороший аппетит, – вместе со смехом всем передается). “Enfant terrible”, – говорят обиженные в разных реквизированных и уплотненных, здесь же очевидно – просто-напросто живой, не мощи: человек»[35].

В январе 1924 г. Эренбург приехал в Россию. Он уезжал поэтом, известным достаточно узкому кругу читателей, и публицистом, которого мало кто помнил, а вернулся одним из самых популярных писателей, автором нескольких романов (последний

[30] Первое московское издание «Хулио Хуренито» (Госиздат, 1923), как и издания 1927 и 1928 гг., выходило с предисловием Бухарина. В ноябре 1922 г. Эренбург узнал, что в Петрограде ГПУ конфискует берлинское издание романа, как книги «опасной», потому поддержка Бухарина была важна для выхода книги в России.

[31] Н.Л. Мещеряков – в 1918–1924 гг. член редколлегии «Правды»; с 1920 г. – заведующий Госиздатом РСФСР; предполагал писать предисловие к «Хулио Хуренито»; потом воспротивился изданию романа «Жизнь и гибель Николая Курбова».

[32] Книга Эренбурга «Шесть повестей о легких концах» вышла в берлинском издательстве «Геликон» в августе 1922 г. с иллюстрациями Эль Лисицкого.

[33] «Правду», главным редактором которой тогда был Бухарин.

[34] Все приводимые здесь материалы из личного архива Н.И. Бухарина (в частности, переписка Бухарина и Эренбурга) хранятся в РГАСПИ (Ф. 329. Оп. 2. Ед. хр. 4). Весь личный архив Эренбурга, включая письма Бухарина, был уничтожен им в Париже в 1940 г.

[35] *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 164.

из них – «Любовь Жанны Ней» – с начала года печатался в московском журнале «Россия»), сборников рассказов и повестей, книг об искусстве и поэтах, сборников лирики. В январе Эренбург встретился с Бухариным во 2-м Доме Советов, это было в дни прощания с Лениным («После сообщения о кончине В.И. Ленина я сразу пошел в “Метрополь”. Бухарин сидел на кровати, обняв руками колени, и плакал. Я не сразу решился поздороваться»[36]).

Эренбург совершил поездку по преобразившейся за годы нэпа стране, по-журналистски набирался новых впечатлений – у него был острый глаз, и схватывал он все новое быстро. Из этой поездки Эренбург возвращался на Запад с массой планов и договоров – издательских и киношных; его ждала большая работа. Киносценарий «Любовь Жанны Ней» был написан для студии «Киносевер»; затем написан роман «Рвач». Конец 1924-го и начало 1925 г. показали Эренбургу, что идеологическая политика советской власти начинает ужесточаться. Сценарий пришлось переделывать, от романа Ленгиз отказался. Литературное, да и финансовое положение Эренбурга резко ухудшилось (ему наконец удалось обосноваться в Париже, но деньги из Москвы текли очень тоненьким, пересыхающим ручейком). 16 апреля 1925 г., жалуясь в письме писателю В.Г. Лидину на все ухудшающиеся условия работы, Эренбург сообщал: «Я написал Бухарину и Каменеву, прося их вступиться. Запрет “Жанны”, например, можно понимать только как запрет меня, но не книги. Очень надеюсь на вмешательство первого». Письма Эренбурга в доступной исследователям эпистолярной части архива Л.Б. Каменева нет, а письмо Бухарину сохранилось:

Париж 15 апреля <1925>

Дорогой Николай Иванович,

не сердитесь прежде всего за мою «мертвую хватку». Монотонность моих писем диктуется монотонностью жизни. Я знаю, что я далеко не Пушкин, а вы – далеко-далеко не Николай Павлович (не судите за каламбур!). И все же обстоятель-

---

[36] *Эренбург* (2. 199).

ства заставляют меня повторять исторические жесты.

Вам ли говорить, что Эренбург не эмигрант, не белый, не «пророк нэпа» и пр. и пр.? Если я живу в Париже и посещаю кафэ, то от этого не становлюсь ни Алексинским, ни Зинаидой Гиппиус. Местожительство не определяет, надеюсь, убеждений. Я работаю для Советской России, живу с ней, не в ней. И вот...

И вот... Слушайте. Нет в С.С.С.Р. собаки, которую бы не повесили <на> меня. Факты:*)

1) *Главлит запретил* переиздание *«Курбова»*, который вышел в 1923 г.

2) *Главлит запретил* переиздание *«Жанны»*, которая вышла в 1924 г.

3) *Главлит не пропускает «Рвача»* (это мой новый роман).

Таким образом, меня не печатают, *механически ликвидируют*. Судите сами – справедливо ли это? Плоха ли, хороша ли «Жанна», другой вопрос – я пытался создать детективно-сентиментальный роман революции, один опыт из десяти других, но ведь в ней контрреволюции даже Лелевич[37] не отыщет.

Значит, это мера, направленная *не против книги*, а обще – *против меня.*

Я много думал и работал над «Рвачом». Это оборотная сторона нэпа. Не раз в книге я подчеркиваю, что это лишь оборотная сторона. Если я даю ее, а не лицевую, то потому, что я сатирик, а не одописец. Каждому свое. Но вся книга исходит *от октября* как зачина. Объективизм изложения не скрывает пристрастий автора. Я дал кни-

---

*) Дополнение

а) *«5 повестей»* (переиздание) *конфисковано*,

б) *Госиздат не переиздает* разошедшегося *«Хуренито»*,

в) *Репком запретил «Киносеверу»* делать фильм по «Жанне». (*Примеч. Эренбурга*).

[37] Один из вождей напостовцев Г. Лелевич неоднократно выступал с нападками на Эренбурга.

гу в Госиздат. Ионов[38] ее оплевал и прислал мне 2 строки: «Книга в пределах СССР выйти не может» (храню записку!). Теперь ее зарезал Главлит. Я не хотел давать книг частным и<здательст>вам. Но Госиздат меня не издает. А Главлит не разрешает частным и<здательст>вам печатать меня.

Я не имел никакого отношения к эмиграции. Меня хают здесь на каждом перекрестке. Это естественно. Но почему же меня хают в России? Я печатаю здесь 1000 штук «Рвача» на одолженные деньги с тем, чтобы послать книгу руководителям Эркапе <РКП> и спросить – «почему вы это запрещаете?».

Зачем мне в таком случае писать? Для кого?

Я боюсь походить на одесскую хипесницу, которая клянется, что у нее умирает на руках ангелочек, и поэтому не говорю о материальной отдаче подобной политики. Кратко – приходится бросать литературу и идти в канцелярию.

Я пишу все это для Вас, п<отому> ч<то>

1) Вы – Бухарин, человек, которому я верю и которого люблю.

2) Читал Вашу речь на литературной дискуссии[39].

---

[38] Глава Ленгиза и шурин Зиновьева поэт Илья Ионов заключил в октябре-ноябре 1924 г. с Эренбургом договор на издание романа «Рвач»; Эренбург высылал издательству партиями рукопись романа; 23 декабря он писал Ионову: «Окончил “Рвача”, выслал на Ваше имя. Очень прошу Вас сделать все возможное, чтобы роман был напечатан без купюр. <...> Очень прошу Вас также распорядиться о незамедлительной высылке мне денег. Крайне в оных нуждаюсь». На этом письме резолюция Ионова: «Денег больше не высылать. Печатать не будем» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 2913. Оп. 1. Д. 237. Л. 38). Только 29 января 1925 г. издательство сообщило Эренбургу: «Тов. Ионов, ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен! (*там же*. Л. 34).

[39] Видимо, речь идет о выступлении Н.И. Бухарина в Колонном зале Дома союзов 13 марта 1925 года на диспуте о формальном методе в искусстве, напечатанном в № 3 «Красной нови» за 1925 г.

3) Предисловием к «Хуренито» Вы как бы узаконили меня.

Я очень прошу Вас сделать все возможное для снятия запрета на меня. Вы, кажется, читали «Жанну» и «Курбова» – Вы знаете, что это не «контрреволюция». Возьмите (скажите по телефону) в Главлите «Рвача» и вы убедитесь, как и почему это написано.

Вся моя надежда теперь на Вас.

Ответьте мне, дорогой Николай Иванович, обязательно, хоть два слова *по адресу парижского полпредства.* Если мои литдела устроятся, возможно, скоро увидимся, т.к. собираюсь летом или осенью в Сибирь. Продолжаю (хоть и натощак, хоть и зря) работать. Пишу рассказы о фашистах франц<узских> и итальянских[40].

Крепко жму Вашу руку.

Илья Эренбург.

В большом блоке эренбурговских деловых писем В.Г. Лидину 1925 г. об ответе Бухарина нет ни слова, но в письме от 1 июня сообщается: «Я месяца два тому назад послал письмо Каменеву с жалобой на гонения. Сейчас пришел (в представительство) ответ. Я еще не читал его, но знаю содержание – Каменев утверждает, что запрет относится к издательству, а не ко мне. Сегодня письмо получу и тогда пошлю Вам копию». Копия действительно была послана и сохранилась у В.Г. Лидина:

Совет Труда и Обороны. Секретариат председателя.

т. Эренбургу.

По наведенным справкам установлено:

1) Что книги «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Любовь Жанны Ней» Главлитом не запрещались. Не разрешены они к печати только в новом издательстве только потому, что были пред-

[40] Такие сюжеты были в книге «Условные страдания завсегдатая кафе».

ставлены в Главлит от издательства артели писателей «Новая жизнь», в программу которого входит издание произведений лишь членов артели.

Если названные книги примет издательство, программа которого включает этого вида литературу, то препятствий к печатанию их со стороны Главлита не встретится.

2) «Рвач» в Главлит на просмотр не поступал и поэтому запрещен не был.

3) Сценарий «Любовь Жанны Ней» запрещен не Главлитом, а Худ. Советом Главполитпросвета.

4) Переизданная в Рязани книга «Акционерное обществ Меркюр де Рюсси» конфискована, потому что в нее была включена не разрешенная к печати повесть «Сутки».

Из указанных справок нельзя усмотреть «общей меры», принимаемой против Вас Главлитом.

Секретарь завсекретариатом *Музыка*.

(Отметим, что романы «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Любовь Жанны Ней» были переизданы в 1928 г. в составе тогдашнего собрания сочинений, после чего не переиздавались до 1990-х гг.; роман «Рвач» к изданию в собрании сочинений в 1928 г. был запрещен и опубликован лишь в собрании сочинений Эренбурга в 1964-м.)

В 1925 г. приехать в Россию Эренбург не смог, он вернулся летом 1926 г., но совершить поездку в Сибирь ему оказалось не по средствам. По приезде в Москву Эренбург написал записку Бухарину (она была отправлена не почтой):

<5–6 июня 1926 г.>

Николаю Ивановичу Бухарину

Дорогой Николай Иванович,

очень хочу повидаться с Вами. Мне нужно о многом с Вами поговорить. Я знаю, что Вы очень заняты, но все же прошу уделить мне 1/2 часа. Я думаю пробыть в Москве недели две. Мой адрес: Проточ-

ный пер., 16, кв. 30[41]. Назначьте любое время дня или ночи и напишите. Если Вы никак не можете уделить мне эти полчаса, напишите, и тогда (хотя мне это было бы очень обидно) я напишу Вам деловую часть разговора. Но, повторяю, я хочу с Вами поговорить! Жду ответа.

Ваш *Илья Эренбург.*

После того как в 1925 г. Бухарин поддержал Сталина в борьбе с левыми (эта поддержка дорого обошлась и Бухарину, и всей стране), он стал, наряду со Сталиным, центральной фигурой государственной власти со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами; не располагая никакими документами относительно того, состоялась ли в июне 1926 г. встреча Эренбурга с Бухариным, выскажем все же предположение, что состоялась, основываясь не только на соображениях психологического плана, но и на сохранившемся письме Эренбурга Бухарину, в котором не чувствуется обиды (на что Эренбург всегда был очень памятлив).

Если роман «В Проточном переулке», написанный Эренбургом в конце 1926 г., был, пусть и с купюрами, напечатан в СССР, то попытки Эренбурга напечатать сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», завершенный в октябре 1927 г., сразу же натолкнулись на стену (впрочем, Эренбург это предчувствовал и, еще работая над книгой, писал 21 сентября Замятину: «Теперь буду кончать моего “Ройтшванеца”, который выйдет, вероятно,… в переводах. C'est la vie»). В середине января 1928-го Эренбург издал «Лазика» в Париже за свой счет. (М. Осоргин, откликнувшись на новый роман Эренбурга весьма дружественной рецензией, писал : «Эту злющую и остроумную книгу Эренбурга прочесть приятно и интересно, в особенности в первой ее части, в бытовой российской, где у сатирика

[41] Эренбург вспоминал: «Приехав в Москву весной (в конце мая. – *Б.Ф.)* 1926 года, я поселился в гостинице на Балчуге; за номер брали много, а с деньгами у меня было туго. Меня приютили Катя (Е.О. Сорокина. – первая жена Эренбурга – *Б.Ф.*) и Тихон Иванович (Сорокин, ее второй муж. – *Б.Ф.*); жили они в Проточном переулке…» (1, 506); Эренбург поселился в Проточном переулке, а его вторая жена Л.М. Козинцева уехала к матери в Киев.

было больше материала... Любопытно, кстати, возможно ли будет эту книгу переиздать в России?»[42]) 3 февраля 1928 г. Эренбург писал Лидину: «С моим “Лазиком” дела плохи. Тихонов[43] пишет, что Главлит не одобряет. Попробую еще прибегнуть к героическим мерам». «Героические меры» – это обращение к Бухарину, на чувство юмора которого Эренбург очень рассчитывал; при этом Эренбург скорее всего не был в курсе все обострявшихся, поначалу в узком кругу, столкновений Бухарина со Сталиным, когда маячившее клеймо «правого» резко ограничивало политические возможности Бухарина, вынуждая подчас к высказываниям более левым, чем ему бы хотелось:

Париж, 22/2 <1928>

Дорогой Николай Иванович,

недели две тому назад я послал Вам через НКИ[44]<Д> мою новую книгу – «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца». Мне думается, что она Вам должна прийтись по вкусу.

Ежели я не ошибаюсь в этом, Главлит не хочет пропускать эту книгу. Я вспоминаю, что «Хуренито» тоже вышел благодаря Вашему отзыву, и поэтому Вам пишу касательно «Лазика».

Я не прошу Вас о какой-либо исключительной мере. Но если Вы найдете запрет несправедливым, Вам легко будет снять его: предисловием или как-нибудь иначе.

Ответьте!

Весной, наверное, увидимся[45].

Сердечный привет.

Илья Эренбург.

---

[42] Дни. Париж. 1928. 5 февр.

[43] А.Н. Тихонов – директор московского издательства «Круг», у которого находилась рукопись романа.

[44] Описка: книга была послана на НКИД, то есть диппочтой (ср. 26 февраля Эренбург писал Замятину: «...через Наркоминдел... послал я Вам экз. “Лазика Ройтшванеца”» – *Эренбург.* «Дай оглянуться...». С. 561).

[45] Эренбург смог приехать в СССР только в 1932 г.

Во всех письмах того времени Лидину Эренбург спрашивает, не слышал ли он, есть ли надежды на издание «Лазика». 18 марта: «Мне сказали, что будто бы в "Правде" была ругательная статья о "Лазике". Если верно, то пришлите. Очень важно! Слыхали ли Вы что-нибудь о судьбе "Лазика"?» (Слух оказался уткой – редактируемая Бухариным «Правда» о новом романе Эренбурга не высказывалась). 21 марта, узнав, что в печать не пропустили отрывок из романа: «Только что получил Ваше письмо и чрезвычайно огорчился. Неужели даже парижский отрывок не печатают? Каковы мотивы? Каково отношение к роману и безнадежно ли с ним? Наконец, речь идет об этой книге или обо мне?» (В этот же день Эренбург писал Замятину: «Роман "зарезали", и дела мои шатки. В связи с этим кисну»).

Ситуация прояснилась 29 марта 1928 г., когда «Правда» напечатала статью Бухарина «Чего мы хотим от Горького» к 60-летию писателя и его приезду в СССР. С характерной пылкостью Бухарин звал Горького немедленно включиться в работу по созданию «широкого полотна великой эпохи». Вторая поставленная писателю задача – изобразить советского мещанина так, чтобы ему «пришлось кисло, а в то же время настоящие читатели не только бы не раскисли, а, наоборот, стали бы поспешно засучивать рукава, чтобы еще быстрее приняться за работу». «Разве это было бы плохо?» – спрашивал Бухарин Горького и тут же переходил к жалобам: «А у нас? Уж если заскулят, так заскулят! Собачьи переулки, Проточные переулки, Лазики Ройтшванецы (последний роман Эренбурга), – дышать нельзя! Размазывать этакую безыдейную, скучную, совсем неправдивую в своей односторонности литературную блевотину это дело неподходящее! Это не борьба, и не творчество, и не литература; это – производство зеленой скуки для мертвых людей». Н.И. Бухарин в своих программных выступлениях 1928 г., выступлениях, подчас полемически направленных против сталинской программы, ставил масштабные идеологические задачи. Создание книги о судьбе местечкового еврея в пору жесточайших социальных потрясений в этот масштаб не вписывалось как в силу идеологических концепций Бухарина, так и по причине его личных пристрастий в литературе. Отсюда явная несдержанность реплики. Отношения Эренбурга с Бухариным надолго оказались прерванными.

3 апреля Эренбург написал Лидину: «Сегодня мне показали статью о Горьком Бухарина с отзывом мимоходом о Лазике. Очень удручен по многим причинам. Какие последствия? Если услышите что, напишите! Какое отношение ко мне в журналах (Кр<асная> Новь, Н<овый> Мир, Прожек<тор>)? Не изменилось ли?».

В журналах Эренбурга печатали, но корнали как хотели («остались лохмотья», – написал он об одной такой публикации). Продолжал его печатать и двухнедельник «Прожектор», бессменным редактором которого оставался Бухарин (А.К. Воронского, соредактора Бухарина в «Прожекторе», освободили как сторонника Троцкого от крупных литературных постов; его место заняли ученики Бухарина А. Слепков и Л. Шмидт). Если в 1924, 1926 и 1927 гг. «Прожектор» публиковал Эренбурга раз в году, то в 1928-м – в семи номерах: очерки и отрывок из его нового романа «Заговор равных» (о Великой французской революции). Однако печатали не всё, что присылал Эренбург. Показательна в этом смысле издательская судьба его рассказа «Веселый Паоло», написанного под впечатлением поездки в Грузию в 1926 г. Герою этого рассказа сообщают, что его письмо перехвачено и ему грозит гибель, но он отказывается бежать, устраивает прощальный пир, на который зовет и своего смертельного врага-чекиста, а ночью его забирают и расстреливают. Этот рассказ Эренбург предложил в «Новый мир» В.П. Полонскому. В его письмах Полонскому есть соответствующие упоминания – 16 ноября 1927 г.: «Посылаю при сем рассказ для “Нового мира”. Если он Вам не подходит, верните, пожалуйста, рукопись»; 3 января 1928-го: «В ноябре я послал Вам рассказ (“Веселый Паоло”) для “Нового мира”. ответа не получил. Если рассказ не подходит Вам, пожалуйста, верните мне рукопись»; 4 февраля: «Беда вот в чем – я послал еще в ноябре месяце и, насколько помню, на Ваше имя рассказ “Веселый Паоло”. “Новый мир” мне на мои запросы не отвечает, а у меня не осталось копии рассказа. Не видали ли Вы случайно его?» Рассказ не напечатали. Тогда Эренбург передал «Веселого Паоло» в «Прожектор»; в фонде Бухарина сохранилось письмо редактора «Прожектора» Л.Ю. Шмидта секретарю Бухарина, члену редколлегии «Правды» Е.В. Цетлину:

«Ефим, пожалуйста, прочти рассказ сам или дай Ник<олаю> Ив<ановичу> прочесть этот *рассказик Эренбурга*. Он очень

давно лежит, и я никак *не могу добыть санкции Ник. Ив.* Я ему как-то об этом говорил и показывал письмо Эренбурга касательно этого рассказа. Верю в твою отзывчивость, симпатию и любовь к великой русской литературе. Твой Л. Шмидт. 26/V 28 г.».

И это письмо, и подписанный автором первый экземпляр машинописи рассказа в архиве Бухарина сохранились, – значит Цетлин передал ему и записку Л. Шмидта, и рукопись. Острый грузинский сюжет рассказа, допускавший более чем опасную трактовку, не мог не заинтересовать Бухарина, но разрешить такую публикацию в пору все набирающего силу конфликта со Сталиным он не мог. Рассказ «Веселый Паоло» в СССР был напечатан единственный раз – в 1928 г. в сборнике Эренбурга «Рассказы», вышедшем в ленинградском издательстве «Прибой» (стараниями Н. Тихонова и К. Федина)[46]. В 1928–1929 гг. Сталин переиграл «правых», лишив их власти. На несколько лет вопросы литературы для Бухарина перестали быть предметом рабочего интереса. В общении не забывавшего своих обид Эренбурга с Бухариным наступил перерыв до 1934 г.

3. Собственный корреспондент и главный редактор

В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург, вспоминая Париж 1932 г., рассказывает: «В мае ко мне неожиданно пришел сотрудник "Известий" С.А. Раевский; он сказал, что главный редактор и П.Л. Лапинский, с которым я часто встречался в годы войны, предлагают мне стать постоянным парижским корреспондентом газеты»[47]. Выражение «главный редактор и П.Л. Лапинский» говорило о цензурной неназываемости фамилии главного редактора, следовательно, Эренбург имел в виду Бухарина. Но это ошибка: Бухарин стал главным редактором «Известий» 21 февраля 1934 г. после XVII съезда ВКП(б). Работать в «Известиях» Эренбурга пригласил не Бухарин, но с его приходом в газету интенсивность использования писателя резко увеличилась (в 1933 г. Эренбург напечатал в «Известиях» 6 статей, в 1934-м – 22, в 1935-м – 25).

---

[46] Рассказ переиздан нами в однотомнике прозы Эренбурга 1920-х гг.: *Эренбург И.* Необычайные похождения. СПб.: Кристалл, 2001. Б-ка мировой литературы.

[47] *Эренбург* (1, 611).

Однако личные отношения с Бухариным не восстановились и, посылая статьи в «Известия», Эренбург имел дело с международным отделом газеты; в 1934 г. письма и корреспонденции он направлял заведующему Международным отделом газеты заму главного редактора Г.Е. Цыпину (как и Бухарина, его расстреляли в 1938-м, но, в отличие от Бухарина, личный архив Цыпина не сохранили). Уцелело только одно письмо Эренбурга Цыпину – и только потому, что было передано Бухарину и у него осталось:

<27 <февраля 1934 г.>

Дорогой Григорий Евгеньевич,

я собрал исключительно интересный материал, опросив человек сорок повстанцев[48]. Говорил и с вождями <восстания>. Выяснил примерно все. О некоторых деталях еще нельзя писать, как Вы сами понимаете.

Но, думается, даю полную картину.

Посылаю начало статьи – подвал. Конец (три дня восстания, провинция и репрессии) вышлю послезавтра.

Если что требуется, сообщите телефонно: Praga Hotel Saxe. Не знаю, как отсюда доберусь в Париж, – не пускают ни немцы, ни австрийцы.

Сердечно Ваш *Илья Эренбург.*

В письмах Эренбурга его московскому секретарю В.А. Мильман в 1934 г. (до летней поездки в Москву) все поручения по части «Известий» адресуются *только* Г.Е. Цыпину.

3 марта: «В Чехо-Словакии я работал день и ночь: опросил детально множество участников австрийских событий, потом написал цикл статей. Всего написал листа три. Эти статьи уже

[48] Речь идет о руководимом социал-демократами вооруженном восстании в Вене, куда Эренбург смог добраться только после разгрома восстания силами профашистской военной организацией хаймвер. Его очерки, составившие книгу «Гражданская война в Австрии» (М., 1934), печатались в Известиях 6, 9, 12 и 15 марта 1934 г.

переводятся на немецкий, французский, английский и чешский. Я придаю им значенис, так как наша информация в данном случае не стояла на высоте. Очень будет обидно, если Гр.Е. <Цыпин> их напечатает в сокращенном виде»;

9 марта: «Я сегодня послал Гр.Е. <Цыпину> очень решительное письмо. Дело в том, что австрийский очерк <6 марта> напечатан не только с купюрами, но и с недопустимой отсебятиной. Это вопрос очень серьезный и он делает чрезвычайно затруднительной мою дальнейшую работу»;

21 марта: «Я не получил никакого ответа от Г.Е. <Цыпина> на письма и телеграмму. Последние очерки были напечатаны хорошо. Но вопрос о первом так и не выяснен»;

23 марта: «Я не понимаю, о какой телеграмме Вам говорил Г.Е. Я получил только одну телеграмму до “событий”. Третьего дня я послал телеграмму: “Жду вестей” и ответа не получил, также на все письма. Я продолжаю считать вставки невозможными и не знаю, как мне поступать теперь. Если они довольны очерками, то почему они не отвечают, чтобы несколько успокоить меня касательно дальнейшего. Пока что я не шлю никакого материала. Все это мне очень неприятно»;

28 марта: «Я так и не получил никакого ответа от Г.Е. <Цыпина>. Не знаю, что это означает. Может быть, они не хотят, чтобы я писал для них»;

7 апреля: «От Г.Е. я получил ласковую телеграмму, но письма, о котором он сообщает в этой телеграмме, так и не получил»;

16 апреля: «Надеюсь также, что Г.Е. <Цыпин> не искромсает “Джунглей”»;

29 апреля: «Говоря с Г.Е., пожалуйста, выясните: “Джунгли”, деньги, французская провинция, “День второй”. Так же: я не понимаю, почему они так калечат мои статьи».

Личные отношения Эренбурга и Бухарина восстановились лишь летом 1934 г. в Москве, когда Эренбург приехал на съезд советских писателей, и с тех пор никакие кошки между ними не пробсгали. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» рассказывается, как, приехав в 1934-м в столицу, Эренбург поселился в «Националс», где, к его удивлению, по-человечески обслуживали только иностранцев. Свое возмущение он выразил в статье «Откровенный разговор», где назвал вещи своими именами: «Глупо выдавать Советскую страну за старый русский трактир с вышко-

ленной челядью и бутафорским надрывом». Бухарин статью Эренбурга напечатал 26 июля 1934 г. и она вызвала большой шум («Руководители “Интуриста” утверждали, – вспоминал писатель, – что несколько англичан и французов, собиравшихся посетить Советский Союз, после моей статьи отказались от поездки и что я нанес государству материальный ущерб. Бухарин меня защищал. Я не знал о различных телефонных звонках...»[49].

Во время съезда Эренбург не раз встречался с Бухариным (он сделал доклад о поэзии, вызвавший острый резонанс). А после съезда Эренбург и Бухарин выступили с рассказом о его работе в Одесском доме печати. В Одессе Эренбург написал большое письмо Сталину, в котором предложил реорганизовать Международную организацию революционных писателей (МОРП) на широкой демократической основе (см. главу о писательских конгрессах). Идеи этого письма в итоге привели к проведению в Париже Международного конгресса писателей в защиту культуры. Очевидно, что идея письма Сталину предварительно обсуждалась с Бухариным. Надо полагать, именно Бухарин и отвез письмо в Москву, а потом говорил о нем со Сталиным. В этом разговоре, Сталин, недовольный бухаринским докладом на съезде писателей, лестно отозвался о выступлении Эренбурга на съезде. Вот как (не сразу) Бухарин сообщил об этом Эренбургу в Париж:

Москва 3/Х-34

Дорогой Илья Григорьевич,

Вы не удивляйтесь моему молчанию. Коротко говоря <иностранное слово или выражение, не вписанное в копию> таковы: Ваше письмо получило полное одобрение, товарищ (т.е. Сталин. – *Б.Ф.*) сказал также, что Ваша речь была наилучшей на съезде. Что касается статьи, то я получил ответ: «Делай как хочешь» (без прочтения, за занятостью другими вещами)[50]. Т.о. вопрос висит в возду-

---

[49] *Эренбург* (2, 32–34).

[50] Возможно, речь идет о статье Эренбурга «За наш стиль», напечатанной в «Известиях» 15 октября 1934 г.

хе, если принять во внимание все соображения, коими мы делились. Не возьмете ли Вы на себя главенство в предлагаемом Вами (в письме) учреждении (писательском)?[51] Такой вопрос о Вас мне был задан. Разумеется, *за* Вас я ответа дать не мог. Таковы факты. Сейчас все мы кружимся в дальнейших фазах и оборотах исторического процесса и чувствуем себя, как бодрый молодняк.

Горячо жму Вашу руку. Жаль, что не удалось Вас повидать, я задержался в газете.

Еще раз привет.

Ваш *Н. Бухарин*[52].

С тех пор прямой контакт Эренбурга с Бухариным поддерживался до осени 1936 г.: шла постоянная переписка, и тексты статей присылались лично главному редактору и они шли в номер, минуя иностранный отдел (когда отдел возглавил К.Б. Радек, это его раздражало).

В деловой переписке И.Г. Эренбурга с его секретарем В.А. Мильман обозначение Бухарина (НИ) появляется систематически.

В феврале 1935 г. Эренбург отправил Бухарину рукопись романа о советской молодежи «Не переводя дыхания», написанного по материалам поездки 1934 г. на Север. Предполагалось, что Бухарин новую книгу прочтет и сам выберет главу для публикации в газете.

Когда о новом романе Эренбурга узнал М. Кольцов, он запросил у Мильман отрывок для «Правды», Эренбург ответил ему телеграфно:

---

[51] Прочитав письмо Эренбурга, Сталин 23 сентября 1934 г. поддержал его идею реорганизации МОРП и предложил «поставить во главе МОРП т. Эренбурга» (см. главу о писательских конгрессах).

[52] Машинописная копия этого письма сохранилась не в личном архиве Бухарина, владельцем которого после ареста Н.И. был Сталин, а в редакционном архиве «Известий» (Оп. 1. Д. 16. Л. 38), откуда почему-то не была изъята НКВД. Письма Эренбургу приводятся здесь по кн.: Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё... 1916–1967/ Издание подгот. Б.Я. Фрезинским. М., 2006.

МИЛЬМАН СООБЩИЛА ЧТО ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ НАПЕЧАТАТЬ ОТРЫВОК РОМАНА <в «Правде»> БЛАГОДАРЮ ДРУЖЕСКОЕ ВНИМАНИЕ ОЧЕНЬ ПРОШУ СОГЛАСОВАТЬ ВОПРОС ПЕЧАТАНИЯ ОТРЫВКА НИКОЛАЕМ ИВАНОВИЧЕМ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ=ЭРЕНБУРГ.

Это было 23-го, а 26 февраля Эренбург писал Мильман: «Кольцову послал телеграмму: благодарил и просил согласовать вопрос с Н.И. Без последнего печатать никак нельзя». 1 марта Эренбург пишет Мильман: «Скажите, что жду ответа на два письма Н.И. – одно почтой, другое оказией. Очень также прошу поскорей выбрать отрывок из романа»[53].

Роман «Не переводя дыхания» полностью печатался в мартовском номере «Знамени», и Эренбург спешил. Отрывок появился в «Известиях» 12 марта; всю рукопись Эренбурга Бухарин смог прочесть только после этого. Письмо главного редактора «Известий» с суждениями об этом романе, было написано 14 марта, а 19-го перепечатано в редакции на машинке и копия его сохранилась в личном архиве Бухарина; перевод многочисленных иностранных выражений, употребление которых характерно для бухаринских эпистол, приводим в конце письма:

Исх. № 55/с

Дорогой Илья Григорьевич,

не ругайтесь, что долго не писал: perculum in mora[1] ведь не было, а без такой погонялки у нас люди эпистолярным искусством подолгу не занимаются. Потом была добавочная причина: я не прочел Ваш роман. Сегодня **ночью** я его прочел до самого конца. Поэтому, ожидая сейчас шофера, пишу Вам предварительно несколько строк, – может, потом напишу подробнее, **если** успею.

Pro:

---

[53] Собрание автора.

тематически { Очень хорошо, что роман ориентирован на человека; что разобраны «сантименты» (в хорошем смысле); что подняты здесь большие проблемы (личного и общественного); что занята правильная, на мой взгляд, позиция.

формально { Что литературно прекрасно написано, что выразительность отдельных глав исключительно превосходна, да и весь роман, что диалектика логики и чувства и их переходов здорово «дана».

Summa summarum[2] – что роман **сугубо интересен.**

Vert![3]

Contra: полярно-однообразна, быть может, сфера вращения всего: **производство**

versus[4]

любовь.

Это я *карикатурно* – не берите особо всерьез: я только говорю о некой тенденции полярного раздвоения жизни у Вас (на самом деле у Вас и актриса и художник etq.[5])

Но мне, казалось бы, сейчас нужно еще решительнее набивать все трехмерное пространство романа многосложностью типов и бытовых, общественных, групповых, государственных etc.[6] образований.

Разная деревенская интеллигенция – агрономы, трактористы, комбайнеры, доктора; колхозники, единоличники, кулаки, раскулаченные, красновармейцы, краскомы; обездоленные (не поднявшиеся до «сознательности»); отживающие группы вроде попов и т.д. – если речь идет о деревне; то же mutates mutandis[7] – о городе. У нас город в его многообразном лице не давался. Вы очень здорово взяли и основу сближения между городом и деревней, но и здесь главное перемычки: производство + любовь.

С общефилософской точки зрения здесь есть raison d'etre[8], в такой постановке вопроса, но *больше* **опосредствований**!

Может быть, я и ошибаюсь, но беглое – ночное чтение тому виной. Однако я без комплиментов должен сказать, что роман мне *чрезвычайно* понравился и я кричу «браво» (Так примерно сказал бы Плеханов, а **Ильич**: «Прекрасно написано. – Это помните, тот, Илья Лохматый (так прозвал Эренбурга в Париже в 1909 г. В.И. Ленин. – *Б.Ф.*)».

Ну, жму руку. Вы видите, что мы печатаем Вас изо всех сил и впредь тоже будем давать, а Вы давайте свое: тем ведь уйма:

1) Фашизм и женщина.

2) Шелковые чулки и война (о производстве искусственного шелка и «порохов»).

3) О фокстротной «культуре».

4) Религия в Третьей Империи

5) (Idem[9]) Валгалла и авиация.

6) Что делается в колониальном мире (Что, если опросить парижских джаз-негров из Америки или Африки и узнать их curriculum vitae[10], не делая из них непременно Айш (Айша – негр, персонаж романа "Хулио Хуренито". – *Б.Ф.*)?) и т.д.

Вы сами лучше всех других придумаете что-либо мастерское.

Привет.

Крепко жму руку.

Ваш *Н. Бухарин*
14 III 35 г.

[1] Опасность в промедлении (*лат.*).
[2] Окончательный итог (*лат.*).
[3] Переверни (*лат.*) – здесь в письме кончается страница.
[4] Против (*лат.*).
[5] Сокращенное от et quidem – и именно (*лат.*).
[6] Сокращенное от et cetera – и так далее (*лат.*).
[7] Сделав соответствующие изменения (*лат.*) – выражение, которым часто пользовался Бухарин.
[8] Смысл, резон (*фр.*).
[9] Там же (*лат.*).
[10] Жизнеописание (*лат.*).

Для контраста приведем здесь фрагмент из продиктованного совсем иными соображениями и, надо признать, выдержавшего «проверку временем» отзыва о книге «Не переводя дыхания», – он появился в том же году в парижской эмигрантской газете и принадлежал М. Осоргину: «Эренбург уже не просто пишет, он поет. Поет он лучшее, что есть в современной советской жизни, – работающую и жизнерадостную молодежь. Поет не соло, а в хоре. От его участия хор выигрывает; но скажу откровенно, мне было жаль потерять солиста, писателя с отчетливой, не всеми слышимой индивидуальностью. Для перехода в хор нужно отказаться от очень многого, а научиться только пустякам. Этим пустякам Эренбург научился без труда»[54].

23 марта 1935 г. Эренбург сообщил Мильман, что получил письмо Николая Ивановича, но о самом письме ничего не сказал...

Следующее письмо Эренбурга, сохранившееся в архиве Бухарина, написано в июне и послано с оказией. Оно посвящено, главным образом, газетным делам и подготовке парижского международного конгресса писателей – она занимала много времени и сил Эренбурга:

8 июня <1935 г.>

Дорогой Николай Иванович,

снова у нас недоразумения! Я легко могу понять, что с Эльзасом я «не попал в точку»[55]. Но, во-первых, я неоднократно просил осведомить меня об этих «точках». Во-вторых, почему мне не сразу сообщили об этом и не попросили переделать статьи? На поездку в Эльзас я потратил неделю времени, на чтение всяких автономистских газет и пр., плюс сама статья – еще неделя. Это все же представляет какое-то рабочее время. Поездка в Эльзас при таких условиях отнюдь не парти де плезир![56] Ясно, что очерк об Эльзасе мож-

[54] Последние новости. Париж. 1935. 3 окт.

[55] Речь идет об очерке «Эльзас под прицелом» (напечатан в «Известиях» 15 июня 1935 г., вошел в книгу Эренбурга «Границы ночи»).

[56] Partie de plaisir – увеселительная прогулка (*фр.*).

но было бы написать и иначе. Поэтому я все время слал письма и телеграммы, спрашивал – и ни гу-гу. Теперь я прошу Вас вернуть мне рукопись с пометками, объясняющими трудности, и я статью переделаю: хочу все же использовать как-то эту поездку. С другой стороны, повторяю просьбу: держать меня в осведомленности о желаниях редакции, о точках, которые у нас вдоволь подвижны, и о прочем. Иначе сейчас писать отсюда невозможно. Судите сами – прежде чем затеять всю эту серию поездок по областям, смежным с Германией, я много раз запрашивал редакцию: не выйдет ли как с Сааром[57] и пр. Отвечали: нет. Тогда я стал после первого же очерка спрашивать, как именно писать, годится ли и пр. Молчание. Только Ландерс[58] передает от Вашего имени: пишите, как знаете, хорошо и т.д. А вот и результаты. Я, правда, делаю еще опыт и посылаю очерк об Эйпене[59], но уверяю Вас, что при таких условиях работать нельзя. Я понимаю, что у Вас и без этого уйма дел, но приспособьте для этого иностранный отдел. Теперь я там никого не знаю. В эпоху Раевского, Гнедина[60] я еще мог спросить их, но кого я теперь спрошу? Напишите мне наконец-то, о чем и как мне писать. О Германии трудно, во первых, КБ <Радек> не любят (так! – *Б.Ф.*), когда я пишу о Германии, во вторых, в эту прекрасную страну меня не пущают. О Франции? Но ведь я не могу превра-

---

[57] Очерки Эренбурга «Саар» были напечатаны в «Известиях» (24, 28 и 29 декабря 1934 г.) с сокращениями; полностью – «Знамя». 1935. № 2; вошли в «Границы ночи».

[58] Имеется в виду С.А. *Ляндрес* – журналист, секретарь Бухарина в «Известиях».

[59] Очерк Эренбурга «Ночи Эйпена» напечатан в «Известиях» 23 июля 1935 г.; вошел в «Границы ночи».

[60] Имеются в виду прежние сотрудники Иностранного отдела «Известий», работавшие до прихода в газету К.Б. Радека: С.А. Раевский – в 1927–1928 гг. представитель ТАСС в Париже, в 1928–1934 гг. заведующий иностранным отделом «Известий», затем редактор «Журналь де Моску»; Е.А. Гнедин – публицист; в 1934–1935 гг. заведующий иностранным отделом «Известий», в 1935–1939 гг. заведующий отделом печати НКИД

титься в интуристского гида из «Ревю де Моску»! Вот, например, скоро я двинусь в Союз. Могу по дороге что либо посмотреть, выбрать маршрут в связи с планами очерковыми, но для всего этого мне нужны указания, так как предвидеть нюансы, во-первых, высоко политические, а, во вторых, внутренне-редакционные я уж никак отсюда не могу.

Итак, это первый и основной вопрос. Перехожу к другому – к съезду писателей[61] <...>.

В ближайшие дни выходит книжкой мой роман «Не переводя дыхания». Мне очень хотелось, чтоб в «Известиях» была о нем статья, если, конечно, Вы находите это удобным и сам роман достойным этого[62].

С Мальро вышло нехорошо. Его разобидели и по-моему зря: книга хорошая и отрывок был понятный.

Жду от Вас скорого и исчерпывающего ответа на это письмо.

Я очень устал: съезд, перевод Мальро, статьи для «Известий». Не знаю, когда удастся отдохнуть или даже просто перевести дыхание.

Крепко жму руку!

Ваш *И. Эренбург.*

Упомянутый здесь перевод Мальро – это работа Эренбурга над переводом книги Андре Мальро «Годы презрения». История началась в марте 1935 г., когда Эренбург прислал отрывок из нее в «Известия», предполагая, что газета его опубликует. Об этом Эренбург несколько раз настойчиво писал Мильман.

8 апреля:. «Мальро получил от “Правды” письмо: просят дать отрывок из романа. Я его попросил подождать несколько дней. Отказать он не может, но может отсрочить на несколько дней».

---

[61] Речь идет о Международном антифашистском конгрессе писателей, состоявшемся в июле 1935 г. в Париже; эту часть письма см. в главе о писательских конгрессах.

[62] После того как «Правда» 5 июля 1935 г. напечатала о романе Эренбурга панегирическую статью К. Зелинского («Роман бодрости и оптимизма»), 8 июля «Известия» поместили статью И. Альтмана «Самое большое, самое чистое».

15 апреля. «Выясните, почему маринуют Мальро».

8 мая. «Пишу НИ о том, что очень сердит из-за первомайской статьи. Пишу также о Мальро: если не напечатают в самое ближайшее время, передам в другое место, – так решил сам Мальро, я же только переводчик».

20 мая. «Сегодня получил Вашу телеграмму насчет того, что НИ будет сегодня звонить. Постараюсь всё выяснить. Во всяком случае, остается в силе прежнее: если они не печатают Мальро, дать в другое место».

23 мая отрывок из книги «Годы презрения» напечатала «Вечерняя Москва», где работала Мильман; в тот же день Эренбург[64] послал в Москву новый отрывок, попросив Мильман «для приличия» показать его в «Известиях».

26 мая. «Жду разъяснений с Мальро. Я усиленно работаю над переводом Мальро и 15-го июня "Знамя" получит всю рукопись».

8 июня (когда было написано и приведенное выше письмо Бухарину): «Посылаю 2 и 3 главы Мальро. В ближайшие дни вышлю 4 и 5 (они в переписке), 6, 7, 8 рассчитываю выслать между 15 и 20... Сегодня же посылаю письмо НИ с оказией».

В итоге «Известия» отрывок из романа Мальро так и не напечатали. 14 июня отрывок из книги Мальро появился в «Правде». О литературно-политическом тандеме Эренбург – Мальро речь еще пойдет впереди, в главе об антифашистских писательских конгрессах.

В июле 1935 г. в Париже прошел Международный антифашистский конгресс писателей в защиту культуры. Подготовка его была непростой и длительной, а у истоков его было то самое письмо Эренбурга Сталину, которое из Одессы привез Сталину Бухарин. Эренбург принимал активное участие в подготовке парижского конгресса, а вот Бухарина на парижский конгресс Сталин не пустил. По итогам конгресса Эренбург прислал Бухарину подробный и критический отчет, который Николай Иванович вручил Сталину – это было очень важно для Эренбурга в условиях острого противостояния в «штабе конгресса» групп Эренбурга – Мальро и Кольцова – Арагона (но обо всем этом – см. главу о писательских конгрессах)...

Одна из статей Эренбурга, написанная в Москве в ноябре 1935-го и сразу же напечатанная Бухариным в «Известиях», вызвала гневную реакцию Сталина. Статья была посвящена знаменитой ударнице Дусе Виноградовой и напечатана 21 ноября.

В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург написал об этом так: «Однажды Сталин позвонил Бухарину: "Ты что же, решил устроить в газете любовную почту?.." Было это по поводу моего "Письма к Дусе Виноградовой", знатной ткачихе: я попытался рассказать о живой молодой женщине. Гнев Сталина обрушился на Бухарина»[63].

Что же разозлило вождя? Рассказ о *живой* молодой женщине, а не о роботе? Популярность бухаринских «Известий»? Неформальные выступления Эренбурга на «дискуссии» о формализме? Всяко, выволочка, учиненная вождем (наверняка в присутствии очевидцев), была яростной («Я был в большом смятении, когда ты меня разносил за Эренбурга...»[64], – признался Сталину Бухарин).

Об этом «разговоре» он, зная опасную натуру Сталина и его методы, сказал Эренбургу. И тогда, 28 октября 1935 г., в московской гостинице «Метрополь» писатель сочинил свое второе письмо вождю:

Уважаемый Иосиф Виссарионович,

> т. Бухарин передал мне, что Вы отнеслись отрицательно к тому, что я написал о Виноградовой. Писатель никогда не знает, удалось ли ему выразить то, что он хотел. Напечатанные в газете эти строчки о Виноградовой носят не тот характер, который я хотел им придать. Не надо было мне этого печатать в газете, не надо было и ставить имя действительно существующего человека (Виноградовой). Для меня это был клочок романа, не написанного мной, и в виде странички романа, переработанные и, конечно, измененные, эти строки звучали бы совершенно иначе. Мне хочется

[63] *Эренбург* (2, 200).

[64] АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л. 48.

объяснить Вам, почему я написал этот рассказ. Меня глубоко взволновала беседа с Виноградовой, тот человеческий рост, то напряжение в работе, выдумка, инициатива и вместе с тем скромность, вся та человечность, которые неизменно меня потрясают, когда я встречаюсь с людьми за последнее время. Но все это подлежит обработке, должно стать страницами книги, а не быть напечатанным на газетных столбцах.

Мне трудно себе представить работу писателя без срывов. Я не понимаю литературы равнодушной. Я часто думаю: какая в нашей стране напряженная, страстная, горячая жизнь, а вот искусство зачастую у нас спокойное и холодное. Мне кажется, что художественное произведение рождается от тесного контакта внешнего мира с внутренней темой художника. Вне этого мыслимы только опись, инвентарь существующего мира, но не те книги, которые могут жечь сердца читателей. Я больше всего боюсь в моей работе холода, внутренней незаинтересованности. Вы дали прекрасное определение всего развития нашего искусства двумя словами: «социалистический реализм». Я понимаю это, как необходимость брать «сегодня» в его развитии, в том, что имеется в нем от «завтра», в пер-спективе необыкновенного роста людей социалистического общества. Поэтому мне больно видеть, как словами «социалистический реализм» иногда покрывается натурализм, то есть восприятие действительности в ее неподвижности. Отсюда и происходит тот холод, то отсутствие «сообщничества» между художником и его персонажами, о которых я только что говорил.

Простите, что я отнимаю у Вас время этими мыслями, уходящими далеко от злополучной статьи. Если бы я их не высказал, осталось бы неясным мое писательское устремление: ведь в ошибках, как и в достижениях, сказывается то, что мы, писатели, хотим дать. Отсутствие меры или сры-

вы у меня происходят от того же: от потрясенности молодостью нашей страны, которую я переживаю, как мою личную молодость. То, что я живу большую часть времени в Париже, может быть, и уничтожает множество ценных деталей в моих наблюдениях, но это придает им остроту восприятия. Я всякий раз изумляюсь, встречаясь с нашими людьми, и это изумление – страсть моих последних книг. Мне приходится в Париже много работать над другим: над организацией писателей, над газетными очерками о Западе, но все же моей основной работой теперь, моим существом, тем, чем я живу, являются именно это волнение, это изумление, которые владеют мною, как писателем.

Я вижу читателей. Они жадно и доверчиво берут наши книги. Я вижу жизнь, в которой больше нет места ни скуке, ни рутине, ни равнодушью. Если при этом литература и искусство не только не опережают жизнь, но часто плетутся за ней, в этом наша вина: писателей и художников. Я никак не хочу защищать двухсот строчек о Виноградовой, и , если бы речь шла только об этом, я не стал бы Вас беспокоить. Но я считаю, что, разрешив т. Бухарину передать мне Ваш отзыв об этом рассказе (или статье), Вы показали внимание к моей писательской работе, и я счел необходимым Вам прямо рассказать о том, как я ошибаюсь и чего именно хочу достичь.

«Работа над ошибками» выглядела убедительно, но этого было мало.

О недовольстве вождя статьей Эренбурга стало известно в ЦК и в близких к нему кругах. В отделе печати ЦК московскими выступлениями Эренбурга по вопросам искусства были крайне недовольны, Противники, завистники писателя давно ждали случая разделаться с парижским, как они считали, счастливчиком. Остановить их могло только одно: опасение, что вождь их не поддержит. Положение Эренбурга оставалось неопределенным, и он решил повести разговор со Сталиным без обиня-

ков. В этом был безусловный риск, но, как говорится, кто не рискует, тот не выигрывает, и Эренбург написал:

> Мне особенно обидно, что неудача с этой статьей совпала по времени с несколькими моими выступлениями на творческих дискуссиях, посвященных проблемам нашей литературы и искусства. Я высказал на них те же мысли, что и в письме к Вам: о недопустимости равнодушья, о необходимости творческой выдумки и о том, что социалистический реализм зачастую у нас подменяется бескрылым натурализмом. Естественно, что такие высказывания не могли встретить единодушного одобрения среди всех моих товарищей, работающих в области искусства. Теперь эти высказывания начинают связывать с неудачей статьи и это переходит в политическое недоверие. Я думал, что вне творческих дискуссий нет в искусстве движения. Возможно, что я ошибался и что лучше было бы мне не отрываться для этого от работы над романом. <...>[65]
>
> Мне говорят, что на собрании Отдела печати Цека меня назвали «пошлым мещанином». Мне кажется, что этого я не заслужил. Еще раз говорю: у каждого писателя бывают срывы, даже у писателя, куда более талантливого, нежели я. Но подобные определения получают сразу огласку в литературной среде и создают атмосферу, в которой писателю трудно работать. Я слышу также, как итог этих разговоров: «Гастролер из Франции». Я прожил в Париже 21 год, но если я теперь живу в нем, то вовсе не по причинам личного характера. Мне думается, что это обстоятельство мне помогает в моей литературной работе. Я связан с движением на Западе, мне приходится часто писать на западные темы, я часто также пишу о Союзе для близких и в органах <печати> в Европе и в Америке,

[65] Купюра касается высказывания о парижском конгрессе писателей и полностью приводится в главе о писательских конгрессах.

сопоставляя то, что там, и то, что у нас. С другой стороны – об этом я писал выше – ощущение двух миров и острота восприятья советской действительности помогают мне при работе над нашим материалом. Наконец, я стараюсь теперь сделать все, от меня зависящее, чтобы оживить работу, скажу откровенно, вялой организации, которая осталась нам от далеко не вялого конгресса. Все это, может быть, я делаю неумело, но ни эта моя работа, ни мои газетные очерки о Западе, ни мои последние два романа о советской молодежи, на мой взгляд, не подходят под определение «гастролера из Франции».

Я не связывал и не связываю вопроса о моем пребывании в Париже с какими-либо личными пожеланиями. Если Вы считаете, что я могу быть полезней для нашей страны, находясь в Союзе, я с величайшей охотой и в самый кратчайший срок перееду сюда. Я Вам буду обязан, если в той или иной форме Вы укажете мне, должен ли я вернуться немедленно из Парижа в Москву или же работать там. Простите сбивчивую форму этого письма: я очень взволнован и огорчен...

Резолюция Сталина на этом письме: «Т. Молотову, Жданову, Ворошилову, Андрееву, Ежову» означала, что расчет Эренбурга полностью оправдался – члены Политбюро, включая тех, кто занимался «руководством» писателями, были проинформированы о письме Эренбурга и тем самым о том, что «инцидент исчерпан». В середине декабря 1935 г. Эренбург благополучно отбыл из СССР...

29 января 1936 г. отмечалось 70-летие Ромена Роллана; 31 января Международная ассоциация писателей провела в Париже торжественное заседание, и Эренбург активно участвовал в его подготовке. Бухарин, высоко ценивший Роллана и написавший к его приезду в СССР статью «Мастер и воин культуры, сын человечества»[66] решил дать в газете подборку материалов к юбилею писателя (он и сам написал еще одну

[66] Известия. 1935. 24 июня.

статью о Роллане – «Горные вершины»[67]). 14 января Эренбург сообщал Мильман: «Получил телеграмму от Б<ухарина> о Ромене Роллане. Сделаю все возможное, хотя поздновато сообщили. Сам писать не буду». По просьбе Эренбурга о Роллане для «Известий» написал Жан Геенно (через какое-то время Л.М. Козинцева-Эренбург просила в письме Мильман «взять в Известиях гонорар Guehenno за статью о Ромэн Роллане и послать ему по адресу книгу о Музее западной живописи»[68].

В марте и начале апреля 1936 г. Эренбург много общался с Бухариным в Париже; об этих встречах рассказывается в мемуарах: «...Бухарин приехал в Париж. Он остановился в гостинице "Лютеция", рассказал мне, что Сталин послал его для того, чтобы через меньшевиков купить архив Маркса, вывезенный немецкими социал-демократами. Он вдруг добавил: "Может быть, это – ловушка, не знаю...". Он был встревожен, минутами растерян, но был у него чудесный характер: он умел забывать все страшное, прельстившись выставкой, книгами или "кассуле тулузен" – южным блюдом, гусятиной и колбасой с белыми бобами. Он любил живопись, был сам самодеятельным художником – писал пейзажи. Люба (Л.М. Козинцева-Эренбург. – *Б.Ф.*) водила его на выставки. Французы устроили его доклад в зале Мютюалитэ, помню, как восхищался Ланжевен мыслями Бухарина. А из посольства пришел третий секретарь – там если не знали, то предчувствовали скорую развязку. Мы как-то бродили про набережной Сены, по узким улицам Латинского квартала, когда Николай Иванович всполошился: "Нужно в "Лютецию" – я должен написать Кобе". Я спросил, о чем он хочет писать – ясно, что не о красоте старого Парижа и не о холстах Боннара, которые ему понравились. Он растерянно засмеялся: "В том-то и беда – не знаю о чем. А нужно – Коба любит получать письма"»[69].

В Париже Эренбург дал прочесть Бухарину рукопись «Книги для взрослых», где наряду с вымышленными главами были и мемуарные, в частности глава о Первой московской гимназии и в ней слова о Бухарине и Сокольникове (Эренбург 10 мая

---

[67] Известия. 1936. 29 янв.

[68] Собрание автора.

[69] *Эренбург* (2, 200-201).

писал Мильман: «Сейчас посылаю авиа статью о колхозах (в Испании. – *Б.Ф)*> в «Известия» на имя НИ. Поступить иначе считаю неудобным. Одновременно пишу НИ, очень настойчиво прошу пропустить в газете отрывок из романа (“Книга для взрослых”. – *Б.Ф.*) до выхода “Знамени”. Отрывок, если НИ хочет, пусть выберет сам. Можно 19 главу[70]. Можно другое по его выбору: он роман читал», – поскольку Эренбург не посылал Бухарину в Москву рукопись «Книги для взрослых, речь может идти только о чтении в Париже, тем более что и свободного времени у Бухарина там было больше и виделся он там с Эренбургом не раз). Кстати сказать, в пору пребывания Бухарина в Париже получил Эренбург очень доброжелательный, если не сказать восторженный, отзыв члена редколлегии «Знамени» С. Рейзина о «Книге для взрослых»[71]; среди немногих рекомендаций автору была такая: «Я бы снял имена Бухарина, Карахана». Эренбург эту рекомендацию отверг, и ласковые слова о Бухарине появились в пятом номере «Знамени» за 1936 г. («Книгу для взрослых» издательство «Советский писатель» сдало в набор 21 июня 1936 г., а подписали ее в печать 10 декабря 1936 г., когда у Эренбурга уже никто не спрашивал, оставлять Бухарина или нет, – все необходимые купюры издательство сделало само).

Доклад Бухарина в Париже состоялся 3 апреля (текст его перевел друг Эренбурга Андре Мальро, который в книге «Веревка и мыши» вспоминает тревожную прогулку с Бухариным по Парижу[72]), а 6 апреля Эренбург отбыл в Испанию, не зная, что видит Бухарина на свободе в последний раз.

Гражданская война в Испании еще не началась, но уже вполне вызревала, и эти события на несколько лет захватили Эренбурга, позволив ему не думать о многом («Додумать не дай, оборви, молю, этот голос, / Чтоб память распалась, чтоб та тоска раскололась...» – признавался он в стихах испанского цикла)... Испанские статьи Эренбурга – последнее, что из присланного им печатал в «Известиях» Бухарин, печатал вопреки мнению Радека:

[70] Глава мемуарного содержания, включавшая рассказы об Андре Жиде и поездке по Испании.

[71] См.: Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё.. С. 64–67.

[72] См.: *Мальро А.* Зеркало лимба. Художественная публицистика. М., 1989. С. 349.

17/V <1936 г.>

Дорогой Николай!

Мне сообщают сегодня, что ты сегодня жаловался на отдел, упрекая его, во-первых, в нежелании печатать статьи Эренбурга, во-вторых, в нежелании давать обозрения из многих газет (в одном номере). Так как тебе известно, что за отдел я несу ответственность, то правильнее было бы поставить этот вопрос на заседании редколлегии. Но я не имею причины тебе письменно засвидетельствовать, что оба упрека нелепые. Эренбурга я считаю очень ценным сотрудником, но я считаю, что талант сотрудника не освобождает главного редактора от обязанностей относиться к каждой статье критически, под углом зрения политики газеты. Считаю неправильным печатать при теперешнем положении в «Известиях» одну энтузиастическую статью об Испании за другой[73]. Об Испании нам надо писать сдержанно в официозе правительства, ибо значительная часть игры против нас построена на том, что мы руководим испанскими событиями. Поэтому особенно ошибочным считал напечатание корреспонденции, кончавшейся <тем>, что испанские рабочие поняли значение оружия, динамита и так далее[74]. Я устанавливаю, что я этой статьи вообще не читал <так> как вообще статьи Эренбурга пользуются привилегией непрохождения через отдел, что касается обозре-

[73] С момента поездки Эренбурга в Испанию по 17 мая в «Известиях» было напечатано пять его статей о событиях в Испании (20 апреля – «В Испании», 22 апреля – «Борьба против фашизма в Испании», 1 мая – «UHP», 9 мая – «Враги», 15 мая – «Те же и революция»). Эренбург, в отличие от Радека, считал, что «Известия» недостаточно оперативно печатают его испанские статьи; 14 мая он писал Мильман: «Послал сейчас телеграмму в "Известия" – удивлен, что они не напечатали испанской статьи (видимо, «Те же и революция». – *Б.Ф.*). Я послал им уже последнюю испанскую – о колхозах».

[74] Статья «Враги» кончалась словами: «В 1931 году трудящиеся Испании узнали, что такое республика. В 1934 году они узнали, что такое винтовки, пушки, динамит и самолеты» (речь, таким образом, шла об астурийском восстании 1934 г.).

ний, то раз надо давать подбор из многих статей, другой раз – целую показательную статью <...> Вместо разговора, который устраняет разногласия, получается смешное положение, когда главный редактор жалуется на отдел, что отдел его не слушает. Если ты считаешь, что ты прав, то ведь можешь дать приказ – потому <что> ты главный редактор. Замен этого не делать и брать реванш над отделом, который обязан слушать моих указаний, т.к. я обязан принимать к исполнению твоих указания.

Привет. Не злись, а лучше думай.

Твой *К<арл> Р<адек>*.

Последние сохранившиеся послания Эренбурга Бухарину датированы июнем 1936 г.

9 июня <1936 г.>

Дорогой Николай Иванович,

только что вернулся из Чехо-Словакии и Вены. Напишу для газеты три очерка: Вена, Словацкий съезд писателей, Мукачево[75]. 20<-го>, вероятно, поеду в Лондон[76] и оттуда снова напишу. Так что двухмесячный «отпуск» видимо начну позднее.

Посылаю Вам по совету т.т. из полпредства письмо с описанием положения в Испании (приводится следом. – *Б.Ф.*) и др. местах. Может быть,

[75] Из трех статей написана была лишь одна – «Венская оперетка» («Известия», 16 июня 1936). Очерк о съезде словацких писателей, открывшемся 1 июня в Тренчанске Теплице, на котором присутствовали Эренбург и Мальро, написан не был; «Известия» 5 июня напечатали информацию Эренбурга о словацком съезде. Очерк о Мукачево (Еще 12 июня Эренбург писал Мильман: «Вчера послал авиа статью о Вене в "Известия". Теперь напишу о Париже и Мукачево») написан не был – возможно, из-за того, что газета срочно затребовала от него статью памяти Горького (напечатана 21 июня).

[76] 19–22 июня 1936 г. в Лондоне проходил пленум секретариата Международной ассоциации, на котором от СССР смог присутствовать и выступил один Эренбург.

Вы найдете нужным показать его кому либо авторитетному.

Я весьма огорчен нашей лит-политикой[77], в частности, с тревогой размышляю о судьбе моей «Книги для взрослых», да и о судьбе моей.

На Вас я в обиде: считаю, что плохо выкроили отрывок, да и постскриптум к испанской статье составлен чрезвычайно своеобразно[78].

В Париже теперь настоящая Испания[79]. Видимо, писать о забастовках в наших газетах нельзя, т.к. не получил от Вас телеграммы.

Сердечно Ваш *И. Эренбург.*

Илья Эренбург находился в Испании две недели (с 6 апреля 1936 г.) как спецкор «Известий». 18 апреля его принял премьер-министр Мануэль Асанья... Фраза, что «т.т. из полпредства» посоветовали ему послать Бухарину письмо с описанием положения в Испании ,производит странное впечатление. Понятно, что все, увиденное им тогда в Испании, а перед тем в Словакии и Прикарпатской Руси, представлялось Эренбургу политически значимым, и он хотел проинформировать об этом советское руководство. Фактически Бухарин был единственным у него прямым путем донести информацию до Кремля. Полпредство, может быть, не захотело передавать в Москву его информацию и, на всякий случай, посоветовало отправить ее Бухарину.

---

[77] Имеется в виду начавшаяся публикацией в «Правде» статьи против Шостаковича «Сумбур вместо музыки» (28 января 1936) кампания по борьбе с «формализмом» в советском искусстве. Из писателей особенно резким нападкам подвергся Пастернак; не избежал этой участи и Эренбург, обвиненный в пропаганде, как в СССР, так и за границей, творчества Пастернака (См. выступление Л. Никулина на собрании московских писателей: Литературная газета 27 марта 1936 г.). «Книга для взрослых» была встречена резко критическими статьями в печати.

[78] Речь идет об отрывке из «Книги для взрослых» под названием «Париж» (Известия. 1936. 21 мая) – о первом приезде Эренбурга в Париж в 1908 г., а также о послесловии редакции к очерку Эренбурга «В колхозах Испании» (Известия. 1936. 24 мая): «Описываемые тов. Эренбургом факты испанской действительности отнюдь не дают права проводить аналогию между нашей колхозной системой и отдельными артельными хозяйствами испанских революционных крестьян».

[79] Имеются в виду забастовки в Париже (см.: *Эренбург И.* Праздник парижских рабочих // Известия. 1936. 15 июня).

Вот это письмо, отправленное в тот же день:

9 июня <1936 г.>

Дорогой Николай Иванович,

хочу Вам рассказать о некоторых заграничных делах. Может быть, мои соображения могут быть полезны.

1. ***Испания.***

В Испании положение действительно революционное. Компартии приходится зачастую тормозить движение. Так напр<имер> всеобщая забастовка в Мадриде прошла вопреки решению коммунистов, социалистов и УХТ[80] (профсоюзов соц<иалистов>-комм<унистов>). Социалисты толка Кабальеро стараются перегнать коммунистов. Любопытно, что в разговоре со мной Асанья[81] жаловался на сторонников Кабальеро и сказал: «Их тактика в вашей стране была бы названа троцкизмом». (Он имел в виду недооценку роли крестьянства, типичную для социалистов левого крыла и пр.). Коммунисты работают хорошо, но сильно вредит то, что в крупных центрах руководители не местные и зачастую *не испанцы, но люди из Южной Америки*. Они не знают местных условий, выделяются среди всех и вызывают нарекания. Например, в Овиедо сидит такой американец, в то время как в самой Астурии много рабочих, побывавших у нас и *которых следовало бы послать как местных руководителей* в другие провинции – это прекрасные политически зрелые товарищи. Однако их почти не используют, они продолжают работать на

[80] Испанская аббревиатура UGT (Union General de Trabajadores) – Всеобщий рабочий союз (объединение профсоюзов, созданное Испанской социалистической рабочей партией), генеральным секретарем которого в 1918–1937 гг. был Л. Кабальеро.

[81] Мануэль Асанья – в феврале–мае 1936 г. премьер-министр Испании, затем (до 1939 г.) президент Испанской республики; беседовал с Эренбургом 18 апреля 1936 г.

заводе или в копях. Засим – для крестьянского движения в Испании играет большую роль передача московской радио-станции. Но все крестьяне мне жаловались, что спикеры не испанцы, но люди из Америки – они плохо понимают их выговор. Наконец, отсутствует популярная литература о наших колхозах: устав, описание жизни, экономики и пр. Руководители крестьянских организаций просили: *по радио передавать побольше о колхозах, причем брать как спикера испанца, дать литературу о колхозах.*

2. ***Словакия.***

На съезде мне удалось (держался я, конечно, абсолютно за кулисами) добиться единогласия в резолюциях и пр. Удалось убедить писателей глинковского направления[82] (полу-фашисты, полу-сепаратисты) включить в резолюцию оборону Ч<ехо>-С<ловацкого> государства от фашизма и пр. Необходимо пригласить словацких писателей в Союз. Я не мог говорить об этом с Александровским[83], так как его не было в Праге.

3. ***Подкарпатье.***

Я был в Мукачево. Говорил с разными людьми. Среди сторонников так назыв<аемого> русского направления намечается поворот к нам. Они были всецело под влиянием белых эмигрантов. Теперь среди молодежи есть сдвиг. *Возможен местный съезд культурных работников анти-фашистов всех тенденций: украинской, русской и местняцкой.* Если это желательно, надо дать толчок. Культурных сил вообще мало. Работают против нас усиленно украинцы из «Ундо»[84], они сговорились с русофилами – униатами. Если нужно, могу сообщить подробнее.

[82] Т.е. сторонники руководителя клерикально-фашистской Словацкой народной партии А. Глинки.

[83] С.С. Александровский – тогда полпред СССР в Праге.

[84] Украинское национал-демократическое объединение.

4. ***Наша литер<атурная> и художественная политика.***

Я не буду сейчас Вам писать по существу вопроса. (Мне кажется, что борьбу против равнодушного искусства наши глубоко равнодушные бюрократы превратили в борьбу против самого искусства[85]). Хочу только указать на губительность этого за границей. Дело в том, что мы стараемся теперь объединить вокруг нас все культурные силы за границей, а последняя литер<атурно>-художественная кампания этому никак не способствует. В Праге решили перенести на местную почву упрощенные директивы о борьбе с «формализмом» и *отбросили от нас этим много полезных людей*[86]. Во Франции, благодаря Мальро, удалось пока смягчить впечатление, указав на его локальность и пр. Однако *правые газеты во всех странах усиленно перепечатывают статьи советских газет, наиболее резко критикующие нашу литературу и искусство.*

Можно ли посылать за границу Сельвинского, а потом печатать в газете, что это «галиматья»?[87] Фашисты цитируют наши газеты и спрашивают левую интеллигенцию: «Вот чему вы аплодировали месяц назад» и пр. Привожу один случайный пример. Мог бы исписать десятки страниц.

Вот все наиболее существенное.

Сердечный привет.

Илья Эренбург[88].

Это письмо Бухарин переслал Сталину, в его личном архиве оно и сохранилось с пометой красным карандашом: «прислано т. Бухариным».

[85] Имеется в виду погромная кампания против «формализма» в искусстве, начатая «Правдой» в январе 1936 г.

[86] Речь идет о действиях послушной Сталину Чехословацкой компартии.

[87] Имеются в виду нападки советской печати на поэта Илью Сельвинского, перед тем в составе делегации советских поэтов ездившего в Чехословакию, Францию и Англию (см. главу «За кулисами триумфа»).

[88] Впервые – Источник. 1997. № 2. С. 112–114. Подлинник – АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 833. Л. 19–21.

Последнее сохранившееся послание Бухарину – телеграмма или телефонограмма Эренбурга:

> Тов. Бухарину. Париж, 14 июня <1936 г.> (от собственного корреспондента «Известий»).
>
> Посылаю восемь телеграмм о забастовке – около 150 строк. Семнадцатого поеду в Лондон на писательский пленум. Сообщите, что нужно. Очерк о Вене послан. Очень прошу откликнуться в газете на «Книгу для взрослых»[89]. Привет.
>
> *Эренбург.*

18 июня, видимо, по просьбе Бухарина Эренбург пишет для «Известий» статью памяти Горького (опубликована 21 июня); сам Бухарин напечатал две статьи памяти любимого им писателя (Известия. 20 и 23 июня).

В письмах из Парижа Эренбурга к Мильман имя Бухарина упоминается вплоть до июля 1936 г.

27 июня: «Вчера послал с оказией письма Н.И. и М.Е. <Кольцову>... Посмотрите, чтобы Н.И. не подвел с “Книгой для взрослых” (т.е. напечатал рецензию. – *Б.Ф.*).

Прочитав в «Правде» за 1 июля 1936 г. статью обласканного Сталиным И. Лежнева «О народности критики», в которой Эренбург обвинялся в «беспардонной развязности по адресу читателя», Эренбург пишет Мильман 3 июля: «Прочитал строки Ис. Л<ежнева>, немедленно перепечатанные в здешней газете. Умилен и растроган столь товарищескими чувствами».

4 июля: «Я написал о статье Л<ежнева> письмо в редакцию “Правды”, послал его М.Е., а копию Н.И.».

8 июля: «Получил ли копию письма (в “Правду”. – *Б.Ф.)* Н.И.? Что он с ним сделал, то есть переслал ли куда-нибудь?»

9 июля: «Получил ли в свое время Н.И письмо с оказией?»

В августе 1936 г. Бухарин уехал отдохнуть на Памир, где и узнал, что в Москве на процессе Зиновьева и Каменева прозвучали убийственные обвинения в его адрес. 21 августа прокуратура СССР заявила о начале следствия по делу Бухари-

[89] Рецензия на «Книгу для взрослых» в «Известиях» не появилась.

на, Рыкова и Томского. Вернувшись в Москву, Бухарин не появлялся в «Известиях», но арестован он был только 27 февраля 1937-го…

Эренбургу еще предстояло увидеть Бухарина – в 1938 г., на процессе (Эренбург приехал в Москву в конце 1937 г. и вскоре был лишен зарубежного паспорта; его собственная судьба висела на волоске…) Вот несколько свидетельств.

Илья Эренбург:

«В начале марта 1938 года один крупный журналист (М. Кольцов. – *Б.Ф.*), вскоре погибший по приказу Сталина, в присутствии десятка коллег сказал редактору "Известий" Я.Г. Селиху: "Устройте Эренбургу пропуск на процесс – пусть он посмотрит на своего дружка"»[90].

Брат М. Кольцова карикатурист Б. Ефимов:

«Я сидел в Октябрьском зале Дома союзов рядом с Ильей Эренбургом. Он учился с Бухариным в одной гимназии, много лет был с ним в дружеских отношениях. Теперь, растерянный, он слушал показания своего бывшего одноклассника и, поминутно хватая меня за руку, бормотал: "Что он говорит?! Что это значит?!" Я отвечал ему таким же растерянным взглядом»[91].

Вдова Бухарина А.М. Ларина:

«…И.Г. Эренбург, присутствовавший на одном из заседаний процесса и сидевший близко к обвиняемым, подтвердил, что на процессе наверняка был Николай Иванович. Он же рассказал мне, что во время судебного заседания через определенные промежутки времени к Бухарину подходил охранник, уводил его, а через несколько минут снова приводил. Эренбург заподозрил, что на Николая Ивановича действовали какими-нибудь ослабляющими волю уколами, кроме Бухарина, больше никого не уводили.

---

[90] *Эренбург* (2, 201).

[91] *Ефимов Б.* Десять десятилетий. М., 2000. С. 278–279. Сцена столь же правдоподобна, как и утверждение, что Бухарин и Эренбург – одноклассники; Эренбург не мог себя так вести, поскольку он не вполне доверял Б. Ефимову и презирал его за гнусные карикатуры на Бухарина, которые тот поставлял в газеты; отношение Эренбурга к М. Кольцову тоже было, скажем, неоднозначно.

– Может, потому, что больше остальных его-то и боялись, – заметил Илья Григорьевич»[92].

Илья Эренбург:

«Я.Г. Селих <после посещения Эренбургом заседания процесса. – *Б.Ф.*> спросил меня: "Напишете о процессе?" Я вскрикнул: "Нет!" – и, видно, голос у меня был такой, что после этого никто мне не предлагал написать о процессе»[93].

Из следственных показаний М.Е. Кольцова (9 апреля 1939 г.):

«Во время процесса право-троцкистского блока я предложил присутствовавшим в зале писателям написать свои впечатления и в целях пропаганды послать их заграницу. Эренбург отказался это сделать и стал отговаривать других: "На эту тему полезнее будет помолчать"»[94].

4. Бухарин в мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь»

(Сопротивление цензуре)

Рабочий замысел мемуаров возник у Эренбурга в 1959 г., когда политический маятник, казалось, устойчиво пошел в антисталинскую сторону и писатель, никогда не работавший «в стол», почувствовал, что публикация воспоминаний возможна без значительных купюр – его политическая интуиция работала точно. Первые наброски плана: портреты, список событий, список тем появились, видимо, летом или к осени 1959 г.; сначала – без разбивки всего свода на хронологические части. В лич-

---

[92] *Ларина А.* (Бухарина) Незабываемое. М., 1989. С. 37. Миклош Кун в кратком, живо написанном очерке взаимоотношений Эренбурга и Бухарина без ссылки на источник утверждает: «После смерти Сталина Эренбург рассказывал о мучительном для него эпизоде: сидевший на скамье подсудимых Бухарин заметил его в рядах публики и улыбнулся» (*Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М., 1992. С. 15). В известных нам устных и печатных свидетельствах собеседников Эренбурга о процессе Бухарина этот факт отсутствует; впрочем, фраза М.Куна, предшествующая приведенной: «Илья Эренбург от начала до конца присутствовал на процессе над Николаем Бухариным», – фраза, не соответствующая действительности, – снижает достоверность и рассказа об улыбке.

[93] *Эренбург* (2, 202).

[94] *Фрадкин В.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 94.

ном архиве Эренбурга сохранилось два листка с первоначальными планами; в них нет абсолютно запретных для того времени имен и тем; в частности, нет имени Бухарина, нет Вены, где в 1909 г. Эренбург жил у Троцкого, но, разумеется, есть Париж и Ленин, и есть полузапрещенные имена – Савинков, Блюмкин, А. Жид, Ремизов. На обоих листках в перечне первых глав без комментариев значатся: Гимназия; Гимназическая организация; Подполье.

Первая книга мемуаров была завершена в апреле 1960 г.; публиковать ее Эренбург решил в «Новом мире». Вот свидетельство А.И. Кондратовича, заместителя главного редактора журнала А.Т. Твардовского: «Отношения у А.Т. с Эренбургом были всегда прохладными. Взаимно прохладными <...> И однако, когда обстоятельства прижали И.Г., он обратился с письмом к А.Т.: что за журнал "Новый мир" и что за человек Твардовский, он все-таки понимал. Эренбург писал, что он начал большую работу над воспоминаниями, закончил уже первую книгу и видит, что нигде ее, кроме "Нового мира", он не сможет напечатать. Он просит А.Т. прочитать книгу, и если А.Т. что-то в ней не понравится, он не будет в обиде, если тот ее не примет к печати. А.Т. тотчас же позвонил И.Г. и сказал, что немедленно пришлет курьера, а так как Эренбург жил недалеко от редакции, рукопись через 15 минут лежала у А.Т. на столе»[95]. Письмо Эренбурга Твардовскому сохранилось, и свидетельство мемуариста можно проверить и уточнить:

Москва, 25 апреля 1960

Дорогой Александр Трифонович!

Наверное, Ваши сотрудники Вам уже сказали, что я хочу предложить Вам для «Нового мира» мою рукопись – «Годы, люди, жизнь»[96], книгу первую. Меня обнадеживает наше сотрудничество – очерк

[95] *Кондратович А.* Новомирский дневник 1967–1970. М., 1991. С. 107–108.

[96] Первоначальное название мемуаров; 9 апреля 1960 г. «Литературная газета» напечатала главу о Ленине из первой книги мемуаров Эренбурга, названных автором в публикации также «Годы, люди, жизнь». 4 июня 1960 г., публикуя главу об А.Н. Толстом из первой книги мемуаров, «Литературная газета» сообщила их новое название – «Люди, годы, жизнь». Перестановка слов, что и говорить, знаковая.

о Чехове[97]. Посылаю Вам половину рукописи, находящейся в перепечатке. Вторая половина (главы 20–30) будут переданы Вам через несколько дней.

С сердечным приветом

Ваш *И. Эренбург.*

С кем именно из сотрудников редакции «Нового мира» обсуждал Эренбург вопрос о публикации в журнале своих мемуаров до того, как обратиться с письмом к главному редактору, остается неизвестным. Твардовский, ознакомившись с рукописью, согласился печатать мемуары Эренбурга, за исключением шестой главы, где речь шла о гимназической большевистской организации и ее лидерах Бухарине, Сокольникове, Членове, Неймарке, Львовой. «Пробивать» эту главу в печать Твардовский предоставил самому автору. В тех условиях дать такое разрешение не осмелился бы ни один чиновник; взять на себя эту ответственность мог только Хрущев, и Эренбургу приходилось надеяться лишь на него.

Тут к месту будет привести свидетельство Б.М. Сарнова о том, как осенью 1959-го – зимой 1960 г. в вместе с Л.И. Лазаревым они, тогдашние сотрудники «Литературной газеты», посещали Эренбурга и беседовали с ним о его работе над мемуарами и как поразил их Эренбург своими вопросами:

«Помню, особенно поразило нас, когда он однажды спросил:

– А как, по-вашему, главу о Бухарине напечатают?

Л.И. Лазарев ответил в том смысле, что решить этот вопрос может только Хрущев.

---

[97] Эссе Эренбурга «Перечитывая Чехова» было напечатано в № 5 и 6 «Нового мира» за 1959 г.; направляя его в журнал, Эренбург писал Твардовскому:

«Москва, 10 марта 1959

Дорогой Александр Трифонович! Решаюсь постучать в дверь Вашего журнала и посылаю очерк о Чехове.

Если Вы, по каким-либо соображениям, не сможете его опубликовать, то прошу Вас верить, что это никак не отразится на моих добрых чувствах к Вам. Искренне Ваш И.Эренбург».

По-видимому, говоря о том, что Эренбург будет не в обиде, если его рукопись отвергнут, Кондратович перепутал два письма Эренбурга – о мемуарах и о чеховском очерке.

– А что? Хрущев, по-моему, должен неплохо относиться к Бухарину, – предположил я.

– Вы думаете? – быстро повернулся ко мне Эренбург.

Я промямлил что-то в положительном смысле, хотя уже не так уверенно.

– Ну, мне он это просто говорил, – сказал Илья Григорьевич… (Видимо, во время их двухчасового разговора в мае 1956 г. – *Б.Ф.*)

Кто-то из нас спросил:

– Илья Григорьевич! А вы, когда писали главу о Бухарине, рассчитывали ее напечатать?

– Во всяком случае, я писал ее для печати, – ответил он»[98].

Поскольку первая волна политических реабилитаций жертв сталинских репрессий уже завершилась и тогда, в 1956 г., реабилитировать Бухарина Хрущеву помешали, а вторая волна явно не предвиделась, Эренбург обратился к Хрущеву с очень осторожным письмом; вопроса о реабилитации Бухарина в нем не ставилось. Эренбургу важно было не спугнуть Хрущева, и он написал лишь о возможности упомянуть имя Бухарина и рассказать о его юности. При этом Эренбург надеялся на внутренне доброжелательное отношение Хрущева к Бухарину, как ни к кому из знаменитых «оппозиционеров»; он понимал, что, скажем, к Сокольникову Хрущев, скорей всего, относится с меньшей симпатией, и потому в письме подчеркнул, что для него особенно важно рассказать именно о Бухарине. Наконец, письмо Хрущеву было составлено так, чтобы в случае отрицательного ответа, запрет не распространился на весь текст мемуаров:

Москва, 8 мая 1960

Дорогой Никита Сергеевич!

Мне совестно отнимать у Вас несколько минут, да еще в такое напряженное время[99], но я не вижу другой возможности.

---

[98] *Сарнов Б.* У времени в плену – в кн.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 1990. Т.1. С. 16, а также: *Лазарев Л.* Шестой этаж. М., 1999. С. 109.

[99] Имеется в виду резкое обострение советско-американских отношений, вызванное полетом над СССР американского разведывательного самолета, сбитого в районе Урала; это в итоге торпедировало работу состоявшегося в мае 1960 г. Парижского совещания глав правительств США, Англии, Франции и СССР.

В журнале «Новый мир» начинают печатать мои воспоминания. В начале я рассказываю о моем скромном участии в революционном движении в 1905–1908 годах. Там я говорю о Бухарине и Сокольникове того времени – о гимназистах и зеленых юношах. Я решаюсь послать Вам эту главу и отчеркнуть те две страницы, которые без Вашего слова не могут быть напечатанными. Особенно мне хотелось бы упомянуть о Бухарине, который был моим школьным товарищем. Но, конечно, если это сейчас политически неудобно, я опущу эти две страницы.

Простите за покушение на Ваше время.

С глубоким уважением

И. Эренбург.

Передать письмо Эренбург решил через помощника Хрущева В.С. Лебедева, наиболее либерального и интеллигентного из всего хрущевского окружения. С этой целью он обратился к Лебедеву с запиской[100]:

Москва, 8 мая 1960.

Дорогой Владимир Семенович!

Из моего письма Никите Сергеевичу Вы увидите, в чем моя просьба. Может быть даже не к чему показывать ему две страницы – я думаю сейчас о его времени. Может быть, Вам удастся просто спросить его в свободную минуту, могу ли я упомянуть в моих воспоминаниях восемнадцатилетнего Бухарина (это для меня наиболее существенно).

Буду Вам бесконечно благодарен за помощь в той работе, которую считаю очень важной, а для читателей, может быть, полезной.

С искренним уважением *И. Эренбург.*

[100] Письмо было напечатано секретарем Эренбурга; судя по тому, что в тексте, напечатанном для секретаря самим Эренбургом, имя и отчество Лебедева отсутствует (секретарь должна была их узнать), с В.С. Лебедевым лично Эренбург знаком не был и обратился к нему, надо думать, по чьему-то совету.

Вот рассказ о дальнейших событиях тогдашнего секретаря Эренбурга Наталии Ивановны Столяровой, записанный мной 28 февраля 1975 г.:

«Твардовский подсказал И.Г. получить у Хрущева разрешение на печатание кусков о Бухарине в "Люди, годы, жизнь". Мол, разрешит, так с радостью напечатаю. И.Г. написал письмо Хрущеву и попросил меня отнести его референту Хрущева Владимиру Семеновичу Лебедеву – он теперь умер, хотя и был молод[101]. Не знаю, почему И.Г. сам не хотел идти[102]. Он попросил дать письмо прочесть Лебедеву – что он скажет. Лебедев встал, когда я зашла в кабинет, надел пиджак – что в этих кругах не слишком-то заведено. Прочел письмо и сказал, что у Никиты Сергеевича может быть свое мнение и он его не знает, но ему кажется, что не следует этого печатать – т.к. Бухарин не реабилитирован, народ знает его как врага и вдруг прочтет, как тепло и душевно И.Г. о нем пишет, все шишки повалятся на него. В интересах душевного спокойствия И.Г. не печатать сейчас этого. Конечно, если И.Г. будет настаивать, это напечатают – ведь цензуры у нас нет – но это не в интересах И.Г. Лебедев встал и вдруг спросил меня: "А что вы, Наталия Ивановна, думаете об этом?" Я ответила, что вряд ли для него интересно мое мнение, но мне кажется, что надо напечатать – так было, да и события дальние – 1905 год... Прощаясь, Лебедев сказал, что письмо И.Г., разумеется, передаст Никите Сергеевичу».

Узнав от Н.И. Столяровой об ответе весьма осведомленного в делах такого рода Лебедева, Эренбург понял бессмысленность ожидания ответа Хрущева и счел целесообразным не сообщать о предпринятой попытке Твардовскому, да ему и чисто психологически было бы трудно признаться в получении отказа, поэтому он отправил главному редактору «Нового мира» такое письмо:

---

[101] В.С. Лебедев после свержения в 1964 г. Хрущева был освобожден от работы в аппарате ЦК КПСС.

[102] Возможны, мне кажется, два объяснения: 1) ехать к помощнику Хрущева для передачи письма Эренбург считал делом секретаря, 2) Эренбургу, в силу его характера, крайне неприятно было бы выслушать отказ в своей просьбе при личной встрече, а возможность такого отказа он в данном случае допускал.

17 мая 1960

Дорогой Александр Трифонович,

После нашей беседы произошло в мире многое[103]. Я не хочу обращаться к Никите Сергеевичу теперь с частной просьбой и не хочу откладывать опубликование книги даже на месяц. Поэтому посылаю Вам начало шестой главы в новой редакции[104] – этот текст бесспорно приемлем для Вас и в таком виде, как я его даю, приемлем и для меня. Этим устраняется единственное политическое препятствие.

Первую часть (август[105]) по-моему нужно кончить не на восьмой главе, а на десятой – встречей с Лениным – это ровно треть всей книги, а по содержанию рубеж – вслед за ним начинается новая глава жизни[106]. Я буду до начала июня дома. Жду от Вас тех замечаний, о которых Вы говорили[107].

Душевно Ваш *И. Эренбург*[108].

[103] Намек на полет американского военного самолета У-2 над территорией СССР, сбитого советской ПВО и последствия этого – сознательный срыв Хрущевым парижских переговоров глав 4-х держав, определившийся уже утром 16 мая 1960 г.

[104] Вместо портретов Бухарина и Сокольникова в текст шестой главы была вставлена фраза: «Еще не настало время рассказать обо всех моих товарищах по школьной организации. Расскажу сейчас о некоторых» (Новый мир. 1960. № 8. С. 43), далее говорилось о С. Членове, В. Неймарке и Н. Львовой. (Впоследствии, готовя мемуары для публикации в собрании своих сочинений, Эренбург выделил повествование о Н.Г. Львовой в отдельную, седьмую, главу, отчего шестая глава стала очень короткой – это должно было показать читателю, что ее печатают усеченной.) Поскольку список всех участников гимназической социал-демократической организации перед этим приводился цитатой из донесения начальника московской охранки, то внимательные читатели легко могли вычислить, что «не настало время рассказать» именно о Бухарине.

[105] Имеется в виду восьмой номер журнала, в котором и начали печатать первую книгу мемуаров.

[106] Это дипломатически точное предложение Эренбурга (недаром первой главой, которую он напечатал еще в апреле в «Литературной газете», была проходная глава о Ленине). Твардовский его принял, напечатав первые 10 глав мемуаров в № 8 за 1960 г.

[107] 24 замечания были представлены Эренбургу в машинописной форме, ответил на них Эренбург письменно – от руки на полях; три замечания связаны с

Поняв, что впрямую говорить о Бухарине ему не позволят, Эренбург, работая над мемуарами, тем не менее не упускал случая упомянуть Бухарина там, где он считал это важным и когда была надежда провести это через цензуру. Часто он вынужден был, не называя фамилии своего друга, ограничиться лишь его именем-отчеством, надеясь, что памятливые читатели поймут, какого именно Николая Ивановича автор имеет в виду. Читательская почта Эренбурга подтверждает, что в общем-то он оказался прав, хотя, конечно, бывали и курьезы – в одном случае его поблагодарили за то, что он добрым словом помянул Н.И. Вавилова, в другом – просили подробнее рассказать о встречах с Н.И. Ежовым (письмо его несчастной дочери ошарашило Эренбурга). В читательской почте, вызванной публикацией первой книги мемуаров, Эренбург нашел и письмо, которое его растрогало:

Бухариным: 1) «Раз уж страницы, посвященные Бухарину, опущены, не убавить ли количество упоминаний его имени?». Эренбург ответил: «Сокращены». 2) «Еще не настало время рассказать о всех моих товарищах...» Нужна ли эта фраза? Умолчание и без того будет заметно. Эренбург ответил: «Необходима» 3) «Стр. 59. Дважды упоминается. Николай Иванович». Эренбург написал: «Один раз», имея в виду один эпизод (речь там шла о встречах юных большевиков с крупными деятелями подполья Ногиным и Дубровинским; Эренбург упомянул «Николая Ивановича», с которым ходил в гости к молодым большевичкам, и рассказал, что недавно вместе с вдовой Ногина они вспоминали, «как хорошо шутил Николай Иванович, какой задорной и светлой была наша ранняя молодость»; это упоминание осталось в тексте – см.: Новый мир. 1960. № 8. С. 47) – РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 47. Л. 21.

[108] Сохранился также черновой вариант этого письма, отличающийся от посланного:

«Москва, 16 мая 1960

Дорогой Александр Трифонович!

Подумав, я решил товарища Хрущева вопросами о моей рукописи не беспокоить, а так как без его санкции редакция не может печатать текст, о котором идет речь, я решил следующее: в главе шестой после фразы «много лет спустя я узнал, что Маяковский занялся партийной работой, когда ему не было еще и пятнадцати лет; очевидно таковы были нравы эпохи» идет строчка точек и вслед за нею «Сеня Членов походил на добродушного котенка...». Что касается имен Бухарина и Брилллианта (подлинная фамилия Г.Я. Сокольникова. – *Б.Ф.*) в полицейском донесении, то текст последнего уже был опубликован в «Литературном наследстве» (т. 65. Новое о Маяковском. М.: Наука, 1958. С. 444. – *Б.Ф.*) и поэтому никаких препятствий к напечатанию здесь быть не может» – на обороте письма Б. Полевому (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 858. Л. 5. – *Б.Ф.*).

Дорогой Илья Григорьевич!

Я хорошо представляю себе, что в связи с Вашим семидесятилетием Вы услышите много теплых слов и хороших пожеланий от Ваших друзей и благодарных читателей.

Мое давнишнее желание написать Вам, быть может, даже встретиться (о многом хотелось бы посоветоваться), сегодня особенно обострилось.

Хочется присоединить свой голос ко всем тем, кто Вас по-настоящему понимает, любит и ценит. Когда я прочла опубликованную часть «Люди, годы, жизнь» и нашла там, хотя и мимолетное, но теплое воспоминание о человеке, написавшем предисловие к Вашему первому роману, о человеке, память о котором для меня свята, мне захотелось крепко пожать Вашу руку и расцеловать.

Сегодня в Вашей замечательной речи, переданной по радио[109], я услышала слова: «Воз истории сдвинулся с места и ближе стали края справедливости!». Хочется верить, Илья Григорьевич, что Вы доживете до тех времен, когда справедливость восторжествует и можно будет написать о Н.И., не завинчивая «душевных гаек» не меньше и не с меньшей любовью, чем Вы написали о Пикассо, Хемингуэе, или о вдохновенных людях Вашей любимой Италии. И, конечно, «дело не в датах, круглых или не круглых»[110], но я и мой сын, Юрий Николаевич[111], желаем Вам отметить еще не одну круглую дату, не одну творческую победу.

А. Ларина.
27.1.1961

---

[109] Выступление Эренбурга в день его семидесятилетия передавалось по московскому радио утром 26 января 1961 г. – текст его см.: *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. С. 306–313.

[110] Выступление Эренбурга начиналось словами: «Люди любят круглые даты...»

[111] Художник Ю.Н. Ларин, сын Н.И. Бухарина.

Так Эренбург узнал, что вдова и сын Бухарина живы[112]. Его юбилейная почта была огромной, он читал ее постепенно и ответил на письмо с вынужденной задержкой:

Москва, 16 февраля 1961

Дорогая Анна Михайловна!

Мне было очень радостно получить Ваше письмо. Я тоже верю в то, что настанет день, когда и мои воспоминания о Николае Ивановиче смогут быть напечатаны полностью.

От души желаю Вам и Вашему сыну счастливых и ясных дней[113].

С вдовой и сыном Бухарина Эренбург встретился через несколько лет, этому предшествовало еще одно письмо:

Уважаемый Илья Григорьевич!

Обращаюсь к Вам с нескромной просьбой – хочу просить свидания с Вами.

Мне, как сыну Николая Ивановича, дорого каждое воспоминание о нем, тем более такого близкого товарища его юности, как Вы. И я буду очень благодарен Вам, если Вы поделитесь со мной воспоминаниями о далекой юности Вашей.

Если у Вас будет такая возможность, прошу известить меня.

С уважением

Ларин Юрий Николаевич.
30.XI.64[114].

[112] А.М. Ларина-Бухарина (после ареста Н.И. Бухарина) была выслана в Астрахань на 5 лет, но в июне 1937 г. арестована там и осуждена на 8 лет лагерей, после которых ей присудили 5 лет ссылки, а затем еще 10 лет ссылки. Из ссылки ее освободили после XX съезда КПСС. Арестовали и родственников А.М. Лариной, приютивших ее сына, которого определили в детский дом.

[113] Эренбурговская машинописная копия (собрание автора).

[114] Собрание автора.

О содержании долгой беседы с Эренбургом А.М.Ларина кратко рассказала в книге воспоминаний[115]. Эренбург также упоминает этот разговор в 29-й главе (4-й книги мемуаров), посвященной Бухарину. Эта глава, написанная Эренбургом вдогонку четвертой части в 1965 г. после встречи с близкими Бухарина, написанная без какой-либо надежды на публикацию, оказалась единственной главой мемуаров, предназначенной «в стол»[116]. Рукопись этой главы, против обыкновения, Эренбург никому не показывал, даже близким Бухарина.

Это был не политический, а человеческий портрет Бухарина, и, если допустима аналогия с изобразительным искусством, это – не масло, а карандаш. Оттенки политических взглядов или существо экономических теорий Бухарина Эренбурга интересовали мало, а вот трагедия живого, талантливого, честного, импульсивного человека и безошибочная расчетливость сталинской интриги, беспроигрышность его садистского восточного вероломства – над этим он думал постоянно…

В рукописи четвертой книги «Люди, годы, жизнь», представленной в «Новый мир», было несколько эпизодов, связанных с Бухариным. Например, в шестой главе, где речь шла о статье Эренбурга «Откровенный разговор», которую Бухарин напечатал в «Известиях» в 1934-м. В этой главе Бухарин упоминался дважды, но редакция «Нового мира» потребовала снять недозволенное имя, и Эренбургу пришлось заменить его «редакцией "Известий"» и «газетой»[117]. Однако уже в отдельном издании третьей и четвертой частей мемуаров Эренбургу удалось имя Бухарина восстановить[118]. То же самое произошло и с седьмой главой, посвященной Первому съезду советских писателей, – упоминание о докладе Бухарина редакция журнала вычеркнула (критическое упоминание доклада не реабилитированного тогда Радека при этом оставили), а в издании 1963 г. Эренбург его восстановил[119].

---

[115] См.: *Ларина А. (Бухарина)* Незабываемое. С. 163, 235, 316.

[116] Сокращенный вариант ее был напечатан после реабилитации Николая Ивановича Бухарина под заголовком «Мой друг Николай Бухарин» – см.: Неделя. 1988. № 20; полностью глава опубликована впервые в издании мемуаров 1990 г.

[117] См.: Новый мир. 1962. № 4. С. 25, 26.

[118] См.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 3 и 4. М., 1963. С. 413.

[119] Ср.: Новый мир. 1962. № 4. С. 30 и 425 указанного издания.

Точно так же вышло и с принципиально важным для Эренбурга упоминанием встречи с Бухариным в редакции «Известий» в день убийства Кирова: в «Новом мире» вместо фамилии напечатали «редактор», а в отдельном издании редактор фамилию обрел[120].

Это повторилось и в 1965–1966 гг. – из заключительной главы шестой книги, подводящей итоги прожитой жизни, где Эренбург писал о своей молодости: «Конечно, начать жизнь именно так мне помогли и события 1905 г., и старшие товарищи, прежде всего мой друг Николай, ученик Первой гимназии...», в «Новом мире» имя Николай выкинули, а в книге Эренбург его восстановил[121].

Понятно, что к «Новому миру» официальная цензура, та самая, существование которой лукаво отрицал В.С. Лебедев, относилась свирепее, нежели к издательству «Советский писатель», во главе которого стоял «свой человек» Лесючевский, однако и собственная, редакционная, цензура тоже не дремала. И тем не менее на самом важном в условиях того времени упоминании имени Бухарина Эренбург настоял. Речь идет о 32-й главе (Смерть Сталина), в которой Бухарин был назван как человек, в чьей невиновности Эренбург никогда не сомневался. «Среди погибших, – писал Эренбург о жертвах сталинских репрессий, – были мои близкие друзья, и никто никогда не смог бы меня убедить, что Всеволод Эмильевич, Семен Борисович, Николай Иванович или Исаак Эммануилович предатели»[122]. Разумеется, фамилии Мейерхольда, Членова и Бабеля не могли встретить цензурных трудностей, но Эренбург сознательно назвал их по именам-отчествам, чтобы провести через цензуру «непроходимого» Бухарина. В редакции эта «хитрость» вызвала недовольную реплику заместителя Твардовского А.Г. Дементьева в его критической рецензии на рукопись шестой книги: «Невозможно вуалировать Николая Ивановича»[123], а затем ее включили в общий реестр необходимых исправлений в шестой книге[124]; наконец, Б.Г. Закс, которому Твардовский поручал

[120] См.: Новый мир. 1962. № 4. С. 38 и 446 указанного издания.

[121] Ср.: Новый мир. 1965. № 4. С. 77 и *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5 и 6. М., 1966. С. 736.

[122] Новый мир. 1965. № 4. С. 62.

[123] Собрание автора.

[124] РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 190. Л. 1.

личные контакты с Эренбургом и доводку рукописи до цензурно приемлемого варианта, в перечне обязательных исправлений указал Эренбургу на это место: «Николай Иванович. Это явно непроходимо. Просьба снять»[125]. Но тут Эренбург стал «насмерть», и редакция была вынуждена представлять главу с «Николаем Ивановичем» в Главлит. А.И. Кондратович подробно описал процедуру прохождения рукописи «Люди, годы, жизнь» через цензуру (Главлит) и отдел культуры ЦК КПСС, где ею занимался лично завотделом Д.А. Поликарпов:

«Поликарпов не любил Эренбурга и боялся его <…> Все части мемуаров Главлит исправно передавал в ЦК, густо расчерченные. Поликарпов ломал над ними голову, а потом вызывал меня и говорил, что это нельзя и это нельзя печатать, а вот это надо просто каленым железом выжечь. И каждый раз я говорил: "Но он же не согласится", или иногда с сомнением: "Попробуем, может, уговорим". Но Эренбург ни за что не соглашался менять текст, а иногда издевательски менял одно-два слова на другие, но такие же по смыслу. И то было хорошо. Я показывал: "Видите, поправил", и, к моему удивлению, с этими лжепоправками тут же соглашались. Вскоре я разгадал эту игру отдела. Им нужно было на всякий случай иметь документ, свидетельствующий о том, что они читали, заметили происки Эренбурга, разговаривали с редакцией, и Эренбург все же что-то сделал. Мало, но ведь все знают его упрямство... Но нехитрые правила этой игры я не мог передать Эренбургу – ему ничего не стоило об этом где-нибудь рассказать, а то и написать»[126].

Не надо, однако, думать, что эта, чуть-чуть мифологизированная, процедура повторилась бы, попади на стол Поликарпову рукопись, в которой Эренбург написал бы все как было и теми словами, которые у него, бывало, находились для стихов. Рукопись Эренбурга попадала на стол Поликарпова, предварительно пройдя два цензурных круга – авторский (Эренбург вынужден был о многом умалчивать, о многом лишь намекать и, всяко, выражаться очень взвешенно во всех случаях, когда речь шла о «запретных» темах и событиях) и редакционный. Силу этого последнего пресса не следует преуменьшать: переписка

[125] РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 122. Л. 41.

[126] *Кондратович А.* Новомирский дневник 1967–1970. С. 108, 109.

Эренбурга с Твардовским, Кондратовичем, Заксом, перечни редакционных поправок подтверждают, что «Новый мир» вовсе не желал для себя лишних неприятностей, готовя рукопись Эренбурга к печати, и не только масса эпизодов, высказываний и выражений, но и несколько глав целиком редакция не пропустила. Приведенные здесь примеры с Бухариным также подтверждают справедливость этого суждения. При этом, разумеется, «Новый мир» был единственным журналом в СССР, который мог в течение шести лет при всех, подчас очень резких, изгибах идеологической политики, продолжать печатание вызывавших временами предельно яростные нападки власти мемуаров Эренбурга.

В первой главе первой книги «Люди, годы, жизнь» была фраза, сразу же обратившая на себя внимание читателей: «Некоторые главы я считаю преждевременным печатать, поскольку в них речь идет о живых людях или о событиях, которые еще не стали достоянием истории»[127]. О многих таких событиях и о нескольких живых людях читатели все же прочитали в мемуарах Эренбурга, но в его читательской почте было немало вопросов на сей счет, тем более что в конце шестой книги, говоря о своем прежнем обещании подробнее написать о Сталине и обо всем, что с этим связано, Эренбург публично назвал это обещание легкомысленным и сказал, что вынужден от него отказаться[128]. Складывалось впечатление, что он отказался от намерения написать и другие главы. Сошлюсь на себя, как на пример, наверное, типичного молодого читателя того времени – в январе 1966 г. я написал Эренбургу о его давнем обещании и, в частности, просил непременно написать о Н.И. Бухарине. Эренбург, не называя имени Николая Ивановича впрямую, ответил, что удивлен моей просьбой: «Главы давно написаны, не могли быть включены в журнал, но, надеюсь, войдут в отдельное издание»…

В черновых планах незавершенной седьмой книги мемуаров, над которой Эренбург работал в 1967 г., значится глава о Бухарине. Как позволяет установить реконструкция точного плана седьмой книги[129], глава о Бухарине должна была стать

[127] Новый мир. 1960. № 8. С. 26.

[128] Новый мир. 1965. № 4. С. 60.

[129] См.: *Эренбург* (3, 492) – комментарий.

тридцатой (инфаркт сразил Эренбурга в момент работы над 21-й главой) и, судя по ее расположению в плане, начинаться рассказом о встрече с вдовой и сыном Николая Ивановича. Остается гадать, собирался Эренбург написать еще одну главу о Бухарине или думал переработать уже написанную.

Полный текст мемуаров Эренбурга, в котором были восстановлены все цензурные вымарки, и, в частности, все упоминания и высказывания о Бухарине, увидел свет только в 1990 г., когда перестроечному пафосу реабилитации казненных Сталиным оппозиционеров уже шел на смену внеисторический нигилизм.

СОУЧАСТНИКИ И ЖЕРТВЫ: М. Слонимский и П. Павленко

(Общественно-литературная деятельность в 1931–1934 гг. и судьба их романов)

Вместо введения

Дружба писателей Михаила Слонимского и Петра Павленко продолжалась восемь лет, она была неслучайной, горячей и, если на жизнедеятельность Павленко никак не повлияла, то в судьбе Слонимского сыграла определенную и нетривиальную роль. При этом не надо думать, упаси бог, что Павленко оказался для Слонимского злым гением, тем паче, что и сам он, будучи человеком не бездарным, судьбу имел отнюдь не радостную. От дружбы двух писателей остались письма Павленко 1931–1938 годов[1], многое говорящие не только об авторе, но и об адресате (сам Павленко, в отличие от Слонимского, писем либо вообще не хранил, либо уничтожил их в пору массовых арестов в конце 1930-х гг. – поэтому письма к нему Слонимского, увы, не уцелели)

К моменту знакомства Слонимского с Павленко в 1931 г, у каждого из них была вполне определившаяся биография.

Михаил Леонидович Слонимский родился в 1897 г. в Петербурге (точнее – в Павловске) в литературной семье; едва закончив гимназию, воевал в Первую мировую (с 1914 по 1918),

[1] ЦГАЛИ. СПб. Ф. 414. Оп. 1. Ед. хр. 46, 47. В фонде Павленко в РГАЛИ хранится лишь одно письмо к нему И.И. Слонимской от 8 октября 1938 г. (Ф. 2199. Оп. 3. Ед. хр. 166).

потом служил у Горького секретарем, готовился стать его биографом, но, начав всерьез писать прозу, службу бросил. Впервые напечатался еще в 1914 г., в 1922-м вышла его первая книга (рассказы) «Шестой стрелковый». Евгений Шварц, знавший Слонимского с молодости, вспоминал: «Ему лучше всего удавались рассказы о людях полубезумных, таких, например, как офицер со справкой: "Ранен, контужен и за действия свои не отвечает" (герой его "Варшавы"). И фамилии он любил странные, и форму чувствовал тогда только, когда описывал в рассказе странные обстоятельства. Путь, который он проделал за годы нашего долгого знакомства, – прост. Он старался изо всех сил стать нормальным. И в конце концов действительно отказался от всех своих особенностей. Он стал писать ужасно просто… И чувство формы начальное потерял, а нового не приобрел»[2].

26 мая 1922 г. К.И. Чуковский, знавший Слонимского еще ребенком, записал в дневнике: «Чудесно разговаривал с Мишей Слонимским. "Мы – *советские* писатели, – и в этом наша величайшая удача. Всякие дрязги, цензурные гнеты и проч. – все это случайно, временно, не это типично для советской власти. Мы еще доживем до полнейшей свободы, о которой и не мечтают писатели буржуазной культуры. Мы можем жаловаться, скулить, усмехаться, но основной наш пафос – любовь и доверие. Мы должны быть достойны своей страны и эпохи". Он говорил это не в митинговом стиле, а задушевно и очень интимно»[3]. Даже Федин, товарищ Слонимского по группе «Серапионовы братья» и будущий глава Союза советских писателей, в те годы относился к «советской власти» иначе… «Серапионовы братья», одним из основателей которых в 1921 г. был Михаил Слонимский, собирались зачастую именно в его узенькой комнатке в Доме искусств; формально они просуществовали до 1929-го (то есть почти до роспуска всех независимых литературных организаций в СССР), но фактическим временем их активного существования являются 1921–1923 гг.[4] Так и не став – в отличие от ЛЕФа, «Перевала», «Кузницы» – «юридическим лицом», как сказали бы теперь, группа не имела даже

[2] *Шварц Евг.* Живу беспокойно. Л., 1990. С. 283.

[3] *Чуковский К.* Т. 12. С. 41.

[4] Подробнее об этом см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. СПб., 2003.

единой платформы (декларацию «Почему мы Серапионовы Братья?», написанную Львом Лунцем[5], разделяли отнюдь не все Серапионы). Однако долгие годы сентиментальная память о первых годах содружества поддерживала контакты Серапионов.

По крайней мере четверо из Серапионов (Федин, Слонимский, Тихонов и Груздев) имели очевидный вкус к делам издательским и тем самым (в советских условиях) – литературно-командным. Именно их имел в виду Николай Чуковский, когда писал: «Единство серапионов не раз помогало им в истории их отношений с другими группами литераторов. Прежде всего это сказалось внутри так называемого "старого" Союза писателей, возглавлявшегося Федором Сологубом[6]. Они были приняты туда нехотя и сначала заняли самое скромное положение среди разных полупочтенных старцев, чрезвычайно себя уважавших. Но за какой-нибудь год они перевернули в Союзе все и, в сущности, стали его руководством»[7]. В 1929 г. Союзы писателей Ленинграда и Москвы стали соответственно ленинградским и московским отделами Всероссийского Союза советских писателей (ВССП). Именно Слонимский, Тихонов и Федин были главными деятелями ленинградского отдела ВССП, затеявшими вместе с лидерами московского отдела реформирование ВССП. Этим они оборонялись от идеологических агрессий РАППа, издательскую же независимость им давала кооперативная собственность: «Издательство писателей в Ленинграде» (ИПЛ) и московская «Федерация». (Главой первого был Федин, а в редакционном совете состояли, имея решающий голос, «Серапионы»: Слонимский, Груздев, Тихонов; секретарем совета служила легендарная подруга Серапионов Зоя Гацкевич, ставшая женой «Серапиона» Никитина). Н.Чуковский рассказывает о дипломатическом умении серапионовских лидеров избегать жестоких ударов РАППа: «"Старый" Союз писателей в Ленинграде был их главной цитаделью вплоть до создания "нового" Союза писателей и ликвидации РАПП. Они

[5] Впервые (с некоторыми цензурными сокращениями): Литературные записки. Пг. 1922. № 3. Полный текст см.: Вопросы литературы. 1995. № 4. С. 321–325.

[6] Федор Сологуб возглавлял Союз поэтов в Петрограде.

[7] *Чуковский Н.* О том, что видел. М., 2005. С. 102.

установили дружественные и деловые связи с родственными им писателями в Москве – сначала с Пильняком и Лидиным, потом с Леоновым и, наконец, с Павленко»[8].

Знакомство с Павленко – последнее звено в цепи литманевров, потерявших смысл после роспуска РАППа в 1932-м. Впрочем, у Слонимского деловое знакомство с полезным и набиравшим административную силу Павленко переросло в дружбу, продолжавшуюся до конца 1930-х гг.

Петр Андреевич Павленко был двумя годами младше Слонимского и не имел военного опыта Первой мировой. Он родился в 1899 г. в Петербурге в скромной семье воинского писаря; но с 1900 г. семья поселилась в Тифлисе. По окончании гимназии Павленко учился в Бакинском политехническом; в 1920-м он бросил институт и ушел в Красную армию военным комиссаром. Согласно справке НКВД, Павленко подозревали в том, что в 1919 г. он служил у белых[9]. Павленко утверждал, что состоял в РКП(б) с 1919 г., но документами подтверждался его стаж только с 1920-го[10]. В 1921-м он демобилизовался и служил в редакции тифлисской «Зари Востока» (первая его публикация в газете датируется 3 декабря 1922 г.: заметка «Книга в ячейке»). В 1924 г. в Тифлисе с ним познакомились «Серапионы» Тихонов и Полонская. Елизавету Полонскую поразило, что молодой безвестный журналист «был в курсе всего, что делалось в литературе в Москве и Ленинграде. Он знал все журналы, всех редакторов»[11].

В 1924–1927 гг. Павленко работал в советском торгпредстве в Турции, одновременно являясь собкором «Зари Востока» и одесских «Известий»... Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» вспоминал, как в 1926 г. Павленко показывал ему Стамбул[12]. С 1928-го Павленко в Москве. Первый опубликованный им рассказ – «Лорд Байрон» – написан в соавторстве с Борисом Пильняком, которого он вскоре предаст. (Ахматова считала Павленко причастным к гибели Пильняка[13]). Наверное, Пильняк познакомил его с перевальцами, и Павленко стал членом их литературной группы. Еще в начале 1930 г. он подписывает коллективное заявление «Перевала» против нападок на

[8] *Чуковский Н.* О том, что видел. С. 90.

[9] «Счастье литературы». Государство и писатели. М., 1997. С. 226–227.

[10] *Там же.*

[11] Воспоминания о Н. Тихонове. М., 1986. С. 146.

[12] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 411.

группу, но быстро понимает, откуда и куда дует ветер, и в том же 1930-м из «Перевала» выходит[14]. Есть свидетельства, что в трагической судьбе перевальцев Павленко сыграл недобрую роль[15]. Вступив в московский отдел ВССП, Павленко довольно быстро занял место в руководстве Союза.

Ко времени его встречи со Слонимским собственно литературные достижения Павленко выглядели скромно: «Азиатские рассказы» (1929) и «Стамбул и Турция» (1930). У Слонимского, начавшего литературный путь раньше, они весомее: его неравноценные романы «Лавровы» и «Фома Клешнев» воспринимались как начало большой панорамы русского XX века[16].

Воспоминания Слонимского о Павленко дают точную справку: «В начале тридцать первого года он появился в Ленинграде. Николай Тихонов познакомил нас ("Павленко, тот самый"), а день спустя мы уже сидели в номере "Европейской гостиницы", и Павленко с огромной энергией доказывал, что необходимо сейчас начать большую литературную дискуссию, может быть выпустить книжечку "Разговор пяти или шести", в которой, в статьях пяти или шести писателей, надо бы обнажить все самые больные вопросы нашей литературы»[17].

1. По дороге к Союзу советских писателей (1929–1932)

Чтобы представлять себе «маневры» Павленко и Слонимского в писательских организациях на рубеже 1920-х и 1930-х гг., надо хотя бы вкратце сказать о предыстории Союза советских писателей.

В начале 1920-х г. в СССР существовало множество литературных организаций, групп и группочек. Первой из них считают возникшую в 1920 г. на базе «Пролеткульта» «Кузницу». На базе «Кузницы» в 1921-м возникла Всероссийская ассоциация

---

[13] *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. С. 188.

[14] *Белая Г.* Дон-Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 505, 507, 515.

[15] *Липкин С.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990. С. 7.

[16] Отмечу попутно, что Илья Эренбург, очень чуткий тогда к «литшабесгойству», как он называл выполнение «госзаказа», похвалил «Лавровых» в письме к их автору, но потом ни словом не обмолвился о «Клешневе».

[17] *Слонимский М.* Книга воспоминаний. Л., 1966. С. 232.

пролетарских писателей (ВАПП), яростно и неслучайно претендовавшая на монопольную партийную поддержку. Оставляя в стороне дальнейшую историю ВАПП[18], отметим, что еще в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) принял резолюцию, в которой говорилось: «Основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза. Рабкоры и селькоры должны рассматриваться как резервы, откуда будут выдвигаться новые рабочие и крестьянские писатели»[19]. Эта резолюция противоречила тем выводам, к которым чуть раньше (9 мая 1924 г.) пришло проведенное Отделом печати ЦК РКП(б) совещание «О политике партии в художественной литературе». На этом совещании выступили самые крупные в РКП(б) идеологи Л. Троцкий, Н. Бухарин, К. Радек, А. Луначарский, а исходные доклады сделали от сторонников широкого фронта писателей, включая непролетарских «попутчиков», принимающих революцию, А.К. Воронский и от ВААП Илл. Вардин[20]. Материалы этого совещания, по существу отвергшего гегемонию пролетарских писателей, не были учтены в резолюции XIII съезда РКП(б), но легли в основу резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», принятой 18 июня 1925 г. и опубликованной в «Правде» и «Известиях» 1 июля 1925 г. Эта резолюция содержала, в частности, «директиву тактичного и бережного отношения» к попутчикам и необходимость «терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма»[21]. По существу, резолюция ЦК устраняла прежнюю монопольную поддержку пролетарских писателей, предполагая объединение всех литера-

[18] За подробностями отсылаю читателя к советской, но информативной книге: *Шешуков С.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. 2-е изд. М., 1984, а также к книге: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине 1917–1932 гг. М., 1998.

[19] Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 205.

[20] Подробнее об этом см.: *Фрезинский Б.* Утопии и реальность // *Бухарин Н.* Революция и культура. М., 1993. С. 3–28.

[21] Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. С. 217.

турных сил, принимающих революцию, безотносительно к их классовому происхождению. И недаром уже 14 июля 1925 г. была образована Федерация советских писателей (ФСП), объединившая ВАПП, Всероссийский союз крестьянских писателей и Литературный центр конструктивистов[22] (в 1927 г. в ФСП влились группы «Кузница», «Перевал» и ЛЕФ). Однако практически в ФСП стала верховодить ВАПП, и потому Федерация не сыграла своей роли объединителя советских писателей. В 1926 г. из ВАПП изгнали ультралевых маньяков, возглавлявших оголтелый журнал «На посту», но сменившие их идеологи оказались не намного лучше. В 1928-м, когда создали Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, ВАПП переименовали в РАПП (под этим именем организацию пролетарских писателей чаще всего и поминают), просуществовавшую до 1932 г., когда ее распустили решением ЦК ВКП(б). Именно начиная с 1932 г. ВКП(б) взяла в свои руки процесс централизации литературных организаций, завершившийся в 1934-м созданием Союза советских писателей.

Но еще до того, в декабре 1929 г., был создан Всероссийский союз советских писателей[23] (ВССП), объединивший ряд непролетарских организаций РСФСР, и прежде всего Московскую и Ленинградскую. Вот в этих-то объединившихся организациях до 1932 г., то есть до роспуска РАПП, и действовали Павленко и Слонимский, энергично пытаясь их реформировать.

Общие позиции по реформированию ВССП Павленко сформулировал в письме Слонимскому 4 августа 1931 г. Оно написано во время отдыха на берегах Оки и содержало характерную приписку:

> Я сижу в идиотском одиночестве на Оке, кормлюсь молоком, лечу свою утробу, пытаюсь писать повесть о Парижской Коммуне, давно задуманную, но пока хандрю, бездельничаю и скучаю. Приезжайте на Оку. Отличные места!

Вот программная часть письма:

---

[22] Декларацию ФСП см. в кн.: Литературные манифесты. М., 1929. С. 286–289.

[23] Декларацию ВССП, подписанную Л. Леоновым и В. Кирилловым, напечатала 23 декабря 1929 г. «Литературная газета».

> Сейчас, когда мы начинаем борьбу во главе союзных «масс» – надо будет иметь в виду, что нас облепят попутчики нашего дела. У нас появятся многочисленные союзники и, наконец, за исключением одного-двух Эфросов[24] весь ВССП перевалит на наши позиции. Строительство таких литературных «гигантов», как ВССП, тяжело и в общем гиблое дело. Мне думается, что курс на разукрупнение или, скажем, на автономные творческие группировки внутри ВССП есть основное дело дискуссии. ВССП должен стать союзом соединенных штатов, федерацией группировок советских писателей-интеллигентов и таким образом, чтобы творческая дискуссия была основным видом постоянной будничной работы ВССП. Что касается дискуссии в Москве, то она никак еще не развернулась.

Московская дискуссия началась в сентябре; Павленко рассказал о ней Слонимскому в письме 26 сентября 1931 г.:

> Приехав в Москву, я попал с корабля на бал, с москворецкого парохода на дискуссию ВССП, за неделю измотался в доску и только сейчас сажусь за письмо Вам, чтобы дружески отвести душу. Московская дискуссия была отвратительно интересной. Она вскрыла (неожиданно – удачно) многое из того, что никак не удавалось прощупать в течение года будничной работы внутри ВССП. Самое прискорбное, что никакого левого крыла не получилось, были отдельные левые выступления, друг с другом не связанные и иногда друг другу противоречащие. Знаменательно, что вслед за правыми, навалившимися на «Соть»[25] и «Гидроцентраль»[26], тот же ход, не подумав, сделали и левые.

[24] Художественный критик Абрам Маркович Эфрос был активным деятелем ВССП еще до прихода туда Павленко.

[25] Роман Л.М. Леонова (1930).

[26] Роман М.С. Шагинян (1930–1931).

Между нами говоря, Леонова – конечно – трудно считать леваком, но хотя бы тактически следовало отвести от него удары правых. Лидин в предвидении конференции уехал до ноября на Дальний Восток, Огнев от дискуссии смылся в Батум, Всеволод[27] хитро промолчал, Бабель даже не появился на дискуссии, Малышкин выступать отказался. Соревновались хаиты[28]. На днях посылаем Вам стенограммы конференции, Вы прочтете их с увлечением. Сейчас, как никогда раньше, необходим «Разговор 5–6», итоговый разговор, сплошные точки над i. Надо подвести черту под всеми разговорами и сказать какие-то простые и веские слова о путях творческого размежевания. И теперь такую книгу можно сделать и серьезнее, и значительнее, чем весною. Нужен творческий манифест, нужен вызов. Это очень страшно, конечно. Уже и сейчас на нас вешают всех собак, многие не подадут при встрече руки, целый ряд дружб на ущербе, но – в конечном счете – это всё такая мелкая чепуха по сравнению с тем, что обязательно, ценою невозможной энергии, надо сделать... На моск. дискуссии я не могу насчитать ни одного выступления, за которое хотелось бы пожать руку. Гольцев?[29] Говорил почти правильно, но с таким ханжеством, что весь эффект правильности был утерян. Мстиславский? Да, хорошо. Но он как-то не кажется мне творцом, не знаю – почему. Стар, что ли? Остальные пороли чушь. Я, думаю, тоже. Я волновался, плохо говорил, был зол и говорил глупо. У меня есть внутреннее оправдание, что я *хотел* говорить хорошо, но это, конечно, не в счет. Произвели мы тут перерегистрацию. Вытряхнули 110 человек, и все это люди с двойными фамилиями. Прямо общество провинциальных трагиков: Дудоров-Орды-

[27] Иванов.

[28] 5 сентября 1931 г. «Литгазета» напечатала статью критика Давида Хайта «О тучах на безоблачном небе», посвященную творческой дискуссии в ВССП.

[29] Критик В. Гольцев откликался рецензиями на все книги Павленко.

> нец, Потехин-Спокойный, Маклакова-Нелидова и т.д. и т.д. Но впечатления очистки Союза нет. По-видимому, надо чистить еще.

Книжка «Разговор пяти или шести» (в ней предполагалось участие кроме Слонимского и Павленко еще Тынянова, Тихонова, Вс. Иванова и, может быть, Олеши) так и не вышла, а материалы дискуссии в Москве и в Ленинграде печатала «Литгазета».

2 ноября 1931 г. «Литгазета» сообщила, что 40 писателей из ВССП (Москва и Ленинград) были приняты председателем СНК Молотовым (на снимке, напечатанном в этом же номере, Слонимский сидит рядом со вторым человеком государства).

Работая в ВССП, Павленко легко заводит контакты, перерастающие в дружбы, с лидерами РАППа Фадеевым, Авербахом, Ермиловым, бывает на Старой площади – в отделе пропаганды и агитации ЦК. Его сарказм зачастую становится циничным, а позиция аппарата – личной:

> Я заседаю, злюсь, заседаю, пытаюсь удрать из Москвы... В литературе перерыв перед написанием очередной резолюции...Но накануне (скандала с Замятиным[30]. – *Б.Ф.)* история с Пильняком. Слышали, небось? Вышла у нас «Седьмая Советская»[31] и вышла «Седьмая Сов.» в Париже. При сличении текстов легко обнаруживается разница, т.е. опять история с «Кр. Деревом»[32]. У нас в Союзе по этому поводу шум и скрежет зубовой. Есть настроения за исключение его из ВССП – за рецидивизм. Выборы мы свои откладываем на март.

[30] См.: *Фрезинский Б.Я.* Замятин в архиве М.Слонимского // НЛО. № 19 (1996). С. 188–189.

[31] Очерки Б. Пильняка о Таджикистане (впервые печатались в «Известиях» № 281 (11 окт.), 288 (18 окт.), 294 (24 окт.), 296 (26 окт.), 312 (13 нояб.) и 328 (29 нояб.) за 1930 г.) резко критиковались в статье «Пильняк в роли краеведа» (Литературная газета. 1931.10 июня).

[32] Речь идет о развязанной в 1929 г. кампании травли Б. Пильняка за публикацию в берлинском издательстве «Петрополис» повести «Красное дерево», впоследствии вошедшей в роман «Волга впадает в Каспийское море», опубликованный в СССР.

> Как прошли Ваши? Кто Вы теперь? Генсек или Председатель, или словчились и оказались свободным?
>
> (Январь-февраль 1932 г.).

В таком же тоне и приписка к письму 4 марта 1932 г. о смерти уволенного незадолго перед тем с должности главного редактора «Нового мира» В.П. Полонского:

> P.S. А Полонский-то? Упрямый человек: как сняли с «Н.М.» – так и умер. Теперь все говорят: «Неглупый, неглупый старик был».

Павленко не может жить без коридоров власти и в то же время клянет их – нет времени писать:

> Тысячи дел, заседаний, хвороб и еще хаос с моей Коммуной, которая никак не хочет закончиться. <…>. Я болен как сто тысяч калек. Союз висит ядром каторжника на голове и прочих оконечностях. А в это время ЛОКАФ[33] хочет заделать меня своим секретарем. Мне же самому хочется очень немногого: 1) закончить Коммуну, и 2) уехать с Тихоновым в Монголию, о чем уже стоит вопрос в секрет. Ц.К. Между нами: «ЛГ» получила, но не будет печатать письмо Е. Замятина с очень формальным и сухим опровержением заметки «Руде право».
>
> (20 апреля 1932 г.).

Летом 1932 г. Слонимский побывал в Германии, собирая материал для повести о председателе правительства Баварской советской республики 1919 г. Евгении Левинэ. Чтобы получить разрешение на эту поездку, он заранее обратился за помощью к влиятельным друзьям. 25 января 1932 г. Горький из Италии написал Сталину: «Очень прошу Вас: распорядитесь, чтоб выпустили сюда литератора Мих. Слонимского, он едет для работы над новым романом»[34]. В Москве по просьбе

---

[33] Литературное объединение Красной Армии и Флота.

[34] Власть и художественная интеллигенция. С. 168.

Слонимского постоянно отслеживал продвижение этого вопроса вхожий в московские кабинеты Павленко; он исправно сообщал в Ленинград все новости о продвижении дела (отметим, что после разрешения на поездку Слонимский и Павленко перешли на «ты»).

> Поверьте слову, звоню и справляюсь ежедневно. Ответ всегда один: «Еще не выяснено». Говорил с Халатовым[35], говорил на Старой площади, говорил с Леопольдом[36]. Его мнение, что он добьется решение вопроса в несколько дней.
>
> (Начало февраля 1932г.).

> На днях был у Рабичева[37], спрашивал о Вашем деле, ответ недоумевающий: «да, ведь, он же едет!». А сегодня получил из Уфы письмишко от Саши Фадеева, Вам привет и заботливая просьба ткнуться по Вашему делу еще кое-куда (адрес Саши – Уфа, ГПУ, т. Погребинскому[38] для Фадеева). Но – по-видимому – всё уже *решено* хорошо.
>
> (20 апреля 1932 г.).

Это первое упоминание Фадеева в письмах Павленко. Адрес Фадеева, столь непринужденно названный Павленко, – первое упоминание об «органах» в его письмах, и, понятно, не последнее. С Фадеевым Слонимский переписывался с 1929 г.,

---

[35] А.Б. Халатов – влиятельный издательский деятель, член коллегии Наркомпроса, председатель правления Госиздата.

[36] Имеется в виду генеральный секретарь РАПП Л.Л.Авербах.

[37] Н.Н. Рабичев – директор Партиздата.

[38] М.С. Погребинский – крупный деятель ГПУ – НКВД, занимавшийся проблемой перевоспитания преступников; автор книги «Трудовая коммуна ОГПУ» (1928), вышедшей с предисловием Горького; застрелился в разгар террора, оставив откровенное письмо Сталину, в котором писал: «Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны» (см.: *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. СПб., 1991. С. 196; см. также: *Иванов Вяч.Вс.* Почему Сталин убил Горького? // Вопросы литературы. 1993. Вып. 1. С. 111–112).

когда тот попросил у него что-нибудь для «Октября» и поинтересовался ходом работы над «Фомой Клешневым»[39]. 10 ноября 1929 г. Фадеев писал Слонимскому:

> Я очень много времени потерял (и все еще теряю) на всякой литсуете и, когда вижу другого, вступающего на эту стезю, искренно скорблю. Понятно, союза писателей вам сейчас осиротить нельзя, но все остальное гоните, право, к такой матери – ведь это же зарез. Я на днях выезжаю за город и тогда черта с два меня оттуда вытащишь. Право, очень советую вам проявить здесь побольше упрямства и строптивости – хамства, наконец (я по опыту убедился, что хамство в таких вещах самое верное дело).

В начале 1930 г. Слонимский пожаловался Фадееву, что запрещено новое, массовое издание его романа «Лавровы». 20 февраля 1930 г. Фадеев ответил:

> Разумеется, запрещение Лавровых для массовой серии это глупость и безобразие. Через 5 часов уезжаю на неделю в ЦЧО[40] (Воронеж и т.д.), поэтому не могу сейчас что-либо предпринять. Пока что я написал по этому поводу письма Стецкому[41] и Лебедеву-Полянскому[42] с просьбой о разрешении книги, а, когда вернусь, продвину это дело до полной победы над «врагом».

В 1933 г. Фадеев и Слонимский перешли на «ты». Вскоре Фадеев обратился к Слонимскому с просьбой помочь издать роман Эльзы Триоле «Бусы» без купюр, сделанных редактором ИПЛ; купюры были сокращены – остались только вымарки Горлита:

---

[39] ЦГАЛИ. СПб. Ф. 414. Оп. 1. Ед. хр. 53. Приводятся по этому фонду.

[40] Центральный Черноземный округ возглавлял тогда И.М. Варейкис, любивший общаться с писателями; Павленко также часто ездил к нему.

[41] А.И. Стецкий – в 1930–1938 гг. зав. Агитпропом ЦК ВКП(б).

[42] П.И. Лебедев-Полянский – в 1921–1930 гг. начальник Главлита.

> Зная щепетильность автора, я просил издательство либо через Главлит добиться отмены этих вычерков, либо согласовать их с автором. Оставив соответствующее письмо Волину[43], я уехал на Дальний Восток. По приезде узнаю, что книга попросту разобрана и не выйдет. Два или три раза я писал в издательство о том, что считаю это неправильным, и что исправления Горлита теперь согласованы мною с автором, но до сих пор нет никакого ответа. Чувствую себя очень неловко, потому что если бы не я, книга давно бы вышла в свет с некоторыми горлитовскими поправками. Очень прошу тебя выяснить, нельзя ли восстановить эту книгу[44].

В послевоенное время, когда Слонимский утратил положение в аппарате Союза писателей, его отношения с Фадеевым окончательно испортились; о своих обидах на генсека Союза писателей он рассказал в не опубликованных при жизни воспоминаниях[45].

В связи с поездкой Слонимского в Германию Павленко попросил его найти переводчицу своих книг на немецкий[46].

---

[43] Б. Волин – партийный публицист, напостовский критик; начальник Главлита.

[44] В архиве главного редактора Издательства политической литературы (ИПЛ) Г.Э. Сорокина хранятся два письма к нему Э. Триоле, связанных с изданием ее книги «Бусы» (1933). В первом Триоле сообщает, что оставила Фадееву рукопись романа для корректуры, во втором делает следующее заявление касательно «деятельности» ответственного редактора книги писателя М. Чумандрина: «Абсолютно возмущена тем, что мой "ответственный редактор" позволяет себе, не предупредив меня, вырезать из книжки целые страницы, руководствуясь при этом только своим весьма сомнительным вкусом. По этим сокращениям довольно интересно проследить, как нужно писать плохие книги: все, что в ней было хоть сколько-нибудь ценного, уничтожено, осталось то, что совершенно бездарно-серое. Конечно, речи не может быть, чтобы пустить книгу в таком виде... Повторяю, что сокращения сделаны не по линии идеологической, а по линии художественной! Ну знаете ли... Словом, Фадеев просмотрел работу Чумандрина и взял себе уладить дело без скандала.... После всего выше сказанного охоты писать у меня осталось мало. Пускай пишет Чумандрин и за себя и за меня...» (РО ИРЛИ Ф. 519. № 188. Л. 2). Вскоре Э. Триоле бросила русскую прозу и стала писать по-французски.

[45] См.: Звезда. 1997. № 8.

[46] Ф.Е. Фриш – переводчица русской прозы на немецкий, жила в Мюнхене, ее муж Эфраим Фриш редактировал «Der neue Merkur».

В воспоминаниях Слонимского об этом рассказано так: «– Пусть Фега пришлет фиги. Имя переводчицы его вещей на немецкий язык было Фега, и оно навело его, очевидно, на фиги... Не какой-нибудь там галстук, а фиги. "Добропорядочному шаблону" он предпочитал хотя бы и курьез»[47]. Строки из писем Павленко лета 1932 г. позволяют судить о точности мемуариста: «В Берлине живет фрау Фега Фриш, переводчица <...> Если у тебя окажется время и будет охота, повидайся с ней»; «...Спасибо тебе за возню с моей Фегой. Наверно, противная баба. Марок она мне, конечно, не пришлет, посылки тоже. Вот, сволочь!»; «Обидно, что ты не доконал эту мою суку Фегу Фриш. Ну, я ее пройму!»; «Если можешь пхнуть мою Фегу – то пхни. Посылку она прислала, но пищевую, чего не просил. Убеждаю ее отказаться от забот и перевести все на Торгсин – мнется. Если можешь – пхни ее ногой».

В апреле 1932 г. был распущен РАПП и началось создание единого Союза советских писателей. В воспоминаниях Н.Я. Мандельштам рассказывается, как в день объявления о роспуске РАППа она навестила гостившего в Москве у Павленко Николая Тихонова (Мандельштамы и Павленко жили в одном доме): «Я застала Тихонова и Павленко за столом, перед бутылочкой вина. Они чокались и праздновали победу. "Долой РАППство", – кричал находчивый Тихонов, а Павленко, человек гораздо более умный и страшный, только помалкивал...»[48]. Павленко и Слонимского ввели в Оргкомитет Союза писателей (в нем было 25 человек: М. Горький – почетный председатель, реальным главой он стал не сразу; И.М. Гронский – председатель, В.Я. Кирпотин – секретарь). Вскоре Павленко был утвержден кандидатом в члены Президиума Оргкомитета; он легко отказался от прежней своей идеи Союза как сообщества автономных творческих групп, сработался с Горьким, понравился ему, и тот привлекал его ко многим своим проектам – Павленко принимал очередные обязанности, а про себя кряхтел. Слонимский не мог бывать на заседаниях Оргкомитета так же часто, как живший в Москве Павленко, и тот его понимал:

[47] *Слонимский М.* Книга воспоминаний. С. 243.

[48] *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989. С. 225.

Если Оргкомитет станет вызывать – плюнь и сиди дома. (Впрочем, последний Оргк. был у Горького, в присутствии Лазаря Моис. Было интересно).

(15 августа 1932 г.)

Каганович тогда – третье, а может быть, и второе лицо в партии, и Павленко лестно называть его по имени-отчеству. Характерно, что он ничего не пишет о встречах со Сталиным в доме Горького – это не для почты (Павленко суперосторожен – в письмах 1936–1938 гг. нет, например, и намека на аресты, даже в писательской среде). Но рассказывать безопасные вещи о Сталине Павленко любил (он вообще славился как рассказчик). В дневниках К. Зелинского записано: «П.Павленко как-то мне рассказывал о своих впечатлениях о Сталине на заседании Политбюро 24 апреля[49]. Павленко говорил мне, что его внимание тогда привлекла усталость Сталина, бледность лица, начинающий просвечивать затылок. Словом, впечатление мягкости, затем сглаженность черт лица жизнью в комнатах среди заседаний, книг и бумаг»[50]; в этих же дневниках запись о 26 октября 1932 г. (вторая встреча Сталина и членов Политбюро с писателями в доме Горького): «Фадеев провозглашает: "Товарищ Сталин, писатель Малышкин хочет с вами чокнуться". Сталин протягивает стакан через стол: "Ну что ж, давайте". Павленко: "Это уже плагиат, товарищ Сталин". Мы смеемся. Павленко на вечере 19 октября от полноты чувств, подогретых вином, поцеловался со Сталиным»[51].

Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» привел слова Павленко, сказанные ему во время случайной встречи в только что освобожденном Вильнюсе (1944 г.); цензура этот эпизод вымарала: «В литературе, хочешь не хочешь, а ври, только не так как вздумается, а как хозяин велит. Что и говорить, он человек гениальный. Но об искусстве нечего и мечтать»[52]. В дневнике А.И. Кондратовича есть рассказ Твардовского, приводившего слова Павленко: «"Ох, и досталось мне от товарища Ста-

---

[49] 1932 г., когда принималось решение о роспуске РАППа.

[50] Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 156.

[51] *Там же*. С. 161. Упомяну к месту и рассказ Фадеева Зелинскому, как они с Павленко доносили Сталину на Берию и что из этого проистекло – см.: С. 167–168.

[52] *Эренбург И*. Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 412.

лина. Целых полтора часа ругал меня. И как ругал!"– говорил и хвастался, а мы на него смотрели почти с восхищением: Сталин ругал его, и целых полтора часа. А он врал. Но поди проверь»[53].

В письмах Павленко к Слонимскому есть несколько характерных упоминаний Сталина. 21 января 1937 г., накануне московского процесса, он рассказывает о маленьком сыне (жена умерла после родов, малыш остался с бабушкой и нянькой): «Всех нас узнает, знает свои игрушки и, когда его спрашивают, где дяденька Сталин, твердо подпрыгивает к фотографии его, повешенной мною на стене спальни». 30 октября 1937 г. Павленко пишет И.И. Слонимской: «Не так давно напечатал я в "Правде" небольшую статейку в связи с избирательной комиссией – о Сталине[54] и страшно рад и горд, что чтецы читают ее с эстрады, как стихотворение в прозе».

Вяч.Вс. Иванов, рассказывая со слов отца о встречах Горького с писателями сразу после роспуска РАППа, среди гостей Горького назвал и «несколько осведомителей – "государево око" – Павленко, вхожий к Сталину, и Никулин (Ермилов входил одновременно и в эту категорию, и в число рапповцев)»[55]. О Горьком в письмах Павленко Слонимскому есть несколько упоминаний, безбоязненных и мельком:

6 февраля 1934 г.: «Имел очень интересную беседу с Ал.М. а затем с Леоновым – порядок бесед можно было изменить, сначала с Л. и потом с Ал.М. – такое единодушие. Кто кого начиняет?» В письме 30 ноября 1935 г. Павленко не советует Слонимскому переезжать в Москву, перечисляя несколько причин; завершает перечень такая: «И, наконец, ты лично – уж это обязательно – с головой увязнешь во всех начинаниях А.М., в ИГВ[56], ИФиЗ[57], Двух пятилеток, Истории деревни. Тут не отвертишься и будешь иметь столько хлопот, сколько никогда не найдешь в Ленинграде, даже если бы собрал у себя все склоки города и окрестностей... Едучи из Крыма в Москву, видел в Тессели А.М. и получил должность его заместителя в "Колхоз-

[53] *Кондратович А.* Новомирский дневник. С. 40.

[54] Образы дел великих» (две колонки с рефреном «Мы проголосуем за Сталина») // Правда. 1937. 14 окт.

[55] Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 115–116.

[56] История гражданской войны.

[57] История фабрик и заводов.

нике". Представляешь, как я рад. О-хо-хо!». Последнее упоминание о Горьком из Крыма было грустным: «Крючков[58] присылал машину, звал в Тессели, я не поехал. Там и Ирина[59] вспоминалась бы очень тяжело, и старик Горький. А я стал нынче сентиментальным» (20 октября 1936 г.).

Отметим еще два характерных имени в письмах Павленко Слонимскому.

Первое возникает летом 1935 г. в связи с интересом Слонимского к большевику В.М. Загорскому, в 1918 г. служившему секретарем советского посольства в Берлине, затем ставшему секретарем Московского комитета партии и в 1919 г. убитому; интерес этот возник, надо думать, из-за повести о Левинэ, то есть связан с немецкими сюжетами. Слонимскому нужны были материалы, при встрече Павленко вызвался помочь, подробности обсуждались в разговоре – в письме их нет. Павленко пишет, что гриппует, и добавляет:

> Яков. Саул. тоже был болен и мы виделись только по телефону так что все осталось до личной встречи.

Это Яков Саулович Агранов – с июля 1934 г. первый заместитель Ягоды, а затем Ежова, широко известный в литературных кругах Москвы дружбой с Маяковским и профессиональным интересом к писателям. 30 ноября Павленко возвращается к вопросу:

> О Загорском я ничего не могу тебе сказать, т.к. необходима твоя личная встреча». В начале 1936 г. снова: был очень занят и «из-за этого ничего не сделал для тебя в отношении Загорского, кроме того, что говорил с Яковом Сауловичем и он обещал дать тебе – при свидании – огромный материал.

И дальше:

---

[58] П.П. Крючков – секретарь Горького, впоследствии обвинен в участии в его убийстве.

[59] Жена Павленко, скончавшаяся после родов 3 июня 1936 г.

> Черкни, можешь ли приехать на неск. дней, чтобы повидаться с Як. Саул. и выяснить все касательно Загорского, или заняться этим мне.

Еще одно имя из этой же сферы, теперь достаточно широко известное благодаря воспоминаниям Н.Я. Мандельштам и книге Шенталинского[60], возникает в январском (1936) письме Павленко мельком, как несомненно знакомое Слонимскому. Павленко сообщает об эпидемии скарлатины в Москве и добавляет в скобках: «Шиваров заболел ею тоже и лежит в больнице». Так пишут про общих знакомых (публичной известности у этого человека тогда не было). Николай Христофорович Шиваров – следователь ГПУ – НКВД, помощник Агранова, «прославившийся» допросами Мандельштама, на которых позволял тайно (сидя в шкафу) присутствовать своему дружку Павленко[61]. Имя Шиварова еще один раз встретится в письмах Павленко уже в связи с выздоровлением следователя. Интонация второго сообщения (7 марта 1936 г.) раскованная; приведу его в контексте:

> Луговской приехал без ребер[62], но поет с<укин> с<ын> еще хуже, чем с ребрами. Поет и читает стихи – это невыносимо. Даже пить бросил. Шиваров переболел всеми детскими болезнями и вид у него такой, что он способен на простейшие чудеса, что-нибудь вроде претворения воды в вино. Ходит сизый от греха и лысый. Глаза провалились, как гривенник в дырявом кармане. Ну, это уже бавардаж и несолидно...

В письмах Павленко Слонимскому возникают и портреты писателей и деятелей культуры. В 1937 г. Павленко пишет для Эйзенштейна сценарий «Александра Невского» и 4 декабря рассказывает об этом Слонимскому:

---

[60] См.: *Мандельштам Н.* Воспоминания; *Шенталинский В.* Рабы свободы. М., 1995. С. 225–237.

[61] См.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб, 1998. С. 65; *Шенталинский В.* Рабы свободы. С. 231.

[62] Результат дорожной травмы в Париже (о поездке четырех советских поэтов в Париж и Лондон в 1936 г. см.: главу «За кулисами триумфа»).

Сценарий, мне кажется, хорош. Писал его вместе с Эйзенштейном, что было весьма полезно и интересно. Человек очень талантливый и вместе с тем очень путанный, он знает свое дело. Я многому у него поучился, многое узнал.

Виктор Шкловский говорил об «Александре Невском», что «движение ленты, разнообразие характеров, ирония картины принадлежат писателю. Павленко обновил Эйзенштейна... Павленко был мужественным человеком. Мы не можем упрекнуть его в боязни. Он был несчастлив в искусстве: многое недописал, недорассказал»[63].

В письмах Павленко Слонимскому Шкловский появляется не раз, например, так (1936 г.):

Иногда заходит Шкловский и, продолжая разговор, с кем-то начатый на улице, утверждает, что Марко Поло[64] действительно существовал, дарит какую-нибудь странную книгу и, наследив на полу, уходит, не попрощавшись, на какое-то важное заседание. Я никогда не успеваю узнать у него – на какое.

Павленко и сам заходил к Шкловскому – бывало, когда у Шкловских нелегально жили Мандельштам с женой, но их всегда успевали спрятать на кухне...[65]

Рассказы Павленко в письмах интересны, часто саркастичны, даже циничны:

6 мая 1933 г. «Недавно слышал, что Пильняк делает предложение Ахматовой. Да, и вот этот случай – это все одно и то же – старость».

Январь 1936 г.: «По городу ходят какие-то неутомимые грузины и набиваются в гости. Я говорю им, что заразно бо-

[63] См. статью «Павленко и Эйзенштейн» в кн.: *Шкловский В.* За 60 лет. М., 1985. С. 204–205.

[64] В 1936 г. вышла книга Шкловского «Марко Поло».

[65] *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 331.

лен. Грузинский писатель в гостях существо невозможное <...> Появился на горизонте Тициан Табидзе с женой и, говорят, хорошо отзывается о Ленинграде, что означает новые хлопоты для Коли Тихонова, тем более, что в Москве еще другой неутомимый путешественник по банкетам – Симон Чиковани».

2 октября 1936 г.: «В Переделкине, наверно, склочно, но я потерял охоту к этого рода онанизму, никого не посещаю кроме Всеволода[66] и никого не принимаю. Сосед мой Федин – Сваакер[67]. Он только что купил мельницу и обстраивается. Садовник деревянным циркулем научно чертит землю, втыкает вехи, рисует узоры. Тут клумба, там газон, здесь аллея. Федин ходит, поглядывает. И ни дождь, ни ветер не загоняют его в комнаты. Может быть, это-то и называется жить на даче. Черт его знает! Всеволодов юбилей – есть одно из чудес Камасутры. Знающие люди говорят, что поторопился он на год, на два, но задумано алчно, во-время. Всем было приятно. Всеволоду – внимание. Ставскому – хлопоты. Гостям – выпивка. Умный человек Всеволод, но я боюсь за него – нельзя так долго жить в кредит, как он. Но юбилей кое-что поправит в его делах – подвинет пьесу во МХАТ'е, отсрочит старые авансы, откроет новые».

Январь 1937 г.: «Я не приехал к Вам на Новый год, и честно хотел встретить его один <...> Но затем ворвался Фадеев, и началась разудалая фадеевщина дня на 3. Я в роли исповедника и духовника устал бесконечно. У него там какие-то страсти-мордасти с новой женой, которую он не то отбил уже от ее мужа, не то отбивает – но вместо помощи я наговорил ему множество сентенций о любви вообще и он, надравшись в лоск, уехал».

Вот отклик на очередную статью И. Лежнева – оппозиционного литкритика, высланного из СССР в 1920-е годы, затем вернувшегося и верой-правдой служившего Сталину: «У Карко (помните его книгу "От Монмартра до Латинского квартала") спросили, какая разница между дешевыми и дорогими парижскими девушками. "Дорогая девушка, – это девушка дешевая, которая только постарела", – ответил он. Смысл этой чудесной фразы имеет прямое отношение к Исаю».

[66] Иванов.

[67] Вильям Иванович Сваакер – герой повести Федина «Трансвааль» (1925–1926), владелец мельницы, кулак.

Однако при случае Павленко умел и порадоваться чужому успеху, работе: («Читали ли вы “Наполеона” Тарле? Вот уж много лет не читал такой умной, крепкой, строгой книги. Просто замечательно»; «Говорят, что-то написал Бабель. Не верю, но очень хочется поверить. Остальные ни черта не делают – строят дачи и состоят на пенсии в “Литфонде”». –11 марта 1936 г.; «Был тут у нас в гостях у Союза Зощенко. Принимали горячо, по-моему, он остался доволен» – 23 апреля 1938 г.) и счастью друзей («У Ивановых – событие. Встал Кома[68]. Правда, встал – форма превосходной степени. Он встает на костыли и касается земли здоровой ногой, да и то минут 5–10, а затем слабеет и ложится. Но и то уже здорово» – 7 июля 1937 г.), переживать чужую тревогу («Виктор Шкловский просил тебе передать, что плох совсем Тынянов, болен, расклеился морально, ложится в московскую клинику, падает на улице – эти цитаты из письма Виктора. Он очень испуган за него») и горе («Умирает Ал. Малышкин. Рак легких. Страшно жаль его. Простой, скромный, интересный и талантливый» – 23 апреля 1938 г.), посочувствовать друзьям («Видел в Коктебеле Зощенко. Он рассказал, что ты один, жена на Кавказе, и я представил тебя в одиночестве квартиры, перед взбесившемся радио» – 1936 г.), вникнуть в их неприятности («С пьесою Форш, ка-жет-ся, – беда. Впрочем, еще не ясно»; «Как Ольга Дм.? Я писал ей, просил еще экземпляр пьесы, – не отвечает. Дело с “Камо” плохо, хотя проблески надежды еще имеются»; «Привет Ольге Дмитриевне. Я ее так и не увидел в Москве, днюя и ночуя на процессе» – январь 1937 г.), просто вздохнуть на очевидную несправедливость (так, прочитав в «Правде» статью «Сумбур вместо музыки», он пишет Слонимскому: «Как чувствует себя Шостакович? О-хо-хо!»).

В письмах жене писателя И.И. Слонимской Павленко более откровенен, даже исповедален: «А вообще я очень устал жить. Мне неинтересно и не для кого. Человек сухой, я очень любил Ирину. Теперь живу как во сне. Книгу пишу по привычке. Но все мои беды, вместе взятые, я думаю, хороши тем, что скоро доконают меня. Видно, я кончился. Каждый живет, сколько может. Сейчас у меня нет никакой воли жить. Я и не знаю – болен ли я, схожу с ума или просто устал» – 18 июля 1936 г. «Я, действи-

[68] Так звали в семье Ивановых сына – Вячеслава, будущего филолога и лингвиста.

тельно, зеленой крокодилой бегаю по Москве, кончая монтаж фильма, и давно не был даже в Переделкине. Затем измотала "слава". Я даже перестал болтать. Произвожу впечатление скучного человека» – 12 января 1937 г. «Мне хочется писать прекрасно и сильно, но чтобы я оказался в силах это сделать – мне нужно сильно и очень честно, и очень мужественно полюбить. <...> Прочел, что написал – глупо. Ну, ладно. Я уж не так и умен на самом деле, чтобы стоило позировать в письмах» – апрель 1938 г.

Переписка М. Слонимского и П. Павленко прервалась в 1939-м...

2. Судьба романа Михаила Слонимского о ленинградской оппозиции

В 1931 г. у Слонимского возник замысел романа, хронологически продолжающего «Лавровых» и «Фому Клешнева», принесших ему официальный успех, – романа о политической ситуации в Питере, начиная с 1924 г. Острота замысла была в том, что Слонимский решил писать действительно политический роман – о ленинградской оппозиции.

Как известно, ленинградская организация ВКП(б) в 1925 г. единодушно поддерживала своего руководителя члена Политбюро ЦК и главу Коминтерна Г.Е. Зиновьева в его (совместно с Л.Б. Каменевым, Г.Я. Сокольниковым и Н.К. Крупской) противоборстве со Сталиным. Апофеозом этого противостояния был XIV съезд РКП(б), на котором Ленинградская делегация выступала против ЦК партии и эта позиция была большинством осуждена. После этого находящийся в руках Сталина аппарат ЦК начал систематическое и жесткое уничтожение ленинградской оппозиции и ее активистов. В феврале 1926 г. Сталин добился замены Зиновьева во главе ленинградской организации ВКП(б) на Кирова, а в июле 1926-го Зиновьев был выведен из состава Политбюро; в октябре Л.Д. Троцкий (к которому примкнули прежде громившие его Зиновьев и Каменев) и Л.Б. Каменев также были выведены из состава Политбюро, а Г.Е. Зиновьев снят с поста председателя Исполкома Коминтерна. В 1927 г. все виднейшие деятели левой оппозиции лишились своих постов и были исключены из партии, после чего начались репрессии против них, и в частности большинство ленинградских оппозиционеров было выслано из Ленинграда.

Темы возникновения, борьбы и разгрома ленинградской оппозиции до Слонимского в советской прозе никто не касался. Слонимский – живой свидетель питерской политической жизни двадцатых годов. Как и другие Серапионы и покровитель их Горький, он немало натерпелся от не одобрявшего Серапионов питерского вождя Г.Е. Зиновьева и не имел никаких оснований ему симпатизировать. В то же время, работая в «Ленинградской правде», Слонимский несомненно знал, какими методами сталинский аппарат ЦК с помощью ГПУ расправлялся с участниками оппозиции – и с вождями, и с рядовыми. Главный редактор «Ленинградской правды» с 1922 г. Г.И. Сафаров еще в мае 1926-го решением Политбюро был «сослан» в Китай на канцелярскую работу секретарем полпредства; он писал 8 июня в Политбюро, что «оказался среди тех 7000 ленинградских товарищей, которые пали жертвой "выправления линии" ленинградской организации. Нет в Ленинграде ни одной цехячейки, ни одного коллектива, где бы не прошла "стихия" оргвыводов»[69]. Слонимский, надо думать, собирался писать не об этом. Давние обиды на Зиновьева и полный разгром оппозиции помогли писателю считать справедливыми методы, которыми пользовался Центр. Изначально в программу будущего романа была заложена тогдашняя сталинская трактовка оппозиции. В 1928 г. ее покаявшиеся лидеры были восстановлены в ВКП(б), и это, конечно, психологически облегчало Слонимскому задачу исторического суда над ошибками и заблуждениями оппозиционеров. Литературный замысел писателя естественен – расставаться с написанными героями двух романов не хотелось, а хронологическое продолжение удавшейся работы обойти тему оппозиции не могло, да и политически она уже не выглядела горячей, не казалась опасной; более того – автор надеялся на заслуженный успех (немногие, наверное, могли предвидеть сталинские планы изуверского шельмования и ликвидации не только своих политических противников, но даже памяти о них).

О новом своем замысле Слонимский поведал 7 ноября 1931 г. в праздничном номере «Литгазеты», где писатели делились литпланами: «Готовлю роман, охватывающий годы 1924–1928. В роман этот (о ленинградской оппозиции) переходят некоторые персонажи «Лавровых» и «Фомы Клешнева». Одновременно

[69] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 132.

с этой работой, в органической связи с ней, готовлю книгу рассказов и очерков о нашем строительстве и о современном Западе. Обе эти работы надеюсь закончить уже к лету будущего года. Добиваюсь в этих книгах простоты и ясности мысли, точной целеустремленности».

В письмах Павленко новый роман Слонимского упоминается впервые лишь 11 сентября 1932 г., да и то вопросительно: «Сел ли ты за роман? Что ты задумал писать?» К тому времени работа над романом об оппозиции шла вовсю, но до завершения ее было далеко. Прошлое и тогда уже было непредсказуемым – в октябре 1932 г. лидеров левой оппозиции снова исключили из партии и выслали (Зиновьева – на три года в Кустанай), а это влияло на трактовку событий 1920-х гг., и Слонимский в очередной раз должен был вносить в роман коррективы.

29 декабря 1932-го, делясь с «Литгазетой» планами на будущий год, Слонимский существенно откорректировал первоначальный замысел: «В начале 1933 г. я кончаю новый роман. Его материал – рост новой интеллигенции, выросшей из рабочего класса. Это показано на фоне ленинградской оппозиции 1925–1926 г. Действие начинается на районной партконференции. Происходит разрыв ряда основных персонажей с оппозиционной группой. Линия политической дифференциации проведена во всем романе, на всех участках действия. Важное место в романе занимает и линия перелома в понимании собственных поступков со стороны некоторых оппозиционеров. Все персонажи романа – новые. Первоначально я предполагал, что в книге будут фигурировать некоторые герои «Лавровых» и «Фомы Клешнева», но в процессе работы я откинул эту мысль. Роман я строил с максимальной динамичностью сюжета. Названия еще нет. Очевидно оно возникнет после последней точки. Роман будет печататься в первых номерах 1933 г. в «Красной нови». По окончании этой работы я начну отделывать вчерне набросанную повесть о Евгении Левинэ...».

Отметим, что в № 10, 11 и 12 «Красной нови» за 1932 г. в планах редакции на год 1933-й значилось: «М. Слонимский. Роман».

Однако и в начале 1933 г. роман все еще не был закончен, хотя автор, видимо, показывал написанное – Павленко 22 марта 1933 г. писал ему:

Заказ № 2076

Все говорят, что ты написал очень хороший роман. Я жду с нетерпением его появления. А повесть о Левинэ? Она выйдет очень во-время. Это будет вызов традициям, сигнал к атаке. Вот во-время выйдет, даже завидно! Вчера сидели с Сашей Фадеевым и целый вечер говорили, как старые сплетники, о Ленинграде, о тебе, о Тихонове.

Слова Павленко «все говорят», разумеется, не следует понимать буквально. 23 февраля 1933 г. после выступления в Капелле с новыми стихами Осип Мандельштам позвал к себе в гостиницу на чай братьев писателей (среди них был и Слонимский) и после разозливших его высказываний обрушился на современную литературу: «У кого же я должен учиться, кого я буду читать сегодня? Не Слонимского же»...[70]

С мая 1932-го и почти весь 1933 г., если судить по газетным публикациям, наблюдалась несомненная литературная «оттепель» в СССР (к 1934 г. ее более ли менее ввели в русло). «Литгазета» (состав ее редакции после роспуска РАППа изменился) печатает стихи Мандельштама (в разделе «Трибуна писателя»), Пастернака (много и часто), статьи Белого, Кузмина, К. Чуковского, Шкловского, А. Толстого, Бабеля, Эренбурга, прочувствованный некролог М. Волошину, постоянно появляются публикации Джойса, А. Жида, Мальро, Дос-Пассоса, дружеские шаржи на них. Критические статьи становятся куда либеральнее[71]. Но на сюжет, избранный Слонимским, «оттепель» не распространялась.

Редакция «Красной нови» не могла самостоятельно решить политический вопрос о публикации романа: слишком острой казалась тема (вопрос об оппозиции отнюдь не стал предметом истории – нападки на изгнанного из СССР Л.Д. Троцкого

---

[70] *Басалаев Инн.* Записки для себя // Минувшее. Вып. 19. М.; СПб., 1996. С. 437–438. «Представляю вежливую, застенчивую улыбку сидящего тут же Слонимского», – комментирует эту историю мемуарист. Отметим, что запальчивая реплика Осипа Эмильевича не помешала обидчивому и памятливому Слонимскому впоследствии считать Мандельштама своим «любимым поэтом» – свидетельство С.М. Слонимского (Невское время. 1997. 26 нояб.).

[71] Например, статья А. Селивановского «Поэт и революция» о Пастернаке (Литературная газета. 1932. 5 дек.) существенно доброжелательнее предыдущих опусов критика.

были неизменны и яростны, да и положение его раскаявшихся коллег оставалось неустойчивым).

В мае 1933 г. Зиновьев, Каменев и их товарищи были возвращены из ссылки в Москву, а в декабре восстановлены в партии. Понятно, что с каждым поворотом этого хитроумного действа Слонимскому приходилось что-то менять в романе.

В заметке Вл. Соболя «Писатель за рукописью» (Литературная газета. 1933. 23 апр.) живописались сложности работы Слонимского над романом, понятные лишь в контексте сказанного. «Разговор не спорится, – признает корреспондент, – разговор сползает к роману об оппозиции... Все мысли писателя заняты сейчас романом. "Мне многое кажется в романе неправильным". Что это? Боязнь неудачи? А вот увидим. "Мечта росла, обрастала мыслями, поступками, делами, книгами, знакомствами, дружбами, учениками и учительством, и уже в ней стал весь смысл существования. Потому что самое замечательное в жизни и в людях всех времен и народов – это надежда на лучшую жизнь, мечта о жизни справедливой и правильной"... Это – из романа. Это об основном герое Викторе. Это – то, что, по мнению писателя, выражает настроение романа, определяет ключ, в котором написана книга, если только маленький отрывок из рукописи способен выразить и определить. Писателю в процессе работы пришлось изучить громадное количество исторического материала. Писатель убедился, что центральный герой нашего времени в литературе до сих пор очень часто остается вне политической своей биографии. С неизбежностью пустота должна быть заполнена. Первые попытки трудны, а иногда и неудачны, и отсюда – законное беспокойство. Роман об оппозиции – книга политических биографий ("Политическая биография героев – политическая биография страны", – говорит писатель), книга, в которой действуют на фоне исторических событий. "Поднять" тему, в которой одни доходят в политической своей биографии до справедливого и правильного оправдания "всего смысла существования", а другие по логике оппозиционной борьбы становятся контрреволюционерами, несмотря на то, что в начале романа были коммунистами, – "поднять" такую тему дело не легкое, и хорошо справиться с ней – значит преодолеть то "наибольшее сопротивление", о котором настойчиво и горячо говорит Михаил Слонимский. Писатель взялся за большую ответственную тему, явля-

ющуюся для него политическим экзаменом. Выдержит ли он экзамен до конца или кое в чем промахнется – читатель увидит это потом, когда роман появится в журнале».

5 июня 1933 г. Слонимский впервые читал в Москве, в Оргкомитете Союза писателей, главы из романа «Друзья» (жить этому названию оставалось меньше недели; непозволительно мягких «Друзей» сменило вполне твердое: «Крепость», правда, сначала как условное). На чтении присутствовал находившийся в Москве Корней Чуковский; запись из его дневника вполне красноречива: «В Оргкомитете Писателей хоронили Мишу Слонимского. Он читал свой новый роман – должно быть, плохой – п.ч. ни один из беллетристов не сказал ни слова: Олеша отмолчался, Вера Инбер зевнула и ушла спать, Всеволод Иванов сказал (мне), что роман – дрянь, и даже написал об этом в Чукоккалу[72]. А говорили: Накоряков, Гроссман-Рощин и друг., причем даже Гроссман-Рощин сказал, что словесная ткань романа банальна и – обвинял Слонимского в изобилии штампов. Было одно исключение: Фадеев, к-рому роман понравился. Вечером я, Слонимский, Фадеев, Ю. Олеша и Стенич пошли в ресторан. По дороге Олеша говорил: “Ой, чувствует Сл., что провалился. Это как после игры в карты: и зачем я пошел не с девятки? Походка у него как у виноватого” А потом: “Нет, не чувствует. Он доволен… Если так, все пропало. Бездарен до гроба”. Фадеев говорил, что ему роман понравился: “А вот у Всеволода, – говорил он, – роман “У” – какая скука. Я сам – по существу – по манере ленинградский и Слонимский – ленинградский. А Всеволод – Москва: переулки, путаница”...»[73]

Забавно, что 11 июня «Литературная газета» поместила такое сообщение своего корреспондента в Ленинграде Б. Реста: «М. Слонимский закончил новый роман о ленинградской оппозиции. Название его еще автор не огласил. Но недавно М. Слонимский на дискуссии об его творчестве сделал интересное

---

[72] «Вечером в гостях у одного писателя (10 октября 1932 г. у С. Семенова. – *Б.Ф.*) М.Л. Слонимский сказал жене: «Идем кормить Сережу! Мы и так опоздали». Дальнейшее изображено на рисунке художника И. Махлиса. Через несколько месяцев Всеволод Иванов сделал на этом рисунке надпись: «Смотрел я на тебя, Миша, слушал твой роман “Друзья” и думал: грудью-то ты ребенка вскормить сможешь, а романом едва ли. 9 /VI 1933 Вс. Иванов» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006. С. 466).

[73] *Чуковский К.* Т. 12. С. 502.

сообщение о романе: "Я считаю, что целая полоса жизни нашей страны почти отсутствует в нашей литературе. Я имею в виду восстановительный период.... В новом романе я постарался преодолеть по мере своих сил обычный недостаток наших произведений – схематизм"».

12 июня в «Красной газете» публикуется отрывок из романа с такой врезкой редакции: «М. Слонимским закончен новый большой роман "Крепость" (название условно). Роман этот рассказывает о "ленинградской оппозиции". Роман уже обсуждался в писательской среде, вызвал глубокий интерес». В газете приводятся следующие предваряющие публикацию слова автора: «В новом романе я взялся изучить тот период, который связан с историей так называемой "ленинградской оппозиции". Мне пришлось изучить груды материалов, документов, книг. Пришлось проделать значительную научно-исследовательскую работу. К тому же я работал в редакции "Ленинградской правды" в тот период, когда партия боролась с "л.о.". Я жил в этой обстановке, ощущал ее специфику и мне особенно ясна стала вся вредность антипартийной линии. Ни один из моих старых героев (фигурирующих в "Лавровых" и "Фоме Клешневе') не смог "въехать" в новый роман. Все они оставлены, выпали. В романе я показал круг среднего партийного комсостава. По возможности я старался показать во всей широте картину того времени. Я старался меньше рассказывать и возможно больше показывать. Мною отброшено "психоложество", которым я грешил в прошлом».

26 сентября 1933 г. отрывок из романа («Коновод») поместил «Литературный Ленинград» с такой врезкой: «Темой романа "Крепость" является борьба с ленинградской оппозицией. В печатаемом отрывке изображено одно из рабочих собраний 1925 года непосредственно перед XIV съездом партии, когда зиновьевское оппозиционное руководство всячески скрывало от широких масс ленинградской организации капитулянтскую сущность своей борьбы против партии». Это было проза не только без «психоложества», но и без какого-либо художества – очерковая публицистика, в которой сразу понятно, кто есть кто.

Следующий отрывок («Гендерсон») «Литературный Ленинград» напечатал 9 марта 1934. В 10, 11 и 12 номерах «Красной нови» за 1933 г. объявлялось, что в 1934 г. журнал напечатает роман М. Слонимского «Крепость».

11 октября 1933 г. Павленко пишет Слонимскому о своих разговорах с тогдашним редактором «Красной нови» В. Ермиловым:

> Твои письма Ермилову вскрыты, прочитаны и приняты во внимание. Роман пойдет с 1 января, говорят. Если это так, то очень хорошо. Роман, открывающий год, это уже вызов. Недавно видел в ОРГ-К<омитете> телеграмму Саши Фадеева из Владивостока Ермилову с вопросом, как судьба твоего романа. Ну, – значит, – все неприятное, суетливое, хлопотливое пройдено. С тебя магарыч – и немалый.

В январе 1934 г. в Москве проходил XVII съезд ВКП(б) и редакция не получила разрешения печатать роман до съезда.

Между тем Московское товарищество писателей выпустило под общей редакцией ответственного секретаря Оргкомитета Союза советских писателей П. Юдина сборник статей «Писатели XVII партсъезду». В заметке М. Слонимского говорилось:

> На теме «ленинградская оппозиция» мне хотелось дать обостренно-страстную борьбу партии в преддверии реконструктивного периода, классовые битвы, уцепившие партию и на еще более высокий уровень поднявшие политическое сознание масс. Мне хотелось дать отрезок политической биографии нашей страны. Именно этим романом о «ленинградской оппозиции», недавно законченным, я был занят все последние годы. В свое время я работал в оппозиционной «Ленинградской правде», видел и ощущал идейный разгром оппозиции, – но этих «непосредственных впечатлений» оказалось, конечно, недостаточно для романа. Потребовалось детальное изучение всей литературы об оппозиции, документов того времени, газет, потребовалась почти научно-исследовательская работа. Этим романом я хотел совершить полезное для строительства социализма дело. Сложность и ответственность темы заставила меня с особым вниманием отнестись к замечаниям и указаниям ряда товарищей, читавших роман, и много раз править рукопись, проясняя идейную ее линию. Не мне, конечно, судить о качествах этого

моего романа, но именно он является главной моей работой, с которой я прихожу к XVII съезду партии[74].

Здесь Слонимский открыто признал, что замечания «ряда товарищей, читавших роман», потребовали многократной его правки.

6 февраля 1934 г. Павленко, редактировавший тогда журнал «30 дней», сообщает Слонимскому:

> Отрывок у меня, задержан до окончания съезда, как впрочем, и весь роман, насколько я знаю. Никаких других отзывов не было, и я готовлю отрывок для след. №-ра. Гонорар переведем по возможности скорее. Я видел Ермилова и спрашивал самым дотошным образом – нет ли в подначке других соображений – ровным счетом ничего.

Возможно, с романом связана и недатированная телеграмма Павленко:

> ГОВОРИЛ ВСЕМИ КРОМЕ ГОРЬКОГО ВЫЯСНИТЬ НИЧЕГО НЕ УДАЛОСЬ СЕГОДНЯ ЗАВТРА ЗВОНЮ КРЮЧКОВУ[75] ТЕЛЕГРАФИРУЙ ЛИЧНО АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ= ПАВЛЕНКО.

Место для отрывка из романа Слонимского в № 1 «30 дней» за 1934-й заняла глава из доклада Сталина на XVII съезде партии; в следующем номере отрывок тоже не появился (отмечу, что в конце 1933 г. «30 дней» анонсировали Слонимского осторожно – не главы из романа, как в случае с Фадеевым, а новые рассказы, которых не было).

Главу «Коновод» перепечатал журнал питерской пролетарской литературы «Резец» (№ 3. 1934) с примечанием редакции: «Глава из романа “Крепость”, посвященного показу борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против генеральной линии партии» (Слонимский старался обходиться словами «ленинградская оппозиция»). Публикацию завершала жирно набранная цитата из доклада Сталина XVII съезду: «Если на XV съезде приходи-

---

[74] Писатели XVII съезду партии. М., 1934. С. 199–200.

[75] См. примеч. 58.

лось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде – добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде – и добивать нечего, да, пожалуй, и бить некого; все видят, что линия партии победила»; эта цитата придавала публикации из книги Слонимского характер неопасного исторического материала.

23 апреля 1934 г., отмечая вторую годовщину «исторического» постановления ЦК о роспуске РАППа, «Литературный Ленинград» поместил интервью писателей о том, как сказалось это постановление на их практической работе; осторожный М. Слонимский говорил о завершенном и давно лежащем в журнале романе, как о еще находящемся в работе. Впервые он употребил термин «партийный роман»:

> Вы знаете, что я поставил своей задачей написать «партийный роман» – книгу о ленинградской оппозиции. Лишнее, я думаю, говорить о том, насколько трудна и ответственна взятая тема. И целое, и мельчайшие детали надо выверить до предельной точности. Бывали моменты, когда я думал, что работа закончена, но затем мне становилось ясным, что многое еще надо доделывать. Та помощь и внимание, которые я получаю в своей работе от авторитетнейших товарищей, лишний раз подчеркивает, что в нашей стране писатель перестает быть «кустарем-одиночкой», а становится участником общего большого дела. Когда роман будет закончен? Не знаю. Особая торопливость всегда вредна, а здесь в особенности. Дело в том, чтобы книга и политически, и художественно звучала так, как мне этого хочется. Я обязан так выполнить свою работу, чтобы она была полной мерой моих писательских сил, максимумом того, что я могу дать. Во всяком случае, роман все время находится в работе и из нее не выбывает.

По-видимому, летом 1934 г. (письмо без даты) Павленко снова и вполне оптимистично написал Слонимскому:

> Как твой роман? Я еще никого не видел из наших москвичей и ничего не знаю о происшедших событиях в нашей общественности оргкомитет-ской, но не пострадало ли от всего этого положение твоего романа? Читался ли он наверху? Что сказали? Пожалуйста, напиши. Интерес к твоему роману у меня не только товарищеский, но и глубоко творческий. Каким бы ни вышел твой роман – он начало того тематического возрождения, которого мы все ждем и начать которого все боимся по причинам мало принципиальным и, по-видимому, более шкурным, чем творческим. Надо писать большие, острые вещи. По-видимому, масштаб и острота – качества. Язык, метафоры, форма – прикладное искусство. Хорошо, когда они есть, но отлично, когда их не замечаешь. Тема – вот главное. Черт возьми, когда сплю, я очень хорошо вижу, как надо писать прекрасные произведения. Форма должна раздвигаться как театральный занавес, написанный рукой мастера, и оставлять перед читателем – одно голое действие. Акт закончился – занавес сдвигается. Форма, мне кажется, открывает и приостанавливает содержание, как занавес. Она граница содержания. Но театр не в занавесе, он в действии, что за занавесом.

Следующее упоминание романа Слонимского в письмах Павленко появится только в 1937 г. ...Что же касается вопроса: «Читался ли он наверху?», то Серапион Каверин в мемуарах «Эпилог», не слишком ласковых к Слонимскому, утверждал: «Он написал и послал Сталину свой роман об оппозиции, направленный против Бухарина, Зиновьева и Каменева, и пережил постыдную неудачу, связанную с этим романом»[76]. Замечу, что очевидная неточность этой фразы (роман – о ленинградской, то есть левой, оппозиции, а Бухарин – правый) снижает надежность ее информации, хотя, разумеется, без разрешения Сталина такой роман не мог быть ни напечатан, ни запрещен.

8 августа 1934 г. в преддверии Первого съезда советских писателей (Павленко будет избран в его президиум, а Слоним-

[76] *Каверин В.* Эпилог. М., 1989. С. 81.

ский – только в секретариат) «Литературный Ленинград» напечатал интервью со Слонимским. В нем, разумеется, ни слова о запрете романа, но зато снова о желании работать над ним дальше:

> Уже давно я занят большим романом, который находится в органической связи с «Лавровыми» и «Фомой Клешневым». Хронологически этот роман должен подвести читателя к первым годам реконструктивного периода, а в тематическом отношении дать картину роста пролетарской интеллигенции, столкновения и соприкосновения двух культур – старой буржуазной и новой советской – все на фоне политической борьбы в преддверии реконструктивного периода. Партийная интеллигенция, рабочие, интеллигенты – вот основные персонажи этого будущего романа. Первая его часть закончена вчерне, но я не собираюсь ее печатать. Избранная мною тема – достаточно ответственная, сложная и трудная. Вот почему мне хочется немного отойти от моей вещи и взглянуть на нее со стороны, спокойно и трезвым взглядом. Может быть, я подвергну ее дальнейшей переработке.

Обратим внимание на то, что в этих словах о романе «ленинградская оппозиция» вообще уже не упоминается, как будто речь идет о совсем другой книге!

В следующем номере «Литературного Ленинграда» напечатан отчет о ленинградской писательской конференции. В произнесенной там речи Федина, посвященной ленинградской прозе, подробно говорилось о работе практически всех, даже мелких, прозаиков; разговор о Слонимском Федин отнес в самый конец речи, в раздел «Политический роман»:

> Писатели довольно робко стоят в стороне от клокочущего жизнью материала, от неизбежной публицистической темы, от обостренной ответственности всей задачи. Но наш век, перенасыщенный политикой, толкает литературу к политическому роману. Им занят Михаил Слонимский, продолжающий серьезную работу над романом «Крепость», отдельные куски которого известны из печати. Во всем

> развитии писателя за последние годы характерно тяготение к политической теме и желание раскрыть ее прямо, как математическую формулу. Путь этот для Слонимского вполне логичен.

Это было последнее упоминание о романе Слонимского «Крепость» в советской печати. После 1934 г. его не упоминали никогда – даже в справочной статье о Слонимском в КЛЭ...

Поиск романа «Крепость» я начал с Москвы, с главного литературно-художественного архива страны – РГАЛИ. Но среди скромно представленных материалов М.Л. Слонимского там этого романа не оказалось. Выяснилось, что почти весь архив писателя хранится в его (и моем) родном городе, в архиве, который раньше красноречиво назывался ЛГАЛИ, а теперь торжественно именуется ЦГАЛИ СПб. Фонд Слонимского (Ф. 414) начал комплектоваться там еще при жизни писателя; после его смерти родные Михаила Леонидовича завершили эту фундаментальную работу, передав на хранение государству тысячи листов – рукописи его произведений (беловые и черновые), переписку, критико-биографические материалы. Романа «Крепость» среди этих бумаг не было. Слонимский либо его уничтожил, либо родные писателя сочли, что эта рукопись будет компрометировать автора. Впрочем, среди бумаг фонда 414 отыскалась беловая авторская машинопись одного из вариантов первой главы романа «Крепость»; на ней дата – 14 марта 1933[77]. Судя по этому тексту, роман начинался эпической картиной Питера периода нэпа. В первой главе появлялся персонаж – вернувшийся из эмиграции в нэповскую Россию профессор-экономист и политический литератор Воскобойников; его глазами Слонимский глядел на жизнь города: пристально, замечая невидимое другими, и с явным привкусом иронии. Эпичность не помешала быстро перейти к сути дела: «Всякий мог заметить, что жизнь в Ленинграде – несколько иная, чем в Москве, – настороженней и тише, словно город этот стремился жить отдельной от страны жизнью, словно он готовился к некоему прыжку, чтобы вернуть себе прежнее значение и власть. Было похоже, что мест-

[77] ЦГАЛИ. СПб. Ф. 414. Оп. 1. Ед. хр. 2.

ные вожаки только и ждут момента, чтобы доказать свою особую и единственную правоту. "Зиновьевской вотчиной" называли остряки всю эту область». Профессор Воскобойников думает так, как надо автору – он «сам не понимал, почему эта особенность Ленинграда, вначале неприятно поразившая его, затем стала нравиться ему. Он иногда даже удивлялся себе – например, тогда, когда испытывал неожиданное удовольствие, узнав, что ленинградская организация требует исключения Троцкого из партии. Ну какое ему до этого дело? Но в этом, как и в жестах Троцкого, было нечто смутно успокаивающее, несмотря на всю резкость и революционность произнесенных при этом слов» (так писатель выдает за проницательность героя всего лишь авторское подчинение сталинской фальсификации!). «Все эти ощущения профессор Воскобойников копил в себе, ни с кем не делясь ими, потому что никто из его друзей и знакомых, как казалось ему, не испытывал их, – а из всех прежних своих качеств профессор особенно развил в себе сейчас осторожность». Однажды все-таки Воскобойников поделился этими соображениями со знакомым историком и получил в ответ: «Я занят смутным временем, да. За их драками не слежу. Но уверяю вас, когда нужно будет нас раздавить, они сразу помирятся». Проницательный Воскобойников «осторожно промолчал, но удивился недальновидности собеседника», начисто не понимавшего высокой принципиальности сталинского ЦК... Однако в первоначальном варианте романа Воскобойникову отводилась куда более скромная роль. Обнаружилось это неожиданно.

В 1934 г. все сохранившиеся к тому времени черновые листочки своей прозы (не беловики!) Слонимский, очень серьезно относившийся и к работе, и к архивному делу, передал в Пушкинский Дом, где к тому времени уже хранились многочисленные бумаги его родственников (отца, матери, дядюшки и тетушек). Продолжатель дела литературного клана естественно должен был пополнить это собрание своими бумагами. Находился он тогда на пике известности и благосклонности властей, входил в число «ведущих» писателей, и Пушкинский Дом принял его черновики. Среди рукописей, отданных Слонимским, находился и пакет в 370 листов плотной бумаги формата А4, как сказали бы теперь, исписанной темны-

ми чернилами с двух сторон[78]. Это были абсолютно разрозненные черновые страницы романа «Крепость» – десятки раз переписываемые набело варианты отдельных страниц отдельных глав. Почти 70 лет они пролежали в рукописном отделе ИРЛИ, и за это время лишь один аккуратный диссертант заглянул в них в 1963 г., да вот я теперь.

При очевидной хаотичности листов (не всегда даже текст на обороте страницы продолжал написанное на ее лицевой стороне) и невозможности уяснить полную структуру романа (нет начала всех глав), по листам этим все же можно углядеть не только канву книги, но и некоторые существенные ее подробности. Маниакальное упорство, с которым автор старательно переписывает одно и то же, чуть варьируя, убирая политически не аккуратные (или успевшие стать неаккуратными) места – впечатляет.

Название романа возникло из представления о стране как о крепости социализма, которая должна быть сильной и единой[79]. Прямая авторская речь то и дело открывает повествование глав, придавая ему политическую недвусмысленность: «Все было разрушено вокруг. Громада русских пространств, обмахнув одним крылом своим Азию, другим Европу, осталась в одиночестве – единственная страна непобежденной революции… Имея немало врагов у себя, революционная страна уже имела немало друзей по всему миру. И уже рабочие всех стран усыновляли единственное свое отечество и в нем видели будущее свое спасение. Только б оно не пало, только б оно укрепилось и выросло в мощную непобедимую державу!..»[80]

«Крепость» – роман о разоблачении левой оппозиции (сверху и изнутри), а не о Зиновьеве лично. Лишь однажды вождь ленинградцев мелькнет на страницах книги – в сцене работы районной партконференции в актовом зале Технологического института, причем увиден Зиновьев был глазами одного из главных персонажей проницательного оппозиционера Антона Андреевича Ливака: «На трибуну всходил кучерявый мужчина в сером простор-

[78] РО ИРЛИ. Ф. 521. Оп. 1. № 18. Работники рукописного архива, не вникая в суть трудов молодого писателя и не спросясь его, датировали эту работу 1926 г., хотя ее содержание относится к 1925–1928 гг. Далее указываются лишь номера листов рукописи.

[79] Л. 68 (об.).

[80] Л. 115 (об.).

ном пиджаке, внешностью своей несколько похожий на Антона Андреевича. Мировой авторитет его имени, которое уже может быть вошло и заняло свое видное место в истории, его долголетнее спутничество с Лениным, мировой авторитет его революционного имени – все это подавляло всех здесь присутствующих». Тут автор забеспокоился, не слишком ли он переусердствовал; последние фразы были зачеркнуты и вместо них написано: «Его долголетнее сотрудничество с Лениным, мировой авторитет его революционного имени – все это подавляло всех здесь присутствующих. И привычным холодом захлестнуло сердце Ливака при виде вождя... Какой блистательный оратор!»[81] А затем герой подумал о Зиновьеве: «Не выдержит он... нет, не годится... Сильный человек нужен»[82].

В романе нет главного героя; основных персонажей несколько. Подробно выписан темпераментный, решительный, жесткий и даже жестокий деятель ленинградской оппозиции (а до того – революции и гражданской войны) Роберт Юльевич Краузе (поначалу у Слонимского – Юлий Робертович, потом, возможно вспомнив о Мартове, он поменял имя с отчеством); любопытно: что-то удержало автора и он не сделал одного из центральных героев-оппозиционеров евреем, хотя и русский ему тоже не сгодился. Из других фигур назовем: упоминавшегося уже Ливака, понимавшего всю революцию «как некую громадную склоку»[83], участника губернской партконференции Лапушкина, прозревающего оппозиционера Виктора («Ленинград начинает страшное дело, то, против которого предостерегал Ильич»[84]); прозревают, конечно, и преданная жена Краузе, пытающаяся в конце покончить с собой, и его любимая дочь Леночка...

Подготовка к XIV съезду ВКП(б) и проигранное на нем ленинградцами сражение – в центре романа. Вот характерная лексика:

«Страна напрягала все силы, готовясь к решительному повороту, и все, что было враждебного, чуя близкую свою гибель, собирало свои ответные силы»[85];

---

[81] РО ИРЛИ. Ф. 521. Оп. 1. № 18. Л. 345 (об.).

[82] Л. 347.

[83] Л. 173.

[84] Л. 38.

[85] Л. 184.

«Квартира Краузе превращалась не то в постоялый двор, не то в проходную контору, не то, скорей всего, в некий явочный пункт, куда сходились всякого рода оппозиционеры. В ожидании новостей, инструкций, распоряжений тут толклись и знакомые, и незнакомые. Надежда, отчаяние, пафос и страх поселились здесь, бросаясь на каждого приезжего из Москвы. Иной делегат, примчавшись утром, устраивал нужную встречу с кем-нибудь именно здесь, в этой квартире, а к ночи мчался обратно в Москву, торопясь на съезд»[86];

«Съезд сказал свое слово. "Оппозиция разоблачила себя на съезде целиком", – обратился съезд к Ленинграду...Съезд одобрил и овациями подтвердил правильность пути, указанного в политическом отчете ЦК»[87].

Важным для автора было показать, как прозревают рядовые ленинградцы. Некоторым персонажам хватает примитивных соображений: «Сталин и Ворошилов – это же в гражданской войне мои вожди! Как же это выходит? – они, что ли, обманывают? Нет, скорей уж эти из кафе заграничных»[88] (читатель должен думать, что по ходу Гражданской войны лидеры оппозиции продолжали сидеть в зарубежных кафе, где прежде, между прочим, они сиживали с Лениным). Мыслителей более глубокого ранга автор заряжает рассуждениями историко-партийного порядка. Во-первых, конечно, мысли об изобличающем сотрудничестве ленинградских оппозиционеров с Троцким. (Кроме слов «самонадеянный и самовлюбленный»[89], характеризующих создателя Красной армии, Слонимский использует, как синоним предательства, и само его имя-отчество; Троцкого в романе поддерживают отпетые мерзавцы, и сами их формулы: «У Льва Давыдовича есть программа... Лев Давыдович вождь первого сорта, не в пример другим. Иллюзий насчет мужика у него нет. Мужик – это реакция»[90] – говорят, по мысли автора, сами за себя). Эти рассуждения переносятся со страницы на страницу: «Будников не мог понять... как могло случиться, что люди, годами боровшиеся против Троцкого, внезапно объединились с ним, взяв от него даже программу... Ведь

[86] РО ИРЛИ. Ф. 521. Оп. 1. № 18. Л. 121 (об.), 200 (об.).
[87] Л. 123.
[88] Л. 68.
[89] Л. 173.
[90] Л. 168.

разговоры о термидоре начались именно с того, что руководство партии обвинялось ленинградцами в предоставлении чрезмерного влияния Троцкому! Как это можно, вчера требуя исключения Троцкого из партии, сегодня объединяться с ним?»[91]. Альянс Троцкого со своими вчерашними противниками действительно был его политической ошибкой, однако после 1924 г. поражение Льва Давыдовича было предопределено. Заметим попутно, что везде в книге под «руководством партии» понимается Сталин, а здесь явно имеется в виду Ленин, поскольку Сталина в потворстве Троцкому никто никогда не обвинял (впрочем, возможно, Слонимский ничего сам и не придумывал, а просто списал это у какого-нибудь тогдашнего сталинского борзописца, вроде Ем. Ярославского).

Второй аргумент, вкладываемый автором в уста прозревающих персонажей романа, – избирательно читаемое ими «завещание» Ленина: «Будников не пошел на секретное, уже почти подпольное совещание оппозиционеров. Взяв перепечатанный экземпляр письма Ленина, известного под названием «завещание», он надел очки и стал перечитывать его. И как бы впервые почувствовал он значительность строк, посвященных в этом письме нынешним оппозиционным вождям. Без всяких оговорок «неслучайным» назывался поступок их в ответственнейшие дни Октября и категорически отмечался «небольшевизм» Троцкого. Эти слова выпирали сейчас перед Будниковым ярче, чем все то, на чем пыталась спекулировать оппозиция»[92]. Переписывая в очередной раз эти строки, Слонимский понял, что надо убрать все еще остающийся в них намек на то, что помимо критики Троцкого, Зиновьева и Каменева в «завещании» Ленина есть и нечто иное – требование убрать Сталина (конечно, в погоне за временем осмотрительнее было бы вообще опустить упоминание о «завещании» Ленина, но Слонимский за временем не поспевал...).

Последние главы романа относятся к периоду полного разгрома левых, написаны они автором, который, как и весь мир, уже знал имя победителя, и написаны патетически: «Страна поворачивала к пятилетке, к ликвидации врага как класса, к реконструкции всего огромного хозяйства на новой технической

[91] РО ИРЛИ. Ф. 521. Оп. 1. № 18. Л. 177 (об.)

[92] *Там же.*

базе. Страна ускорила темп жизни, и в этом напряжении всех сил уже бесспорно ясной становилась роль кучки все еще несдавшихся протестантов. Они уже протестовали против всего, даже против семичасового дня, введенного в десятилетие Октября, они, выбрасываемые с рабочих собраний, на улицах Москвы и Ленинграда в день десятилетия выступали со своими призывами и ответная злоба рабочих (имеется в виду, видимо, подразделения ГПУ. – *Б.Ф.)* загнала главного руководителя города («главного» зачеркнуто на «бывшего». – *Б.Ф.)* на четвертый этаж первого попавшегося дома. Вожди оппозиции вели себя так, словно им, как занимающим особое место в партии, все дозволено. Терпение партии, напрягавшейся у руля, истощалось»[93].

Сталина, как и других реальных персонажей, в романе нет: лишь цитаты из его докладов на партийных съездах и ответные аплодисменты зала; имя его упоминается нечасто, но суровая тень «отца народов» чувствуется повсеместно, и употребляемая автором сталинская аббревиатура «Цека» обозначает именно его. Известно, что в пору отчаянной борьбы с противниками их позиции левые считали своим самым главным идейным врагом не организатора их уничтожения Сталина, а теоретика партии Бухарина (была такая формула левых: «со Сталиным компромисс возможен, с Бухариным – никогда»). Поэтому многие левые лидеры, находившиеся в ссылке, после разгрома Бухарина «клюнули» на предложение присягнуть Сталину. Вопреки этому герой Слонимского рассуждает, как кажется автору, с тупым упорством: «Краузе не желал отделять руководство партии от ошибок Бухарина. Ему казалось, что отмежевание Бухарина, осуждение руководством его позиции – все это только маневр для подготовки более серьезных атак. Не в Бухарине дело»[94]. Дело было действительно не в Бухарине…

Вернемся, однако, к издательской судьбе романа «Крепость».

На Первом съезде советских писателей, проходившем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г., Слонимский (впрочем, как и Павленко) не выступал, о его романе никто не упомянул, даже

[93] РО ИРЛИ. Ф. 521. Оп. 1. № 18. Л. 190.
[94] Л. 362.

редактор «Красной нови» Ермилов, прежде собиравшийся печатать «Крепость», отметил, как достижение, переход Слонимского, «который много времени и дарования отдавал теме об интеллигенции», к повести о Левинэ (стенографистки не расслышали и в отчете напечатали «повести о Ленине»[95]).

К.И. Чуковский приносил на съезд свой альманах «Чукоккалла», и писатели в нем резвились. Вс. Иванов 17 августа записал: «Миша Слонимский ходит без романа. Идет два съезда: Писателей и “Серапионов”. А он без романа». 18 августа Слонимский ответил: «Роман, между прочим есть, и лежит в столе. Сам Волин сказал: “Слово запрет исключено”. Тем не менее...»[96]. Конечно, Б. Волин был тогда начальником Главлита, т.е. Цензуры, но вопрос о судьбе романа Слонимского решал не он...

В конце съезда Слонимского включили в комиссию по уставу Союза. 1 сентября 1934 г. Политбюро приняло списки: «Наметить следующий состав Правления, Президиума, Секретариата, Ревизионной комиссии и бюро Ревизионной комиссии Союза советских писателей». На заключительном вечернем заседании 1 сентября съезд за эти списки проголосовал единогласно[97]. Слонимский, как и Павленко, был включен в правление ССП из 101 человека во главе с Горьким. Но в президиум из 37 человек его, в отличие от Павленко, не включили. Иначе говоря, в политическом доверии ему не отказали, но и особенной расположенности к нему не проявили.

Отметим, что еще 7 мая 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило организационный комитет Союза советских писателей, которому еще только предстояло создать Союз. В оргкомитет вошло (не по алфавиту!) всего 24 человека; первым в списке значился почетный председатель А.М. Горький, вторым – председатель И.М. Гронский (его сняли уже перед съездом, заменив А.С. Щербаковым), третьим – секретарь В.Я. Кирпотин, четвертым – А.А. Фадеев, седьмым П.А. Павленко, а последним 24-м (в числе всего восьми чистых «попутчиков») – М.Л. Слонимский[98].

Что же, определившее отношение к Слонимскому, произошло между 7 мая 1932 г. и 1 сентября 1934 г.? В интересующем нас

[95] Первый съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 166.
[96] «Чукоккалла». С. 486.
[97] Власть и художественная интеллигенция. С. 237–238, 762.
[98] *Там же*. С. 175–176.

смысле – только одно: была завершена первая редакция романа Слонимского об оппозиции. Теперь, однако, можно сказать и еще – нечто в высшей степени для Слонимского важное.

В 2006 г. были опубликованы многие страницы дневниковых записей В.Я. Кирпотина. В них описываются две встречи писателей со Сталиным у Горького, на которых Кирпотин присутствовал. Первая (в узко партийном составе писателей) – 20 октября 1932 г. и вторая (в более широком составе, включавшем и «попутчиков») – 26 октября. По версии Кирпотина, идея этих встреч Сталину была подсказана Кировым, который еще в 1931 г. провел встречу с ленинградскими писателями на квартире у М. Слонимского и, видимо, посчитал ее полезной. Кирпотин на этой встрече тоже присутствовал (по его мнению, «встреча была задумана, чтобы “прощупать настроения” беспартийных писателей и писателей-коммунистов»[99]).

Описывая вторую встречу со Сталиным у Горького 26 октября 1932 г., где как обычно писателей щедро угощали и было много выпивки, Кирпотин приводит эпизод, случившийся уже под утро, когда Сталин надел шинель, чтоб уходить, и после выразительной сцены между Сталиным и Бухариным. Этот эпизод приведем целиком:

«В последний момент произошла еще одна колоритная сценка, характерная для всего вечера, для всего застолья. Сталин затягивал шинель, около него юлил пьяненький Павленко. Я застал конец разговора:

– Говно ваш Слонимский, – сказал Сталин.

– Говно, но свое, – быстро нашелся Павленко.

Сталину понравился ответ. Он засмеялся и еще раз повторил:

– Говно ваш Слонимский.

Павленко видит, что Сталину нравится ответ, и снова повторяет:

– Говно, товарищ Сталин, говно, но свое.

И Сталину понравилась эта игра:

– Говно, говно ваш Слонимский.

Стоящие вокруг радостно посмеивались»[100].

Об этом диалоге Павленко Слонимскому не сказал ни слова и, разумеется, не по забывчивости; диалога этого Павлен-

---

[99] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. Мемуарная книга. М., 2006. С. 177.
[100] *Там же*. С. 204.

ко не забывал, учитывал его, надо думать, и в январе 1939-го, когда распределялись ордена для писателей. Но все эти годы переписка Павленко со Слонимским продолжалась и все положительные новости из Москвы Слонимскому сообщались. Так, скажем, 12 июня 1935 г. Павленко писал о распределении машин для ленинградского литначальства: «Говорил о 2-х машинах и узнал, что первая из них не то уже получена, не то получается и есть уже решение Секретариата ее предоставить Федину, вторая будет тебе...»

Выстрел, прогремевший 1 декабря 1934 г. в Смольном, поставил окончательный крест на романе Слонимского.

Писатель, по-видимому это понимал и о настроении его можно судить по докладной записке Управления НКВД по Ленинградской области, направленной 28 мая 1935 г. сменившему убитого Кирова Жданову. Эта записка имела выразительный заголовок «Об отрицательных и контрреволюционных проявлениях среди писателей города Ленинграда»; она составлена на основании агентурных данных, поступивших в НКВД. Имя Слонимского упоминается в ней семь раз. В связи с арестом «контрреволюционной националистической» группы молодых ленинградских писателей (в нее входили Б. Корнилов, Н. Чуковский и др.) в записке приводилось такое высказывание Слонимского: «Я думаю, что последние аресты молодежи только начало, скоро будут арестовывать и нас, представителей более старого поколения, ведь мы тоже считаемся "политически неустойчивыми"». На прямой вопрос его собеседника (писатель М. Козаков): «Какой выход из создавшегося положения?» – последовал ответ, что «наиболее целесообразным отойти от всякой общественной работы, сидеть дома, заниматься творчеством и нигде не показываться»[101]. (В этой фразе сквозит обида и досада, но никак не практическая программа действий: соскочить с литературной дорожки «Лавровы» – «Фома Клешнев» – «Крепость» – вряд ли было реально, что и подтвердила изданная в 1939-м повесть Слонимского «Пограничники»). Характерно сообщение со слов М. Козакова, что реально правивший Ленинградским отделением Союза писателей его ответственный секретарь А.Е. Горелов прислал Слонимскому текст резолюции по поводу

[101] Власть и художественная интеллигенция. С. 259.

действий НКВД (приветствующую их, понятно) с требованием подписать ее к следующему утру (председатель Союза Н. Тихонов под благовидным предлогом текст не принял, Федин якобы уехал работать на дачу, Зощенко и Форш подписать отказались). Слонимский отказаться не посмел, но, как говорил Козаков, «мы со Слонимским вырабатывали, вырабатывали новый текст, пока не пришлось покончить с этим делом и замять его, а ведь дело большой политической важности»...[102]

С декабря 1934 г. давно уничтоженная ленинградская оппозиция официально аттестовывалась простенько – презренные шпионы, диверсанты и убийцы, лишь до поры до времени маскировавшиеся. Новая трактовка требовала совершенно иного романа об оппозиции. Слонимский, надо думать, был к этому не готов. Впрочем...

В январе 1937 г. в Москве шел процесс по делу Радека, Сокольникова, Пятакова... Павленко – спецкор «Правды», автор трех пылких репортажей с процесса – пишет по окончании суда работающему над повестью о пограничниках Слонимскому:

> На последнем процессе несколько раз вспоминал твой роман об оппозиции. Надо тебе вернуться к нему. Обязательно. Тема пограничников хороша, но не остра. Она слишком спокойна, если ее брать изолированно и показывать одних пограничников, не показывая шпионов и диверсантов, т.е. давать картину исполненную только со стороны героической. Если не хочешь возвращаться к тому роману – обязательно разверни в «Пограничниках» западную тему, тему вредителей. Тогда работа пограничников будет звучать остро политически. Процесс был для всех нас, на нем присутствующих, колоссальной школой. Я думаю, что все в той или иной форме будут писать о нем. <...> Сейчас писать и писать. Никогда не было такой горы, такого колоссального хребта величайших тем, как сегодня, а мы стали взрослее, смелее, открытее. Сажать бы романа по 2 в год!

[102] Власть и художественная интеллигенция. С. 259.

По-видимому, Слонимский (может быть, лишь из предосторожности – не знаю) пообещал вернуться к роману, потому что 1 июня 1937 г. Павленко спрашивал:

> Что ты поделываешь? Помимо заседаний. Кончил ли о пограничниках всё, что хотел, и вернулся ли к роману об оппозиции? <...> Я торчал в Ялте, писал, много бродил по горам и лечился в каком-то диатермическом кабинете... Был у меня там Саша Фадеев. Вспоминали тебя, твой роман.

30 октября 1937 г. в письме Павленко И.И. Слонимской тот же вопрос о работе ее мужа:

> Как дела с его старым романом, за который он намеревался сесть вплотную?[103]

И снова 4 декабря 1937 г.:

> Как подвигается Мишин роман? Должно быть нелегко, а – главное – жизнь все время усложняет его развитие.

Это последнее упоминание в письмах Павленко о романе Слонимского. Жизнь действительно, как писал Павленко, «все время усложняла его развитие». Чем дальше, тем больше. Возник новый социальный заказ – на роман о врагах народа, но Слонимский с такой задачей справиться не мог. Пришли иные времена, взошли иные имена. В 1937 г. «Знамя» напечатало роман Н. Вирты «Закономерность» (в конце его стоят даты 1927–1936, но это скорее для понта, вряд ли молодой автор десять лет терпеливо переделывал роман, пока не довел его до кондиции 1937 г.). В романе Вирты, оснащенном для монументальности библейским эпиграфом, троцкистские бандиты являются уголовниками и наймитами империализма, глубоко чуждыми советскому народу. Этот роман неоднократно переиздавался (последний раз аж в 1972-м в «Московском рабочем»...)

[103] Возможно, конечно, что ответить Павленко отказом Слонимский попросту опасался.

От удара, нанесенного ему запретом романа об оппозиции, Слонимский, пожалуй, не оправился. Исторического времени для публикации романа уже не случилось – ни в оттепель, ни тем более в перестройку; вряд ли для него найдется читатель и в постсоветские времена… Да и судьба последней беловой рукописи романа, которую Слонимский хранил, не очень ясна…

3. Писательское «счастье» Петра Павленко

Представление о Петре Павленко, как о человеке, запросто вхожем к Сталину, противоречит трудностям, с которыми шли к читателю его книги 1930-х гг.[104]. Первая из них – роман «На Востоке» о «выходе большевиков к Тихому океану» в начале 1930-х. Это роман-очерк, с заурядными публицистическими вставками, с массой героев – и наших, и китайцев, и японцев, и западных, с Владивостоком и Биробиджаном, с тщательно сработанным гимном Сталину. Написанный по горячим следам событий и тогда же многократно переписанный (все вместе: август 1934-го – апрель 1936 г.), роман в конце концов угодил всем предварительным высоким цензорам, включая читателя № 1, и был напечатан.

В письмах Павленко к Слонимскому – его переживания и история хлопот с романом «На Востоке».

Лето 1935 г.:

«Я лежу и пишу. Хожу и пишу свою войну. В конце концов онанизм укрепляет организм. Я пережил настроения беспокойства и тщеславной суеты и мог бы писать теперь год, два, три, не интересуясь тем, – пойдет ли он или нет. Как я теперь напоминаю тебя в те дни, когда ты рожал свой роман! Ох, какие нервы нужно иметь. Я стал худой, как щенок, и тоже падаю, но не на улице, а в комнате. Но после этой книги стану писать лучше, серьезнее, взрослее, п<отому> что прошел испытание словом и делом».

[104] По данным журналов записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете, Павленко был на приеме у вождя всего три раза: 31 мая 1933 г. (вместе с девятью другими писателями) и 27 и 31 января 1939 г., причем оба раза с Фадеевым (см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 689, 690, а также Исторический архив. 1998. № 4); встречался он с «отцом народов» и на коллективных встречах писателей у Горького и, возможно, как член Комитета по Сталинским премиям в Кремле при обсуждении кандидатур на премии по литературе.

30 ноября 1935 г.: «Я – покойник. Грипп, отложившись на сердце, превратил меня в мумию, я страшен как Вий маленького роста. Я лежу третью неделю, а завтра и вовсе выбываю в Узкое, вероятно, на месяц. Хвороба + пытка ожиданием (в связи с романом) – почти нетерпимы. Я начинаю приходить к мысли, что писать, выдумывать рискованные сочинения – это болезнь или, в лучшем случае, удел каких-либо демонических натур. С рукописью еще волынка. Я ненавижу ее до глубины души. Переправляю, черкаю. Если бы ее запретили – было бы лучше. Я уже перестрадал ею».

Роман находился в редакции «Знамени», но она не могла решить его судьбу.

Январе 1936 г.:

«Новостей о рукописи немного. Я и задержался с ответом тебе, поджидая новых сенсаций, но таковые не поступили. Аронштам[105] же рассказал следующее – он видел Блюхера в кругу руководящих товарищей и слышал его чрезв. положит. отзыв о книге. Обстановка, однако, показала Аронштаму, что никто кроме Блюхера рукописи еще не видел и даже не знает, что она послана. Тогда я написал письмо Мехлису с изложением обстановки и попросил его помочь. Он мое письмо со своею припиской послал немедленно наверх. Больше пока ничего не знаю».

И в следующем январском письме:

«Уехав от тебя, я снова сел за свою войну и работал, не вынимая (так! – *Б.Ф.*), до сего дня. Сейчас все заново перечитал и обуреваем желанием закинуть свое сочинение А.М. Горькому, которого рассчитываю увидеть послезавтра <...> Я давал рукопись читать кое-кому из инстанций очень осведомленных, хотя и ничего не решающих – отзывы хорошие, тем не менее судьба книги – темна. Ну, я волнуюсь, похудел, как чорт, злюсь и не знаю, когда развяжется с книгой».

1 февраля 1936 г.: «С книгой моей есть кое-какое движение воды. Прочел и «за» Гамарник и Кл. Ефр.[106] – дело за одним человеком[107], с ним говорили – ответ будет через 3–4–5 дней».

[105] Л. Аронштам – заместитель командующего войсками и начальник Политуправления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

[106] К.Е. Ворошилов – с 1925 г. нарком обороны.

[107] Намек на Сталина.

7 марта 1936 г.: «С романом? По-прежнему. Было 6 редактур и я пою "Все выше и выше и выше стремим мы полет наших птиц". Штопаю, вклеиваю, вырезаю, дописываю и наивно думаю, что пойдет. А годы, меж тем, проходят, все лучшие годы».

Первую часть романа напечатали в июльском номере «Знамени»;

3 ноября 1936 г. Павленко к Слонимскому:

«Да, роман как будто принят хорошо. Самое смешное, что вторая половина его еще не разрешена. Но я не думаю о его судьбе. Я пишу уже другое и об этом другом думаю. Да и вообще до книг ли сейчас! Скоро будет война – это главное. Я думаю о ней много и глубоко. Она решит вещи более важные, чем детали наших биографий, и будет первой великой и справедливой войной в истории. Написать о ней или записать ее, вернее, пока успеешь – вот, что будут читать люди и через 100 и через 500 лет, как мы читаем "Анабазис"[108] или "Записки" Ю. Цезаря».

Между тем, со второй частью все повторилось. Павленко писал члену редколлегии «Знамени» С. Рейзину:

> Что с концом нашего хронического романа? Я ума не приложу. Не стоит ли ввязать в дело Осепяна? Чтобы и он позванивал? Я послал телеграммы Фадееву и Ставскому с просьбой поговорить с Талем и хочу написать письмо ему самому. Но я уже не знаю, что писать. Я писал – и через Кирпотина получил ответ, что на днях он прочтет и скажет. Просил помочь Юдина. Я хочу писать Ежову. Посоветуйся со Ставским и коротко напиши мне – обращаться ли в ЦК или подождать? Ужасно надоела мне вся эта история. Может, телеграфировать Гамарнику? Не знаю его адреса и где он сейчас? Если находишь этот путь нужным, дай ему телеграмму SOS за моей подписью. Пожалуйста![109]

[108] «Анабасис» – произведение древнегреческого писателя и историка Ксенофонта – рассказ о походе Кира Младшего и возвращении греческого отряда на родину.

[109] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 1089. Л. 112–113. На письме надпись: «16 VI 36. Тов. Вишневскому: В очередных номерах печатаем роман Павленко».

Окончание романа напечатали в декабрьском номере...Характерного признания добились следователи НКВД от арестованного Бабеля: «Мы всячески подрывали значение романа Павленко "На Востоке" и обвиняли в бездарности Вирту, писавшего о троцкистах...»[110]

Тема кавказской войны, освободительного движения горских народов давно занимала Павленко, выросшего на Кавказе и прожившего там четверть века; она все 30-е годы была в центре его художественных интересов. В заметке 1938 г. он писал:

> Материал был обширен и нов, контуры большого исторического романа казались легко решаемы. Однако, когда я ближе познакомился с материалом (я начал работать над этой темой с весны 1931 г.), дело оказалось труднее, чем я думал. Написать исторический роман о Шамиле и Хаджи-Мурате, по-новому развернуть течение борьбы и определение характеров было, быть может, и интересно, но недостаточно. Показать прошлое Кавказа можно было лишь в свете опыта и побед Великой октябрьской революции. Контуры будущего романа расплывались[111].

Павленко редактировал интересный журнал «30 дней» – в нем печатались хорошие писатели и хорошие художники. Номер 6 журнала «30 дней» за 1933 г. открывался тремя страничками из большого повествования Павленко о Шамиле («Гергебиль. Сцены из жизни аула»). Автор предуведомлял читателей: «Сцены охватывают биографии аула Гергебиль примерно за последние 80 лет его жизни... В печатаемом рассказе представлен Шамиль, глава национально-освободительного движения горцев Чечни и Дагестана, в дни расцвета своей власти». Рассказ написан легко и сочно; автор изящно владеет материалом: на трех страничках – события истории, пейзаж, живые люди, их взаимоотношения. Рассказ мудрый и загадочный, не верится, что этим же пером написан роман «На Востоке».

---

[110] *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 104.
[111] *Павленко П.* Кавказская повесть. М., 1958. С. 3.

Снова обратимся к письмам.

В *январе 1936 г.* Павленко сообщил Слонимскому, что дагестанцы привезли ему новый материал о Шамиле. Работа началась при неясной судьбе романа «На Востоке», и все-таки с оптимизмом: «В ожидании новостей я пробавляюсь консилиумом (нашли малярию в нервной системе) – и когда нет головных болей – работаю над Шамилем. Превосходная тема, скажу тебе. Хорошая тема. Веселая. На сердце не влияет. Если здоровье будет устанавливаться, сделаю ее быстро и, кажется, хорошо».

Чем дольше тянулись ожидания с предыдущим романом и чем больше его приходилось переделывать (а еще приходилось и зарабатывать на хлеб), тем острее нерв писем.

7 марта 1936 г.: «От безумия и тоски пишу второй рукой Шамиля, а третьей перевожу одну вещь с французского об Абиссинии».

18 августа 1936 г. Павленко рассказывает об очередных переделках «На Востоке»: «В связи с этим лежит без движения очень не плохо развивавшийся Шамиль. С ним покончу не ранее весны».

2 октября 1936 г.: «Конец романа где-то еще бродит. Я, когда не болела голова, возился с Шамилем и многое сделал, почти 1/3, если не больше. Как будто ничего. Но торопиться с этой книгой не хочу, охота посидеть над ней дольше, без многочисленных редакторов и «соавторов», как было с дальневост. романом».

20 октября 1936 г.: «Пишу в мыслях “Шамиля”, но за зиму не закончу, нет. Печатать частями не хочу, а всё будет готово к весне».

В 1937-м гнет всевозможных «общественных» поручений превосходил у Павленко терпимые пределы. Об этом – в письме *17 февраля 1937 г.*: «Что касается “Шамиля” – дело так: у меня – 2 Шамиля. Один Шамиль – это биография. Другой Шамиль – роман “Гергебиль”. “Гергебиль” у Вас[112]. Шамиль – в “Знамени”[113]. Но все это теоретически, ибо пока не пишу ни того,

[112] То есть в журнале «Звезда», членом редколлегии которого был М. Слонимский; в № 12 за 1936 г. «Звезды» в планах на 1937 г. было объявлено: «Павленко. Роман о Шамиле», но роман не напечатали и в планах на 1938 г. не объявляли.

[113] В № 12 «Знамени» в планах на 1937 г. объявили: «Павленко. Шамиль, роман», но вместо «Шамиля» напечатали в № 12 сценарий Павленко «Русь» (совместно с С.М. Эйзенштейном); в планах на 1938 г. «Шамиль» не значился.

ни другого. Вчера сидел злой, считал телефонные звонки. 72! Разговариваю только матом».

1 июня 1937 г.: «Я, если удастся, все-таки закончу “Шамиля”. Пока он валяется незаконченным, но действует на нервы. Начал повесть».

30 октября 1937 г. Павленко сокрушается, что нет времени приехать в Ленинград: «Очень хотелось бы почитать и новый сценарий об Александре Невском и роман о Шамиле, хоть последний еще и в сыром виде, но в общем уже довольно ясен. Мне кажется, кавказская вещь будет хорошей книгой, особенно, когда напишу всю трилогию – до наших дней. Хочу, начав с сороковых годов прошлого века, довести до наших дней, до Сталина. Писать узко исторический роман как-то не хочется. Первая из трех книг почти готова».

23 апреля 1938 г.: «С утра до ночи вожусь со сценарием “Ал. Невский”, который уже запущен в производство. Раз в декаду ухитряюсь написать 5–10 строчек “Шамиля”. ...Писать почти не пишу, хотя даже вижу во сне, что пишу».

Фильм Эйзенштейна «Александр Невский» вышел в 1938 г., а в 1941-м получил впервые присуждавшуюся Сталинскую премию – Павленко был награжден как сценарист. Его книгу о Шамиле напечатали тоже в 1941 г.; отдельным изданием она вышла в Махачкале, в 1942-м, когда гитлеровцы рвались на Кавказ – ее издали в скромном картонном переплете ничтожным даже по военным временам тиражом 8000 экземпляров. После депортации чеченского населения ее, понятно, не переиздавали, хотя Павленко все еще не терял надежды. 19 ноября 1946 г. он писал из Ялты в ленинградский «филиал» московского издательства, что там «лежат две мои книжки “На Востоке” и “Шамиль”, вышедшие на языках Дагестана и на Украине и залежавшиеся только в русском издательстве. Я никак не могу добиться толку относительно этих двух книг» и добавлял, что «охотно передал бы вам Шамиля»[114].

27 июля 1950 г. «Литературная газета» напечатала передовую «Правда истории», посвященную публикации в журнале «Большевик» статьи «азербайджанского Сталина» М. Багирова (в 1956-м расстрелянного, как сообщника Берии) «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». Авторы, чья

[114] РО ИРЛИ Ф. 519. № 147. Л. 6.

точка зрения не совпадала с позицией Багирова, разоблачались; одного из них даже лишили только что полученной Сталинской премии. «Литературная газета» решила пополнить список разгромленных ученых авторами прозы и стихов, и тут к месту вспомнили Павленко. Критиковали четырежды сталинского лауреата (за сценарии трех фильмов, включая постыдные просталинские фальсификации «Клятва» и «Падение Берлина», и за роман «Счастье»), но критиковали аккуратно («Почему мюридизм привлек внимание талантливого писателя? Потому что он не разобрался в исторической сложности эпохи, за экзотической оболочкой не увидел исторического существа явлений»), без оргвыводов, но ясно было, что на «Шамиле» ставится окончательный крест. А Павленко, который в 1945-м переселился в Крым, оставалось жить меньше года...

«Шамиля» переиздали сорок лет спустя – в 1990 г., и опять в Махачкале. До новой кавказской войны оставалось уже совсем недолго. Для сегодняшнего читателя «Шамиль» – не экзотика (вся география – на слуху), это книга о тех страницах истории России XIX в., знания которых сегодня недостает не столько любителям изящной словесности, сколько ответственным политикам. «Прояви Шамиль несколько больше веротерпимости, раздвинь он рамки своего шариатского кодекса, и у него были бы не тысячи, а десятки тысяч людей, ищущих спасения от палочной цивилизации николаевской России. Нам бы, нам такую страсть, такое подвижничество, такую гордость – невольно думал русский человек эпохи Николая Первого и борьба с горцами открывала ему глаза на многое и многому научила»[115].

«Кавказскую повесть» напечатали посмертно в трех номерах «Нового мира» за 1957 г., издали в Москве в 1958-м и в Махачкале в 1966-м. И вот эта работа Павленко оказалась не напрасной...

В последнем письме Павленко, адресованном Слонимским в начале 1939-го, он рассказывает, что вместе с Фединым и Фадеевым зван в Институт Маркса и Энгельса «отчеканивать язык» нового перевода Коммунистического манифеста, пишет о новых семейных планах («я полюбил детей – чем их станет больше, тем лучше... Дети – это бессмертие») и снова оптимистичен.

[115] *Павленко П.* Шамиль. Махачкала, 1990. С. 216.

На этом переписка Павленко со Слонимским оборвалась. Скорей всего, причиной тому стала обида Слонимского.

Первое массовое награждение орденами советских писателей (о нем сообщила «Литературная газета» 5 февраля 1939 г.) вызвало в писательской среде эмоциональную бурю. Списки награжденных готовились загодя и тщательно. В Союзе писателей этим персонально занимались Фадеев и Павленко. Они лично предложили исключить из списка, сомневаясь в их политическом лице, Бабеля, Пастернака, Эренбурга и Олешу, оставив, впрочем, вопрос на рассмотрение ЦК, и «ЦК» (Сталин) с ними согласился[116]. Берия представил компромат на 31 потенциального орденоносца (включая Павленко!)[117], но «ЦК» фактически не придал этому значения. Павленко (как и Фадеев, и Вирта – всего 21 человек) удостоился высшей награды – ордена Ленина. Единственный Серапион, любимый Сталиным, Николай Тихонов также получил орден Ленина. Серапионы Зощенко, Вс. Иванов и Федин, а также близкие к Серапионам Тынянов, Шкловский, Форш, Шагинян, а кроме того, молодой ленинградец Герман и старый Чуковский получили «Трудовое Красное Знамя». Что касается Серапиона Вс. Иванова, то в дневниках К. Чуковского записан рассказ Т.В. Ивановой: «Было решено дать Всеволоду орден Ленина, но Павленко вмешался: "Ему достаточно Знак Почета". Тогда Сталин сказал: "Ну если не Ленина, дадим ему орден Красного знамени"»[118]. По-видимому, и про Слонимского (его имя отсутствовало в списке компроматов Берии) Павленко решил, не забывая сталинской фразы «говно ваш Слонимский», что хватит ему «Знака почета». Именно его Слонимский и получил вместе с начинающими Долматовским и Алигер, вместе с незадолго перед тем уже награжденными орденом Ленина А. Толстым и Вс. Вишневским... После этого безрадостного для Слонимского награждения его переписка с Павленко прекратилась. Характерно, что в письме бывшему издательскому коллеге Слонимского поэту и редактору Г.Э. Сорокину 19 ноября 1946 г. Павленко, передавая пылкие приветы ленинградцам Ольге Форш («патронессе Ленинграда»), «многострадальной Зое Александровне» <Никитиной>

[116] Литературный фронт. М., 1994. С. 38.

[117] *Там же*. С. 38–39.

[118] *Чуковский К*. Т. 13. С. 197–198.

и, конечно, Груздевым, имени Слонимского даже не упоминает...[119]

В завершении истории «Слонимский – Павленко» еще три эпизода.

В 1943 г. Слонимский напечатал положительную рецензию на лучшую книгу Федина «Горький среди нас»[120], вскоре после этого подвергнутую разносу. Тогда-то Павленко, выступая в Союзе писателей, и назвал книгу Федина «клеветой»...[121]

В 1952 г. у, когда Павленко уже не было в живых, Слонимского встретил в Малеевке В.Я. Кирпотин. Вот его рассказ, который в книге Кирпотина следует сразу за сюжетом 1932 г., существенно повлиявшим на дальнейшую судьбу Слонимского: «Через 20 лет в Малеевке я осторожно рассказал ему о веселом (! – *Б.Ф.*) разговоре Сталина и Павленко. Слонимский покраснел, но, как мне показалось, все же был благодарен, что я ему рассказал это. Он, наконец, понял причину всяческих трудностей, которые возникли после октября 1932 года. И оценил правильно поведение действующих лиц:

– Я понял. Павленко защищал меня, и защищал умело.

Понял он и неожиданный жест Горького. Через два-три дня после описываемых событий (то есть «веселого разговора» Сталина с Павленко, происходившего в доме Горького. – *Б.Ф.*) Горький вызвал Слонимского к себе и сразу, без промедления принял его. Затем, ничего не объясняя, передал ему письмо, в котором подробно писал о достоинствах писателя Слонимского.

– Это я писал не только вам, – сказал Горький. – Я писал это вам для того, чтобы вы могли показывать это письмо. Показывайте! Показывайте!

Горький не хотел, чтобы Слонимский оказался среди писателей-изгоев. Он принял доступные в его положении меры. Не афишируя своих действий, защитил»[122].

В 1965-м вышла «Книга воспоминаний» М. Слонимского с очерком о Павленко «На буйном ветру». Есть в этом очерке и проницательные замечания («Веселости в нем было много, но легкомыслия не замечалось»), и слова, на которые здесь мож-

---

[119] РО ИРЛИ. Ф. 519. № 147. Л. 6.

[120] Октябрь. 1943. № 8–9.

[121] Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 223.

[122] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 205–206.

но было бы и возразить, кабы не эпизод 1932 г. («Не помню случая, чтобы острое словцо привело его к несправедливому поступку»). Общий вывод очерка, однако, уныло риторичен для фигуры нестандартного героя: «Павленко шел по глубокому руслу жизни, по главной ее магистрали»[123]. Жаль, что Слонимский не написал о Павленко, как он написал «в стол» о Фадееве...

[123] *Слонимский М.* Книга воспоминаний. Л., 1966. С. 243, 237, 246.

МЕЖДУНАРОДНОЕ АНТИФАШИСТСКОЕ ПИСАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В 3-х АКТАХ (ПРОДЮСЕР И. СТАЛИН)

Материалы к истории

В политической истории середины 1930-х гг., как она сложилась в Европе, в ситуации тогда еще по существу не осознанного интеллигенцией противостояния двух тоталитарных систем, одна из которых открыто выражала свои идеологические, расистские установки и планы и естественно вызывала неприятие и тревоги потенциальных жертв, а другая, прикрывая достаточно радикальной классовой идеологией (вполне, впрочем, привлекательной тогда для весьма широких трудящихся слоев) тайные имперские устремления, кому-то на Западе казалась единственным щитом против угрозы первой, а других заставляла лавировать, а то и метаться в поисках сомнительных компромиссов; в этой пахнущей большой кровью европейской ситуации 1935 г. стал годом огромных, хотя в итоге, как совсем вскоре выяснилось, всего лишь призрачных, надежд. Упущенные политиками и идеологами различных лагерей в предыдущее десятилетие возможности (не исключено, правда, что сугубо мнимые) предотвращения локальных побед экстремистских сил обернулись в Европе достаточно мощной тенденцией объединения демократических устремлений на вполне широкой антивоенной и антифашистской платформе. Знаковым проявлением этой тенденции стали победы Народных фронтов во Франции и в Испании, способные, как тогда казалось, переломить ход европейских событий к лучшему.

Заказ № 2076

Международные конгрессы писателей в защиту культуры в середине 1930-х гг. в немалой степени способствовали не только объединению левой художественной интеллигенции, но и, в чисто пропагандистском плане, сплочению тех политических сил, что составили, например, базу Народного фронта во Франции.

В силу высокого морального авторитета литературы в 1920–1930-е гг. конгрессы писателей для Сталина означали демонстрацию поддержки строящегося под его руководством и по его чертежам социализма со стороны широкой демократической общественности Запада, поддержки, нужной ему не только в международном плане, но поначалу еще и для внутреннего пользования в конкретных обстоятельствах середины 1930-х гг.

Разумеется, поддержка эта при всей яркости ее массового выражения, была следствием лишь энергичной пропаганды и, как показал хотя бы случай с Андре Жидом, приобретала совсем другие, куда более сдержанные, формы после первого реального ознакомления на месте с положением дел в СССР. Требовалась, однако, немалая воля для того, чтобы не довольствоваться предлагаемыми клише, которые в условиях недостатка объективной информации и обеспечивали создание зарубежных движений в поддержку сталинского режима.

Участие СССР было необходимой компонентой для практического осуществления конгрессов; оно же и погубило так вроде бы хорошо начавшееся дело антифашистского единения интеллигенции, как только Сталин ощутил предпочтительность совсем других союзов.

Листая страницы материалов, относящихся к истории Международных антифашистских писательских конгрессов 1930-х гг., нельзя не держать в уме этого комплекса трагических обстоятельств и перспектив.

I. На пути к Парижу. 1934–1935

1. Краткие справки на 1935 год

Первый международный конгресс писателей в защиту культуры от фашизма собрал литераторов из 35 стран, делегатов было больше двухсот; не менее двух десятков писателей активно занимались реальной подготовкой конгресса. Многие из них попадают в наше поле зрения, и о каждом есть что расска-

зать. Ограничимся предварительной информацией лишь о ключевых фигурах нашего повествования, не выходя за рамки самых сжатых справок. Выбор этих фигур диктуется не только их объективной ролью в описываемых событиях, но и конкретным составом приводимых здесь документов.

Начнем с французов.

Анри Барбюс (1873–1935) – окончил Сорбонну, защитил диссертацию по философии; в 1914 г. ушел добровольцем на фронт. В романе «Огонь» (1916) Барбюс показал войну во всей ее жестокости и бессмысленности; его роман, по точному выражению Ильи Эренбурга, «родился в крови, в грязи окопов, и эта книга сыграла огромную роль в отрезвлении миллионов людей»[1]. После войны Барбюс пытался объединить европей-скую интеллигенцию на антимилитаристской платформе; он возглавил Ассоциацию бывших участников войны, международную литературную группу «Кларте». Вступив в ФКП (1923), Барбюс проводил «Конгрессы друзей СССР»; в 1929 г. он руководил Международным конгрессом против империалистиче-ской войны в Амстердаме; в 1933-м открыл в Париже Международный антивоенный конгресс молодежи. В 1930–1932 гг. идеологи ФКП и МОРП (Международная организация Революционных Писателей)[2] открыто нападали на Барбюса, резко критикуя его как директора журнала «Монд» за «идейную путаницу» и неклассовую позицию; Горького тогда вынудили выйти из состава редакции журнала. Чтобы не лишаться советской поддержки, Барбюсу пришлось отказаться от услуг литераторов, занимавших, по тогдашней терминологии, троцкистские позиции, и впредь уделять в журнале гораздо больше места пропаганде достижений СССР.

Жан Ришар Блок (1884–1947) – окончив Сорбонну, преподавал историю в Пуатье, тогда же начал писать прозу, выступив с книгой рассказов. Вскоре Блок становится активистом социалистической партии. В 1910 г. он основал литературно-критический журнал «L'Effort» («Усилие»). Участник Первой мировой войны с ее первых дней, Блок был трижды ранен (в последний раз тяжело контужен под Верденом). Во взгляде на

[1] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 169 (при ссылках на это издание далее указываются том и страница).

[2] Создана на базе Международного Бюро Революционных Писателей в Харькове в 1930 г.

мировую войну не разделял позиции Роллана – «Над схваткой». Именно война определила его прочные антимилитаристские взгляды. Известность Блоку принес роман «...и компания», над которым он работал в 1911–1914 гг. Это семейная хроника клана эльзасских фабрикантов в последнюю треть XIX в., которая напомнила Р. Роллану «о гении Бальзака» и, как он считал, это «единственный французский роман, достойный того, чтобы занять место рядом с шедеврами "Человеческой комедии"». После войны Блок примыкает к литературной группе Барбюса «Кларте», затем отходит от ее радикализма и вместе с Роменом Ролланом основывает журнал «Europe», очень быстро завоевавший популярность прогрессивной интеллигенции. Роман Блока «Курдская ночь» (1925) написан на восточную тему не без сюрреалистического влияния...Заметное место в творчестве Блока занимала художественная публицистика. Еще в 1921 г. вместе с частью социалистов он примкнул к вновь созданной ФКП; в 1934 г. был гостем Первого съезда советских писателей, его речь на съезде обратила на себя внимание, в частности, убежденной полемикой с официальным докладом Карла Радека.

Андре Мальро (1901–1976) – учился археологии и восточным культурам; в 1923 г. отправился в Индокитай. 10 лет жизни и писательства Мальро отдал Востоку. Интерес к восточной культуре, природная активность, если не сказать авантюрность, помогли ему стать не только очевидцем, но и участником революционных схваток в Китае, и в итоге в чисто экзистенциальном плане осознать Революцию как ценнейшее наполнение жизни, как способ преодоления абсурда бытия. Человек действия, Мальро, как и его друг 1930-х гг. Илья Эренбург, рано оценил значение политики и социальной практики в судьбе XX в., и его книги вырастали из этого понимания и соответствующего ему опыта. Первые три романа Мальро, образовавшие фундамент экзистенциалистской литературы Франции, – «Завоеватели (1928), «Королевская дорога» (1930) и «Удел человеческий» (1933, Гонкуровская премия) – книги о Востоке и Революции, и, вместе с тем о «западном человеке» в столь остром контексте. Осознание того, что путь к победе – это путь от усилий отдельных личностей к усилиям организованной массы, не разрешало для Мальро главной проблемы: одиночество человека перед лицом смерти («Удел человеческий»). В 1930-е гг. Мальро начали издавать в СССР; в 1934 г. он участвовал в работе

Первого съезда советских писателей, на котором заявил: «Культура – это не наследство. Культура – это не подчинение. Культура – это завоевание». В 1935 г. в переводе И. Эренбурга вышел роман Мальро о мужестве узников гитлеровских застенков «Годы презрения»; однако отношение советских властей к Мальро оставалось внутренне настороженным. При всей левой ангажированности Мальро в 1930-е гг. его подлинный портрет содержал куда больше красок.

Андре Жид (1869–1951) – начал писать под несомненным влиянием Малларме и Уайльда; строгая критика неизменно обвиняла его раннюю прозу в эстетизме и аморализме; в зрелые годы творчество А. Жида находилось под сильным воздействием Достоевского. Роман «Фальшивомонетчики» (1925) оказал безусловное влияние на французскую литературу XX в. Две книги, написанные после поездки в Африку (1926) – «Путешествие в Конго» и «Возвращение с озера Чад» – исполнены впечатляющей критики колониальных злоупотреблений. С них начинается заметное полевение А. Жида, вызвавшее во Франции как одобрительные, так и скептические отклики. В СССР обращение А. Жида в коммунистическую веру было встречено радостно; в 1930-е гг. в Москве дважды издается собрание его сочинений (пятый том последнего издания, объявленный в 1936-м, как и книга «Новая пища», переведенная под редакцией Бабеля, не вышли в связи с появлением во Франции книги Жида «Возвращение из СССР»).

Луи Арагон (1897–1982) – внебрачный сын французского дипломата, посла в Испании, получил фамилию по названию испанской провинции; учился на медицинском факультете Сорбонны. В 1917 г. ушел на фронт санитаром; начав писать стихи, примкнул к дадаистам, затем к сюрреалистам (роман «Парижский крестьянин» – 1926). В 1927-м вступил в ФКП; в 1928-м познакомился в Париже с Маяковским и женился на Эльзе Триоле, сестре его возлюбленной Лили Брик. После этого порвал с вождем сюрреалистов Андре Бретоном и последовательно занимал просоветские позиции и в политике, и в литературе (поэма «Красный форт» – 1930, сборник стихов «Ура Урал» – 1934). Приехав в 1930 г. в Москву поддержать Лилю Брик после самоубийства Маяковского, стал участником Харьковского конгресса революционных писателей; участвовал также в работе Первого съезда советских писателей.

Теперь – персонажи советской команды.

Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967) – большевик-подпольщик в гимназические годы, прошедший через тюрьму и ссылку, в 1908-м стал политэмигрантом, в Париже вскоре полностью отошел от политической работы, начав писать стихи; едва не принял католичество. Работа военным корреспондентом российских газет на франко-германском фронте вернула его к политике. Увиденная воочию бессмысленная жестокость мировой бойни дала его стихам оригинальное и сильное звучание. В 1917 г. возвращается в Россию; октябрьский переворот делает его автором антибольшевистских статей и стихов. Бежав из Москвы в Киев, выступает как публицист, пропагандирующий демократический (антибольшевистский и антимонархический) путь развития России. Вскоре убеждается в нереализуемости этого пути, принимает победу красных и возвращается в Москву. В 1921-м выезжает с советским паспортом на Запад. Первый роман «Похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921) переведен на большинство европейских языков; сочетание сатиры и лирики, характерное для дарования Эренбурга, определило особенности его поэтики. К концу 1920-х гг. с резким ужесточением политической цензуры в СССР программа Эренбурга (живя на Западе и сохраняя определенную степень художественной свободы, печататься в СССР) исчерпывает себя, и органически не принимавшему идеи писать «в стол» Эренбургу приходится всерьез присягнуть сталинскому режиму романом «День второй» (1933). С этой поры, продолжая жить в Париже, Эренбург становится центром немалого круга французской левой интеллигенции, что и позволило ему сыграть значительную роль в описываемых здесь событиях 1930-х гг.

Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд; 1898–1940) – учился в Петроградском неврологическом институте; с 1918 г. – член РКП(б), журналист, с 1920 г. работал в Москве; будучи редактором «Огонька», в 1924-м присягнул Сталину и с тех пор играл исключительную роль в советской журналистике; хлесткий фельетонист, мастер политического репортажа, Кольцов стал крупной политической фигурой, безотказно выполняя любые задания Сталина. «В нем был постоянный разлад между общественным сознанием и собственной совестью», – вспоми-

нал Эренбург и прибавлял: «История советской журналистики не знает более громкого имени, и слава его была заслуженной»[3]. Возглавляя Иностранную комиссию Союза писателей, Кольцов, естественно, принимал самое активное участие в подготовке и проведении Международных писательских конгрессов 1930-х гг.

Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945) – с 1918 г. в РКП(б), в 1921–1924 гг. учился в Коммунистическом университете им. Свердлова, затем на партийной работе; в 1930–1932 гг. учился в Институте красной профессуры. Работал в Нижегородском обкоме ВКП(б), где познакомился с Горьким, рекомендовавшим его на должность оргсекретаря Союза писателей (1934–1936). «Литература для него – чужое, второстепенное дело», — написал о нем Горький, познакомившись поближе[4]. Типичный партчиновник сталинской школы, исполнительный и работоспособный, он, возглавляя Союз советских писателей, не проявлял себя кровожадным Держимордой, как, скажем, сменивший его в 1936-м «писатель» Ставский. Впоследствии Щербаков сделал успешную партийную карьеру (секретарь МК ВКП(б), секретарь ЦК).

2. Письмо Эренбурга Сталину

Первая страница *истории* международных антифашистских писательских конгрессов была написана 23 марта 1939 г. на Лубянке, когда после трех месяцев пыток М.Е. Кольцов впервые дал показания. Он анализировал корни своей мелкобуржуазной психологии и «связи» с троцкистами и левыми в начале 1920-х гг., а затем связи с Бухариным и «правыми» в конце 1920-х и следом – правое «подполье» в редакции «Правды», а также все знакомства с разоблаченными к тому времени «врагами народа» и т.д. Затем следуют продуманные сюжеты, связанные с вынужденными признаниями – вроде того, что по возвращении из Испании в конце 1937 г. он «находился под сильным впечатлением размаха репрессий в отношении врагов народа. Этот размах мне казался преувеличенным и

[3] *Эренбург* (2, 135–136).
[4] Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 218.

ненужным»[5]. Так Кольцов подошел к теме создания широкого международного антифашистского фронта писателей.

И вот главная для нас информация:

> Решение создать международную ассоциацию писателей было принято в 1934 году, в августе, во время всесоюзного съезда писателей в Москве. На совещании у М. ГОРЬКОГО с участием иностранных писателей-делегатов[6] был намечен созыв большого антифашистского литературного конгресса и, на базе его, – литературной организации (до этого в области писательских связей орудовало лишь «МОПР» (так! – *Б.Ф.*) – узко сектантское объединение рапповского типа). Подготовительную работу взяли на себя постоянно проживающие в Париже МАЛЬРО, АРАГОН, БЛОК, ЭРЕНБУРГ. Кроме того, ГОРЬКИЙ обратился телеграфно к Р. РОЛЛАНУ и А. ЖИДУ с просьбой поддержать дело и получил их согласие.

Не будем исключать возможности такого совещания у Горького и его поддержки иностранными писателями. О том, насколько в пору Первого съезда писателей идея международного антифашистского фронта писателей носилась в воздухе, можно судить и по спецсообщению секретно-политического отдела

[5] Все показания М.Е. Кольцова на следствии здесь и далее приводятся по хронологической публикации протоколов следствия в кн: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. М., 2002. Разумеется, следователи фиксировали не все из рассказанного арестованным; так, скажем, в протоколах ни разу не встречаются имена Сталина и других действовавших в 1939 г. членов Политбюро, от которых Кольцов получал задания и указания в работе, на которые он, по крайней мере поначалу, наверняка ссылался.

[6] Речь идет о встрече с иностранными гостями съезда писателей на даче Горького, на которой присутствовали несколько советских писателей, а также члены правительства во главе с Молотовым; 24 августа 1934 г. «Правда» поместила снимок этой встречи (плохого качества; на нем точно можно узнать лишь Горького и рядом с ним Ж.Р. Блока) – поэтому «Летопись жизни и творчества А.М. Горького» (т. 4. М., 1960) неопределенно датирует встречу 17–23 августа. Эту встречу упоминают Эренбург (2, 39) и – более подробно – Ж.Р. Блок в воспоминаниях о Горьком (Интернациональная литература. 1941. № 6. С. 140–141) – но, «верные присяге» считать, что инициатива исходила от французов, они о первоначальной инициативе Горького не пишут.

ГУГБ НКВД СССР «О ходе всесоюзного съезда советских писателей» от 31 августа 1934 г.[7]. Это сообщение было послано наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде и его заместителям Я.С. Агранову и Г.Е. Прокофьеву; оно содержало раздел «Об иностранных делегатах». В нем со слов осведомителя повествуется, в частности, о том, что во время съезда К.Б. Радек беседовал с А. Мальро и Ж.Р. Блоком (с каждым по отдельности), предлагая проявить руководящую инициативу по созданию единого антифашистского фронта писателей. Остается неясным, были эти разговоры личной инициативой Радека, или он получил указание либо «добро» Сталина. И Мальро, заметивший о предложении Радека: «дело ясное – дают взятку, но как грубо это сделано», и Ж.Р. Блок, которому Радек сказал, что «относится к нему с таким доверием, которое он не мог бы оказать Мальро», и Блок это сразу раскусил: «Шито белыми нитками», – все они были предложением Радека озадачены. Удовлетворили Радека их ответы или нет, были ли достигнуты какие-либо предварительные договоренности или нет, докладывал ли он об этом куда надо или нет – все это неизвестно.

И Мальро, и Блок, несомненно, рассказали об этом предложении своему другу Илье Эренбургу (возможно, в августе в Москве или, может быть, в сентябре в Париже) – ведь стараниями именно его они были приглашены в качестве гостей на Первый съезд советских писателей. В четвертой части мемуаров «Люди, годы, жизнь» Эренбург писал: «Во время съезда мы не раз говорили, что нужно попытаться создать антифашистский фронт писателей»[8], и затем, рассказав, как добирался морем до Марселя и как в Париже был на митинге, посвященном съезду советских писателей, вспомнил: «Был у меня разговор с Жаном Ришаром Блоком. Он говорил, что пришел к коммунизму извилистым путем, что сейчас нужно объединиться вокруг самого насущного – борьбы против фашизма; иначе писатели-коммунисты окажутся изолированными. Я написал в Москву длинное письмо, рассказал о настроениях западных писателей, об идее антифашистского объединения»[9].

[7] См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 235.

[8] *Эренбург* (2, 51).

[9] *Эренбург* (2, 52).

В этом рассказе есть одно умолчание и одна неясность. Умолчание касается адресата письма: им был Сталин (правда, в таком контексте применительно к 1930-м гг. слова «В Москву», «В Кремль» и «Сталину» – едва ли не синонимы). Неясность – разговор с Блоком об идее объединения состоялся в Париже после возвращения с московского съезда или еще в Москве? В любом случае, письмо в Москву, о котором говорит Эренбург, было написано им 13 сентября 1934 г. в Одессе перед отплытием в Марсель. Запамятовал эту подробность Эренбург или сознательно ее опустил – сказать трудно. Довоенный архив писателя погиб в Париже в 1940 г., и, работая над мемуарами, он не располагал текстом своего письма к Сталину. Однако в начале 1960-х гг. незнакомая читательница прислала Эренбургу тексты и его письма, и неизвестной ему резолюции Сталина[10], поэтому он мог, как часто это делал, внести в мемуары соответствующие поправки, но не сделал этого. Почему? Предположений может быть несколько: не счел существенным, или не захотел по соображениям политическим писать о неосуществившемся плане Сталина, или не мог по соображениям цензурной непроходимости упомянуть важные детали, без которых рассказ терял для него смысл. Не будем гадать. Для нашего повествования важнее другое: почему Эренбург написал Сталину в Одессе, а не в Москве сразу же после съезда писателей и не в Париже после бесед с Мальро, Блоком А. Жидом и другими писателями?

Ответ на этот вопрос, как кажется, удалось найти в украинской газете «Молода гвардiа» за 14 сентября 1934 г. В ней сообщалось, что 12 сентября в одесском Доме прессы, литературы и искусств им. М. Коцюбинского Эренбург выступил с докладом о работе съезда писателей. После Эренбурга на этом вечере выступили А. Корнейчук, гость съезда греческий писатель Дм. Глинос и (это самое существенное для нашего сюжета!) Н.И. Бухарин. Напомню, что Эренбург и Бухарин – друзья

[10] На одной из встреч с читателями Эренбург получил записку участницы войны, историка Л. Зак, о том, что, работая в архиве Института Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ), она обнаружила там письмо Эренбурга Сталину и резолюцию вождя; «может быть, Вам для работы требуется этот документ?» – спрашивала Л. Зак, предлагая «с великой радостью» предоставить тексты Эренбургу» (Архив автора).

юности, товарищи по Первой московской мужской гимназии и большевистскому подполью; их дружеское общение продолжалось и потом, после 1920 г.; став в 1934-м редактором газеты «Известия», Бухарин задействовал парижского корреспондента Эренбурга не в пример прошлому активно; во время съезда писателей, где Эренбург выступил с большой речью, а Бухарин со знаменитым докладом о поэзии, они не раз общались. Нет сомнений, что в Одессе Эренбург мог свободнее общаться с Бухариным (в Москве существенно занятым) и, в частности, обсудить возникшую у него идею объединения западных писателей-антифашистов; возможно, мысль обратиться по этому вопросу к Сталину возникла в ходе их беседы, нельзя исключить и того, что она была подсказана Бухариным[11]. Отметим, что это было первое обращение Эренбурга к Сталину лично, и Бухарин, надо думать, помогал советами: как написать, чтобы Сталин оценил весомость аргументов и одобрил план действий. Не исключено, что Бухарин и отвез письмо Эренбурга в Кремль.

Вот текст этого письма:

Одесса 13 сентября.

Уважаемый Иосиф Виссарионович,

Я долго колебался, должен ли я написать Вам это письмо. Ваше время дорого не только Вам, но и всем нам. Если я все же решился написать Вам, то это потому, что без Вашего участья вопрос об организации близких нам литератур Запада и Америки вряд ли может быть разрешен.

Вы, наверное заметили, насколько состав заграничных делегаций, присутствовавших на съезде, не соответствовал весу и значимости подобного явления. За исключением двух французов – Мальро и Ж.Р. Блока, чешского поэта Незвала, двух (не перворазрядных, но все же одаренных) немецких беллетристов Плювье и О.М. Графа, наконец датча-

[11] Эти соображения мною впервые были высказаны в статье «Великая утопия Николая Бухарина», напечатанной в качестве предисловия к кн.: *Бухарин Н.* Тюремные рукописи: В 2 т. Т. 1. М., 1996, и в статье «Париж начинался в Одессе» (Невское время. СПб. 1995. 27 июня).

нина Нексе на нашем съезде не было сколько-нибудь серьезных представителей западноевропейской и американской литератур. Частично это объясняется тем, что приглашения на съезд, которые почему-то рассылались не Оргкомитетом, а МОРПом, были на редкость плохо составлены. Пригласили отнюдь не тех людей, которых следовало пригласить. Однако главная причина низкого состава иностранных делегаций на нашем съезде это вся литературная политика МОРПа и его национальных секций, которую нельзя назвать иначе, как рапповской.

«Международный съезд революционных писателей», имевший место в Харькове несколько лет тому назад[12], прошел всецело под знаком РАППа. С тех пор произошло 23 апреля[13]. Для нас это резкая грань между двумя эпохами нашей литературной жизни. На беду 23 апреля не изменило политики МОРПа.

Кто ведает МОРПом? Несколько венгерских, польских и немецких литераторов третьей величины[14]. Они давно живут у нас, но эта оседлая жизнь никак не отразилась ни на их психике, ни на их творческой работе. Зато они окончательно оторвались от жизни Запада и они не видят тех глубинных перемен, которые произошли в толще западной интеллигенции после фашистского наступления.

Приведу несколько примеров. В Америке тамошние «рапповцы»[15] отталкивают от нас столь

[12] Имеется в виду расширенный пленум Международного бюро Революционных писателей (Харьков, 6–15 ноября 1930 г.), переименованный по ходу работы во Вторую Международную конференцию революционных писателей; с этого момента сама организация получила название МОРП.

[13] Речь идет о Постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., приведшего к ликвидации РАПП.

[14] Во главе МОРП стояли венгерские писатели Б. Иллеш и М. Залка, немецкие – И. Бехер и Л. Ренн; польский писатель Б. Ясенский.

[15] Литераторы из нью-йркского Клуба Джона Рида, созданного в 1929 г. и ставшего американской секцией МОРП (редактор журнала «New Masses» М. Голд и др.).

значительных писателей, как Драйзер, Шервуд Андерсон, Дос Пасос. Авторов романов они упрекают за «невыдержанность» политической линии того или иного персонажа литературных произведений, причем я говорю не о критике, но об обвинениях в ренегатстве и т.п.

Во Франции орган секции МОРПа журнал «Коммюн»[16] устроил анкету среди писателей. Писатели ответили, но их ответы напечатали так: двадцать строк писателя, а после этого сорок строк объяснений редакции, чрезвычайно грубых и полных личных нападок. Такое поведение секции МОРПа отталкивает от нас даже самых близких нам писателей: Андре Жида, Мальро, Роже Мартен дю Гара, Фернандеса и др. Достаточно сказать, что даже Барбюс находится на положении едва терпимого.

Что касается немцев, то Радек в заключительном слове на съезде ясно показал узость и того хуже чванство литературных кружков, которые захватили руководство немецкой революционной литературой[17].

Я мог бы добавить, что и в других странах происходит то же самое. В Чехословакии отбросили Ванчуру и Ольбрахта. В Испании в организации состоят несколько снобов и подростков. В скандинавских страх писатели-антифашисты трактуются, как «злейшие враги». И т.д.

---

[16] Журнал «Commune» (1933–1939) – орган французской секции МОРП «Association des Ecrivains et des Artistes Revolutionaires» (AEAR), созданной в марте 1932 г. (генеральный секретарь П. Вайян-Кутюрье); основную работу в журнале вели секретари редакции коммунисты Л. Арагон и П. Низан.

[17] 24 августа 1934 г. К.Б. Радек прочел на съезде советских писателей доклад «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства», в дискуссии по которому выступили Б. Иллеш, В. Бредель, Ф. Вольф, А. Эллис, Дж. Ласт, Ж.Р. Блок, Л. Арагон, И. Бехер и др. 26 августа в заключительном слове Радек в связи с речью В. Бределя говорил об опасном «комчванстве» пролетарских писателей; он также отметил отголоски рапповских оценок и методов в речи Б. Иллеша и напомнил о недавних нападках МОРП на Барбюса (см.: «Первый съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет». М., 1934. С. 369).

Положение на Западе сейчас чрезвычайно благоприятно: большинство наиболее крупных, талантливых, да и наиболее известных писателей пойдет за нами против фашизма. Если бы вместо МОРПа существовала бы широкая антифашистская организация писателей в нее тот час же вошли бы такие писатели, как Ромен Роллан, Андре Жид, Мальро, Ж.Р. Блок, Барбюс, Вильдрак, Дюртен, Жионо, Фернандес, Роже Мартен дю Гар, Геенно, Шамсон, Ален, Арагон; Томас Манн, Генрих Манн, Фейхтвангер, Леонгард Франк, Глезер, Плювье, Граф, Меринг; Драйзер, Шервуд Андерсон, Дос Пасос, Голд и др. Я перечислил всего три страны и авторов, известных у нас по переводам книг. Скажу короче – такая организация за редкими исключениями объединит всех крупных и непродажных писателей.

Политическая программа такой организации должна быть очень широкой и в то же время точной:

1) Борьба с фашизмом

2) Активная защита СССР.

Западноевропейская и американская интеллигенция прислушивается к «крупным именам». Поэтому значение большой антифашистской организации, возглавляемой знаменитыми писателями, будет весьма велико.

Но для создания подобной антифашистской организации писателей нужны, во-первых, санкция наших руководящих органов, во-вторых, роспуск или коренная реорганизация и МОРПа и его национальных секций.

Всесоюзный съезд писателей сыграет огромную роль в деле привлечения к нам западноевропейской интеллигенции. На этом съезде впервые вопросы культуры и мастерства были поставлены во всем их объеме, соответственно с ростом нашей страны и с ее правом на общемировую духовную гегемонию. Съезд вместе с тем показал, насколько наши писатели, беспартийные, как и партийные, сплочены вокруг партии и в ее созидательной работе и

в ее подготовке к обороне страны. То, как наши писатели приветствовали делегатов Красной армии, позволит западной интеллигенции понять наше положение внутри страны и нашу органическую связь с делом ее защиты.

В свою очередь разногласия, сказавшиеся на съезде в вопросах творчества и техники, покажут той же интеллигенции, как изумительно мы выросли за последние годы. Большинство съезда горячо аплодировало тем докладам или выступлениям, которые настаивали на повышении культурного уровня, на преодолении провинциализма, на необходимости исканий и изобретений. Эти речи и эти аплодисменты вызвали также горячее сочувствие среди иностранных писателей, присутствовавших на съезде. Можно смело сказать, что работы съезда подготовили создание большой антифашистской организации писателей Запада и Америки.

Простите, уважаемый Иосиф Виссарионович, что я у Вас отнял столько времени, но мне кажется, что и помимо нашей литературной области такая организация теперь будет иметь общеполитическое боевое значение.

С глубоким уважением

Илья Эренбург[18].

Это письмо давало старт всему, что связано с Парижским конгрессом писателей в защиту культуры. Понятно, что оно оставило след и в судьбе самого Эренбурга, обеспечив ему заметную роль в подготовке и проведении конгресса.

Эренбург вернулся в Париж с сознанием своей ответственности, с пониманием значительности той роли, которую ему предстоит сыграть, и на знавших его прежде эта перемена произвела впечатление. Георгий Адамович, побывавший в октяб-

[18] Приводится по копии, присланной Эренбургу Л. Зак, сверенной с фотокопией, хранящейся в РГАСПИ (Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4—7). Впервые опубликовано: Минувшее. № 24. СПб. 1998. С. 171–174.

ре 1934 г. на одном из докладов Эренбурга о московском съезде писателей, рассказал об услышанном с хорошей дозой сарказма: «Кто давно не слышал Эренбурга, сразу заметил, конечно, перемену в манере читать и держаться на сцене. Вероятно, подействовало пребывание в Москве. Эренбург перестроился. Прежде это был усталый скептик, с притухшими глазами, с глухим голосом. Прежде на эстраде стоял "мудрец", медленно и задумчиво ронявший глубокие, редкие слова. Теперь нашим взорам предстал энтузиаст, с бодрой социалистической зарядкой. Главный тезис доклада – о том, как строительство преображает человека – нашел в самом Эренбурге яркое и наглядное подтверждение. О чем он говорил? О том, что съезд произвел на него неизгладимое впечатление, о том, что "мы, и только мы наследники всей мировой культуры", о том, как прекрасна жизнь в "нашем союзе", как она убога на гниющем Западе, – и о многом другом в том же роде. Фактов в докладе было мало. Были, главным образом, впечатления. <...> Удивительно, что в сообщении видного советского писателя было один только раз – да и то вскользь – упомянуто имя Алексея Максимовича и ни разу – ни разу! – имя Иосифа Виссарионовича. На лицах некоторых почетных слушателей, в первом ряду, можно было прочесть горестное изумление. Один раз Эренбургу предоставился удобнейший случай назвать Сталина. Он с презрительной улыбкой говорил о том, что иногда советских писателей обвиняют в угодливости, прислужничестве и вообще в избытке верноподданейших чувств. «Кому же мы прислуживаем? У кого же мы в рабстве? – развел руками докладчик. – Кто нами командует? Не понимаю!». Публика молчала и делала вид, что не понимает тоже»[19].

Эренбург еще не знал, как отозвалось его письмо Сталину. Между тем ответ Сталина последовал ровно через десять дней. Отчеркнув на полях письма Эренбурга слова о том, что на Первом съезде советских писателей практически не было крупных писателей Запада, что большинство крупных писателей Запада «пойдет за нами против фашизма», если вместо МОРПа создать новую организацию с широкой платформой, что для этого нужна санкция советского руководства и что

[19] Последние новости. Париж. 1934. 30 окт.

съезд советских писателей подготовил создание новой международной организации писателей, Сталин написал тогдашнему второму человеку в партии Л.М. Кагановичу:

> *Т-щу Кагановичу*
> 23/ IX 34 г.
>
> 1) Прочтите письмо т. Эренбурга. Он прав. Надо ликвидировать традиции РАППа в МОРПе. Это необходимо. Возьмитесь за это дело вместе со Ждановым. Хорошо бы расширить рамки МОРП (1. борьба с фашизмом, 2. активная защита СССР[20]) и *поставить во главе МОРП-а* т. Эренбурга. Это большое дело. Обратите на это внимание. <...>
>
> Привет. *И. Сталин*
>
> P.S. *Буду ждать ответа*[21].

Текст сталинской резолюции Эренбургу не сообщили.

А 3 октября 1934 г. Н.И. Бухарин послал ему в Париж письмо, в котором была следующая информация:

> Ваше письмо получило полное одобрение, товарищ (Сталин. – *Б.Ф.*) сказал также, что Ваша речь была наилучшей на съезде. Что касается статьи, то я получил ответ: «Делай как хочешь» (без прочтения, за занятостью другими вещами)[22]. Т.о. вопрос висит в воздухе, если принять во внимание все соображения, коими мы делились. Не возьмете ли Вы на себя главенство в предлагаемом Вами (в письме) учреждении (писательском)?

---

[20] Как и в случае с письмом Л.Ю. Брик (о судьбе наследия Маяковского), Сталин здесь пользуется словами своего адресата, как своими собственными.

[21] Приводится по копии, присланной Эренбургу Л. Зак, сверенной с фотокопией, хранящейся в РГАСПИ (Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1).

[22] Наверное, речь идет о статье Эренбурга «За наш стиль», напечатанной в «Известиях» 15 октября 1934 г.

Заказ № 2076

> Такой вопрос о Вас мне был задан[23]. Разумеется, ***за*** Вас я ответа дать не мог. Таковы факты. Сейчас все мы кружимся в дальнейших фазах и оборотах исторического процесса и чувствуем себя, как бодрый молодняк[24].

Текст этого письма, копия которого чудом уцелела в архиве редакции «Известий» (Оп. 1. Д. 16. Л. 38), был любезно предоставлен мне покойным А.М. Данилевичем, дружески расположенным к памяти Бухарина. Это письмо подтвердило гипотезу о причастности Бухарина к написанию и доставке письма Эренбурга Сталину...

3. Сталин предпочел Барбюса

Прочитав письмо Эренбурга, Сталин одобрил содержавшуюся в нем критику традиций РАПП в МОРПе (поскольку РАПП ликвидировали окончательно, его традиции, естественно, подлежали повсеместному искоренению; Эренбург этот подход Сталина учел, может быть, с подсказки Бухарина). Однако более радикальные предложения: на широкой антифашистской основе создать новую международную организацию писателей или коренным образом реорганизовать МОРП – по этим вопросам Сталин в тот день решение не принял, оставив их на проработку Кагановичу и Жданову (последний со времени съезда писателей, на котором выступал от ЦК и за работу которого отвечал, приобрел репутацию «специалиста» по вопросам литературы). Единственное конкретное предложение Сталина: поставить Эренбурга во главе МОРПа в итоге реализовано не было.

Барбюс приезжает в Москву

Сталинская записка Кагановичу датирована 23 сентября. А 22 сентября в Москву приехал Анри Барбюс. Соблазн связать эти два события велик.

[23] Речь идет о предложении Сталина поставить во главе МОРПа Эренбурга.

[24] Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё... 1916–1967. М., 2006. С. 55. Далее: Почта Эренбурга, с указанием страниц.

Барбюс по приезде заявил корреспонденту «Литературной газеты», что его поездка в СССР связана с работой над книгой о Сталине, которую он предполагает закончить зимой[25]; в следующем номере газеты сообщалось, что книга Барбюса о Сталине появится одновременно во Франции, в Москве, в Англии и в Голландии.

По прибытии Барбюс, видимо, был проинформирован, что Сталина в Москве нет, и отправил ему следующее письмо:

Москва, гост. Савой, комн. 16
23 сентября 1934

Мой дорогой и высокий товарищ.

Я прибыл в СССР на несколько дней, чтобы повидаться с Вами и поговорить об основных моментах нашей большой современной общественной работы во Франции и других странах и предложить Вашему вниманию несколько значительных предложений по этому вопросу. Я изложил сущность этой работы и этих предложений в докладе, переведенном на русский язык, который я не премину послать Вам с ближайшей почтой[26].

Я был бы Вам признателен, если бы Вы не отказали мне, несмотря на Вашу занятость и, если это не слишком обеспокоит Вас, назначить мне свидание в том месте, где Вы находитесь в настоящее время и куда я мог бы немедленно прибыть.

Прошу верить моим братским чувствам восхищения.

Анри Барбюс[27].

Приглашения посетить Сталина в месте его пребывания Барбюс не получил.

[25] Литературная газета. 1934. 22 сент.

[26] Доклад «Задачи и средства Амстердамского движения» 26 сентября был отправлен Сталину, переславшему его Кагановичу и Жданову.

[27] Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Документы. М., 2005. С. 341–342.

Всё решила книга Барбюса «Сталин»

Вместо письма Сталина Барбюс получил отправленное 29 сентября письмо зав. Агитпропом А.И. Стецкого, которому поручили заниматься рукописью книги о Сталине.

Стецкий писал Барбюсу:

> Я так долго задержал Вашу рукопись не только потому, что чрезвычайно был занят съездом писателей, но прежде всего потому, что хотел наиболее тщательной проверкой рукописи принести Вам максимальную помощь.

Затем следовали достаточно серьезные возражения и замечания, камуфлированные комплиментом:

> Я восхищен тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъемом. На всем протяжении книги ощущается Ваша художественная сила.

Большинство общих замечаний так или иначе были с вязаны с недостаточным возвеличиванием Сталина и высказываниями и упоминаниями о Троцком:

> Мне непонятно, почему в книге о Сталине, руководящем строительством социализма, имеется столько полных терпимости рассуждений о «душевных переживаниях» Троцкого, уже много лет тому назад перешедшего в лагерь контрреволюции. Я хотел бы обратить Ваше особое внимание на этот пункт.
>
> <...> Мне кажется, что в книге недостаточно дан образ Сталина человека <...>. Именно такой мощный талант как Вы, призван дать этот величественный образ Сталина.

Приведем здесь и некоторые из многочисленных конкретных замечаний, список которых был вручен автору рукописи. Указав страницы, на которых Барбюс цитировал Троцкого, Стецкий пишет: «Разве нельзя передать ту же мысль цитатой из Ленина или Сталина?» Подчеркнув «исключительную терпимость» Барбюса по отношению к Троцкому, которая приводит «к неправильным выводам», он рекомендует «коренным образом переделать» соответствующие места книги. Особенное возмущение вызвала цитата из Б.Г. Бажанова, бывшего секретаря Сталина, которому удалось бежать из СССР: «Это – ничтожество, выброшенное из рядов партии по моральным причинам <…> Мне кажется совершенно излишним делать Бажанову эту невольную рекламу...»[28]

Рукопись Барбюса была переведена на русский язык, чтобы ее мог прочесть Сталин. Направляя Барбюсу список необходимых переработок, Стецкий, понятно, все пожелания «хозяина», главного героя книги Барбюса, в нем перечислил. Барбюс все сделанные ему замечания принял и фактически переработал первоначальную рукопись. В итоге из-под его пера вышла пошлая фальшивка, в которой Ленин и Сталин оказались единственными вождями Октябрьской революции, причем без советов и помощи Сталина Ленин ничего не мог сделать и решить как в годы революции, так – тем более – в годы Гражданской войны. В большой главе «Война с паразитической оппозицией» упоминались имена злейших врагов партии – Троцкого, Зиновьева и Каменева и «вскрывались корни» их преступлений (правая оппозиция Барбюсом вообще не упоминалась).

На титульном листе русского издания, выпущенного Гослитиздатом, написано: «Анри Барбюс. СТАЛИН. Человек, через которого раскрывается новый мир. Второе издание. 1936. Москва»; на авантитуле – то же самое по-французски. На обороте титульного листа указано: «Перевод с французского под редакцией А.И. Стецкого». Книге предпослано четырехстраничное «Предисловие», подписанное А.Стецким; оно начинается словами «Книга “Сталин” – последнее большое произведение Анри Барбюса» и заканчивается справкой: «В редактировании перевода принимали участие тт. И.И. Анисимов и А.Ю. Тивель.

[28] Письмо Стецкого цит. по кн.: Большая цензура. С. 342—345.

Первоначальный текст перевода сделан тов. А.И. Роммом». Тираж книги 20 тысяч экземпляров; она была сдана в производство 26 апреля и подписана к печати 22 мая 1936 г.; издательским редактором книги был И.И. Анисимов, художником – Н.В. Ильин[29]. В прошедшем жестокую советскую цензуру советском издании книги Барбюса «Сталин» все равно оказалось немало цитат и ссылок на деятелей, ставших в 1937 г. «врагами народа» (чего в 1936-м никто не мог предвидеть, включая и редактора перевода, расстрелянного в 1938-м), так что в годы «большого террора» книга была в СССР тихо изъята из всех библиотек и запрещена к продаже. Опус Барбюса это заслужил. Не берусь судить, достоин ли был такого финала его автор, написавший в 1916 г. честную книгу «Огонь».

Вернемся к осени 1934 г., когда Барбюс, получивший многочисленные замечания к своей рукописи, ждал встречи со Сталиным. Ждал больше месяца. Наконец он получил следующее послание:

> Товарищу Анри Барбюсу
> 30 X 34 г.
>
> Уважаемый товарищ!
>
> Прошу извинения за поздний ответ: я вчера только вернулся в Москву и не мог раньше ознакомиться с Вашим письмом.
>
> Охотно готов побеседовать с Вами в любой день, начиная с 31 октября.
>
> Братский привет.
>
> *И. Сталин*[30].

---

[29] В Российской Национальной библиотеке (СПб.) имеется четыре экземпляра московских изданий, из которых удалено предисловие Стецкого, причем одно датировано 1937 г., а другое значится как 3-е издание; кроме того, имеется одно издание в «Роман-газете» тиражом 300 000 экз. с вырезанным предисловием, одно издание тиражом 15 000 экз, в котором страницы удаленного предисловия римские, и одно издание, выпущенное в Сталинграде (также с вырезанным предисловием). Существовало ли первое издание или сразу вышло второе – судить не берусь.

[30] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Переписка Сталина с Барбюсом. Л. 1.

Барбюс ответил тут же:

Мой дорогой и великий товарищ,

С благодарностью подтверждаю получение Вашего письма.

Раз Вам было угодно предложить мне назначить день, в который мы могли бы встретиться, начиная с 31-го числа, – я Вас прошу не отказать мне принять меня 1-го ноября.

Весь этот день я буду находиться в Вашем распоряжении и ожидать часа, который Вам будет угодно мне назначить для свидания.

С братским уважением

Анри Барбюс[31].

Подчеркнув последние строчки перевода письма Барбюса, Сталин написал на нем: «1-го в 3 часа дня».

Все переговоры, которые шли с Барбюсом в Москве, держались в тайне; газеты о пребывании Барбюса в Москве почти ничего не писали, не было сообщено не только о его встрече со Сталиным, но даже об отъезде писателя из Москвы. Только 7 ноября в праздничном номере «Правды» появилась заметка Барбюса «17 шагов гиганта», а 10 ноября в газетах напечатали огромную фотографию: Сталин и прочие вожди на трибуне Мавзолея 7 ноября; среди них стоял и улыбающийся Барбюс, в кепке и распахнутом пальто с меховым воротником. Понятно, что такая честь была оказана Барбюсу уже после получения его согласия на переработку рукописи в соответствии с полученными указаниями, согласия, данного на встрече со Сталиным или еще до нее. Барбюс о последней встрече со Сталиным упоминает в «секретном» письме Щербакову, равно как и о своих переговорах со Ждановым и Кнориным (Каганович, видимо, был освобожден от морповских забот, во всяком случае его имя в переписке по этим делам больше не упоминается).

Круг лиц, которые обсуждали вопросы, поднятые в осеннем письме Эренбурга Сталину, очерчивается так: секретарь

---

[31] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 700. Переписка Сталина с Барбюсом. Л. 3.

ЦК А.А. Жданов (до начала декабря 1934 г., когда он сменил убитого Кирова в Ленинграде), зав. Агитпропом ЦК А.И. Стецкий, член ЦК В.Г. Кнорин, ведавший этими вопросами в Исполкоме Коминтерна (в 1935 г. его переведут в ЦК заместителем Стецкого), а также писатели М. Горький, М. Кольцов и секретарь МОРП С. Динамов.

Судя по всему, Сталин остался доволен готовностью Барбюса поправить рукопись книги о нем и в благодарность принял решение со временем распустить МОРП, но во главе новой международной писательской ассоциации поставить Барбюса, выдав деньги на его журнал «Монд». Предложение было, как говорится, с благодарностью принято. Некоторые подробности тех переговоров в Москве Барбюс привел 4 июля 1935 г. в письме А.С. Щербакову:

> Я был против того, чтобы образование Международной организации писателей на более широких основах, чем МОРП, <...> начинали с Конгресса. По этому поводу с проектом ликвидации МОРПа мне было поручено наметить основы Международной Ассоциации, центр которой должен был находиться в Париже и которая бы работала в полнейшем согласии с Союзом советских писателей. Я полагал, что наиболее практичным образом действий был бы выпуск манифеста в целях создания в международном масштабе такой организации и немедленно учредить активный Секретариат (состоящий из таких товарищей, как Муссинак, Удеану, и Бехер, которого т. Кнорин уже пригласил для работы <! – *Б.Ф.*>), для планомерной организации международной ассоциации, сохранив за собой право созвать международный конгресс лишь тогда, когда эта ассоциация достаточно окрепнет и сможет послужить базой его структуры. Эти установки были одобрены т.Ждановым, Кнориным и, наконец, т. Сталиным, который даже согласился на бюджет в 20.000 франков в месяц (15.000 для аппарата и 5.000 франков для журнала «Монд», позволяющие этому журналу стать центральным органом этого большого и

важного международного объединения писателей)[32].

Сталин не принял Эренбурга

Эренбург, как уже было сказано, не получил личного ответа от Сталина ни в виде письма, ни по телефону, но ему сообщили, что Сталин хочет обсудить с ним затронутые в письме вопросы, и вызвали в Москву. Мы не располагаем на этот счет никакими документами помимо эренбурговских мемуаров; однако в них нет точных дат, поэтому реконструировать общую канву событий можно лишь приближенно.

Вот соответствующие фрагменты мемуаров.

«Я сидел на улице Котантен и писал пятую или шестую главу повести "Не переводя дыхания", когда мне позвонил наш новый посол В.П. Потемкин и попросил зайти к нему – дело срочное. Владимир Петрович сказал, что в связи с моим письмом о настроениях западных писателей меня просят приехать в Москву – со мной хочет поговорить Сталин. В Москву я приехал в ноябре <...> В ожидании встречи со Сталиным я проводил вечера со старыми друзьями <...> Как-то я отправился в "Известия", зашел к Бухарину, на нем лица не было, он едва выговорил: "Несчастье! Убили Кирова" <...>. Несколько дней спустя заведующий отделом культуры А.И. Стецкий сказал мне, что ввиду событий намеченная встреча в ближайшее время не может состояться; меня не хотят зря задерживать. Алексей Иванович попросил меня продиктовать стенографистке мои соображения о возможности объединения писателей, готовых бороться против фашизма»[33]. В главе о Бухарине, опубликованной лишь в 1990 г., содержатся дополнительные подробности: «Помню вечер, когда сообщили об убийстве Кирова. Я пошел в редакцию. На Бухарине лица не было, он всем кричал: "Идите и пишите о Кирове" <...> Он и меня втолкнул в пустую комнату: "Пишите! Второго такого не будет..." Я еще не успел ничего написать, когда вошел Николай Иванович и шепнул: "Не нужно вам писать. Это очень темное дело"»[34]. (Заметим, что

[32] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 1. Впервые: Минувшее. № 24. СПб., 1998. С.177. Далее это письмо цитируется без ссылок на источник.

[33] *Эренбург* (2, 54–55).

[34] *Эренбург* (2, 200).

на следующий день, 2 декабря, «Известия» напечатали среди откликов на убийство Кирова и письмо, подписанное писателями Л. Леоновым, В. Лидиным, А .Новиковым-Прибоем, Б.Пастернаком, И. Эренбургом, и судя по стилю, написанное Эренбургом[35].

Уточнить подлинную последовательность событий позволяет невзрачного вида документ: почтовая открытка. Она была отправлена Эренбургом 3 декабря писателю В.Г. Лидину… с пограничной станции Негорелое[36]. Значит, 2 декабря Эренбург уже выехал из Москвы! А потому предположение, вытекающее из его мемуаров, что разговор со Стецким и диктовка цековской стенографистке состоялись после убийства Кирова, то есть в промежутке: вечер 1-го – утро 2 декабря представляется совершенно невероятным. (И в ЦК в это время было не до Эренбурга, и заграничный железнодорожный билет берется, когда ясно, то задание командировки будет выполнено, но уж всяко загодя.) Следовательно, разговор со Стецким был *до* убийства Кирова и официальная мотивация «невстречи» со Сталиным, как она приводится в мемуарах, не могла иметь места (другое дело, что потом, особенно после доклада Хрущева на XX съезде КПСС, Эренбург мог прийти к выводу, что непосредственно перед 1 декабря Сталину было уже не до соображений о реорганизации МОРПа).

Так или иначе, но момент встречи со Стецким и официальное объяснение «невстречи» со Сталиным в мемуарах Эренбурга даны ошибочно. Скорее всего, Сталин, решив вопрос с Барбюсом, уже не имел нужды вести беседу с Эренбургом: ему достаточно было перепоручить дело Стецкому. При этом, вполне возможно, что Стецкий, встретившись с Эренбургом, предоставил ему некоторые полномочия в Париже в рамках принятого Сталиным решения.

---

[35] Судя по странному букету подписей, письмо сочинялось дома у приятеля Эренбурга писателя В.Г. Лидина – Леонов и Новиков-Прибой жили в том же доме и с Лидиным дружили, а имя Пастернака объясняется особой, пылкой симпатией, которую питал к нему Эренбург, не упускавший случая его упоминать.

[36] Фотокопия, собрание автора.

4. Подготовка конгресса: Барбюс и Бехер против Эренбурга и Мальро

В мемуарах Эренбург пишет, что по возвращении в Париж он «разговаривал с Мальро, с Вайяном-Кутюрье, с Жидом, с Жаном-Ришаром Блоком, с Муссинаком, с Геенно. После долгих споров группа французских писателей решила созвать весной или в самом начале лета международный конгресс»[37].

Это решение возникло в результате длительного и достаточно острого противостояния Анри Барбюса и его сотрудников с французскими писателями, позиция которых в этом вопросе формировалась сообща с Эренбургом – Мальро, Жидом, Блоком.

Барбюс в уже цитированном письме Щербакову вспоминал: «Илья Эренбург, который имел разного рода свои собственные идеи, не имеющие ничего общего с тем, что было в принципе согласовано с руководящими товарищами, – по возвращении из поездки, которую он совершил в Москву, распустил слух, что установка Советских Писателей совершенно изменилась. Он утверждал даже, что Стецкий, который, – как он говорил, – вызвал его телеграммой в Москву, официально объявил ему об этом. С другой стороны, Эренбург воздействовал на Андре Жида, Мальро и Жан Ришара Блока таким образом, чтобы его (Эренбурга) личные идеи восторжествовали в ущерб тем, которые мне было поручено провести в жизнь».

«Результатом этого, – продолжает Барбюс, – была известная путаница в работе и некоторая двойственность, в которой Иоганнес Бехер, бывший моим сотрудником, сыграл, как мне кажется, несколько темную роль».

Поэт Иоганнес Бехер, член президиума МОРПа, ведал связями с региональными организациями и тесно сотрудничал с Барбюсом, а с генсеком МОРПа Белой Иллешом он был на ножах и после 1932 г. активно обвинял его в рапповских пережитках. Бехер согласился сотрудничать с Барбюсом, поскольку того поддерживал Кремль. Техническими вопросами Барбюс не занимался, для этого он содержал компактный секретариат, и Бехер, действуя с секретарем Барбюса Удеану, ведавшим всеми оргделами, образовал в Париже вместе с ком-

---

[37] *Эренбург* (2, 55).

мунистом Муссинаком оргядро будущей Лиги писателей и сразу начал готовить ее конференцию. Эту Лигу, сконструированную из структур МОРПа, сотрудники Барбюса и хотели выдать за ту организацию, которая заменит МОРП и в которой они играли бы главную роль. 22 декабря 1934 г. Бехер отправил в Москву достаточно решительное заявление:

> МОРП должен продлить свое существование по крайней мере на несколько месяцев после запланированной конференции, но и в дальнейшем он будет необходим в качестве организационной опоры и информационного центра[38].

Узнав от Эренбурга о новых установках Москвы, Бехер мог скорректировать свою позицию (на что, видимо, и жаловался Барбюс). Задача у Бехера была одна: остаться на плаву в результате готовящихся реформ и по возможности взять их осуществление на себя.

Неожиданную поддержку приговоренному Сталиным МОРПу оказал Ромен Роллан, имевший в ту пору исключительно высокий, не уступавший горьковскому, авторитет в СССР. 28 декабря 1934 г. Роллан писал Горькому:

> Барбюс извещает меня, что Международное объединение революционных писателей (МОРП) реформировано и будет заменено новой организацией, с более широко открытым доступом, основное местонахождение которой будет в Париже. – Я сожалею об этом. Как я пишу Барбюсу, «Почва Парижа недоброкачественна. Рано или поздно она губит всё, что порождает». Москва должна, по моему мнению, оставаться центром великого нового движения. К ней обращены и к ней должны все более и более обращаться взоры свободных и смелых умов всего мира. Завтра волна фашизма (слева или справа) может охватить Францию. Интернационал революционных писателей не найдет

[38] Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). Литнаследство. Т. 81. М., 1969. С. 99.

> там той же прочной опоры, которая была у него в СССР. – И я даже не очень большой сторонник расширения кадров. Мы живем в период кризиса, в условиях которого было бы неосмотрительно слишком ослаблять строгость мысли. Не замыкаясь в рамки иссушающего сектантства, надо быть способным противостоять призывам сирен расслабляющего эстетизма, всегда готового вернуться на свое место. Это можно было наблюдать на съезде писателей, в Москве, прошлым летом. Я не доверяю дилетантам от «искусства для искусства» и, еще более, оппортунистам «революционной мысли», которые умеют проскальзывать на передовые позиции и вскоре их оставляют. Нужно было бы постоянно сохранять в центре испытанное руководство, неизменно бдительное и крепко держащее в руках вожжи. – Нет, еще не время для послаблений. Всё это наблюдали в СССР во время трагических событий исходных недель[39].

Выдающийся европейский гуманист, как видим, мотивировал в этом письме жестокую необходимость идеологической и кадровой «строгости» в условиях резкого обострения классовой борьбы (убийства Кирова!). Правда, автор «Жан-Кристофа» сделал это несколько витиевато, без столь любезной советскому народу большевистской прямоты.

Между тем, 3 января 1935 г. Бехер доносил в Москву о своих успехах: «Лига уже основана. Я надеюсь, что мне и здесь удастся провести правильную и согласованную линию»[40].

Подробная информация о том, что в это время происходило в Париже, содержится в письме Эренбурга Михаилу Кольцову, которому поручили курировать создание новой международной писательской организации (Кольцов запросил Эренбурга – через его московского секретаря В.А. Мильман – о положении дел в Париже):

---

[39] Архив А.М. Горького. Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960. С. 353.

[40] Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). Литнаследство. Т. 81. М., 1969. С. 100.

17 января <1935 г.>

Дорогой Михаил Ефимович,

В.А. <Мильман> сообщила мне по телефону, что Вы спрашиваете о местных писательских делах. Я не сразу ответил Вам: ждал оказии. Не ответил и С.С.[41] – по той же причине (так что прошу Вас о содержании письма поставить в известность А.И.[42]).

Барбюс объявил здесь, что он окончательно признан. Это он сказал Муссинаку и Бехеру. Сам он сидит на юге, а всем распоряжается его секретарь, известный Вам Удеану. Сей последний ведет себя диктаторски. Собрав кой кого, он заявил, что утверждена «Международная лига писателей» и ее секретариат: Барбюс, он (Удеану), Муссинак, Фридман, Бехер. Причем все это – от имени Москвы. Барбюс составил манифест в строго амстердамском стиле[43], который он сначала разослал во все страны, а потом уже начал спрашивать: вполне ли хорошо[44]. Самое грустное, что благодаря Удеану пошли толки, что деньги московские. Он хвастал: снимаем роскошную квартиру, достали много денег, будет журнал – до 5000 фр. в месяц сотрудникам и т.д. Мне он заявил: «Писателей надо прежде всего заинтересовать материально». Если считать его за писателя, это может быть и верно. Но так

---

[41] С.С. Динамов – секретарь МОРПа.

[42] А.И. Стецкий – в 1930–1938 гг. зав. Агитпропом ЦК ВКП(б).

[43] То есть в стиле решений Всемирного конгресса против империалистической войны (Амстердам, 1932), которым руководил Барбюс.

[44] «Литераторы, которым я показывал Манифест, почти все его одобрили, – писал Барбюс Г. Манну, – но ведь это только начало нашей работы. Большинство согласно с текстом воззвания и лишь, подобно Вам, считает, что хорошо бы сгладить некоторые острые углы. Ну, а кое-кто выставляет целый ряд возражений. В самые ближайшие дни, когда мы соберем и изучим все анкеты, можно будет, с Вашего согласия, вторично обсудить Манифест, дабы не перегнуть палку и дать писателям разумную политическую программу» – см.: *Манн Г.* В защиту культуры. М., 1986. С. 286. «Это великолепно по чувству, равно как и по мысли, – комментирует письмо Барбюса Г. Манн. – Не забудьте, что он владел истиной и рад был сказать о ней во всеуслышание. Но он уважал людей, он ждал их прозрения, он тактично руководил ими» (*Там же.* С. 268–269).

> можно получить картину, нам знакомую: Терезу[45] от Испании, Удеану и Вову Познера[46] от Франции и пр. Разговоры о деньгах и манифесте пошли далеко и много заранее испортили. Я думаю, что Барбюс после рассылки своего неудачного манифеста должен теперь, хотя бы на первое время скрыться, чтобы не приняли возможную новую организацию за его проект. Местные немцы, Жид, Мальро и Блок всецело согласны со мной. Муссинак явно выжидает события[47]. Вчера я их видел (Удеану, Муссинака и Бехера) и сказал, что по моим сведениям еще ничего не решено. Муссинак обрадовался, а Удеану обозлился. Потом я узнал, что сей бывший представитель французских бель-летров в ближайшие дни отбывает в Москву. Вообще делает всё он: это – официальный зам – Барбюс, который сам ничего не делает. О том, на что способен Удеану, можете судить по «Монду», в этом французском журнале нет ни одного французского писателя. Полное запустение. Не способны даже на работу метранпажа. Деньги спасти журнал не могут. Кто им только не давал.

А далее в письме следует фраза, внешне скромная, но с мощным зарядом: «Надо ли говорить о том, что все это делается именем того, с кем Барбюс в свое время беседовал». Москва

[45] Мария Тереса Леон – испанская писательница, коммунистка, жена поэта Р.Альберти.

[46] В.С. Познер – поэт и прозаик, участник группы «Серапионовы братья», в 1922 г. уехал во Францию, где стал писать по-французски; французский писатель и журналист, член ФКП.

[47] 20 января 1935 г. Л. Муссинак информировал Кольцова, что ему и его группе удалось убедить Барбюса переписать манифест и отозвать первоначальный текст; в этом же письме он доносит: «В работе сильно мешает Эренбург, который распространяет среди писателей слухи, что это "мероприятие интриганское"» (См.: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 197–198). Б. Ефимов так комментировал «донесение»: «Кольцов не хуже Муссинака видел все сложности взаимоотношений, но он очень ценил участие Эренбурга в конгрессе и его авторитет среди французских писателей. Он делал все, чтобы сохранить Эренбурга для конгресса» (*Ефимов Б.* Десять десятилетий. М., 2000. С. 248). Разумеется, отношение Кольцова к Эренбургу было более сложным.

была, таким образом, поставлена в известность, что Удеану и иже с ним на всех углах афишируют личную поддержку Сталина. «Отец народов» этого не любил. Понятно, что Кольцов обязан был сообщить полученную информацию вождю.

Вместе с тем Эренбург передает в Москву и нечто позитивное, и делает это, пародируя циничную манеру Кольцова: «Не будь описанной истории, положение можно было бы рассматривать, как благоприятное. Мальро горит. Блок пылает. Геенно и Дюртен следуют. Жид поддается. Может придти такой человек, как Жироду, не говоря уже о Мартен дю Гаре. В Англии обеспечен Хаксли. Мыслимо – Честертон и Шоу. Томас Манн тоже сдался. В Чехословакии – Чапек». «Но, конечно, – заключает Эренбург, предупреждая Москву, – все это отпадет, если организация будет удеановская. В Амстердам этих дядь не загнать».

Письмо Эренбурга заканчивается обращением: «Очень прошу Вас срочно написать мне, как обстоят дела с этим. Меня спрашивают Мальро, Блок и пр. Если правда, что узаконен Барбюс – надо сказать, чтобы не было недоразумений. Найдите способ сообщить мне обо всем возможно скорее и подтвердите (через Мильман) получение этого письма. Сердечно Ваш И. Эр.»[48].

Как раз в январе 1935 г. Барбюс на юге Франции заканчивал книгу о Сталине, и до выхода ее из печати Москва его ничем не беспокоила. Потом Барбюс жаловался Щербакову:

> По причинам, которые никогда не были мне особенно понятны[49], я в дальнейшем не получил никаких известий о том, что было решено во время моего пребывания в Москве и этим решениям не было дано никакого практического осуществления, как в вопросе об аппарате, «Монде», учредительной декларации, так и в вопросе о ежемесячном журнале критики и об издательской фирме, которую я считал (и продолжаю считать) совершенно необходимой для эффективного успеха

[48] *Эренбург И.* На цоколе историй... Письма. 1931–1967. М., 2004. С. 145–146. Далее: *Эренбург.* Письма. Т. 2, с указанием страницы.

[49] Основной причиной, по-видимому, следует считать отъезд Жданова в Ленинград, вследствие чего он перестал курировать эти вопросы.

рассмотренного проекта. Я не получил также никаких известий, касающихся ликвидации МОРП[50].

Эренбургу, который в январе дописывал самую советскую свою книгу «Не переводя дыхания», Москва также не предоставила свободы действий (в данном случае, правда, ее мотивы не связаны с потребностью в литпродукции высокого качества).

Канва дальнейших событий устанавливается по письмам Эренбурга его московскому секретарю В.А. Мильман:

31 января 1935 г.: «Письма М.Е. <Кольцова> я не получил».

21 февраля: «М.Е. <Кольцову> пишу с оказией. Вполне конкретно и даже о том, что сделано – решил не ждать больше»[51].

26 февраля: «Прилагаю обращение французских писателей. Передайте, пожалуйста, А.И. <Стецкому> – это в дополнение к моему письму».

27 февраля: «Скажите А.И <Стецкому> и С.С. <Динамову>, что я получил от Б<арбюса> очень резкое письмо[52]. Я не знаю, что мне делать <…> Я пишу одновременно С.С. Передайте, чтобы мне сообщили ответ срочно и выясните, передал ли в свое время М.Е. <Кольцов> содержание моего письма им. Это важно и срочно».

14 марта: «Посылаю Вам приглашние и тезисы, которые я получил от французских писателей. Передайте их А.И. <Стецкому>».

23 марта: «Почему М.Е. <Кольцов> сердится на меня?»

2 апреля: «Прилагаемые документы передайте А.И. <Стецкому>. Я дал телеграмму о съезде в "Известия"»[53].

Не располагая информацией о том, что именно сообщали в ответ Эренбургу Кольцов и Стецкий, сошлемся на одну фразу из письма Эренбурга Н.И. Бухарину от 8 июня 1935 г. В этом письме, перейдя от дел известинских к парижскому конгрессу и напомнив, что им занимался Барбюс, который уехал в свое поместье и ничего не делал, Эренбург заметил с явной обидой: «Меня в свое время "обуздали"…»[54] – видимо, это относится как раз к началу 1935 г.

---

[50] Письмо от 4 июля 1935 г.

[51] Письмо Кольцову не сохранилось.

[52] Письмо Барбюса не сохранилось.

[53] Подлинники – собрание автора.

[54] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 172.

Так или иначе, но все, что к весне 1935 г. сделали для подготовки конгресса писателей, было предпринято коллективными усилиями двух групп, центрами которых стали Барбюс и Эренбург. Неудивительно поэтому, что М. Горький в апрельском письме Роллану говорит, что собирается «ехать в Париж, на съезд, организуемый Барбюсом – Эренбургом»[55]. В личном общении с Барбюсом Эренбург проявлял лояльность; это признавал и сам Барбюс в том же письме Щербакову: «Эренбург попытался убедить меня, что лично он никогда не оказывал мне ни малейшего противодействия (что я принял к сведению, однако, не поверив этому)...»

«Писатели – не рабочие: объединить их очень трудно, – вспоминал Эренбург. – Андре Жид предлагал одно. Генрих Манн другое, Фейхтвангер третье. Сюрреалисты кричали, что коммунисты стали бонзами и что надо сорвать конгресс. Писатели, близкие к троцкистам, – Шарль Плинье, Мадлен Паз – предупреждали, что выступят – "разоблачат" Советский Союз. Барбюс опасался, что конгресс по своему политическому диапазону будет чересчур широким и не сможет принять никаких решений. Мартен дю Гар и английские писатели Форстер, Хаксли, напротив, считали, что конгресс будет чересчур узким и что дадут выступить только коммунистам. Потребовалось много терпения, сдержанности, такта, чтобы примирить, казалось бы, непримиримые позиции»[56].

В инициативную группу французских писателей по организации Международного антифашистского писательского конгресса входили литераторы различных политических (левых) взглядов и художественных устремлений: и Барбюс, и Ж.Р. Блок, и рьяные коммунисты Арагон, Муссинак, Низан, и (заочно) Ромен Роллан, и А. Жид, Мальро, Кассу, Шамсон, Вильдрак, Даби, Дюртен, и недавний сюрреалист Кревель. В марте 1935 г. инициативная группа подготовила и разослала в разные страны декларацию о созыве Международного съезда писателей. Эту декларацию Эренбург послал в Москву, но сообщение о ней в советских газетах не напечатали.

---

[55] Архив А.М. Горького. Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960. С. 354.

[56] *Эренбург* (2, 55).

5. Слишком прыткий Кольцов

4 апреля 1935 г. М. Кольцов записал свой телефонный разговор с Эренбургом: «На вопрос Эренбурга, почему еще не появилась в "Правде" и "Известиях" присланная инициативной группой Конгресса информация, я сообщил, что московские товарищи намерены предварительно посоветоваться и предрешить размеры и формы участия в Конгрессе. Я сообщил, что пока не очень целесообразно поддерживать участие *широкой* советской делегации на Конгрессе. Это с самого начала придало бы ему слишком ярко выраженный "московский" характер. Сообщать о возможности участия Горького в Конгрессе – пока преждевременно. В остальном – советские писатели приветствуют начало активной работы и сдвиги с мертвой точки.

ЭРЕНБУРГ: Довольны ли у вас, что мы прекратили споры и помирились?

КОЛЬЦОВ: Очень довольны. Давно пора. Ведь пять месяцев ушло на эти непринципиальные препирательства.

ЭРЕНБУРГ: Программа Конгресса вам послана. Это пока еще первичный проект, над ним надо еще поработать – ждем ваших предложений и поправок. Здесь ждут также, что советские писатели своими выступлениями по различным пунктам порядка дня уравновесят разброд в мнениях, который может получиться. Официальное приглашение Союзу советских писателей будет послано на днях, на имя Союза, на ваш адрес»[57].

В этом разговоре Кольцов проявляет информированность явно из первых рук (чего стоят хотя бы слова о Горьком – кто, кроме Сталина, мог решать вопрос о перемещениях «великого пролетарского писателя»?). Ясно, что четкие указания были получены от Сталина, когда он принял Кольцова и Щербакова по вопросу о конгрессе[58]; решение Политбюро все это оформило.

Советская печать сообщила о готовящемся конгрессе 20 апреля со ссылкой на вышедший в Париже номер журнала «Монд», где с комментарием Барбюса была опубликована декларация инициативной группы («Литературная газета», «Литературный Ленинград»). Дата сообщения объясняется просто: 19 апреля Политбюро приняло решение «О международном съезде писа-

[57] РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1701. Л. 5.

[58] См.: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 200.

телей в Париже». В нем утверждалась советская делегация (Горький, Кольцов, Шолохов, Щербаков, Толстой, Эренбург, Н. Тихонов, Луппол, Киршон, Караваева, Лахути, три представителя Украины и два – Закавказья, причем эти пять кандидатур Стецкий, Щербаков и Кольцов должны были согласовать с партруководством Украины и Закавказья[59]). Горького утвердили главой делегации, а Кольцова и Щербакова – заместителями. На расходы делегации выделили 20 тыс. рублей золотом. Кольцову было велено в начале мая выехать в Париж «для содействия в организации конгресса»[60].

Вопрос о составе делегации обсуждался предварительно, в частности, с Горьким, Кольцовым и Щербаковым. В их списке был Вс. Иванов, исчезнувший из решения Политбюро (возможно, в этом проявилось личное отношение Сталина). Щербаков и Кольцов обратились к Сталину с просьбой разрешить Вс. Иванову поездку на конгресс; кроме того, они попросили Горького, зная о его дружбе с Ивановым, послать телеграмму «хозяину» (так прямо и сказано в письме!) с просьбой о включении Иванова в состав делегации[61]. В итоге Вс. Иванов в состав делегации был включен.

5 мая 1935 г. вопрос о парижском конгрессе обсуждался на заседании Президиума правления Союза советских писателей. Информацию о конгрессе представил Кольцов. Он изложил официальную версию об инициативе французских писателей, рассказал о предполагаемой программе конгресса (были перечислены основные пункты этой программы: культурное наследство, гуманизм, нация и культура, о роли индустрии, достоинстве мысли, роль писателя в обществе, о литературном творчестве и художественных формах, работа писателя в защиту культуры) и о том, что ожидается участие в работе конгресса Роллана, Драйзера, Андерсена-Нексё, Михаэлис и Горького. В заключение Кольцов сказал: «Я просил бы товарищей и особенно присутствующих здесь представителей печати пока о наших

---

[59] Фамилии перечислены не по алфавиту, а в порядке значимости, причем, если Горький для Сталина – фигура уже номинальная, то Кольцов – реальный глава делегации; вес Шолохова, как и А. Толстого, в этом списке – сугубо литературный, а Эренбурга – явно политический. А. Караваева по разнарядке представляла всех советских писательниц.

[60] Счастье литературы. Государство и писатели. 1925–1938. Документы. М., 1997. С. 187. Далее – Счастье литературы.

[61] *Там же.* С. 188.

решениях не писать из тех соображений, что уже сейчас против этого будущего, еще не состоявшегося конгресса раздаются голоса из враждебного лагеря о том, что этот конгресс является чем-то вроде порождения Москвы и т.д.». «Это, само собой, разумеется, чушь, – с веселым цинизмом втолковывал коллегам Кольцов, – и инициатива этого конгресса, и руководство им в основном принадлежит западноевропейским писателям. Задолго до этого конгресса писать о нем в нашей печати значило бы в какой-то степени подвести тех товарищей, которые так мужественно в очень серьезной обстановке приступают к такому большому делу, как интернациональный съезд писателей в защиту культуры, тем самым против фашизма, против реакции. Поэтому из тактических соображений, исходя из той важности, которую мы придаем этому съезду, мы должны воздержаться от разглагольствований по этому поводу в наших газетах, воздержаться от публикации состава делегации, которую мы изберем на съезд»[62].

Состав делегации от имени партгруппы предложил Щербаков, предварительно объявив, что заседание закрытое. Надо ли говорить, что это был состав, утвержденный Политбюро (+ Вс. Иванов) и что проголосовали единогласно?

Последнее, что сообщил Щербаков: нужно распределить роли и в течение ближайших 10–15 дней подготовить выступления, доклады, их придется перевести на немецкий, английский и французский языки[63].

Вскоре после этого Кольцов отбыл в Париж.

23 мая 1935 г. он отослал в Союз писателей (фактически – Щербакову) первый отчет о проделанной в Париже работе:

> Создано «рабочее бюро», формально подчиненное секретариату (инициативный комитет – фикция, в секретариате мы представлены только отсутствующим Барбюсом). В «бюро» посажены свои люди, французы и немцы, с тем, чтобы прибрать к рукам практическую работу[64].

[62] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 68–69.

[63] *Там же.* Л. 69.

[64] Счастье литературы. С.191. Далее письмо Кольцова цитируется по этому источнику.

В этом видна типично сталинская аппаратная хватка; в последнем пункте отчета значится: «Сформирована фракция из всех национальностей. Пока руковожу ею. С приездом Барбюса – посмотрим». Это тоже стандартный прием: фракция – это партгруппа коммунистов, которые обязаны автоматически подчиняться т. Кольцову, личному представителю т. Сталина.

Кольцов привез в Париж деньги, которых так не хватало инициативной группе, и сразу придал всем ее действиям международный характер. В отчете есть еще одна ссылка на Сталина, которая позволяет узнать, что именно обсуждал с Кольцовым «отец народов»:

> Мальро при первой встрече сказал мне, что единственным достижением съезда он мыслит, кроме французской части – возможность предоставления в Париже трибуны советским писателям. Приходится лишний раз поражаться проницательности И.В. <Сталина>, сразу предугадавшего и предостерегшего нас от узко-французского чисто антигерманского характера, который может принять конгресс.

Сталину, таким образом, нужен был подлинно мировой конгресс и общемировая поддержка СССР левыми кругами интеллигенции; видимо, общемировой масштаб предложения Эренбурга с самого начала привлек Сталина, и он постоянно держал его в уме. Деньги давались именно на это.

В Париже Кольцов много общался с французскими писателями. Опытный и циничный пропагандист, он воспользовался этим, чтобы, выступая перед советскими коллегами, назидательно рассказать им об условиях жизни парижских собратьев:

> Уголок где-нибудь за столиком в кафе, там сидят и беседуют 3–4 человека; или квартира парижского писателя – не квартира, а квартирка очень скромная, заставленная сундуками, например, у Жан-Ришара Блока, квартира похожая на наши уплотненные коммунальные квартиры, или, например, служебная комнатка Мальро в издательстве, ма-

> ленькая каморочка, куда с трудом можно напихать несколько человек; или, например, у Дюртена кабинет врача по горловым, носовым и ушным болезням, ибо этот крупнейший писатель Франции, имеющий международное имя, не имеет возможности жить только своими романами, которые пользуются громким успехом. Эти романы его не кормят и для того, чтобы написать очередной роман, он должен ежедневно с 8 до 2 часов принимать пациентов, а после этого он может заниматься литературой. Когда мы пришли однажды к Дюртену, то наш друг Киршон сразу сделал два дела: поговорил с Дюртеном о перспективах мировой литературы и затем тот ему что-то безвозмездно прижег во рту (смех и восклицание: Киршон это умеет)[65].

В Париже Кольцов пришел к выводу, что деятельность инициативной группы страдает пассивностью, неделовитостью и беспомощностью, в результате чего приезд большинства крупных писателей оказался под вопросом. Он докладывает в Москву, что связь инициативной группы со многими странами плохая, что немцы и англичане колеблются, французы в целом активны, но «беспрестанно капризничают, еще хуже, чем наши советские гении» (в этой иронии, надо думать, – ключ к составу советской делегации, утвержденному Политбюро; от нее требовалось прежде всего железное послушание). Отчет Кольцова содержит и персональные характеристики:

> Знаменитости (Жид) больше склонны отделаться денежными пожертвованиями, чем проявлять общественную активность; приходится тянуть их на веревке. Охотно и преданно работают Мальро и Блок. Коммунисты-французы, кроме Арагона и Муссинака, ленятся и беспорядочны <...> С Барбюсом – «особый случай». Он невылазно сидит у себя на юге, сносится с писателями через секретаря, вы-

[65] Из выступления на расширенном заседании Правления ССП 21 июля 1935 г. – РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 47. Л. 15.

зывая их упреки в вельможности. Узнав о моем приезде, сообщил, что немедленно выезжает в Париж, но потом раздумал и просит приехать к нему, чтобы мы, кстати, вместе переговорили с крупнейшими немецкими эмигрантами. Он не удосужился сделать этого, хотя немцы живут там же, рядом с ним.

Есть в отчете и сообщение об Эренбурге:

> С Эренбургом отношения пока сносные, хотя он все время пытается играть роль арбитра между Европой и Азией (мы). Он выразил недовольство составом делегации (почему без Пастернака, почему Караваева, почему Иванов).

Заметим, что Эренбург говорил об этом только Кольцову. 8 июня он писал Бухарину:

> Наша делегация своеобразна: никто не владеет иностранными языками и из 18 душ только 5 хотя бы несколько известны на Западе, как писатели[66].

(Отметим, что в том же абзаце, где Кольцов сообщает о недовольстве Эренбурга, содержатся две фразы о Барбюсе, так что непонятно, стоит за этим Эренбург или кто-то другой: «Интриги против Барбюса продолжаются, есть попытка даже лишить его доклада на съезде. Приходится все время охранять интересы Барбюса, хотя он сделал очень много, чтобы изолироваться».)

Характер взаимоотношений и взаимодействия Кольцова с Эренбургом существенно влиял и на подготовку конгресса, и на его работу. Следы сложности этих отношений читаются между строк доброжелательных эренбурговских воспоминаний: «Молоденький, подвижный, умный до того, что ум становился для него обузой, Кольцов быстро разбирался в сложной обстановке, видел все прорехи, никогда не тешил себя иллюзиями. <...> Он никого не старался погубить и плохо говорил только о

[66] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 172. Эренбург имел в виду Горького, А. Толстого, Шолохова, Вс. Иванова и себя.

погибших: время было такое. Ко мне он относился дружески, но слегка презрительно, любил с глазу на глаз поговорить по душам, пооткровенничать, но, когда шла речь о порядке дня двух конгрессов, не приглашал меня на совещания. Однажды он признался: "Вы редчайшая разновидность нашей фауны – нестреляный воробей"»[67].

В мае 1935 г. Кольцов посылает Щербакову с пометой: «Только лично», особо оговорив: «Внимание: важна каждая деталь», инструкцию по подготовке советской делегации на конгресс. Инструкция очень подробна, так пишут для дураков:

> 1) ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ. Ориентировочный размер для докладов – 10–12 страниц на машинке. Для выступлений – 6–8 страниц. Перевод тщательно отредактировать, особенно французский (воспользоваться помощью литредакторов из «Журналь де Моску»). Размножить (ротатор, хорошая бумага) после извещения от меня.
>
> 2) ПЕРЕПРАВКА МАТЕРИАЛА. Все доклады, вспомогательные материалы, конспекты, рукописи и т.д. – отправить *заблаговременно* в дипбагаже через НКИД. С собой в дорогу никаких материалов не брать – возможны обыски, особенно в Германии. Проекты докладов можно посылать мне обыкновенной спешной почтой без сопроводиловок, заголовков, только с подписями, как статьи.
>
> 3) ОСВЕЩЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СЪЕЗДА. В нашей печати советским авторам о конгрессе пока не писать. Постараюсь организовать статьи французов-организаторов конгресса для советских газет. Во время пребывания Лаваля в Москве[68] попросить наших писателей в разговорах с французскими журналистами темы о конгрессе по возможности избегать.

---

[67] *Эренбург* (2, 134–135).

[68] Речь идет об официальном визите в 1935 г. в СССР премьер-министра Франции П. Лаваля.

4) ЭКИПИРОВКА. Для экономии валюты сшить всем едущим в Москве по 1 летнему пальто, серому костюму за счет Союза <писателей>. Рекомендовать каждому сшить себе по второму (черному) костюму (не обязательно). Заказать вещи немедленно, иначе опоздают. Не шить всем из одной материи!! (Пошивку в Москве практикуют сейчас все отъезжающие за границу делегации).

5) ПРОЕЗД. Разбиться на две-три группы, с маршрутами: а) морем из Ленинграда или Гельсингфорса на Дюнкирхен или Амстердам, б) через Польшу – Германию (кратчайший путь), в) через Вену – Базель. Прибытие групп в Париж – не в один день (желательные даты я сообщу).

6) БИЛЕТЫ. Добиться (не сейчас, а в начале июня) оплаты проезда делегации в рублях *без вычета из нашего валютного лимита* и без того достаточно узкого (расход почти в 2.000 руб. золотом). Переговорить об этом в случае надобности с тов. Гринько[69] и выше. Текст бумаги в НКФ я оставил. Билеты на обратный путь взять в Москве, а получить предписание в Интурист в Париже, чтобы там же выбрать обратные маршруты.

7) ДЕНЬГИ. Каждому из делегатов выдать при отъезде по 100 рублей, предупредив, что это аванс в счет суточных. Остальные деньги взять чеком на Париж.

8) СВЯЗЬ. а) Диппочта (следить за сроками ее отправки). б) шифр – через «Правду», Мехлиса[70]. в) Обыкновенная почта – можно посылать печатные материалы (конверты без штампов, воздушной). г) Телефон – вызывать меня из Москвы, по номеру и в часы, какие укажу. Условные обозначения в разговоре: Горький – Анатолий, Барбюс – Андрей, Эренбург – Валентина[71].

---

[69] Г.Ф. Гринько – в 1930–1937 гг. нарком финансов СССР.

[70] Л.З. Мехлис – в 1930–1937 гг. редактор «Правды».

[71] По имени московского секретаря Эренбурга В.А. Мильман.

9) ПОМОЩЬ В МОСКВЕ. Использовать можно Шейнину (Интурист, паспорта, визы и т.д.), Болеславскую[72] (переводы, литработы). Учесть, что Болеславская дружна с Мальро.

10) КОНТАКТ. Прошу срочно отвечать на письма, а на шифровки – немедленно.

Мих. Кольцов[73].

Кольцов, кажется, учел в этой инструкции все: и бестолковость чиновников, и безалаберность братьев-писателей, и необходимость уложиться в скромный бюджет, но иметь при этом приличный вид, и вопросы безопасности. Он очень хотел обдурить западных коллег, чтобы они поверили: советские делегаты так же свободны, как и они, так же автономны, так же хорошо одеты, они едут в Париж на свои собственные деньги и каждый выбирает себе маршрут сам.

Цены не было такому менеджеру…

А весной 1937 г., докладывая Сталину о положении дел в Испании, Кольцов прочел в его глазах: «Слишком прыток»[74], и через полтора года его арестовали…

II. Акт первый – Париж, 1935

1. Легенды, загадки и будни конгресса в Париже

Открытие Парижского конгресса писателей несколько раз переносили; наконец определилась точная дата: 21 июня и место – Maison de la Mutualite[75].

К этому времени окончательно установился состав советской делегации.

[72] Б.С. Болеславская-Вульфсон – секретарь Кольцова по Иностранной комиссии ССП; руководила обслуживанием иностранных гостей ССП, в частности А. Мальро и А. Жида; как «агент вражеских разведок» арестована в 1940 г., расстреляна в 1941 г.

[73] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 562. Л. 7–8.

[74] Михаил Кольцов, каким он был. М., 1989. С. 95.

[75] Букв.: Дом Взаимности (*фр.*).

Горький и Шолохов

В Париж не поехал Горький. Существуют различные версии, объясняющие это, – от первой и официальной: болезнь до нынешних: сталинский запрет («Скорее всего, – пишет Вяч.В. Иванов, – ему просто не дали поехать, а противоречащие друг другу разноречивые объяснения его задержки в России в разных советских источниках только укрепляют это впечатление»[76]). В конце апреля 1935 г. Горький писал собиравшемуся приехать в Москву и не собиравшемуся посетить Парижский конгресс Роллану:

> На Ваш вопрос: буду ли я в июне в Москве? – я не могу ответить Вам с необходимой точностью – потому что в июне я, вместе с группой литераторов, должен буду ехать в Париж, на съезд организуемый Барбюсом – Эренбургом[77].

(В этих словах Горького можно прочесть его не слишком одобрительное отношение к предстоящему конгрессу по причине его сдержанного отношения к писателям, которых он называет организаторами. Еще в 1932-м Горький писал Роллану:

> Вероятно, А. Барбюс обижен моей нелюбезностью в отношении к нему. Каюсь, – я не могу преодолеть моей антипатии к нему. Она возникла у меня после первой встречи в 28 г., когда он пришел ко мне с Панаитом Истрати, возникла и – крепко держится[78].

Критические высказывания Горького об Эренбурге – нередки в его переписке 1920-х гг.)

23 мая М. Кольцов пишет из Парижа Щербакову:

> Громадным стимулом для всех является приезд Алексея Максимовича. Все без исключения говорят, что это сразу подбрасывает все дело вверх. Для многих приезд А.М. предрешает их собственное

---

[76] Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 131.

[77] Архив А.М. Горького. Т. VIII. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. С. 354.

[78] М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995. С. 244.

> участие в съезде. Для Парижа приезд А.М. будет событием первого ранга[79].

В этом же письме, сообщая о повестке дня конгресса, Кольцов называет и часовой доклад Горького о пролетарском гуманизме. Между тем 22 мая Горький пишет из Тессели Щербакову в связи со своим плохим самочувствием:

> Не представляю, как поеду в Париж, и завидую Шолохову[80].

27 мая, получив это письмо, Щербаков доложил о нем Сталину:

> Считаю необходимым направить Вам полученное мною письмо А.М. Горького, в котором он ставит под вопрос свою поездку в Париж. Должен от себя добавить, что о такого рода настроениях, каким проникнуто письмо, мне приходится от ГОРЬКОГО слышать впервые...[81]

31 мая Сталин и Молотов написали Горькому:

> По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволит[82].

Находясь в Тессели, Горький продолжал готовиться к конгрессу, работать над докладом; он прочел присланный ему Лупполом доклад о культурном наследстве и отозвался на него письмом[83]. 4 июня Горький пишет в Ленинград Федину, Слонимскому и Тихонову:

---

[79] Счастье литературы. С. 190.

[80] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 389.

[81] Счастье литературы. С.193. Еще до того Горький писал Сталину: «Ставлю вопрос: нельзя ли освободить меня от путешествия в Париж. Чувствую я себя неважно, придется ехать в сопровождении няньки, да и не хочется терять недели две на дело, которое не кажется мне особенно важным» (См.: Новое литературное обозрение. № 40. (1999). С. 276).

[82] Большая цензура. С. 385.

[83] М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литнаследство. Т. 70. М., 1963. С. 277.

> Год у меня – трудный <...>, а вот тут надо к парижанам ехать на старости лет[84].

8 июня Горькому выдали заграничный паспорт[85], но воспользоваться им ему не пришлось.

Не поехал в Париж и Шолохов; 15 мая Щербаков сообщил Горькому:

> Шолохов попросил т. Сталина освободить его от поездки Париж. И.В. дал согласие и предложил наметить другого кандидата. И.В. также дал согласие включить одного делегата Белоруссии[86].

Политбюро согласилось освободить Шолохова по его просьбе от поездки на конгресс 21 мая (отсюда и фраза Горького «завидую Шолохову»).

Вместо Горького и Шолохова в состав делегации включили Федора Панферова (возможно, в пику Горькому, резко критиковавшему прозу Панферова в печати). От Закавказья были назначены малоизвестный армянский прозаик Баграм Алазан и грузинский поэт Галактион Табидзе (не пустили в Париж не менее знаменитого Тицана Табидзе; через два года он был расстрелян); зато украинскую квоту увеличили: Тычина, Микитенко, Панч и молодой, но политически перспективный Корнейчук; Белоруссию представлял Якуб Колас.

Бабель и Пастернак

Эренбург, заручившись поддержкой А. Мальро и А. Жида, настаивал на включении в советскую делегацию хорошо известных на Западе Бабеля и Пастернака; однако время шло, от-

---

[84] *Федин К.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 10. С. 374.

[85] Летопись жизни и творчества А.М. Горького. М., 1960. Т. 4. С. 492, 494.

[86] Архив А.М. Горького. М. Горький и советская печать. М., 1964. Т. X. Кн. 1. С. 372. Отметим, что с конца ноября 1934 г. почти два месяца Шолохов ездил по Европе (Стокгольм, Копенгаген, Лондон, Париж); в столице Франции он, видимо, встречался с Эренбургом (в довоенные годы у них были хорошие отношения); о пребывании Шолохова в Париже упоминает 21 января 1935 г. Л.М. Козинцева-Эренбург в письме В.А. Мильман («Сегодня в Москву уезжает Шолохов, он был здесь два дня»; собрание автора).

крытие конгресса приближалось, а состав делегации оставался неизменным. В мемуарах Эренбург пишет, что, когда в Париж приехала делегация из Москвы без Бабеля и Пастернака, «французские писатели обратились в наше посольство с просьбой включить автора "Конармии" и Пастернака в состав советской делегации»[87]. (Заметим, что первая группа делегатов из СССР прибыла в Париж 18 июня («Известия», 20 июня); видимо, в тот день и последовал демарш А. Жида и А. Мальро в советское посольство)[88]. В биографии Пастернака есть такие подробности: «За Пастернаком (он жил тогда в доме отдыха "Узкое" под Москвой. – *Б.Ф.*) послали машину. Он отказался ехать, ссылаясь на болезнь, но приехавший за ним передал слова секретаря Сталина Поскребышева, что это приказ и обсуждению не подлежит. На следующий день 21 июня, когда конгресс уже открылся, он в сшитом за сутки новом костюме и пальто выехал вместе с Бабелем в Париж»[89]. В воспоминаниях вдовы Бабеля А.Н. Пирожковой рассказывается о том, что было после того, как Сталин распорядился отправить Бабеля и Пастернака в Париж: «Оформление паспортов, которое длилось обычно месяцы, было совершено за два часа. Это время в ожидании паспорта мы с Бабелем просидели в скверике перед зданием МИДа на Кузнецком мосту. Возвратившись из Парижа, Бабель рассказал, что всю дорогу туда Пастернак мучил его жалобами: "Я болен, я не хотел ехать, я не верю, что вопросы мира и культуры можно решать на конгрессах... Не хочу ехать, я болен, я не могу!" В Германии каким-то корреспондентам он сказал, что "Россию может спасти только Бог". "Я замучился с ним", – говорил Бабель»[90]. «Путешествие мое с Пастернаком достойно комической оперы», – сообщал Бабель из Парижа московской знакомой[91]. Документально же известно лишь следующее: решение Политбюро о поездке Бабеля и Пастернака на Парижский конгресс

---

[87] *Эренбург* (1, 519).

[88] В «Воспоминаниях» Шаламова (М., 2001. С. 334) Пастернак рассказывает это не так, сводя дело к телеграмме Эренбурга («офицера связи между Западом и Востоком») и путая фамилии делегатов.

[89] *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 513.

[90] Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 263.

[91] *Бабель И.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2006. Т. 4. С. 337.

было срочно 19 июня (за два дня до заседания Политбюро) принято поименным опросом («за» проголосовли Калинин, Сталин, Андреев, Каганович, Молотов, Жданов и Микоян, против – Ворошилов, как и Буденный, не принимавший «Конармии»)[92].

19-го же июня вечером в Париж прибыла вторая группа советских писателей[93]. На следующий день «Правда», сообщив, что первая группа советских делегатов прибывает (!) на конгресс, и, назвав М. Кольцова «ранее прибывшим в Париж», написала: «На международный конгресс писателей в защиту культуры в Париж выезжают вернувшиеся в Москву (! – *Б.Ф.*) И. Бабель и Б. Пастернак, входящие в состав делегации Союза советских писателей» – это сообщение сразу же (еще до открытия конгресса) должно было успокоить его организаторов, а советским читателям задержку с отъездом Бабеля и Пастернака объяснить тем, что этих писателей якобы не было в столице. Заметим, что парижские «Последние новости» 21 июня, повествуя о прибытии советских писателей на конгресс, информировали своих читателей: «Ожидаются еще Бабель и Пастернак»[94].

А вот как живописно обо всем этом рассказывает Н.Берберова в книге «Железная женщина»: «Наступил третий день конгресса (то есть 23 июня! – *Б.Ф.*) и отсутствие Бабеля и Пастернака начало смущать президиум. Эренбург терял голову. Жид и Мальро отправились в советское посольство на улицу Гренель просить, чтобы прислали на конгресс "более значительных и ценных" авторов. Эренбург послал в Союз писателей в Москву отчаянную телеграмму. Наконец, Сталин самолично разрешил Бабелю и Пастернаку выехать. Оба поспели только к последнему дню. Пастернак приехал без вещей. Мальро дал ему свой костюм. В нем Пастернак вышел на эстраду»[95] – насколько подробности, оживляющие это повествование, соответствуют действительности, ясно из рассказанного выше.

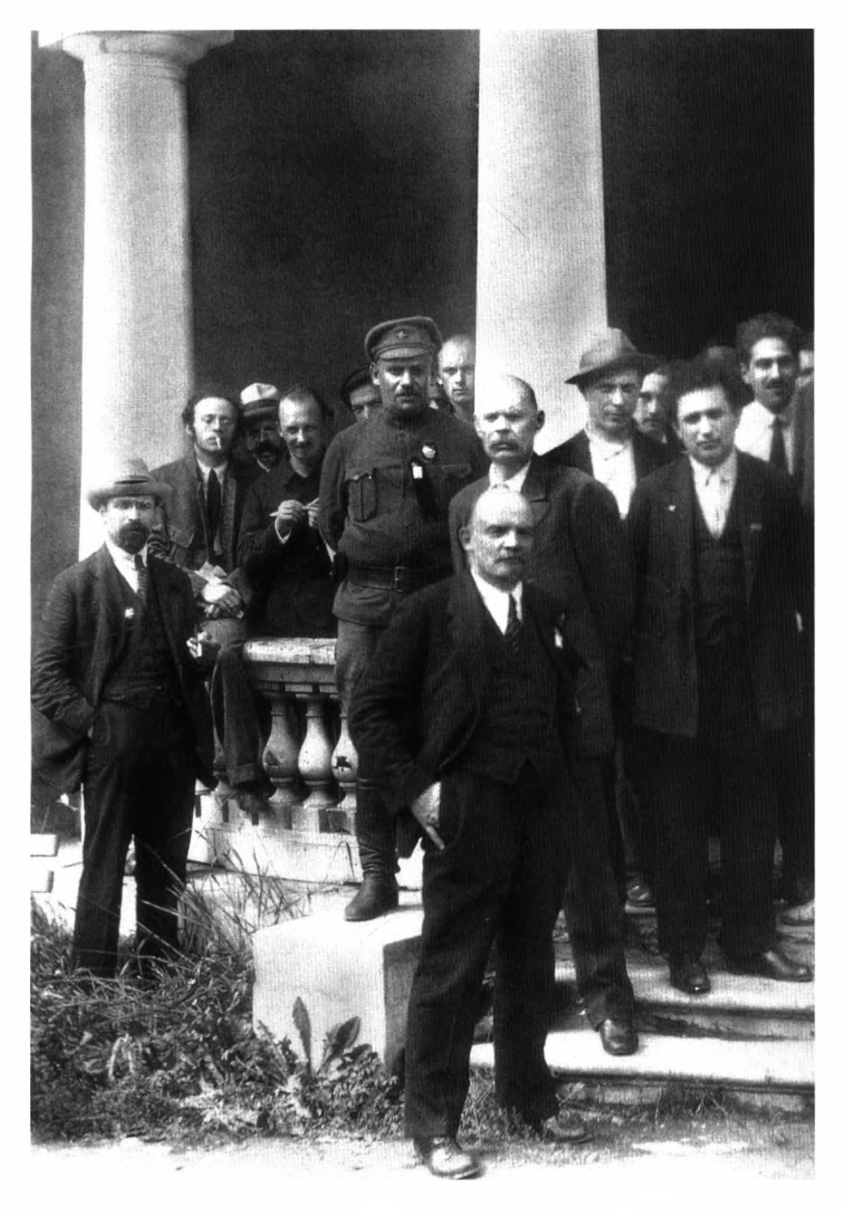
---

[92] Счастье литературы. С. 194.

[93] Последние новости. Париж. 1935. 21 июня.

[94] Сюжет, связанный с поездкой Б.Л.Пастернака на конгресс, скрупулезно исследован в главе «Поездка в Париж» фундаментальной монографии Л. Флейшмана «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (СПб., 2005).

[95] *Берберова Н.* Железная женщина. М., 1991. С. 238–239.

У Таврического дворца. *Петроград, 19 июля 1920 г.*
(Слева направо): **Л.М. Карахан, К.Б. Радек, Н.И. Бухарин, М.М. Лашевич,** *за ним* **М.А. Пешков,** *перед ним* **В.И. Ленин, М. Горький, С.С. Зорин и Г.Е. Зиновьев**

Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин, Л.Б. Каменев. *Москва, 5 мая 1920 г.*

О.Д. Каменева

Л.Б. Каменев

Л.Б. Каменев с семьей. *Начало 1930-х гг.*

Юбилей А.В. Ганзен *(в центре у стены, с внучкой)* **в Союзе писателей Ленинграда.** *1929 г.; (слева от нее)* **К. Федин и М. Козаков,** (*впереди справа)* **М. Слонимский, О. Форш, Е. Полонская,** (*перед ней справа)* **Д. Выгодский,** (*слева)* **Б. Лавренев, И. Наппельбаум**

В. Ходасевич
(портрет Ю. Анненкова)

Ф. Сологуб
(портрет Ю. Анненкова)

Л. Брик *(1924 г.)*

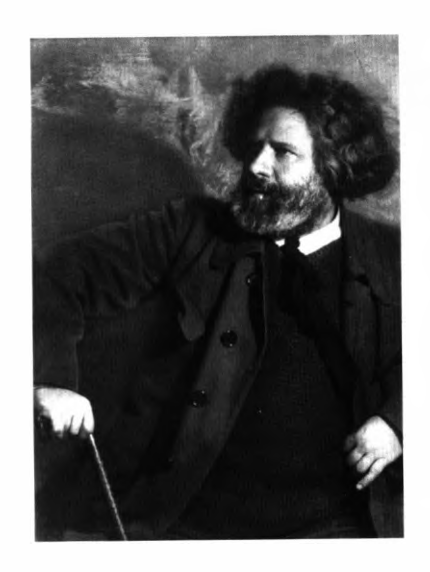
А. Краснощеков

А.М. Ремизов

П.С. Коган

М. Волошин *(1924 г.)*

Обложка книги Л. Каменева «Чернышевский» *(1933 г.)*

Л.Д. Троцкий *(1920 г.)*

Л.Д. Троцкий *(справа)* **и Д. Бедный**
(в центре) **под Казанью**
(1918 г.)

Обложка книжки Д. Бедного
о Троцком «Плюнуть некогда»
(1930 г.)

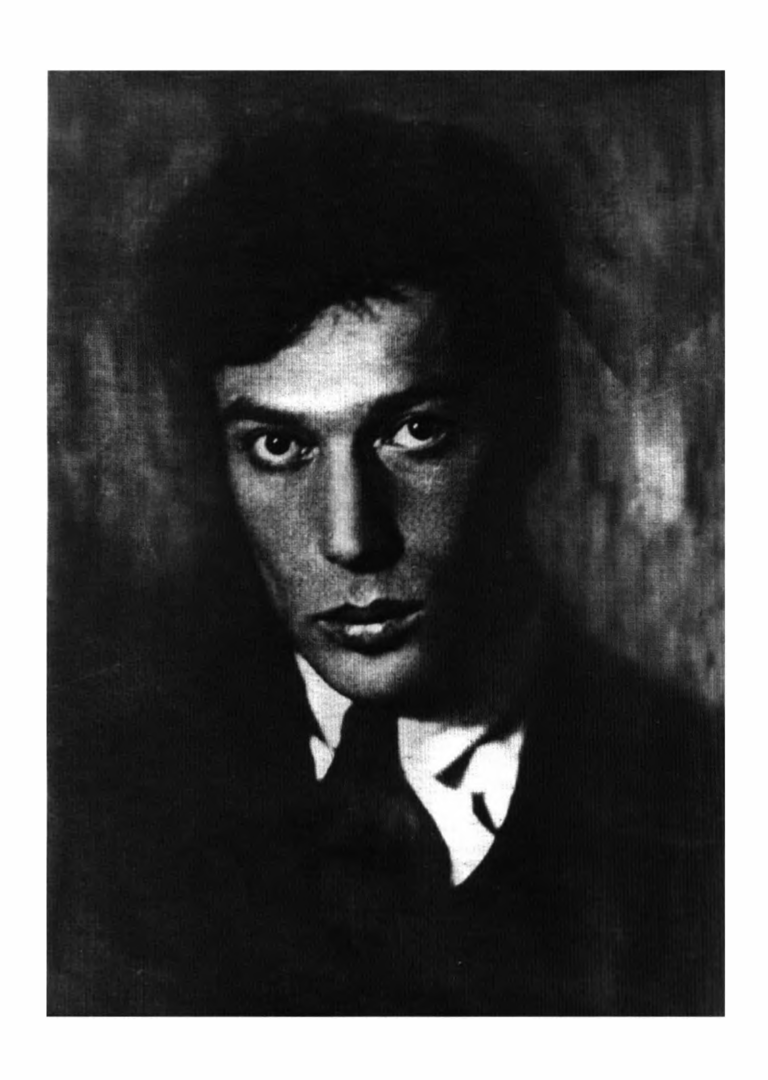

Портреты Л. Троцкого работы Ю. Анненкова

И.В. Сталин *(фото П. Оцупа, 1920 г.)*

Б.Л. Пастернак *(1920-е гг.)*

К.Б. Радек

Л.Н. Сейфуллина

Пятилетний юбилей журнала «Красная Новь» *(1927 г.).*
(*Сидят слева направо):* **Г.И. Чулков, В.В. Вересаев, Х.Г. Раковский, Б.А. Пильняк, А.К. Воронский, В.В. Казин, К.Б. Радек с дочерью Соней, П.Н. Сакулин;** *(стоят, справа налево):* **И.Э. Бабель, А.М. Эфрос, М.П. Герасимов, Ф.В. Гладков, В.П. Полонский**

Снимки, сделанные в Москве после ареста

Н. Бухарин

Г. Сокольников

И. Эренбург

Н. Львова

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ

ХУЛИО ХУРЕНИТО

И ЕГО УЧЕНИКОВ:

Monsieur Дэле, Алексея Тишина,
Карла Шмидта, Эрколе Бамбучи,
Мистера Куля, Ильи Эренбурга
и негра Айши,

в дни мира, войны и революции,
в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале,
в Кинешме, в Москве
и в других местах,
а также различные суждения

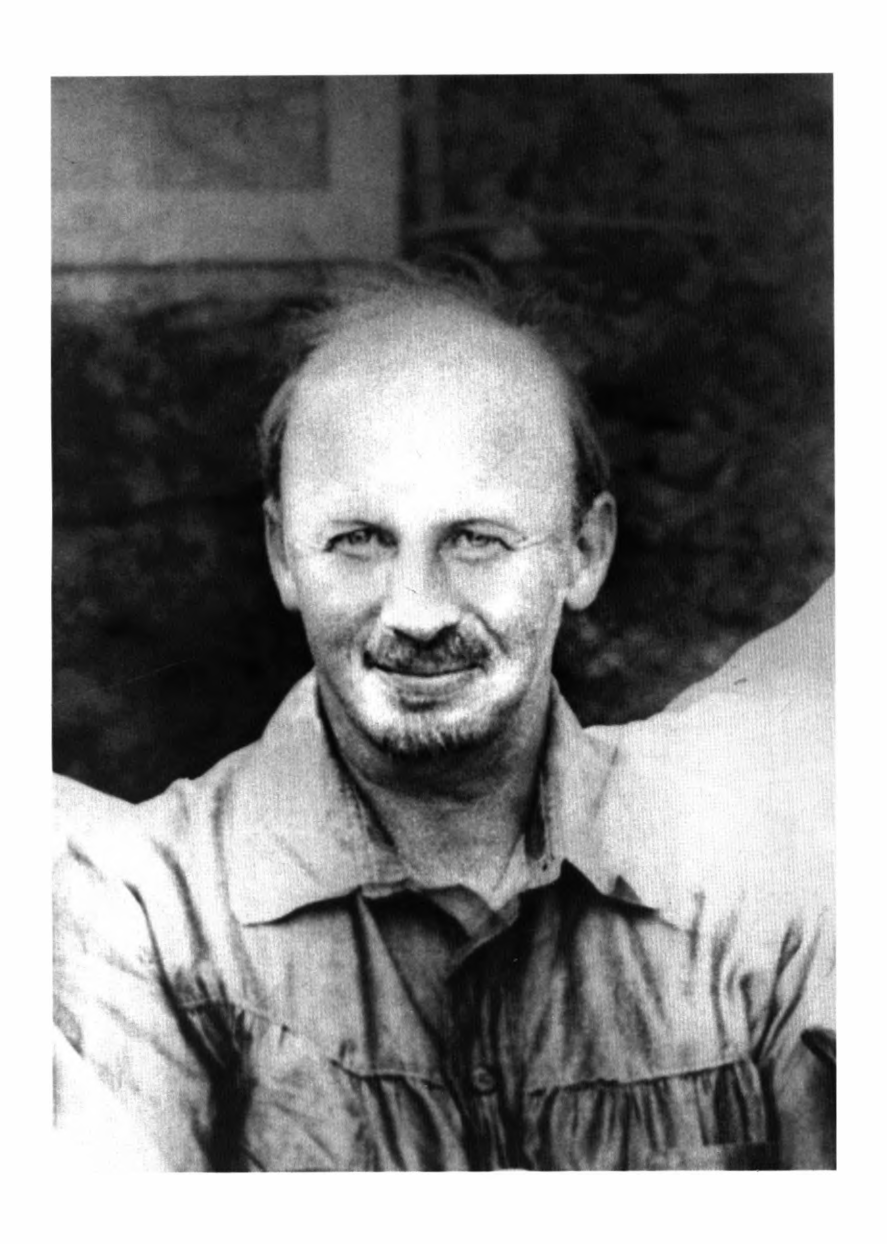
Учителя

О ТРУБКАХ,
О СМЕРТИ, О ЛЮБВИ, О СВОБОДЕ,
ОБ ИГРЕ В ШАХМАТЫ, ОБ ИУДЕЙСКОМ ПЛЕМЕНИ,
О КОНСТРУКЦИИ
И О МНОГОМ ИНОМ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1927 — ЛЕНИНГРАД

Титульный лист московского издания романа Эренбурга с предисловием Бухарина

Н.И. Бухарин

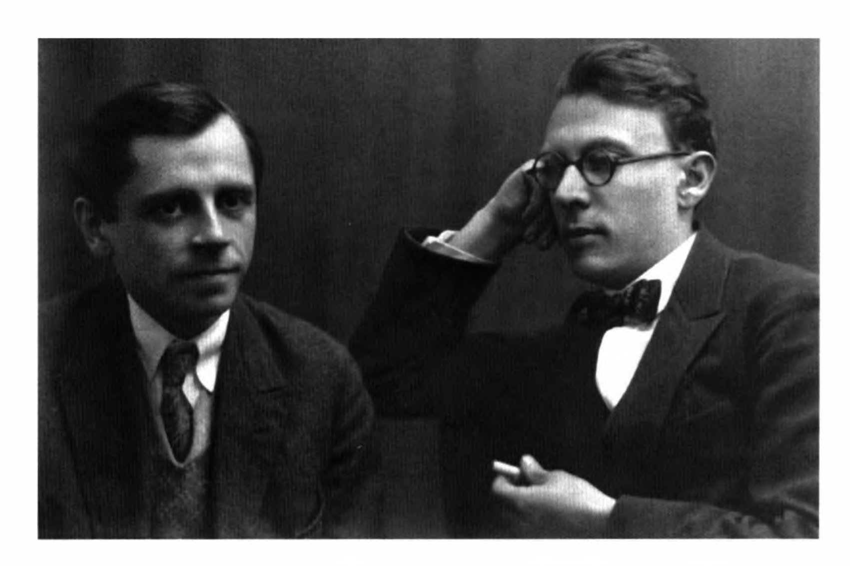
Здание газеты «Известия». *Москва, 1930-е гг.*

Знатная ткачиха Дуся Виноградова и И. Эренбург. *Москва, 1935 г.*

ДОРОГОЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ,
МНЕ СОВЕСТНО ОТНИМАТЬ У ВАС НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДА ЕЩЕ В ТАКОЕ
НАПРЯЖЕННОЕ ВРЕМЯ, НО НЕ ВИЖУ ДРУГОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.
В ЖУРНАЛЕ "НОВЫЙ МИР" НАЧИНАЮТ ПЕЧАТАТЬ МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.
В НАЧАЛЕ Я РАССКАЗЫВАЮ О МОЕМ СКРОМНОМ УЧАСТИИ В РЕВОЛЮЦИОН-
НОМ ДВИЖЕНИИ В 1906-1907 ГОДАХ. ТАМ Я ГОВОРЮ О БУХАРИНЕ И
СОКОЛЬНИКОВЕ ТОГО ВРЕМЕНИ — О ГИМНАЗИСТАХ И ЗЕЛЕНЫХ ЮНОШАХ.
Я РЕШАЮСЬ ПОСЛАТЬ ВАМ ЭТУ ГЛАВУ И ОТЧЕРКНУТЬ ТЕ ДВЕ СТРАНИ-
ЦЫ, КОТОРЫЕ БЕЗ ВАШЕГО СЛОВА НЕ СМОГУТ БЫТЬ НАПЕЧАТАННЫМИ.

Черновик машинописного обращения Эренбурга к Н.С. Хрущеву

М. Слонимский и П. Павленко. *1930 г. (Собрание А.Л. Дмитренко)*

М. Слонимский
(шарж Б. Малаховского)

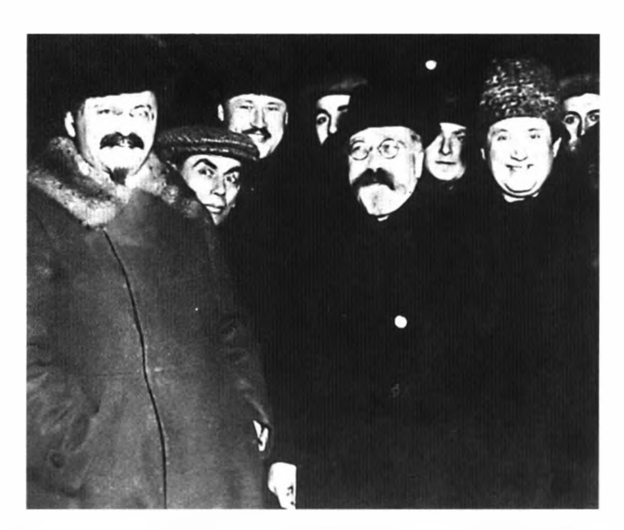
41

XXVII.

~~Будников~~ Он не мог понять, как на пути его, крупном и строгом, вдруг выросла эта неожиданная стена. ~~Он испытывал~~ Будников испытывал такое ощущение, словно с большого разбега налетел на каменную стену и страшно расшибся. Как могло случиться, что люди, товарищи боровшиеся против Троцкого, внезапно объединились с ним, взяли от него даже программу?! И неистовый мозг Будникова никак не вмещал этот бесспорный факт. Ведь разговоры о термидоре начались именно с того, что руководство партии обвинялось [illegible] в предоставлении чрезмерного влияния Троцкому. Как это так, вчера требуя исключения Троцкого из партии, сегодня объединяться с ним.

Будников не пошел на секретное, почти подпольное совещание оппозиционеров. ~~Надев очки~~ Взяв перепечатанный экземпляр письма Ленина, известного под названием „Завещание", он надел очки и, усевшись ~~боком~~ широко на кровати, под портретами сына, стал перечитывать его. И как впервые почувствовал он значительность строк, посвященных в этом письме нынешним оппозиционным вождям. Без всяких оговорок „неслучайным" называлось поступок их в ответственнейшие дни Октября и категорически отмечался „небольшевизм" Троцкого. Это

Страница рукописи М. Слонимского «Крепость»
(ИРЛИ, Санкт-Петербург)

Левые оппозиционеры Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев. *1928 г.*

Дорогой Илья Григорьевич.
Недавно, работая в архиве ИМЭЛ, я нашла Ваше письмо осени 1934 г., направленное к Сталину, по поводу необходимости организовать широкий антифашистский фронт писателей мира.
Есть на нём и „резолюция", начертанная Сталиным.
Может быть, Вам для работы требуется этот документ!
Прошу Вашего секретаря позвонить мне, — я с великой радостью всё Вам передам.

— глубокого уважения и любовью к Вам.
Людмила Зак,
историк, бывший [illegible]
I Белорусск. фронта. [illegible]

Телефон:
Б3-37-25

Записка историка Л. Зак И.Г. Эренбургу

И. Сталин
(фото П. Оцупа, 1930 г.)

Л. Каганович
(фото П. Оцупа, 1932 г.)

П. Крючков, М. Горький, Г. Ягода

У Мавзолея Ленина. *1934 г.*
Слева направо: **Л.М. Каганович, М. Горький, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, М.М. Литвинов**

Шаржи А. Гоффмейстера. *1934 г.*

М. Горький

К. Радек казнит Джойса на съезде писателей

А. Мальро

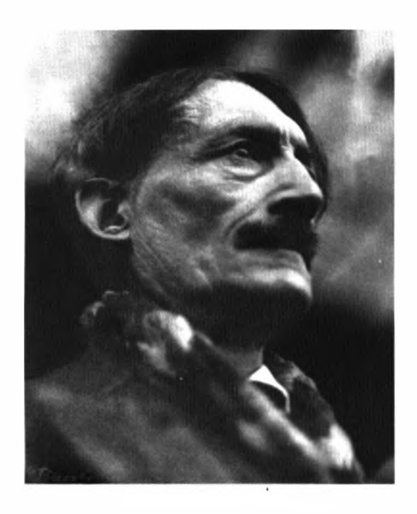

И. Эренбург в парижском кафе

Ж.Р. Блок, И. Эренбург, М. Кольцов.
Москва, Белорусский вокзал, 1934 г.

В Центральном парке культуры и отдыха. *Москва, 1934 г.*
Слева направо: **А. Мальро, И. Эренбург, Ж.Р. Блок, М. Кольцов, Л. Козинцева-Эренбург, А. Эфрос**

А. Барбюс *(фото Л. Якоби, подаренное Эренбургу в 1946 г.)*

АНРИ БАРБЮС

СТАЛИН

ЧЕЛОВЕК
ЧЕРЕЗ КОТОРОГО
РАСКРЫВАЕТСЯ
НОВЫЙ МИР

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

1936
МОСКВА

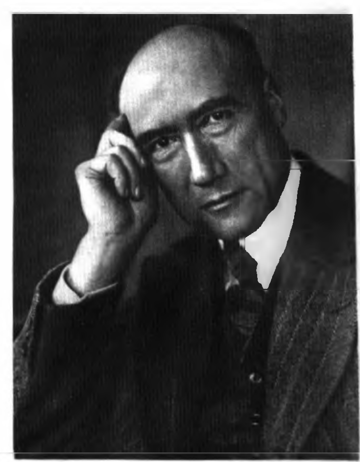
Титульный лист книги А. Барбюса «Сталин»

Андре Жид
(Франция)

Молодые строители СССР, всем сердцем я был с вами еще до того, как вы вступили в историю... Благодаря вам осуществится то, что, как утверждали, невозможно осуществить. Вы разорвали цепи прошлого, тяжелым бременем еще лежащего на нас. Молодые люди СССР, благодарю вас за ту великую надежду, которую вы вложили в наши сердца, и за ваш чудесный пример.

Андре Жид

АНДРЕ ЖИД — один из крупнейших писателей современной Франции. В 1932 г. опубликовал свои дневники, в которых решительно критикует всю капиталистическую систему и выражает горячие симпатии СССР.

НА ЗАЩИТУ СССР

ANDRÉ GIDE

фотосерия СОЮЗФОТО

Советская открытка, посвященная А. Жиду. *1933 г.*

Советская делегация на конгрессе в гостях у советского полпреда В. Потемкина. *Париж, 1935 г. Слева направо:* **Н. Минский** (поэт, живший в Париже), **А. Щербаков, А. Толстой, В. Потемкин, М. Кольцов, В. Киршон, И. Луппол, Л. Муссинак, И. Эренбург, Я. Колас, И. Бабель**

Делегаты конгресса: Б. Брехт, И. Бехер, И. Эренбург, Г. Реглер

Президиум Парижского конгресса. *1-й ряд, справа налево:* **Ж.Р. Блок, А. Жид, Г. Манн, М. Кольцов, А. Барбюс;** *2-й ряд:* **П. Низан, И. Эренбург и А. Мальро**

**Президиум Парижского конгресса:
У. Фрэнк, И. Эренбург, А. Барбюс, П. Низан**

Р. Кревель

А. Бретон

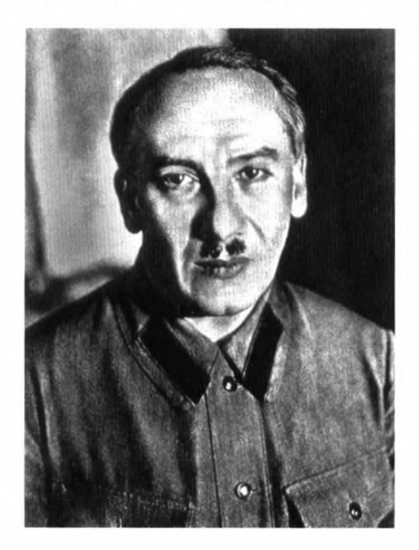

А. Мальро

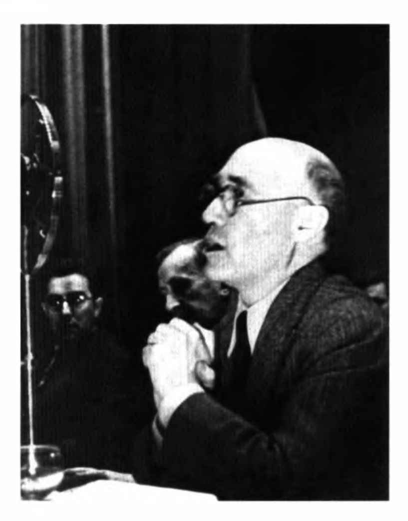
Л. Арагон и Э. Триоле в гостях у Р. Роллана. *1935 г.*

В. Серж с женой и сыном. *Москва, 1928 г.*

Г. Ягода

Парижский конгресс, выступление М. Паз.
(*Сидит на постаменте*) **Т. Тцара,** (*во втором ряду*): **П. Вайян-Кутюрье, Л. Муссинак, А. Барбюс, П. Низан, А. Мальро, А. Жид**

А. Жид (*рядом* **Г. Манн и М. Кольцов)**
отвечает М. Паз

И. Эренбург и Б. Пастернак на Парижском конгрессе

15

Н. Тихонов
(шарж А. Гоффмейстера)

Выступление И. Бабеля на Парижском конгрессе

И. Бабель
(шарж А. Гоффмейстера)

Похороны А. Барбюса. *Париж, 7 сентября 1935 г.*

А. Мальро и И. Бабель в подмосковной воинской части

Квартира Мейерхольда. *Москва, 1936 г.*
Слева направо: **Б. Пастернак, А. Мальро, Вс. Мейерхольд, Р. Мальро**

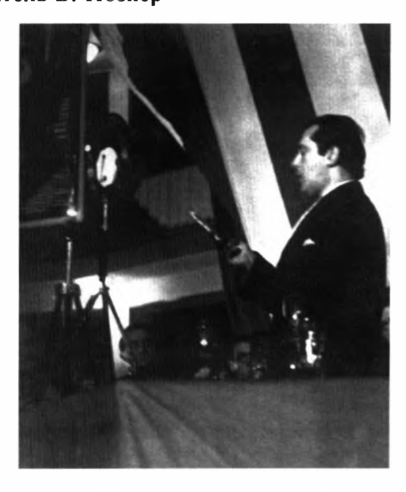
Президиум Второго конгресса в Испании. *1937 г.*
Справа налево: **А. Шамсон, Х. Негрин, М. Андерсен-Нексё, Ж. Бенда** *(выступает)*, **журналист Корпус-Барга** *(фото И. Эренбурга)*

Советская делегация в гостях у Долорес Ибаррури.
Стоят (слева направо): **А. Фадеев, М. Кольцов, неустановленное лицо, В. Ставский, А. Барто, Вс. Вишневский, И. Эренбург;** (*во втором ряду*): **неустановленное лицо, муж Д. Ибаррури, Д. Ибаррури, Ф. Кельин,** *справа от него* **С. Херасси;** *(сидят на полу справа налево):* **неустановленное лицо, В. Финк, Л. Толстая, А. Толстой, Е. Ратманова (жена М. Кольцова),** (*последний*) – **французский писатель В. Познер**

Выступление И. Эренбурга на испанском конгрессе

Выступление Р. Альберти на испанском конгрессе

II CONGRESO INTERNACIONAL DE ESCRITORES

PARA LA

DEFENSA DE LA CULTURA

VALENCIA, JULIO DE 1937

SALÓN DE ACTOS DEL AYUNTAMIENTO

TARJETA DE DELEGADO

Nombre: Savich

POR EL COMITÉ DE ORGANIZACIÓN:

Juan Gil-Albert

Билет делегата конгресса О.Г. Савича *(Валенсия, 1937 г.)*

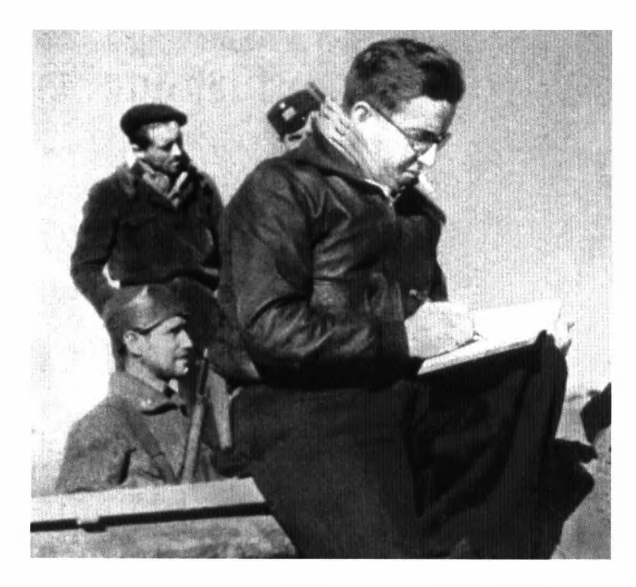

Вс. Вишневский, В. Ставский и поэт А. Парисисо в Брунете
(фото И. Эренбурга)

Антонио Мачадо в Барселоне *(фото И. Эренбурга)*

М. Андерсен-Нексё и А. Фадеев на испанском конгрессе
(фото И. Эренбурга)

М. Кольцов за испанским дневником. *1937 г.*

А. Жид, недопущенный на испанский конгресс. *Париж, 1937 г.*

Л. Арагон.
Париж, 1938 г.

И. Сталин, маршал Б. Шапошников и И. Риббентроп.
Москва, Кремль, 23 августа 1939 г.

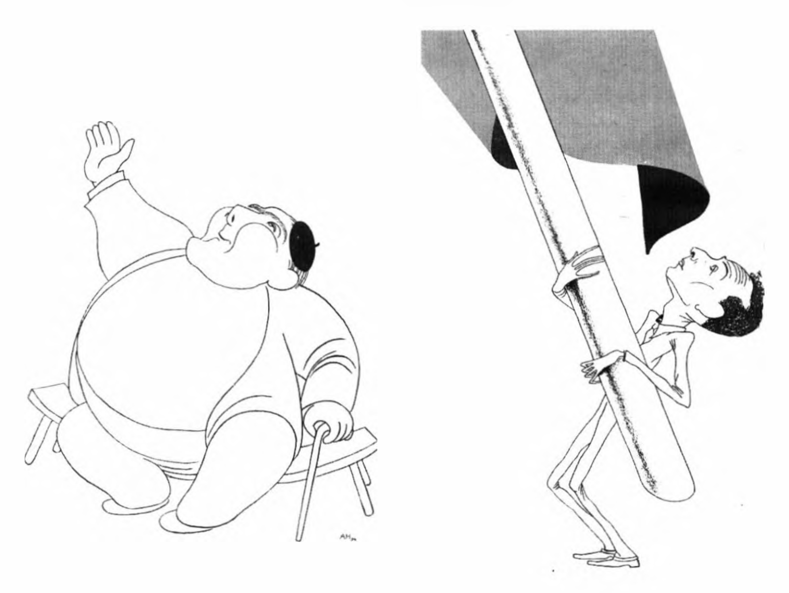
Обложка немецкого журнала «BerlinerIllustrirte Zeitung»
(23–31 августа 1939 г.)

Невеселые советские руководители (В. Молотов, И. Сталин, К. Ворошилов, Г. Маленков, Л. Берия и А. Щербаков) направляются на Красную площадь. *Москва 1 мая 1939 г.*

Шаржи А. Гофмейстера

К. Тейге и В. Незвал

В. Незвал

Л. Арагон

SAMEDI 4 JANVIER 1936, à 20 heures 30

SALLE DES CONCERTS

2 bis, Rue du Conservatoire, 9e — Métro : Bonne-Nouvelle

Poètes d'U. R. S. S.
Poètes de FRANCE

Festival de poèsie organisé par la Maison de la Culture et l'Association pour l'étude de la culture soviétique (ex-cercle de la Russie neuve) avec le concours des Poètes

ARAGON, AUDIBERTI, Gaston BONHEUR, Luc DECAUNES, Robert DESNOS, Luc DURTAIN, Léon-Paul FARGUE, Maurice HONEL, Robert HONNERT, Fernand JEAN, Léon MOUSSINAC, Tristan RÉMY, RICO, Marcel SCHIMDT, Tristan TZARA, Pierre UNIK, Charles VILDRAC.

en l'honneur des Poètes Soviétiques présents à Paris

BEZYMIENSKI, KIRSANOV, LOUGAVSKOI, SELVINSKI

Prix d'entrée : 5 Francs

Афиша выступления советских поэтов в Париже

Ю. Тувим **С.И. Кирсанов**

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Страницы воспоминаний

1935 год. Скорый поезд мчит нас, четырех советских поэтов — Сельвинского, Луговского, Кирсанова и меня, в Париж. Только что осталась позади граница Франции. В руках Сельвинского, знающего тайны французского языка, купленная на границе парижская газета. Взгляд Ильи Львовича останавливается на статье, имеющей весьма крупный заголовок.

— Граждане-товарищи! — говорит Сельвинский. — Эта статья про нас! Не успели мы пробыть и полчаса на территории Франции, а нам уже преподносят милый подарок. Подпись под статьей — Анри де Кериллис. Заголовок — шикарный. Гласит он вот что: «Вон из Франции!». Кериллис негодует по поводу того, что правительство страны позволило прибыть во Францию четырем большевистским лазутчикам, прикрывшимся фиговым листком поэзии. Он предлагает не пускать нас в Париж. А если это сделать невозможно, то уж, во всяком случае, не разрешать нам устроить литературный вечер: все равно эти поэты пишут одинаково, содержание их стихов тоже одинаково, даже одеты они одинаково...

...Наш вечер не был отменен. Билеты на него разошлись с молниеносной быстротой. Процентов сорок было распространено среди членов общества «Франция — СССР», а остальные шестьдесят процентов были проданы в кассе Французской консерватории, проданы менее чем за два дня. Как нам стало известно, этот факт не на шутку перепугал парижскую полицию. Но никаких препятствий она не стала нам чинить, возможно, потому, что вместе с нами выступали шестнадцать французских поэтов.

В Париже мы встретили Илью Григорьевича Эренбурга. Устроители нашего вечера превосходно организовали этот поэтический форум, весьма необычный для французской столицы. Нам сказали, что за последние несколько десятилетий французские поэты не читали своих стихов ни в театрах, ни на эстраде, не устраивали вообще никаких поэтических вечеров.

...Зал Парижской консерватории переполнен до отказа. Многие зрители добыли приставные стулья, а те, которым это не удалось, забив проходы зала, сидели прямо на полу. Словом, все было «как у нас». Илья Григорьевич Эренбург, пи-

Париж. Перед литературным вечером. А. Безыменский, И. Сельвинский, С. Александровский, С. Кирсанов, В. Луговской.

Страница воспоминаний А. Безыменского в журнале «Нева»

Париж. А. Безыменский. И. Сельвинский, С. Кирсанов на Елисейских полях.

Как-то оно пройдет в зале, где, возможно, сидят те, кто «защищал» Перекоп от нас.
Илья Львович доказал, что волноваться за него не было оснований. Он читал великолепно, восхитительно. В его распоряже-

Репортажи и отзывы буржуазных газет были очень своеобразными. Они единодушно отметили, что четверо большевистских стихотворцев не были в униформе, не ходили на руках по сцене, резко отличались

А. Безыменский, И. Сельвинский и С. Кирсанов в Париже

(страница журнала «Нева»)

А. Безыменский

В. Луговской

19 16/IV 42 г.

Прислан с нарочным и [illegible] Ваше письмо. Был очень обрадован.
А сегодня — [illegible] новая радость и новая возможность приветствовать вас всё по тому же поводу.
Обнимаю вас от всего сердца. Заказываю роман „Возрождение Парижа". [illegible] первой главы о ресторане „Барселона". Вина французские, кушанья испанские, роман русский. А бычьи [illegible], которые в 1935-м году в этом ресторане вкушал Луговской, оставим товарищу Фадееву.
Боже мой! Наконец-то сей мальчик осчастливил нас

Письмо А. Безыменского И.Г. Эренбургу.
16 апреля 1942 г.

Ю.К. Олеша и М.М. Зощенко

М.М. Зощенко
(портрет работы Н.П. Акимова, 1951 г.)

Заседание Еврейского антифашистского комитета. *Москва, 24 августа 1941 г. (Стоят слева направо)*: **Я. Флиер, Д. Ойстрах, И. Нусинов, С. Михоэлс, Я. Зак, В. Зускин, А. Тышлер, Ш. Эпштейн;** *(сидят справа налево)*: **И. Эренбург, Д. Бергельсон, П. Маркиш, С. Маршак;** *(подписывает заявление)* **Б. Иофан**

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

В ВЕНЕ. Советские войска на улицах столицы Австрии.

На улицах освобожденной Вены

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Товарищ Эренбург упрощает

«Красная звезда». *15 апреля 1945 г.*

[redacted] =РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ,
,КРАСНАЯ ЗВЕЗДА,, =
И.Г. ЭРЕНБУРГУ=

ИЗ ПРИЗ НР 1031/257 Б/С 4/5 06-42=

ДОРОГОЙ ИЛЬЮША,СЕГОДНЯ 3/5-45 МЫ ЛЕТЧИКИ
ИМЕЛИ УДОВОЛЬСТВИЕ НАХОДИТЬСЯ В БЕРЛИНЕ
В РАЙОНЕ РЕЙСТАГА,НА КОТОРОМ ВОДРУЖЕНО
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ И ГДЕ МЫ ЧЕСТНО ПОРАБОТАЛИ,
ОТМЕЧЕНЫ В ПРИКАЗЕ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО.ОЧЕНЬ УДИВЛЕНЫ,ПОЧЕМУ
НЕ СЛЫШНО ВАШЕГО ГОЛОСА,? КТО ТЕБЯ

ОБИДЕЛ.?МЫ ЛЕТЧИКИ СОЕДИНЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-
МАЙОРА СЛЮСАРЕВА ЧИТАЯ ВАШИ ПРИЗЫВЫ,
НАЧИНАЯ С ПЕРВОГО ДНЯ ВОЙНЫ
МОБИЛИЗОВАЛИ НАС РАБОТАТЬ С ПОЛНОЙ
ОТДАЧЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ,НЕ НАВИДИМ ВРАГА
НЕ УНЫВАЙ ДОРОГОЙ ДРУГ,ШУРУЙ ТАК,-КАК ТЫ
НАЧАЛ=СЛЮСАРЕВ НАЗАРОВ

+К1031/257 10-30=ЖИДКОВ

Телеграмма летчиков из Берлина И. Эренбургу

И.Г. Эренбург выступает на вечере памяти С.М. Михоэлса.
Москва, 16 февраля 1948 г.

21 СЕНТЯБРЯ 1948 г., № 265 (11006) ПРАВДА

По поводу одного письма

Илья ЭРЕНБУРГ

«Правда». *21 сентября 1948 г.*

Дорогой Иосиф Виссарионович,

я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и тов. Маринин сегодня ознакомили меня с текстом письма в редакцию "Правды" и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным разрешением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской русской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. Также имеется определение "еврейский народ", которое может ободрить тех советских граждан, которые еще не поняли, что еврейской нации нет и тем самым облегчить националистическую пропаганду.

Особенно я озабочен влиянием такого "Письма в редакцию" с точки зрения расширения и укрепления движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей "черты оседлости" и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами, которые говорят о некоторой общности советских евреев может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т.д.

Черновик письма И.Г. Эренбурга И.В. Сталину

[illegible]

И. Эренбург:

1) На поправках не настаиваю, но отдельные фразы нынешнего текста могут принести вред;

1) выражения «некоторой части» может толковаться так, что националистов-евреев очень много, выражение «среди некоторых элементов» — лучше;

2) «хотят превратить евреев» — может подумать, что всех евреев, в том числе авторов настоящего письма;

4) не нужно употреблять выражение «еврейский народ»; это как раз будет усиливать тенденцию к обособлению, усиливать еврейский национализм, а наша главная задача ассимиляция евреев

Письмо в редакцию «Правды»

Разоблачение шпионской банды врачей-убийц М. Вовси, В. Виноградова, М. Когана, Б. Когана, П. Егорова, А. Фельдмана, Я. Этингера, А. Гринштейна, Г. Майорова раскрыло перед советских народов, перед всеми честными людьми мира чудовищные преступления этих врагов, действовавших под маской «ученых».

Продавшись американо-английским поджигателям войны, эти выродки ставили перед собой цель — путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза.

Врачи-преступники лишили жизни виднейших деятелей Советского государства — А. А. Жданова и А. С. Щербакова. Террористическая шпионская шайка под видом лечения пыталась вывести из строя руководящие военные кадры Советской Армии, рассчитывая таким путем подорвать оборону страны.

Вместе со всем советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим позором эту клику убийц, этих извергов рода человеческого.

Большинство из разоблаченных преступников — еврейские буржуазные националисты, завербованные международной сионистской организацией «Джойнт» — филиалом американской разведки. Не случайно англо-американские империалисты ухватились за еврейских буржуазных националистов-сионистов. Еврейские миллиардеры и миллионеры в США давно уже поставили созданную ими сеть сионистских буржуазно-националистических организаций на службу самым реакционным силам американского империализма, превратили сионистские организации в центры международного шпионажа и диверсий.

Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, прикрыть свою шпионскую роль, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев. Но кто же не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм.

[illegible] своих американских хозяев, сионисты на деле с головой выдают трудящихся евреев американскому капиталу.

У главарей сионизма нет иных целей, кроме целей [illegible] агрессивным американским империализмом. Это главари сионизма превратили государство Израиль в [illegible] американских агрессоров и навязали израильским трудящимся двойной гнет — американского и еврейского капитала. По заданиям американской и английской разведок сионисты создают террористические, диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии. Используя сионистов, американские империалисты пытались уничтожить завоевания народно-демократической Чехословакии.

Весь мир знает, что народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев — от полной гибели и уничтожения. В наши дни, когда англо-американские империалисты всеми силами пытаются ввергнуть мир в новую войну, когда великое движение за мир, против войны охватило все народы и все нации, советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

Впервые в истории в Советском Союзе создан такой строй, который не знает национального гнета, основан на подлинном братстве народов, больших и малых. Вместо национальной ненависти и былой вражды между народами у нас в стране полностью восторжествовали справедливость и нерушимая дружба между народами. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества.

Только буржуазно-националистические отщепенцы и выродки, только люди без чести и совести, продавшие свою душу в тыле империалистам, стремятся опорочить великие завоевания народов, освободивших[illegible] от национального гнета.

Вместе с тем нельзя не признать, что у некоторой части еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения. Еврейские буржуазные националисты-сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, всячески разжигают эти националистические настроения. Они пытаются всеми мерами подогревать и раздувать среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности и национальной вражды к русскому народу и другим народам Советского Союза. Они стремятся подавить у евреев сознание [illegible] общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев России в [illegible] и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся [illegible] их к великим русским народом.

Каждый честный трудящийся еврей должен активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейского народа. Нельзя быть патриотом своей Советской Родины и бойцом за свободу национальностей, не ведя самой непримиримой борьбы против всех форм и проявлений еврейского национализма. Повысить бдительность, разоблачить и до конца выкорчевать буржуазных националистов — таков долг трудящихся евреев — советских патриотов, сторонников свободы народов.

Группа врачей-убийц разоблачена. Сорвана одна из коварных ставок англо-американских империалистов и его сионистской агентуры. Как и все советские люди, мы требуем самого беспощадного наказания преступников. Мы уверены в том, что это требование выражает мысли и чувства всех трудящихся евреев и будет единодушно поддержано ими.

Будем же и впредь вместе со всем советским народом с еще большей энергией и самоотверженностью укреплять нашу Советскую Родину, бороться за дружбу народов, [illegible] поджигателей войны.

обманутых евреев

советских евреев

их

еврейских тружеников

среди некоторых элементов

Вольфкович С. И., академик, лауреат Сталинской премии; **Драгунский Д. А.**, полковник, дважды Герой Советского Союза; **Эренбург И. Г.**, лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; **Крейзер Я. Г.**, генерал-полковник, Герой Советского Союза; **Харитонский Д. Л.**, сталевар завода «Серп и молот»; **Каганович Л. М.**, член ЦК КПСС; **Рейзен М. О.**, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; **Ванников Б. Л.**, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда; **Ландау Л. Д.**, академик, лауреат Сталинской премии; **Маршак С. Я.**, писатель, лауреат Сталинской премии; **Ромм М. И.**, кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; **Минц И. И.**, академик, лауреат Сталинской премии; **Райзер Д. Я.**, министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР; **Лавочкин С. А.**, конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; **Цырлин А. Д.**, генерал-полковник инженерных войск; **Чурлановская О. А.**, врач; **Дунаевский И. И.**, композитор, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; **Брескман М. Н.**, председатель колхоза имени Ворошилова, Кузнецкого района, Московской области; **Райкин Д. Я.**, преподаватель школы № 19 г. Москвы; **Ландсберг Г. С.**, академик, лауреат Сталинской премии; **Файер Ю. Ф.**, дирижер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; **Гроссман В. С.**, писатель; **Гуревич М. И.**, конструктор, лауреат Сталинской премии; **Кремер С. Д.**, генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; **Алигер М. И.**, писательница, лауреат Сталинской премии; **Трахтенберг Г. А.**, академик; **Носовский Н. Э.**, директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; **Хотулёв Д. Ф.**, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; **Каганович Мария**, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности; **Лапшин М. Я.**, заслуженный врач РСФСР; **Вул Б. М.**, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; **Лившиц С. Б.**, начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; **Прудкин М. И.**, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; **Смит-Фальквер М. Н.**, член-корреспондент Академии наук СССР; [illegible] **И. М.**, инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель»; **Гилельс Э. Г.**, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; **Розенталь М. М.**, профессор, доктор философских наук; **Блантер М. И.**, композитор, лауреат Сталинской премии; **Талмуд Д. Л.**, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; **Янковский А. П.**, рабочий [illegible] завода им. [illegible]; доктор экономических наук; **Рубинштейн М. [illegible]**; **Рогинский С. З.**, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; **Кассиль Л. А.**, писатель, лауреат Сталинской премии; **Мейтус Ю. С.**, композитор, лауреат Сталинской премии; **Хавинсон Я. С.**, журналист; **Лейзер А. Г.**, инженер, начальник конструкторского бюро [illegible] завода; **Чижиков Д. М.**, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; **Пойд В. И.**, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; [illegible]

2

Верстка письма в газету «Правда»

В. Молотов, Г. Маленков, А. Поскребышев, Н. Хрущев и А. Микоян на даче И. Сталина

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР

Год издания 36-й

№ 54 (11125)
ЧЕТВЕРГ
5
МАРТА
1953 г.
Цена 20 коп.

СЕГ

Бюллетень о состоянии ... Сталина на 2 часа 5-го март
Советский народ успешно ... строек коммунизма. (1 стр.).
Г. Васильев. Город-юрт. (1
А. Алексеев. Могучее оруж... идеологов капитализма. (2 и
П. Потапов. Родник ниши...
П. Бирюков. Успешно завер... отгонных пастбищах. (2 стр.)
Ш. Дадиани. «Русское сер

БЮЛЛЕТЕНЬ
о состоянии здоровья И. В. СТАЛИНА
на 2 часа 5-го марта 1953 г.

В истекшие сутки состояние здоровья И. В. Сталина оставалось тяжелым.

Развившееся, в ночь на второе марта, на почве гипертонической болезни и атеросклероза, кровоизлияние в мозг, в его левое полушарие, привело, наряду с правосторонним параличем конечностей и потерей сознания, к поражению стволовой части мозга с расстройством важнейших функций — дыхания и кровообращения.

В течение ночи на 4-ое марта нарушения дыхания и кровообращения продолжались. Наибольшие изменения наблюдались со стороны дыхательной функции: участились явления периодического (т. н. Чейн-Стоксова) дыхания. В связи с этим ухудшилось состояние кровообращения и увеличилась степень кислородной недостаточности. Систематическое введение кислорода, а также медикаментозных средств, регулярно проводимое лечение оказывали благоприятное влияние...

В дальнейшем, на протяжении дня четвертого марта, вновь возобновились тяжелые расстройства дыхания. Частота дыхания — 36 в минуту.

Кровяное давление продолжало оставаться на высоком уровне (210 максимальное и 110 минимальное) при пульсе в 108—116 ударов в минуту, неправильном (мерцательная аритмия). Сердце увеличено в умеренной степени.

Существенных изменений в легких, а также со стороны органов брюшной полости за истекшие сутки не установлено. В моче обнаружен белок и красные кровяные тельца, при нормальном удельном весе. При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец (до 17 тысяч). Температура утром и днем была повышенной до 38,6°.

Лечебные мероприятия в течение 4-го марта проводились в виде вдыхания кислорода, введения камфорных препаратов, кофеина, строфантина и глюкозы. Было повторно произведено кровоизвлечение посредством пиявок. В связи с повышенной температурой и высоким лейкоцитозом усилена пенициллинотерапия (проводившаяся в профилактических целях с начала болезни).

К ночи на пятое марта состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться тяжелым. Больной находится в сопорозном (глубоком бессознательном) состоянии. Нервная регуляция дыхания, а также деятельность сердца остаются резко нарушенными.

Министр здравоохранения СССР **А. Ф. Третьяков**
Начальник Лечсанупра Кремля **И. И. Куперин**
Главный терапевт Минздрава СССР профессор **П. Е. Лукомский**
Действительный член Академии медицинских наук профессор **Н. В. Коновалов**

Советский нар...
заказы ст...

* *

С удвоенной э...

С удвоенной энергией трудится коллектив московского завода «Динамо», поставляющий большое количество оборудования великим стройкам коммунизма. Стахановцы пятого аппаратного цеха собирают сейчас панели и пульты управления шлюзов. В первом квартале текущего года они должны изготовить семьдесят шесть панелей. Сорок семь уже готовы и испытаны, тридцать шесть отправлены в адрес заказчика. Над сложным оборудованием работает бригада тов. Великанова. Хорошо изучив технологический процесс, стахановцы сберегают много драгоценных минут, систематически перевыполняют сменные задания. Вчера коллектив приступил к сборке очередных двенадцати панелей. Слесарь-сборщик тов. Бозин параллельно ведет сборку восьми других панелей. Этот почетный заказ динамовцы обязались выполнить к двадцатому марта.

Высокой производительности труда на сборке экскаваторных панелей добивают-...

«**Известия**». *5 марта 1953 г.*

Дорогой и уважаемый Илья Григорьевич!

Когда я прочитала Вашу статью о Стендале в „Иностранной литературе", мне целый месяц [illegible] писать к Вам. Не знаю, о чем именно — о себе, о книгах, об искусстве вообще, о нашей молодежи, о „Красном и Черном", о любви, о людях, которых я знаю, — словом мне захотелось непременно с Вами говорить. Два дня я ходила с этой неясной мыслью — и вот, в результате Вы должны будете прочитать еще одно несуразное письмо из числа тех сотен, которые Вы получаете. Но я знаю, что Ваша профессия — „наблюдать человеческие судьбы", и поэтому может быть Вам будет любопытно, что думает о литературе и о жизни молодой советский литературовед, женщина, и просто человек не совсем обыкновенной судьбы.

Вот, профессия моя — литературоведение. Я, конечно, плохой литературовед; у меня нет [illegible] монографий. Но я очень люблю литературу с детства, процесс оформления чувства и мысли в слова всегда представляется мне чудом, а Жан Кристоф и [illegible] Ривьер — мои друзья, без которых я скучаю, когда их долго нет. Мои друзья со [illegible] скамьи, мои преподаватели по университету, мои сотрудники-товарищи по работе (я работаю в Институте Мировой Литературы им. Горького!) — не мои [illegible]

10

страстную любовь к искусству и [illegible], что Вы один из немногих, умеете находить слова, [illegible] произносить эти слова вслух, и не привыкать к этой двуличности, которая для нас всех — современников советских обывателей-интеллигентов — стала второй натурой. Я думаю, что Ваша статья „Уроки Стендаля" вернула к Вам не одни десятки благодарных писем.

Примите мои самые сердечные и искренние чувства.

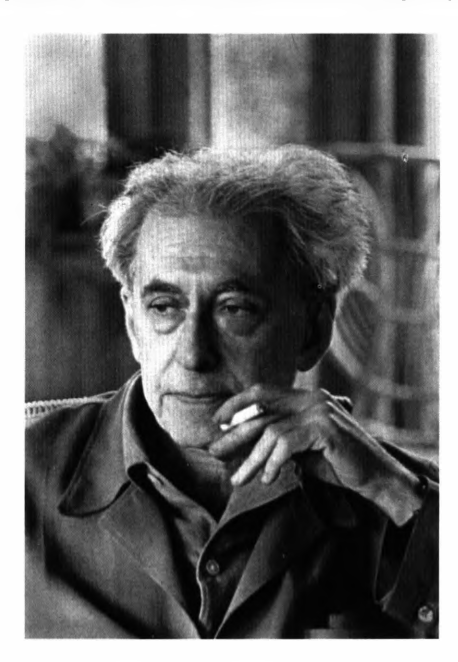
Ваша Светлана Сталина.

7 VIII 1957.

Москва В-72 ул. Серафимовича 2 кв. 179

Страницы письма С.И. Сталиной И.Г. Эренбургу

И.Г. Эренбург. *1957 г.*

Советские делегаты в Париже

В советской печати работу конгресса освещали корреспонденции ТАСС и сообщения четырех спецкоров: Михаила Кольцова в «Правде», Ильи Эренбурга в «Известиях», Овадия Савича в «Комсомольской правде» и бывшего русского поэта, а затем французского писателя-коммуниста Владимира Познера в «Литературном Ленинграде». Характер нужной «Известиям» информации Эренбург заранее, 8 июня, выяснил в письме главному редактору газеты Н.И. Бухарину:

> Вопрос как поставить информацию для «Известий». Какое место хотите Вы отвести? Передавать телеграфом или не нужно? Съезд будет продолжаться пять дней. Открывается 21. Если телеграфом, известите вперед, так как мне нужно раздобыть машинистку, чтобы она все переписывала латинскими буквами – у меня будет немало хлопот и без этого. Хотите ли Вы также впечатления наших делегатов? Сообщите, с кем договорились, чтобы не вышло недоразумений, повторений и пр. Хотите ли иностранцев – статьи или речи? Я слыхал, как К<ольцов> просил у Блока статью для «Правды» о задачах съезда. Словом, обо всем сообщите мне вперед[96].

В связи с конгрессом у Эренбурга была прорва забот, не только политических и журналистских. «Размещением делегатов в Париже, – писали “Последние новости” 23 июня, – так сказать, их квартирьером является старый парижский житель Илья Эренбург». И это еще не все. Советские делегаты не говорили по-французски, нанять для них профессиональных гидов было не по средствам, и Эренбург мобилизовал для этого жен своих русских приятелей, живших в Париже (писателя и журналиста О. Савича, художников Н. Альтмана и С. Фотинского и др.; Альтман и Фотинский, кстати сказать, делали зарисовки участников конгресса: Альтман для

[96] *Эренбург*. Письма. Т. 2. С. 172–173.

Заказ № 2076

парижского журнала «Lu»[97], а Фотинский для «Литературной газеты»[98]). Вот фрагмент из воспоминаний жены О.Савича: «Эренбург занимался и крупными и бытовыми вопросами конгресса. Даже подбором переводчиков для делегатов, не знающих французского. Все его русские друзья были мобилизованы. К Фотинским прикрепили Анну Караваеву. Она ежедневно агитировала жену Фотинского француженку Лиан за СССР. Летом в Париже стоит невыносимая духота и город пустеет. Караваева говорила Лиан: "Духота у вас тут. А у нас в СССР вот такие горы снега!". "Как? – ужасалась Лиан. – Даже летом?" Мне достались Микитенко и Корнейчук. Корнейчук был еще молоденький и веса не имел. Микитенко поэтому вел себя так, чтобы я занималась только им. Впрочем, его интересовал не столько Париж, сколько фривольные журналы. Вместо Тициана Табидзе на конгресс направили Галактиона. Он не понимал по-французски, но услугами сопровождающих не пользовался. Пошел слух, что он интересуется наркотиками... Помню удивление Эренбурга: как это, не зная языка, Галактион нащупал то, что ему было нужно... Николай Семенович Тихонов упивался Парижем, ходил ночами по городу, был настроен безумно лирически, писал изумительные стихи. Он даже как-то отдалился от нашей делегации и почти все время проводил с Эренбургами и с нами. Его "Парижская тетрадь" рождалась на наших глазах[99]. Борис Леонидович Пастернак приехал на конгресс больным. Эренбург встретил его и опекал, а Пастернак все время жаловался: "Я болен, а меня заставили приехать, они меня насильно привезли" и т.д. Это тревожило и пугало Эренбурга – Пастернака пустили в Париж по его настоянию, а вдруг Б.Л. повторит с трибуны то же, что все время говорил нам. Но Бориса Леонидовича ждал триумф: когда послышалось его характерное мычание, зал разразился овацией. Речь Пастернака переводил Мальро, переводил со всем блеском своего таланта; он даже как будто продолжил ее от себя. Б.Л. стоял все это время на сцене. После выступления Пастернак

---

[97] В номере за 9 июля «Литературная газета» поместила рисованный портрет Пастернака работы Н.Альтмана со ссылкой на «Lu».

[98] В номере за 5 июля помещены живые зарисовки пером специального корреспондента газеты Фотинского – портрет Барбюса и портрет Г. Манна вместе с А. Жидом.

[99] Этот цикл стихов Н. Тихонова посвящен Л.М. Козинцевой-Эренбург.

за кулисами подавленно спрашивал только об одном: кто его проводит в гостиницу...»[100].

Что сказал Пастернак

Речь Пастернака – одна из легенд конгресса.

Вот свидетельства мемуаристов:

«Он (Пастернак. – *Б.Ф.*) написал проект речи – главным образом о своей болезни. С трудом его уговорили сказать несколько слов о поэзии. Наспех мы перевели на французский язык одно его стихотворение. Зал восторженно аплодировал»[101].

«В Париже Эренбург прочел ученическую тетрадку, где Пастернак записал подготовленный в дороге французский текст своего предполагаемого доклада. Илья Григорьевич рассказывал, что это был литературный язык прошлого века, на котором нельзя было говорить. Тетрадку он разорвал и попросил Пастернака просто сказать несколько слов о поэзии. В своей книге Эренбург писал, что проект речи был посвящен главным образом болезни, но следствием болезни он счел очень существенную для Пастернака мысль, что культура не нуждается в объединениях и организациях по ее защите, надо заботиться о жизни и свободе людей, при этом культура возродится и утвердится сама по себе, как производное, как плод на этой почве. Пастернак появился на эстраде 25 июня и был встречен аплодисментами. Андре Мальро перевел речь Пастернака, – писал Эренбург, – и потом прочел его стихотворение “Так начинают...” (в переводе на французский). Съезд ответил долгой овацией. Он понял, что значат слова Мальро: Перед вами один из самых больших поэтов нашего времени. Тихонов впоследствии говорил, что вместе с Мариной Цветаевой они составили из отрывочных фраз стенограммы текст, который был напечатан в отчете конгресса»[102].

«Я замучился с ним, – говорил Бабель, – а когда приехали в Париж, собрались втроем: я, Эренбург и Пастернак – в кафе, чтобы сочинить Борису Леонидовичу хоть какую-нибудь речь,

[100] *Савич А.Я.* Минувшее проходит предо мною // Диаспора. Париж; СПб., 2003. Т. V. С. 92.

[101] *Эренбург* (2, 69).

[102] *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. С. 513–514.

потому что он был вял и беспрестанно твердил: "Я болен, я не хотел ехать". Мы с Эренбургом что-то для него написали и уговорили его выступить. В зале было полно народу, на верхних ярусах толпилась молодежь. Официальная, подготовленная в Москве речь Всеволода Иванова была в основном о том, как хорошо живут писатели в Советском Союзе, как много они зарабатывают, какие имеют квартиры, дачи и т.д. Это произвело на французов очень плохое впечатление, именно об этом им нельзя было говорить. Мне было так жалко беднягу Иванова... А когда вышел Пастернак, растерянно и по-детски оглядел всех и неожиданно сказал: "Поэзия... ее ищут повсюду... а находят в траве..." – раздались такие аплодисменты, такая буря восторга и такие крики, что я сразу понял: все в порядке, он может больше ничего не говорить»[103].

Слова Пастернака о поэзии в траве широко растиражированы, они вошли в книгу «Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления» (М., 1936) и в собрание сочинений Пастернака (Т. 4. М., 1991. С. 632). В 1936 г. их привел Эренбург в своей «Книге для взрослых»[104], печатавшейся в «Знамени»; сотрудник редакции А. Тарасенков показал рукопись «Книги для взрослых» Пастернаку, и тот, прочтя отчеркнутое место, заявил Тарасенкову: «Он, конечно, пишет обо мне с самыми лучшими намерениями, я это знаю, но все же это все неверно. Вот и в Париже я ведь говорил серьезные вещи, а он все свел к фразе о том, что "поэзия в траве". Я превращен в какого-то инфантильного человека»[105]. А. Мальро, переводивший для зала речь Пастернака, впоследствии сводил ее содержание к призыву «Идите, друзья мои, на природу, собирайте на лужайке цветы»[106]. В 1945 г. Пастернак, рассказывая И. Берлину о Парижском конгрессе, так сформулировал вторую, неопубликованную часть своего выступления: «Я понимаю, что это конгресс писателей, собравшихся, чтобы

---

[103] Воспоминания А.Н. Пирожковой // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 263.

[104] *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1991. Т. 3. С. 521.

[105] Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 94. Отметим, что в рассказе Пастернака, записанном Шаламовым (Воспоминания. М., 2001. С. 334), на это нет и намека.

[106] Цит. по кн.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 340. В тексте Флейшмана, который цитирует эту фразу по кн.: *Lacouture J.* Andre Malraux. London, 1975. P. 190, далее следует: «таков был этот сталинский делегат, – добавил Мальро».

организовать сопротивление фашизму. Я могу вам сказать по этому поводу только одно. Не организуйтесь! Организация – это смерть искусства. Важна только личная независимость. В 1789, 1848 и 1917 гг. писателей не организовывали в защиту чего-либо. Умоляю вас – не организуйтесь!»[107]

Из чьих бы уст ни прозвучали такие слова на конгрессе, они вызвали бы полемику. В устах же делегата из СССР они звучали как безусловная сенсация. Между тем ни одна парижская газета, включая эмигрантские, внимательно и подробно, хотя не сказать чтобы доброжелательно, описывавшие работу конгресса, повторяю, ни одна газета столь неординарное выступление Пастернака не отметила (с советскими газетами, также ни слова об этом не сказавшими, дело могло обстоять проще – власть никак не заинтересована была информировать читателей о каких-либо скандалах вокруг конгресса, речь могла идти только о его успехе, и редакторы это понимали). Но молчала не только пресса: никто из мемуаристов, писавших о конгрессе (как для печати, так и в стол) не упоминает о «второй» части речи Пастернака. Наконец, когда в 1936 г. на писательских заседаниях началась «проработка» Пастернака и ему инкриминировали прежние идеологически сомнительные или просто косноязычные высказывания, никто не вспомнил тех парижских слов, которые, что и говорить, при желании можно было подать как весьма острое политическое блюдо. Более того, сменивший Щербакова в качестве «хозяина» Союза писателей В. Ставский, выступая в декабре 1936 г. на Пленуме ССП и резко обрушившись на Пастернака, цитировал его парижскую речь: «Я, пересматривая документы нашей писательской общественности, натолкнулся на его (Пастернака. – *Б.Ф.*) выступление на Международном Конгрессе Защиты Культуры. Вы знаете, что такое этот конгресс и для чего мы посылали туда товарищей, посылали представителей советской литературы, самой передовой литературы в мире. Казалось бы, что свое согласие поехать и Пастернак, как и другие товарищи, и свою поездку должен был использовать соответствующим образом. Как использовал эту трибуну Пастернак? Давайте посмотрим: "Поэзия останется той превыше всех Альп, прославленной..."

[107] *Берлин И.* Встречи с русскими писателями. 1945 и 1956 // Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993. С. 520–521.

(*читает*). Удовлетворяет вас речь этого представителя нашей советской литературы на Международном Конгрессе Защиты Культуры, конгрессе борьбы против фашизма? (*Голос*: Это вся речь?) Это вся речь. Ничего больше. Ни одного слова»[108]. Таким образом, никаких записей о второй, крамольной, части выступления Пастернака в Париже в архивах ССП не было. Ни одного доноса не поступило!!! Нельзя исключать, что речь Пастернака была столь витиевата и запутана, что ее смысл не дошел даже до понимавших по-русски (иностранцы слушали ее в переводе Мальро). Но чем же тогда было гордиться? Загадка остается загадкой.

Несохранившаяся речь Бабеля

Не сохранилось и записи речи Бабеля[109]. Только его сообщение из Парижа 27 июня 1935 г. в письме матери и сестре: «Конгресс кончился, собственно, вчера. Моя речь, вернее импровизация (сказанная к тому же в ужасных условиях, чуть ли не в час ночи), имела у французов успех»[110]. А также – мемуарные свидетельства:

«Исаак Эммануилович речи не писал, а непринужденно, с юмором рассказал на хорошем французском языке о любви советских людей к литературе» (Эренбург[111]).

«Удивил всех Бабель: он сел за стол, надел очки и повел изумительно живую и вместе с тем умную беседу по-французски (А.Я. Савич[112]).

«О своей речи Бабель мне не рассказывал, но впоследствии от И.Г. Эренбурга я узнала, что Бабель произнес ее на чистейшем французском, употребляя много остроумных выражений, и аплодировали ему бешено и кричали, особенно молодежь. Однажды я попросила Эренбурга, уезжавшего во Францию, уз-

[108] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 109. Л. 11–12; цитировалось в статье К. Поливанова «Заметки и материалы к политической биографии Бориса Пастернака» – «de visu». 1993. № 4. С. 74.

[109] Ее, в частности, нет и в полном томе «Paris 1935» (Berlin, 1982), где напечатаны речи всех выступавших на конгрессе, включая речь Пастернака.

[110] *Бабель И.* Т. 4. С. 336.

[111] *Эренбург* (2, 69).

[112] Диаспора. Т. V. С. 90.

нать, не сохранилась ли стенограмма речи Бабеля на конгрессе. Он говорил об этом с Мальро, одним из организаторов конгресса, но оказалось, что все материалы погибли во время оккупации Парижа немцами» (А.Н. Пирожкова[113]).

Начальники

Национальные писательские делегации на конгрессе были объединениями скорее формальными – каждый западный писатель чувствовал себя самостоятельной единицей. Другое дело рядовые советские писатели: у них были начальники, которым они подчинялись (разве что А.Толстой держал себя независимо и общался с кем хотел; о приехавших в последний день Бабеле и Пастернаке здесь речи нет).

Начальников было несколько, и для иностранцев это являлось загадкой: кто есть кто? Кольцов, к которому инициаторы конгресса уже привыкли и который, по существу, был полномочным представителем Сталина, показной, представительской стороной власти не интересовался; теперь бы сказали, что он был «серым кардиналом»: его заботила стратегия и безотказность механизмов.

Зато внешние атрибуты власти манили Киршона. Он не успел еще со времени роспуска РАППа отвыкнуть от лавров одного из литвождей и в Париже неизменно терся возле Кольцова, а с «рядовыми» делегатами держал себя начальником. Эренбург, чей авторитет для иностранных делегатов был несомненен, среди советских им не пользовался. Более того, тот же Киршон вел себя с ним едва ли не дерзко. Эренбург этого забыть не мог и два года спустя уже в связи с другими делами напомнил в письме Кольцову: «Когда приехала советская делегация, один из ее руководителей Киршон неоднократно и отнюдь не в товарищеской форме отстранял меня от каких-либо обсуждений поведения, как советской делегации, так и конгресса. Я отнес это к свойствам указанного делегата и воздержался от каких-либо выводов»[114]. Отметим высказывание о Киршоне Бабеля из его лубянских показаний: «Несомненной ошибкой было так же то, что в наиболее ответственные момен-

---

[113] Воспоминания о Бабеле. С. 264.

[114] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 249–250.

ты конгресса выпускался на трибуну Киршон, наиболее одиозная фигура в составе советской делегации, не пользовавшаяся в глазах делегатов никаким политическим и литературным авторитетом...»[115].

Официальным руководителем советской делегации считался А.С. Щербаков. В Париже он вел себя едва ли не демократично; не представляя интереса для не связанных с Москвой иностранцев, он имел безусловный вес для рядовых, дисциплинированных советских делегатов. А.Я. Савич рассказывает, как в дни работы конгресса Эренбург повел Щербакова, Кольцова, Савичей и еще кого-то из советской делегации в восточное кафе при парижской мечети: «В кафе было все стилизовано под Восток, низкие стульчики и т.д. Зашел разговор о социалистическом реализме – тогда этот вопрос дискутировался и разговор был горячим. Щербаков очень долго молчал, слушал разговор, а потом тоном наставника изрек всем известную формулу "соцреализм – это изображение действительности в ее революционном развитии". Впечатление было страшное, как будто первоклассник заговорил с профессурой, поучая ее»[116].

В Париже Щербаков делал для себя краткие записи (они сохранились в его архиве); мы будем ими еще пользоваться, а здесь приведем только начало – приезд делегации и первый день конгресса:

> Встреча (Кольцов, Эренбург, Арагон, Эльза...). Отель-Палас. Вечером встреча у Потемкина. Разговор. Позиция Эренбурга (о докладах, о составе делегации, меньше политики, не надо цифр, не надо о материальном положении). Кафе Демагог[117] – все на месте. Редактирование докладов. "Вам дали инструкции согласовывать со мной". Первое заседание. Форстер. Бенда. Геенно[118] отвечает. Киш говорит, Луппол ждет. Приятная неожиданность первого дня – позиция Геенно. Утро – беседы с Потемкиным, телеграмма. Дневное заседание. Доклад Пан-

[115] *Шенталинский В.* Рабы свободы. С. 46.
[116] Диаспора. Т. V. С. 92–93.
[117] Речь идет о знаменитом кафе Де Маго.
[118] Щербаков записывал его фамилию на слух: Гиэно.

ферова. Вечер – Кольцов, Эренбург. Блестящая речь Жида. Еще неожиданность – Шамсон...»[119].

Геенно о конгрессе

Воспоминания о конгрессе писателя Жана Геенно взяты из книги «Трудная вера». Геенно – участник конгресса, но не его организатор, и этот голос, надеюсь, добавляет новую краску в картину, фактически написанную людьми, причастными к организации конгресса (если это и не откорректирует впечатление, возникающее от всего полотна, то во всяком случае сделает его несколько более объемным):

«...Было слишком очевидно, что организация конгресса подчинялась определенной интриге, и я не думаю, чтобы кто-либо из присутствовавших не знал об этом. В знаменитой статье Горький спрашивал писателей: "С кем вы, мастера культуры?" И конгресс, организованный коммунистической партией в Париже по приказу из Москвы, должен был дать публичный ответ на этот вопрос. Это была пропагандистская акция. Находчивость организаторов состояла в том, чтобы добиться от писателей, далеких от коммунизма, таких как Олдос Хаксли, Генрих Манн, Форстер, Бенда, Жид... участия в прениях. Неважно, что они говорили, главным было их присутствие и их имя. Некий господин по имени Верный, достойный самого лучшего цирка, установил порядок и время выступлений, срежиссировал игру и церемониал, да так хорошо, что все наши слова должны были привести к ковчегу нового московского бога, как синагога ведет к церкви, а все пророки к Мессии. Мог получиться настоящий балаган, если бы не тревожное время, под давлением которого мы находились. Все мы были писателями, и если мы лгали то, по крайней мере, полагали, что лжем только друг другу и самим себе, но я не думаю, что кто-нибудь из нас лгал. Действительно господин Верный манипулировал труппой, но дураков не было. Драма разворачивалась всюду и внутри нас. Я смотрел вокруг и не видел ни одного счастливого лица. Присутствовавшим на конгрессе немцам Эрнсту Толлеру, Анне Зегерс, Генриху Манну, Густаву Реглеру, изгнанникам, еще долго было не услышать языка, на котором они писали

[119] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 6.

свои книги. Да и сами русские, делегаты Рая, имели обеспокоенный вид. Задавали ли мы им вопросы? Мы сразу же почувствовали, что они не согласятся сказать всё. На второй день объявили, что молодой французский поэт-сюрреалист, который должен был выступать, ночью покончил с собой. Становилось ясно, что профессия думать и писать, если принимать ее всерьез, сегодня больше, чем когда-либо, связана с риском. Поэт, где бы он ни жил, всегда одинок и ему трудно найти путь к своему народу.

Мы говорили неумолчно в течение пяти дней и почти пяти ночей. В зале дым стоял коромыслом. <...> Не могу сказать, была ли спасена культура. Но наши стенания, молитвы, заклинания представляли собой порой патетическое зрелище. Мы, писатели, все почти без исключения занятые только самими собой, словоплеты, бездарные комедианты, вдруг почувствовали себя, в силу обстоятельств, вопросов, на которые нам предстояло ответить, призванными к своей самой великой роли. Все заявляли, что они всего лишь свидетели. Никогда раньше я не слышал столько призывов к единению, пусть даже с последним из людей. <...> Совместными усилиями мы вызывали на бой темные силы мира. Когда конгресс окончился, мы вернулись к нашим повседневным заботам. И перестали бросать вызов богам...»[120].

2. Самоубийство Рене Кревеля

«Третий день – день провокаций», – записал для памяти Щербаков[121]. Имелись в виду два конфликта – они не были неожиданностью, но дирижеры конгресса всячески желали их избежать. Однако не получилось.

Первый конфликт связан с сюрреалистами и имел свою историю.

17 июля 1933 г. «Литературная газета» напечатала памфлет Ильи Эренбурга «Сюрреалисты». Рассказывая читателям об очередном номере французского журнала «Сюрреализм на службе революции», одетом в фосфорическую, светящуюся в

[120] Цит. по: Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 244–245. Далее – Диалог писателей.

[121] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 6.

темноте, обложку, Эренбург дал волю своему темпераменту: «Парижские снобы любят не только коктейли и половые извращения, они любят также “революцию”. Сюрреалисты усердно цитируют Гегеля, Маркса и Ленина. Они уверяют своих полоумных читателей, что они “служат революции”. Эти фосфорические юноши, занятые теорией рукоблудия и философией эксгибиционизма, прикидываются ревнителями революционной непримиримости и пролетарской чистоты. <…> От Артюра Рембо, который писал гениальные стихи и который сражался за Коммуну, до этих жалких выродков, способных на мелкое ерничество, – шестьдесят лет, вся жизнь целого класса, вся судьба большой культуры». «Литературную газету» в Париже не читали, и этот памфлет обратил на себя внимание лишь осенью 1934 г., когда парижское издательство «Галлимар» выпустило книгу Эренбурга «Глазами советского писателя» – сборник эссе о французских литераторах, включавший и «Сюрреалистов». Герои памфлета, понятно, оскорбились. Уже шли переговоры по организации антифашистского конгресса писателей, и вождь сюрреалистов, главный редактор их журнала Андре Бретон вместе с товарищами собирался принять участие в конгрессе. Тут-то и произошел инцидент, который в мемуарах Эренбурга описан так: «Мы сидели ночью в кафе, я вышел, чтобы раздобыть пакет табака. Когда я переходил улицу, подошли два сюрреалиста, один из них (это был Бретон. – *Б.Ф.*) ударил меня по лицу. Вместо того, чтобы ответить тем же, я глупо спросил: в чем дело?»[122].

Организаторы конгресса (друзья и товарищи Эренбурга) возмутились выходкой Бретона и постановили лишить его права участия в работе конгресса. Вокруг этого возник затяжной скандал; сюрреалисты трактовали события, как сугубо политические, как типичный для коммунистов зажим.

Тридцатипятилетний писатель Рене Кревель, в недавнем прошлом один из самых активных сюрреалистов, а в ту пору склонный к разрыву с ними, всю эту историю переживал очень болезненно. За день до открытия конгресса он покончил с собой, открыв на кухне газ. Ален и Одетт Вирмо пишут о Кревеле в книге «Мэтры сюрреализма»: «Жизнь сжатая, насыщенная, раздираемая бисексуальными страстями, отмеченная трагедией. Пер-

122 *Эренбург* (2, 71–72).

сонаж, оставшийся загадкой, он не создал большого количества произведений, но сюрреализм обязан ему многим»[123]. Близкий друг Кревеля немецкий писатель Клаус Манн сохранил для нас его портрет: «Он был чист сердцем. Его глаза были очень красивы, широко распахнутые глаза неопределенного цвета. Он говорил скороговоркой, по-детски мягкими, чуть пухловатыми, неловкими губами. Он не был корректен. Он ненавидел глупое и скверное. Он жаловался на подлость, хотя должен был знать, что она могущественна. Могущественное ему не импонировало. Он был бунтарем. Бунтарь нашел мэтра – Андре Бретона, главу клики сюрреалистов <...> Некоторые из приверженцев Бретона – прежде всего Луи Арагон и Поль Элюар – уже перекинулись к сталинистам[124]. Рене, лояльный, еще колебался. <...> Рене должен был делать не только доклад (на конгрессе. – *Б.Ф.*), но он заседал также в подготовительном комитете, вместе с Андре Мальро, Андре Жидом и другими, которые считали себя столпами французского коммунизма»[125]. Эренбург рассказывает в мемуарах, что от друзей покойного он узнал: именно вздорная история с пощечиной стала последней каплей для Рене Кревеля. Клаус Манн в книге «На повороте» пишет о более глубоких причинах: «Совершил ли мой друг самоубийство, потому что подрались Андре Бретон и Илья Эренбург? Он совершил самоубийство, потому что был болен. Он совершил самоубийство, потому что страшился безумия. Он совершил самоубийство, потому что считал мир безумным. Почему он совершил самоубийство? Потому что не хотел пережить следующие полчаса, следующие пять минут, *невозможно* было больше переживать»[126]. Спустя почти сорок лет Луи Арагон, уже отойдя от сталинизма, напишет, размышляя о конфликтах среди сюрреалистов: «Придет время, когда всему этому будет дано удобное упрощенное объяснение, которым столько людей удовлетворяются и по сей день. Но что они знают о том, что происходило в пути, о трагических финалах, о Кревеле, об историях, которые никогда не будут написаны? Не указывайте на них, на нас своими чернильными пальцами, вы, упростители драм, вы, кто пытается дать всему удовлетворительное, успокоительное

[123] *Вирмо А. и О.* Мэтры сюрреализма. СПб., 1996. С. 113.

[124] Элюар это сделал позже Арагона, в 1938 г.

[125] *Манн К.* На повороте. М., 1991. С. 349.

[126] *Там же.* С. 349–350.

объяснение "так уж получилось", позволяющее идти дальше и сдавать прошлое в архив, как сдают дела о нераскрытых убийствах»[127].

Сюрреалисты искали скандала; в этом смысле гибель Кревеля была им на руку. Написанную Кревелем речь «Индивид и общество» на конгрессе прочел Арагон; пользуясь случаем, он сказал от себя: «Несколько дней тому назад трагически погиб наш товарищ и друг Рене Кревель. Он активно участвовал в подготовке к конгрессу. Сегодня вечером он должен был выступать с этой трибуны <...> Кревель, в прошлом сюрреалист, сумел целиком перейти на позиции пролетариата. Помню, как совсем недавно он говорил мне, что еще никогда так не волновался и не радовался, как произнося от имени Ассоциации революционных писателей и художников Франции речь 1 мая перед рабочими города Булонь» (приведя эти слова Арагона в своих «Письмах о конгрессе», В.Познер сообщил о реакции на них: «Зал, стоя, аплодирует»[128]).

Это было на вечернем заседании 22 июня (его программу заранее объявил в «Правде» Кольцов: «Будет вопрос "Индивидуум и общество". Докладчиком выступит Андре Жид, содокладчиками Андре Мальро, австрийский писатель Музиль, Макс Брод, Илья Эренбург»[129]). В речи Кревеля был отзвук эренбурговского памфлета и спор с ним; Кревель говорил о сюрреализме как о пути, который указал Рембо («попытки осветить именно то, что буржуазное общество хочет удержать во власти обскурантизма и предрассудков»), но, – продолжал Кревель, – именно благодаря его влиянию на чувствительность эпохи сюрреалистическое движение вышло из рамок группы сюрреалистов». А дальше шло недвусмысленное заявление: «Я объявляю, что я больше не принадлежу к этой группе, искания которой, несмотря на их культурный интерес, не заслуживают больше внимания». Заключительные слова речи звучали как политическое завещание: «Не попытаться согласовать свой внутренний ритм с диалектическим движением мира – это означает для индивида подвергнуть себя опасности потерять всю свою ценность и всю свою энергетическую мощность. Это означает в конце концов опуститься среди старых марионеток

[127] *Арагон Л.* Огонь Прометея. М., 1987. С. 516–517.

[128] Литературный Ленинград. 1935. № 30. 2 июля.

[129] Правда. 1935. 21 июня.

реакции»[130]. После этих слов, как вспоминает Эренбург, зал снова встал.

Сюрреалисты получили возможность выступить лишь 24 июня (ТАСС информировал об этом без подробностей: «На вечернем заседании выступили Л. Муссинак, Н. Тихонов, А. Зегерс, Эллис, М. Голд, Г. Манн, К. Манн, Тристан Тцара и Поль Элюар. Во время выступления Тихонова в зал вошел приехавший на съезд Б. Пастернак, которому была устроена овация»[131]). Эренбург вспоминал: «Элюар потребовал слова. Зал всполошился: начинается!.. Кто-то истошно кричал. Муссинак, который председательствовал, спокойно предоставил слово Элюару, бывшему тогда правоверным сюрреалистом. Элюар прочел речь, написанную Бретоном; в ней, разумеется, имелись нападки на конгресс – для сюрреалистов мы были консерваторами, академиками, чинушами. Но полчаса спустя журналисты разочарованно отправились в буфет – все кончилось благополучно»[132]. Это подтверждает и Анри Барбюс, делясь впечатлениями о конгрессе в письме Щербакову от 4 июля 1935 г.:

> Речь сюрреалиста Элюара не произвела большого впечатления и о ней почти не говорили[133].

Отчитываясь в Москве о проделанной работе и о ходе конгресса, Щербаков о речи Элюара сказал коротко:

> Было выступление сюрреалистов – такое бедное, такое нищее, что на него даже не понадобилось отвечать. Арагон в заключительном слове несколько слов сказал, насколько оно было жалкое[134].

Михаил Кольцов на том же заседании, говоря о «происках» сюрреалистов, вспомнил чешского поэта Витезслава Незвала, активного гостя Первого съезда советских писателей, который в знак солидарности с Бретоном не приехал на Парижский конгресс, вспомнил и пригвоздил:

---

[130] Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 194, 197.
[131] Известия. 1935. 26 июня.
[132] *Эренбург* (2, 72).
[133] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 10.
[134] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 47. Л. 12.

> Наш друг Незвал[135], которого мы считали очень близким, этот человек, свихнувшись на сюрреалистических теориях и примкнув к сюрреалистам, этим самым очутился в лагере наших врагов. Сюрреализм на Западе в условиях буржуазного общества развернулся почти в фашистское течение и благодаря своему темпераменту ставший агрессивным помощником А. Бретона, он, сам того не осознавая, попал в лагерь наших врагов[136].

В послевоенные сталинские годы, когда имя М. Кольцова давно уже было проклято, великому поэту Витезславу Незвалу в «социалистической» Чехословакии долго не забывали его сюрреалистического прошлого, несомненно, ускорив его кончину – это была еще одна жертва скандала 1935 г.

3. Свободу Виктору Сержу!

23 мая 1935 г. Кольцов писал Щербакову:

> Настроившись на «широкий охват», организаторы и, в частности коммунисты, переборщили через край и привлекли в число участников съезда и даже инициативной группы несколько людей, выступлений которых они теперь очень опасаются. Например, фашиствующий Жюль Ромен, троцкиствующий Анри Пулайль и т.п. Целые заседания уходят на споры, как отразить их возможные прогитлеровские или даже антисоветские (как впечатляет это «даже»! – *Б.Ф.*) речи[137].

Затем Кольцов снова возвращается в письме к этой теме:

> Здесь уже примирились с мыслью о наличии троцкистских, антисоветских выступлений (дело

[135] Стенографистка не расслышала незнакомой фамилии и писала: «Незло»; так в стенограмме и осталось.

[136] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 47. Л. 18.

[137] Счастье литературы. С. 189.

> Сержа, «красный милитаризм») и толковали только о том, что отвечать[138].

Упомянутый Кольцовым французский писатель и публицист Виктор Серж, он же участник революционных событий в России В.Л. Кибальчич, потомок русских революционеров-народников, родился в Бельгии. В 1919 г. приехал в Россию; посылал корреспонденции в редактируемый Барбюсом журнал «Кларте». В 1922–1926 гг. – за границей, затем вернулся в СССР, жил в Ленинграде; печатался в журнале Барбюса «Монд». Участник ленинградской левой оппозиции; в 1928-м арестован как троцкист. В 1930 г. в Париже вышла его книга «Les homes dans la prison» («Люди в тюрьме»). В 1933 г. снова арестован в Ленинграде и выслан в Оренбург.

Упорство друзей, волнение Роллана

Повторный арест Сержа вызвал протесты в кругах его французских друзей – никаких внятных объяснений по «делу Сержа» они от советских представителей не получали. Своим единственным каналом воздействия на ситуацию французские друзья Сержа посчитали жившего в Швейцарии Ромена Роллана – очарованного на расстоянии русской революцией и считавшего Советскую Россию примером для человечества[139]. Так получилось, что Роллан стал ключевой фигурой в освобождении Сержа, чье «дело» характерно и выпукло отразилось в длительной переписке Роллана с Горьким. Вот что 20 марта 1933 г. Роллан писал Горькому в Сорренто:

---

[138] Счастье литературы. С. 190.

[139] В ясных для него ситуациях Роллан был весьма тверд в отстаивании справедливости и свое несогласие с советскими властями выражал определенно; так в 1930 г., добиваясь освобождения арестованного в СССР итальянского анархиста Франческо Гецци, он писал Горькому: «Правительство СССР не должно бы играть с нерасположением тех, кто еще защищает его на Западе… Я – независимый, которого никогда не беспокоило – нравится он или не нравится, но который видит и говорит беспощадно то, что он видит и предвидит... Я не переставал защищать СССР во Франции. Так пусть меня не ограничивают Сибирью. Меня и моих друзей» (*М. Горький и Р. Роллан.* Переписка (1916–1936). М., 1995. С. 425).

В Париже поднят шум вокруг имени Виктора Сержа. У него есть очень пылкие друзья среди таких видных людей, как Марсель Мартине, Леон Верт, Вильдрак, и они хотели бы добиться его выезда из СССР (оплатив все требуемые расходы). – Но я узнал сегодня утром от одного из них, что Серж арестован; и меня заклинают вступиться за него. Должен Вам искренне признаться, что лично я не знаком с Сержем, знаю его только как писателя (причем его большой талант не подлежит сомнению). Но чувство дружбы, которое он сумел внушить уважаемым мною людям, говорит в его пользу. И надо учитывать, как взволновал их его арест. Могу ли я просить Вас сообщить об этом в Москву и, узнав о причинах ареста Сержа, вступиться за него, если Вы сочтете это возможным[140].

30 апреля 1933 г. Роллан снова писал Горькому:

Я продолжаю получать из Франции письма от друзей и незнакомых людей с настоятельной просьбой вступиться за Виктора Сержа. Отвечаю им, что я уже обращался к Вам и буду действовать только через Ваше посредство. По-моему, своей горячностью друзья Сержа за границей приносят ему больше вреда, нежели пользы. Но его арест вызвал, несомненно, сильное волнение, и оно распространяется в кругах, до сих пор сочувственно относившихся к СССР. В интересах СССР не затягивать следствие по делу Сержа и затем либо, не мешкая, отпустить его, если его невиновность будет доказана, – либо уведомить общественное мнение, в чем именно его обвиняют. Серж в интеллектуальном отношении фигура слишком крупная, чтобы о нем можно было умолчать. Лучше всего поставить на службу СССР его энергию и блестящий ум революционера, поручив ему зада-

[140] Переписка Роллана и Горького, кроме оговоренных случаев, цитируется дальше по книге: *М. Горький и Р. Роллан.* Переписка (1916–1936).

чу по силам. Но возможно ли это по отношению к бывшему анархисту? – нет ничего невозможного, когда речь идет о таком крупном интеллекте, созревшем благодаря непосредственному опыту русской Революции! Во всех случаях попытаться стоит.

6 мая Горький написал в ответ:

Тотчас по приезде узнаю о Викторе Серже и сообщу Вам.

15 июня Роллан снова писал Горькому, уже в Москву:

Мне пишут сегодня из Парижа, что, согласно полученным там сведениям, Виктор Серж приговорен к двум годам ссылки. Искренне сожалею, что я так и не добился никаких сведений относительно выдвинутых против него обвинений; ибо шум, поднятый вокруг его имени во французских газетах и журналах, не утихает; и не проходит дня, чтобы на меня не обрушился поток писем, гневно провозглашающих его полную невиновность. Было бы крайне желательно ознакомить меня с этим делом, дабы я знал, что мне следует отвечать. *И я считаю весьма прискорбным, что официальные представители СССР за границей не могут опровергнуть публично тенденциозную информацию западной печати, направленную против советского правосудия.*

Друзья Сержа, – некоторые из них и мои друзья, – убедительно просили меня принять участие в сборе средств, организованном два месяца тому назад в помощь Сержу и его жене, для которых они хотели бы выхлопотать через *«Интурист»* заграничные паспорта; и я обещал им свое содействие, как только Серж выйдет из тюрьмы. Не зная, имеет ли эта попытка шанс на успех, – а ведь в случае провала она несомненно вызовет новые демонстрации, – настоятельно прошу Вас дать мне возможность отвечать на письма, кото-

рые я буду получать, сообщив, в чем признан виновным Виктор Серж: – теперь, когда его дело закончено, это уже не может быть тайной. Вы не представляете себе, какой вред наносит СССР чуть ли не всемирный резонанс процесса, когда за неимением точных данных виновности обвиняемого он предстает как невинная жертва! Прошу Вас ответьте мне возможно скорее!

На сей раз Горький ответил оперативно, 20 июня; информацию об отношении к делу Сержа Ягоды и Сталина ему, надо думать, доставлял «слуга двух господ» П. Крючков; выглядел его ответ для западного, то есть информированного, человека, разумеется, неубедительно:

В. Серж выслан на два года в Оренбург, я осведомлен, что хлопоты о смягчении этого «наказания» будут безуспешны. Если я не ошибаюсь, ему инкриминируется пропаганда троцкизма, а сей последний принимает все более лживые и контрреволюционные формы, как я имел случай убедиться в этом из троцкистских прокламаций, полученных мною в Константинополе (по дороге в СССР. – *Б.Ф.*).

Тема Виктора Сержа в письмах Роллана Горькому возникла снова в ноябре 1934 г., но прежде, чем привести этот фрагмент из письма Роллана, дадим слово самому Виктору Сержу, закончившему к тому времени работу над несколькими, написанными по-французски, книгами, в частности, над романом «Обреченные» – об анархистском движении во Франции накануне Первой мировой войны. Вот как вспоминал об этом Серж: «Я сделал несколько копий своих рукописей и условился по переписке с Роменом Ролланом, что пришлю ему свои книги, которые он хотел передать парижским издателям. Роллан не питал ко мне особой любви, так как в свое время я сурово критиковал его теорию ненасилия, вдохновленную гандизмом; но его волновали репрессии в Советском Союзе, и он писал мне очень дружески. Первую рукопись я послал ему четырьмя заказными пакетами, проинформировав об этом и

ГПУ. Все четыре пакета пропали»[141]. 17 ноября 1934 г. Роллан писал Горькому:

> Серж, которого, как Вы знаете, выслали в Оренбург, трижды и безрезультатно отправлял мне рукопись романа (не политического, посвященного не современности, а совсем другой эпохе): «Потерянные люди» (то есть «Обреченные». – *Б.Ф.*), который предполагал опубликовать один французский издатель. Первый экземпляр был выслан им непосредственно на мой адрес 20 мая этого года. Второй экземпляр был отправлен 3 июля в предварительную цензуру Главлита для передачи мне. Третий экземпляр был снова отправлен в Главлит 1 октября, посылка была застрахована на крупную сумму. – Ни один из трех экземпляров не пришел по адресу. И <нарком просвещения> Бубнов, которому я сам написал, ничего мне не ответил. Жан-Ришар Блок, находящийся сейчас в Москве (до конца месяца), и Барбюс, который только что уехал оттуда, придерживаются относительно дела Сержа того же мнения, что и я. Ни он, ни я не испытываем особой симпатии к Сержу (хотя и уважаем его большой литературный талант). Но мы не можем понять, по какой причине европейское общественное мнение оставляют в полном неведении в отношении предъявленных Сержу обвинений. Это неведение порождает всякие подозрения друзей Сержа (а их много, и все они – горячие головы) и недоверие к приговору, по которому он был осужден. *Вы не представляете себе, какой вред нанесло за этот год дело Сержа всем интеллигентам Запада.* Этот вред совершенно несоизмерим с самим делом: единственным средством нейтрализовать его было бы вскрыть загноившуюся рану. Мы – Барбюс, Жан Ришар Блок и я – думаем, что не только справедливость, но и простой

---

[141] *Серж. В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 386.

> здравый смысл требуют открыть досье Виктора Сержа, и если против него есть серьезные обвинения, обнародовать их: это помогло бы нам остановить вредоносную кампанию, использующую его имя. Или же, если обвинения не серьезны, лишите Сержа повода для необоснованных жалоб и разрешите ему зарабатывать на жизнь в Оренбурге, занимаясь писательским ремеслом, – (разумеется, контролируя его с политической точки зрения), – но только пусть будет положен конец всякого рода оскорбительным действиям по отношению к нему, когда на почте «теряют» рукописи, которые он посылает, тем самым лишая его средств к существованию.

Убийство в Ленинграде Кирова 1 декабря 1934 г., в осуществлении которого роль НКВД несомненна, ловко использованное массированной сталинской пропагандой, на время тему Виктора Сержа из писем Роллана Горькому убрало. Очевидно, что завербованный НКВД секретарь Горького Крючков, занимавшийся, надо думать, и перлюстрацией почты писателя, о беспокойстве Роллана по части дела Виктора Сержа докладывал куда надо, не говоря уже о том, что Горький и сам информировал власти о беспокойстве Роллана. Тем не менее…

Прорвавшийся протест

Даже созыв Международного антифашистского конгресса писателей и присутствие на нем большой советской делегации не заставило «инстанции» дать сколько-нибудь разумную информацию по «делу Сержа», хотя Кольцов из Парижа настойчиво запрашивал начальство на сей счет. Ему оставалось крутиться и увертываться от соответствующих вопросов западных делегатов конгресса. Однако все попытки замолчать на конгрессе вопрос о судьбе Виктора Сержа – провалились, и выступления в защиту Виктора Сержа на парижском конгрессе состоялись. Случилось это в последний день работы конгресса, когда были произнесены речи француженки Мадлен Паз и бельгийца Шарля Плинье.

> Паз настаивала, чтобы конгресс потребовал от советского правительства гласного суда над Виктором Сержем или предоставления ему возможности выехать за границу. Во время речи тов. Паз температура в зале накалилась, но твердость председателя Андре Мальро спасла положение. Мальро решительно заявил, что всем участникам конгресса гарантирована свобода высказывания и что те, кто попытается этому помешать, должны будут покинуть зал. Речь Паз вызвала бурное одобрение доброй половины аудитории <...>[142].

Советские газеты о выступлениях Паз и Плинье не сообщали, ни слова не было сказано об этом и на отчете советской делегации в Союзе писателей 21 июля 1935 г. (Щербаков ограничился общим описанием:

> Были выступления двух троцкистов. Этих троцкистов опять-таки не преувеличивая стерли в порошок <...> Эта кучка людей испробовала тактику классовых врагов, которые и у нас эту тактику осуществляют, пытались нагадить, напортить каким угодно способом. Не вышло[143].)

Не упоминает Виктора Сержа и Эренбург в пространных мемуарах «Люди, годы, жизнь» (сказать всей правды о делах такого рода в условиях жесткой цензуры он себе позволить не мог, а иногда, быть может, и не хотел – приходилось выбирать умолчание).

О «полемике» на парижском конгрессе вокруг дела Виктора Сержа рассказывается в «Устной книге» Н. Тихонова: «Однажды мне вдруг сказали, что я должен выступить вот по какому случаю. В Ленинграде арестован троцкист, которого зовут Виктор Серж (я понятия не имел, кто это такой[144]), и по этому пово-

---

[142] Из отчета в «Социалистическом Вестнике» (1935. 10 июля) – приводится по книге Л. Флейшмана. С. 338.

[143] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 14.

[144] В. Серж, состоявший в Ленинградском союзе писателей, пишет в мемуарах о знакомстве с Тихоновым, с которым «поддерживал дружеские отношения» и переводил на французский его «прекрасные эпические баллады» (*Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. С. 388).

ду завтра утром на заседании будет выступать Мадлен Паз[145], и я должен ей отвечать. Тогда я спросил: "А почему я?". "А потому, – мне сказали, – что вы из Ленинграда. Больше никого из Ленинграда тут нет"[146]. Я говорю: "Я совершенно ничего не знаю, ни этого Виктора Сержа, ни что он там натворил". "Ну все равно вы должны выступать". Когда я на следующий день пришел на заседание, я попросил показать мне Мадлен Паз. Она что-то записывала в блокнот. Она была высокая, черноглазая, низко опущенные на уши черные волосы, черное платье, белоснежный воротничок. В публике было много белогвардейцев. Мадлен Паз выступила. Мне переводили, но это, собственно, роли не играло, я заранее знал, в чем соль ее выступления, и у меня был готов ответ, я бы сказал якобинский такой. Я был очень зол: какого черта я должен выступать против какого-то там Сержа? Одним словом, я выступил так, что они затихли. На этом и надо было кончать. Но дело в том, что меня переводил француз, и переводил неточно, безжизненно и, видимо, делал какие-то ошибки, и мои противники ко мне придрались. Мадлен Паз выступила второй раз и сказала, что ее не удовлетворяет ответ (то есть перевод этого француза окаянного). Надо было против нее кого-то выставить. Выступил Эренбург. Ничего не подействовало. Паз взяла слово в третий раз. Тогда от нас выступил я не помню кто – то ли Панферов, то ли кто-то еще[147].

---

[145] Французская журналистка и писательница, в 1920-е гг. участница троцкистской оппозиции в ФКП, исключенная из ФКП в 1927 г., а затем социалистка Магдалена Паз (Маркс) и ее муж адвокат, коммунист, потом социалист Морис Паз были друзьями В. Сержа, они издавали журнал «Контр ле куран» («Против течения») и принимали активнейшее участие в кампании за освобождение В. Сержа, а потом работали в «Комитете по расследованию московских процессов – в защиту свободы мнений в революции». На XV съезде ВКП(б) Мориса Паза и его «троцкистский» журнал упоминал С.А. Лозовский; имя Паза фигурирует и в резолюции «О троцкистской оппозиции» пленума Исполкома Коминтерна 18 февраля 1928 г.

[146] Так ответить Тихонову не могли, поскольку в делегацию входил А. Толстой, живший тогда в Ленинграде. Текст речи Тихонова был подготовлен М. Кольцовым и согласован с полпредом (см. с. 365).

[147] Выступил В. Киршон. Характерно, что и А. Караваева в книге очерков «Июнь в Париже», посвященной конгрессу, перечисляя выступавших с ответом М. Паз, не упоминает расстрелянного Киршона, как, впрочем, и оклеветанного А. Жида, зато широко использует живописные клише конца 1930-х гг.: «вылазка кучки отщепенцев», «троцкистские подонки», «опозоренная шайка» и т.д. (*Караваева А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1958. Т. 5. С. 317).

В общем получился какой-то нехороший оттенок. И все решил Андре Жид. Он имел тогда очень большой авторитет, и он сказал: "Довольно! Мы запрещаем вам задевать страну Советский Союз, которую мы любим. Свою любовь к ней мы выражаем прежде всего тем, что полностью, всем сердцем нашим и умом, доверяем ей!"[148]. А после него взяла слово Анна Зегерс. Она выступала очень резко и сказала так: "Вы говорите в то время, когда летят головы моих друзей. В Германии рубят головы, вы это представляете себе?"И она так страстно и так замечательно говорила, что наши противники потеряли опору и начали отступать, и все кончилось в нашу пользу»[149].

«Правда» 26 июня сообщила об этом с присущей советской прессе полнотой информации: «Затем французский писатель Андре Жид, немецкая писательница Анна Зегерс и советские писатели тт. Тихонов, Эренбург, Киршон при бурных овациях делегатов дали резкий отпор двум троцкистам, пытавшимся использовать трибуну конгресса для гнусных антисоветских выпадов».

Со стороны советских делегатов никаких (ни явных, ни тайных) движений в защиту Виктора Сержа, разумеется, не было, хотя можно понять стремление исследователей их обнаружить (Так, Л. Флейшман в первом издании чрезвычайно информативной монографии «Борис Пастернак в 30-е годы» строки из письма Пастернака жене 14 августа 1935 г.: «Исхода письма Калинину, правда, жду, как чего-то нашего с тобой, как ребенка: родим свободу Виктору» – трактовал, как относящиеся к Сержу, со всеми вытекающими отсюда политическими дивидендами для своего героя[150]; во втором издании – СПб., 2005 – эта трактовка снята: как убедительно показали комментаторы писем Пастернака, речь идет о другом человеке[151]).

---

[148] Вспоминал ли А. Жид эти слова через два года, когда на Втором международном антифашистском конгрессе писателей, куда не был допущен, в его огород летели комья грязи, но никто и не пытался его защитить?

[149] Вопросы литературы. 1980. № 8. С. 173–174. «Как ни нарочито "глуповат" и "наивен" рассказ Тихонова, он явно представляет собою попытку самооправдаться задним числом – причем сразу перед двумя адресами: перед историей и перед начальством», – замечает Л. Флейшман в книге «Борис Пастернак и литературное течение 1930-х годов» (С. 336).

[150] *Флейшман Л.* Борис Пастернак в 30-е годы. Иерусалим, 1984. С. 251.

[151] *Пастернак Б.* Письма З.Н. Пастернак; *Пастернак З.Н.* Воспоминания. М., 1993. С. 445.

Н. Берберова выступления в защиту В.Сержа описывает так: «На второй день произошел инцидент во время выступления Андре Бретона; он задал несколько вопросов о сталинизме, о Сталине, о системе управления в Советском Союзе, а также о Викторе Серже, троцкисте, французском писателе, чудом вырвавшемся из Советского Союза совсем недавно. Но вопросы бывшего коммуниста, ушедшего из партии, первого поэта среди дадаистов, основателя сюрреализма, остались без ответов. Арагон и Эренбург не дали слова ораторам по этим вопросам и прекратили выкрики с мест. Мальро пытался дать слово друзьям Сержа, но ему не дали это сделать. Кольцов заявил, что Серж замешан в убийстве Кирова. В зале раздался свист»[152]. (Увы, опровержения требуют много места: о Серже говорили не на второй день конгресса; А. Бретон на конгрессе не выступал; в тексте его речи, зачтенной П. Элюаром, о Серже не говорилось; прочие подробности также имеют мало общего с тем, что было на самом деле).

В Записках А.С. Щербакова эти события описаны конспективно; имя Сержа при этом не упоминается: «Третий день – день провокаций. История с поддельным письмом М. Голда. Выступление сюрреалистов. Дайте слово Мадлен Паз. Разговор (резкий) с Эренбургом в Демагог (эта фраза зачеркнута самим Щербаковым. – *Б.Ф.*). Утро четвертого дня – выступления троцкистов. Ответы. Колебания друзей. Вышвыриваем белых. Жид мрачен. Мальро отказывается от секретарства. (Обострение отношений Мальро и Арагона. В Юманите ни слова о речи Мальро). Разговор с Эренбургом. Совещание у Барбюса в Монде о проекте решения. Фракция. Совещания делегатов. Колебания англичан по вопросу о резолюции. Зацепили через практические вопросы. Совещания по вопросу о составе Бюро. Жид и французы о Бабеле и Пастернаке. Совещание секретариата. Мальро крутит. Последний вечер. Толпы, полиция, зал. Выступления Киршона, Пастернака, Бабеля. Вечер напряжения. Попытки троцкистов прорваться на трибуну. Обрабатывают Вильдрака. Контратака через Лахути. Появление Леона Блюма. Срочные поиски Вайяна (Кутюрье. – *Б.Ф.*) Блюм не получает слова»[153].

---

[152] *Берберова Н.* Железная женщина. С. 238.

[153] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 6.

Анри Барбюс в письме Щербакову 4 июля 1935 г. подвел итоги конгресса, и обо всем, что касалось Виктора Сержа, он написал подробно, но в осторожно многословных выражениях[154]. Прежде чем процитировать это письмо, приведу фрагмент из воспоминаний В. Сержа о встрече с Барбюсом в Москве в ноябре 1927 г.: «В первые же минуты я увидел его без прикрас, стремящимся ни во что не вмешаться вопреки себе, не видеть того, что заставило бы вмешаться вопреки себе, старавшимся завуалировать мысль, в которой не мог сознаться, уходя от прямых вопросов <...> Фактически он стал приспешником тех, кто сильнее! Когда еще не было известно, чем завершится борьба, он написал на книге длинную дарственную надпись Троцкому, которого не осмелился повидать, боясь себя скомпрометировать. Когда я заговорил с ним о репрессиях, он притворился, что у него мигрень, что он не слышит.<...> Я, стиснув зубы, констатировал, что передо мной само лицемерие...»[155].

А теперь отрывок из письма Барбюса Щербакову:

> Никаких значительных неприятных инцидентов не произошло. Мы опасались двух: одного со стороны сюрреалистов и другого – со стороны троцкистов. <...> Что касается троцкистов, они сосредоточили свои усилия вокруг дела Виктора Сержа. Мы устроили так, чтобы этот спор, инициатива которого принадлежала Мадлен Паз и бельгийскому писателю Плинье[156], окруженным некоторым числом сторонников, развернулся на одном из немногих заседаний конгресса, которые не проходили в большом зале. Надо отметить, что ответ советских товарищей на хорошо подготовленное напа-

---

[154] Забавно, что в письме Барбюса, напечатанном на машинке, слова «Виктор Серж» везде вписаны от руки – машинистке эту «тайну» Барбюс не доверил; само письмо имело гриф «Весьма секретно».

[155] *Серж В.* От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. С. 288.

[156] Бельгийский поэт Ш. Плинье, выступая на конгрессе, напомнил делегатам, что в то время, когда он с оружием в руках защищал русскую революцию, «многие из здесь присутствующих советских писателей стояли в стороне или сидели на Монпарнасе» – см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 338.

дение Мадлен Паз в сентиментальном плане не был достаточно точным в части опровержения некоторых определенных подробностей, приведенных Мадлен Паз о якобы плохом обращении, которому подвергся Виктор Серж, а также того факта, что якобы его активные выступления против правительства СССР и партии, по ее уверению, были только в частных письмах к друзьям (что является неверным, хотя бы поскольку это относится к книге Панаита Истрати, документированной с полной очевидностью[157]). Впрочем, большинство на Конгрессе ни в коей мере не присоединилось к Мадлен Паз, Плинье и их друзьям, и инцидент не распространился за пределы этого узкого заседания. Надо сказать, что Сальвемини в большом пленарном заседании на этот раз сделал недоброжелательный намек на дело Виктора Сержа[158], что вызвало в зале несколько различных течений. По этому поводу напоминаю, что уже давно я особенно сигнализировал нашим товарищам о важности обстоятельства всяческого использования этого инцидента всеми врагами СССР во всех интеллигентских кругах и что равным образом я особенно просил, чтобы весьма обоснованный ответ на все преувеличенные или искаженные факты, которыми нам прожужжали уши, был представлен в президиум Конгресса.

Чтобы открыть скобки по этому вопросу, я думаю, что дело вновь всплывет именно вследствие этого инцидента, который, как я указывал, не повлиял на ориентацию Конгресса, но, как я заметил

[157] Имеется в виду трехтомник «К другому пламени» (Париж, 1929), подготовленный после поездки Истрати в СССР; первый том был написан П. Истрати, второй – В. Сержем, третий – Б. Савариным.

[158] Г. Сальвемини – итальянский писатель, покинувший Италию после прихода к власти Муссолини, преподавал в США. Участник Парижского конгресса, он заявил в своем выступлении, что борьба с фашизмом затрудняется подавлением свободы мысли в СССР, и назвал имена В. Сержа и Л. Троцкого – см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 336–337.

из отдельных частных признаний, получил отголосок в умах многих молодых писателей. Итак, я вновь повторяю то, о чем просил уже столько раз: надо было бы, чтобы в «Монде», например, можно было бы окончательно урегулировать это дело, являющееся одновременно и смешным и одиозным, о «преследованиях» и «невинности» Виктора Сержа. Меня неоднократно резко осуждали в газетах и в листовках за то, что я занимаю определенную позицию в этом деле, в котором противники, разумеется, играют на «свободе мысли и культуры» и пытаются отождествить советскую власть с фашистским режимом.

Все наши друзья, по их выражению, «отравлены» недостатком информации по поводу предполагаемых истязаний и корректной, якобы, позиции Виктора Сержа. Андре Жид употребил свой авторитет, чтобы помешать началу кампании по этому поводу в «Нуввель Ревю Франсез»[159].

Ромен Роллан добивается освобождения Виктора Сержа

Обращаясь с этим письмом к Щербакову, Барбюс, скорее всего, не знал, что 28 июня 1935 г. в Кремле между Сталиным и приехавшим в Москву по приглашению Горького Роменом Ролланом состоялся такой диалог (вся беседа продолжалась 1 час 40 минут):

«*Роллан*: Вы сослали Виктора Сержа на 3 года в Оренбург; и это было гораздо менее серьезное дело, но почему допускали, чтобы оно так раздувалось в течение двух лет в общественном мнении Европы. Это писатель, пишущий на французском языке, которого я лично не знаю; но я являюсь другом некоторых его друзей. Они забрасывают меня вопросами о его ссылке в Оренбург и о том, как с ним обращаются. Я убежден, что вы действовали, имея серьезные мотивы. Но почему бы с самого начала не огласить перед французской публикой, которая настаивает на его невиновности? Вообще, очень опасно в стране

[159] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 10–12.

дела Дрейфуса и Каласа допускать, чтобы осужденный стал центром всеобщего движения.

Сталин: (делая вид, что не знает о чем речь. – *Б.Ф.*) Что же касается Виктора Сержа, я его не знаю и не имею возможности дать вам справку.

Роллан: Я тоже его лично не знаю, лично я слышал, что его преследуют за троцкизм.

М.П. Роллан (напоминая Сталину, кто такой Серж. – *Б.Ф.*): Это французский писатель, внук Кибальчича, троцкист.

Сталин (делая вид, что вспомнил, и пользуясь бессодержательными клише. – *Б.Ф.*): Да, вспомнил. Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть Советское правительство, но это у него не вышло. По поводу его троцкисты поднимали вопрос на конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург[160]. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе и, кажется работает там[161]. Никаким мучениям, истязаниям и проч., конечно, не подвергается. Все это чушь. Он нам не нужен и мы его можем отпустить в Европу в любой момент.

Роллан (улыбаясь <надеясь, что вопрос разрешен. – *Б.Ф.*>): Мне говорили, что Оренбург – это какая-то пустыня.

Сталин (надо думать, с внутренней яростью. – *Б.Ф.*): Не пустыня, а хороший город»[162].

В Москве Роллан имел еще одну встречу, на которой затрагивался вопрос о Викторе Серже, – встречу с главой НКВД Ягодой. Организовал ее, несомненно, Горький (Ягода ухлестывал за его невесткой, не оставляя дом Горького своим вниманием). Встреча с Ягодой так описана в «Московском дневнике Ромена Роллана»: «10 июля, среда... Вечером после ужина (я ужинал в своей комнате) я смотрю документальные фильмы <...>

---

[160] Сталин, как видим, оперативно информировался о том, что происходило на Парижском конгрессе (во всяком случае, о том, что было связано с троцкистскими делами); ну, а память у него тогда была цепкая. Скорей всего информация к нему поступала от М. Кольцова.

[161] Бесчеловечные условия жизни в оренбургской ссылке В. Серж подробно описал в главе «Годы неволи. 1933–1936» книги «От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера».

[162] Источник. 1996. № 1. С. 143, 147, 148.

Затем беседа с Ягодой, давним и грозным шефом ГПУ, теперь наркомом внутренних дел. Разговор серьезный <…> Но когда речь заходит о Викторе Серже (Кибальчиче), я слышу глубоко презрительное мнение: его считают авантюристом, хулиганом, лжецом, человеком, для которого нет ничего святого. И все-таки разные ходатайства за него так утомили, что они, кажется, уже готовы его выпустить, несмотря на неприятности, которые он может или попытается причинить СССР, будучи за границей. Его слишком мало ценят, чтобы беспокоиться об этом. <…> Ягода обещает представить мне официальный рапорт о том, как живет и чем занимается Серж с момента ареста…»[163]

Регулярно общаясь с Горьким, Роллан неоднократно заводил с ним разговор о Викторе Серже. Горький обещал ему и дальше не забывать про этот вроде бы решенный вопрос. Во всяком случае, 29 июля 1935 г. он писал Роллану:

> По поводу В.Серж напишу сегодня Генриху Ягоде, – он в отпуске, на Кавказе. Он предлагал Вам выслать Сержа из Союза и вручить Вам его рукопись, – очевидно это нужно сделать.

В тот же день Горький рассчитанно дипломатично написал главе НКВД Г.Г. Ягоде:

> Может быть Вы, действительно, найдете возможным выгнать Кибальчича из Союза и возвратить его рукописи ему? Я, разумеется, ничего не советую, но мне кажется, что – так или иначе – следовало бы уничтожить и этот жалкий повод для инсинуаций против Союза со стороны бездельников и негодяев, которым, к сожалению, кто-то верит[164].

По возвращении домой Роллан решил опубликовать текст беседы со Сталиным, чтобы сделать ее широко известной на Западе. У него был официальный текст беседы, просмотренный Сталиным и им самим, но для публикации требовалось разрешение Сталина, которое он запросил. Однако перед ним

[163] Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 233–234.

[164] Неизвестный Горький. М., 1994. С. 191.

оказалась глухая стена. 28 августа 1935 г. он жаловался Горькому:

> Такое молчание необъяснимо. Оно особенно странно со стороны Крючкова: я дважды обращался к нему со срочной просьбой, но он ничего не ответил. – (Речь шла о том, чтобы получить разрешение Сталина опубликовать полностью или частично ту беседу, текст которой был им лично просмотрен. Меня засыпали вопросами, на которые я могу обстоятельно ответить лишь на основании этого текста...) – Два дня тому назад я обратился непосредственно к Сталину.

Текст беседы со Сталиным Роллану так и не дали опубликовать...

12 сентября 1935 г. Горький сообщил Роллану:

> Серж на днях будет выслан из Союза, это – решено.

2 октября Роллан на это ответил:

> Вы любезно сообщили мне, что Виктора Сержа должны выслать на днях из СССР. С тех пор я не слышал ничего нового на этот счет. Надеюсь, что принятое решение не замедлит вступить в силу.

Через десять дней Горький написал Роллану, ссылаясь на Ягоду:

> О В. Серж: Генрих (Ягода. – *Б.Ф.*) сказал мне, что он – «свободен, но, кажется, французы не хотят дать ему визы, вообще чего-то тянут»[165].

[165] В. Серж писал: «Премьер-министр Лаваль отказал во въездной визе во Францию, несмотря на ходатайство моих друзей. Хлопоты в Лондоне результатов не дали. Запрос в Голландии оказался напрасным. Копенгаген обещал... Затянись эти хлопоты еще на несколько недель, и я бы не выехал, мне осталось бы только ждать неминуемой смерти» (От революции к тоталитаризму. С. 389).

Виноваты в задержке, таким образом, оказывались европейские власти, а никак не направляемый Сталиным НКВД. Понятно, что включение зарубежных тормозов в части выдачи визы осуществлялось через влиятельных агентов влияния, курируемых агентурой НКВД (друзья Сержа, возможно, об этом и не догадывались). Словом, проволочки с выездом Виктора Сержа ловко множились – уж больно нежелательно было выпускать на свободу столь ценного свидетеля ликвидации партийной оппозиции в СССР, к тому же французского писателя.

Наступил уже март 1936 г., а Горький все еще напоминал влюбленному в его невестку Ягоде:

> В свое время Вы сказали мне, что Серж – свободен, но не едет за границу потому, что Франция не дает ему визу. Я сообщил об этом Роллану. Наднях получено письмо его жены: виза Сержу дана Бельгией, но из Союза его не выпускают, и «левые» – анархисты, троцкисты и т.д. – снова подняли шум, особенно неуместный и вредный в эти дни. Вопрос о Серже, наверное, поднимет и Мальро, который скоро явится к нам и с которым мне придется разговоры разговаривать на тему о необходимости возбуждения симпатии французских интеллигентов к Союзу. Очень прошу Вас, «сообразите эти обстоятельства»[166].

В итоге В. Серж, отбывший в ссылке полный срок (три года), в апреле 1936-го был «выдворен» из СССР. Лишившись возможности уничтожить Сержа энкавэдэшники в бессильной ярости творили последние гадости. Когда В. Серж приехал из Оренбурга в Москву, никаких средств у него не было и ему пришлось продать в Москве свою библиотеку; сохранить и вывезти он решил только свои рукописи. Когда Серж с женой и двумя детьми выехал из СССР, он имел всего 10 долларов на всё про всё. На границе, что называется, в последнюю минуту НКВД похитил у него все рукописи[167].

[166] Неизвестный Горький. С. 191.

[167] *Армстронг М.* Загадка рукописей Виктора Сержа // За рубежом. 1990. № 48. С. 22. О непрерывных попытках НКВД, начиная с 1936 г., преследовать В. Сержа за рубежом см. его воспоминания «От революции к тоталитаризму».

В Москве принадлежавшие Сержу книги появились в букинистическом отделе книжной лавки писателей. В связи с этим 25 мая 1936 г. заведующему отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову было направлено следующее письмо на бланке директора Института мировой литературы им. М. Горького:

> Уважаемый Александр Сергеевич!
>
> Считаю своим партийным долгом сообщить следующее:
>
> Среди иностранных книг, купленных Институтом мировой литературы в Книжной лавке Литфонда, есть книга А. Мальро «Le Temps du meris» («Годы презрения») с авторской надписью «Виктору Сержу с симпатией Андре Мальро». Фотокопии двух первых листов книги прилагаю.
>
> Книга закончена печатанием в Париже 15 мая 1935 г., стало быть могла попасть к автору около 1 июня 1935 г., а в середине июня был конгресс...
>
> Можно ли верить после этого автору?
>
> *И. Луппол*[168].

28 мая было отправлено второе письмо:

> Уважаемый Александр Сергеевич!
>
> Досылаю фотоснимки с надписями авторов известному лицу:
>
> Люк Дюртен – книги 1918 и 1922
> А. Барбюс – книга 1925
> Ж.-Р. Блок – книга 1932
> Тр. Реми – книга 1932.
> А. Пуляйль – книга 1935
>
> Сами надписи дат не имеют, поэтому точно сказать, *когда именно* были направлены книги невозможно.
>
> *И. Луппол*[169].

---

[168] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 585. Л. 1, 2. Впервые: Минувшее. № 24. СПб., 1998. С. 212–213.

[169] *Там же.*

Заказ № 2076

В марте 1936 г. Мальро приезжал в СССР; вместе с Бабелем и Кольцовым он посетил Горького в Тессели. Похоже, что донос Луппола (избранного в 1939 г. академиком, а в 1940 г. арестованного) на контакты ССП с Мальро не повлиял – переписка с ним продолжалась, и еще летом 1939 г. Мальро обсуждал возможность очередной поездки в Москву…

4. Завершение конгресса

Вернемся к Парижскому конгрессу писателей – он закончился 25 июня 1935 г. принятием резолюции, состоявшей из восьми пунктов. В первом говорилось, что писатели «считают полезным продолжить деятельность, начатую конгрессом. Они основывают Международную ассоциацию писателей и для руководства ею – постоянное Международное бюро писателей для защиты культуры. Задачей постоянного Международного бюро будет сохранение и расширение связей, которые позволил установить конгресс, и руководство Международной ассоциацией писателей»[170]. Остальные пункты касались работы Международного бюро: организация в разных странах литературных переводов с контролем их качества, включая произведения, запрещенные на родине, облегчение поездок и пребывания писателей в различных странах, распространение списков рекомендуемых к изданию произведений высокого качества, создание мировой литературной премии для поддержки лучших творцов современной литературы и т.д. Седьмой пункт: «Бюро подготовит в момент, который оно найдет подходящим, второй международный конгресс писателей» и, наконец, восьмой пункт: «Бюро ассоциации, составленное из писателей различных философских, литературных и политических направлений, будет всегда готово бороться в области культуры против фашизма и против всяких других опасностей, угрожающих цивилизации»[171].

В состав Бюро ассоциации было избрано 112 человек от 35 стран. От СССР в Бюро вошли 12 человек: М. Горький, М. Шолохов, В. Киршон, А. Лахути, И. Микитенко, Ф. Панферов, Б. Пастернак, Н. Тихонов, А. Толстой, С. Третьяков, М. Кольцов, И. Эрен-

[170] Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 487.
[171] *Там же*. С. 487–488.

бург. Из состава Бюро был выделен (скорее всего, для почетного представительства) Президиум – А. Жид, А. Барбюс, Г. Манн, Т. Манн, М. Горький, Э. Форстер, О. Хаксли, Б. Шоу, С. Льюис, Р. Валье Инклан, С. Лагерлёф. И, конечно, организован рабочий Секретариат Бюро – это и был главный орган, которому надлежало вести всю работу; в секретариат вошли: Ж.Р. Блок, А. Мальро, А. Шамсон, Л. Арагон, И. Бехер, Г. Реглер, М. Кольцов, И. Эренбург, А. Эллис, У. Фрэнк, Р. Альберти, Н. Рост[172].

Деятельный участник конгресса Генрих Манн писал уклонившемуся от участия в нем брату Томасу: «Конгресс при тысячах зрителей прошел настолько внушительно, насколько это вообще возможно, когда какое-то мероприятие проводит оппозиция. Писатели поступили точно так же, как французские левые партии; как раз такого безоговорочного объединения всех нефашистов и не было прежде. Когда выступал кто-нибудь из немцев, зал поднимался, а наверху запевали "Интернационал". Но поющим кричали: "Discipline, comrades!" – и те умолкали. Речи русских – Эренбурга, Алексея Толстого, Кольцова – были целиком посвящены защите культуры. Большего требовать нельзя. Кстати, прилагаю телеграмму, из которой ты узнаешь, что тебя избрали в правление новообразованного Союза. Он на вид не чисто коммунистический. Я тоже был избран в мое отсутствие, в последний день меня уже не было в Париже. Я тем временем думаю про себя, что без русской поддержки Западной Европе – конец»[173].

Заключительный вечер конгресса прошел во дворце Трокадеро. «Правда» 27 июня со слов М.Кольцова сообщала, что помимо 4500 занятых мест более 1000 человек стояли в проходах большого зала и масса людей, не имея возможности попасть в зал, окружала здание. На заключительном банкете участники конгресса очень тепло приветствовали А. Мальро, и Арагон в короткой речи подчеркнул «роль Мальро, как наиболее активного и вдохновенного организатора конгресса, обеспечившего ему широкий размах и представительство всех оттенков антифашистской мысли»; А.С. Щербаков в своем выступлении на банкете приветствовал «величайшего писателя

[172] Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 485–486.

[173] *Манн Г., Манн Т.* Эпоха. Жизнь. Творчество. М., 1988. С. 249.

современной Франции Андре Жида», подчеркнув, какое большое моральное значение имело его активнейшее участие в работе конгресса и выступления на нем: «Особенно ценим мы и гордимся дружбой и любовью Андре Жида к Советскому Союзу».

30 июня состоялось открытие бульвара имени Максима Горького в рабочем предместье Парижа Вилльжюиф, на котором присутствовало пять тысяч человек; среди них были А. Жид, Арагон, Муссинак, мэр Вилльжюифа писатель П. Вайян-Кутюрье, А. Толстой, Бабель, Эренбург, Кольцов, Тычина и другие писатели[174]. Бабель писал в Москву 1 июля 1935 г.:

> Конгресс оказался действительно более серьезным, чем я предполагал. Чаще других вижусь с Тихоновым, Толстым, Кольцовым. Вчера открывали в Villeejuif проспект имени Горького – необыкновенно трогательно...[175]

Перед отъездом Щербакова и Кольцова в Москву прошли заседания Секретариата Ассоциации и различные переговоры.

В Записках А.С. Щербакова последние дни пребывания в Париже описаны так:

> Вечер в Трокадеро. Речь Реглера – зал поет Интернационал. Появление нелегальщика[176]. Конец, конец. Полоса приемов – в полпредстве, у Вильдрака, в Энциклопедии у Монзи[177], у Дюртена, у Блока. Ответные завтраки – Шамсону, французам. Мальро в Алжире. Первое заседание бюро. Позиция Эренбурга – Мальро. Кольцов расстроен. На следующий день – разговор с Эренбургом и Мальро. (Как собираетесь работать? Еще не придумал. Какова степень независимости от компартии. Мо-

---

[174] Правда. 1935. 1 июля.

[175] *Бабель И.* Т. 4. С. 337.

[176] Имеется в виду немецкий писатель Ян Петерсен, который вел нелегальную антифашистскую работу в Германии; выступил на конгрессе от имени антифашистских писателей Германии под именем «человека в черной маске».

[177] Анатоль де Монзи – французский государственный и политический деятель.

жем ли подписать протест против высылки Троцкого[178]. Надо знать французские условия. Скоро будет драка. Журнал нужен, но какой, что нужно писать. Первое дело политические собрания. Работать столько не буду. Нас не удовлетворил состав советской делегации. Главная цель и результат конгресса – защита Советского Союза. Чтобы писателя знать, надо с ним говорить интимно). Мальро себе на уме, у него свои цели. Предложение о Поль Низане. Кто такой Шамсон. Разговор с Арагоном и Кольцовым. Отъезд. Позиция Юманите[179].

Как свидетельствует столетний Б. Ефимов, «По возвращении в Москву Щербаков, приглашенный к Сталину вместе с Кольцовым, сделал подробный доклад о всех перипетиях конгресса. Сталин очень интересовался ходом конгресса, придавая большое значение его роли в повышении авторитета Советского Союза за границей. Его также интересовала деятельность и советской делегации, и отдельных ее членов. Хозяин обратил внимание на неодобрительный отзыв Щербакова о поведении Эренбурга и обратился к Кольцову: – Товарищ Кольцов, вы рекомендовали Эренбурга в секретари конгресса?

Это был не столько вопрос, сколько напоминание.

– Да, товарищ Сталин. У Эренбурга хорошие связи с французскими писателями. Его там широко знают.

– Он вам помогал в возникающих трудностях?

– Товарищ Сталин, у него часто бывало свое мнение.

– А вы могли его вышибить? Не могли вышибить? Значит, нечего теперь жаловаться, – сказал Хозяин и при этом неодобрительно взглянул на Щербакова.

Рассказывая мне об этой встрече, Кольцов заметил, что ни малейшего неудовольствия по адресу Эренбурга Сталин не проявил, и мы пришли к выводу, что его вполне устраивало "особое мнение" Эренбурга по отношению к руководству делегации, а возможно, оно было запланировано. Видимо, это было нужно Хозяину как доказательство и свидетельство, говоря

[178] Имеется в виду высылка Л.Д. Троцкого из Франции в июне 1935 г.

[179] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 6 об.

современным языком, нашего плюрализма во взглядах и мнениях»[180].

В Москве Щербаков объявил, что посетить СССР приглашены А. Жид, А. Мальро, Ш. Вильдрак, Л. Дюртен и другие писатели[181] (это была форма премирования за «ударный труд»).

А в сентябре 1935 г. А.С. Щербаков представил финансовый отчет по советской делегации: получено было 153 тысячи франков; израсходовано 148 тысяч (на делегатов 115 тысяч, секретариату – через Кольцова – 23 тысячи, гостиница 7 тысяч, прочие расходы около, включая 200 фр. Эльзе Триоле и больше тысячи – на завтрак, 3 тысяч)[182]. В отдельном счете валюты[183] записано, что каждому делегату дали по 86 долларов, а Щербакову – 500 (Толстому – 11 июня, Бабелю и Пастернаку – 20-го, всем прочим – 13-го)…

Остальныее расходы СССР на все «мероприятие» покрыты туманом…

III. Первый антракт (От Парижа 1935-го до Мадрида 1937-го)

1. Большие планы Анри Барбюса

4 июля 1935 г. А. Барбюс вручил А.С. Щербакову большое письмо, в котором изложил свою оценку работы Парижского конгресса, соображения о дальнейшей деятельности Ассоциации писателей, включая денежные вопросы (получать деньги от Москвы было для него не внове, и он вполне овладел соответствующей аргументацией):

> В целом Конгресс проявил левую тенденцию, но принятая резолюция была, на мой взгляд, слишком скромной и даже, – скажу больше, – несколько плоской, поскольку вопрос о праве перевода и пр. был поставлен раньше вопроса о необходимости защиты культуры путем борьбы против войны и фашиз-

---

[180] *Ефимов Б.* Десять десятилетий. С. 248–249.

[181] Литературный Ленинград. 1935. № 32. 14 июля.

[182] РГАСПИ. Ф. 88 Оп. 1. Ед. хр. 468. Л. 1.

[183] *Там же.* Л. 4.

ма. Это было чрезмерно осторожно; представлялось возможным говорить более определенным языком. Это произошло по причине различного отношения к тому или иному факту самих конгрессменов и когда в заключительной речи я сказал, что нужно сочетать защиту культуры с социальным освобождением, не было никаких возражений – даже наоборот. Как бы то ни было, мы находимся теперь перед ситуацией, о которой недостаточно сказать, что это абсолютный застой. Принятая Конгрессом организация находится еще в состоянии небытия и никто не занимается ею всерьез и последовательно из-за недостатка единства руководства и недостаточности бюджета, тогда как, с другой стороны, литературные отклики Конгресса уже заглохли в общественном мнении.

Вопрос руководства и вопрос бюджета тесно связаны между собой, принимая во внимание элементы, – довольно различные, – и тот факт, что каждый из этих элементов стремится оказывать свое влияние или влияние своей группы, или своего предприятия и ввести в качестве непременных секретарей людей, которые были бы ему преданы (так, Андре Жид всегда предлагает в качестве секретарей и сотрудников своих довольно сомнительных друзей[184]: один из них, например, в течение 2-х месяцев саботировал работу Оргкомитета Конгресса). «Нувель Ревю Франсез», одним из руководителей которой является Мальро и которая представляет из себя буржуазный литературный журнал, – желает очевидно включить в свою орбиту центр движения писателей и т.д.

Мы имеем лишь один способ разрешить вопрос о том положении, которое имеется налицо, а именно: – взять контроль над этим центром, обеспечив его финансирование. Впрочем, если его не будут финансировать, этот центра обречен на смерть. Правда, установлены ежегодные взносы

[184] Явный намек на гомосексуализм А. Жида.

по 50 франков с каждого члена этой организации, – взносы, половина которых должна отчисляться в центр. Поскольку речь идет о членах особого сорта и определенного качества, не приходится думать, что их будет много, за исключением советских. Для Франции эти взносы могут представить в настоящее время не более десятка тысяч франков, половина которых поступит в центр (опыт больших движений, которыми мы занимаемся, доказывает, что центральная организация не должна особенно рассчитывать на взносы национальных секций). Во всяком случае, пока что на некоторое время мы должны рассчитывать лишь на очень незначительное поступление взносов для центра, если предположить, что эти взносы смогут обеспечить существование национальных секций.

В данный момент для центральной организации необходимо около 15000 франков, которые распределяются следующим образом:

помещение, налоги и т.д.	1000 фр.
почтовые и канцелярские расходы	2250 фр.
секретарь	1500 фр.
администратор	1500 фр.
2 машинистки	2400 фр.
переезды	3000 фр.
Внутренний бюллетень	1000 фр.
Немецкий сектор	1500 фр.
Сектор по Восточным странам	1500 фр.
	15 650 фр.

Месячная субсидия журналу «Монд» 5000 фр.

Это те цифры, которые были представлены на рассмотрение и приняты т. Сталиным в ноябре (округленно – 20.000 фр.)

Но беглый подсчет указывает, что для того, чтобы поддерживать равновесие этих расходов путем взносов, надо было иметь 9.600 плательщиков взносов. Конечно, не является невозможным

достигнуть этой цифры в какой-то определенный срок и, во всяком случае, сумма, которая нам нужна, чтобы теперь же полностью пустить в ход аппарат, должна будет уменьшаться по мере увеличения числа членов.

Но что особенно важно в данный момент, – это не терять контроля над организацией, или вернее – немедленно взять этот контроль в свои руки, – а для этого нет иного способа, – я повторяю, – по крайней мере сейчас, как быть тем, кто сам оплачивает аппарат и сотрудников.

Кстати, на мой взгляд, надо ввести «уплату взносов» в 25 фр. советской секцией, сначала, основываясь на довольно ограниченном числе плательщиков, а затем также дать нам возможность самим оплачивать необходимых сотрудников, что позволит тем самым и выбирать их (например, в форме сотрудничества в журнале «Монд», или в какой-либо другой подобной форме). Я думаю, что это – единственный практический способ действия так как абсолютно необходимо, чтобы к тому времени, когда ассоциация будет сама себя окупать, она бы не ускользнула от нас за этот период.

Безусловно необходимо и полезно, чтобы такие люди, как Мальро, которые имеют значение и влияние, занимались бы организацией. Но эти люди не могут заниматься ею усидчиво, вследствие множества различных других своих занятий.

Таким образом, самое главное, чтобы работающий и оплачиваемый секретарь, так же как и администратор и машинистки, – т.е. весь регулярный и эффективный аппарат, – были бы подчинены и это единственный способ помешать всегда возможным уклонам, суживающим и препятствующим той роли, которую мы хотим придать этой мировой организации писателей.

Было бы лучше, чтобы эти сотрудники были назначены Вами. Во всяком случае, я имею в виду несколько лиц на должности секретаря и администратора, и я сообщу Вам их имена.

Вопрос журнала «Монд» важен по нескольким причинам: прежде всего потому, что необходимо, чтобы Движение имело свой существующий орган, оказывающий влияние. Затем, потому, что мне известно, что уже разрабатывается несколько проектов для создания левого журнала писателей (в частности, Комитета Бдительности Интеллигентов, политическая линия поведения которого далеко не надежна), или для того, чтобы дать уже существующим журналам ориентацию в этом направлении («Ла Люмьер» – журнал буржуазной интеллигенции и «Марианн» – журнал с официозным политическим уклоном и в достаточной мере бессодержательный).

Но я в особенности хочу добавить то, что я стараюсь повторять как можно чаще и как можно убедительнее при тех свиданиях, которые я уже имел в ноябре: для того, чтобы такая организация на самом деле приобрела такой размах и играла первостепенную роль, действительно представляя внушительную группу писателей, ей нужен в качестве конкретной базы ежемесячный литературно-критический марксистский журнал и издательская фирма; с этими средствами Ассоциация на практике станет чрезвычайно могучей и очень большое число лиц будет заинтересовано в том, чтобы к ней примкнуть.

Это мне кажется еще более решающим, чем все, что намечалось в отношении приемов писателей в СССР, создания в Москве рабочего центра, курсов истории литературы и учреждения большой литературной премии, являющееся основной идеей Мальро. Мысль о критическом журнале и издательской фирме под буржуазной вывеской была уже в принципе принята нашими товарищами в Москве. Остается уточнить на практике эти крупные решения.

Следовало бы также принять решение, касающееся МОРПа, и придти к соглашению с такими организациями как AEAR во Франции и Джон Рид

Клуб в Америке. Эти организации дают результаты, но тем не менее, я думаю, что есть основания поставить вопрос в определенный момент о поглощении их литературных секций гораздо более широкой организацией, которая поведет большую социальную работу, в силу своего объема и, принимая во внимание, что мы будем продолжать оставаться ее хозяевами. Это расширение Движения совершенно аналогично тому, что происходит с едиными фронтами, при помощи которых мы в настоящее время проводим революционную деятельность в капиталистических странах, в гораздо более широких масштабах, чем мы были бы способны это делать, если бы представляли одни лишь революционные группировки. <...>

Мы теперь приступили к делу и совершенно очевидно, что эта организация станет тем, что мы из нее сделаем, принимая во внимание, что в настоящее время нет элементов оппозиции и противостоящих тенденций в отношении общих линий: Эренбург работает с нами с доброй волей, которая мне кажется очевидной. Совершенно очевидна необходимость конкретно вооружить эту организацию, чтобы она могла процветать, расти и сыграть свою роль. Я вновь вношу по этому поводу все предложения которые я сделал в тот момент, когда думал вместе с нашими товарищами, что лучше заранее наметить основу организации, а не ставить ее в зависимость от Конгресса, что позволило бы по меньшей мере придать больше полноты Конгрессу, одновременно не сделав его собранием лиц, выбранных заранее (что и имело место, не считая случая с троцкистами, которые сами себя пригласили, однако, в небольшом количестве).

Когда я приеду в течение этого месяца, я поговорю более подробно по всем этим вопросам, в отношении которых у меня нет расхождений с Кольцовым и советской делегацией, которая со своей стороны представит более обстоятельную инфор-

мацию об этом первом Международном Конгрессе для защиты Культуры.

Анри Барбюс[185].

В июле Барбюс, как и предполагал, приехал в Москву, но там серьезно заболел. 29 августа, когда врачам уже было ясно, что ему остались считаные дни, о болезни Барбюса сообщила «Литературная газета» (больной в сознании, но его состояние очень серьезно). 30 августа 1935 г. Барбюс скончался.

Сталин послал личную прочувствованную телеграмму Кашену, Торезу и Вайан-Кутюрье на адрес редакции «Юманите». Была создана комиссия по организации похорон (Булганин, Марти, Монмуссо, А. Толстой, Кольцов, Стасова и Стецкий). Советская печать торжественно почтила память Барбюса траурными материалами на первых полосах. Столь же торжественно гроб с телом писателя был отправлен из Москвы в Париж. Эренбург получил задание «Известий» присутствовать на похоронах. Прервав отдых в Бретани, он вернулся в Париж. «Анри Барбюс, – говорится в написанном им некрологе, – хорошо знал, что такое человеческое горе <...> Я видел его на нашем конгрессе писателей. Он тяжело дышал, руки его судорожно бились. Вдруг он спохватился и заговорил: "Необходимо опубликовать доклад греческой писательницы... Как они борются с варварством фашистов <...>"»[186]. Хоронили Барбюса в Париже 7 сентября. Манифестация была внушительная. В большой колонне писателей за гробом Барбюса шли Луи Арагон, Андре Мальро, Илья Эренбург, Эрнст Толлер, Анна Зегерс, Леон Муссинак, Эжен Даби, Жан Геенно, Людвиг Ренн и др. Эренбург сообщал в «Известиях», что над гробом Барбюса Мальро прочел последнее «прости» Ромена Роллана[187].

В наше время смерть любого крупного деятеля в Москве 1930-х гг. не может не вызвать сомнений в ее, скажем так, естественности. Применительно к Барбюсу, мы не располагаем никакими сведениями на сей счет. Кроме одного: Мавр сделал свое дело...

---

[185] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 606. Л. 3–7, 12, 13.
[186] Известия. 1935. 3 сент.; см. также: Иностранная литература. 1983. № 10. С. 212.
[187] Известия. 1935. 8 сент.

2. Отпор Виктору Кину

Сразу же после Парижского конгресса в Москву поступило письмо корреспондента ТАСС в Париже писателя Виктора Кина, в котором руководство советской делегации, то есть прежде всего Михаил Кольцов, опасно обвинялось в недостаточно эффективных действиях против троцкистских вылазок на конгрессе. Кольцову и Щербакову пришлось объясняться с начальством. Тон их ответного письма, содержащего важную информацию о работе конгресса, был резким. Машинописная копия этого письма с ручной правкой сохранилась в архиве А.С. Щербакова; фамилия адресата вписана от руки; на письме – гриф «Секретно», дата – июль 1935 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) т. Андрееву А.А.

Письмо В.Кина, являясь в целом ряде мест политически ошибочным, вместе с тем полно самой недобросовестной лжи. Мы считаем неслыханным, чтобы работник, посаженный в Париже для информации Москвы, позволял себе в такой степени грубо искажать факты, сообщая совершенно обратное тому, что происходило в действительности.

Фактическая сторона дела:

О готовящемся выступлении троцкистов нам было известно не за три дня, как Кину, а значительно раньше. Еще за три недели до конгресса Кольцов из Парижа предупредил о готовящемся троцкистском выступлении за освобождение Виктора Сержа. В связи с этим мы:

а) Получили в НКВД данные о Серже в том размере, в каком их можно было оглашать.

б) Устроили (с колоссальными трудностями и при активном содействии Мальро), чтобы выступление это произошло не в большом зале, в присутствии публики, а на закрытом заседании, в малом зале на 250 человек.

в) Выработали текст выступления Тихонова, согласовав его с полпредом.

г) Добились того, что влиятельный писатель Пулайль, намеревавшийся по наущению троцкистов

выступать за Сержа, отказался от этого, передав слово Мадлене Паз, малоизвестной троцкистской журналистке.

д) Выступление Эренбурга (политически прожженного человека, а не младенца, как его наивно называет Кин) было в данном случае правильным и нужным.

е) Германская писательница Анна Зегерс выступила остро, блестяще и с успехом.

ж) Выступление Киршона с ответом бельгийскому троцкисту, тут же правильно переведенное Арагоном, свидетельствует о нашей организованности, а не об обратном.

з) Выступление Андре Жида было полностью в нашу пользу, при внешней объективности его формы. Только человек, намеренно желающий извратить действительность, мог его истолковать иначе. Кин противоречит сам себе, осуждая выступление Жида, и тут же говоря, что лишь авторитет Жида спас положение.

Кин клеветнически заявляет, что «с Жидом, разумеется, никто не говорил». Между тем, выступление Жида не только было известно заранее, но мы даже внесли поправки в его первую редакцию (через Эренбурга).

Об организованности и подготовленности нашей делегации свидетельствует и то, что мы сумели своевременно вскрыть и отбить бесчисленные провокации троцкистов, их попытку использовать либералов-англичан, Вильдрака, притащивших на конгресс Леона Блюма[188] и т.д.

---

[188] Лидера французских социалистов и будущего главу правительства Народного фронта пригласили на конгресс выступить в защиту Виктора Сержа. М. Кольцов с нескрываемой издевкой рассказывал на заседании Правления ССП 21 июля 1935 г.: «В последний вечер в комнате президиума появляется почтеннейший Леон Блюм и просит слова. Его отговаривают, ему говорят, что конгресс чисто писательский. Он в ответ: я тоже писатель (смех в зале). И тогда один из руководителей конгресса сказал: "Знаете, аудитория такова, что она больше коммунистически настроена, для вас могут выйти неприятности". Это его убедило (смех)» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 47. Л. 31).

Политическая сторона дела:

Основным аргументом по вопросу о Викторе Серже мы поставили полное право советской власти применять к советским гражданам, и в первую очередь к занимающимся контрреволюционной деятельностью, все государственные законы. Этот аргумент оказался решающим для собрания, которое, полностью признав суверенные права Советского Союза в отношении своей внутренней политики, именно поэтому отказались от дальнейших прений по этому вопросу. Кин же, на которого повидимому длительное пребывание за границей повлияло в дурном смысле, находит этот аргумент «очень мало убедительным». Он предпочел бы, чтобы мы пустились на конгрессе вместе с троцкистами в обсуждение деяний Виктора Кина, степени его проступков, их оценки и т.д. Именно этого добивались троцкисты, желая втянуть конгресс в подобную дискуссию «по существу». Мы не допустили этого.

К этому надо добавить следующее. Вопрос о Викторе Серже – вопрос старый. Еще полтора года назад многие из писателей (Мальро, Блок, Арагон и др.) просили различные инстанции снабдить их фактическим и исчерпывающим материалом о Викторе Серже. Неслучайно, что и Ромен Роллан, приехав в СССР, тоже наводил справки по этому вопросу.

В Париже наши друзья ждали от нас, что мы по меньшей мере развернем перед аудиторией обвинительный акт с подробным перечислением всех преступлений В. Сержа, или заявим, что В. Серж органами власти отпущен на свободу. Последнее – особенно бы устроило наших французских товарищей (включая и таких, как Барбюс), которым надоело возиться с вопросом о В. Серже. Видимо, Кин ждал такого же исхода. Ясно, что с этой стороны мы кое-кого удовлетворить не могли.

Кин пытается изобразить дело так, будто выступление двух троцкистов было каким-то замет-

ным политическим событием. Мы не знаем, паника или какие-нибудь другие побуждения заставляют его так фантазировать. Выступления всех ораторов против троцкистов встречались бурными аплодисментами всех делегатов. По окончании речи Жида зал стоя устроил ему овацию, осталось сидеть лишь группа в пять человек троцкистов, с видом побитых собак. Ложь, будто Мадлен Паз аплодировала Жиду.

Реальный результат выступлений троцкистов: а) Паз не осмелилась после данного ей отпора огласить текст письменного запроса Советскому правительству, который она хотела предложить для принятия конгрессу. б) Парижская печать, подробно писавшая о конгрессе, совершенно не уделила места и внимания данному инциденту (кроме статьи самой Паз).

Клеветой является приписывание Мальро зажима наших ораторов (далее зачеркнуты слова: «и изъявленные им сочувствия со стороны зала». – *Б.Ф.*). Ссылки на троцкистские симпатии Мальро доказывают, что Кин совершенно отстал в своей информации. После кратковременной близости с троцкистами Мальро резко и демонстративно повернул в нашу сторону[189] и, в частности, на конгрессе оказал нам огромные услуги. Трудно гарантировать убеждения Мальро в будущем, но сейчас этот крупный талантливый писатель и блестящий оратор, не мотря на все зазывания буржуазии, идет в основном с нами. Подобного человека надо отбивать от буржуазии, а не отталкивать его муссированием разговоров о его былом троцкизме, чем занимается Кин.

[189] Троцкизмом здесь называется, в частности, защита Троцкого, от чего Мальро никогда не отказывался. Характерно, что, выступая в 1949 г. против сталинской тоталитарной угрозы Европе и отвергая обвинения в том, что он не вспоминает свое участие в Испанской войне, Мальро сказал: «Мы не отказываемся от Испании, стоя на этой трибуне. Пусть какой-нибудь сталинист осмелится подняться на нее, чтобы возвысить свой голос в защиту Троцкого» (*Фрезинский Б.* Все это было в XX веке. Заметки на полях истории». [Винница]: Глобус-пресс. 2006. С. 184).

В силу изложенного мы считаем оценки эпизода с троцкистами и действия советской делегации, данные Киным, клеветническими и недобросовестными, а потому – непартийными.

Поскольку тов. Кин очень близок к полпредству и в своем письме берет на себя защиту его прав, мы считаем нужным добавить следующее.

Тов. Кин, как постоянный работник ТАССа в Париже, ничем советской делегации не помог, ни связей, ни знакомств в ее распоряжение не предоставил, на конгрессе ограничился ролью стороннего наблюдателя, подобно буржуазным журналистам, сидевшим за столом прессы. Присланное им клеветническое письмо является единственным проявлением интереса к нашей работе.

Полпред тов. Потемкин при первом же визите делегации к нему (через полчаса после приезда в Париж) заявил, что «конгресс не ко времени, он мне мешает и вредит, лучше бы его не созывать». При следующих встречах говорил: «Видел Эррио, он протестует, обвиняет нас, что мы говорим о пакте[190], а сами ввозим 20 агитаторов». Несомненно, Эррио запугивал тов. Потемкина и пытался втирать очки. Но это определило отрицательное отношение тов. Потемкина к конгрессу и к советской делегации, отношение, которого он не скрывал. Такой стиль, не без ведома полпреда, передался аппарату полпредства. Мы не можем сказать, что нашли в полпредстве помощь и поддержку. Несколько мелочей, о которых мы просили, были сделаны с натугой и рассматривались как большое одолжение нам. Нас заставляли за все платить. И мы из средств делегации оплатили тов. Потемкину прием, который он устроил по случаю приезда делегации. Пла-

[190] Речь идет о подписанном в Париже 2 мая 1935 г. накануне визита в Москву министра иностранных дел Франции П. Лаваля (ставшего в июне премьер-министром) пакте о взаимной помощи между Францией и СССР (пакт подписали П. Лаваль и полпред СССР В.П. Потемкин; в информации ТАСС, опубликованной 12 апреля 1935 г., пакт именовался «конвенцией безопасности»).

тили за телеграммы, платили полпредской машинистке за перепечатку бумаг. Сейчас еще с нас стараются получить за телеграммы, посланные нами через полпредство в ЦК. Учитывая парижскую обстановку, мы конфликта не затевали... Само собой разумеется, что все доклады и выступления с полпредом были согласованы.

Намеки Кина о «стремлении приписать себе часть успеха конгресса» являются возмутительными. Мы позволяем себе думать, что данное нам поручение мы выполнили (зачеркнуто: «как это в другом письме признает и Кин». – *Б.Ф.*); успех же конгресса был определен успехом и партии, и Советского Союза, и острой международной обстановкой. Нечистоплотные намеки Кина выдают истинные его побуждения при посылке письма.

Кольцов, Щербаков[191].

Писатель Виктор Кин, автор знаменитого в 1930-е гг. романа «По ту сторону» (1928), в 1931–1936 гг. заведовал отделением ТАСС сначала в Италии, затем во Франции. И его самого, и его жену Ц.И. Кин, работавшую в Париже референтом отдела печати советского полпредства, связывали вполне дружеские отношения с В.П. Потемкиным, советским послом сначала в Италии, потом во Франции. Текстом письма В. Кина о Парижском конгрессе мы, к сожалению, не располагаем. В обширных воспоминаниях Ц.И. Кин «Страницы прошлого»[192], посвященных преимущественно 1931–1937 гг., о Парижском конгрессе писателей нет ни слова (воспоминания обстоятельны и в целом хронологичны; о тогдашних встречах с писателями в них рассказывается подробно и живо, но 1935 г. из воспоминаний непонятным образом выпал; предположить, что жена Кина не интересовалась Международным конгрессом писателей, собравшим немало знаменитостей, и что она ничего не знала о письме Кина в Москву и о последствиях этого письма, трудно). Заметим также, что образ Виктора Кина, каким он встает из воспомина-

[191] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 476. Л. 1–4.

[192] Новый мир. 1969. № 5, 6.

ний жены и друзей, менее всего располагает к предположениям об интриганстве – Кин был человек пристрастный, но бесхитростный. Рассказывая о Париже, Ц.И. Кин коротко пишет и об Эренбурге, о немногочисленных встречах с ним в Париже[193], заключая свой рассказ таким выводом: «Близкие отношения у Кина с Эренбургом не сложились и, мне кажется, не могли сложиться. Очень уж все было разное: среда, интеллектуальное формирование, биографии. Может быть, у Кина (да и у меня) была известная нетерпимость или пристрастность в нашем отношении к людям»[194] – эта последняя фраза, может быть, содержит ключ к объяснению мотивов, по которым Кин написал свое письмо в Москву, письмо, вызвавшее ответ, обошедшийся ему недешево.

В апреле 1936 г. Кин был отозван из Парижа; в Москве он сначала заведовал отделом в издательстве «Художественная литература», а затем стал редактором газеты «Нувель де Моску». 3 ноября 1937 г. он был арестован и в том же году расстрелян.

Критику в адрес руководства советской делегации на конгрессе высказывал не только В. Кин, но и Бабель. Правда, Бабелем критика эта высказана в 1939 г. в показаниях, данных им на Лубянке, куда он был доставлен по обвинению в том, что, будучи завербован А. Мальро, стал «шпионом». Однако, за вычетом того, что извращалось и подгонялось следователем под формулу обвинения, многое в показаниях Бабеля представляет собой вполне правдоподобный рассказ, немыслимый в условиях тогдашней жизни «на свободе»:

> Все дело организации советской делегации было поставлено безобразно; состав делегации (Щербаков, Кольцов, Киршон, А. Толстой, Караваева, Вс. Иванов, Микитенко, Панч, Пастернак, Тихонов, я и др.) был неавторитетен и неубедителен для других делегаций. Руководство делегации (Щербаков и Кольцов) апробировали доклады, звучавшие смехотворно. Так, например, док-

[193] В мемуарах Эренбурга, где упоминаются как сотрудники советского полпредства в Париже 1930-х гг., так и аккредитованные там журналисты, имя Кина отсутствует.

[194] Новый мир. 1969. № 6. С. 199.

> лад Иванова о материальном положении сов. писателей. О том, что у каждого из них есть определенная кубатура жилой площади с кухней и ванной. С ответами троцкистам неизменно выступал Киршон, наиболее одиозный из членов делегации[195]; в то же время ни у меня, ни у Пастернака никто не спросил, о чем мы собираемся говорить на конгрессе... Закулисная сторона конгресса характеризовалась яростной борьбой между Кольцовым и Эренбургом, проводившим точку зрения Мальро и воздействовавшим в этом смысле. Члены делегации были представлены самим себе...[196]

Эти самоличные показания Бабеля были исправлены следователем; после рассказа о выступлениях Киршона (к тому времени расстрелянного) следователем записано: «Воспользовавшись этими неурядицами, Мальро раскалывал конгресс и вносил разброд в советскую делегацию, яростно поддерживая наскоки Эренбурга на Щербакова (! – *Б.Ф.*)[197].

3. Арагон категорически против Мальро и Эренбурга

Уезжая из Парижа после конгресса, Михаил Кольцов чувствовал, что в секретариате Бюро Ассоциации писателей из активно действующих фигур железная поддержка всем московским указаниям обеспечена только со стороны поэта, члена ФКП Луи Арагона. Однако, как оказалось, его пылкий нрав, нетерпимость к возражениям и чужим проектам, болезненное

[195] 23 апреля 1937 г. уже после снятия обреченного Г.Г. Ягоды с последней должности наркома связи П.Ф. Юдин в доносе Сталину и Кагановичу писал, что «на протяжении многих лет Киршон фактически жил у Ягоды <...> Щедроты и заботы о Киршоне со стороны Ягоды доходили до таких пределов, что когда Киршон поехал вместе с писателями на пленум в Минск, то на вокзале в Минске Киршона встречала группа ответственных работников НКВД, на своих машинах увезли в гостиницу НКВД» (Власть и художественная интеллигенция. С. 360). К тому же Киршон состоял в постоянной переписке со Сталиным; все это создавало ему особое положение в Союзе писателей.

[196] *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 124.

[197] *Там же.* С. 125.

самолюбие и жажда лидерства сводили на нет все возможные плюсы от его безусловной партийной дисциплинированности. В десятых числах июля 1935 г. Арагон прислал в Москву следующее донесение:

Лично товарищам Щербакову и Кольцову.

Совещание французского секретариата от 8 июля 1935 года для обсуждения издания протокола конгресса. Для участия в работе выделены т.т. Эренбург и Реглер. Заседание проходит у Мальро. Кроме остальных присутствует и Жид (прибытие Шамсона ожидалось очень поздно). Итак – присутствуют: Мальро, Жид, Блок, Реглер, Арагон.

1) Эренбург заявляет тоном протеста, что произошла недопустимая вещь: «Известия» сообщают об издании по инициативе Международной Ассоциации книги «День мира»[198] под редакцией Жида, Кольцова и Горького. Вопрос Эренбурга Жиду: Это правда? Жид плохо помнит, кто-то ему об этом говорил. Я уточняю: «Вам говорил Кольцов». «Ах, да». Жид находит, что это хорошая идея и готов принять участие. Но русские слова «под редакцией» привели к недоразумению, которое я должен разъяснить. Когда стало ясно, что речь идет о «редактировании» для Жида, Эренбург заявил: «Же-

[198] С сообщением о книге «День мира» Горький обратился к иностранным гостям Первого съезда писателей 1 сентября 1934 (см.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Т. 4). Задуманная Кольцовым и поддержанная Горьким, книга «День мира» вышла в Москве в 1937 г. под редакцией уже покойного Горького и еще не арестованного Кольцова. Это огромный иллюстрированный том, повествующий, как прошел во всех странах планеты день 27 сентября 1935 г.; в книге приняли участие многие писатели и журналисты зарубежных стран, в частности французы Арагон, Блок, Дюртен, Виоллис. Для раздела «День писателя» заметки прислали Ж. Бенда, Б. Брехт, О.М. Граф, А. Деблин, Ж. Кассу, Э. Людвиг, Г. Манн, Л. Маркузе, Г. Мархвица, К. Михаэлис, Г. Реглер, Р. Роллан, Э. Толлер, Э. Триоле, Г. Уэллс, Б. Франк, С. Цвейг, К. Чапек, А. Эллис. Мальро и Эренбург в «Дне мира» не участвовали. Поскольку книга вышла после «отлучения» А. Жида, его имя в ней не упоминалось. После ареста Кольцова книга «День мира» была запрещена к распространению в СССР и изъята из библиотек.

лаете ли Вы узнать мое мнение и мой опыт оттуда? Так вот, я полагаю, что книга будет сделана исключительно Кольцовым, а Горькому и Вам предстоит быть "крестными отцами" и дать лишь Ваши имена». Я начинаю протестовать и объясняю, какое активнейшее участие принимает Горький во всех изданиях, которые выходят под его редакцией. Позиция Жида: очень заинтересован этим проектом, опасается только, что если привлекут больших писателей, он не сумеет протестовать против того или иного произведения, но будет действительно счастлив редактировать эту книгу, если участники признают его авторитет. «Не надо литературщины», – говорит он в противоположность Мальро, который придерживается во время обсуждения мнения Эренбурга и с большой иронией отзывается о качестве авторов, которых Кольцов собирается привлечь к работе.

2) Гийу, утвержденный в качестве технического секретаря, отсутствует в течение 15 дней. Жид, поддержанный Мальро и Эренбургом, несмотря на мой протест, выдвигает кандидатуру временного заместителя: молодого швейцарца Малэ[199], троцкиста, друга Жида, сопровождавшего его в Вильжюив и бурно аплодировавшего на конгрессе Мадлен Паз.

3) Эренбург официально заявляет о своем отказе быть секретарем советской организации, но сообщает, что временно будет выполнять эту работу до организации постоянного секретариата в Москве. Начиная с этого момента, он говорит безостановочно, перебивает меня и навязывает свою точку зрения: ясно, мы ничего не выиграем от того, что он не будет секретарем, он как бы случайно будет появляться на совещаниях, принимать участие в дискуссиях, не неся никакой ответственности.

[199] Скорее всего речь идет о Жане Малаке (неточность транскрибирования при переводе).

4) Издание книги о конгрессе. Точное изложение заседания бюро, на котором присутствовал Кольцов. Мальро и Эренбург заявляют, что они против издания этой книги в Е[200]. Они опираются на Жида и Реглера. Блок поддержал бы меня, но видя, что это бесполезно, присоединяется к их точке зрения. Эренбург предлагает Кра[201] в качестве издателя. Но так как это предложение смехотворно (Кра накануне банкротства, ничего не издавал в течение 2-х лет), я возражаю и присоединяюсь к предложению Мальро – переговорить с Галлимаром (Н.Р.Ф.[202]).

Уже с самого начала было ясно, что именно этого они желали, Эренбург и он.

О форме книги Мальро заявил категорически (как будто он уже обсуждал этот вопрос), что в Изд-ве Н.Р.Ф. книга должна выйти в сильно сокращенном виде (350 стр., 15 фр.). Это же предложение сделано и Эренбургом. Я напоминаю, что коммунистическое издательство предлагало издать 900 стр. Ставлю вопрос о тираже и возможностях реализации. Блок меня поддерживает. Мальро заявляет, что максимальное количество – это 1000 экз. От имени Е. я сообщаю, что при цене 5 фр. можно будет издать и 3000 экз. Это заявление видимо трогает Жида. Но яростные возражения Эренбурга и Мальро, поддержанные Реглером, приводят к окончательному решению за проект Эренбурга, который считает, что это единственное приемлемое предложение (1 том 15 фр. 350 стр. сокращенные доклады[203]).

200 Коммунистическое издательство.

201 С издательством Симона Кра (Париж, ул. Бланш, 6), выпускавшим книжную серию «Collection Europeenne», Эренбург имел дело в 1920-е гг.; оно, как и издательство Н.Р.Ф., упоминается в его письмах Е.И. Замятину.

202 По названию журнала «Nouvelle Revue Française»; в этом издательстве, связанном с издательским концерном Галлимар, работал Мальро и издавались переводы книг Эренбурга.

203 Эренбург и Мальро опасались, что включение в книгу полных текстов сугубо пропагандистских выступлений сделает ее нечитаемой.

Обсуждение принципов редактирования докладов: основная цель Эренбурга и Мальро – сокращение доклада Барбюса до размеров доклада Жида, т.е. сокращение его почти в 5 раз. Предполагается просить авторов самим сокращать свои доклады до размеров, указанных им редакцией. Эренбург предлагает и заставляет принять в качестве редакции Реглера и Низана. Заметьте, что участие немца в этой французской книге необъяснимо. Что же касается Низана, то он занят в «Юманите» и вообще не особенный охотник работать и несомненно не уделит книге необходимого времени, разве что ради дружеских отношений, связывающих Мальро и Реглера.

5) Эренбург предлагает, чтобы Международная Ассоциация издавала в странах, где это будет возможно (уже имеются предложения издать в Чехословакии, Англии, Америке и СССР), серии книг, скажем, 6 в год, главным образом романов, переведенных и рекомендованных Ассоциацией. Затем он предлагает заключить договор с Н.Р.Ф. на один год для издания этих 6 книг. Я протестую: было предположено, что книги под маркой Ассоциации могут издаваться в любом издательстве по нашей рекомендации. Такой же порядок превратит Н.Р.Ф. в официального издателя Ассоциации и делает совершенно невозможным сотрудничество с другими издательствами. Я указываю Мальро (Жид ушел, сказав нечто в этом духе по поводу издания книги о конгрессе) на неудобство такой монополии, которая даст повод говорить, что все это (конгресс, Ассоциация и т.п.) есть ничто иное, как коммерческое предприятие Н.Р.Ф. Более того, Н.Р.Ф. находится под контролем треста АШЭТ (который фактически является во Франции главным цензором). Мы себе отрежем пути к другим издательствам и восстановим их против нас вместо того, чтобы все искали нашей поддержки и нашей рекомендации (как, например, премия Гонкур, переходящая от одного издательства к дру-

гому[204]). Ожесточенные возражения со стороны Мальро и Эренбурга, нерешительная позиция Блока и мое предложение остается в меньшинстве.

Выводы.

Эренбург навязывает по всем вопросам свое мнение, высказывая его презрительным тоном и с недопустимой грубостью. Слово коммунист систематически употребляется им в дурном смысле, причем с наибольшей чувствительностью он относится к имени Кольцова. Ясно и определенно он высказывает мнение агента, рекламирующего фирму Галлимар. Я работаю с Мальро и Реглером. Блок, побуждаемый добрыми намерениями, бессилен мне помочь. Шамсон ничем не интересуется. Жида заставляют приходить хитростью, и нет никаких сомнений в том, что мне не дадут привести Барбюса, который, впрочем, теряется в спорах и поддерживает кого угодно и что угодно по воле случая.

В таких условиях мое положение в секретариате совершенно нестерпимо. Может случиться все, что угодно, и я не могу отвечать ни за что. Ни к чему не приведет и созыв фракции, на которой я в качестве членов ее встречу Реглера и Канторовица[205] и в крайнем случае Низана; по вопросам, касающимся, скажем, книги, можно быть заранее уверенным, что они поддержат мнение Мальро.

Иными словами даже во фракции я буду вынужден из дисциплины поддерживать мнение большинства, если это будет даже мнением Эренбурга и Мальро. Считаю необходимым тут же отметить, что давая на первых порах работу Реглеру и Низану, Мальро полагается на их преданность делу подготовки конгресса и на их присутствие на каждом заседании.

Мне очень неприятно говорить таким образом о товарищах, членах партии[206], но я не могу посту-

---

[204] Имеется в виду право переиздания книг, удостоенных Гонкуровской премии,

[205] Немецкий писатель А. Канторовиц с 1933 г. находился в Париже в эмиграции.

[206] И. Эренбург и А. Мальро были беспартийными..

пить иначе, ибо их поведение уже привело к таким «превосходным» результатам, что коммунистическому издательству объявлен бойкот и что книга о конгрессе, написанная двумя коммунистами, несмотря на мнимую опасность вмешивать коммунистов в эту работу, по мнению Эренбурга и Мальро, хотя это и было сделано по их предложению, эта книга ускользнет из-под контроля партии и очутится под контролем Н.Р.Ф. и издательства АШЭТ.

Таким образом, Вы видите, что в создавшихся условиях стало невозможным защищать точку зрения партии. Разумеется, я буду продолжать присутствовать на заседаниях и держать Вас в курсе событий.

Арагон[207].

Разговоры о вконец испорченных отношениях Арагона с Эренбургом в середине 1930-х гг. ходили широко. Ромен Роллан в мае 1935-го после встречи с Ж.Р.Блоком записал в дневнике: «Отношения между французскими писателями и писателями-коммунистами оставляют желать лучшего. Арагон, говорят, не находит общего языка ни с Мальро, ни с Низаном. А между Арагоном и Эренбургом – смертельная ненависть... Зато Эренбург обожает Мальро»[208].

Но в главах мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь», посвященных 1934–1936 гг., лишь упоминается «неистовый Арагон»[209], и, только перейдя к послевоенной поре, Эренбург скажет о нем, вспомнив, как познакомился с Арагоном в 1928-м: «...он был молодым красивым сюрреалистом. На Монпарнасе много говорили и о его прекрасной книге “Парижский крестьянин”, и о различных шумливых демонстрациях: задором сюрреалисты напоминали наших футуристов, Арагон был одним из самых боевых. Потом он стал сторонником реализма, комму-

[207] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 1–6. Впервые: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия – Париж, 1935 // Минувшее. № 24. СПб., 1998. С. 220–223.

[208] Неизвестные страницы Дневника Роллана (май 1935) // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 275.

[209] *Эренбург* (2, 67).

нистом, создавал различные организации, редактировал журналы, газеты. Мы продолжали с ним встречаться и порой отчаянно спорили»[210]. «Отчаянно спорили» – это все, что в пору оттепели мог, в силу очень различных соображений, позволить себе напечатать об Арагоне 1930-х гг. Эренбург. Донесение Арагона в Москву наполняет это выражение вполне конкретным содержанием.

В Москве письмо Арагона поступило к Кольцову и уже от него русский перевод переправили Щербакову с такой сопроводиловкой: «23 июля 1935. ЦК ВКП(б) – Культпрос тов. Щербакову. По поручению тов. Кольцова передаю перевод письма Луи Арагона. (Подпись неразборчива)»[211].

Неизвестно, на сколь высоком уровне в Москве обсуждались письмо Арагона и ситуация в секретариате Ассоциации писателей, но ответ Арагону был отправлен не скоро.

4. Письмо Эренбурга Бухарину читает Сталин

Надо полагать, Эренбург догадывался о том, что Арагон доносит Кольцову о заседаниях секретариата ассоциации писателей. С другой стороны, Эренбург представлял себе и ту информацию, которую сам Кольцов предоставит «наверх» о его деятельности во время конгресса. Мемуары Эренбурга содержат лишь намеки на подлинные взаимоотношения его с Кольцовым, отношения, которые улучшились лишь в Испании, а в Париже были – при полной корректности его писем к Кольцову – очень напряженными. Напомню высказывание Эренбурга о Кольцове: «Ко мне он относился дружески, но слегка презрительно, любил с глазу на глаз поговорить по душам, пооткровенничать, но, когда речь шла о порядке дня двух конгрессов, не приглашал меня на совещания. Однажды он мне признался: “Вы редчайшая разновидность нашей фауны – нестреляный воробей”. (В общем он был прав – стреляным я стал позднее)»[212].

Эренбург чувствовал необходимость довести до Кремля *свое* представление о ходе конгресса, о собственной работе и будущем участии в Ассоциации писателей. Механизм такой «по-

---

210 *Эренбург* (3, 86)

211 РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 1.

212 *Эренбург* (2, 135)

сылки» был продуман: посылалось подробное письмо Н.И. Бухарину и он, имея от адресата carte blanche, показывал текст кому считал нужным и важным. Сейчас своим письмом Эренбург фактически обязал гимназического друга найти выход из того положения, в каком он оказался в Париже. Именно Бухарин, консультировавший Эренбурга перед отправкой письма Сталину в сентябре 1934-го и сам не получивший разрешения на участие в Парижском конгрессе писателей, теперь должен был помочь Эренбургу в его сложном положении. Решение Бухарина было простым и единственно верным: фрагмент письма Эренбурга с общей оценкой Парижского конгресса он отослал Сталину. (Поскребышев корреспонденцию Бухарина Сталину задерживать не имел полномочий.)

Сопроводительное письмо Бухарина было коротким:

> Дорогой Коба, посылаю тебе копию с части письма Эренбурга, где дается интимная информация о работе международного писательского Конгресса. В конце он очень жалуется и просит освободить его от нагрузки по организации писателей в виду того положения, в которое он, по его словам, поставлен. Письмо, на мой взгляд, представляет интерес для тебя, поэтому я его пересылаю.
>
> Твой *Н. Бухарин.* 20VII 35 г.[213].

К этому Бухарин приложил машинописную копию следующего текста Эренбурга, озаглавленного «Конгресс»[214]:

> Вы были до некоторой степени свидетелем того, как этот конгресс родился. Частично Вы толкнули меня на это дело. Прибегаю к Вашей помощи: Вы

[213] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 24.

[214] При публикации этого текста в книге «Большая цензура» (С. 382–384) составитель датировал его странно: «20 июля 1935 г. (не ранее)» – хотя очевидно, что написанное в Париже письмо Эренбурга Бухарину было послано с диппочтой и Бухарин, получив и прочтя его и приготовив копию, отправил ее Сталину 20 июля, следовательно, письмо написано Эренбургом всяко на несколько дней *ранее* 20 июля. В фонде Бухарина (№ 329) РГАСПИ это письмо отсутствует. Что касается заголовка, то неизвестно, принадлежал он Эренбургу или дан Бухариным.

втащили, помогите выйти. Вы наверно знаете, с какими трудностями собрался этот конгресс. Барбюс писал мне письма, обвиняя в «саботаже, измене» и пр. Конгресс родился буквально у меня на квартире, где собирался десяток французских и немецких писателей, его подготовлявших. Я хотел расширить рамки, избегать морповских «земляков». Меня обвиняли в том, что я «интригую» и пр. Москва, несмотря на мои запросы, молчала. Я все же продолжал работу, хотя для меня этот конгресс был бедствием. Я считал своим долгом довести его до конца. Еще накануне за два дня до открытия съезда мне приходилось уговаривать Жида и др., которые в последнюю минуту хотели отказаться. Во время съезда я должен был опять-таки удерживать его, да и некоторых других французских писателей, нам дружественных, от прямого или косвенного выступления против нас. Можно сказать, что в итоге конгресс удался. Резонанс его и здесь силен, дело сделано. Я считаю все же необходимым сказать прямо, что Союз мог добиться большего и выше поднять свой престиж.

Наша делегация была очень многочисленна, но большинство писателей, входивших в нее, вовсе неизвестно заграницей, в частности во Франции. Когда выяснилось, что Горький и Шолохов не приезжают, наших французских друзей охватила паника. Андре Жид, Мальро и Блок звонили в полпредство. Жид даже хотел идти к Потемкину, чтобы просить о присылке Бабеля и Пастернака. Последний приехал, увы, больным. И он, и Бабель приехали только к последнему дню конгресса. Их выступления были покрыты овациями, но все же можно сказать, что, будь Бабель здесь – с его знанием языка и толковостью – с первого дня, можно было бы выпустить совделегата с полемикой, тогда как остальные ограничивались только чтением по бумажке. Если брать таких людей, как Жид, Мальро и пр., то присутствие Бабеля, Пастернака, Тынянова, Федина, Шолохова могло бы с первого дня по-

ставить нашу делегацию в иное, куда более выгодное положение. Если говорить о тех рабочих, которые читают, то им неизвестен Панферов, но они хорошо знают Гладкова. Мне думается, что следовало бы учесть, так сказать, «экспортный характер» нашей делегации. Впервые мы выступили на Западе рядом с такими писателями, как Жид, Манн, Мальро и пр., и вопрос о *качестве* вставал все время. После того, как выяснилось, что Горький и Шолохов не приезжают делегаты составляли:

Кольцов – в газетах писали «redacteur de Pravda» – известный по имени как журналист.

Караваева – здесь неизвестна.

Киршон – здесь мало известен.

Панферов – здесь известен мало.

Тихонов – здесь неизвестен (поэзия вообще трудней переходит границы).

Луппол – не писатель.

Щербаков.

Эренбург, который известен как полупарижанин.

Остаются Всеволод Иванов и Толстой – известные как писатели.

Итак, на 10 русских только 3–4 известных.

Западных условий, за исключением Луппола и Кольцова, не знал никто.

Доклады привезли огромные. Пришлось на месте сокращать. Доклады были канцелярские – не чувствовалось в них за редкими исключениями, что их писали писатели. Всеволоду Иванову предложили прочесть доклад о том, сколько у нас писатели зарабатывают, чем вызвали неприятное изумление конгресса и принизили авторитет этого хорошего писателя. В ряде докладов были чисто политические пассажи, непреломленные через литературу. Было много и чудовищного. В одном из главных докладов[215] значилось, что учителя социалистического реализма: Андре Жид, Барбюс, Генрих Манн и Андерсен-Нексе. В переводе на русский язык это

[215] Доклад Ф.И. Панферова.

звучит так: учителя социалистического реализма: Андрей Белый, Леонид Андреев, Борис Зайцев и Серафимович. Мне стоило большого труда, чтобы отговорить французских писателей от выступления после этого доклада с критикой его вряд ли снисходительной. Андре Жид, Мальро и др. не раз говорили: «Мы защищаем советскую культуру, а потом ваши товарищи выходят и наглядно опровергают то, что мы говорим». Конечно, все спасло то, что это советская делегация. Нас слушали, и нам аплодировали за то, что мы представители СССР. Но могло быть иначе: мы могли *увеличить* наш культурный престиж. То же самое относится к выступлениям национальных литератур. Они были «в загоне». На московском съезде доклад о грузин-ской литературе был одним из самых блестящих: он показал, что грузинская литература – ценность первостепенная[216]. Здесь же представители национальных литератур говорили только о своем национальном освобождении. У французов создалось впечатление, что это «младшие братья»: вы, мол, русские говорите о поэзии, а они говорят только о национальных школах.

За два месяца до съезда я писал в Москву, что готовится выступление троцкистов о Викторе Серже и что надо подготовить отпор[217]. Это было сделано чрезвычайно слабо. Несмотря на то, что мне самому пришлось вполне импровизированно принять участие в нашей защите, я должен сказать, что она была слаба. Хорошо, что утром мне удалось привлечь к делу Жида и что выступила Зегерс. Очень жалко, что наши вожаки не дали выступить по этому вопросу Лахути, который, благодаря своей биографии и своему положению мог бы сыграть выигрышную для нас роль.

Дело очень серьезно: поскольку мы заинтересованы в симпатиях французской интеллигенции, мы

[216] Содоклад о грузинской литературе сделал председатель правления Союза писателей Грузии, литературный критик, ректор Тбилисского университета М. Торошелидзе.

[217] Это письмо автору неизвестно.

не должны оттолкнуть от себя Жида, Мальро, Геено и др. Повторяю, несмотря на все, конгресс закончился успехом, и если я описываю Вам кое-какие слабые стороны, то только потому, что я убежден, что советская делегация могла бы показать себя куда более в выгодном свете. Я никого лично не обвиняю, да и глупо обвинять людей, которые сами хорошо не понимали, перед кем они должны говорить, как говорить, о чем. Я только думаю, что, взвалив на меня огромную часть дела созыва конгресса, можно было бы проявить некоторое доверие ко мне и хотя бы мимоходом спросить моего совета о составе нашей делегации и о характере наших выступлений с точки зрения наибольшей эффективности этого на Западе. Этого никто не сделал. Не подумайте, что речь идет о самолюбии, просто обидно за наше общее дело.

Во время конгресса моя роль была успокаивать французов и сглаживать наши «гаффы»[218] – роль достаточно неблагодарная. Как и раньше, со мной не советовались: мне объявляли. Все это в порядке вещей, так как я – беспартийный, никакого поста не занимаю, просто писатель Эренбург. Но сейчас я ставлю вопрос о дальнейшем. Меня выбрали в секретариат организации вместе с Кольцовым. Значит, мне придется опять-таки уговаривать французов мириться с нашими своеобразностями (что хорошо) и несообразностями (что хуже). На первом же собрании секретариата наши делегаты выступили с предложениями, о которых я даже не знал. В Москве, может быть, это и привычно, а главное, там все люди свои и сходит все с рук. Здесь это невозможно. Вы знаете, как я попал во всю эту перепалку, помогите мне высвободиться. Я не считаю, что моя работа в таких условиях может быть продуктивной. Это просто меня изведет, а пользы даст весьма мало. Гораздо лучше, если секрета-

[218] От фр. gaffe – неловкое выражение (faire une gaffe – совершить промах, дать маху, допустить бестактность).

риат будет находиться в Москве в виде того же Кольцова и он будет списываться с французами, как американский секретариат находится в Америке, английский в Англии. Во всяком случае, Вы должны помочь мне освободиться от этой «работы», которая при таких условиях *не может дать никаких положительных результатов, а меня может доконать*. Я жду Вашего скорого и подробного ответа на это письмо: о моей роли в секретариате Международной организации писателей.

Ваш *Илья Эренбург*[219].

Прочтя этот текст Эренбурга, Сталин отправил его Кагановичу (тогда второму человеку в партии), написав наискосок на сопроводительной записке Бухарина:

Т. Кагановичу.

Обратите внимание на прилагаемые документы и не дайте нашим коммунистам доконать *Эренбурга*.

И. Сталин[220].

Снова отметим характерную для сталинских резолюций на письмах манеру использовать высказывания из их текста как свои (слово «доконать» было употреблено Эренбургом)…

5. На следующий день – письмо Щербакова и Кольцова

…Через день после того, как Бухарин переслал Сталину текст Эренбурга, вождю было написано (в характерно советско-чиновничьей стилистике) письмо А.С. Щербакова и М.Е. Коль-

[219] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 25–29.

[220] *Там же*. Л. 1. Эта резолюция внесена в книгу резолюций Сталина (РГАСПИ. Ф. 58. Оп. 11. Д. 833. Л. 18).

цова на ту же тему. Похоже, что при составлении своего письма они учитывали полученное раньше послание Арагона, но нападки Арагона на Мальро поддерживать не стали, а наскоки Арагона на Эренбурга приняли, добавив свои:

ЦК ВКП(б). Тов. Сталину.

Состоявшийся в Париже Международный Писательский Конгресс следует считать крупнейшим событием в области консолидации антифашистских сил. Идея конгресса, возникшая в маленькой группе французских интеллигентов, слабо связанных между собой, беспомощных в организационном отношении, совершенно без средств – эта идея оказалась настолько своевременной в нынешней обстановке, что притянула и кристаллизовала все лучшее в западноевропейской и американской интеллигенции. Ни крупные разногласия во французской группе, ни попытки троцкистов сорвать самый созыв конгресса, ни бойкот буржуазной печати (прекратившийся с началом конгресса), ни бездействие ряда французских товарищей (Барбюс, редакция «Юманите»), не воспрепятствовали осуществлению съезда, его возрастающего и в заключение весьма громкого успеха.

Советская делегация, следуя полученным от т. Сталина указаниям, активно добивалась еще в подготовительный период придания конгрессу по его составу физиономии характера многосторонней антифашистской акции (а не только антигерманской) и устранения признаков чисто франко-советского начинания. Главный удар против германского фашизма был нами направлен из среды самих же немцев, для чего мы организовали наиболее широкое и авторитетное представительство лучших немецких писателей, и это удалось вполне. Однако нам пришлось пойти дальше и, вследствие неорганизованности и споров между участниками конгресса, взять на себя фактическое за-

кулисное руководство и роль арбитра, как между делегациями, так и внутри их.

Тяжелым ударом, почти было сорвавшим конгресс, были внезапная болезнь и неприезд Горького. Часть французов-инициаторов отказалась проводить конгресс без Горького; советской делегации стоило громадных усилий уломать их.

Прохождение самого конгресса известно, освещение его в советской печати отражает подлинную его картину. Наиболее важными из ряда выдающихся выступлений следует считать речи Жида, Шамсона, Гэно, представителя католических писателей Мариона, из немцев – Манна, Фейхтвангера, американца Волдо Франка. Это поворот крупнейших буржуазных писателей к коммунистической культуре. Само собой, коммунизм Жида далек от подлинного марксизма и вряд ли приблизится к нему. Но в тенденциях и симпатиях этот крупнейший писатель Франции тянется к нам и старается служить чем может, вплоть даже до выступлений на рабочих собраниях за советскую власть и коммунизм.

Весьма показательны присутствие на конгрессе и позиция крупнейших английских либеральных писателей Форстера и Гексли (Хаксли. – *Б.Ф.*), впервые за все годы принявших участие в таком ярко окрашенном начинании и активно выразивших свою открытую враждебность фашизму. Важно участие в конгрессе и крупнейшего французского писателя Бенда, идеалиста по миросозерцанию, но вошедшего в общее политическое русло конгресса.

Так или иначе, конгресс привел к образованию весьма широкого, хотя пока еще некрепкого антифашистского писательского фронта. Это и заставило буржуазную печать, вначале намеревавшуюся замалчивать конгресс, наоборот, выступить со множеством больших статей, сигнализирующих «коммунистическую заразу» в рядах лучших мастеров пера современности. Конечно, успех этот

нуждается во вдумчивом закреплении, потому что даже наиболее близко подошедшие к нам писатели находятся в плену буржуазных иллюзий или подвержены некоторому политическому авантюризму (Мальро). Надо сказать, что в отношении к Советскому Союзу участники конгресса проявили наибольшее единодушие; но и тут есть шатания (отношение к оборонным пактам, дело Виктора Сержа).

Выступление на конгрессе двух троцкистов следует вполне объективно считать провалившимся и успешно отбитым с нашей стороны. (Характерно, что зарубежная печать не сочла эти выступления заслуживающими хотя бы упоминания). Следует, однако, каким-нибудь образом урегулировать вопрос о Викторе Серже, так как отсутствие материалов о нем приводит в затруднение наших сторонников, постоянно атакуемым троцкистами.

Немало затруднений в работе доставило нам двусмысленное поведение Эренбурга. Являясь постоянно живущим в Париже советским писателем, он должен был бы быть защитником наших интересов и влиять на французов в затруднительные моменты. Однако, сросшись морально и связавшись материально с парижскими кругами, Эренбург предпочитает роль нейтрального наблюдателя между французами и советскими, и нашу делегацию пытался несколько раз запугать угрозами ухода с конгресса Жида и Мальро (что не соответствовало действительности). При получении известия о неприезде Горького Эренбург заявил секретариату, что не верит в болезнь Горького и считает неприезд его и Шолохова маневром.

Созданная конгрессом ассоциация может стать оплотом антифашистской деятельности писателей на очень широком фронте, но для этого потребуется постоянная, энергичная вдумчивая работа, особенно советской стороны. Надо будет препятствовать возможному использованию

ассоциации для мелких, а иногда сомнительных политических поводов, стремясь к накоплению сил и авторитета нашей организации.

Для дальнейшей конкретной работы мы предлагаем следующее:

1) Предложить советской делегации в Международной Ассоциации Писателей вести постоянную активную работу в направлении консолидации возможно более широких писательских кругов всех стран для борьбы с фашизмом, войной, защиты культурных ценностей и активной защиты Советского Союза, для чего принимать деятельное ведущее участие в работе президиума, секретариата и бюро ассоциации, а также путем приглашения иностранных писателей в СССР и посещения их стран.

2) Разрешить отпуск 1.200 рублей золотом ежемесячно на покрытие членских взносов советских членов ассоциации.

3) Считать целесообразным ликвидацию находящегося в Москве Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП) и его секций, за исключением тех стран, где они являются самостоятельными жизнеспособными организациями (например, Франция, США).

4) Разрешить приглашение Союзом СП ежегодно 10–12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд.

5) Поручить журнально-газетному объединению регулярный и быстрый выпуск серии иностранной художественной литературы в общедоступном массовом издании по типу прежней «Универсальной библиотечки».

6) Поручить т. Кольцову организацию небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке.

7) Просить ИККИ дать указания «Юманите» занять правильную линию вновь созданной Ассо-

циации и оказать ей всяческую поддержку (во время конгресса позиция «Юманите» доставила нам лишние хлопоты. В частности, неправильная линия газеты в отношении Мальро привела в самый ответственный момент конгресса к отказу Мальро войти в Секретариат. Пришлось затратить значительные усилия, чтобы заставить Мальро снять свой отказ).

Мих. Кольцов
А. Щербаков
21/VII-35 г.[221].

Судя по всему, с письмом Кольцова и Щербакова Сталин ознакомился, когда уже начертал резолюцию на тексте Эренбурга, и антиэренбургсский пассаж в этом письме резолюцию Сталина оставил в силе (на их письме вообще нет никаких резолюций)[222]. Что касается конкретных предложений Кольцова и Щербакова, они были проигнорированы, и в декабре Кольцову пришлось писать о них Сталину снова…

6. Резолюция Сталина действует

Поскольку свой довоенный архив Эренбург уничтожил в Париже при вступлении туда гитлеровских войск, нет никакой информации о том, что и когда ему ответил Бухарин о тексте, переданном Сталину. 9 августа 1935 г. Эренбург написал письмо Кольцову, и в нем отставка Эренбурга из секретариата даже не упоминается.

9 августа <1935 г.>

Дорогой Михаил Ефимович,

Мальро вернулся уже в Париж, на несколько дней приезжал Блок и, воспользовавшись этим, мы устроили собрание секретариата.

[221] Большая цензура. С. 387–389.

[222] Характерно, что оба письма расположены по хронологии поступления в одном «Деле» сталинского архива.

Одобрили устав – посылаю.

Решили обратиться к секциям национальным с письмом. Посылаю.

Касательно списка советских членов международной организации. Достаточно, если мы дадим сто имен, чтобы соблюсти пропорцию.

Решено обратиться к членам президиума и предложить подписать протест против нападения фашистов на болгарскую делегацию[223].

Решено для пополнения средств и пропаганды с октября утроить ряд докладов во французской провинции, в Бельгии и Швейцарии. Решено к 70-летию Ромена Роллана устроить вечер и выпустить книгу, посвященную Ромену Роллану. Необходимы статьи Горького и другие, о сборнике сообщу в сентябре дополнительно.

Все более или менее бодры. Сняли помещение. Денег нет.

Вот, кажется, и все новости.

Жид собирается в середине сентября в Союз. Я еду, примерно, в то же время и, может быть, поеду с ним, чтобы доставить его в сохранности до Белорусского вокзала[224].

По дороге хочу остановиться на день в Праге, чтобы ликвидировать отсутствие чехов, а в Вар-

---

[223] Речь идет о болгарских участниках Парижского конгресса, среди которых был и член Бюро Ассоциации Л. Стоянов.

[224] В «Записках маленькой дамы» секретаря и приятельницы А. Жида Марии ван Риссельберг есть запись 14 октября 1935 г.: «Жид рассказывает, что видел Мальро, который беседовал длительно с Эренбургом по поводу внезапного решения Жида не ехать в Россию. Эренбург отнесся очень серьезно к этому. Он считает, что не надо ссылаться на здоровье, что со всех точек зрения надо поехать – иначе отказ Жида нанесет ущерб и как раз в то время, когда надо укреплять франко-советский союз интеллектуалов; это очень пагубно скажется. Насколько Эренбург говорит в своих интересах, насколько поездка Жида зачтется ему лично? – это трудно выяснить. Жид в большом затруднении. С одной стороны, идея о том, что в СССР его примут за представителя Франции, хотя он будет играть пассивную роль – эта идея укоренила в нем желание отказаться от поездки. "Нет, нет, – я не создан для этой роли..." (*Rysselberghe M. van*. "Les Cahiers de petite Dame" – в книге "Cahiers Andre Gide". V. 5 (1919–1937). Paris, 1975. P. 478–479. Здесь и далее перевод И.И.Эренбург; архив автора). Далее: *Риссельберг М. ван*, с указанием страницы.

шаве – попытаюсь поговорить еще раз с Тувимом и др. о положении. Завтра еду до конца месяца в Бретань. Адрес мой прежний: письма мне будут аккуратно пересылать.

Привет Марии[225].

Ваш И. Эренбург[226].

Как всегда, корректный, деловой, не кляузный тон письма Эренбурга сам по себе не повлиял бы на содержание и тон ответа Москвы Арагону – решающим тут, разумеется, была резолюция Сталина – приказ, не подлежащий обсуждению. Сказалась она, понятно, и на ответе самому Эренбургу. Письмо Арагону, надо полагать, долго обсуждалось, а возможно, и переписывалось, прежде чем 16 августа было направлено адресату. Характерно, что в этот день в Париж отправили *два* письма: одно, сочувственное, но твердое – Арагону (его написал Кольцов), и другое, суховатое, но с гарантиями, – Эренбургу (подписанное Щербаковым).

Москва. 16/8 – 35 г.

Дорогой друг и товарищ Арагон!

Письмо твое получили, за информацию спасибо.

Есть к тебе одна большая и настойчивая просьба – чаще информировать нас и по возможности подробнее.

Пользуясь оказией, считаю необходимым сообщить тебе следующее: я считал бы вредным для дела, если бы Эренбург отошел от работы в организации. Эренбург, крупный советский писатель, сделал немало и принес пользу международному литературному движению. Его деятельность укладывалась в ту линию, какую проводили мы, в том числе и ты, дорогой друг.

---

[225] Имеется в виду Мария Грессхенер (Остен) – немецкая журналистка и писательница, близкая подруга Кольцова; узнав о его аресте, она приехала из Парижа в Москву, надеясь спасти любимого человека; 23 июня 1941 г. была арестована и 16 сентября 1942-го расстреляна.

[226] *Эренбург* Письма. Т. 2. С. 17

Отдельные недочеты или разногласия по второстепенным вопросам – в счет идти не могут. Надо избегать всякой предвзятости в отношении к Эренбургу.

Секретарем организации Эренбурга выдвинула советская делегация, выбран он конгрессом, и надо сделать все для того, чтобы он мог плодотворно работать[227].

Относительно того, что он отказывается от этой работы – предоставь нам урегулировать этот вопрос.

Моя твердая просьба к тебе и ко всем коммунистам – обеспечить нормальные отношения с ним[228].

У нас в СССР – к конгрессу интерес исключительный, провели массу докладов. Однако удовлетворить все запросы не можем. «Правда» усилила освещение вопросов мировой литературы, удачны «литературные портреты», которые она систематически стала печатать.

Книжка твоя «Базельские колокола» пользуется большой любовью у читателя и в прессе получила хорошие отзывы.

Привет Эльзе.

Привет Поль Низану, Муссинаку и Блоку.

Дружески жму твою руку[229].

Письмо Эренбургу Щербакова начиналось выражением недовольства:

Уважаемый Илья Григорьевич!

Прошло более 1 1/2 месяцев со времени окончания конгресса. За это время вновь созданная меж-

---

[227] Эренбург вспоминал, как после завершения конгресса, где они с Кольцовым были избраны в секретариат Ассоциации, Михаил Ефимович сказал ему: «"Поскольку секретариат будет находиться в Париже, работать придется вам". Ласково, но и насмешливо хмыкнув, он добавил: "Ругать будут тоже вас…"» (2,73).

[228] В этой фразе напрямую прочитывается указание Сталина «не дать нашим коммунистам доконать Эренбурга».

[229] Копия – РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 508. Л. 1,2.; впервые: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия. Париж // Минувшее. № 24. СПб., 1998. С. 225–226.

дународная организация к активной деятельности не приступала. Очень прошу не понять это как упрек к кому-либо. Я прекрасно учитываю, что срок 1 1/2 месяца не велик; что после такой напряженной работы, какую проделали Вы и наши французские товарищи – надо отдохнуть. Я допускаю, что может пройти еще несколько недель, прежде чем организация развернет работу. Я думаю, что Вы согласитесь со мной, что с осени организация должна начать жить полноправной жизнью. Весь вопрос, с чего начать и как начать. И вот, памятуя наш с Вами разговор, я прошу Вас…

Это начало, похоже, сочли излишне суровым – его забраковали; окончательный текст послания стал таким:

Москва 16/8 35 г.

Уважаемый Илья Григорьевич!

Памятуя наш с Вами разговор, я прошу Вас, представляющего в вновь созданной организации интересы советской литературы – наметить и прислать свои предложения (по возможности подробнее) о ближайших мероприятиях и о том, что необходимо для осуществления этих мероприятий.

Очень прошу также информировать о внутреннем состоянии организации, о направлениях наших друзей, в частности о том, когда приедут в Москву Жид и Мальро, кто еще собирается приехать и когда.

До меня дошли сведения, что Вы еще раз высказали опасения о возможности Вашей плодотворной работы в организации.

Со своей стороны я должен еще раз повторить то, о чем я Вам уже говорил в Париже, а именно – Ваша работа по подготовке конгресса и во время конгресса была высоко полезна; Ваше активное участие в дальнейшей работе крайне необходимо. Мы сделаем все для того, чтобы обстановка Вашей деятельности была нормальная, об этом я буду писать Арагону. Надеюсь так же, что Вы сделаете все

для того, чтобы обеспечить должную работу организации. Всякое Ваше полезное предложение или мероприятие – найдет с моей стороны поддержку.

У нас гостят Дюртен и Вильдрак. Встретили их очень хорошо. В данное время они выехали в большое путешествие по СССР[230].

Интерес к конгрессу исключительный в самых широких кругах советской интеллигенции и рабочих.

В Москве состоялось несколько собраний с докладами о конгрессе. Запросы из областей и краев таковы, что удовлетворить их полностью невозможно.

Следите ли Вы за дискуссией, которая развернулась вокруг «Не переводя дыхания»? Появилось большое количество статей, в основном оценка романа весьма положительная[231].

Прошу не задержать ответ.

Жму Вашу руку

А. Щербаков.

Прошу передать привет А. Жиду и Мальро[232].

[230] В связи с этим уместно привести фрагмент из воспоминаний Эренбурга: «К попыткам некоторых левых писателей Запада покритиковать хотя бы робко порядки сталинского времени Кольцов относился пренебрежительно, говорил: “X. что-то топорщится, я ему сказал, что у нас переводят его роман, наверно, успокоится” или “Y. меня спрашивал, почему Буденный ополчился на Бабеля, я не стал спорить, просто сказал, чтобы он приехал к нам отдохнуть в Крым. Поживет месяц хорошо – и забудет про “бабизм Бабеля”. Однажды он с усмешкой добавил: “Z. получил гонорар во франках. Вы увидите, он теперь поймет даже то, что мы с вами не понимаем”» (2, 135).

[231] Первые рецензии на повесть Эренбурга «Не переводя дыхания» появились в архангельской прессе (см. корреспонденцию «Комсомольцы Архангельска обсуждают» в «Комсомольской правде» 6 апреля 1935 г.), затем восторженные рецензии пошли валом («Литературный Ленинград» 1 мая; «Вечерняя Москва» 1 июня; «Литературная газета» 20 июня, 4 и 15 августа; «Комсомольская правда» 29 июня; «Правда» 5 июля; «Известия» 8 июля). Статья К. Зелинского в «Правде» называлась «Роман бодрости и оптимизма»; Эренбург относился к этому с внутренней иронией (своему другу О.Г. Савичу он так и надписал книгу: «Саве “роман бодрости и оптимизма” 24 XII 36»).

[232] Минувшее. СПб., 1998. № 24. С. 226–227.

Однако Эренбург на это письмо не ответил. Собираясь в Москву, он предпочел обсудить всё при личной встрече со Щербаковым.

7. Вокруг Ильи Эренбурга

(Фрагмент общей хроники)

Утром 2 ноября 1935 г. Эренбург приехал в Москву; сотрудник «Вечерней Москвы» встретил его поезд в Можайске и по дороге записал рассказ писателя: «Незадолго до моего отъезда я встретился с Андре Жидом, собравшимся приехать на октябрьские торжества в Москву. Однако болезнь не дала возможности писателю осуществить такое желание. Андре Жид передал мне обращение к молодежи Советского Союза и послал также свою последнюю книгу “Новая пища”[233]. В Москву я еду на месяц. В начале декабря должен возвратиться в Париж. Мое большое желание встретиться с читателями, которые помогают мне писать мои произведения»[234].

На 1935 г. приходится пик политического оптимизма Ильи Эренбурга. Впрочем, это ощущал не он один. «Чем дальше, тем больше, несмотря на все, полон я веры во все, что у нас делается. Многое поражает дикостью, а нет-нет удивишься. Все-таки при расейских ресурсах, в первооснове оставшихся без перемен, никогда не смотрели так далеко, и достойно, и из таких живых, некосных оснований. Временами, и притом труднейшими, очень всё глядит тонко и умно», – писал близкому человеку Борис Пастернак в том же 1935 г.[235]

В том же 1935-м в Москве напечатали одну из самых слабых книг Эренбурга («Не переводя дыхания»); у советских критиков она пользовалась огромным успехом; правду о ней сказал один только М. Осоргин в «Парижских новостях»[236].

В ноябре у Эренбурга в Москве действительно было много встреч с восторженными читателями, он был попросту нарас-

---

[233] Послание А. Жида и отрывок из «Новой пищи», переведенные Эренбургом, появились в «Известиях» 7 ноября 1935 г.

[234] Вечерняя Москва. 1935. 2 нояб.

[235] *Пастернак Б.* Т. 5. С. 356.

[236] См. главу «Илья Эренбург и Николай Бухарин».

хват. Случались и события экстраординарные, нарушавшие обычный ход жизни. Одним из них стала публикация «Известиями» статьи Эренбурга «Письмо Дусе Виноградовой»[237]. По поводу этой статьи Эренбургу пришлось в письме объясняться со Сталиным. Обращаясь к нему с письмом 28 ноября 1935 г., Эренбург посчитал невозможным, хотя бы вкратце не коснуться темы Парижского конгресса и работы Международной антифашистской ассоциации писателей. Написав в связи со своим участием в московских диспутах: «Я думал, что вне творческих дискуссий нет в искусстве движения», он продолжал:

> То же самое я могу сказать о критике отдельных выступлений нашей делегации на парижском писательском конгрессе, о критике, которую я позволил себе в беседах с тесным кругом более или менее ответственных товарищей. Разумеется, я никогда бы не допустил подобной критики на собрании или в печати. Я яростно защищал всю линию нашей делегации на Западе – на собраниях и в печати. Если я позволил себе в отмеченных беседах критику (вернее самокритику – я ведь входил в состав нашей делегации), то только потому, что вижу ежедневно все трудности нашей работы на Западе. Многое пришлось выправлять уже в дни конгресса, и здесь я действовал в контакте и часто по прямым советам т. Потемкина[238]. Мне дорог престиж нашего государства среди интеллигенции Запада, и я хочу одного: поднять его еще выше и при следующем выступлении на международной арене избежать многих ошибок, может быть, и не столь больших, но досадных. Опять-таки скажу, что, может быть, и здесь я ошибаюсь, что, может быть, я вовсе не пригоден для этой работы. Если я работал над созывом конгресса, если теперь я продолжаю работать над организацией писателей, то только потому, что в свое время мне предложил делать это Цека партии[239].

[237] Подробнее об этом см. в главе «Илья Эренбург и Николай Бухарин».
[238] В.П. Потемкин – полпред СССР во Франции.
[239] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 184.

Что касается дел Международной Ассоциации писателей, то обсуждать их Эренбург намеревался со Щербаковым, повидать которого в Москве не удалось, пришлось ограничится беседами с заместителем Щербакова Ангаровым и с Кольцовым.

Кольцов смог оценить тревожность парижской ситуации. В начале декабря 1935 г. он обратился по этому вопросу лично к Сталину, фактически напоминая ему свои и Щербакова июльские предложения:

Тов. Сталин!

Я просил бы Вас принять меня, по возможности срочно, хоть на четверть часа, по международным писательским делам.

Международная Ассоциация Писателей, созданная по Вашему указанию на Парижском конгрессе защиты культуры, находится в очень трудном положении, ей угрожает тихий развал – после громкого успеха Парижского конгресса. Причины – пассивность руководства и полное отсутствие средств – в том числе и тех, которые мы как советские делегаты обещали в качестве своего взноса.

Для книги «День мира», составляемой по инициативе Горького как первое общее начинание советских писателей с иностранцами – поступило немало рукописей, но нет средств оплатить авторам хотя бы скромный гонорар, на который они рассчитывают. Они не протестуют (пока), но, мне кажется, неудобно сейчас для редакции, возглавляемой Горьким, ничего не платить авторам.

Если Вы никак не смогли бы сейчас принять меня – просил бы провести решение, которое я прилагаю.

Ваш Мих. Кольцов[240].

---

[240] Большая цензура. С. 407; письмо Кольцова написано *ранее* 10 декабря, когда по нему уже было принято решение Политбюро, в книге оно датируется неверно.

К письму был приложен следующий проект решения «О Международной ассоциации писателей», практически представлявший Кольцову (так как упомянутый в проекте Горький был фигурой номинальной) со стороны советской делегации всю полноту инициатив в секретариате.

1. Предложить руководству советской делегации в Международной ассоциации писателей (тт. А.М. Горький, М. Кольцов) вести постоянную активную работу по консолидации широких писательских кругов всех стран для борьбы с фашизмом, войной, защиты культурных ценностей и активной защиты Советского Союза, для чего принимать деятельное ведущее участие в работе президиума, секретариата и бюро ассоциации, а также путем приглашения иностранных писателей в СССР и посещения их стран.

2. Считать целесообразным ликвидацию находящегося в Москве Международного Объединения Революционных писателей (МОРП) и его секций, за исключением тех стран, где они являются самостоятельными жизнеспособными организациями (Франция, США).

3. Разрешить приглашение Союзом СП ежегодно 10–12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд.

4. Поручить Журнально-газетному объединению регулярный и быстрый выпуск на русском языке новинок иностранной художественной литературы в общедоступном массовом издании, по типу прежней «Универсальной библиотечки».

5. Поручить Жургазу (т. Кольцов) организацию небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке.

6. Разрешить отпуск 1500 р. золотом ежемесячно на покрытие членских взносов советских членов ассоциации.

> 7. Отпустить 4000 руб. золотом на оплату гонорара иностранным авторам по сборнику «День мира», выпускаемому по инициативе М.Горького при участии членов международной Ассоциации писателей[241].

Неизвестно, принял ли Сталин Кольцова[242], но 10 декабря 1935 г. с подачи Сталина на основе проекта Кольцова Политбюро (опросом) единогласно приняло резолюцию, состоявшую из четырех пунктов – первый, шестой и седьмой пункты проекта Кольцова проигнорировали[243]. Таким образом, вопрос о деньгах для Ассоциации так и остался нерешенным...

Дальше приведу краткую хронику событий, связанных с Ассоциацией писателей на основе переписки Эренбурга[244].

В середине декабря Эренбург отправился в Чехословакию по делам Ассоциации. В двух его письмах – отчет о проделанной там работе.

Эренбург – Кольцову; 25 декабря 1935 г.

> Только что вернулся в Париж, и сразу сообщаю Вам о результатах поездки. В Чехословакии удалось все наладить. Чапек согласился войти в президиум организации. Гора – секретарь. В Словакии войдет весь союз писателей. В Польше тоже удалось кое-что сделать. Левые писатели готовят конференцию[245]. Они опубликовали о своем присоединении к Парижской конференции.
>
> Удастся присоединить бывших левых пилсудчиков, во всяком случае Витлина[246]. Здесь в Пари-

[241] Большая цензура. С. 407–408.

[242] Опубликованный в книге «Власть и художественная интеллигенция...» список «Деятели литературы и искусства у И.В.Сталина. 1925–1949» упоминает прием Кольцова лишь в 1928 г.; то есть все последующие приемы Кольцова по политическим вопросам в нем отсутствуют.

[243] Власть и художественная интеллигенция. С. 279.

[244] См.: *Эренбург.* Письма. Т. 2.

[245] Она состоялась во Львове в мае 1936 г.

[246] Политическая репутация «пилсудчиков» (то есть политических сторонников маршала Польши Ю. Пилсудского, установившего в Польше фактическую диктатуру) была у литераторов из группы «Скамандр» (Ю. Тувим, А. Слонимский, Я. Лехонь, Я. Ивашкевич), но поэт И. Витлин к ней не принадлежал.

же все обстоит плохо. Денег у них нет и организация прозябает. Все разговоры о том, что надо сделать то или это, разбиваются о материальные препятствия. С другой стороны, по-прежнему никто всем этим не занимается. Повторяю: если не предпринять в самое ближайшее время энергичных шагов, все это предприятие пойдет насмарку, но и тогда для нас пристойней сказать об этом нашим ближайшим друзьям <...>[247].

Эренбург – Щербакову; 23 января 1936 г.

Очень жалею, что нам не удалось повидаться с Вами и поговорить про все заграничные дела. Будучи в Москве, я говорил с тт. Ангаровым и Кольцовым. Вероятно, они передали Вам все наиболее существенное.

Во Франции дела обстоят плохо. После приезда я настоял на оживлении работы писательской организации. Устраиваем 31 большое чествование Ромена Роллана. Занят этим главным образом Блок. Он говорит, что расклеился и болен, больше работать не может, выступал 50 раз и пр. <...> Мне удалось кое-что сделать в Польше и довольно много в Чехословакии. Там Чапек согласился войти в президиум, а союз писателей с секретарем Горой войти целиком в организацию. То же самое и в Словакии.

Однако это не приведет ни к чему, если не будет налажена работа в парижском центральном секретариате, а без денег и без людей это невозможно.

Я только что читал ряд лекций в Гренобле о роли писателя в СССР. Убедился, во-первых, в огромном интересе франц. интеллигенции в провинции к нам, во-вторых, в отвратительной работе местно-

[247] В тот же день Эренбург сообщал В.А. Мильман: «Я пишу М.Е. <Кольцову> о всех делах, связанных с организацией писателей. Позвоните Ангарову и скажите, что 25-го диппочтой я сообщаю о делах М.Е. Если он хочет, чтобы я сообщил непосредственно ему, пусть сообщит мне об этом» (*Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 188).

Заказ № 2076

го филиала МОРПа. Хорошо работает только «Комите де вижиланс»[248], как и повсюду в провинции.

Пришла телеграмма, что Леонов не приедет[249]. Это очень обидно, так как мы хотели придать чествованию Р.Р<оллана> большой размах. Примерно все. <…> Вам я пишу в первый раз, но Кольцову писал уже дважды, также Ангарову. Ответа не получил. При таком отношении моя роль становится окончательно невразумительной: с одной стороны, французы меня ругают, так как я в организации представляю советских писателей, с другой, я методично и бесплодно информирую различных товарищей. То и другое мне изрядно надоело. Надеюсь, что на это письмо получу ответ…..

В архиве Щербакова копия его ответа Эренбургу не сохранилась.

Эренбург – Кольцову; 26 февраля 1936 г.

Письмо Ваше получил. А. М<альро> наконец-то решил вопрос о поездке, едет 28-го через Вену. Денег А<ссоциация> П<исателей> не получила. Поясните это дело: народ ропщет.

Как Вы знаете, вечер Роллана прошел очень удачно. Удалось расплатиться с частью долгов. На 10 марта назначен большой диспут о социалистическом реализме. А. М<альро> должен быть к этому сроку здесь, не то получится скандал. Жид в Сенегале потом едет в Москву. Вот все новости.

---

[248] Комитет Бдительности (*фр.*). Имеется в виду Комитет бдительности и антифашистского действия, основанный в 1934 г. этнографом П. Риве, физиком П. Ланжевеном и философом Аленом.

[249] Речь идет об участии прозаика Л.М. Леонова в вечере, посвященном 70-летию Р. Роллана. Сохранилось три телеграммы Кольцова Эренбургу на сей счет: 17 января 1936 г. – «Приедет вероятно Леонов Привет Кольцов»; 23 января – «Как выяснилось никто из писателей приехать двадцать девятого не может Кольцов»; 27 января – «Надеюсь Леонов успеет приехать Празднование Роллана очень желательно провести под маркой ассоциации Остальное пишу Привет Кольцов». (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1701. Л. 1–4).

Эренбург – Щербакову; 26 февраля 1936 г.

...Мальро едет через два-три дня. Я не отвечал Вам – ждал его окончательного решения. Вы знаете его характер и норов, поэтому легко сможете смягчить те трения, которые всегда могут возникнуть между ним и кем-то третьим[250]. Он только что приехал из Гренобля, где делал доклад об СССР в пользу кассы забастовщиков-шахтеров. <...> Жид теперь в Сенегале. Собирается в Москву в конце марта. Ассоциация прекрасно провела вечер о Роллане. <...> Денег в Ассоц<иации> нет. На выручку с вечера Роллана расплатились с частью долгов. Обо всем остальном Вам расскажет Мальро <...> Когда я был в Москве я говорил с т. Ангаровым касательно моих очерков о парижском конгрессе[251]. На столе т. Ангарова лежала выписка из одной моей телеграммы, касающаяся Пастернака. Т. Ангаров сказал мне, что он проверял, правильно ли утверждение, будто я говорю, что совесть поэта только у Пастернака. <...>. Это либо злостное искажение, либо недоразумение. Вы были на конгрессе и знаете, что я никакими словами ни Пастернака, ни других писателей не «приветствовал». Тон статьи в «Комсомолке»[252], которая дана как редакционная, заставляет меня задуматься над словами т. Ангарова и над отношением ко мне руководящих литературной политикой товарищей. Если она совпадает с «К<омсомольской> П<равдой>», то я с величайшей охотой буду впредь воздерживаться от каких-либо литературно-общественных выступлений и в Союзе, и на Западе. Очень прошу Вас ответить мне на этот вопрос <...>.

---

[250] Наверное, намек на Кольцова.

[251] Печатались в 1935 г. в «Известиях», полностью -- «Литературный критик». 1935. № 8.

[252] «Откровенный разговор (о творчестве Б. Пастернака)» (Комсомольская правда. 1936. 23 февр.); в этой статье утверждалось., что «Илья Эренбург в Париже приветствовал Пастернака как поэта, который доказал, что высокое мастерство и высокая честь отнюдь не враги», и этот «комплимент» был назван сомнительным.

Ответ последовал не сразу, в архиве Щербакова сохранилась копия лишь его начала; дошло до Эренбурга оно не скоро (еще 5 апреля он писал Щербакову, что тот не ответил на последнее письмо); однако и сохранившееся начало письма – информативно:

Щербаков – Эренбургу; 23 марта 1936 г.

Я на 12 дней выбыл из строя (болел), поэтому отвечаю на Ваше письмо с опозданием, за что прошу извинения.<…> Вы зря ставите так вопрос: «с величайшей охотой буду впредь воздерживаться от каких-либо литературно-общественных выступлений и в Союзе, и на Западе».

Известно, что Ваши литературно-общественные выступления никем не навязаны, что они являются результатом внутреннего Вашего убеждения. Почему же отказываться от выступлений, которые продиктованы внутренним убеждением.

Вообще метод «отставки», как Вы знаете, сочувствия обычно не встречает.

Что касается главного – отношения к Вам, я могу только повторить то, о чем я Вам неоднократно писал и говорил.

Вы имеете свою оценку творчества Пастернака, с которой иные могут соглашаться или не соглашаться. Разрешите этим людям о несогласии с Вами писать и говорить. Делать же отсюда какие-либо выводы об отношении к Вам товарищей – не основательно.

В Москве у писателей началась дискуссия о статьях «Правды»[253]. Первые собрания прошли плохо, уровень обсуждений не высокий, думаю, на следующих собраниях выправим.

---

[253] В январе—марте 1936 г. «Правда» напечатала серию погромных статей о «формализме» в советском искусстве: редакционные статьи «Сумбур вместо музыки (об опере "леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича)» – 28 января; «О художниках-пачкунах» – 1 марта; статью В. Кеменова «Формалистические кривлянья в живописи» – 6 марта; после этого на собраниях в различных творческих союзах были произнесены разгромные доклады Ставского, Кирпотина, Алабяна, Керженцева.

Мальро Вам, вероятно, расскажет о его пребывании в СССР. Я его видел на другой день приезда, вторично видеть не удалось, т.к. я заболел и только сегодня приступил к работе[254].

Эренбург – Кольцову; 5 апреля 1936 г.

Немцы ропщут, что им оказывают мало внимания. 10 мая проектируется митинг – годовщина аутодафе[255] – с французами, Томасом Манном и, возможно, Ренном.

Геенно продолжает метаться. Я его уговариваю съездить к нам летом, это, бесспорно, на него хорошо подействует. Он сейчас значительная фигура. Шамсон слегка «подозрителен» по крайнему пацифизму. Журнал «Европа» очищен от троцкистов[256]. Теперь его редактировать будет Кассу.

Предполагаем в мае устроить в Париже большой писательский митинг. «Народный фронт» – французы и испанцы. Я вернусь из Испании 20-го и тогда напишу Вам об испанских делах.

Напишите, чью поездку в Союз Вы считаете желательной. Жид возвращается из Сенегала 10 апреля. Наша дискуссия здесь слегка помешала работе. Люрса и др. очень волновались. Хорошо будет, если в «Журналь де Моску» в дипломатичной форме будет дано объяснение, эквивалентное Вашей статье, но рассчитанное на иностранцев.

Эренбург – Щербакову; 9 мая 1936 г.

...Ваше письмо обидно для меня, и я не знаю, чем заслужил подобные упреки.

---

[254] Почта Эренбурга. С. 67–68.

[255] Имеется в виду публичное сожжение «неарийских» книг в Берлине (в том числе всех книг советских авторов) вечером 10 мая 1933 г.

[256] В 1935 г. редактируемый Ж. Геенно журнал «Europe» печатал сочинения В. Сержа и П. Истрати; в № 160 (15 апреля 1936 г.) журнала было объявлено, что вместо главного редактора Ж. Геенно журналом будет руководить Совет из 12 литераторов, близких к ФКП.

Я Вам писал, что, не пользуясь доверием Союза Писателей и руководящих органов нашей литературной политики, я не могу работать в секретариате ассоциации, где я должен «представлять» нашу литературу. Вы мне пишете, что мои общественные выступления продиктованы моими чувствами, а не делаются по принуждению. Вы правы, поскольку речь идет о моих книгах, статьях, докладах и пр. Я не об этом Вас спрашивал. Ясно, что я не перестану, скажем, разоблачать литературных фашистов оттого, что меня упрекают товарищи в пристрастии к Пастернаку и пр. Я не об этом говорил, я говорил о точной общественной работе: секретариат ассоциации. Эту работу я могу выполнять успешно только, если мне С<оюз> П<исателей> и руководящие товарищи доверяют. Я метод отставок не одобряю, как Вы. Но я считаю, что каждая работа должна быть выполнена хорошо и разумно. Поэтому я считаю, что в секретариате нашу литературу должен представлять человек, который пользуется доверием товарищей.

Насчет Пастернака Вы меня снова не так поняли. Конечно, каждый волен ценить или не ценить Пастернака. Дело не в этом. Я настаиваю на одном: поскольку я выполняю общественные поручения, я оставляю в стороне вопрос о моих личных вкусах. Дело не в том, что мне нравится Пастернак, дело в том, что на конгрессе в Париже Пастернак был полезен и полезнее некоторых других. Это справка не о моих вкусах, но о вкусах и настроениях западных писателей. Меня могут ругать сколько угодно, как писателя или критика. Но мне нельзя приписывать неверных общественных поступков. Я не говорил, например, на парижском конгрессе того, что мне приписывали товарищи с цитатой о «совести поэта» и т.д.

Вот все, что я должен ответить на Ваше письмо.

В Испании все молодые писатели с нами. Мне удалось привлечь частично даже Рамона Гомеса де ла Серну[257]. Стариков пробовал, но безрезультатно, как напр<имер> Пио Бароху[258]. Альберти[259] работает хорошо. Скоро устраиваем собрание в Мадриде с Мальро и др. Когда будет пленум <Бюро Ассоциации писателей>, неизвестно. Будет он или в Лондоне, или в Праге – точно тоже неизвестно. Андре Жид 15 июня едет в Москву, сказал, что теперь – твердо. Вот наиболее существенные новости. Напишите, что Вас интересует и что надо сделать.

Эренбург – Кольцову; 9 мая 1936 г.

Пленум – не ранее 15 июня. В Лондоне или Париже. Как только выяснится дата, сообщу по телефону: «Премьера фильма». ...Мальро много работает, выступал на предвыборном собрании[260] и т.д. В Испании писатели здорово митингуют.

8. Пленум в Лондоне

Здесь мы сделаем в эренбурговской хронике перерыв. Письмо, которое сейчас приведем, не датировано, написано оно, видимо, в конце мая – начале июня 1936 г. Его адресовали А. Щербаков и М. Кольцов своему верховному начальству, как только вопрос о пленуме Бюро Ассоциации писателей для защиты культуры утрясся:

---

[257] С прозаиком и публицистом Р. Гомес де ла Серной Эренбург познакомился в Париже еще до своих поездок в Испанию.

[258] Испанский романист Пио Бароха отнесся отрицательно к революции 1931 г. и тем более к победе Народного фронта, однако он не поддерживал публично и режим Франко.

[259] С поэтом Р. Альберти Эренбург поддерживал дружеские отношения до конца дней; в 1954 г. Альберти написал стихотворение «Илье Эренбургу в Буэнос-Айресе».

[260] Речь идет о втором туре парламентских выборов во Франции.

Секретарю ЦК ВКП(б) – тов. Сталину И.В.
тов. Андрееву А.А.
тов. Ежову Н.И.

Руководство «Международной ассоциации Писателей для защиты культуры» намерено созвать 20 июня с.г. в Лондоне пленум своего бюро. Повестка следующая:

1. Выработка декларации – платформы о культурном наследстве и освоение его пролетариатом, в противовес реакционным теориям фашизма о культуре.

2. Выработка и утверждение плана Международной Энциклопедии культуры, в которой будут собраны новые идеи во всех отраслях науки.

3. Выработка рекомендательного списка для издательств всех стран лучших антифашистских книг.

4. Создание международного центра обмена информации (факты культурного строительства и факты преследования культуры в фашистских странах).

Организационные вопросы

5. В пленуме будут участвовать 7–8 человек высоко-квалифицированных писателей и критиков. Заседания будут носить строго деловой характер. Решения пленума должны быть переданы на широкое обсуждение литературной и научной интеллигенции всех стран для подготовки в следующем году 2-го всемирного конгресса защиты культуры.

Учитывая характер пленума, место его созыва и обстановку – необходимо послать на пленум численно малую делегацию высоко-квалифицированную писателей и критиков, могущих с весом выступить по теоретическим вопросам повестки и произвести хорошее впечатление в среде английской интеллигенции. Важно знание английского языка, хотя бы частью делегатов.

Поэтому делегацию предлагаем в следующем составе:

a) От Союза писателей:
1. М. Горький
2. А. Щербаков
3. М. Кольцов
4. М. Шолохов
5. К. Чуковский
6. А. Афиногенов
7. Сейфулин (Казахстан)
b) по вопросам энциклопедии:
8. Л. Мехлис (социально-политический раздел)
9. И. Луппол (философия и история искусств)

Работа «Международной ассоциации писателей для защиты культуры» принимает все более активный характер. Сколачивается широкий писательский фронт против фашизма и в защиту Советского Союза, который признается антифашистскими писателями основным оплотом мировой культуры и гуманизма.

В апреле к ассоциации примкнули американские лево-буржуазные писательские объединения.

В середине мая состоялся в Львове антифашистский съезд польских писателей, имевший большое политическое значение[261]. Сейчас происходит аналогичный съезд в Словакии.

На работу руководства ассоциации очень благотворно повлияла поездка Андрэ Мальро в СССР и его беседы с т.т. Андреевым, Горьким, Косаревым. Мальро уехал с большой зарядкой. В конце июня в Москву едет Андрэ Жид, осенью – Фейхтвангер и Томас Манн.

А. Щербаков,
М. Кольцов.

[261] Любопытно, что об этом «имеющем большое политическое значение» съезде «Литературная газета» не напечатала ни строчки; лишь 20 мая было опубликовано письмо Ромена Роллана польским интеллигентам, посмевшим выступить против антисемитизма в Польше, да еще через год в большой статье М. Аплетина «Между двумя съездами» (Литературная газета. 1937. 10 июля) упоминался антифашистский съезд польских писателей во Львове 16–17 мая 1936 г., которым руководила будущая советская писательница Ванда Василевская.

Машинописную копию этого письма я обнаружил в личном архиве В.М. Молотова[262]. К ней приложена карандашная записка: «т. Молотову: Как твое мнение по этому делу. Кого послать на пленум в Лондон? Андреев»[263]. Ни копии ответа Молотова товарищу по Политбюро, ни каких-либо иных, относящихся к этому сюжету, бумаг в фонде Молотова не имеется, так что какие советы он дал А.А. Андрееву – неизвестно. Правда, на письме имеется помета красным карандашом: «Денег 65.000 руб. в валюте и 10.000 сов. рублей» – возможно, председатель Совнаркома Молотов отметил утвержденные Политбюро суммарные советские затраты на предстоящий лондонский пленум..

Не имея иной информации из ЦК ВКП(б) по части этого пленума, продолжим эренбурговскую хронику. Напомним, что в приведенном письме имя Эренбурга, как человека, практически не говорившего по-английски и не имевшего сколько-нибудь заметных корней в Англии, не упоминается (похоже, что из перечисленных в письме девяти кандидатур лишь К. Чуковский и А. Афиногенов говорили по-английски, может быть, еще Кольцов и Луппол – не знаю точно).

Эренбург – Кольцову; 9 июня 1936 г.

Я был в Тр<епчанске> Теплицах на съезде словацких писателей. Съезд прошел хорошо, дискуссии были интересные. Присутствовали представители всех политических направлений, включая крайне-правые. Резолюция была принята единогласно.

Единогласно постановили вступить в Международную ассоциацию защиты культуры и приветствовать союз <советских> писателей. Когда были зачитаны две телеграммы, один из правых писателей предложил послать третью, «чуть уравновесить политический эффект». Его спросили: «Куда?», он не смог ответить. Тогда конгресс разразился хохотом и дальнейших прений не

[262] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1016. Л. 12–13.
[263] *Там же.* Л. 11.

было. Все, о чем Вы мне писали в Прагу, улажено.

Я не знаю, должен ли я ехать в Лондон. Если это необходимо, сообщите. Пока не предпринимаю в этом отношении никаких шагов.

До начала лондонского пленума оставалось 10 дней; Щербаков и Кольцов отправлять Эренбурга в Лондон не рекомендовали. Но 18 июня в Москве умер Горький, а сроки лондонского пленума, который должен был открыться на следующий день, перенести на более позднее время западные члены бюро Ассоциации, естественно, не пожелали. В итоге СССР в Лондоне представлял один Эренбург, приехавший туда из Парижа. Пленум продлился до 22 июня. 26 июня 1936 г. «Литературная газета», назвавшая Пленум Бюро Пленумом Секретариата[264], дала о нем пространную информацию.

Сначала были изложены высказывания участников Пленума о великом пролетарском писателе, скончавшемся накануне Пленума. Затем высказаны возмущения пренебрежительным тоном Герберта Уэллса, в котором он говорил о писателях Чехословакии. Далее перечислялись выступавшие на Пленуме Мальро, Эренбург, Ж. Бенда, Б. Брехт, английская писательница Вест, чешская писательница Праспилова, а также упоминалось, что говорили также представители Шотландии, Испании, Индии, Ирландии и Португалии. Сообщалось, что пленум принял резолюцию об ускорении работы по изданию Энциклопедии и о создании международного комитета по координации работы национальных секций. Принято так же предложение т. Эренбурга о создании международного жюри, которое ежегодно будет отбирать двенадцать лучших произведений антифашистских писателей. В заключении сообщалось: Пленум постановил созвать следующий международный съезд писателей в феврале 1937 г. в Мадриде.

В тот же день вернувшийся из Лондона в Париж Эренбург отправил в Москву Кольцову подробное письмо-отчет:

---

[264] Так как в Бюро от СССР входило двенадцать человек, а в Секретариат – только два, причем на пленуме Бюро присутствовал от СССР один Эренбург.

Эренбург – Кольцову; 26 июня 1936 г.

Только что приехал из Лондона и в дополнение к предыдущему письму хочу написать Вам следующее:

Пленум был на месте отвратительно приготовлен. Эллис думала об одном: о приеме у нее с фраками и пр. Собственно, для этого приема было сделано все – т.е. поэтому «английская секция» и протестовала против того, чтобы отложить пленум. У нас в Англии нет базы. Я разговаривал с товарищами из полпредства. Они советовали опереться на Честертоншу[265] (та, что была в Москве), но не думаю, чтобы это было исходом. Хекслей (т.е. Хаксли. – *Б.Ф.)* и Форстер не хотят ничего делать, имя дают, но не больше. Это объясняется политическим положением в Англии, и здесь ничего не поделаешь. С другой стороны – они чистоплюи, т.е. отказываются состоять в организации, если в нее войдут журналисты или писатели нечистые, т.е. те, у которых дурной стиль и высокие тиражи. Мне очень трудно было наладить что-либо в Англии, т.к. я из всех стран Европы наименее известен в Англии и т.к. я не знаю английского языка. Все же я со многими людьми беседовал и пришел к выводу, что, в отличие от других стран, в Англии нам надо опереться исключительно на литературную молодежь и на полу-писателей, полу-журналистов.

Все надо начинать сызнова. Выступление Уэллса[266] провело демаркационную линию и дало возможность объединить всех, которые действительно хотят с нами работать.

---

[265] Вдова писателя Гилберта Честертона, скончавшегося 14 июня 1936 г.

[266] Впоследствии Эренбург вспоминал о лондонском пленуме: «Неожиданно на наше собрание пришел Герберт Уэллс <...> и тотчас вылил на нас ушат холодной воды: трезво разъяснил, что мы не Дидро и не Вольтеры, что у нас нет денег и что мы вообще живем утопиями <... >. Конечно, в своем скептицизме он был прав...» (2,74).

Ребекку Вест в итоге мы усмирили, причем я даже наговорил ей публично комплиментов, но полагаться на нее не следует.

Выходка Уэллса была строго обдуманной и по-моему она связана с вопросом о Пэн-клубе.

Я вышлю Вам через два дня обыкновенной почтой то, что называется «отчетами». Это безграмотные стенограммы английских речей и короткие искажающие резюме французских. Например, от моей – остались объедки. Речь Уэллса сознательно смягчена. Стенографисток выставила Эллис.

Мы решили пленума осенью не созывать. Писатели не любят выступать без публики. Поэтому из французов не приехали ни Шамсон, ни Кассу, ни Низан (обещали, но не приехали). Съезд назначили, согласно Вашим пожеланиям, в феврале. Надеюсь, против Мадрида возражений не будет. Там мы будем в дружеской обстановке.

Касательно отдельных стран. Очень хорошо все с испанцами. Я с ними наметил такую программу. В конце октября они устраивают конференцию испанских писателей «для подготовки к съезду». Из теоретических проблем – вопрос о роли писателя в революции и проблема национальных культур (каталонская и пр.). Мы их объединяем с португальцами, кстати.

Из практических – создание государственного издательства, связь с рабочими клубами, организация домов отдыха для писателей, библиотеки и пр.

Хорошо все с чехами. Там, наконец, создана настоящая организация.

Ничего серьезного нет в Скандинавии (за исключением Исландии). Как прежде, разрыв между левобуржуазными и пролетарскими писателями.

Бенда сильно полевел. Мальро нервничал из-за неудачи с Уэллсом, но в конце отошел. Хорошо выступали Реглер и Толлер. Предложение о библиотеке Ассоциации очень понравилось всем. Этим мы привлечем к себе малые народы. В энциклопедию я лично не очень-то верю.

Итак, в Лондоне в мае 1936-го было принято решение провести Второй писательский антифашистский конгресс в Испании. Однако в июле 1936 г. в Испании вспыхнул фашистский мятеж и следом началась гражданская война. Кольцов, Мальро и Эренбург стали ее активными участниками. Произошли перемены и в партийной карьере Щербакова, и больше он не занимался делами литературными. Летопись дел, связанных с Ассоциацией писателей, перестала пополняться...

9. Вокруг Андре Мальро

(*Фрагмент общей хроники*)

Ромен Роллан – М. Горькому; 28 декабря 1934 г.

> Наиболее блестящими (похожими на блеск стали) данными духовного вождя обладает Мальро: у него, пожалуй не только самый мужественный талант, но и больше всего опыта отважной борьбы! Я опасаюсь только вспышек его лихорадочного темперамента *«конквистадора»*[267].

Еще в мае 1935 г.а Ромен Роллан после встречи с Ж.Р. Блоком записал в дневнике: «Получается, что советская философская и художественная доктрина вовсе не притягательна для французских – просоветских – писателей. Мальро как будто был на этот счет достаточно резок в Москве. Но похоже, что вернувшись в Париж, он хочет показаться более просоветским, чем был там. Мотивация – в самолюбии и в условиях борьбы. <Ж.Р.> Блок, восхищаясь им, зовет его Кондотьером. У Мальро остались горестные воспоминания о жестоких испытаниях, которым он подвергся в Индокитае.... Тогда он, кажется, жаждал любой ценой богатства, теперь – власти. А поскольку Мальро интеллигентен, остроумен, проницателен, он выбрал тот лагерь, которому принадлежит будущее. Блок, ценя в Мальро скорее интеллигента высшего класса, чем писателя, говорит, что лицо его прекрасно, как лицо падшего ангела...»[268]

---

[267] *М. Горький и Р. Роллан.* Переписка (1916–1936). М., 1996. С. 301.

[268] Неизвестные страницы дневника Роллана (май 1935) // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С. 275.

Эренбург – Щербакову; 23 января 1936 г.

...Хотели также устроить публичную дискуссию о социалистическом реализме, так как эта тема очень интересует французов. Всё парализуется отсутствием средств. Членских взносов от нас ждут уже 5 месяцев. Все очень раздражены их отсутствием. Помещение организации не оплачено, секретарь ничего не получает и т.д. Потом сильно мешает параллельный характер работы местной организации МОРПа т.н. AEAR[269], или вернее «Дом культуры». Во главе стоит Арагон. Нелады у него по-прежнему с Мальро. Итак, для успешной работы необходимо: прислать тотчас же хоть небольшую сумму, установить единство организации, «объединить» Мальро с Арагоном, для чего надо Мальро указать на ответственность, доверье и пр., а Арагона попросить войти в единую организацию и отказаться от к<аких>-л<ибо> острых линий в тактике. Мальро не знает до сих пор, сможет ли он теперь выехать в Москву ввиду трудного положения в и<здательст>ве, где он служит. Он сможет выехать либо через неделю, либо не ранее <чем> через два месяца. В первом случае Вы вскоре его увидите и сможете с ним договориться обо всем. Во втором надо найти форму, в которой может быть сейчас все проделано без его поездки в Москву.

Эренбург – Щербакову; 26 февраля 1936 г.

На 10 марта назначен большой диспут о соцреализме – защитники и противники. Присмотрите, чтобы Мальро не задержали несколько лишних дней, так как его присутствие необходимо: защитники могут быть не очень сильны, а противники

---

[269] См. *примеч.* 16 наст. главы.

достаточно коварны. Отсутствие Мальро будет истолковано как то, что он против соцреализма[270].

Щербаков – Эренбургу; 23 марта 1936 г.

Первый вопрос, какой мне задал в Москве Мальро, был такой: «Я прошу от своего имени и от имени А. Жида объяснить мне – какие крупные разногласия разделяют советских писателей и Эренбурга».

На этот вопрос я ответил: «“разногласий”, которые бы разделяли *советских* писателей и Эренбурга – нет, ибо Эренбург сам *советский* писатель. Речь может идти о творческих разногласиях у ряда советских писателей с писателем Эренбургом. Эти разногласия были и есть, происходят они в рамках советской литературы». Так ответил я Мальро.

Признаться я не понял сначала вопроса Мальро. Стал он мне понятен через несколько дней, когда я получил Ваше письмо.

Эренбург – Щербакову; 9 мая 1936 г.

Ваше письмо пришло, когда я был в Испании, и я не мог сразу на него ответить. Оно меня чрезвычайно удивило и огорчило. Я не знаю, что Вам говорил Мальро. Не думаю, что он мог сказать, что я перед ним или Жидом высказывал свои разногласия с советскими писателями. Я знаю Мальро, как честного человека, а не как лжеца. Очевидно, произошло недоразумение при переводе. Только так я могу объяснить происшедшее. Говорить о моих разногласиях с советскими писателями я не мог: во-первых, перед иностранцами я не буду говорить сейчас об этом (не такое теперь положение), во-вторых, я вообще не понимаю, что значит разно-

[270] Ответа по этому вопросу ни от Кольцова, ни от Щербакова Эренбург не получил – в Москве предпочитали, чтоб Мальро задержался и выступил на съезде комсомола. 4 марта Эренбург писал своему московскому секретарю В.А. Мильман: «17-го здесь литературный диспут. Если А<ндре Мальро> не приедет, его надо отменить. Сообщите» (*Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 202).

гласия с советскими писателями – писатели бывают разные и одно дело Максим Горький, а другое Лев Никулин.

Кольцов в ЦК ВКП(б) – Сталину, Андрееву, Ежову; 3 марта 1936 г.

Сегодня в Москву приехал Андрэ Мальро, являющийся теперь во Франции крупнейшим после Андрэ Жида писателем, работающим с нами. Несмотря на свою молодость, он чрезвычайно популярен и при этом очень активен как оратор и общественник-антифашист. Мальро организационно возглавлял во Франции борьбу за освобождение Димитрова и конгресс защиты культуры. Сейчас он нами выдвигается в качестве генсека Международной ассоциации писателей защиты культуры.

Мальро рассказывает интересные факты об огромной работе гитлеровцев во Франции с затратой большой энергии и средств по обволакиванию общественного мнения, печати, вплоть до толстых журналов и интеллигенции. Он заверяет, что, не будь летом нашего конгресса в защиту культуры, нечто в этом роде непременно организовывали бы прогитлеровские круги. В данный момент они ведут кампанию с якобы левых пацифистских позиций против Ромена Роллана, за его высказывание в пользу англо-франко-советского сближения.

Мальро пробудет в СССР 10 дней. С ним будут обсуждаться деловые вопросы международной работы среди писателей. Послезавтра мы едем с ним, как было условлено, к Горькому.

Мальро просит свидания:

1) с товарищем СТАЛИНЫМ
2) с тов. АНДРЕЕВЫМ
3) с тов. ДИМИТРОВЫМ (личная встреча)
4) с тов. КОСАРЕВЫМ

Поддерживаю его просьбу. Кроме того, рекомендовал бы предложить Мальро остаться до съезда комсомола, где его выступление имело бы определенный эффект. Он должен, правда, выступать

Заказ № 2076

18 марта в Париже на диспуте о социалистическом реализме, но тов. Косарев мог бы убедить его перенести диспут.

Мих. Кольцов [271]

Еще до 20 января 1936 г. Кольцов обратился к Горькому с просьбой принять его и А. Мальро для беседы 25–27 февраля[272]. Эта встреча состоялась в первой декаде марта и продолжалась три дня (7–10 марта), причем к Горькому Мальро отправился в сопровождении не только Кольцова, но и Бабеля[273]. В Крыму, в Тессели, где Горький завершал «Клима Самгина», были обсуждены различные проекты для реализации под маркой Ассоциации писателей. В частности – амбициозный проект «Новой энциклопедии» (Мальро предлагал, чтобы в СССР работу ее редакции возглавил Н.И. Бухарин; Горький с этим был согласен[274]). Олеографический рассказ об этой встрече есть в книжке Кольцова о Горьком, вышедшей в 1938-м: «Мы были у Максима Горького вместе с Андрэ Мальро, приехавшим из Парижа, чтобы ознакомить великого просветителя с проектом "новой энциклопедии", который возник в международных писательских кругах <...> Ласково и гостеприимно, но при этом строго, подробно, придирчиво расспрашивал он Мальро – обо всем, во всех разрезах. Улыбаясь, Мальро выкладывал себя то как романист, то как знаток Китая, то как пропагандист среди французской молодежи, то как философ искусства, то как издательский работник, то как бывший археолог. Страсть Горького к фактам, к познанию была беспредельна»[275].

---

[271] Большая цензура... С. 411–412.

[272] Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Т. 4. М., 1960. С. 562.

[273] Вместе с А. Мальро к Горькому ездил и его младший брат Ролан, по возвращении в Москву поселившийся у Бабеля (см.: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. М., 2002. С. 101).

[274] *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. С. 126.

[275] *Кольцов М.* Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького. М., 1938. С. 92–93. В этой книжице, в частности, описывалось, как по заданию Троцкого под непосредственным руководством Бухарина и Ягоды Горький был «зверски, подло, из-за угла убит за то, что защищает дело рабочего класса, за то, что ненавидит и презирает троцкистско-бухаринских изменников, за то, что он друг Ленина и Сталина», – Кольцову этот сталинский бред не помог, и в декабре 1938-го его арестовали; после пыток он подписал обвинение и был расстрелян, а все книги его изъяли из библиотек.

М. Горький – Сталину; март 1936 г.

...Сообщаю Вам впечатления, полученные мною от непосредственного знакомства с Мальро.

Я слышал о нем много хвалебных и солидно обоснованных отзывов от Бабеля, которого считаю отлично понимающим людей и умнейшим из наших литераторов. Бабель знает Мальро не первый год и, живя в Париже, пристально следит за ростом значения Мальро во Франции. Бабель говорит, что с Мальро считаются министры и что среди современной интеллигенции романских стран этот человек – наиболее крупная, талантливая и влиятельная фигура, к тому же обладающая и талантом организатора. Мнение Бабеля подтверждает и другой мой информатор Мария Будберг, которую Вы видели у меня; она вращается среди литераторов Европы давно уже и знает все отношения, все оценки. По ее мнению Мальро – действительно человек исключительных способностей.

От непосредственного знакомства с ним у меня получилось впечатление приблизительно такое же: очень талантливый человек, глубоко понимает всемирное значение работы Союза Советов, понимает, что фашизм и национальные войны – неизбежное следствие капиталистической системы, что, организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции. О практических решениях, принятых нами, Вас осведомит т. Кольцов.

Недостатки Мальро я вижу в его склонности детализировать, говорить о мелочах так много, как они того не заслуживают. Более существенным недостатком является его типичное для всей интеллигенции Европы «за человека, за независимость его творчества, за свободу внутреннего его роста» и т.д....[276]

[276] Власть и художественная интеллигенция. С. 300–301. Черновик.

Рассказывая Роллану о своей встрече с Мальро, Горький, похоже, не вспомнил его рассказа и суждения о Мальро в письме 1934 г:

М. Горький – Ромену Роллану; 22 марта 1936 г.

> Был у меня Мальро. Человек, видимо, умный, талантливый. Мы с ним договорились до некоторых практических затей, которые должны будут послужить делу объединения европейской интеллигенции для борьбы против фашизма. Вы знакомы с Мальро лично? Мне кажется, что в интересах нашего общего дела может быть, было бы полезно, если б Вы побеседовали с ним»[277].

Сталин Мальро не принял[278]. Но, по свидетельству М. Кольцова, Мальро вместе с ним посетил члена Политбюро А.А. Андреева, главу Коминтерна Г. Димитрова и главу ВЛКСМ А.В. Косарева.

Эренбург – Кольцову; 5 апреля 1936 г.

> … Мальро вернулся в хорошей форме и взялся за работу. Я не очень-то верю в предприятие с энциклопедией – боюсь, что трудно будет преодолеть марксистскофобию англичан и двух третей наших французов. Но посмотрим, как развернется дело. <…> С Арагоном Мальро договорился. Арагон взял на себя французские дела, Мальро – пленум и пр.[279]

В мемуарах Эренбурга об этом сказано так: «Особенно страстно обсуждался проект создания энциклопедии, которая, по замыслу <…> должна была стать, чем была энциклопедия Дидро, Вольтера, Монтексьё для людей второй половины XVIII века»[280]. В это время в Париже Мальро встречался с

---

[277] Власть и художественная интеллигенция. С. 325.

[278] В перечне приемов Сталиным писателей (1925–1949) Мальро не значится. (Власть и художественная интеллигенция. С. 688–691). Но беседа со Сталиным у Мальро состоялась (когда и где неизвестно) – в 1971 г. Мальро рассказывал об этом Жану Вилару (см.: Литературная газета. 1989. 25 янв.).

[279] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 214.

[280] Эренбург (2, 73–74).

Бухариным и перевел на французский язык текст его доклада «Основные проблемы современной культуры»[281] (доклад с огромным успехом был прочитан Бухариным 3 апреля 1936 г. в том же зале Мютюалите, где проходили заседания конгресса писателей, куда Сталин Бухарина не пустил). В книге бесед с де Голлем «Веревка и мыши» (1976) тема Сталина не раз возникает у Мальро, есть там и рассказ о том, как Бухарин, проходя с Мальро по площади Одеон, где около траншей лежали канализационные трубы, задумчиво произнес: «А теперь он меня уничтожит...». «Что и было сделано», – внешне бесстрастно комментирует Мальро[282]. Не только политические соображения, но и человеческие судьбы Троцкого, Бухарина, Радека, Бабеля, Кольцова, с которыми общался Мальро, определили его последующий разрыв с коммунизмом....

10. Отлучение Андре Жида

(*Фрагмент общей хроники*)

В марте 1936 г. Андре Жид так и не собрался в Москву. «Видел Жида после приезда из Сенегала, – информировал Кольцова Эренбург 9 мая 1936-го. – Бодр. Сказал, что едет <в СССР> твердо 15 июня. Свита странная»[283]. В уже цитированных «Записках маленькой дамы» есть запись 5 июня 1936 г.: «Да, решено, он поедет в Россию, но без особой охоты, мне кажется. Он принял у себя Мальро и Эренбурга. Он представляет себе по их рассказам, что его заставят сказать и что он не скажет. Чувствуется в нем большое сомнение. Что он хотел: он хотел сказать о гомосексуализме. Скажет ли он об этом? Стоит ли это? Услышат ли его?[284] Он может взять с собой кого угодно в

---

[281] *Бухарин Н.* Революция и культура. М., 1993. С. 288–307.

[282] *Мальро А.* Зеркало лимба. М., 1989. С. 349.

[283] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 214.

[284] Эренбург вспоминал об этом разговоре: «Незадолго до своей поездки в Советский Союз он пригласил меня к себе: "Меня, наверно, примет Сталин. Я решил поставить перед ним вопрос об отношении к моим единомышленникам..." Хотя я знал особенности Жида, я не сразу понял, о чем он собирается говорить Сталину. Он объяснил: "Я хочу поставить вопрос о правовом положении педерастов..." Я едва удержался от улыбки; стал его вежливо отговаривать, но он стоял на своем» (2, 64).

качестве сопровождения. Но это деликатно. Шифрин[285] предложил себя, и Жид с радостью согласился. Он хорошо говорит по-русски и в то же время он левый, хотя и не член ФКП. Его не подозревают в сочувствии к кому-либо. Он возвращается в свою страну, чтоб посмотреть. Он думает о Даби, о Гийу, о Джефе Ласте»[286].

26 июня «Литературная газета» поместила на первой странице большое фото трибуны Мавзолея, на которой выступает А. Жид, а справа от него вольно стоят Молотов, Сталина и Димитров. В этот же день Эренбург заметил в очередном письме из Парижа Кольцову: «Перед отъездом я встречался со свитой Жида и убедился, что Ш<ифрин> настроен довольно зловредно»[287].

В Москве А. Жида, прилетевшего 17 июня вместе с П. Эрбаром, встречали секретари Бюро Международной Ассоциации писателей М. Кольцов (председатель Иностранной комиссии Союза писателей) и Л. Арагон[288]. «Привет Андре Жиду!» – таков был в тот день заголовок редакционной статьи «Известий». В «Записной книжке» А. Жида встреча описана так: «Вместительный автомобиль доставляет меня в гостиницу “Метрополь”. Москва показалась мне некрасивой, но толпа фантастически интересна. Со мной в машине Эрбар, Кольцов и Арагон; за ними следуют еще две машины, битком набитые фотокорреспондентами, которые снимают меня на протяжении всего пути. В “Метрополе” – шестикомнатный номер, я устраиваюсь как нельзя лучше. Удобнейшая ванная; затем завтрак, обед и ужин в компании четы Арагонов, Эрбара и Кольцова. К нам присоединяется изысканный Пастернак. Он невероятно привлекателен, взгляд, улыбка, все его существо дышат простодушием, непосредственностью наилучшего свойства. Вежливо выпроваживаем разных журналистов. Я с ходу написал обращение, перевод которого берет на себя мадам Арагон. Душно. Вернувшись в номер, стараюсь заснуть,

[285] Жак Шифрин – сотрудник издательства «Н.Р.Ф.», выходец из России.

[286] *Риссельберг М. ван.* Цит соч. С. 539. А. Жид прилетел в Москву в сопровождении Пьера Эрбара 17 июня; в Ленинграде 30 июня к ним присоединились Луи Гийу, Эжен Даби, голландский писатель Джеф Ласт и Жак Шифрин. Гийу и Ласт были членами Бюро Международной ассоциации писателей.

[287] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 228.

[288] Беллетризованную версию см.: *Арагон Л.* Гибель всерьез. М., 1998. С. 33–53.

но это удается лишь к четырем часам утра. Нескончаемый шум толпы, звон трамвая. Но если окно с двойными рамами будет закрыто, я задохнусь...»[289].

Давнему желанию Жида повидаться с М. Горьким не суждено было осуществиться: 18 июня утром Кольцов сообщил Жиду о смерти «великого пролетарского писателя». «Радость моего приезда в Москву почти сразу омрачена тяжелой вестью... Перед огромным трауром всего мира – кто осмелится говорить о своей собственной грусти; того, кого я уже называл своим другом – нет» – эти слова Андре Жида напечатала 20 июня «Литературная газета», сообщая о его прибытии в Москву. На развороте 2-й и 3-й страниц помещены два больших снимка: на стр. 2 – Сталин и Молотов у гроба Горького, а на стр. 3 – А. Жид и Кольцов в почетном карауле у гроба Горького. В этом же номере информация о том, что в конце года в Москве выйдет 5-й том сочинений Жида и его книга «Новая пища» (перевод под редакцией Бабеля). На похоронах Горького Андре Жид удостоился чести произнести речь с трибуны Мавзолея Ленина в присутствии Сталина. Арагон пишет, что Жид заносил ему текст речи для правки[290] – теперь в это трудно поверить; русский перевод зачитывал Кольцов. Его брат запомнил рассказ Кольцова о том, как во время похорон Горького его подозвали к Сталину и тот осведомился, «пользуется ли Андре Жид на Западе достаточным авторитетом. Кольцов ответил, что авторитет Жида на Западе весьма высок и с его мнением очень считаются. Сталин выслушал эту справку молча и после паузы заметил: “Ну, дай Боже. Дай Боже”»[291]. В Записных книжках Жида из московских событий его поездки упоминаются также: визит к Пастернаку, два обеда с Бабелем, встреча с Эйзенштейном и как Жид простудился в Мавзолее Ленина... Про его обед у Бабеля стал известен отчет осведомителя НКВД от 5 июля 1936 г., записанный после разговора с женой Бабеля А.Н. Пирожковой, с которой осведомитель был хорошо знаком. Как раз в то время А.Н. Пирожкова начала изучать французский, и ей показалось, что Жид во время обеда восхищался тем, что делается в СССР, на что Бабель ей сказал: «Вы не верьте этому восхищению. Он

[289] *Жид А.* Записные книжки путешествия в СССР // Диалог писателей. С. 363.

[290] *Там же.* С. 43–44.

[291] *Ефимов Б.* Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 267.

хитрый, как черт. Еще не известно, что он напишет, когда вернется домой. Его не так легко провести. Горький по сравнению с ним сельский пономарь. Он <Жид> по возвращении во Францию может выкинуть какую-нибудь дьявольскую штуку»[292].

Андре Жид действительно хорошо понимал людей и ситуацию; в Москве ему пришлось немало общаться с М. Кольцовым, которого он узнал еще в Париже. Вот как он описал умную манеру общения, которую избрал Михаил Ефимович: «Обычно любезный, Кольцов кажется особенно откровенным. Я хорошо знаю, что он не скажет ничего лишнего, но он говорит со мной таким образом, чтобы я мог почувствовать себя польщенным его доверием»[293]. Говоря о московских воспоминаниях А. Жида, упомянем еще его рассказ о попытке Н.И. Бухарина повидаться с Жидом с глазу на глаз: «На другой день после нашего прибытия в Москву ко мне явился с визитом Бухарин. Он был еще очень популярен. В последний раз, когда он появился на каком-то собрании, публика приветствовала его овациями. Однако незаметно надвигалась уже опала <...> Бухарин пришел один, но не успел он переступить порог роскошного номера, предоставленного мне в "Метрополе", как вслед за ним проник человек, назвавшийся журналистом, и, вмешиваясь в нашу беседу с Бухариным, сделал ее попросту невозможной <...>. Спустя три дня я встретился с ним на похоронах Горького... Он взял меня под руку и, наклонясь ко мне, спросил: "Могу я к вам через час зайти в Метрополь?" <...> Кольцов, видевший, как Бухарин подходил ко мне, тотчас отвел его в сторону. Я не знаю, что он мог ему сказать, но, пока я был в Москве, я Бухарина больше не видел»[294].

21 июня в ЦПКиО состоялся митинг, посвященный годовщине Парижского конгресса писателей; на нем выступали Кольцов, А. Жид, Арагон, Бехер, Корнейчук и др. (объявлены были также выступления Бабеля и Пастернака, но они не появились[295]). 26 июня «Литературная газета» посвятила А. Жиду

[292] Власть и художественная интеллигенция. С. 317.

[293] *Жид А.* Возвращение из СССР. М., 1990. С. 145.

[294] *Там же.* С. 139–140. Отметим, что годом раньше Бухарин вместе с Горьким беспрепятственно провожал из Москвы Ромена Роллана.

[295] Литературная газета. 1936. 20 и 26 июня.

страницу, а он в это время уже отправился в поездку по стране, а потом предполагался его почти месячный отдых в Грузии...

Во время пребывания Жида в СССР заболел скарлатиной и умер в Севастополе писатель Эжен Даби (ему не исполнилось и 38 лет); в Москве А. Жид застал процесс над сподвижниками Ленина Зиновьевым и Каменевым и узнал об их расстреле. Настроение к концу поездки было у него не самое радостное; кроме того, Ж. Шифрин вполне хорошо владел русским, и Жид бесперебойно получал независимую от официальных переводчиков информацию (о ней можно судить по «отчетной» книге писателя о его поездке)...

Кольцов – Сталину; 8 июля 1936 г.

Товарищ Сталин,

Андрэ Жид в крайнем напряжении ожидает приема у Вас. (Его отъезд на юг намечен на 10 июля). Отказ в приеме глубоко омрачит его. Я полагаю, что он действительно заслуживает быть принятым – ибо это и есть тот писатель мирового масштаба и влияния, который сейчас активно возглавляет международную интеллигенцию, преданную СССР.

Если прием невозможен – нельзя ли тогда хотя бы короткую встречу – где-нибудь в театре или в другом месте? Андрэ Жид будет в отчаянии, если так и уедет, не получив личного контакта с Вами.

Мих. Кольцов[296].

Сталин не удостоил Андре Жида специальным приемом (ни с газетными фотографиями, как Роллана, а потом Фейхтвангера, ни без сообщений в прессе, как Барбюса): по-видимому, НКВД донесло о настроениях и высказываниях писателя и его сопровождения.

2 августа 1936 г. «Известия» напечатали письмо А. Жида к Л.П. Берии с похвалами Грузии, где до конца июля Жид отдыхал со своими друзьями...

[296] Большая цензура. С. 422.

Осенью в Париже Андре Жид в строжайшей тайне работал над книгой «Возвращение из СССР». Мальро и Эренбург были в Испании, где шла развязанная франкистами гражданская война. Мальро, узнавший о работе Жида, Эренбургу об этом сказал.

10 октября 1936 г. Эльза Триоле сообщала об А. Жиде в Иностранную комиссию Союза писателей и в ВОКС М.Я. Аплетину: «Наш старый друг очень благодарен за оказанное ему гостеприимство, и потому ничего особенно плохого от него ждать не следует, даже если его произведение, скорее дневник, не будет сплошным “Ура!”. Все это, конечно, только наши *предположения*, так как я видела его только один раз, а Арагон – совсем мельком»[297].

21 октября секретарша А. Жида записала содержание своей встречи с секретарями Ассоциации писателей в доме у А. Мальро[298]. Подчеркнем, что Эренбург с несомненной тревогой ждал книги Жида: он понимал свою ответственность, хотя, пожалуй, не был главным в мощной «раскрутке» (если тут уместна современная лексика) Андре Жида в СССР. Поэтому Эренбург стремился как-то повлиять если не на текст Жида, то хотя бы на время выхода книги.

Вот соответствующие страницы «Записок маленькой дамы»:

«*25 октября 1936.* В тот момент, когда мы садились за стол, раздался телефонный звонок Эренбурга, который спросил, когда он может приехать к Жиду. Он уезжает в Испанию и

[297] Диалог писателей. С. 260.

[298] «Я отчитывалась <А. Жиду> о вечере, проведенном у Мальро. Скорей, тяжелое впечатление, в котором Мальро не виноват. Кажется, он так занят ролью, которую играет в Испании (она его радует), что поглощен этим полностью и теряет всю свою обычную нервность. Все это для меня туманно. Жид говорил мне, что Мальро ведет переговоры об оружии, о важных поставках самолетов и что он постоянно летает из Испании в Европу. Мальро неразговорчив, его надежды на победу сомнительны. Был и одутловатый Эренбург, болтал о патологии испанцев, кстати – остроумно, с откровенным юмором, но слишком легкомысленно и слишком отстраненно для человека, приехавшего оттуда. И потом – что-то мне не нравится его физиономия, неприятная, мешает. Впечатление неуместного остроумия усилено одалиской Кларой Мальро (жена писателя. – *Б.Ф.*), которая принимает, лежа на своей кровати, с легкомысленным и живым интересом, патетически говоря об опасности, связанной с деятельностью Мальро, и тут же переходя к его успехам на женском фронте» (*Риссельберг М. ван.* С. 562).

спешит. Он настаивает на срочной встрече, ему нельзя отказать. Ясно, что он хочет что-то сообщить в СССР о Жиде, но Жид не хочет ничего говорить, отвечает туманно, он пытается перевести разговор на процессы в Москве, говорит, что он очень взволнован, и говорит для успокоения Эренбурга, что он не пишет об этом в своей книге, что правда.

26 октября. Эренбург сегодня утром пришел повидаться с Жидом. Он был очень хитер. Впечатление, что он точно знает содержание книги Жида и тот удивлен этим (гораздо больше меня). Но как могло быть иначе с неистребимой болтливостью Жида. Да, Эренбург знает примерно все и одобряет! он добавляет к этому, что, если б захотел, сам написал бы еще больше!.. Мысль запретить публикацию для него неприемлема, но он считает, что сейчас публикация несвоевременна. Он настаивает, чтобы Жид отсрочил выход книги, напечатал бы ее после Испанской войны[299]. В такой момент, – говорит Эренбург, – когда Россия предпринимает невероятные усилия, чтобы помочь Испании нельзя на нее нападать. Он настаивает, чтобы Жид поехал в Испанию, и Жид понимает, что ему следует доказать: он не отказывается от коммунизма и в тот момент, когда выходит его книга. Он поедет с Пьером Эрбаром, которого уговорит, ведь тот собирается в Париж раньше, чем предполагалось…

После обеда приносят верстку «Возращения из СССР», мы правим ее и заканчиваем примерно треть. Работа приятная – замена слов, фраз. Вместе с Жидом это всегда интересно.

27 октября. Жид завтракал со мной. Он получил письмо от Мадлен Паз, вызвавшее его острое недоумение. Паз предлагает ему встречу с Виктором Сержем. Затем просит его со-

---

[299] 15 января 1945 г. А. Жид записал в «Дневнике»: «Я писал о поездке в СССР в том стиле и в том же духе, что и о разоблачениях колониальных злоупотреблений в Конго, которые вызывали у меня отвращение. И те же самые люди, которые возмущались моими критическими высказываниями по адресу СССР, громче всех приветствовали меня, когда подобные критические замечания направлялись против побочных явлений “капитализма”. В этом случае все восторгались моей проницательностью, моей способностью разоблачать обман, моей смелостью в обличениях. В России же, вдруг стали утверждать эти люди, я не сумел ничего понять, не сумел ничего увидеть. И если некоторые признавали обоснованность моих наблюдений, то кое-кто все-таки считал их несвоевременными. Самое большое, что допускалось среди товарищей, – это признать: в СССР есть отдельные несовершенства, но говорить о них еще не пришло время» (Литературная газета. 1989. 8 марта).

трудничать в «Популер» – хотя бы немного. Жид говорит: важно, чтобы его книга появилась раньше, тогда не смогут сказать, что на него влиял Серж. Ему всё очень любопытно. Он сегодня завтракает с Шифриным, с Франсисом Журденом, с Фридманом и с юным Малаке[300] – трое последних коммунисты. Понятно, что речь идет только о его книге и о его решении молчать. Они ставят вопрос о его оппортунизме. Они считают, что ему следует с самого начала четко определить свою позицию. Отвергли его просьбу напечатать на рекламе книжки слова: «Слишком часто правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь – с любовью». Верстка будет готова завтра.

28 октября. Сегодня утром Жид получил телеграмму от Джефа Ласта, которая нас очень взволновала. Ласт просит отложить выход книги и подождать встречи с ним, когда Жид вернется из Мадрида. Значит, Ласт узнал о возможной поездке Жида в Испанию из публикации Эренбурга[301], который бесспорно использует свой последний шанс. Знает ли Ласт, чего Жид ждет от своей поездки в Испанию? Вопрос очень деликатный. Жид решает повидать Мадлен Паз, чтобы выслушать ее. Раздается звонок. Когда она приходит, Жид зовет меня, чтобы узнать впечатление. Мадлен Паз – женщина темпераментная, умная, ловкая, точная, энергичная. Она говорит о пользе того, что заявлял о России Виктор Серж, о том, что коммунисты против Народного фронта, но Блюм решил держаться максимально компромиссно и мягко, чтобы спасти единство. По ее мнению, правда об СССР настоятельно необходима: чем дольше ее ждут, тем труднее ее высказать. В 12 часов приходит Шифрин продолжить правку. Он правит аккуратно, смотреть на его работу приятно. Потом Жид получает письмо Ласта, отправленное до телеграммы и до встречи с Эренбургом. Письмо, полное восторга; в нем Ласт спрашивает, уместно ли сейчас печатать книгу…[302]

---

[300] Писатель и критик Ф. Журден – член руководящего бюро AEAR. Социолог и философ Ж. Фридман – член AEAR; на Парижском конгрессе писателей выступил с докладом «Машина и гуманизм». Французский литератор Жан Малаке – псевдоним уроженца Варшавы Владимира Малацкого, с 1930 г. жившего во Франции и писавшего по-французски, общавшегося с А.Жидом, бывшего в августе 1936 г. в Испании, близкого к партии ПОУМ.

[301] В советских корреспонденциях Эренбурга речи о поездке А. Жида в Испанию не было.

[302] *Риссельберг М. ван.* С. 565–567.

Когда «Возвращение из СССР» вышло из печати, в Москву из Парижа начали просачиваться первые суждения о книге; так, Эльза Триоле информировала Вс. Вишневского:

10 ноября:

«Беспризорный Жид (Арагон – в Испании, Эрбар – на юге) написал о Союзе премерзкую книгу! Надеемся, что Испания образумит его, но так как несмотря на то, что у него прекрасные зубы, он начинает выживать из ума, самые простые вещи доходят до него медленно, и он сам нам ужасно надоел»;

24 ноября:

«У нас все по-старому, неуютно. Жид елейно сукинсынит, Мальро в Испании, Муссинаки трудятся не покладая рук…»;

14 декабря:

«…левая пресса на книгу Жида не реагирует никак. Это сильно раздражает Жида. Низкое качество книги не стоит полемики, и писать о ней это значит – делать ей рекламу… То есть нечем Жиду хвастать совершенно, недовольны как есть – все, кроме, очевидно, троцкистов. Их рука, хотя Жид протестует и сердится, когда ему это говорят. Последний мой разговор с Жидом был очень теплый, но в тот же вечер я получила книгу! С тех пор – не видела и в каких мы отношениях – неизвестно...»[303]

Книга «Возвращение из СССР» вызвала в Москве гнев. Первым выражением его стала хлестко написанная редакционная статья «Правды» «Смерть и слезы Андре Жида»[304] (3 декабря 1936 г.); затем выступила «Литературная газета» с редакционной статьей «Куда Андре Жид возвратился из СССР». «Слезливость, двойственность книги Жида выдает в нем

---

[303] Диалог писателей. С. 761–763.

[304] Подвал на четвертой странице номера за 3 декабря 1936 г. начинался так: «Известный французский писатель Андре Жид много смеялся и много плакал, когда был летом нынешнего года гостем в нашей стране. Он смеялся от счастья и плакал от умиления <...> Но сейчас с еще не просохшими от радости и любви глазами, с непонятной торопливостью Андре Жид написал небольшую книгу "Возвращение из СССР", в которой улыбки и слезы перемешаны с грязной клеветой на Советскую страну, на ее народы, на ее молодежь». Завершая статью, автор писал: «Как бы ни заменяла Андре Жиду манерность подлинную искренность, не может не испытать стыд этот старый человек, вспоминая о поцелуе, который он запечатлел на лбу писателя-большевика Островского. Знаток евангелия, Андре Жид знает, как называется поцелуй такого рода».

человека слабого, неустойчивого, ограниченного и жалкого», – утверждала газета, высказывая предположение о пагубном влиянии на Жида все тех же троцкистов. Сообщалось также, что А. Жид только что подписал поздравительную телеграмму французских друзей СССР, направленную в Москву по случаю принятия Сталинской Конституции. «Не думает ли он, – вопрошала газета, – что этой подписью он восстановит доверие?» Было ясно, что доверие потеряно навсегда. Книги А. Жида сняли с производства, а уже вышедшие – изъяли из библиотек; из подготовленной к печати «Книги для взрослых» Эренбурга успели выкинуть патетический абзац о Жиде[305].

В ту пору в Москве находился Лион Фейхтвангер, и московские острословы опасались (в стихах), как бы «сей еврей не оказался Жидом». С Фейхтвангером, правда, все обошлось – его книжка «Москва, 1937» вполне устроила Сталина, была переведена на русский и отпечатана в Москве. Жида время от времени клеймили; персидскому поэту Лахути, тогдашнему любимцу Сталина, пришлось написать вторую статью об А. Жиде (в первой, напечатанной летом, он его восхвалял)[306]. В советской печати А. Жида бранили и его западные коллеги – Фейхтвангер и Роллан[307], но они-то, в отличие от советских пустобрехов, книгу А. Жида прочли. А через год, уже в связи с испанскими сюжетами, и Илье Эренбургу пришлось в газетной статье

---

[305] Этот абзац, впервые опубликованный в 1991 г.: «Андре Жид похож на монгольского врача, у которого узловатые крепкие руки, он мог быть хирургом. Встречаясь с ним, встречаешься с книгами, у которых теплые ладони, с соборами, которые ходят, с масками, которые душат. Я видел его за работой; тщательно, каллиграфическими буквами он пишет о своем сложном пути. Я видел его в нестерпимо знойный день, в пыли парижского предместья, среди камнетесов и поденщиц. Он стоял на подмостках, смущенно улыбаясь. Он подымал к небу ту руку, которая могла быть рукой хирурга, которая была рукой поэта и которая сжималась в кулак рабочего» (см.: *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 570). «Книга для взрослых» была сдана в набор 21 июня 1936 г., подписана к печати 10 декабря 1936 г.

[306] *Лахути Г.* Андре Жид // Литературная газета. 1936. 15 июля; *Лахути Г.* Неумный вояка // Литературная газета. 1936. 26 дек.

[307] *Фейхтвангер Л.* Эстет о Советском Союзе // Правда. 1936. 30 дек.; «Ответное письмо иностранным рабочим Магнитогроска», напечатанное под большим заголовком «Ромен Роллан об Андре Жиде» // Правда. 1937. 11 янв. По этому поводу А. Жид в 1937 г., напомнив о высоком моральном авторитете Роллана времен его выступлений против мировой бойни («Над схваткой», 1915), написал: «Я думаю, что автор "Над схваткой" должен сурово осудить состарившегося Роллана. Орел устроил свое гнездо, он в нем отдыхает». «Роман» Ромена Роллана с

(«Я не выдержал и в сердцах» – как он объяснит в 1961-м[308]) назвать Жида «стариком со злобой ренегата, с нечистой совестью»[309]. Разумеется, с «другого берега» Жид получал поддержку...[310]

Несомненным противником «отлучения» Андре Жида от антифашистского писательского сообщества был Андре Мальро. Иностранная комиссия Союза писателей СССР в 1937 г., отслеживая поездку Мальро в США для сбора средства в помощь республиканской Испании, фиксировала его высказывания, касавшиеся А. Жида. В частности, текст интервью, которое 9 марта 1937 г. Мальро дал левому американскому журналу «Нью массес». На вопрос: «Вы, понятно, знаете книгу Андре Жида "Возвращение из СССР" и что она используется врагами Советского Союза. Каково Ваше мнение об этой книге и какова позиция Жида сейчас?» – Мальро ответил дипломатично: «Мнение, которое Жид высказал в этой книге, не окончательно. Я знаю, что он срочно пишет другую книгу на ту же тему. Как мне известно, название этой книги будет "Пересмотр", что дает возможность предположить, что он имеет в виду пересмотр своих убеждений. Твердо я не могу сейчас утверждать. Нужно подождать, пока книга будет опубликована»[311]. Трудно сказать, заблуждался Мальро сам или вводил в заблуждение сознательно, но шквал советских враждебных откликов на книгу «Возвращение из СССР» поразил А. Жида, и он действительно начал работать над дополнением к ней. Текст, опубликованный им в июне 1937 г. под названием «Поправки к "Моему возвращению из СССР"», содержал и факты и формулировки, от публикации которых он прежде воздерживался. Если

советским режимом оборвался с подписанием в 1939 г. советско-германского пакта, когда Роллан вышел из «Ассоциации друзей СССР», но еще в 1938-м он написал одному из корреспондентов: «Это режим абсолютно неконтролируемого произвола, без малейшего намека на гарантии элементарных свобод, священного права на правосудие и гуманность» (см.: Диалог писателей. С. 255).

[308] *Эренбург* (2, 62).

[309] Известия. 1937. 3 нояб.; об А. Жиде Эренбург писал и в статье «Великодушие и малодушие» (Известия. 1937. 28 дек.).

[310] Например, 13 июля 1937 г. Н.А. Бердяев писал А. Жиду: «Пишу Вам, чтобы выразить свое восхищение Вашим мужеством, Вашей искренностью, Вашей преданностью истине. Все эти качества открылись мне при чтении грустных страниц Ваших публикаций об СССР. Я был уверен, что Вы увидите всю правду. Вы сумели посмотреть на все открытыми глазами...» // Диалог писателей. С. 361.

[311] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 266. Л. 19.

это и был «пересмотр», то в сторону еще более резкой критики режима Сталина. Вот всего два фрагмента:

«Критику и свободу мысли называют в СССР "оппозицией". Сталин признает только одобрение всех; тех, кто ему не рукоплещет, он считает врагами. Нередко он сам высказывает одобрение какой-нибудь проводимой реформе. Но если он реализует какую-нибудь идею, то сначала убирает того, кто ее предложил, чтобы лучше подчеркнуть, что эта идея его собственная. Это его способ утверждать свою правоту. Скоро он будет всегда прав, потому что в его окружении не останется людей способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма – тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих...

Сталин боится только тех, кто честен и неподкупен <...>. Мне не по себе, когда я вижу ложь. Мой долг – ее разоблачить. Я служу истине, и если партия не признает ее, тогда я не признаю партию»[312].

Клеймо «предателя» было поставлено в СССР на Андре Жиде надолго. Первым, кто еще в хрущевскую оттепель написал в СССР об Андре Жиде по-человечески – был Илья Эренбург, посвятивший А. Жиду главу в мемуарах «Люди, годы, жизнь»[313]. Но о переиздании книг А. Жида, а тем более о переводе «Возвращения из СССР», тогда не могло быть и речи. Только когда до распада СССР оставался всего один год, эта книга вышла в Москве. Кажется, теперь спорить с ее автором не о чем – наши новые реалии лишь подтверждают его правоту. Впрочем, кто возьмется предсказывать российское завтра?..

А. Жиду за два месяца поездки по СССР удалось разглядеть и сформулировать многое. Иным наблюдавшим советскую жизнь изнутри на это не хватило жизни. Но теперь многое из подмеченного им выглядит едва ли не банальностью (конечно, если забыть, что прошло 70 лет).

Приведем, для примера, несколько суждений Андре Жида 1936 г.:

«Очень часто друзья СССР отказываются видеть плохое, или, по крайней мере, его признавать. Поэтому нередко правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь с любовью»;

---

[312] *Жид А.* Возвращение из СССР. М., 1990. С. 136–137, 153, 138.

[313] А. Жиду посвящена 11-я глава 4-й книги воспоминаний Эренбурга.

«В стране, где рабочие привыкли работать, стахановское движение было бы ненужным»;

«То, что Сталин всегда прав, означает, что Сталин восторжествовал над всеми. "Диктатура пролетариата" – обещали нам. Далеко до этого. Да, конечно: диктатура. Но диктатура одного человека, а не диктатура объединившегося пролетариата, Советов. Важно не обольщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего хотели. Еще один шаг, и можно будет сказать: это как раз то, чего не хотели»[314].

Через два года после Парижского конгресса, в 1937-м., многие поняли, что этот шаг сделан.

IV. Акт второй – Испания, 1937

Начнем с констатации: к 1937 г. штаб конгресса, руководивший аппаратом Ассоциации писателей, оскудел. Перечислим потери, их много, и они значительны. Умер Горький, умер Барбюс, был отлучен Андре Жид; трое самых энергичных и главных практических организатора Парижского конгресса (Мальро, Эренбург, Кольцов) с лета 1936-го отключились от непосредственной работы: они были заняты испанскими делами. Кольцова направил в Испанию Сталин. Эренбурга, настойчиво этого добивавшегося, послали «Известия» после того, как соответствующее решение приняло Политбюро. Мальро принимал решения сам. Эренбург, бывший все 1930-е гг. его близким другом и надолго расставшийся с ним в 1940 г., так написал о Мальро в мемуарах: «Это человек, который всегда живет одной страстью; я знал его в период увлечения Азией, потом Достоевским и Фолкнером, потом братством рабочих и революцией. В Валенсии он думал и говорил только о бомбежках фашистских позиций, а когда я заговаривал о литературе, дергался и замолкал… В Валенсии для Мальро это было не литературным сюжетом, а боевыми буднями: он воевал»[315].

Кольцов добирался до Испании через Париж, где договорился о полете в Барселону именно с Андре Мальро, формировавшим французскую эскадрилью в помощь испанским республиканцам. 8 августа 1936 г. Кольцов тайно прилетел в Барсело-

[314] *Жид А.* Возвращение из СССР. С. 64, 75, 90–91.

[315] *Эренбург* (2, 163).

ну на самолете, который пилотировал знаменитый француз Абель Гидес. В следственных показаниях на Лубянке М. Кольцов (апрель 1939 г.) поведал и об этом: «В Париже я застал Мальро организующим французскую неофициальную помощь испанским республиканцам. Так как сообщение было в этот момент прервано, он сказал, что предоставит мне для перелета военный бомбовоз, и, действительно, на другой же день дал мне “Потез”, на котором я перелетел Пиренеи. Он сам прилетел следом за мной в Барселону, а затем в Мадрид, где развернул свою интернациональную эскадрилью. На первых порах она играла некоторую роль, но затем разложилась <...>. У Мальро начались конфликты с Марти[316], с правительством, с компартией, он разругался со всеми и уехал до 1937 года, когда появился на втором конгрессе писателей»[317].

1. Сомнительное решение проводится в жизнь

После отлучения Андре Жида в Париже продолжал активно функционировать только коммунистический блок в Ассоциации писателей. К тому же война в Испании занимала многих литераторов. Можно без большого преувеличения утверждать, что цвет мировой литературы той поры не был на стороне Франко, и даже те, кто первоначально находил известные оправдания франкистам, как, скажем, Мигель де Унамуно, – позже отшатнулись от них. Правда, надо признать, что беспардонное вмешательство в дела республиканцев разветвленной сети агентов НКВД, осуществленные ими провокации и убийства оттолкнули от Республики и немало ее сторонников на Западе.

Эренбург вспоминал: «Казалось, я должен радоваться: Ассоциация писателей, над созданием которой я потрудился, собирает конгресс в Мадриде, как было решено еще перед началом войны. Это приподымет испанцев. Да и на всех произведет впечатление – впервые писатели соберутся, чтобы договориться о защите культуры, в трех километрах от фашистских окопов. А я, признаться, в душе злился: предстоящие военные операции занимали меня куда больше, чем конгресс»[318]

[316] Андре Марти, крупный деятель ФКП и Коминтерна, в Испании был генеральным комиссаром Интербригад.

[317] *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 101, 102.

[318] *Эренбург* (2, 173).

В «Испанском дневнике» М.Е. Кольцов изобразил себя в двух лицах – журналист М. Кольцов пишет репортажи в «Правду», а мексиканский коммунист Мигель Мартинес – делает все остальное. Слова «Международная ассоциация писателей» возникают в «Испанском дневнике» как бы между прочим: в записи от 21 октября 1936 г. описывается поездка автора с Андре Виоллис во дворец герцога Альба, доставшийся Компартии Испании, а 24-го: «Вдруг появился из Парижа Арагон. Он бросил все дела, трясся вместе с Густавом Реглером и Эльзой Триоле через всю Испанию в агитгрузовике, который Международная ассоциация писателей купила и оборудовала для испанской “Альянсы”»[319]. Но о заседаниях Секретариата Ассоциации нет ни слова – понятно, что они не интересуют вездесущего Мигеля Мартинеса, но автор делает вид, что и члена Секретариата Ассоциации Михаила Кольцова они не интересуют тоже.

Между тем аппарат Ассоциации писателей функционировал. Эренбург вспоминал: «В начале октября <1936 г.> в Мадриде состоялось заседание секретариата Международной ассоциации писателей. Мы обратились к интеллигенции всего мира, протестовали против иностранной интервенции и против комедии “невмешательства”. Под обращением стояли подписи многих испанских писателей: Антонио Мачадо, Альберти, Бергамина, других, а из иностранных – Кольцова, Мальро, Луи Фишера, Андре Виоллис и моя»[320].

Что касается самой Международной Ассоциации писателей, центр которой размещался в Париже, то практически вся ее деятельность в 1937 г. была аппаратной и развивалась в немалой степени по инерции. Некоторую, не слишком плотную хронологию событий выстроим с помощью документов. Вот письмо на бланке Международной Ассоциации писателей в защиту культуры.

Париж, 5 II 1937
Г-ну Фридриху Вольфу
Нижний Кисловский пер. д. 8, кв. 20, Москва

Дорогой господин

Сообщаем Вам, что мы подготовили в настоящее время Второй международный конгресс писа-

[319] *Кольцов М.* Испанский дневник. М., 1958. С. 191.

[320] *Эренбург* (2, 121–122).

телей, который должен объединить выдающихся личностей всего мира.

Ввиду того, что мы создали Рабочее бюро из представителей каждой национальности, наш Секретариат очень желал бы, чтобы Вы могли приехать в Париж, где Ваше присутствие нам было бы очень <1 слово *нрзб.*>.

От имени Генерального секретариата (Арагон, Ж.Р. Блок, Шамсон, А. Мальро)

Рене Блеш[321].

Место проведения Второго антифашистского конгресса писателей было предложено испанцами, и уже 21 марта 1937 г. именно Испанию утвердило Политбюро ЦК ВКП(б) специальным закрытым постановлением «О Международном антифашистском конгрессе писателей»:

1. Согласиться с предложением испанских антифашистских писателей о созыве в Испании Международного антифашистского конгресса писателей в текущем 1937 году.

2. Для организации и созыва конгресса создать организационную комиссию по созыву антифашистского конгресса, составленную из строго проверенных антифашистских писателей.

3. Предусмотреть введение в состав организационной комиссии от СССР: тт. Кольцова, Эренбурга, Алексея Толстого и Вишневского[322].

Фактическим руководителем всей работы по подготовке конгресса был утвержден М. Кольцов, который отбыл в Париж для осуществления порученной ему деятельности.

Характерны показания, которые М. Кольцов дал на Лубянке (март–апрель 1939 г.) по поводу позиции Эренбурга ка-

---

[321] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1313. Л. 1 В русском переводе подпись транскрибирована неточно, имеется в виду писатель Рене Блек (Blech), один из основателей AEAR, секретарь журнала «Commune».

[322] Власть и художественная интеллигенция. С. 355.

сательно второго конгресса: «Он был против созыва второго антифашистского конгресса писателей, доказывая, что “сейчас не время, в России идут процессы, можно раздразнить троцкистов, они явятся на конгресс и тогда советским делегатам не поздоровится”. Спор мой с ним по этому поводу кончился в марте 1937 г. указанием из Москвы о желательности созыва конгресса в 1937 году. Тогда он сказал мне: “Можно, значит еще протянуть до 31 декабря 1937 года” (конгресс все же был проведен в июле). Он считал “недемократичным” неприглашение Андре Жида на конгресс и излишними выступления, которые были сделаны советскими делегатами против троцкистов и правых»[323].

После 21 марта к вопросу о конгрессе в Испании Политбюро возвращалось дважды, но перед тем Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов заслушали доклад М. Кольцова о положении в Испании – по-видимому, это произошло 15 апреля 1937 г.[324], а 17 апреля 1937-го Политбюро постановило: «Отпустить в качестве помощи от СССР Международной ассоциации на проведение Конгресса и проезд иностранных делегатов 20.000 долларов». На расходы советской делегации из 15 человек было ассигновано 15 тысяч долларов (весьма значительная по тем временам сумма). 19 апреля 1937 г. Политбюро приняло решение о советской делегации: «Членам делегации выехать по вызову т. Кольцова, в зависимости от точного начала конгресса»[325]. Состав делегации в этом постановлении зафиксирован не был, но уже в письме Кольцова Ставскому 1 июня состав делегации будет фигурировать. Судя по названным именам, очевидно, что ни известность на Западе, ни знание языков, ни даже представление всех национальных литератур СССР, фактически не брались в расчет, главным критерием стала политическая надежность делегатов – это касалось и иностранных делегатов тоже.

Понимая свою личную ответственность перед Сталиным за «прокол» с Андре Жидом, М. Кольцов решил систематиче-

[323] *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 93.

[324] Сталин принимал Кольцова в рабочем кабинете 15 апреля и 14 мая 1937 г. (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 94), доклад Кольцова был сделан, надо полагать, в первую встречу. К этой встрече Кольцова со Сталиным мы еще вернемся.

[325] Большая цензура. С. 471, 470.

ски и подробно докладывать о ходе подготовки к конгрессу писателей в Испании

Шифротелеграмма Кольцова из Парижа т. Сталину 23 мая 1937 г.:

> Есть немало желающих поехать на конгресс писателей в Испанию, но мы отбираем твердых антифашистов. Жид не поедет, его отговорил Мальро, который встречается и, по-видимому, потихоньку дружит с Жидом (сейчас Мальро в Испании). Эренбург просил меня освободить его от работы по подготовке к конгрессу, ссылаясь на усталость и порчу своих отношений с французами. В чисто личном плане он мне сказал, что попрежнему не верит в возможность при нынешнем положении в Испании провести там конгресс, а кроме того он после истории с Жидом боится второй раз влипнуть. В этих условиях, без Мальро и Эренбурга, руководство подготовкой конгресса из Парижа взяли на себя Арагон и Блок, которые надеются справиться с этим делом. Фейхтвангер несколькими телеграммами потребовал встречи со мной. Я остановлюсь у него по пути в Испанию[326].

Кто знает, может быть, Сталин и чувствовал, что, прими он в июне 1936-го А. Жида, ему удалось бы его обольстить, и книга «Возвращение из СССР» стала бы несколько иной. И, конечно, он помнил о предупреждении Кольцова: отказ в приеме глубоко омрачит А. Жида (помнил, надо думать, и в тот момент, когда окончательно решил Кольцова уничтожить). Так или иначе, когда Лион Фейхтвангер приехал в СССР, Сталин его принял (8 января 1937 г.) и перевод книжки Фейхтвангера «Москва. 1937» в СССР издали. А Фейхтвангер вплоть до заключения советско-германского пакта в 1939-м значился в верных друзьях СССР. (Не исключено, что в 1940 г. Сталин мог выдать его Гитлеру, окажись Фейхтвангер в зоне досягаемости отца народов).

[326] Большая цензура. С. 468. Первая, опущенная здесь часть телеграммы, касается испанского правительства и к конгрессу отношения не имеет.

1 июня 1937 г. Кольцов отправил назначенному после смерти Горького генсеком Союза писателей В.Ставскому инструктивное письмо, в котором конгресс конспиративно именовался «*спектаклем*»:

> Спектакль состоится, очевидно, в начале июля. Масса трудностей – и с отдельными участниками, и с гостеприимными хозяевами, и с организаторами. Мальро разъезжает из страны в страну, но по другим делам. Илья Григорьевич <Эренбург>, в начале отдыхавший на курорте, прибыв в Париж, просил меня освободить его от работы по подготовке спектакля, – как в Париже, ибо у него портятся отношения с франц. писателями, так и в Валенсии, т.к. у него испортились отношения с испанскими, особенно с Марией Тересой и Альб<ерти> (Марии Тересе, оспаривая ее слишком восторженные оценки Москвы, он сказал: «Ну, теперь в Москве так настроены, что если из Испании приедет даже корова, то ее примут за быка и будут чествовать». Конечно, женщина смертельно обиделась. Об этом случае рассказал мне он сам, объясняя, что эти слова у него вырвались случайно…). Подлинная причина самоустранения И.Г. – 1) его неверие во всё предприятие, 2) боязнь ответственности, особенно после истории с Жидом, 3) недовольство тем, что наши разногласия и конфликты, например, с тем же Жидом, портят его связи и «положение» в Париже, т.е. возможность дружить с французами и издаваться у них. При этом положении вся тяжесть подготовки легла на Арагона и Блока. Люди они, несомненно, хорошие и честные, но им очень трудно в такой обстановке. Я специально задержался в Париже, чтобы с ними поработать. И отсюда говорю с ними по телефону. У Фейхтвангера я был. Он и Генрих Манн обещают быть, если спектакль будет в июле. <…> Нужно приготовить речи, примерно распределив их так: соц.реализм – Фадеев, пролет. гуманизм и демократия – Ставский, Виш-

невский, проблемы лит. творчества – Толстой, Шолохов, нация и культура – Микитенко, писатели, дети, молодежь – Барто. (Мне намечена тема – роль писателя и общество). М.б. Вишневский возьмет тему об индивидуальности? Если не он, то Толстой. Это наметки и пожелания последнего заседания генсекретариата. Каждая речь – не больше (лучше меньше) 15 минут! Это строгое правило, особенно для тех, кто будет говорить по-русски, ибо перевод удваивает время. Кельин должен приготовить речь на чисто испанскую тему (желательно, историко-литературного порядка о каком-нибудь исп. классике, но не Сервантесе, о котором будут говорить все). Кроме того, надо быть готовым к маленьким агитвыступлениям по 5 минут и к полемическим, в случае появления где-нибудь врагов народа...[327] Вот пока все <...>. Речи должны быть непременно заранее написаны. Крайне желателен также готовый перевод на франц. язык, в 2–3 экземплярах. Учтите опыт первого конгресса, не делайте сухих, на газетном языке, выступлений. Учтите, аудитория – Испания! Меньше схемы, больше мыслей, образности[328].

10 июня посредственный литератор В. Ставский, по возможно неумолимой иронии судьбы оказавшийся в кресле Горького, переслал это письмо лично т. Сталину, сопроводив его такими словами:

Сообщаю, что из Парижа в Союз Советских Писателей поступила телеграмма от литераторов Мальро, Шамсона, Блока и Арагона. Товарищи сообщают, что окончательно установлен срок международного антифашистского конгресса писателей в Испании 2-го июля 1937. Товарищи считают, что не позднее 30 июня советская делегация

[327] Лексика 1937 г. (на Парижском конгрессе так не говорили).
[328] Большая цензура. С. 469, 470.

> должна быть в Париже с тем, чтобы дальше ехать вместе, коллективом.
>
> Сегодня мною получено письмо от тов. Михаила Кольцова из Байонна-Тулузы, датированное 1 июня сего года. Из этого письма, прилагаемого при этом, вытекает, что: 1) срок созыва конгресса – начало июля – подтверждается, 2) на Илью Эренбурга надежда плохая, 3) конгресс готов более или менее, в частности – Фейхтвангер и Генрих Манн будут – о других участниках тов. Кольцов не сообщает, 4) срок выезда советской делегации тов. М. Кольцов считает около 22 июня, 5) выступления советских делегатов должны быть заранее написанными, тщательно и глубоко продуманными. Соображения т. Кольцова надо принять за основу. В связи с этим считаю крайне целесообразным: выезд части советской делегации (Вишневский, Толстой, Ставский) не позднее 20 июня с.г. с тем, чтобы в Париже провести ряд встреч и бесед с литераторами-антифашистами – участниками конгресса, а также проверить всю подготовку к конгрессу. Остальная часть советской делегации должна выехать не позднее 25 июня с тем, чтобы побывать на Парижской Выставке <...> Прошу указаний![329]

Шолохов от поездки на конгресс снова отказался. (Задним числом, 16 сентября 1937 г., Ставский писал Сталину об этом в связи со своей поездкой в Вешенскую для расследования тревожных сообщений о Шолохове: «Шолохов не поехал в Испанию на Международный конгресс писателей. Он объясняет это "сложностью своего политического положения в Вешенском районе"»[330]). Вместо Шолохова в делегацию ввели прозаика Виктора Финка, который с 1909 по 1916 г. жил, учился (окончил юридический факультет Сорбонны) и воевал во Франции, а в 1935 г. выпустил автобиографический роман «Иностранный легион» о Первой мировой войне; одобренный критикой и сде-

[329] Большая цензура. С. 471.

[330] Власть и художественная интеллигенция. С. 380–381.

лавший ему имя[331]. А.Н. Толстому было позволено прибыть вместе с молодой женой...

23 июня 1937 г. Кольцов записал в «Испанском дневнике» об отношении к конгрессу в Париже, где размещался аппарат Ассоциации писателей-антифашистов:

«Конгресс писателей все-таки состоится, хотя и с небольшим опозданием. Добиться этого было очень трудно. Правительства многих "невмешивающихся" стран препятствуют проезду делегатов, отказывают в паспортах, волокитят, запугивают, отговаривают, увещевают. Но и в среде самих писателей нашлись такие, которые, именуя себя и левыми и антифашистами, всячески высказываются против конгресса и участия в нем. Они доказывают, что в Испании, в военной обстановке, трудно будет всерьез обсуждать писательские дела и литературные проблемы. (Разве трудно? Вовсе не трудно! во всяком случае это возможно.) Что конгресс выльется в одну сплошную демонстрацию сочувствия Испании. (А почему бы и нет?) Что затея слишком претенциозна и шумлива. (Не более, чем всякий другой конгресс или конференция). Что никто никогда не давал права таскать писателей под огонь и подвергать их жизнь опасности, а их семьи волнениям. (Вот это, пожалуй, довод; но никто их не тащит, кто едет – едет добровольно, да и вообще все будет сделано, чтобы избавить делегатов от самой отдаленной опасности и риска. Приезжали же сюда всякого рода парламентские и дамские делегации, вплоть до английских герцогинь, и ничего с ними не случилось!) Что этот конгресс раздразнит фашистов и дело кончится тем, что Франко соберет у себя конгресс с другими писателями, может быть, даже почище этого. (Тут уж можно только развести руками...) Арагон пишет из Парижа, что троцкиствующие писатели ходят по домам своих коллег и отговаривают их от поездки на конгресс в Испанию»[332]. Приведем еще одну за-

[331] В ограниченных и предвзятых, что называется, советских, воспоминаниях В. Финка «На конгрессе в Испании» несколько страниц посвящено А. Мальро (существенно больше, чем кому-либо иному, даже подобострастно представленному А. Толстому – «единственному из всемирно известных писателей», приехавших на конгресс). Мальро выведен под именем Полковника – откровенного позера, озабоченного исключительно личной славой, которого А. Толстой, разумеется, мгновенно «раскусил» (*Финк В.* Литературные воспоминания. М., 1963. С. 149–155).

[332] «Испанский дневник» М. Кольцова здесь и далее цитируется по изданию 1958 г., сверенному с изданием 1988 г.

пись Кольцова о последних днях подготовки к конгрессу в Испании: «29 июня 1937. Страшная суетня и бестолковщина в подготовке конгресса. Занимаются этим одновременно два правительства – центральное и каталонское, и в них по три министерства – иностранных дел, внутренних дел, просвещения – и, кроме того, военное министерство, и генеральный комиссариат, и Альянса писателей, и еще все, кому не лень. Со всеми ними Ассоциации писателей приходится спорить и торговаться. Бюрократизм в Испании ленив и наивно высокопарен. Главная забота министерских чиновников – скрыть от делегатов тот неприличный факт, что в Испании сейчас происходит война. Для этого они придумывают тысячи мероприятий и ухищрений. Места для заседаний они предлагают в отдаленных и тихих районах, в загородных дворцах, укрытых парками. В программу экскурсий вставляют разную туристическую чепуху – рыбную ловлю, осмотр старинных развалин и стоянок доисторического человека. Я доказываю, что если делегаты искали бы тишины и развлечений, они, пожалуй, нашли бы сейчас более подходящую страну для конгресса. Чиновников это не убеждает. Мысль о поездке писателей в Мадрид приводит их в ужас. "Ну что они там увидят? Разрушенный, запущенный город. Какой смысл конгрессу уезжать из Валенсии? Здесь правительство, все министерства, здесь теперь столица, здесь все, что может их интересовать..."».

2. Кольцов и Эренбург: хроника испанского конгресса

Писатели начали съезжаться на конгресс 2 июля. Илья Эренбург вспоминал: «Я ехал в Барселону, чтобы встретить делегацию советских писателей, и думал о предстоящих боях за Брунете. Кольцов мне сказал: "Вы должны теперь думать только о конгрессе, вы – в секретариате; в общем, всё это затеяли вы. А с меня хватит советской делегации..." Я ответил: "Хорошо", – и все-таки мало думал о конгрессе...»[333].

2 июля 1937 г. Эренбург по телефону передал в «Известия»:

> Заседание конгресса откроется 4 июля речью президента Испанской республики Мануэля Аса-

[333] *Эренбург* (2, 174).

ньи[334], который является одним из лучших писателей Испании, автором книги «Сад монахов». Испанскую делегацию будут представлять крупнейший поэт современной Испании – Антонио Мачадо, поэт Хосе Бергамин, революционный поэт Рафаэль Альберти и свыше 60 других писателей и поэтов. Сегодня в Барселону приехали 52 иностранных делегата: немецкие писатели – Анна Зегерс, Вилли Бредель, французские – Андре Мальро, Жюльен Бенда, Селин[335], чилийский поэт Неруда, американский критик Малькольм Коули, писатели Чехословакии и Китая, Исландии и Аргентины. В делегацию советских писателей входят Михаил Кольцов, Алексей Толстой, Фадеев, Вишневский, Ставский, Барто, Микитенко, Финк и Эренбург[336]. В работе конгресса принимает участие командир одной из бригад немецкий писатель Людвиг Ренн.

3 июля в «Испанском дневнике» Михаила Кольцова записано: «Утром выехал навстречу делегатам конгресса...Они устали, но возбуждены. Жадно оглядываются кругом, расспрашивают испанских "старожилов" – Людвига Ренна, Ральфа Бейтса, Эренбурга, Нурдаля Грига, – ловят детали, ревниво прислушиваются к разговорам, как бы не пропустить чего самого главного. Одни патетически взвинчены – Мюллештейн, Гонсалес Туньон, Вишневский; они требуют тут же дать им в руку винтовку или что-нибудь, чтобы они немедленно побежали сражаться. Другие воспринимают все окружающее в трагическом аспекте – Анна Зегерс, Андре Шамсон, португалец Кор-

[334] На открытии конгресса выступил премьер-министр Негрин; Асанья выступил в середине конгресса.

[335] Непонятно, кто тут ошибся – Эренбург или «Известия» – так как Селин не мог быть делегатом конгресса. «Литературная газета» 10 июля 1937 г. писала, что в Европе создается своего рода единый фронт, из «фашистов» – Андре Жида, Селина и Доржелеса; Эренбург так описывал осень 1938-го в Париже: «Были и такие "левые", которые, протестуя против роспуска ПОУМ в Испании, требовали запрещения коммунистической партии во Франции. Писатель Селин предлагал объединиться с Гитлером в священной войне "против евреев и калмыков" ("калмыками" он, видимо, называл русских)». – Эренбург (2, 225).

[336] В этом перечне пропущен испанист Ф.В. Кельин.

тес, англичанин Спендер. Третья группа, наиболее уравновешенная, медлительно, как водолазы, из своих писательских скафандров разглядывают испанский водоворот и запасаются впечатлениями впрок. Это Толстой, Эрих Вайнерт, Жюльен Бенда, Фадеев, Мархвица, Муссинак. Четвертые воспринимают конгресс и обстановку вокруг него только в плане общественного служения, они озабочены своим выступлением, ходом и порядком заседаний, стенограммой, газетными отчетами.

Кто-то из делегатов привез книжку Андре Жида – уже вторую его книжку об СССР[337]. Я перелистал – это уже открытая троцкистская брань и клевета. Он и не скрывает этого – открыто называет имена видных троцкистов и антисоветских деятелей, которые "любезно" предоставили материалы[338]. А материалы эти – смесь догматически надерганных газетных вырезок и старых контрреволюционных анекдотов».

3 июля Эренбург сообщил в «Известия»:

«Вследствие паспортных затруднений на конгресс не смогли приехать Элленс, Фейхтвангер и другие писатели».

Второй международный конгресс писателей против фашизма открылся в Валенсии 4 июля 1937-го. Советская делегация прибыла из Франции в пограничный город Порт-Бу и, т.к. поезда не ходили, далее добиралась на машинах и автобусах. М.Кольцов (глава делегации) и И.Эренбург присоединились ко всем 3-го июля утром уже в Испании. Конгресс открылся в здании муниципалитета, где заседали кортесы. В президиум конгресса были выбраны А. Мальро, Ж. Бенда, А. Толстой, М. Кольцов, Л. Ренн, М. Андерсен-Нексё, М. Коули, А. Мачадо, Х. Бергамин, У. Оден.

Краткую хронику конгресса дадим по «Испанскому дневнику» Михаила Кольцова, по известинским репортажам и мемуарам Ильи Эренбурга.

Михаил Кольцов, 4 июля:

> Конгресс открылся сегодня утром, официально и торжественно, в зале муниципалитета, в котором теперь заседает парламент. Глава правительства

[337] *Жид А.* Поправки к моему «Возвращению из СССР» (июнь 1937 г.).

[338] Кого именно имел в виду Кольцов, непонятно – А. Жид цитирует коммунистов Ленина, Гренье, левых Л. Фишера, Вильдрака, Понса. Из троцкистов – лишь писателя М. Мартине. Книжку эту отличают от «Возвращения...» лишь откровенно резкие высказывания о Сталине.

Хуан Негрин открыл конгресс краткой приветственной речью. Ему отвечал от имени писателей Мартин Андерсен Нексе. Старик немного не учел торжественности обстановки. Всю дорогу, в автомобиле, в пыли, в тропической жаре, он трясся в черном сюртуке, в тугой крахмальной манишке, с черным галстуком. Здесь же на официальной церемонии, он предстал в расстегнутой рубашке без воротника, с седыми космами на широкой дряхлой груди. Негрин пригласил его в президиум и, передав председательствование, удалился <...> Сегодня же правительство чествовало конгресс обедом на пляже, в ресторане Лас Аренас. Здесь все было более непринужденно, впрочем, тоже с речами. Говорил министр просвещения, затем Людвиг Ренн, Толстой, Эренбург. Писатели сидели вперемежку с министрами и военными, знакомились, беседовали и болтали. Анне Зегерс очень понравился плотный, добродушный испанец в очках, остроумный и веселый, к тому же изумительно говорящий по-немецки. Он давал ей справки и быстрые, живые характеристики испанцев, сидевших за столом. «А вы здесь какую должность занимаете?» – ласково спросила Анна, щуря близорукие глаза. «Я здесь председатель совета министров, я у вас выступал сегодня на конгрессе», – ответил Негрин. К концу обеда, под аплодисменты, прибыла прямо из Барселоны запоздавшая часть конгресса. Английским писателям их правительство отказало в паспортах. Мальро взялся переправить эту группу и нескольких немцев эмигрантов без особых формальностей в Испанию. Сейчас он не без эффекта ввел своих клиентов в зал. Под шум и аплодисменты он шепнул, мальчишески мне подмигнув: «Контрабандисты вас приветствуют». <...> Ночью город основательно бомбили <...>

Илья Эренбург, 4 июля:

Большую речь произнес Альварес дель Вайо. Конгресс слушает его с особой любовью. На пер-

вом конгрессе в Париже он выступал как эмигрант. Палачи Астурии[339] лишили его родины. Теперь он говорит как верховный комиссар республиканской армии».

Илья Эренбург, 5 июля:

Испанские писатели предлагают возложить венок на могилу венгерского романиста – героя интернациональной бригады генерала Лукача[340]. Конгресс посылает приветственную телеграмму Густаву Реглеру, который находится в госпитале.

Михаил Кольцов, 6 июля:

Большим караваном конгресс перебрался сегодня из Валенсии в Мадрид. В пути одна машина, в которой ехали Мальро, Эренбург, Кельин, наскочила на грузовик со снарядами. Чуть не случилась катастрофа...

Михаил Кольцов, 7 июля:

С утра конгресс заседает в зале «Аудиториум». Мадридцы посрамили суматошную Валенсию, они все очень толково и дельно организовали. <...> В середине заседания в зал вошла делегация из окопов с известием о взятии Брунете и со знаменем, только что отнятым у фашистов. Началось неописуемое ликование.

Илья Эренбург вспоминал:

Фашисты по радио издевались над конгрессом. Ночью, однако, они проявили к нему некоторый

339 Имеются в виду власти Испании, подавившие в 1934 г. восстание астурийских горняков.

340 Под этим именем воевал в Испании приехавший из Москвы венгерский писатель Мате Залка.

интерес: начали палить из орудий по центру Мадрида. Почти все делегаты отнеслись к этому спокойно; нашлись и такие, приехавшие из спокойных стран, которые перепугались; о них потом рассказывали смешные истории, но в общем обстрел был сильным, а на войне порой бывает страшно, особенно с непривычки. Грохот был отчаянный, заснуть было невозможно. Я долго беседовал с Жюльеном Бенда[341].

7 июля Эренбург передавал в «Известия»:

Вчера Людвиг Ренн в своей речи говорил: «Мы не хотели больше писать историю, мы хотели ее делать. Это привело сюда нашего старого друга Лукача, Альберта Мюллера и Ральфа Фокса, которые умерли на поле брани, и других, как Густав Реглер, которые тяжело ранены» <...> Сегодня съезд заседал в помещении кино. Заседание превратилось в большой митинг. С речами выступали Михаил Кольцов, командир бригады Дуран, композитор и один из наиболее доблестных вождей республиканской армии, а также французский писатель Андре Мальро.

Текст своей речи Кольцов включил в «Испанский дневник» (7 июля 1937 г.). Он говорил о том, что ныне мир разделен чертой – по одну сторону от нее «гитлеровская тирания, бездушное властолюбие итальянского диктатора, троцкистский терроризм[342], неумолимая хищность японских милитаристов, геббельсовская ненависть к науке и культуре, расовое исступление Штрейхера[343]». По другую сторону Кольцов расположил СССР, вместе с ним были названы «и американский, и французский и даже испанский парламентаризм», которые «для нас достаточно далеки». От этой черты, – продолжал Кольцов, – негде спрятаться. «Нельзя сказать: “Я не хочу ни того, ни дру-

[341] *Эренбург* (2, 175).

[342] Заурядный штамп из арсенала сталинской пропаганды.

[343] Ю. Штрейхер – фанатичный «теоретик» расизма и антисемитизма Третьего рейха.

гого". Менее всего это может сказать писатель». Тут пришел черед А. Жида: «Лучше всего эта истина подтвердилась на примере Андре Жида. Выпуская свою книжку, полную грязной клеветы на Советский Союз, этот автор пытался сохранить видимость нейтральности и надеялся остаться в кругу "левых" читателей. Напрасно! Его книга сразу попала к французским фашистам и стала, вместе с автором, их фашистским знаменем. И что особенно поучительно для Испании, – отдавая себе отчет в симпатиях масс к Испанской Республике, опасаясь навлечь на себя гнев читателей, Андре Жид поместил в глухом уголке своей книги несколько невнятных слов, одобряющих Советский Союз за его отношение к антифашистской Испании. Но эта маскировка не обманула никого. Книга была перепечатана целиком в ряде номеров главного номера Франко "Диарио де Бургос". Свои узнали своего!»

Эренбург вспоминал, что семидесятилетний эссеист Жюльен Бенда говорил ему во время обстрела Мадрида об Андре Жиде:

> Вы поверили в его общественную ценность, сделали из него апостола, а теперь предаете анафеме. Это смешно, особенно здесь – в Мадриде. Андре Жид – птичка, которая свила гнездо на «ничьей земле»; стрелять нужно, как стреляют фашисты – по батареям противника[344].

Илья Эренбург, 8 июля:

> Вчера делегаты конгресса были на фронтах. На вечернем заседании конгресса выступил, несмотря на тяжелые ранения, писатель Густав Реглер. Реглер говорил, сидя в кресле: «Что теперь сказать тем писателям, которые еще колеблются и которых нет сейчас среди нас? Неужели вы верите в политику примирения, нейтралитета, невмешательства? Мы должны сказать вам: нет перемирия с врагами народа, с убийцами Герники, с теми, кото-

[344] *Эренбург* (2, 177).

рые сегодня ночью снова бомбардировали мирное население Мадрида. Мы – с испанским народом!» Делегаты стоя приветствовали Густава Реглера. Французский писатель Андре Мальро сказал: «В тяжелые дни отступления у Талаверы я видел две бомбы, которые не разорвались. Они были присланы из Германии, и внутри были записки: "Эти бомбы не разорвутся" – залог мужества и солидарности. Я хочу сказать вам одно: мы делаем всё, чтобы бомбы наших врагов не разрывались». Послана приветственная телеграмма Ромэн Роллану. Испанский поэт Бергамин выступил сегодня во второй раз, посвятив свою речь клеветнической книге Андре Жида об СССР. «Я говорю, – начал Бергамин свою речь, – от имени всей испанской делегации. Я говорю также от имени делегации Южной Америки, писателей, которые пишут на испанском языке. Я надеюсь, что я говорю также от всех писателей Испании. Здесь, в Мадриде, я прочитал новую книгу Андре Жида о СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это не критика, это клевета <…>. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором»[345].

10 июля Эренбург сообщал в «Известия»:

Последнее заседание II международного конгресса писателей в Испании прошло с большим

[345] Надо полагать, Эренбург надеялся, что он обойдется этой цитатой из выступления Бергамина об А. Жиде, но в ноябре 1937 г. ему все же пришлось высказаться и самому…

> подъемом. Выступали Фадеев, Бенда, Маринельо (Южная Америка), Маргарита Нелькен, Эренбург, Андре Мальро, Фернандо де лос Риос. Заседание закрыл председатель кортесов Мартино Баррио. Завтра утром делегаты конгресса уезжают в Барселону.

Из Валенсии конгресс перебрался в Барселону.

Из Барселоны конгресс перебрался в Париж.

Среди 80 участников в сообщениях прессы назывались также имена французов Тристана Тцара, Клода Авелина, Леона Муссинака, китайского писателя Эми Сяо, немца Э.Э. Киша, болгарина Г. Белева, швейцарского писателя Воше, кубинца Х. Маринельо, чеха Кратохвила, редактора газеты Интернациональных бригад Курта Штерна.

Первое заседание в Париже прошло 16 июля. Председательствовал Г. Манн; в президиуме сидели глава испанской делегации Х. Бергамин, Вс. Вишневский, Л. Хьюз, Стивен Спендер, Карин Михаэлис, Пабло Неруда («Литературная газета» написала, что он представляет Кубу!), Андре Шамсон, Луи Арагон, Поль Низан, Рене Маран.

Конкретные итоги конгресса содержатся, как ни странно, в следственных показаниях М. Кольцова, датированных 9 апреля 1939 г.: «Второй конгресс дал возможность изменить руководство Ассоциации писателей, удалив из него Андре Жида. Ведущую роль в нем получили коммунисты Арагон, Муссинак, Блек, Реглер, Бредель и беспартийные, прочно стоящие на позициях поддержки СССР – Ж.Р. Блок, Мальро, Дюртен, Фейхтвангер, Генрих Манн. База Ассоциации, однако, несколько сузилась, в связи с отходом от нее колеблющихся элементов. Воспользовавшись затруднениями общеполитического характера во Франции, Эренбург занял открыто враждебную позицию в отношении руководства Ассоциации и стал высмеивать все усилия писателей-коммунистов Арагона, Блека и других сохранить единый фронт с сочувствующими. Он уверял иностранных писателей, что связь с русскими невозможна, ввиду официально проповедуемой в СССР "ксенофобии" (ненависти к иностранцам). С другой стороны он писал в Москву о невозможности контакта с западной интеллигенцией <...> Он заявил мне, что массовые аресты и последние судебные

процессы отталкивают от нас западную интеллигенцию, что "мы сами себя изолируем" и что "дальше будет еще хуже". Это произвело на меня большое впечатление, совпадая с моими настроениями в тот момент»[346].

Общее впечатление от конгресса писателей, сохранившееся через четверть века у Эренбурга, было скорее грустным:

> Летом 1937 года в Мадриде речи писателей как-то не звучали. Восхищались мы другим. Пришли бойцы, принесли трофеи – знамя фашистского полка, только что захваченное в боях у Брунете. Привезли из госпиталя Реглера, он шел, опираясь на палку, не мог говорить стоя, попросил разрешения сесть и зал встал из уважения к ране солдата. Реглер говорил: «Нет других проблем композиции, кроме проблемы единства в борьбе против фашистов». Это чувствовали в ту минуту все – и писатели, и бойцы, пришедшие нас приветствовать. Горячо встречали писателей, которые воевали: Мальро, Людвига Ренна, молоденького испанского поэта Апарисио и других.
>
> Выступления многих советских писателей удивили и встревожили испанцев, которые мне говорили: «Мы думали, что у вас на двадцатом году революции генералы с народом. А оказывается, что у вас то же самое, что у нас». Я старался успокоить испанцев, хотя сам ничего не понимал. Кажется только А.Л. Барто, говоря о советских детях, не вспомнила про Тухачевского и Якира; другие, повышая голос, повторяли, что одни «враги народа» уничтожены, другие будут уничтожены. Я попытался спросить наших делегатов, почему они говорят об этом на конгрессе писателей, да еще в Мадриде; никто мне не ответил; а Михаил Ефимович хмыкнул: «Так нужно. А вы лучше не спрашивайте...»[347].

---

[346] *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 93–94.
[347] *Эренбург* (2, 176–177).

Второй международный антифашистский конгресс писателей завершился в Париже 17 июля 1937 г. На заключительном заседании председательствовал Луи Арагон, на нем выступил Бертольт Брехт, А. Толстой, С. Спендер, и П. Вайян-Кутюрье. Пылкую речь Всеволода Вишневского, напечатанную под заголовком «Мы уничтожим фашизм!», имевшую непрямое отношение к литературе, встретили бурными аплодисментами. Перед зачтением резолюций говорили Эренбург и Ж.Р. Блок…

За день до окончания конгресса,16 июля, Эренбург, политическое положение которого после ареста Бухарина пошатнулось – он это несомненно чувствовал, общаясь с советскими делегатами, – обратился к Кольцову со следующим заявлением:

Тов. Кольцову – председателю советской делегации на конгрессе писателей.

Дорогой Михаил Ефимович,

Вы мне сообщили, что хотите снова выдвинуть меня в секретари Ассоциации Писателей. Я прошу Вас вычеркнуть мое имя из списка и освободить меня от данной работы.

Как Вы знаете, я работаю в Ассоциации со времени ее возникновения, никогда не уклоняясь ни от каких обязанностей. Когда приехала советская делегация на первый конгресс, один из ее руководителей Киршон[348] неоднократно и отнюдь не в товарищеской форме отстранял меня от каких-либо обсуждений поведения как советской делегации, так и Конгресса. Я отнес это к свойствам указанного делегата и воздержался от каких-либо выводов.

Теперь во время второго конгресса я столкнулся с однородным отношением ко мне. Если я иногда что-либо знал о составе конгресса, о порядке дня, о выступлениях делегатов, то исключительно от Вас в порядке частной информации. Укажу хотя бы, что порядок дня парижских заседаний, выступления того или иного товарища обсуждалось без

[348] С драматургом В. Киршоном Эренбург познакомился в Париже еще в 1932 г.; Киршон на второй конгресс допущен не был, его арестовали в Москве 29 августа 1937 г.

меня, хотя официально я считаюсь одним из двух секретарей советской секции[349]. Я не был согласен с планом парижских заседаний. Я не был согласен с поведением советской делегации в Испании, которая, на мой взгляд, должна была, с одной стороны, воздержаться от всего того, что ставило ее в привилегированное положение по отношению к другим делегатам, с другой, – показать иностранцам пример товарищеской спайки, а не деления советских делегатов по рангам. Я не мог высказать моего мнения, так как никто меня не спрашивал и мои функции сводились к функциям переводчика. При подобном отношении ко мне – справедливом или несправедливом – я считаю излишним выборы меня в секретари Ассоциации, тем паче, что отношение советской делегации ставит меня в затруднительное положение перед нашими иностранными товарищами.

Я думаю, что представитель советских писателей на Международном секретариате должен быть облечен большим доверием своих товарищей.

Как Вы знаете, я очень занят испанской работой; помимо этого я хочу сейчас писать книгу и, полагаю, смогу с большим успехом приложить свои силы для успеха нашего общего дела, чем пребывая декоративным персонажем в секретариате.

Если Вы сочтете возможным разрешить вопрос на месте, прошу Вас, во всяком случае теперь, не вводить меня в секретариат, а я со своей стороны обращусь к руководящим товарищам с просьбой освободить меня от указанной работы.

Считаю необходимым указать, что лично с Вашей стороны я встречал неизменно товарищеское отношение, которое глубоко ценю.

С приветом

Илья Эренбург.

[349] Наряду с М.Е. Кольцовым

В мемуарах Эренбург рассказывает о реакции Кольцова на это письмо: «Михаил Ефимович, прочитав заявление, хмыкнул: "Люди не выходят, людей выводят", – но обещал не обременять меня излишней работой»[350].

Следует сказать, что собственные впечатления Кольцова о советской делегации мало отличались от впечатлений Эренбурга. Об этом можно судить по первым показаниям Кольцова, которые он дал на Лубянке в марте-апреле 1939 г. – они не сопровождались уточняющими вопросами и требованиями расширить их и уточнить, а были написаны им лично или записаны следователем, основные фальсификации последовали позже. Вот фрагмент этих показаний: «Советская делегация на конгресс приехала совершенно неподготовленной, без написанных выступлений. Секретарь Союза (писателей. – *Б.Ф.*) – Ставский деморализовал делегацию, расколов ее на две части беспринципной склокой. Ставский и Вишневский выделяли себя среди остальных, требовали для себя особых привилегий перед своими товарищами и перед иностранными делегатами. Вишневский во время конгресса появлялся пьяным и приставал к иностранцам-писателям с провокационными выходками – например: "мы сегодня ночью в одном месте постреляли десяток фашистов, приглашаем вас повторить это вместе на следующую ночь". Такое поведение и слабая подготовка советских литераторов производили на членов конгресса тяжелое впечатление. Я несу за это ответственность, как руководитель делегации»[351]. Так что слова Эренбурга о поведении советской делегации на конгрессе Кольцов не мог воспринимать, как наскоки и тем более как клевету – все это он видел не хуже Эренбурга…

На последнем заседании «конгресса Международной ассоциации писателей» (так его стали именовать в «Правде») были избраны органы ассоциации. В Бюро вошло 100 человек от 28 стран (на первом конгрессе было соответственно 112 из 35 стран); СССР представляли не двенадцать человек, как в 1935-м, а девять: М. Кольцов, А. Толстой, М. Шолохов, И. Эренбург, В. Ставский, Вс. Вишневский, А. Лахути, А. Фадеев, и И. Микитенко (вновь ввели двоих – Ставского и Вишневского,

[350] *Эренбург* (2, 136).

[351] *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 93.

а вот вывели пятерых: Пастернака, Тихонова, Киршона, Третьякова и Панферова; вскоре расстреляют Киршона, Третьякова, Кольцова и Микитенко). В Президиум Ассоциации вошло 18 человек: Р. Роллан, А. Мальро, Ж.Р. Блок, Л. Арагон, Ж. Бенда, Б. Шоу, Дж. Леманн[352], М. Андерсен-Нексё, Т. Манн, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, А. Толстой, М. Шолохов, С. Лагерлёф, Э. Хемингуэй[353], А. Мачадо, Х. Бергамин, Э. Форстер (в 1935 г. избрали 11; из них трое умерли: А. Барбюс, М. Горький и Р. Валье-Инклан; троих вывели: А. Жида, О. Хаксли и С. Льюиса, к пятерым старым довыбрали 13 новых, из которых прежде входили в секретариат Ж.Р. Блок, А. Мальро, Л. Арагон, а прежде не входили даже в Бюро: Дж. Леманн, Э. Хемингуэй, А. Мачадо и Х. Бергамин). В новый секретариат, получивший название Генерального секретариата, вместе с Кольцовым и Эренбургом включили В. Ставского...

Очевидно, что в целом новые органы ассоциации стали куда более промосковскими, причем политический спектр ассоциации заметно сузился...

Основная резолюция конгресса, в сравнении с резолюцией 1935 года, стала существенно более политизированной. В ее трех пунктах речь шла исключительно о борьбе с фашизмом (германским, итальянским и испанским).

Последнее решение конгресса, о котором сообщил в своей корреспонденции в Москву Вс.Вишневский, звучало так: «По предложению американской делегации Третий международный конгресс состоится в Америке»[354].

V. Последний антракт

1. Сталин всегда прав!

Главной политической фигурой на испанском конгрессе был Михаил Кольцов. Но нельзя сказать, что его внутреннее само-

[352] Совместно со Ст. Спедером Дж. Леманн выпустил в 1939 г. антологию «Стихи для Испании».

[353] Так получилось, что Хемингуэй находился в Испании с марта по май 1937 г., а потом с сентября 1937-го по январь 1938 г., и еще с апреля по май и в ноябре 1938 г., так что в работе конгресса он не мог принять участие, но был безусловным антифашистом и убежденным сторонником Испанской республики, его избрание не противоречило его тогдашней позиции.

[354] Литературная газета. 1937. 20 июля.

ощущение было адекватно его внешнему положению на конгрессе. Дело в том, что за лето 1937 г. политическое положение Кольцова на родине пошатнулось, хотя почти никто не мог этого заметить. Еще в начале мая 1937-го Кольцов почувствовал: что-то изменилось в отношении к нему «хозяина». Тогда Сталин вызвал его в Москву для доклада о положении дел в Испании; докладывал Кольцов вождю в присутствии Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова. После доклада вождь в шутовской манере спросил Кольцова, есть ли у него револьвер и не собирается ли он из него застрелиться? Тут-то в глазах «хозяина» Кольцов и прочел: «Слишком прыток»[355] – с тех пор в его душе поселилась тревога.

Брат Кольцова, благополучно переваливший столетний рубеж, приводит в своих мемуарах донос на Кольцова, направленный из Испании генеральным комиссаром Интербригад, крупным деятелем Коминтерна Анри Марти[356]. С этим доносом, где Кольцов обвинялся в связях с испанскими троцкистами, Сталин ознакомился лично.

Продолжая находиться в Испании и выполнять поставленную политическую задачу, Кольцов внимательно следил за сообщениями из Москвы. В октябре 1937 г. в СССР началось выдвижение кандидатов в депутаты двухпалатного Верховного Совета СССР (первые выборы проводились по новой, официально именуемой Сталинской, конституции). 11–12 октября пленум ЦК, специально посвященный выборам, надо думать, утвердил списки будущих депутатов, разработанные аппаратом под контролем Сталина. После этого по всей стране начались «выдвижения» их кандидатур. Первыми (одновременно во многих избирательных округах) выдвинули Сталина и (в несколько меньшем числе округов) остальных членов Политбюро. Следом начали выдвигать работников аппарата власти, а также декоративных «представителей» различных социальных групп, национальностей и профессий. Одним из первых в этом «втором эшелоне» выдвинули (в Подмосковье) коллегу Кольцова, тоже члена редколлегии «Правды», давнего и жестокого сталинца Л.З. Мехлиса. Из писателей назывались кандидатуры А. Толстого и М. Шолохова.

---

[355] Михаил Кольцов, каким он был. С. 95.

[356] *Ефимов Б.* Десять десятилетий. С. 257.

Списки выдвинутых заполняли страницы всех газет. Кольцов внимательно читал «Правду». Его имени в этих перечнях не было.

25 октября «Правда» напечатала подвал Кольцова на любимую сталинскую тему о троцкистах – прислужниках Гитлера; статья называлась: «Раскрытие троцкистской шпионской организации в Барселоне».

Его кандидатуру, однако, упорно не выдвигали.

Чем дальше, тем серьезнее Кольцов осознавал: время уходит и, что называется, промедление смерти подобно... Умный человек с солидной долей цинизма (как написал Эренбург, «умный до того, что ум становился для него обузой»[357]) Кольцов, надо полагать, понимал, что причина его «невыдвижения» кроется не в том, что о нем случайно забыли. Сталин был великий дозировщик и ничего не забывал: троих сражавшихся в Испании советских военачальников (П. Батова, Я. Смушкевича и Г. Штерна) кандидатами в депутаты выдвинули. Напомнить вождю о себе – было не лучшим способом прояснить ситуацию, но ничего другого Кольцов не придумал. То, как Сталин «чудил» после его доклада, не шло из головы. Понимал ли Кольцов сталинские слова, как намек? Наверное, нет, тем паче, что никаких «грехов» за собой не знал. 6 ноября Сталину было написано, последнее, как оказалось, письмо Кольцова из Испании:

> Дорогой товарищ Сталин!
>
> Пишу Вам издалека, из Мадрида. Позволю себе обратиться к Вам с просьбой – напомните товарищам и о моей кандидатуре на выборах. Без этого, по-видимому, о ней не вспомнят. А мне казалось бы, что имеет смысл, было бы справедливым после 17 лет активной, на виду у масс, всегда честной работы в большевистской печати, в «Правде» – включить и меня, выдвинуть и мою кандидатуру в коллективный высший орган советской демократии. Обратиться так откровенно за Вашей помощью позволяет мне вовсе не самонадеянность, а только сознание моей глубокой преданности Центральному Комитету, сознание, что я смогу быть как-то

[357] *Эренбург* (2, 134).

> полезен партии своей активной общественной и литературно-публицистической работой и сознание, что Вы всегда поддерживаете преданных партии и народу честных работников <...>[358].

Ответа Кольцов не получил. В Верховный Совет СССР его не выдвинули.

В ноябре 1937 г. (неизвестно – до отправки письма Сталину или после) Кольцов был отозван в Москву. Как раз 6 ноября «Правда» напечатала его последнюю заграничную корреспонденцию, а 17 ноября – первую московскую («Франко и другие»). Домой Кольцов добирался как обычно – через Париж, где повидался с Арагоном. Что ждет его в Москве, он не знал. Ему оставалось убеждать себя: Сталин *все* понимает и знает, кто по-настоящему ему предан.

В книге «Гибель всерьез», написанной в 1965 г., а в Москве изданной в 1998-м, Луи Арагон рассказывает, как Кольцов, отбывая в Москву, прощался с ним и Эльзой Триоле у них дома: «Где-то в начале ноября Мишель снова появился у нас. Он пришел за своим чемоданом, или нет, его срочно вызвали в Москву. Вид у него был мрачный. Мы понимали: Испания... Но послушай, Мишель, не все потеряно, все еще может измениться. Все-таки Испания – это не Эфиопия... Он кивнул. Конечно, конечно... Обнял нас на прощанье. И ушел. Нет. Ушел не сразу. Уже толкнул дверь, но вдруг шагнул назад и вернулся в нашу тесную прихожую. "Я хотел, прежде чем уйти, сказать вам одну вещь...". Зайти в комнату он не пожелал, только одно слово и все. Так вот. Он едет на родину. Что там будет с ним, он не знает. Но может быть, он не скоро опять приедет в Париж, поэтому... В мире могут произойти важные события. Но, что бы ни случилось с ним лично, запомните, запомните оба... *Сталин всегда прав*... запомните, что это были мои последние слова...»[359].

2. Кольцов и Эренбург в Москве 1938-го

В Москве 1938 г. уже исчезли со сцены (одни – арестованы и уже расстреляны, другие ждали расстрела или еще ждали арес-

[358] Большая цензура. С. 486.

[359] *Арагон Л.* Гибель всерьез. М., 1998. С 52–53.

та) многие советские персонажи нашего повествования: Бухарин, Радек, Стецкий, Кнорин, Ангаров, Динамов, Киршон, Микитенко, Кин, Бабель, Третьяков, Луппол…

Кольцова отозвали в Москву, однако Сталин не вызвал его для доклада о положении в Испании. Обожавший игры в кошки-мышки, вождь в мае 1938-го дал указание избрать Кольцова в Верховный Совет РСФСР[360]; кроме того, его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Между тем на Лубянке из арестантов уже выбивались показания о шпионской и вредительской деятельности Кольцова. И все-таки его встреча со Сталиным произошла – случайно и перед самым арестом. В Большом театре.

Не будем, однако, нарушать хронологию событий и расскажем об Эренбурге, который приехал с женой в Москву в декабре 1937 г. Когда неожиданно для Кольцова Эренбург объявился у него в кабинете в редакции «Правды», первое, что спросил его удивленный Михаил Ефимович: «Зачем вы приехали?»[361]. Шла вакханалия Большого террора. Конечно, они оба находились в подвешенном состоянии; Эренбург в тот момент – даже в большей степени. Готовился процесс над другом его юности (этой дружбы он никогда не скрывал), арестованным еще в феврале 1937-го Н.И. Бухариным – процесс проходил с 2 по 13 марта 1938 г. Явиться на процесс Эренбурга принудил именно Кольцов (см. главу «Эренбург и Бухарин»), и этого Илья Григорьевич никогда не мог ему забыть. Эренбурга лишили зарубежного паспорта. Теперь, когда Эренбург мертв и не может ответить, родственники Кольцова утверждают, что именно Михаил Ефимович помог ему получить новый паспорт[362]. Но это не так. Разумеется, Эренбург мог что-то спрашивать у Кольцова о своей ситуации, но он понимал, что решит его судьбу только сам Сталин. А доступа к Сталину Кольцов уже не имел. Обращаться самому к Сталину *до* окончания процесса Бухарина было неразумно – и потому, что процесс требовал внимания задумавшего его вождя, и потому, что именно от исхода процесса зависело, каким будет письмо Эренбурга. Через неделю после

---

[360] Кольцов был избран депутатом по Пензенскому сельскому избирательному округу; Эренбургу из Пензы заказали статью о Кольцове – кандидате в депутате; статья была написана: *Эренбург И.* Два имени // Рабочая Пенза. Пенза. 1938. 18 июня.

[361] *Эренбург* (2, 138).

[362] См.: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 312.

расстрела Бухарина, 21 марта 1938 г. Эренбург Сталину написал. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» об этих днях сказано так: «Я долго думал, что мне делать, и решил написать Сталину. Борис Матвеевич (писатель Лапин, зять Эренбурга, живший с ним в одной квартире. – *Б.Ф.*) не решался меня отговаривать и все же сказал: "Стоит ли привлекать к себе внимание?.."»[363]. Разумеется, жизнь Эренбурга висела на волоске, и его письмо написано с полным пониманием того, *кому* оно адресуется. О Бухарине в письме нет ни слова, потому что любую фальшь Сталин бы почувствовал. Думаю, это письмо стоило Эренбургу напряжения всех сил.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

мне трудно было решиться отнять у Вас время письмом о себе. Если я все же это делаю, то только потому, что от Вашей помощи зависит теперь вся моя дальнейшая литературная работа.

Я приехал в Союз в декабре (1937 г. – *Б.Ф.*). Мне давно хотелось снова взглянуть на нашу страну, подышать нашим воздухом. В декабре был пленум союза писателей, я решил приехать на этот пленум. Перед тем я был в Испании, был на теруэльском фронте. Я запросил редакцию «Известий», корреспондентом которой состою, не возражает ли она против моей поездки, и, получив согласие, приехал.

Предполагал я приехать на короткий срок: мне казалось, что вся моя работа за границей требует скорого возвращения туда и в первую очередь Испания. С самого начала испанской войны я живу этим делом. Я писал об Испании для «Известий», писал в испанские газеты, в коммунистические журналы Франции, Америки, Чехии, писал статьи, очерки, написал роман[364]. Помимо этого, как мог помогал там в деле пропаганды. Сейчас мне тяжело, что я не там. За два месяца в Москве я сделал 50 докладов – на заводах, красноармейцам, вузовцам, все, конечно, об Испании, я видел, какой у нас к

[363] *Эренбург* (2, 194).

[364] Имеется в виду повесть «Что человеку надо», написанная в 1937 г.

этому интерес, и вот сейчас, в такие трудные для Испании дни, в наших газетах только сухие сводки[365].

Назревают события во Франции. Ведь я все это знаю, я должен об этом писать. Добавлю, что во Франции я оставил литературно-общественную работу в самое горячее время. Незадолго перед отъездом мне удалось одной из моих статей наконец-то поднять против Жида «левых писателей» – группу «Вандреди»[366], Мальро и др. Важно это продолжить, на месте бороться с антисоветской кампанией. Я во Франции прожил с небольшими перерывами около 30 лет и думаю, что сейчас там и в Испании я больше всего могу быть полезным нашей стране, нашему делу.

Редакция «Известий», отдел печати Цека все время мне говорят: «Наверно скоро поедете…». Мне обидно, больно, что в такое время я сижу без дела, и вот это чувство заставило меня написать Вам. Я очень прошу простить мне, что по этому вопросу обращаюсь лично к Вам, но мы сжились с мыслью, что Вы не только наш руководитель, но и наш друг, который входит во все.

С глубоким уважением

Илья Эренбург.

Ответа пришлось ждать больше двух недель. Приведем здесь еще один текст, который 3 апреля 1938 г. подписали и Кольцов, и Эренбург – он не связан с обращением Эренбурга к Сталину, но имеет отношение к нашему сюжету, поскольку направлен в Международную ассоциацию писателей:

Международной ассоциации писателей
Париж

Советские писатели шлют братский привет Международной ассоциации писателей для защиты куль-

[365] Из трех корреспондентов СССР в Испании к 1938 г. оставался лишь корреспондент ТАСС О.Г. Савич, передававший главным образом информацию.

[366] По названию парижской еженедельной левой газеты «Vendredi».

туры. Они приветствуют неутомимую, мужественную борьбу ассоциации против фашизма и войны. Они обещают, как и раньше, поддерживать любые начинания ассоциации, направленные к защите мира и культуры, к созданию коллективной безопасности народов против агрессоров и инициаторов войны. Они вместе с прогрессивной и честной интеллигенцией всего мира клеймят позором палачей испанского и австрийского народа.

Толстой, Шолохов, Кольцов, Ставский, Эренбург**, Вишневский, Фадеев, Караваева, Иванов, Лахути, Сельвинский, Павленко, Катаев...*[367]

Ситуация после отправки письма Сталину описывается в мемуарах так: «Прошла неделя, две – ответа не было. Самое неприятное в таком положении – ждать, но ничего другого не оставалось. Наконец меня вызвал редактор "Известий" Я.Г. Селих; он сказал несколько торжественно: "Вы писали товарищу Сталину. Мне поручили переговорить с вами. Товарищ Сталин считает, что при теперешнем международном положении вам лучше остаться в Советском Союзе. У вас, наверно, в Париже вещи, книги? Мы можем устроить, чтобы ваша жена съездила и все привезла...". Я пришел домой мрачный, лег и начал размышлять. Совет, переданный Селихом (если можно было назвать это советом), мне казался неправильным <...> Пролежав день, я встал и сказал: "Напишу снова Сталину...". Здесь даже Ирина дрогнула: "Ты с ума сошел! Что ж ты, хочешь жаловаться Сталину на Сталина?" Я угрюмо ответил: "Да". Я понимал, конечно, что поступаю глупо, что, скорее всего, после такого письма меня арестуют, и все же письмо отправил»[368].

В 1980-е гг. Ирина Ильинична Эренбург подтвердила мне, что ее отец весной 1938 г. писал Сталину дважды. Письмо Сталину от 21 марта хранится в Президентском архиве, оно опубликовано в 1997 г., и в той публикации о втором письме ни слова не сказано. На мой запрос в АПРФ о втором письме Сталину 1938 г.

[367] РГАЛИ. Ф. 631 (ССП, Иностранная комиссия). Оп. 14. Ед. хр. 1315. Л. 1. Дата написана карандашом; на документе значится: * – подписи нет, ** – подписано карандашом.

[368] *Эренбург* (2, 194).

мне сообщили, что в АПРФ его нет. Но в том же деле архива Сталина, где хранятся письма Эренбурга 1934–1950 гг., лежит апрельское 1938 г. письмо Эренбурга редактору «Известий» Я.Г. Селиху, которое и проясняет всю ситуацию. Вот это письмо:

Дорогой Яков Григорьевич,

я решил в нескольких строках резюмировать то, что я сказал Вам этой ночью, чтобы Вам было удобнее со всей точностью привести мои соображения.

Вы меня спросили, как я отнесся бы к моему переезду в Москву. Я считаю, что вся моя подготовка, весь опыт – 27 лет прожитых на Западе таковы, что при настоящей напряженной обстановке я могу с большей пользой работать на Западе. Далее: я начал сейчас литературную работу, для завершения которой мне необходимо было бы остаться еще некоторое время в Париже.

Однако мы живем в военное время, и каждый боец должен относиться с безграничным доверием к командирам. Поэтому, если правительственные и партийные органы найдут полезным мою работу здесь, я отнесусь с полным доверьем к их решению. Это ясно само собой и не нахожу даже нужным на этом настаивать.

Я высказываю свое мнение по существу, как Вы просили: если авторитетные товарищи найдут это возможным, я хотел бы сейчас продолжить мою литературную работу и собирание материала для новой книги на Западе. Если будет найдено желательным мое постоянное пребывание в Москве, я смогу вернуться сюда примерно через два месяца, ликвидировав в Париже мои дела личные и литературные, квартиру и пр.

С приветом

Илья Эренбург.

Это письмо Эренбурга Селиху в архиве Сталина предваряется такой запиской заведующего Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) А.Е. Никитина:

Т. Поскребышев, посылаю Вам материал к имеющемуся у Вас делу Эренбурга.

15/IV –38. *А. Никитин*[369].

Выстраивается следующая цепочка событий. Я.Г. Селих отправить письмо Эренбурга напрямую Сталину не решился, он отправил его своему партийному начальству, а уже зав. Отделом ЦК, который был в курсе эренбурговских дел, переслал его письмо Поскребышеву, чтобы тот поступил, как считает правильным. Так письмо попало к Сталину. На это Эренбург и рассчитывал, *так* письмо Селиху он и писал. Он и воспринимал свое письмо Селиху именно как прямое письмо Сталину. Это не опровергает мемуаров Эренбурга, но уточняет их. В самом деле, из текста письма Селиху следуют два вывода. Во-первых, что, выслушав ночью переданный ему Селихом устный отказ вождя отпустить Эренбурга за границу (судя по письму Селиху, отказ этот не был абсолютно жестким, да и дело Эренбурга продолжало лежать у Поскребышева), Эренбург по существу с ним не согласился. Он повторил аргументы в пользу своего отъезда и попросил передать их «руководящим товарищам» (дипломатично не упоминая имени Сталина). Во-вторых, ясно, что, обдумывая сложившуюся ситуацию дома, Эренбург понял, что при устной передаче его соображений «наверх», возможны опасные неточности. Это обстоятельство заставило его днем изложить свои соображения письменно. Судя по тщательности формулировок этого изложения, Эренбург понимал, что фактически пишет *не Селиху, а Сталину* (именно так он квалифицировал это письмо и в 1938-м, рассказав о нем родным, и 23 года спустя, работая над мемуарами). Письмом на имя Селиха Эренбург демонстрировал Сталину, что считает для себя немыслимым вторично занимать время вождя своим вопросом, и в то же время не считает свой вопрос решенным окончательно. Что касается доводов, то Эренбург сжато повторил соображения государственной целесообразности своего возвращения в Испанию, психологически безошибочно подтвердив полную готовность принять любое решение «руководящих товарищей». Все это сжато повторяло аргументацию письма Сталину от 21 мар-

[369] АПРФ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 288. Л. 16.

та. Новым являлось одно: в случае вторичного отказа, вместо разрешения съездить в Париж и забрать вещи и книги, переданного Селихом для жены писателя, Эренбург просил позволить ему самому съездить в Париж, чтобы в течение 2 месяцев ликвидировать там все «дела».

Письмо Эренбурга Селиху достигло Сталина (никто другой не мог взять на себя разрешение Эренбургу выехать за границу), и, видимо, обратным ходом по той же цепочке положительный ответ вернулся к Эренбургу. Завершение сюжета описано в книге «Люди, годы, жизнь» лаконично: «В последних числах апреля мне позвонили из редакции: “Можете идти оформляться, вам выдадут заграничные паспорта”»[370].

Перед отъездом Эренбург встретил Кольцова возле здания «Правды». Снова цитирую мемуары «Люди, годы, жизнь»: «Он сказал: “Кланяйтесь моим, да и всем, – потом добавил: – А о том, что у нас, не болтайте – вам будет лучше. Да и всем – оттуда ничего нельзя понять...” Подал руку, улыбнулся: “Впрочем, отсюда тоже трудно понять”»[371]. Эренбург с женой ехали через Ленинград, потом до Хельсинки. «В Хельсинки была еще одна пересадка. Мы сидели с Любой на скамейке в сквере и молчали: не могли разговаривать даже друг с другом...»[372].

Больше они с Кольцовым не виделись, с июля 1937-го их переписка прекратилась – делами Ассоциации писателей Кольцов больше не занимался...

В конце 1938 г., как было упомянуто, Кольцов встретился со Сталиным в Большом театре. Сталин повторил игру с Бухариным 7 ноября 1936-го, когда, увидев его на Красной площади, пригласил подняться на трибуну Мавзолея. С Кольцовым это было так (встречу со слов Кольцова описал Б. Ефимов): «Это было в Большом театре на каком-то правительственном спектакле. Сталин заметил Кольцова в зрительном зале и велел его позвать. “Вождь и Учитель” был в хорошем настроении, шутил с окружающими <...>. Описывая мне детали этой встречи, брат отметил, что у *него* появились золотые зубы, а широкие штаны, заправленные в сапоги с короткими голенищами, придавали ему “какой-то турецкий вид”. С Кольцовым Хозяин раз-

---

[370] *Эренбург* (2, 194).

[371] *Там же*. С. 138.

[372] *Там же*. С. 195.

говаривал вполне дружелюбно, интересовался делами в "Правде" и в Союзе писателей. Потом прибавил:

– Товарищ Кольцов. Между прочим, было бы неплохо, если бы вы сделали для столичной писательской братии доклад в связи с выходом в свет "Краткого курса истории ВКП(б)".

После этой встречи у нас немного отлегло от сердца...»[373].

Это было в начале декабря 1938-го. Вечером 12 декабря Кольцов сделал в ЦДЛ рекомендованный Сталиным доклад, после чего заехал в редакцию «Правды» поработать, там его и арестовали...

Эренбург вспоминал в мемуарах: «О судьбе Кольцова я узнал еще в Барселоне – накануне развязки. В Париже ко мне приходили сначала Лиза (Ратманова, вторая жена Кольцова. – *Б.Ф.*), потом Мария Остен (Грессхенер). Обе уехали в Москву. Лиза плакала, говорила, что Михаил Ефимович, еще будучи в Испании, хворал: "Может быть, мне удастся передать ему лекарство..."»[374].

VI. Акт третий – 1939 год. (*Фарс вместо эпилога*)

1. Конференция в Париже и конгресс в Нью-Йорке

Писательские конгрессы в США проходили почти синхронно с Международными антифашистскими. В июне 1937 г. в Нью-Йорке в переполненном зале Карнеги-холл (3500 человек!) прошел Второй конгресс «Лиги американских писателей». На нем выступил Хемингуэй, ненадолго приехавший из Испании. «Сам факт выступления Хемингуэя на конгрессе и его короткая, продолжавшаяся всего семь минут, речь, – пишет его советский биограф, – были с воодушевлением приняты американской и мировой прогрессивной общественностью»[375]. Хемингуэй заметил коллегам: «Когда человек едет на фронт искать правду, он может вместо нее найти смерть. Разумеется, много спокойнее проводить время в ученых диспутах на теоретические темы...» Третий конгресс «Лиги американских писателей» предполагался летом 1939 г. Примерно

---

[373] *Ефимов Б.* Десять десятилетий. С. 295.

[374] *Эренбург* (2, 240).

[375] *Грибанов Б.* Хемингуэй. М., 1970. С. 316.

тогда же планировалось провести в США и конгресс международного Пен-клуба. Вот к этим-то двум конгрессам Ассоциация писателей против фашизма и собиралась присосединиться со своим Третьим конгрессом.

После Второго конгресса в Испании Бюро ассоциации, располагавшееся в Париже, заметно ослабило свою активность – никто его не подхлестывал. Кольцов, Мальро, А. Жид, Эренбург по разным причинам в его работе не участвовали. Из промосковских людей там оставались Арагон и Жан Ришар Блок да еще несколько немецких левых эмигрантов. Они держали связь с Иностранной комиссией Союза советских писателей; возможно, получали какие-то денежные крохи. Несколько документов, которыми мы располагаем, обнаружены как раз в бумагах Иностранной комиссии. Они относятся к 1939 г., когда в Бюро Ассоциации думали об американском конгрессе уже всерьез, а в Москве это держали в голове только клерки Союза писателей.

В Европе события развивались быстро и драматично: 26 января пала Барселона, 28 марта – Мадрид. Гражданская война завершилась – Испанская Республика перестала существовать. Еще 27 февраля Франция и Англия признали генерала Франко, который в апреле присоединился к Антикоминтерновскому пакту Германии, Италии и Японии. Сталин проигнорировал трагическую судьбу испанских беженцев, интернированных во Франции. (22 февраля на французской земле умер Антонио Мачадо, в концлагерях содержались многие участники недавнего Второго международного антифашистского конгресса писателей.)

В марте Гитлер оккупировал Чехословакию, аннексировал Клайпеду, требовал у Польши Гданьск, Муссолини захватил Албанию. В апреле Сталин предложил Франции и Англии заключить договор о Тройственном союзе, но советско-франко-британские переговоры тянулись вяло. В этой обстановке Сталин решает переориентировать свою международную политику на Германию. Первый его шаг – 3 мая 1939 г. отправлен в отставку нарком иностранных дел, последовательный антифашист М.М. Литвинов. Его место занял Молотов – преданный ученик и твердый последователь Сталина, точный и аккуратный исполнитель его планов. Так было преодолено главное препятствие на пути советско-германского пакта. В СССР ликвидируется антифашистская пропаганда.

Илья Эренбург, вернувшийся после падения Испанской Республики в Париж, некоторое время занимался организацией помощи интернированным во Франции испанцам. В марте он несколько раз пишет в Союз писателей, просит ускорить перевод им московских гонораров в валюте за переведенные и отпечатанные книги испанских авторов («Сюда приехали Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон, больные в тяжелом состоянии, – пишет Эренбург 13 марта. – Они просят поспособствовать высылке телеграфом авторских...»[376]).

12 апреля 1939 г. «Известия» напечатали парижскую корреспонденцию Эренбурга в последний раз: публикация антифашистов Сталину стала не нужна.

Иностранная комиссия Союза писателей (после ареста Кольцова ее возглавил литературный чиновник М.Я. Аплетин), не получая от начальства точных указаний на перспективу, продолжала поддерживать связи с Парижем, рассылала запросы и рекомендации. Эренбург понимал, что по этим делам ему придется иметь дело с Арагоном и пытался как-то наладить с ним нормальные отношения. Еще 1 января 1939 г. их общий с Арагоном и Эльзой Триоле приятель доктор Серж Симон пригласил обе семьи на дружеский обед. Жена Эренбурга сообщала 2 января в Москву жене Савича: «С Эльзой дружба не вышла. Нюта (А. Генц, жена Симона. – *Б.Ф.*) устроила роскошный обед с индюшкой в честь нашего мира. Эльза злобствовала и говорила про всех гадости. Арагон молчал и сидел как надутый идиот. Я из-за Симона старалась быть милой. В одиннадцать часов Serge (Simon. – *Б.Ф.*) всех развез по домам. "C'etait cafardeux" (Это вызывало тоску. – *Б.Ф.*), – сказала на следующий день Нюта»[377].

В Союзе писателей не знали, что созыв Третьего международного антифашистского конгресса писателей уже не входил в планы Сталина, и Аплетин время от времени писал и звонил в Париж – обсуждались сроки, программы и т.д. В США уже точно было известно, когда собирается третий конгресс «Лиги американских писателей», и Аплетин обсуждал вопрос о перенесении даты открытия на более позднее время. Посредником между Ассоциацией и американцами выступал Луи Арагон.

---

[376] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 274.
[377] *Там же.* С. 271.

3 апреля Эренбург из Брюсселя писал в Иностранную комиссию:

> Я говорил с Арагоном. Съезд перенести чрезвычайно трудно, так как дата назначена американскими писателями и зависит от финансовых соображений. Кроме того, 15 V в Нью-Йорке состоится конгресс Пэн-клубов и многие писатели собираются поехать на оба съезда. Все же, если советская делегация никак не может приехать ко 2VI, Арагон запросит американцев. Я буду в Париже 4 числа[378].

Аккуратный Аплетин отметил на этом письме: «Товарищу Фадееву передано 3/IV 2 ч. 45 м. мною по телефону». Фадеев еще не был генсеком Союза писателей (эти обязанности продолжал исполнять бездарный Ставский), но от вершины высшей писательской власти находился недалеко.

Получив соответствующие инструкции, Аплетин передал их Эренбургу по телефону. После чего 10 апреля Эренбург по телефону же связался с «Известиями» и продиктовал для Союза писателей телефонограмму (она сохранилась; лицо, которому адресуется Эренбург, в ней не названо – возможно, это Фадеев):

> В дополнение к телефонному разговору с т. Аплетиным считаю нужным обратить Ваше внимание на следующее:
>
> [1] Конгресс 2 /VI предполагается как национальный конгресс американских писателей. *Неизвестно, как отнесутся американцы к идее интернационального конгресса.* Их *запросили сегодня по телеграфу.*
>
> [2] Если интернациональный конгресс будет иметь место, то он может состояться только *непосредственно за американским конгрессом, а именно 6/VI.* Немыслимо устроить конгресс 15 или 20/VI, т.к. писатели должны находиться в Нью-Йорке свыше 6 недель (Конгресс Пен-клуба назначен на 15 V). Кроме того, 20 VI и даже с 15 VI город по климатическим условиям пуст.

---

[378] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 274–275.

[3] Если интернациональный конгресс будет назначен на 6 VI, все делегаты смогут уехать из Франции на одном пароходе и использовать 5 дней для подготовки. *Желателен бы приезд в этом случае одного представителя советских писателей раньше для подготовки и различных обсуждений.*

[4] При всех условиях, несколько неудобно настаивать на *перемещении конгресса*. В случае *если идея интернационального конгресса будет отброшена, остается американский конгресс 2/VI*, на который американские писатели *приглашают* в качестве гостей писателей других стран.

Во всяком случае, желательно, чтобы Вы предварительно уже сообщили завтра или послезавтра, мыслимо ли ваше участие при дате 6 VI.

Это сообщение я передаю после разговора с Арагоном. Что касается моего личного мнения, то, если оно интересует вас, можете мне позвонить.

Эренбург[379].

Более поздних бумаг на эту тему в Иностранной комиссии не отложилось. Что касается сюжета, связанного с американским конгрессом, то «Литературная газета» время от времени читателей о нем информировала.

20 апреля она сообщила: «В связи с открывающимся в Нью-Йорке конгрессом американских писателей президиум Союза советских писателей послал письмо, в котором приветствуют деятелей американской литературы...». Среди подписавших были названы три участника Второго конгресса в Испании Вс. Вишневский, А. Фадеев,и А. Толстой, а также выбранный там в президиум Ассоциации М. Шолохов.

5 июня 1939 г. «Литературная газета» сообщила, что два дня назад в Нью-Йорке открылся Третий съезд американских писателей, который продлится три дня. Открылся съезд митингом, на котором выступали президент оккупированной гитлеровцами Чехословакии Эдуард Бенеш, эмигрировавший из Германии Томас Манн и приехавший из еще не оккупированного Парижа Луи Арагон.

---

[379] *Эренбург.* Письма. Т. 2. С. 275–276.

10 июня в «Литературной газете» напечатали материал: «Из речи Т. Манна в Нью-Йорке на Всемирном конгрессе писателей в Нью-Йорке».

А ровно через месяц, 5 июля 1939 г., эта же газета опубликовала обзор за подписью М. Гроу – «Съезд американских писателей». В нем сообщалось, что на Третьем съезде писателей в Нью-Йорке присутствовало 453 делегата, в том числе 38 представителей антифашистских литератур из Германии (ее представляли Т. Манн, Л. Ренн, О.М. Граф, Ф. Вайскопф и К. Манн), Чехо-Словакии, Италии, Англии, Австрии, Дании, Бразилии, Испании и Франции (ее представлял Луи Арагон). Конгресс закрылся 4 июня – почетным председателем Лиги избрали Томаса Манна. Президентом – Стюарта[380], вице-президентами 10 человек, включая Э. Хемингуэя, его друга критика М. Коули, поэта Л. Хьюза, Э. Синклера, Дж. Стейнбека и др. О советских писателях в Нью-Йорке, надо думать, никто не вспоминал...

Между тем еще 26 апреля «Литературная газета» объявила, что 13 и 14 мая 1939 г. в Париже пройдет международная конференция в защиту мира и демократии. В связи с этой конференцией было принято обращение к руководителям западной демократии, которое подписали Арагон и Мальро, Ж.Р. Блок и Пристли, Г. Манн, Фейхтвангер, Л. Ренн, Ф. Вольф. Это была антифашистская европейская конференция, но в организации ее СССР участия не принимал – ее провели без советских денег и без советских делегатов. Впрочем, один советский писатель на этой конференции все-таки присутствовал. Не от СССР, а от себя лично. Это был Илья Эренбург; через четверть века он вспоминал: «В мае в Париже была Международная антифашистская конференция. Я пошел, увидел много старых знакомых – Ланжевена, Кашена, Жана Ришара Блока, Мальро, Арагона, Сесара Фалькона; познакомился с Фирлингером. Все были мрачно настроены, и речи казались повторением давно слышанного – веры больше не было...»[381]

Это на самом деле и был последний международный антифашистский писательский конгресс...

Но последнюю точку в обращении левых западных интеллектуалов к Советскому Союзу поставил август 1939 г.

---

[380] Видимо, это было неточно, поскольку в 1939 г. Д.О. Стюарт возглавлял только левое крыло Лиги американских писателей.

[381] *Эренбург* (2, 239–240).

В августе в Москве военные переговоры одновременно велись и с Германией, и с Англией, и Францией. Сталин хотел получить право свободного прохода своих войск через Польшу и Румынию, но Англия и Франция на это не пошли, и 21 августа переговоры прервались. А 23 августа в Москву прилетел гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, и предложение о пакте, которое поначалу Сталин отклонил, теперь было принято, и советско-германский пакт с тайными протоколами о разделе Европы был подписан Риббентропом и Молотовым. 31 августа Верховный Совет СССР ратифицировал подписанные документы, а 1 сентября началась Вторая мировая война (1 сентября нападением на Польшу с запада, а 17 сентября – с востока). И уже 22 сентября 1939 г. в Брест-Литовске состоялся совместный военный парад победителей: Германии и СССР.

Антифашистское представление окончилось. Началось представление совсем иного рода…

2. Прощание с героями

Нам остается попрощаться с главными героями этого повествования, рассказав вкратце, что с ними стало после описанных здесь событий.

Арестованный в ночь с 12 на 13 ноября 1938 г. *Михаил Кольцов* провел под следствием 416 дней. Следствие завершилось ровно через год после ареста –13 декабря 1939 г. Обвинительное заключение утверждено 21 января 1940 г. Суд состоялся 1 февраля 1940 г. в Лефортове. Все предъявленные ему показания Кольцов признать отказался, заявив, что они были вымышлены им в течение 5-месячных избиений и издевательств. Суд продолжался 20 минут. Приговор – к высшей мере наказания: расстрелу, с конфискацией всего имущества, приговор окончательный и обжалованию не подлежал. Приговор приведен в исполнение на следующий день[382].

Илья Эренбург написал в мемуарах о своей реакции на заключение советско-германского пакта: «Шок был настолько силь-

[382] Соответствующие документы приводятся в кн.: *Фрадкин В.* Дело Кольцова. С. 321–329.

ным, что я заболел болезнью, непонятной для медиков: в течение восьми месяцев я не мог есть, потерял около двадцати килограммов»[383]. Посольство получало запросы о причинах его невозвращения; это была нелегкая для Эренбурга зима: «Я ослаб, быстро уставал, не мог работать. В ту зиму мало кто к нам приходил: некоторые из былых друзей считали, что я предал Францию, другие боялись полицию – за мною следили. Могу сосчитать на пальцах людей, которые меня навещали или звали к себе: Андре Мальро, Жан Ришар Блок, летчик Понс, сражавшийся в Испании, Гильсумы, Вожель, Рафаэль Альберти, Херасси, доктор Симон и мой приятель Путерман, живший в соседнем доме»[384]. Эренбург пережил оккупацию Парижа немцами и вернулся в Москву летом 1940 г., когда из разговоров гитлеровцев понял, что их следующие планы – нападение на СССР.

«Роман» *Ромена Роллана* с советским режимом оборвался с подписанием в 1939 г. советско-германского пакта – Роллан демонстративно вышел из «Ассоциации друзей СССР», но еще в 1938-м он написал о сталинском государстве одному из своих корреспондентов: «Это режим абсолютно неконтролируемого произвола, без малейшего намека на гарантии элементарных свобод, священного права на правосудие и гуманность»[385]. В 1944-м в Швейцарии Роллан скончался, немного не дожив до сокрушения гитлеровского режима.

Андре Жид годы гитлеровской оккупации Франции прожил в Тунисе. Он написал еще несколько романов, получил в 1947-м Нобелевскую премию по литературе, опубликовал свои дневники.

Газета «Ce soir», которую *Жан Ришар Блок* основал в 1937-м, после заключения советско-германского пакта была закрыта. Во время гитлеровской оккупации Франции Блок находился в подполье. Весной 1941-го ему удалось перебраться в СССР, где он прожил до 1944 г., воочию увидев, чего стоила победа в

---

383 *Эренбург* (2, 244).

384 *Эренбург* (2, 247).

385 Диалог писателей. С. 255.

войне населению СССР. Вернувшись во Францию, Блок редактировал журнал «Europe» и газету «Ce soir».

Еще в июне 1939 г. *Андре Мальро* собирался в Москву со своим фильмом, снятым в Испании[386]; тогда же в Москве под редакцией Эренбурга вышел перевод его испанского романа «Надежда» (но Мальро не знал, что на Лубянке вовсю и успешно выбивали из арестованных литераторов показания, что именно он завербовал их в шпионы). Пакт Молотова – Риббентропа вызвал его ярость. Мальро остался активным антифашистом, но с коммунистами, получающими приказы из Москвы, ему стало не по пути. Он воевал с немцами в Сопротивлении под именем полковника Берже, попал в плен, бежал; его танковая часть первой вошла в Париж в 1944-м. С военных лет он стал верным сотрудником генерала Де Голля, и это был его главный политический выбор на всю дальнейшую жизнь.

Пакт Молотова – Риббентропа не разлучил *Луи Арагона* с коммунистами (во многом благодаря Эльзе Триоле, которая всегда помнила, что в Москве живет ее сестра) – в отличие от Поля Низана, вышедшего из компартии и погибшего в самом начале войны. Во время оккупации Франции гитлеровцами Арагон был в Сопротивлении, его стихи того времени знала вся несдавшаяся немцам Франция…

---

[386] См.: *Фрезинский Б.* Черт меня дернул влюбиться в чужую страну… // Всемирное слово. СПб., 2000. № 13. С. 77–85.

ЗА КУЛИСАМИ ТРИУМФА

(*Советские поэты в Европе 1936 года*)

В декабре 1935 г. четверо московских поэтов Владимир Луговской, Илья Сельвинский, Семен Кирсанов и Александр Безыменский были командированы за границу. Их пропагандистский вояж по европейским столицам задумали как советскую инициативу в духе идей и планов, намеченных Парижским антифашистским писательским конгрессом. Курировали поездку ответственные лица ЦК – А.С. Щербаков и А.И. Ангаров. 36 лет спустя свои воспоминания об этой поездке А. Безыменский скромно назвал «Триумфом советской поэзии»[1].

Маршрут поездки включал Варшаву, Прагу, Вену, Париж и Лондон. Участники – молодые, хотя и не юные, поэты, поднаторевшие в публичных выступлениях в Политехническом музее Москвы, в острых литературно-политических дискуссиях 1920-х гг., потрясли западные аудитории не только децибелами и виртуозностью голосового аппарата, но даже и пластикой. Они представляли отныне организационно единую советскую поэзию, хотя еще совсем недавно Сельвинский был вождем конструктивистов и соперником Маяковского, Кирсанов вместе с Маяковским входил в ЛЕФ, Безыменский, имея пожизненный титул комсомольского барда, активничал в объединениях пролетарских поэтов, а неопределившийся Луговской менял группы, перебегая от ЛОКАФа к конструктивистам, а от них в РАПП.

Неудивительно, что самый слабый поэт этой московской команды был облечен самыми большими политическими пол-

[1] См.: *Безыменский А.* Триумф советской поэзии. Страницы воспоминаний // Нева. 1971. № 11. С. 206–208.

номочиями: именно ему, Александру Безыменскому, доверили стать партийным оком в группе, и он, не забывая о себе, изо всех сил старался доверие партии оправдать.

Старания его, правда, начались давно и поначалу имели литературное содержание тоже.

1. Поэт, удостоенный звания «Октябревича»

Александр Ильич Безыменский родился в 1898 г. в Житомире, в 1916-м окончил гимназию во Владимире и начал учиться в Коммерческом институте в Киеве, в 1917-м участвовал в октябрьском перевороте в Петрограде, в 1918-м организовал Союз молодежи во Владимире, в 1920-м создавал комсомол в Казани, где вышла первая книжица его стихов «Октябрьские зори», с 1921-го жил и работал в Москве, где сразу возглавил центральный орган ВЛКСМ и вошел во Всероссийскую ассоциацию, естественно, пролетарских поэтов[2].

9 апреля 1923 г. газета «Правда» напечатала сразу ставшее знаменитым стихотворение Безыменского «О шапке». Стихотворение начиналось советски-хрестоматийно:

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждою мелочью
Революцию Мировую найти.

Затем автор повествовал о том, с какой гордостью он принял в ЦЕКА ордер на получение головного убора – ордер, давший ему котиковую шапку. Вполне бытовая история из жизни не упускающего возможностей молодого автора завершалась космически и, надо признать, созвучно появившимся несколько позже строкам нацистского молодежного гимна (Сегодня нам принадлежит улица // А завтра – весь мир):

Будет день!
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку –
На мир.

[2] См., например: *Никитина Е.Ф.* Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926. С. 160–161.

Стихотворение имело патетическое посвящение: «Троцкому. Молодежи».

Председатель Реввоенсовета Республики на молодого стихотворца обратил внимание и вскоре написал о нем заметку, которая открыла третью книжицу стихов Безыменского «Как пахнет жизнь». Л.Д. Троцкий писал: «Первая небольшая книжка Безыменского есть подарок и обещание. Безыменский – поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра. Ему не нужно “принимать революцию”, ибо она сама приняла его в день его духовного рождения, нарекла его и приказала быть своим поэтом. Вместе со всем новым поколением, Безыменский переживал революцию, проделывал ее, претерпевал ее в ее героических моментах, в ее лишениях, в ее жестокостях, в ее повседневности, в ее замыслах, достижениях, в ее величии и в трогательных, а подчас смешных и уродливых пустяковинах. Он берет революцию целиком, ибо это та духовная планета, на которой он родился и собирается жить. Из всех наших поэтов, писавших о революции, для революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он от ее плоти, сын революции, Октябревич».

Несколько более сдержанно Лев Давыдович писал о Безыменском в двух разделах книги «Литература и Революция», вышедшей в том же 1923-м. В разделе, посвященном футуризму: «В своих наиболее революционно-обязующих произведениях футуризм становится уже стилизацией. Между тем у молодого Безыменского, который столь многим обязан Маяковскому, художественное выражение коммунистического мироощущения более органично: Безыменский не пришел сложившимся поэтом к коммунизму, а духовно родился в нем»[3]. В разделе «Пролетарская культура и пролетарское искусство» прежний аванс подтверждался: «Безыменский был бы невозможен без Маяковского, а Безыменский – надежда»[4]. В том, что касается «надежды и обещания», Троцкий несомненно ошибся – последующие стихи Безыменского в этом убеждали, и Маяковский имел основания назвать «бородатого комсомольца» Безыменского морковным кофе.

---

[3] См.: *Троцкий Л.* Литература и Революция. М., 1991. С. 117.

[4] *Там же.* С. 163.

Поэтесса Елизавета Полонская вспоминала, как в Москве того времени она услышала эпиграмму:

Не так велик Безыменский сам,
Как промах вождя велик...

Приведя в воспоминаниях ее текст, Полонская лукаво заметила: «Не знаю, кто был тот вождь, который "промахнулся" и был ли он вождем, но эпиграмма била в цель без промаха!»[5] (Назвать Троцкого в 1960-х вождем и надеяться на издание своей книги – было нелепо, а процитировать эпиграмму очень хотелось...)

Конечно, посредственное качество стихов Безыменского объяснялось не только размером таланта и избытком темперамента, но отчасти, может быть, и тем еще, что после «низложения» Троцкого в 1925-м, когда Безыменский присягнул другому вождю, ему пришлось до конца дней неустанно «отмываться» от высокой оценки своих первых стихов «злейшим врагом советской власти». Конечно, в декабре 1935 г. страна еще не ведала, что бывший организатор Октябрьской революции и создатель Красной Армии – шпион, давно работающий на гестапо, но что он контрреволюционер и злейший враг СССР – знали уже даже дети; клеймо «троцкист» стало несмываемым и смертельным. Каждый мог напомнить Безыменскому о том, кто именно поощрял его в начале литературного пути, и он добивался того, чтобы каждому имел право ответить: мало кто сравнится с ним в части преданности режиму. Начальство чувствовало: Безыменский так старается, что, пожалуй, ему можно давать ответственные поручения – он непременно расстарается...Так Безыменский стал руководителем группы. Конечно, «темное», в смысле сочувственного отношения Троцкого, прошлое имел не только Безыменский. Сельвинский тоже был отмечен симпатиями бывшего вождя, и товарищ Сталин, увидев Сельвинского, однажды опасно пошутил (а может, и не пошутил, но все равно опасно), что к нему надо относиться особенно заботливо, ведь его любил Троцкий. Звания «Октябревич», однако, Сельвинский удостоен не был...

[5] *Полонская Е.* Города и встречи. М., 2008.

Вернемся теперь в 1935 г., когда группа четырех советских поэтов оказалась в Варшаве.

Свои письменные отчеты о поездке в Европу Безыменский направлял в Москву, адресуя их сразу трем лицам: партийному функционеру А.С. Щербакову, поставленному руководить Союзом писателей и вскоре ставшему секретарем ЦК, А.И. Ангарову, ведавшему литературой в Агитпропе ЦК и впоследствии расстрелянному, и А.А. Суркову, комсомольскому поэту, не отмеченному вниманием Троцкого и занимавшему сильные позиции в аппарате Союза советских писателей, впоследствии его возглавившему.

Спутники Безыменского, видимо, догадывались, что с ним надо держать ухо востро, но были они еще молоды и, пожалуй, недостаточно запуганы, так что Безыменскому было что писать...

Первое донесение Безыменский отправил с оказией (его повез, возвращаясь в Москву, глава советских профсоюзов Н.М. Шверник).

2. Донесение Безыменского из Вены

(1 декабря 1935 г.)

Дорогие мои!

Если вы справедливо считаете нашу поездку соединением учебы с удовольствием, то для меня лично и то и другое переплетается с утомительным и трудным делом психологического руководства тройки весьма трудных человеческих экземпляров. Поэтому довольно часто удовольствие от поездки затемняется разными крупными и мелкими неприятностями. Правда, они на 99% исходят от одного лишь из поэтов, но они существуют и об этом надо вам знать.

Я считаю в целом, что дела идут очень успешно и пользу мы принесли немалую. Вопрос в выводах и закреплении сделанного.

В Варшаве, как и следовало ожидать, открытый вечер не мог состояться. Дафтян[6] (так! – *Б.Ф.*)

[6] Имеется в виду советский посол в Польше Я.Х. Давтян. В текстах писем сохраняется авторское написание фамилий и иностранных слов.

сообщил мне, что можно было попытаться его провести, но многие признаки говорили за то, что пилсудчики[7] сделали бы все возможное (а это в их возможностях), чтобы на вечер явилось ничтожное количество людей. У полпредства связи с литературными кругами малые, и то большинство из них то боятся, то не могут держаться близко к советскому посольству. Думаю, что посольство мало все-таки старается в направлении связи с писателями.

Мы встретились с Тувимом и Броневским, затем с Ваттом[8] в нашем номере. Я не думаю, что трудно было Тувиму сообщить о нашем приезде еще нескольким поэтам и позвать их. Очевидно, сей муж (служащий Министерства пропаганды) *сумел никого не найти*, хотя изливался в комплиментах нам. Мы читали стихи. Тувим читал переводы Пушкина (кстати, великолепные), читал Броневский. Тувим называл нас «богатырями», говорил, что только громадная сила страны может рождать такую силу стиха, такую манеру чтения, рассчитанного на большие аудитории, и т.п. Мы много говорили о нашей поэзии и слушали потоки жалоб на судьбы польской поэзии. Максимальный тираж книг – 1000 экземпляров, никто не может жить стихами, Тувим пишет для кабаре и мюзик-холла, никогда поэты не выступают, разве что раз в году в кафе для привлечения публики: платит хозяин кафе. Публика стихов не читает, не любит их, слушать не хочет. Академию литературы они презирают.

Тувим хочет приехать к нам в Союз, в частности на Пушкинские торжества, или даже к 1 мая 1936 г. Я думаю, что пустить его надо. Я взял книги польских поэтов (я пошлю их вам еще до нашего возвращения), мы дали им книги, они обещали переводить.

Ну, когда мы переехали чешскую границу, сразу почувствовали все четверо всеобщее внимание, начиная с первых людей, встреченных в поезде.

---

[7] Пилсудчики – политические сторонники маршала Польши Юзефа Пилсудского.

[8] Имеется в виду поэт А. Ват.

Александровский[9] встретил нас необычайно, жили мы прекрасно, забота о нас была исключительной.

Первый день – осмотр города. Второй день – прием в посольстве. Мы читали, и, надо сказать, впечатление было громадным. Отсюда пошли вести по всему городу и вести сенсационные. Нужно прибавить, что Александровский посоветовал нам на приеме спеть несколько песен – и эта простая вещь стократ увеличила интерес к нам: не только, мол, сильные поэты, но и веселые, жизнерадостные и т.д. Все без исключения газеты дали статьи, заметки, наши интервью. Третий день – поездки в Братиславу, встреча со словацкими поэтами, опера Шостаковича[10], прием в обществе друзей СССР. Сильва <Сельвинский> и Луговской отправились в Моравскую Остраву, а я в Прагу готовиться к докладу. Еще в Москве Чемоданов[11] просил приложить все силы чтобы выступить на собрании молодежи для помощи единому фронту. Подвернулся исключительной удачи случай: «вечер молодых» в зале Люцерна. Я не знаю, поместили ли наши газеты отчет о нем (телеграмму ТАСС). Скажу кратко: была молодежь с-д, комсомольская, бенешевская[12], католическая, беспартийная. Каждое произнесение имени Сталина сопровождалось овацией. Была двухминутная овация в честь Красной армии, когда я сказал, что советские поэты «воспевают мощь Красной армии, защитницы нашего и вашего спокойствия». Было исключительно сильное «движение в зале», когда я говорил об уверенности в завтрашнем дне, отличающей нашего человека: – «у нас нет инженеров, работающих дворниками, и профессоров, работающих продавцами; если кто кончает институт, место ему обеспечено; мы знаем, наобо-

[9] Посол СССР в Чехословакии.

[10] Луговской писал из Братиславы: «Мы приехали сюда смотреть постановку "Екатерины Измайловой" Шостаковича в местной опере» (см.: *Громова Н.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. М., 2006. С. 259–260).

[11] Секретарь исполкома Коммунистического интернационала молодежи.

[12] Молодежь, активно поддерживавшая президента Э.Бенеша.

рот, продавцов, учащихся в вечернем университете, и парикмахеров, учащихся в консерватории». Я построил доклад таким образом, что, говоря о тематике советских поэтов, рассказывал о стране. Ну, конечно, в конце говорил о дружбе и борьбе за мир. В перерыве сотня людей пришла за кулисы просить автографы (здесь это принято). Дело, понятно, не в моей персоне. В докладе я привел цитату Массарика[13] о том, что оборона не есть насилие, а применения оружие против насилия: принято это было соответственно. Пару фраз произнес я на чешском языке.

На следующий вечер мы выступали с речами и чтением стихов в другом зале. (В Люцерне выступал я один по прямому предложению Александровского, боявшегося повторения проявленных художеств одного из поэтов – Кирсанова, – о котором речь ниже). Успех был оглушительным, прямо говорю. Можете судить по прессе. Даже самые правые газеты хвалили и признавали. Правда, Кирсанов вообразил себя в Политехническом музее[14] и, обманув нас, прочел никем не предусмотренную «Мэри – Наездницу»[15], хотя я и шепнул ему, чтобы он отказался от этого намерения[16]. Но это был единственный прорыв. Вечер был *прекрасным*.

Мы дальше встречались с поэтами, о чем отдельный разговор, были в театре Буриана, были в клубе политических деятелей.

Итог, несомненно, положительный.

Теперь о чешских поэтах. Их много, они пишут, имеют книги. Общее положение вам верно известно от Третьякова[17]. Что сделали мы? К сожале-

[13] Первый президент Чехословакии.

[14] Имеется в виду Политехнический музей в Москве.

[15] «Мэри-наездница» С. Кирсанова.

[16] В воспоминаниях 1971 г. Безыменский писал: «Каждый из выступающих мог читать те стихи, какие захочет, в любом жанре, в любом ритме, любого содержания» (Нева. 1971. № 11. С. 207).

[17] Писатель С. Третьяков побывал в Чехословакии в октябре 1935 г. в составе делегации Союза советских писателей (в нее входили М. Кольцов, А. Фадеев, А. Толстой и др.).

нию, во время нашей поездки в Братиславу оставшийся в Праге Кирсанов встретился с сюрреалистами первый. Встреча с ними и с другими поэтами произошла на квартире Гофмейстера без присутствия Луговского и Сельвинского, ибо Сема, забежав вперед, условился о встрече один – а народ заграницей точный. Были я и Кирсанов, был Гофмейстер, Незвал, Гора, Галас, и еще трое (фамилии я записал, но сейчас трудно бежать за книжкой: потом сообщу). Читали стихи, говорили. Первый вывод: Пастернака Незвал и некоторые другие противопоставляют всей советской поэзии и ссылаются при этом на Бухарина[18]. Второе: от социальной тематики большинство уклоняется, хотя и чувствует приближение новой волны ее. Третий – теория сюрреализма, никем у нас не раскритикованная, чудовищная сама по себе, держит в плену талант близкий нам. – «Нужно освободить поэта в человеке, человек бывает поэтом только во время сна, ибо тогда нет зловредной цензуры разума». Психологический автоматизм, спонтанная реакция – чего-чего только Незвал не наговорил. А стихи его – «галантная игра со словом», как определил Матезиус, «выявление подсознательного», фрейдистский туман – и (раз в полгода) – ррреволюционный марш. Его пьеса, увиденная нами – это заверченная любовная история; люди уходят друг от друга, сходятся, декламируют нечто, мучаются и танцуют – но так как надо искать путь, неожиданно решают ехать в Советский Союз (не борясь, а убегая) и поют «Интернационал».

Мы начали спор, не могущий, конечно, завершиться в столь малый срок, причем Незвал насчет классовой борьбы вспомнил только после моих слов. Вспомнил, чтобы в своих доказательствах ни разу о ней не упомянуть. Судя по тому, как яро бегал он к телефону, чтобы говорить с Тайге (так! –

[18] Имеется в виду доклад Н.И. Бухарина «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР» (28 августа 1934 г. на Первом съезде советских писателей), в котором давалась исключительно высокая оценка творчества Б.Л. Пастернака.

Б.Ф.)[19], его теоретиком, видно, что он, Незвал, в лапах сего Бретоновского Мефистофеля[20]. Обещав поспорить после и попросив дать статью в «Литгазету», я перевел разговор на стихи и переводы. На этой почве мы дружно говорили и наша информация много, я думаю, дала.

Необходимо дать бой сюрреализму не в тоне отвратительной полемики Эренбурга[21] («разные сюрреалисты, педерасты, сволочи»), дать бой статьями, исходящими от марксистов; не столь в «Литгазете» (что тоже нужно), сколь в заграничной прессе и в Чехии особенно. В речи на вечере я сказал, что некоторые таланты Чехии, к сожалению, идут за некоторыми плохими французскими (так! – *Б.Ф.*) теоретиками. Незвал обиделся, но дальнейшими разговорами и, особенно, отдельной моей беседой с ним удалось разъяснить ему, что наш спор принципиален, исходит из уважения к нему и желания ему помочь – и мы расстались друзьями. Одначе нужна работа и немалая.

С чешскими поэтами мы поговорили прекрасно, однако нужна работа и немалая.

Должен сказать, что больше всего агитировало и разъясняло наше чтение, живое художественное слово. Надо поездки поэтов повторять, и это не исходит из желания моего помочь товарищам поэтам ездить за границу, а из прямой политической целесообразности. Ряд чешских поэтов надо позвать и к нам.

Поэты, близкие к нам и считающие себя коммунистами, на рабочий класс не ориентируются, думают о формальных кунсштюках, лишь изредка создавая что-либо маршеобразное. Рабочих поэтов

[19] Имеется в виду теоретик и идеолог чешского сюрреализма Карел Тейге.

[20] То есть последователь основателя сюрреализма французского поэта А. Бретона.

[21] Имеется в виду статья Эренбурга «Сюрреалисты», напечатанная 17 июня 1933 г. в «Литературной газете» и вошедшая в книгу его эссеистики «Затянувшаяся развязка» (М., 1933), переведенную на французский («Vus per un ecrivain d'URSS». Paris: Gallimard, 1934). Именно этот перевод имел большой резонанс в Европе. Резкие высказывания Эренбурга о сюрреалистах встречались и в его эссе «Романтизм наших дней» (1925).

я видеть не мог, но они есть. Я говорил в «Руде право»[22] и с газетой комсомола. Мы наметили план организации кружка рабочих поэтов и работы с другими поэтами.

Прошу вас не пожалеть денег и сделать дословный перевод стих<ов>, которые я вам пришлю. Надо знать прежде всего, ЧТО там написано, иначе будем бродить вслепую. А мы очень уж недооценивали нашу работу с поэтами Запада, критику их и помощь им. Чтобы мне сделать вразумительный доклад о поэзии нами посещенных стран, надо сделать переводы. Вообще надо. Хоть дословный.

Итак: выступления, доклад, встречи, пресса. Это немало, тем более, что состояние поэзии Запада внушило трем моим спутникам подлинную гордость тем, что сделано поэзией Советской страны, несмотря на все наши недочеты.

Луговской и Сельвинский ведут себя прекрасно. Кроме того, что они только и говорят о советской стране, ее победах и переворотах, сравнивают людей Республики с теми ущербными и страдающими людьми, которых они встречают на каждом шагу, – эти поэты в условиях Запада необычайно искренне, от всего сердца чувствуют себя ЧАСТЬЮ поэтического отряда бойцов СССР. Проявлений того эгоцентризма, который столь резво проявлялся у Сельвинского, не видать. По всем вопросам «социального порядка», большим и мелким, они трогательно советуются со мной, с Александровским. Они читают то, что показывает их, как СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ, отказываясь от минутного успеха экспериментально-формалистических стихов, вроде «Цыганского вальса на гитаре» и «Цыганской рапсодии»[23]. Когда их интервьюировали, они прежде всего говорили о ВСЕЙ советской поэзии, а потом уже о своем месте в ней. Они го-

---

[22] «Руде право» – с 1921 г. центральный орган ЦК КПЧ.

[23] Стихи Сельвинского.

ворили о их работе с достоинством, но не забывали сказать о роли партии в их развитии.

Теперь о Кирсанове. Я усиленно сдерживаюсь, чтобы не выматериться, но это мое частное дело. В отношениях к нему я спокоен, хотя пришлось на «собраниях четырех» делать прямые честные внушения, с ним я говорю мирно, но Аллах знает, что это мне стоит. Однако в вопросах принципиальных не уступаю ни пяди, как и полагается.

Этот человек всюду суетится. Это его основное качество. Он всюду лезет вперед, подчас не дает никому говорить, желая показать именно себя «вождем» литературы и группы путешествующих. Это он хочет разъяснить спорные пункты, это он хочет определить политику. Но важнее всего СУТЬ его высказываний.

Прежде всего он заявил, что никогда не отказывался от теорий Лефа. Затем он объявляет экспериментаторов и формалистов единственно подлинными поэтами. Я уже не говорю, что дружбу с Маяковским хочет сделать основой своего «успеха», забывая о том, ОТ КОГО ушел Маяковский[24].

И, как всегда бывает, этот ррреволюционный поэт помогает именно ПРАВЫМ тенденциям литературы. Тувиму он заявляет, что будет «напастерначивать», в то время как Безыменский, мол, будет против Пастернака. В паре случаев Кирсанов становится на сторону противупоставивших Пастернака поэтам-коммунистам. Кирсанов всюду (и на вечере публичном тоже!) требует, чтобы Сельвинский читал «Цыганскую рапсодию» и «Цыганский вальс». Подхалимничает он пред Сельвинским дико, толкая его на читку того, что в данных условиях ВРЕДНО НАМ. САМ Сельвинский сделал ему внушение в этом смысле, что весьма показательно.

Хуже другое. Стремясь выставить себя другом чешских поэтов и «самым большим заботником о них», Кирсанов хвалил их стихи, и особенно сюрре-

[24] Имеется в виду предсмертный уход Маяковского из ЛЕФа в РАПП.

алистов, НЕ ПОНИМАЯ СМЫСЛА СТИХОВ. Он сообщил, что у него «интуиция на хорошие стихи». Все, что читал Незвал, сопровождалось восклицаниями «изумительно!», «необыкновенно!» и т.п. Пьесу его Кирсанов расхвалил. Что же будет, когда мы в соответствующей форме скажем правду Незвалу? Кирсанов будет единственным хорошим и понимающим, а остальные... сами понимаете. Политика сплошных комплиментов в целях продвижения своей «теории» и воображаемой группы – вот политика Кирсанова.

На встрече с чешскими поэтами было двое ренегатов коммунизма. Сема, как ребенок, увлекаясь своими игрушками, говорил такие вещи, которые можно говорить только подлинным друзьям. Мало того. После моего доклада в Люцерне, в комнате за сценой, в присутствии пяти человек, в том числе переводчика Кенига, бенешевца и представителя буржуазной газеты, стал говорить, что хлопали Безыменскому не так уж много и особенного успеха не было. Не буду объяснять, какие чувства руководили им. А когда я после сказал ему, что, если даже была бы правда в его словах, надо не забывать, где и с кем ты говоришь, Сема, перепугавшись до черта, стал уверять меня, что Кениг служит в советском посольстве!

Оказалось, что он не поехал в Братиславу, чтобы устроить свои «дела». Мы только позавчера с удивлением узнали, что Кирсанов, никому ничего не говоря, заключил договор на антологию советских поэтов с «Малик ферлаг»[25] и вел с немецкими эмигрантами какие-то разговоры, о которых мы ничего не знаем, кроме резких выпадов Лингарта против «системы» разговора Кирсанова.

Я бы хотел, чтоб вы послушали разговор Сельвинского с Кирсановым, его резкий тон, разбор сюрреализма, характеристику беспринципности Кирса-

[25] «Malik Verlag» – издательство, руководимое Виландом Герцфельде. После 1933 г. переместилось из Берлина в Прагу.

нова. Честное слово, вы бы порадовались за Сельвинского. Сельвинский говорил и с Незвалом, дружески, но резко спорил с ним, критиковал его теории, критиковал и конструктивизм и Леф; критиковал правильно.

Сельвинский заявил Кирсанову, что он хотел бы путешествовать отдельно от него, если повторится история с «Мэри-наездницей». Семе почти безразлично стало после первого стихотворения ЗА ЧТО ему будут хлопать, лишь бы хлопали – и вот «Мэри». Он перепугался нашего противодействия, но кто знает, что выкинет он завтра.

Мне и (с радостью скажу) Сильве и Володе удалось исправить вред, причиненный Семой. Семочка после наших поправок брал в разговорах слова обратно, вспомнил и о классовой борьбе, упоминал о других поэтах. Однако тенденции сего поэта вам видны. Иногда Сильва прямо говорит: – Сема, помолчите хоть минутку – и хорошо, что именно он это говорит. На собрании четырех был хороший разговор, прямой и принципиальный, Сема притих, но, – повторяю, – кто знает, что он выкинет завтра.

Если что имеете посоветовать – пишите.

Когда в целом берешь сделанное нами – я оцениваю это *очень*[26] положительно. Видели мы много, писали немало, выступали хорошо. Надо зацеплять. Переводите стихи, собирайте материалы.

Внутренние дела наши доставляют мне много трудностей с Семой, но преодолеем и это. Надо уметь владеть Володей и Ильей тоже, но это несравненно легче.

Спешу закончить, чтобы передать письмо с Шверником. Что не дописал, напишу в следующий раз. Пишите, что с пленумом[27] и подготовкой к нему. Это очень нам нужно.

[26] Слово «очень» подчеркнуто тремя чертами.

[27] Имеется в виду пленум правления Союза советских писателей, посвященный поэзии; открылся 10 февраля 1936 г. в Минске.

Нам подослали сюда вырезки чешской печати. Рад видеть успех наших выступлений и «обчественный шум» вокруг нас. Постараюсь дальше. Повторяю, если есть советы – пишите.

Привет вам, дорогие. Привет родине. Привет поэтам. Асеев прислал нам замечательное письмо, о котором сообщу потом. Жму руки

А. Безыменский

1/XII. 1935
Прага,
Вена[28].

Впечатления Безыменского о пребывании в Польше, доложенные в Москву, скорее кислые. Жалобы на Тувима выглядят мелкими обидами; все же Безыменский признает качество его пушкинских переводов и, сообщив о желании Тувима приехать в Москву, замечает: «Я думаю, что пустить его надо».

Чехословацкие впечатления оказались куда более розовыми. А.С. Щербаков, в архиве которого сохранились донесения Безыменского, красным карандашом подчеркнул выигрышные слова: Сталин, овации, Красная армия – понятно, что это можно было доложить вождю, заслужив некоторое его удовлетворение.

Донесение Безыменского о чтении стихов его товарищами сопоставим с тогдашним письмом Сельвинского жене. В этом письме говорится о том, как после триумфального чтения «Охоты на нерпу» и «Сивашской битвы», когда он уже кончил выступление и сел на свое место на сцене, «люди ревели, орали, топали ногами» – публика требовала продолжения чтения, и Арагон попросил его читать дальше, вот тут Сельвинский и прочел «Цыганскую рапсодию»: «Никто не мог быть равнодушным»[29]. Сам Безыменский в 1971 г. писал о чтении Кирсанова и Сельвинского так: «Затем выступил Семен Кирсанов. И сразу рванулся в зал фейерверк стихотворных строчек, поданых просто шикарно... Семен Исаакович заслужил длительные бурные аплодисменты <...> Сельвинский читал великолепно, восхитительно... Овация по адресу советского поэта была

[28] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 513. Л. 1–6.
[29] О Сельвинском. Воспоминания. М., 1982. С. 65.
[30] Нева. 1971. № 11. С. 207, 208.

шумной, восторженной...»[30] В донесениях 1935 г. он был несравнимо сдержаннее, а в том, что касалось его собственной персоны, неизменно ее выпячивал.

Информация о беседах с поэтами чехословацкого авангарда, так или иначе связанными со знаменем сюрреализма (литераторов-сюрреалистов Чехословакии условно делили на три группы: сторонников словацкого «Деветсила», затем тех, кто симпатизировал Эренбургу, написавшему острый памфлет на французских сюрреалистов, и, наконец, на симпатизантов Андре Бретона, который политически все более склонялся к Троцкому и потому был ненавистен Москве[31].

Витезслав Незвал, выступая 29 августа 1934 г. на Первом съезде советских писателей, цитировал Бретона и восхищался докладом Бухарина. Безыменский на том же съезде доклад Бухарина поносил и яростно разоблачал «рупоры классового врага»: Гумилева, Есенина, Клюева, Клычкова, Заболоцкого, П. Васильева и Б. Корнилова; его административно перспективный товарищ Алексей Сурков, патологически ненавидевший Пастернака, с наглостью безнаказанности нападал на Бухарина, провозгласившего Бориса Леонидовича первым поэтом страны.

После международного Парижского конгресса писателей Агитпропу стало ясно, что французских сюрреалистов во главе с Бретоном не удастся даже нейтрализовать; актуальной задачей стало ослабление их влияния. Поэтому отлучение Незвала и поэтов его круга от Бретона вошло в задание московским поэтам. Безыменский пытался осуществить это достаточно топорно. Масштаба автора «Поэм ночи» и лирических сборников 1927–1933 гг. он оценить не мог, аттестуя их в своем донесении как «галантную игру со словом» и «фрейдистский туман».

Споря с Незвалом, Безыменский нападал не только на Бретона, но и на Пастернака, которого Незвал, пытаясь найти аргументы, доступные своему оппоненту, возвышал ссылками на официальный доклад Бухарина, не зная, что политическая судьба последнего в Москве уже решена...

После Праги была Вена, а следом и Париж.

В Париже большое выступление запланировали только на 4 января, но в конце декабря организовали чтение стихов по

---

[31] Об этом писал чешский писатель Йозеф Рыбак в книге «Волшебный прутик» (см. *Рыбак Й.* Иду на красный свет!.. М., 1986. С. 149).

французскому радио с Эйфелевой башни; ему предшествовал диалог между диктором и Сельвинским (московская «Литературная газета» 5 января 1936 г. напечатала речь, произнесенную по радио Сельвинским). Что касается французской прессы, то еще в начале декабря «Эко де Пари» поместила статью известного правого журналиста Анри де Кериллиса, которую Сельвинский прочел коллегам еще в поезде по пути в Париж.

Безыменский повествовал об этом так:

«Граждане-товарищи! – говорит Сельвинский. – Это статья про нас! Заголовок – шикарный. Гласит он вот что: "Вон из Франции!" Кериллис негодует, что правительство страны позволило прибыть во Францию четырем большевистским лазутчикам, и требует не разрешать нам устроить литературный вечер: все равно эти пииты пишут одинаково, содержание их стихов тоже одинаково, даже одеты они одинаково»[32]. По части экипировки Кериллис не ошибся: фотографии запечатлели московских поэтов на фоне площади Согласия в весьма приличных одинаковых демисезонных пальто и одинаковых же велюровых серых шляпах.

В Париже чуть было не сорвалось выступление Луговского – он попал в автомобильную аварию…

3. Донесение Безыменского из Парижа

(*11 декабря 1935 г.*)

Щербакову, Ангарову, Суркову

Так как меня подвели со сроком сдачи письма, сообщаю самое основное. Франция не Чехословакия и первое, что подтвердило этот факт – невозможность устройства открытого вечер до 4-го января. Нужна пресса, а она раскачивается тут медленно. Впрочем, не всякая. Уже при въезде нас встретила статья Кирилиса (так! – *Б.Ф.*) в «Эко де Пари», хамская и хулиганская. А коммунистическую прессу посольство рекомендует использовать лишь после заметок в другой. Первые дни мы отдыхали от литделов Чехии,

---

[32] См.: Нева. 1971. № 11. С. 208.

осматривая Париж. Виделись с Арагоном, который многое нам порассказал. Позавчера была встреча в салоне м-м Дюшен, о ней Михайлов[33] - послал заметку, думаю, что в «Правде» напечатана. Ну, были те же разговоры и взаимоинформация, гряда удивлений тиражами и методом работы, а особенно потрясение нашей чисткой ибо здесь *ни один поэт* не читает перед аудиторией.

От вечера (как и в Чехии) потянулись слухи и разговоры, так что входили в литературную жизнь. Скоро в интимном кругу встретились с Жидом, Мальро и поэтами разных направлений. Кроме того, Арагон соберет молодых рабочих поэтов. Вечер открытий, – повторяю, – только 4-го января, зал сняли, биографии наши прессе посылаются завтра, были интервью с «Вандреди», «Лю»[34], готовятся другие.

Город осматриваем тщательно. Ребята восхищены. В кабаках тоже побывали, но мало и с приличными людьми.

Не могу развернуть информации о «работе» Эренбурга. Я еще посмотрю и напишу подробно; рассказывать буду кто и что о нем говорит. Но мое первое впечатление – вреднейшая «деятельность» Ильи двухдневного[35] в отношении поэзии советской и не менее вредная в отношении многих французских (так! – *Б.Ф.*) дел, в частности – к писателям коммунистам. Это политический факт, а не следствие моей нелюбви к сему гению.

Последний факт, взволновавший нас – это катастрофа с Луговским, его треснутое ребро. Он лежит в больнице, все для него сделано, ничего серьезного нет, через 3–4 дня выйдет. Он ехал с неким Яффе[36],

---

[33] Корреспондент ТАСС и «Правды» в Париже.

[34] «Вандреди» (vendredi (*фр.*) – пятница») – парижский еженедельник. «Лю» – парижский иллюстрированный еженедельник, издававшийся Люсьеном Вожелем.

[35] Илья двухдневный – намек на роман Ильи Эренбурга «День второй» (1933), которым начался советский период его литературной работы.

[36] Борис Яффе – парижский приятель Эренбурга, интересовавшийся современной литературой и неизменно готовый оказать какие-либо услуги приезжавшим в Париж советским литераторам.

с корр. «Комс – Правды» Савичем и редактором «Лю»[37]. Автобус наскочил на их авто. Всех помяли но все невредимы. Луговской клянется, что пьяны они не были – это я проверю. Володя сидел сзади – в спорткупе.

Французские поэты разобщены, мало печатаются, мало пишут, единственное, что часть из них сближает – это «Maison de kulture» <Дом культуры>, где бедный Арагон мытарится без помощи высоких имен, входящих в секретариат ассоциации защиты культуры. Но AEAF[38] живет полной жизнью. Сюрреалисты Франции борются с СССР, избрали новую религию. «Эко де Пари» поместила хвалебную статью Бретону. Рабочие поэты болеют махаевщиной[39], их почти нельзя вытащить на собрания с интеллигентами.

Во всем этом надо разобраться.

Теперь о внутренних делах. Сема перед Парижем пережил взбучку от Сельвинского в присутствии четверых, чуть-чуть каялся, дал мне руку на дружбу. Он чуть притих, но в семье Арагона делает все, чтобы дискредитировать меня. Я обязан рассказать вам, что сей птенец чуть не выдал Вилли Бределя, ехавшего нелегально из Австрии. Сема увидел его в ресторан-вагоне, бросился к нему, громко назвал его и обмер, услыхав тихую фразу, что Вилли будет узнавать нас только после границы Швейцарии. Кирсанов, бледный как смерть, сам рассказал мне об этом, продрожал три часа до границы, но от этого не легче. Ну, и дитя! мне надоело о нем говорить, но надо.

---

[37] Имеется в виду французский журналист И. Путерман (см. о нем: *Фрезинский Б.* Две судьбы: художник и журналист (парижский круг Эренбурга) // Русские евреи в зарубежье. Т. 4(9). Русские евреи во Франции. Иерусалим. 2002. С. 192–210).

[38] Имеется в виду AEAR – Ассоциация революционных писателей и художников Франции («Association des Ecrivains et des Artistes Revolutionaires») – французская секция Международной организации революционных писателей (МОРП).

[39] Махаевщина – анархистское движение, проповедующее враждебность к интеллигенции, особенно революционной; названо по имени польского социалиста Яна-Вацлава Махайского.

Сильва иногда виляет в сторону, однако серьезного ничего нет, он умница и кроме того чувствует себя *советским* поэтом, как никогда. В следующий раз расскажу одну сценку характерную весьма.

С ним и Володей легче, но в целом мне достается.

Посылал вам книги через Уманского[40]. Звоните ему, спрашивайте. Повторяю требование дать дословный перевод стихов. Французские книги собираю тоже.

Сообщите через «Правду» Михайлову точный срок пленума, ибо Сема передал, что звонила некая Волович и сообщила, что пленум – на вторую половину января. Вообше напишите, а то нехорошо.

Приветствую вас всячески. Позвоните мне домой, передайте привет.

А. Безыменский[41].

Упомянутая Безыменским «ассоциация защиты культуры» – как раз та, что была образована на Парижском конгрессе 1935 г., в ее секретариат от Франции входили Л. Арагон, Ж.Р. Блок, А. Шамсон и А. Мальро. Фраза Безыменского, что «Арагон мытарится без помощи высших имен, входящих в секретариат ассоциации защиты культуры» – безусловный выпад в адрес именно Мальро, которому неизменно протежировал Эренбург, доказывая Москве, что СССР в целях создания единого антифашистского движения западной интеллигенции следует делать ставку не на посредственных писателей-коммунистов, а на талантливых «попутчиков». Ревнивый Арагон не раз отправлял Щербакову гневные инвективы на этот счет, требуя дезавуировать Эренбурга[42].

В воспоминаниях 1971 г. Безыменский уважительно вспоминает парижские встречи с И.Г. Эренбургом, но в 1935 г. относился к нему с откровенной враждебностью. Первый советский ро-

[40] Возможно, Дмитрий Александрович Уманский – переводчик русской литературы на немецкий язык; или его брат Константин Александрович Уманский – дипломат.

[41] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 1–2.

[42] См. предыдущую главу.

ман Эренбурга «День второй», вышедший в Москве в 1934 г. и официально, по команде сверху, поддержанный К.Б. Радеком, не убедил пролетарских ортодоксов в «перековке» автора «Хулио Хуренито». Они называли его новоявленный советизм «двухдневным»; роль неофициального полпреда советской культуры на Западе, взятая им на себя, активная пропаганда поэзии Пастернака, ставка на Мальро – все это вызывало у них раздражение. Спецдонесения Безыменского об Эренбурге, обещанного им своим начальникам, в архиве Щербакова нет (либо оно не было написано, либо передано Щербаковым Сталину и нам недоступно).

Не прошло, однако, и семи лет, как 16 апреля 1942 г. Безыменский – военный корреспондент в действующей армии – прислал Илье Эренбургу пылкое письмо, поздравляя его со Сталинской премией за роман «Падение Парижа»:

> Обнимаю Вас от всего сердца. Заказываю роман «Возрождение Парижа». Чтение первой главы в ресторане «Барселона». Вино французское, кушанья испанские, роман русский. А бычьи непристойности, которые в 1935 г. в этом ресторане вкушал Луговской, отошлем товарищу Фадееву. Боже-ж мой! Наконец-то сей мальчик осчастливил нас сообщением о своем мнении насчет Вашего романа! Если зрение мне не изменило, он пишет, что роман Эренбурга блестящий. Как приятно это узнать от столь высокопоставленного лица. Довольно долго «оно» скрывало свой отзыв. Какая честь для Вас, для всей Руси! Вчерашний РАПП, наместник, зять зубровки...[43]

Ядовитые строки, откровенно свидетельствующие об уязвимости автора, которого Фадеев чем-то задел, стилистически похожи на его прежние высказывания об Эренбурге; изменился персонаж – теперь это генсек Союза писателей Фадеев, чье положение в ту пору пошатнулось...

Донесения Безыменского 1935 г. в той их части, которая касалась его товарищей, никому не придет в голову назвать това-

[43] Почта Эренбурга. С. 86.

рищескими. Спутники Безыменского, надо полагать, догадывались о том, каковы его донесения, и в Париже Кирсанов с Сельвинским повидали Арагона отдельно, без своего «руководителя». Безыменский, узнав об этом, разозлился и постарался предупредить о «враждебных происках товарищей» московских начальников. Арагон, правда, тоже предпринял шаги, чтобы «прикрыть» Кирсанова и Сельвинского. Он, как обычно, адресовался А.С. Щербакову и М.Е. Кольцову

4. Донесение Луи Арагона

(*Париж, 26 декабря 1935 г.*)

Дорогие товарищи!

Приезд в Париж четырех поэтов является большой помощью для нас в нашей работе, и мы за него благодарим. Это прекрасный случай познакомиться с советской поэзией и также поставить общие «поэтические» проблемы.

Я организовал у себя интимную встречу, на которой присутствовало около 20 лиц. Среди них были Андре Жид, Жан Ришар Блок, Марианна Освальд и др. Я смог, благодаря особым связям, утроить выступление Сельвинскому по радио (Эйфелевой башни), где были организованы с моими переводами полчаса советской поэзии. Вместе с ними мы посетили Пикассо, где визит наших друзей, можно считать, явился превосходной политической работой. Журнал «Вандреди» опубликовал хорошее интервью Эжена Даби. Я не говорю о наших журналах. Я сейчас договариваюсь с Вожелем, который просит у меня переводы поэм. Главным днем будет 4 января, когда состоится большой вечер в «Национальной консерватории». Я организую его вместе с Домом культуры. В нем примут участие 15 французских поэтов, среди них Леон Поль Фарг, Люк Дюртен, Шарль Вильдрак, Тристан Тцара, три рабочих поэта и т.д. Иными словами, будут представлены почти все течения

современной французской поэзии (от символистов до рабочих поэтов) независимо от политических убеждений.

Все это превосходно. Превосходно также и то что Сельвинский и Кирсанов произвели наилучшее впечатление и совершенно завоевали французских писателей. Анри де Монтерлана особенно. Он имел у меня частное свидание с ними.

Но я считаю своим долгом указать на целый ряд фактов, касающихся того из них, который должен был подавать пример другим. Я говорю о тов. Безыменском.

Вы найдете в номере «Литературной газеты» от 9 декабря телефонное сообщение, переданное им, без предварительного согласования его текста с тремя своими товарищами и, несмотря на это, имеющее их подписи.

Этот текст содержит в себе:

1) Целый параграф (третий, под левым столбцом) относительно Маяковского и фразу Сталина на этот счет. Этот параграф просто-напросто списан с сообщения, составленного мною для «Правды» и переданного Безыменскому вечером 7-го декабря. Восьмого утром Безыменский попросил у меня разрешения подписать его вместе со своими товарищами рядом со мной, под странным предлогом, что они не способны написать лучшего комментария к словам Сталина. Я формально отказал в согласии. Тогда Безыменский счел себя вправе просто *снять мою подпись с текста, написанного мною и подписать его именем 4-х советских поэтов*. Само собой разумеется, что я не делаю никакой драмы из этой маленькой истории. Я бы даже и вовсе не упомянул о ней, несмотря на ее странность, если бы сообщение Безыменского не содержало в себе, с другой стороны,

2) совершенно недопустимой лжи. Во втором столбце Безыменский заставляет своих товарищей заявить, что накануне 17-го декабря к нему

пришла группа молодых рабочих поэтов. Это чистая выдумка, так же как и подробности этого визита[44]. Ничего подобного не было. Вы к тому же знаете, что в настоящий момент таких групп во Франции не имеется. Это измышление вызвано, вероятно, у него наличием рапповской идеологии, в силу которой во что бы то ни стало, даже если их и нет, надо показать, что группы здесь построены по образцу Литкружков. Этот факт сверх того связан со словами Безыменского – Вайян-Кутюрье, что нужно «демьянизировать»[45] французскую поэзию, и также с той «лже-картиной» советской поэзии, которую он развернул передо мной и одним из наших немногочисленных поэтов Фернан Жаном, с которым я его связал позавчера 24 декабря, и которому он назвал за час времени всего двух советских поэтов: Демьяна Бедного и себя самого – Безыменского.

Ложь о мнимом свидании 7 декабря была поддержана Безыменским перед моей женой и его товарищами. Моей жене он сообщил, что интервью имело место вне нашего дома. Своим товарищам он утверждал, что он увидел рабочих поэтов в «Юманите»[46]. Между тем, сообщение датировано 7, а Безыменский был первый раз в «Юманите» 21-го.

Я говорил с ним об этом. Безыменский признал, что вся эта история была выдумана им, но заявил, что это не он, а «Литературная газета» виновна в выдумке. Предоставляю судить вам самим.

В том же разговоре Безыменский признал, что в нем еще осталось много серьезных пережитков РАППа, как в области методов, так и идеологии, и что он не всегда вел себя как должно по отношению к своим товарищам по бригаде. Это явствует из всего его обращения с товарищами в пути и особен-

[44] «Я прошу вас перечесть этот текст, где выражения "замечательная родина", "хорошие ребята", "настоящие революционные бойцы" в этих условиях становятся совершенно смешными» (*примечание Арагона*).

[45] Речь идет о лозунге «одемьянивания» (по имени Демьяна Бедного), то есть призыва в литературу рабочих ударников.

[46] Центральный орган компартии Франции.

но в моем присутствии. Безыменский, например, в присутствии писателей, прерывает своих товарищей, объясняет им, что они *должны* говорить. Он поддерживает среди них дух соперничества, старается уронить в моих глазах Сельвинского, прибегая к авторитету Маяковского, делает невозможной жизнь для Кирсанова, приставая к нему с непрерывными замечаниями, совершенно смешными в тех случаях, когда они не являются прямой пародией и т.д.

Во всем Безыменский признал вполне возможным сознаться, в разговоре со мной. Он даже обещал мне постараться всеми силами исправиться, и благоразумно выслушал длинный урок, который я ему прочел. Ясно, однако, что таким образом он рассчитывал, очень смущенный моими словами, просто обеспечить молчание перед вами. Из своего путешествия, также как и из постановления от 23 апреля[47], он не вынесет никакого опыта. Уже после нашего разговора он продолжал с нашим товарищем Фернан Жаном свою пропаганду «демьянизирования» поэзии и свою саморекламу.

Я счел нужным поставить вас об этом в известность, чтобы вы могли правильно оценить сообщения, которые может вам дать Безыменский о своем путешествии и особенно то, что он, может быть, скажет о своих товарищах. Здесь мы очень довольны Кирсановым, Сельвинским и Луговским. Я говорю вам это не только с литературной точки зрения, но и с точки зрения партийной работы.

Мы просим вас и впредь посылать нам таких же хороших товарищей, которые производили бы впечатление, являющееся лучшей пропагандой для Советского Союза, одновременно на людей, таких как Жид и Пикассо и на рабочих с рынка. Но постарайтесь не присоединять к ним слишком уж примитивных в своем поведении людей, мало

[47] Постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАППа, принятое 23 апреля 1932 г.

способных олицетворять собой ВКП(б), репутация и престиж которой нам дороже всего.
С горячим приветом

Арагон[48].

Насколько весомой для Щербакова могла оказаться информация Арагона? Не берусь судить, во всяком случае, что касается Безыменского, в качестве руководителя писательских делегаций в Европе он вроде бы больше не появлялся.

5. Парижский концерт

Главное событие парижской части вояжа четырех поэтов – литературный концерт 4 января 1936 г. – в донесениях Безыменского не могло быть отражено.

Концерт состоялся в зале Парижской консерватории – четыре советских и шестнадцать французских поэтов по очереди читали свои стихи. Спустя 36 лет Безыменский еще помнил поразившее парижскую публику поэтическое шоу: после тихих голосов французов Луговской «так гроханул начальные строки своего стихотворения – аж люстры задрожали», а Кирсанов, читая «Поэму о Роботе», запел, «музыкальный ритм фокстрота полностью слился с топочущим стихотворным ритмом поэмы», да и сам мемуарист, читая «Бахают бомбы у бухты», продемонстрировал по ходу дела три песни, входящие в текст, и наконец Сельвинский, когда вечер длился уже три часа, прочел «Охоту на нерпу», пропев по-итальянски входившую в стихотворение песню «Марекьяре» (Луи Арагон, кстати сказать, вызвал смех аудитории, когда, предваряя это чтение своим переводом, предупредил публику, что не умеет ни петь, ни говорить по-итальянски[49]).

В воспоминаниях «Триумф советской поэзии» Безыменский не приводит имен шестнадцати французских поэтов – участников вечера, а «Правда» в кратком отчете назвала (видимо, для симметрии) только четырех: Луи Арагона, Шарля Вильдрака, Жана Ришара Блока и Люка Дюртена. В донесении Арагона

[48] Диалог писателей. С. 103–105.
[49] Это сообщал Сельвинский жене в Москву (см.: О Сельвинском. Воспоминания. С. 65).

упоминаются еще Леон Поль Фарг и Тристан Тцара[50]. Безыменский, вспоминая, что читали по кругу – четыре француза, потом один русский, и так четырежды, пишет о французских поэтах: «Их пребывание на сцене являло собой, честью заявляю, очень унылое зрелище. Они робели, как малыши, читали стихи по бумажке, дрожавшей в их руках, читали тихо».

Председательствовал на вечере Илья Эренбург, и «Правда» его имени даже не упомянула, зато сообщила, что концерт открыл Луи Арагон, сказав: «Этот вечер должен послужить сближению между советской литературой и литературой Франции». Безыменский же в 1971 г., в отличие от «Правды» 1936-го, несколько раз упоминает Эренбурга, но молчит об Арагоне, имя которого в Москве было уже не в чести.

То, что в Москве придавали парижскому вечеру поэтов политическое значение, подчеркивалось присутствием в зале консерватории советского полпреда В. Потемкина и бывшего замнаркома Л. Карахана. Когда через три месяца в переполненном зале «Мютюалите» политически обреченный Бухарин будет читать в переводе Мальро свой знаменитый доклад о проблемах современной культуры, полпредство ограничится присылкой третьего секретаря — не для представительства, а для формального отчета.

Консерваторская публика в цитированных мемуарах Безыменского описана так: «В первых рядах сидели представители родовой аристократии, чьи фамилии поразили нас, ибо мы уже знали их из романов Бальзака и Александра Дюма; большинство зрителей составляла парижская интеллигенция, люди весьма различных политических направлений. А несколько рядов занимали русские эмигранты».

«Правда» информировала своих читателей короче: «Аудитория, состоявшая из представителей трудовой интеллигенции, с исключительной теплотой встретила выступление поэтов».

Понятно, что советские участники отнеслись к своим выступлениям, как к делу особой политической значимости, и очень старались. Неожиданный мотив потребовал от них еще большей отдачи: «Наши спортсмены проиграли матч,– писал

---

[50] Кроме них участвовали также: Ж. Одиберти, Р. Деснос, Л. Муссинак и П. Юник (см.: *Громова Н.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. С. 263); полный состав французской команды нам неизвестен.

Сельвинский жене, – и нам нужна была блистательная победа»[51] (действительно, 1 января в Париже игрался футбольный матч между московской командой, составленной из игроков «Динамо» и «Спартака», и парижским «Ресингом»; стадион был полон, присутствовали два французских министра, те же Потемкин и Карахан и почти вся советская колония; выиграли французы со счетом 2:1. На стараниях французских участников литературного вечера это событие, надо думать, не отразилось).

Об откликах французской печати Безыменский вспоминал:

«Коммунистические и либеральные газеты отзывались о нас очень похвально, подчеркивая преимущества советской поэзии по содержанию и форме. Репортажи и отзывы буржуазных газет были очень своеобразными... Ни одного слова не было сказано о том, что читали мы и шестнадцать наших французских коллег. Зато великое множество строк эти газеты посвятили прическе и фигуре Луговского, импозантной манере чтения Кирсанова (“русского марсельца”), моему костюму и голосу, изумительному устройству горла Ильи Сельвинского»[52]. Не берусь судить, насколько точен здесь мемуарист, но его фраза: «Через несколько дней мы прочли пространный репортаж о вечере, напечатанный в “Правде”», – легко проверяется: в номере газеты от 6 января под заголовком «Вечер французских и советских поэтов в Париже» был напечатан ТАССовский столбик из четырех коротких абзацев.

Конечно, постоянно думать только о делах политических в Париже трудно, и двумя строчками Безыменский информирует старших товарищей о скромном посещении поэтами парижских кабаков. Судя по двум отчетам, минимум политических забот доставлял ему Луговской. Сложнее было с Сельвинским (в отчетах он часто именуется «Сильвой»). Автор «Улялаевщины» и «Пушторга», надо полагать, не забыл нападок на него Безыменского в речи на Первом съезде советских писателей («идейные срывы», «деляческие тен-

---

[51] О Сельвинском. Воспоминания. С. 65.

[52] Нева. 1971. № 11. С. 207.

денции»), эту речь Сельвинский в своем выступлении на съезде назвал «митинговой». Сохраняя позу литературного мэтра, он вынужден был политически подчиниться певцу комсомола.

Сельвинский о поездке докладывал не старшим товарищам, а жене и потому, рассказывая о выступлении в Парижской консерватории, писал только о себе:

> «Как я читал «Нерпу»!! Слезы звенели у меня в горле, когда я дошел до наиболее лирической; звоны рокотали в груди. Кирсанов говорит, что я сам был похож на арфу и что было такое впечатление, будто если коснуться пальцем моего плеча – запоет звук. Я это и сам знал <...>. Я был в совершенно ослепительном очаровании. Никто не мог быть равнодушен. Кирсанов губами повторял каждый мой звук. Безыменский потом говорил мне, что жалел, что сидел сзади: он так любит смотреть, как движется кончик моего языка[53].

Одна из главных задач политического руководителя группы: чтобы товарищи всюду говорили то, что надо; выступая, читали то, что надо, а не что захочется. Забавно поэтому сравнить донесения Безыменского 1935 г. с таким утверждением его мемуара 1971 г. (неизвестно, это глубокий склероз или заурядное сознательное вранье): «Каждый из выступающих поэтов мог читать те стихи, какие захочет, в любом жанре, в любом ритме, любого содержания».

Оба отчета полны обвинений в адрес Кирсанова.

Самое опасное из них, по существу политическое, обвинение: Кирсанов мог выдать фашистам немецкого писателя-коммуниста Вилли Бределя, нелегально ехавшего из Австрии. Через два года оно тянуло бы на высшую меру... Но и в 1935-м чистосердечное признание могло не спасти – начальство было проинформировано. Правда, человеческие шероховатости и несовпадения интересов в поездке были и помимо взаимоотношений с Безыменским. 6 января 1936 г. Луговской писал своей подруге в Москву:

---

[53] О Сельвинском. Воспоминания. С. 65.

> Кирсанов, накупив три чемодана муры для Клавы[54] и себя, каких-то зеленых галстуков, рубашек, десу и кофточек, уезжает сегодня. У него уже нет ни копейки. В музеях он не бывал, ничем не интересовался, кроме своей популярности и кофточек. Я же хожу по музеям по 10–12 часов Нужно наверстывать. В Лувре был 5 раз, изучаю отдел за отделом...[55]

О том, какие оргвыводы сделали в Москве и кто победил в поединке «Безыменский – Арагон», стало известно, когда советские поэты из Парижа отправились в Лондон.

Втроем.

Без Кирсанова.

[54] Жена Кирсанова.

[55] Цит. по: *Громова Н.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы. С. 265.

«СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ» К. ФЕДИН И М. ЗОЩЕНКО В ПРОРАБОТКАХ 1943–1946 гг.

1. Вместо пролога

16 августа 1946 г. всех ленинградских писателей «пригласили» в Смольный (впрочем, было сделано два демонстративных исключения: А.А. Ахматову и М.М. Зощенко в Смольный не позвали). Писателям надлежало заслушать «доклад т. Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград"». Было это так: «У входа милиционеры проверяют пропуска. В вестибюле - снова проверка. У лестницы – снова. Вот открываются двери, и все входят в исторический зал Смольного. Входят чинно, без толкотни. Тихо садятся. Все места заняты. На трибуне Андрей Александрович Жданов – представительный, полнеющий, с залысинами на висках, с холеными пухлыми руками. Он говорит гладко, не по бумажке (за день до этого, 15 августа, прошла генеральная репетиция доклада – для партактива. – *Б.Ф.*), стихи цитирует наизусть. Все, что он говорит, ужасно»[1]. С самого начала доклада, чтобы ни у кого не возникало и мысли хоть в чем-то оспорить его содержание, Жданов официально назвал инициатора новой литературной кампании: «Этот вопрос на обсуждение Центрального комитета поставлен по инициативе товарища Сталина, который лично в курсе работы журналов "Звезда" и "Ленинград" находился и находится все время, подробно изучил состояние этих журналов, прочитал все литературные произведения, опубликованные в этих журналах, и предложил Центральному Комитету обсудить вопрос о недостатках в руководстве этих журна-

[1] *Гитович С.* Из воспоминаний // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990. С. 283. 15 августа на собрании партактива в его президиуме сидели А. Прокофьев и П. Капица – см.: Нева. 1988. № 5. С. 143.

лов, причем сам лично участвовал на этом заседании ЦК и дал руководящие указания, которые легли в основу решения Центрального Комитета партии, которые я обязан Вам разъяснить»[2]. Эти слова не вошли в опубликованный текст доклада Жданова – типичный пример той «секретной информации», которую сообщали лишь доверенным лицам, – тем сильнее ожидался эффект.

Текст принятого 14 августа постановления еще не был опубликован (он появился в «Культуре и жизни» 20 августа), и для большинства присутствующих доклад Жданова – удар обухом по голове. Но даже для тех шести писателей, кто был на заседании Оргбюро ЦК 9 августа, в котором участвовал Сталин и где обсуждался этот вопрос[3], в докладе Жданова прозвучали новые «мысли»: за короткое время после 9 августа референты «нарыли» для Жданова материалы 1922 г. о «Серапионах», и Жданов их озвучил[4].

Доклад Жданова (точнее – контаминация двух его докладов 15 и 16 августа с исправлением явных фактических ошибок[5]) был представлен Сталину на редактирование. Любивший править тексты Сталин ограничился стилистическими поправками. 19 сентября 1946 г. он написал автору:

[2] РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 802. Л. 4, 5; цит. по: *Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. М., 1994. С. 146.

[3] Присутствовали ленинградские писатели – от «Звезды»: В. Саянов, А. Прокофьев и П. Капица, от «Ленинграда»: Д. Левоневский, Б. Лихарев и Н. Никитин.

[4] В досье на Зощенко, сохранившемся в Управлении Агитпропа ЦК ВКП(б), задним числом к делу было приложено несколько бумаг; в частности, справка о «Серапионовых братьях», справка о литературных приятелях Зощенко в Ленинграде (среди них названы «Серапионы» Слонимский, Каверин и Никитин); самыми последними из материалов досье оказались «Мурзилка» № 12 за 1945 г. и сборник зощенковских рассказов с «Приключением обезьяны» – последние появились уже после выхода постановления ЦК от 14 августа 1946 г. (см.: *Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. С. 127).

[5] Например, Жданов перепутал немецкого классика Э.Т.А Гофмана, автора романа «Серапионовы братья», с эпигоном русского символизма Виктором Гофманом (см.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 40–41), но эта ошибка в напечатанном тексте его доклада поправлена. Зато остался неисправленным другой ляп: «Все эти символисты, акмеисты, "желтые кофты", "бубновые валеты", "ничевоки" – что от них осталось в нашей родной русской, советской литературе?». Тут опростоволосились референты, вовремя не подсказавшие шефу, что «желтая кофта» – это «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» Владимир Маяковский, а «Бубновый валет» – группа замечательных (их, правда, тоже долбали в 1936 г. – за формализм) живописцев, литературой не занимавшихся.

Т. Жданов! Читал Ваш доклад. Я думаю, что доклад получился превосходный. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить отдельной брошюрой. Мои поправки смотри в тексте. Привет!

И. Сталин[6].

21 сентября доклад был опубликован в «Правде» и «Ленинградской правде», брошюра тоже не заставила себя ждать.

Так новое клеймо, поставленное после долгого перерыва и уже новыми людьми (первопроходцев давно расстреляли) на «Серапионовых братьев», стало общеизвестным.

Когда старательные референты разыскали интервью Зощенко журналу «Литературные записки» (№ 3 за 1922 г.) и Жданов за это интервью ухватился, он, надо думать, просмотрел заодно и тексты интервью других «Серапионов». Особо криминальных высказываний у писателей, которых знал по именам, не нашел. Правда, не могли не задеть бойкие слова Николая Тихонова о том, что «сидел в Чека и с комиссарами разными ругался и ругаться буду», но было известно: Тихонова любит Сталин, и Жданов не стал использовать хлесткий абзац, зато ухватился за неизвестного в Политбюро Льва Лунца, и уж его-то «декларацию» на свет Божий вытащил и фрагмент из нее огласил на всю страну. Вместе с разоблачительным политвыводом: «Такова роль, которую “Серапионовы братья” отводят искусству, отнимая у него идейность, общественное значение, провозглашая безыдейность искусства, искусство ради искусства, искусство без цели и смысла».

Конечно, на роль второго, после Зощенко, действующего врага Лунц не годился, так как давно умер, и его статью 1922 г. Жданов взялся процитировать лишь затем, чтобы еще крепче ударить по Зощенко. Главные же ярлыки, доставшиеся Михаилу Михайловичу, были такие (привожу в порядке следования): «мещанин и пошляк», «самая низкая степень морального и политического падения», «пакостничество и непотребство», «зоологическая враждебность к советскому строю» (сегодня это, может быть, и не звучит оскорбительно, но сие к Зощенко отношения не имело. – *Б.Ф.*), «пошлая и низкая душонка», «хули-

[6] Власть и художественная интеллигенция. С. 606.

ган», «окопавшись в Алма-Ате, в глубоком тылу, ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками», «чуждый советской литературе пасквилянт и пошляк», «насквозь гнилая и растленная общественно-политическая и литературная физиономия», «с цинической откровенностью продолжает оставаться проповедником безыдейности и пошлости, беспринципным и бессовестным хулиганом». В этих искрометных характеристиках т. Жданов творчески развил и аккуратно обогатил следующие установки т. Сталина в отношении писателя Зощенко, оглашенные им 9 августа: «пустейшая штука, ни уму ни сердцу ничего не дающая», «какой-то базарный балаганный анекдот», «вся война прошла, все народы обливались кровью, а он ни одной строки не дал», «пишет он чепуху какую-то, прямо издевательство», «война в разгаре, а у него ни одного слова ни за, ни против, а пишет всякие небылицы, чепуху», «проповедник безыдейности», «злопыхательские штуки»[7].

Приводя весь этот зубодробительный арсенал (для ликвидации отдельно взятого писателя хватило бы и малой части), отметим, что вывод Жданова, тем не менее, был для Зощенко не смертельный: «Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться – пусть убирается из советской литературы». Человек с другой психикой всю эту катавасию смог бы пережить без невыносимых потерь, но Зощенко…

Контраст между этим не расстрельным выводом и его зверской лексической артподготовкой (в 1937–1939 гг. масса писателей была расстреляна вообще без единого выстрела в печати!) – разительный. Чем вызвана такая ярость обвинений и такое несоответствие ей конкретного приговора? Тут в самый раз заметить, что зощенковский «сюжет» стали раскручивать в коридорах власти еще за три года до ждановского (в физическом смысле – все же холостого) выстрела в Смольном.

2. Налет на Федина

В 1943 г. начался массированный налет власти на советскую культуру. Смертельная опасность для страны только-только миновала, и аппарат ЦК (впервые после 1940 г.) вернулся к своим

[7] Власть и художественная интеллигенция. С. 566–581.

играм с тем, чтобы этого занятия уже не приостанавливать. Оглянувшись окрест (то есть заглянув в литжурналы), установили литературные мишени. Ими стали И. Сельвинский, А. Довженко, Н. Асеев, К. Чуковский, А. Платонов, М. Зощенко, а позже – еще К. Федин и Е. Шварц. Из этой атаки на литературу коснемся здесь лишь судеб «Серапионовых братьев» К.А. Федина и М.М. Зощенко.

В записке о деятельности советских писателей в годы войны, составленной в 1945 г. А.Еголиным по поручению Маленкова и выражавшей уже устоявшиеся на Старой площади взгляды, говорилось о том, что «некоторые писатели оказались не на высоте задач... поддались панике, малодушествовали... испугавшись трудностей, в 1941–1942 гг. опустили руки и ничего не писали». Первым среди тех, кто «в эти годы не опубликовал ни одного художественного произведения», был назван Федин[8]. То, что, живя в эвакуации в Чистополе, Константин Федин писал книгу «Горький среди нас» – в расчет не бралось. Вопрос о праве писателя продолжать давно задуманную и начатую перед войной работу, когда страна воевала, напрягая все силы, работу, никак с войной не связанную, оставим в стороне. Думая о будущем, страна должна была сохранить свою интеллигенцию – ученых, музыкантов, художников, писателей. (Правда, многие из них, в той мере, в какой могли, фронту помогали.)

Мемуарная работа Федина, по его давним планам, должна была касаться трех тем – о Горьком, о Серапионах и о жизни Федина в Европе[9]. Поскольку фединская Европа – это, главным образом, Германия, а годы смертельной войны с ней – не самое подходящее время для писания некарикатурных воспоминаний, этой темы в итоге Федин не коснулся, оставив ее про запас. А вот Горький и «Серапионы» – и стали как раз темами книги «Горький среди нас», полностью напечатанной Гослитиздатом в 1944 г..

Первая ее часть была опубликована еще перед самой войной в июньском за 1941 г. «Новом мире» (он вышел в день объявления войны[10]) и опубликована, как писал Федин, «в пострадавшем от усердных нянек виде»[11]. Весной 1943 г. по случаю

[8] Литературный фронт. М., 1994. С. 162.

[9] См. коммент. А. Старкова к т. 10 собр. соч. Федина: В 12 т. (С. 380–381).

[10] Отрывки из книги Федина 15 июня 1941 г. напечатала «Литературная газета», потом 28 марта 1943 г. к 75-летию Горького отрывок из книги Федина поместила «Правда».

75-летия Горького о ней вспомнили и ее похвалили[12]. Вторую часть Федин в 1943 г. предложил «Октябрю»; в журнале рукопись готовили к печати (редактор «наметил ряд изменений, которые могут быть потребованы»[13]), но поскольку в конце года «Октябрь» был подвергнут идеологической проработке, журнал печатать книгу Федина побоялся. Так в начале 1944-го она попала в «Новый мир». Одновременно Федин ее передал директору Гослитиздата Чагину; поначалу там к рукописи отнеслись доброжелательно, а затем вернули ее Федину для переработки. И тут на машинописи главы о Зощенко Федин заметил пометку «3 экз.» и понял, что втайне от него эта глава была размножена и показана куда надо. Понимая, что затевается нечто, так как эту главу могли счесть за полемику с властью по части Зощенко, Федин отправился на Старую площадь. В его дневнике записано сказанное ему зав. отделом художественной литературы Еголиным 29 февраля 1944 г.: «Советую Вам выключить из рукописи очерк о Зощенке. Писатель он крупный, талантливый и снижать своей оценки Вам незачем, да Вы и не захотите. А поднимать сейчас Зощенко несвоевременно. Положение, в каком он нынче находится, преходяще; когда оно изменится, можно будет снова говорить о нем широко»[14].

Федин переработал вторую часть книги; глава о Зощенко была исключена (из современников – осталась глава о Тихонове). Переработанный текст был отнесен снова в «Новый мир» и в Гослитиздат; начался новый тур «подготовки» рукописи. 25 мая в «Новом мире» сообщили о запрещении печатать вторую книгу. О запрете и о том, откуда он последовал, распространяться не разрешили (предложили говорить, что сам, по своей воле, забрал рукопись для переработки); более того – посоветовали забрать ее также из Гослитиздата. Но в Гослитиздате молчали. 10 июня Федин все-таки сказал им о новомировском запрете, но выяснилось, что Гослитиздат уже получил разрешение печатать книгу. 30 июня она вышла в свет. И тут директор Гослитиздата Чагин признался Федину, что ни один редактор издательства не соглашался взять на себя ответственность подпи-

[11] В письме к Н. Никитину 27 мая 1942 г. – см. *Федин К.* Т. 10. С. 216.

[12] Например, М. Слонимский (Октябрь. 1943. № 8–9).

[13] Русская литература. 1998. № 1. С. 120.

[14] Записи о событиях 1944 г. в 12-й том фединского собрания сочинений не вошли; они были напечатаны через 12 лет: Русская литература. 1998. № 1. С. 120.

сать книгу в печать – впервые с тех пор, как все издания в СССР печатались только после подписания их редактором в печать (личная ответственность!), вышла книга, вообще не имевшая редактора[15].

Дав разрешение напечатать книгу, на Старой площади готовились к публичной атаке на нее. Выполняя ответственный спецзаказ, Ю. Лукин написал для «Правды» статью «Ложная мораль и искаженная перспектива»[16]. В ней книга Федина аттестована, как «глубоко аполитичная». Чтобы это суждение не показалось случайной оценкой и частной инициативой, в специально созданной для писательских экзекуций газете «Литература и искусство» некто Л. Дмитриев напечатал статью «Вопреки истории. (О новой книге К. Федина)»[17]. Теперь уже и слепым стало ясно, какую вредную книгу написал автор.

Конечно, книга Федина (едва ли не лучшая у него) и сама по себе не могла не попасть в литкампанию 1943–1944 гг. (не говоря уже о ее зощенковской главе, которую запретили печатать, а это означало: клеймо враждебности). Была еще одна причина, по которой книгу заранее готовились встретить залпом «критики». Вот какая. Еще летом 1943 г. Управление контрразведки НКГБ СССР представило в ЦК спецсообщение «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов», где приводилось немало резких высказываний Федина, которые, конечно же, обратили на себя внимание Старой площади: «Все русское для меня давно погибло с приходом большевиков... За кровь, пролитую на войне, народ потребует плату и вот здесь наступит такое... Может быть, опять прольется кровь... О Горьком я сейчас буду писать только для денег: меня эта тема уже не волнует и не интересует. Очень обидно получилось у меня с пьесой. Леонов за такую ерунду («Нашествие») получил премию, но это – понятно – нужно было поклониться в ножки, он поклонился, приписал последнюю картину, где сплошной гимн (поясняющая вставка публикаторов: Сталину. – *Б.Ф*), вот ему и заплатили за поклон.... Я никому не поклонюсь и подлаживаться не буду»[18]. Оставить без ответа такие суждения власть, понятно, не могла...

[15] Русская литература. 1998. № 1. С. 121.

[16] 24 июля 1944 г.

[17] 5 августа 1944 г.

Спецстатьями в «Правде» и «Литературе и искусстве» дело не кончилось. В главах дневника Федина, опубликованных лишь в девяностые годы, рассказывается, как готовилась проработка писателя в родном Союзе писателей. 13 августа к Федину на дачу вместе с Груздевым приехал недавно назначенный председателем Союза писателей Тихонов. Федин записал в тот день: «Как всегда я не сразу понял, что за дружеским визитом Николая скрывается заданная миссия в связи с моим "Горьким". Вероятно это решено "свыше". Мотивировка необходимости судоговорения такова: "Если мы, писатели, сами не будем обсуждать литературные явления, то, естественно, о них будут говорить журналисты на уровне, который гораздо ниже желательного"». Далее Федин приводит слова Груздева Тихонову: «Неужели тебе не ясен смысл такой дискуссии, ведь она означает, что Федина хотят бить руками писателей» и запись о Пастернаке (он тоже тогда был у Федина): «Борис резко против дискуссии, считая, что это будет "позор" для Союза»[19] (через 14 лет в ситуации готовившейся расправы над Пастернаком Федин «забудет» о поддержке, которую в 1944 г. оказал ему Пастернак; предав друга, он выступит заодно с властями). Десять дней спустя Тихонов снова явился на дачу Федина, на сей раз сопровождая реального главу Союза писателей и будущего зава отделом культуры ЦК Поликарпова – разговор продолжался три часа (через 14 лет тот же Д. Поликарпов явится к Федину с тем, чтобы сообща с ним требовать от Пастернака отказа от Нобелевской премии). В 1944-м Поликарпову важно было получить от Федина гарантии, что он явится на «обсуждение» в Президиум Союз писателей. Гарантии были получены.

На официальном «обсуждении» книги 24 августа в президиуме Союза писателей ее дружно ругали, хотя об истреблении автора речи не шло. В информации, направленной наркомом ГБ В.Н. Меркуловым Жданову 31 октября 1944 г., среди других сведений, полученных от сексотов, приводились почти благодушные слова В.Б. Шкловского: «Проработки, запугивания, запрещения так приелись, что уже перестали запугивать, и люди

[18] Власть и художественная интеллигенция. С. 494, 495. Замечу, что документ подписан будущим убийцей С.М.Михоэлса Шубняковым.

[19] Русская литература. 1998. № 1. С. 121–122.

по молчаливому уговору решили не обращать внимания, не реагировать и не участвовать в этом спектакле. От ударов все настолько притупилось, что уже нечувствительны к ударам. И в конце концов, чего бояться? Хуже того положения, в котором очутилась литература, уже не будет (Шкловский был большой оптимист! – *Б.Ф.)*. Так зачем стараться, зачем избивать друг друга – так рассудили беспартийные и не пришли вовсе на Федина. Вместо них собрали служащих Союза и перед ними разбирали Федина и разбирали мягко, даже жалели, а потом пошли и выпили и Федина тоже взяли с собой»[20]. О том же, по донесению сексотов, говорил И.Уткин: «При проработке Федина “мясорубка”, кажется, испортилась Что-то не сделали из Федина котлету. Вишневский и Тихонов даже его хвалили. А после всего устроили банкет и пили с Фединым за его здоровье. Я рассматриваю такое поведение, как утирание носа “Правде”»[21]. На самом деле, Федин услышал немало неприятных слов от коллег и буфет его радовать не мог[22]. «На другое утро, – записал он в дневнике, – я просыпаюсь с ощущением чего-то мучительно мерзкого, и у меня снова начинаются сердечные перебои...»[23].

Конкуренты, крупные и мелкие завистники охотно высказывались, почувствовав незащищенность жертвы; любопытно, что ругали они Федина не только с трибуны, но и в кулуарах. Сексоты донесли кулуарные слова Леонова: «Книга Федина о Горьком плохая.... Бестактно сейчас, в интересах личной писательской биографии, публиковать то, что было сказано Горьким совсем в другое время... У меня тоже есть письма Горького, воспоминания о беседах с ним. Но я не предаю и не предам этот материал гласности»[24]. Некто, драматург И. Волков, утверждал: «Федина критиковали слабо, о его книге можно было

[20] Власть и художественная интеллигенция. С. 531–532.

[21] *Там же.* С. 531.

[22] Запись Федина о банкете: «За столом Павленко поднимает рюмку со словами: “Начинается банкет по случаю проработки Федина. Почаще бы такие проработки!”» (Русская литература. 1998. № 1. С. 123).

[23] *Там же.*

[24] Власть и художественная интеллигенция. С. 526. Любопытно, что в той же справке было приведено и нелицеприятное высказывание Федина о Леонове: «Не нужно заблуждаться, современные писатели превратились в патефоны... Леонов думает, что он какой-то особый патефон. Он заблуждается» (С. 525).

бы написать сильнее. У нее два больших порока. Во-первых, с каждой страницы веет высокомерным отношением к советской власти, а во-вторых, автор разделяет жизнь и литературу и старается доказать, что литература может развиваться своими самостоятельными, независимо от жизни страны путями. Взгляд этот абсолютно ошибочен и вреден. Возмутительно то, что себя и Серапионовых братьев Федин как бы противопоставляет всей остальной литературе СССР, и не только литературе, но и общественно-политической жизни государства»[25]. Очень резок был Павел Нилин (остается загадкой – углядел ли он впереди дальнейшую эволюцию Константина Александровича, или причина – в его сугубо личной недоброжелательности); возможно, это был отклик на едва ли не высокомерную реакцию Федина, вызванную скоординированными нападками на его работу: «Федин – не настоящий писатель, его писательская работа имитация, повторяющая идеи и мысли чуждых нам заграничных писателей[26]. Федин как-то без основания, вдруг, занял у нас место "великого русского писателя", он страдает преувеличенным самомнением и ничего не дал созвучного нашей эпохе»[27].

Федин держался с достоинством, но внутренне реагировал на все достаточно болезненно. Поразила его М. Шагинян – с трибуны резко браня книгу, она в перерыве подошла к Федину поблагодарить его за «волнение, с каким ее читала»[28]. (В 1956 г., при чтении рассказа А. Яшина «Рычаги», Федин вспомнит эту историю и назовет Шагинян «рычагом»[29], после чего уже сам поступит с Яшиным, как Шагинян с ним). В изложении сексота суждение Федина насчет развернувшейся кампании (похоже, что он догадывался о ее тайной мотива-

[25] Власть и художественная интеллигенция. С. 527. Понятно, что, если бы потребовалось развернуть смертоносную кампанию против Федина, активистов долго искать бы не пришлось.

[26] Заметим, что, скажем, суждение: «Санаторий Арктур» Федина – это «Волшебная гора» Томаса Манна для бедных, – имело хождение в писательской среде предвоенной поры.

[27] Власть и художественная интеллигенция. С. 527.

[28] Запись Федина в дневнике: «Шагинян трясет мою руку… "Зачем же Вы сказали, что книга вредна?" – вопрошаю я. "Как? Я этого не говорила". – "Ну, я просто оговорилась..." Ей хочется убедить меня в одном: "Поймите, что так надо, надо, надо!" – т.е. надо, чтобы книга подвергалась заранее размеченному, подготовленному хулению» (Русская литература. С. 123).

[29] *Чуковский К.* Т. 13. С. 231.

ции), приводилось все в той же справке Меркулова: «До меня дошел слух, будто книгу мою выпустили специально для того, чтобы раскритиковать ее на всех перекрестках. Поэтому на ней нет имени редактора – случай в нашей литературе беспрецедентный. Если это так, то ниже, в моральном плане, падать некуда (у системы, да и у самого Федина, тут были еще солидные резервы. – *Б.Ф.*). Значит я хладнокровно и расчетливо и, видимо, вполне официально был спровоцирован. Одно из двух. Если книга вредна, ее надо запретить. Если она не вредна, ее нужно выпустить. Но выпустить для того, чтобы бить оглоблей вредного автора, – этого еще не знала история русской литературы»[30].

Публично Федин вел себя, надо полагать, достаточно осторожно, по начальству не жаловался и, в итоге, о сюжете 1944 г. ему не напоминали – записку Еголина 1945 г. в той ее части, что касалась Федина, к сведению приняли, но ни в каких партийных документах последующих лет не использовали: в негативном контексте имя Федина в них не всплывает. Думаю, что личной злобы сочинения Федина у Сталина никогда не вызывали. Это была первая и последняя атака на Федина – все его дальнейшее поведение говорило, что из этой атаки он сделал «правильные» выводы.

3. Первые залпы по Зощенко

Совершенно иначе обстояло дело с Михаилом Михайловичем Зощенко.

В августе 1942 г. в Алма-Ате на десятом месяце эвакуации Зощенко смог приступить к продолжению работы над своей «главной книгой» – повестью «Ключи счастья». Она была задумана еще в 1930-е гг. (в сентябре 1942 г., жалуясь в письме жене на больное сердце, он писал: «А ведь я должен закончить книгу, над которой работал 7 лет»[31]). Именно в Алма-Ате работа над повестью существенно продвинулась. Весной 1943-го Зощенко узнал, что назначен членом редколлегии «Крокодила», и это позволило ему 12 апреля 1943 г. выехать в Москву. Вскоре по приезде в столицу он имел беседу в Управлении агитации и пропаганды ЦК с зав. отделом художественной литературы

---

[30] Власть и художественная интеллигенция. С. 524.

[31] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 85.

проф. А. Еголиным, который высоко отозвался о его повести и разрешил ее печатать[32]. (В 1946-м, когда имя Зощенко для властей стало совершенно одиозным, никто не припомнил этого Еголину, и, продолжая работу в ЦК, он был назначен главным редактором ленинградской «Звезды»). Между тем в 1943-м положительный отзыв Еголина, безусловно, сказался на тогдашнем положении дел Зощенко. Незавершенная повесть была предложена журналу «Октябрь» и журналом, естественно, принята. В «Крокодиле» Зощенко предложили должность ответственного редактора (от которой он, правда, отказался из-за необходимости завершить работу над повестью). 20 июня писатель сообщал в Ленинград жене и сыну:

> Сейчас заканчиваю «Ключи счастья» (теперь называется «Перед восходом солнца»). Первая часть уже идет в № 6 «Октября». Торопят, чтоб дал финал. Всего будет в 3-х номерах. Весьма мешают работе «Крокодил», выступления, газеты. А сдать надо все в июле[33].

Несравнимо подробнее обо всех обстоятельствах своей московской жизни Зощенко писал очередной даме сердца Лидии Чаловой:

> Тут в Москве начальство меня весьма «ласкает». Нет, кажется, журнала, который бы меня не тянул к себе... Ох, превращусь в газетного репортера. От этого страдает и моя большая работа. Приходится писать урывками. А то и ночами...С книгой моей обстоит дело пока что не только хорошо, но даже великолепно. Я не видел такого волнения, которое я увидел у тех, кто ее читал. Я услышал наивысшие комплименты. И от редакции и от литераторов. Меня тут упросили читать. Читал писателям (в небольшом кругу). Два дня. Такой реакции мне еще не приходилось видеть. Кстати, скажу. Редакция

---

[32] В.В. Зощенко в письме Сталину 1946 г. приводит отзыв Еголина, который назвал повесть «гениальным произведением, и печатать которую разрешил не дожидаясь даже ее конца» – см.: *Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. С. 78.

[33] *Там же.* С. 90.

«Октября» дала книгу на проверку Сперанскому[34]. Тот дал наивысший отзыв. Сказал, что с точки зрения науки это точно. Не сделал никаких поправок... В общем книга произвела большой шум[35].

И затем следуют наиболее существенные для нашего сюжета строки о книге:

Сейчас ее читают в ЦК. После чего она пойдет в № VI «Октября». Если, конечно, цензура не наложит руку. Редакция уверена, что ничего не случится. Я не очень.

Итак, окончательное разрешение печатать повесть должен был дать Агитпроп ЦК (независимо от первоначального устного заключения Еголина). 26 июня Зощенко пишет тому же адресату:

Работаю по 20 часов в день – обещал до 1 августа сдать всю книгу. В VI и VII книгах «Октября» идут первые 7 глав. Так что июнь и июль у меня самые тягостные месяцы. Сегодня закончил VIII и IX главы. Осталось 3 листа[36].

По-видимому, именно из-за повести Зощенко цензура задерживает номер «Октября», и редакция, чтобы не просрочить выпуск журнала, вынуждена выпустить сдвоенный номер, однако материал Зощенко в него включен только из первоначального № 6[37]. Наконец, 20 июля 1943 г. этот сдвоенный № 6–7 «Октября»[38] с началом повести Зощенко подписывают в печать; Михаил Михайлович в письмах называет его по-прежнему шес-

---

[34] Зощенко был знаком с академиком Сперанским с 1934 г.

[35] *Чалова Л.* Такой он был... // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990. С. 322–323. (Письмо от 8 июня 1943 г.)

[36] *Там же.* С. 323–324.

[37] Поэтому по объему номер оказывается несколько меньше удвоенного – 207 страниц.

[38] Динамика выпуска сдвоенных и несдвоенных номеров – прихотлива: 22 февраля подписали в печать № 3 объемом 128 страниц, 14 апреля – сдвоенный № 4–5 одинарного объема 135 страниц (то есть № 4 просто назвали № 4–5).

тым (для него он и есть шестой – продолжение повести из № 7 в сдвоенный номер не вошло). Напечатаны: предисловие, «Пролог», «Я несчастен и не знаю почему», «Опавшие листья» и «Заключение», заканчивающееся редакционной справкой: «Продолжение следует».

6 августа 1943 г. Зощенко пишет Л. Чаловой:

> Дела мои идут хорошо... Октябрь № 6 видел только сигнальный. Пока не получил. В № 7 (теперь это уже № 8. – *Б.Ф.)* идет 2-я часть. Третья готова и сдана. Финал (листа 2–3) не написал, только в набросках. Но финал я вовсе не уверен, что напечатают, и оттого не тороплюсь[39].

№ 8 журнала снова задерживает цензура.

В письме 10 сентября 1943 г. Зощенко сообщает: «В общем, две части ЦК пропустил». Но опять-таки произошла задержка, и редакция снова вынуждена выпускать сдвоенный номер, но она уже к этому готова и выпускает его действительно удвоенного объема[40] – включив незощенковский материал из подготовленных № 9 и часть № 10, так как снова Зощенко печатается порцией только из подготовленного прежде № 7. Сдвоенный № 8–9 был подписан в печать лишь 27 сентября и вышел в свет в октябре. В нем были напечатаны главы «Страшный мир», «Перед восходом солнца» и «Черная вода». Публикация заканчивалась редакционным объявлением: «Продолжение следует» – то есть повесть должна была печататься еще, по меньшей мере, в двух номерах. Таким образом за 4 месяца журнал смог напечатать только половину повести Зощенко (в объеме, предполагавшемся для двух первоначально несдвоенных номеров).

Опасный характер всех этих задержек и сбоев Зощенко, конечно, хорошо понимал, поэтому все в том же письме 10 сентября он пишет довольно мрачно:

> Хотел «облагодетельствовать» человечество ...Предвижу брань и даже скандал. Редакция хотела устроить диспут до напечатания. Но Сперанс-

---

[39] Вспоминая Михаила Зощенко. С. 324.

[40] 263 страницы.

> кий не посоветовал, сказав, что диспут устроим, опубликовав книгу[41].

Были в этом письме и выражения несомненного смятения:

> Я тут было хотел вообще не печатать книгу. Получается столь интимно и откровенно, что стало мне не по себе. Верней, я хотел прекратить печатание после 1-й части… Решил положиться на судьбу – втайне надеюсь, что всю книгу не напечатают, где-то запнется. Скорее всего, III и IV части цензура не пропустит. Кроме утешения от этого ничего не получу».

Видимо, из-за очередной задержки журнала редакция подготовила сдвоенный № 10–11 с III частью повести, оставив последнюю ее часть для № 12. 29 октября Зощенко писал жене:

> Эти дни у меня тягостные – кончаю книгу (IV часть). Я думал, что после III части отдохну месяц. Но редакция должна закончить печатание в этом году, таким образом дать последнюю часть в декабрь-ской книжке… В общем, к 1 числу должен сдать всю книгу[42].

Однако в начале ноября 1943 г. последовало запрещение дальнейшего печатания повести Зощенко. Заметим, что последним в 1943 г. номером «Октября» оказался № 10; он был подписан к печати лишь 27 декабря и появился в новом 1944 г. в объеме всего 119 страниц.

Слова в письме Зощенко: «Втайне надеюсь, что всю книгу не напечатают» – оказались на самом деле всего лишь стремлением подготовить любящего человека, который за него деятельно «болеет», к ожидаемой катастрофе. На самом деле Зощенко надеялся совсем на другое: что книжка его проскочит цензуру (недаром полный ее текст одновременно был сдан им в издательство «Советский писатель», откуда, как только стало из-

[41] Вспоминая Михаила Зощенко. С. 325.

[42] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 92.

вестно о запрете, рукопись вернули автору). По мысли В.А. Каверина, «Первая часть написана ради второй. В ней Зощенко пытается объяснить психологическую сущность фашизма, и тогда шестьдесят два рассказа – примера из личной жизни – оказываются необходимыми, становясь на место»[43] – получилось же так, что вторую часть читатели не увидели, и эти 62 рассказа повисли, ожидая публичного разгрома.

Зная, что повесть запрещена в Агитпропе ЦК, Зощенко понимал, что спасти ее может только один человек. 25 ноября 1943 г. он обращается с письмом к Сталину[44]. Это его первое письмо вождю; сочиняя его, Зощенко пользовался советами академика А.Д. Сперанского.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Только крайние обстоятельства позволяют мне обратиться к Вам.

Мною написана книга – «Перед восходом солнца». Это – антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав.

Помимо художественного описания жизни, в книге заключена научная тема об условных рефлексах Павлова.

Эта теория основным образом была проверена на животных. Мне, видимо, удалось доказать полезную применимость ее и к человеческой жизни.

При этом с очевидностью обнаружены грубейшие идеалистические ошибки Фрейда.

И это еще в большей степени доказало огромную правду и значение теории Павлова – простой, точной и достоверной.

Редакция журнала «Октябрь» не раз давала мою книгу на отзыв академику А.Д. Сперанскому и в период, когда я писал эту книгу, и по окончании работы. Ученый признал, что книга написана в соответствии с данными современной науки и заслуживает печати и внимания.

---

[43] *Каверин В.* Эпилог. М., 1989. С. 68.

[44] Датируется по надписи на зощенковской копии письма – см.: Дружба народов. 1988. № 3. С. 169 / Публ. Ю.В. Томашевского.

Книгу начали печатать. Однако, не подождав конца, критика отнеслась к ней отрицательно. И печатание было прекращено.

Мне кажется несправедливым оценивать работу по первой ее половине, ибо в первой половине нет разрешения вопроса. Там приведены лишь материалы, поставлены задачи и отчасти показан метод. И только во второй половине развернута художественная и научная часть исследования, а также сделаны соответствующие выводы.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я не посмел бы тревожить Вас, если б не имел глубокого убеждения, что книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она, может быть, нужна и советской науке.

Ради научной темы я позволил себе писать, быть может, более откровенно, чем обычно принято. Но это было необходимо для моих доказательств. Мне думается, что эта моя откровенность только усилила сатирическую сторону – книга осмеивает лживость, пошлость, безнравственность.

Я беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой, либо дать распоряжение проверить ее более обстоятельно и, во всяком случае, проверить ее целиком.

Все указания, какие при этом могут быть сделаны, я с благодарностью учту.

Сердечно пожелаю Вам здоровья.

Михаил Зощенко.

Москва, гостиница «Москва»
№ 1038. Михаил Михайлович Зощенко[45].

Говоря о запрете книги, Зощенко употребил осторожную формулу, чтобы Сталин заключил из его письма: писатель просит вождя выступить не против решения ЦК, где располагали

[45] Власть и художественная интеллигенция. С. 501–502.; в книге датировано 26 ноября по дню получения письма Особым отделом ЦК, то есть секретариатом Сталина.

полным текстом повести, о чем-де не знает, а всего лишь против неких критиков в журнале.

Ответа адресата Зощенко не получил. В секретариат Сталина письмо поступило 26 ноября, а в ночь с 24-го на 25-е в обстановке сверхсекретности Сталин поездом отбыл из Москвы в направлении Баку[46] – 28 ноября в Тегеране началась его встреча с Рузвельтом и Черчиллем.

Поскольку автограф письма Зощенко хранится не в архиве Сталина, а в фонде Агитпропа ЦК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125) и никаких пометок на нем нет (судя по основательной публикации документов ЦК), то, скорей всего, подлинник письма сразу был передан в Агитпроп[47] (Зощенко считал, что его письмо попало к Щербакову[48]). Сталин письмо не читал (маловероятно, чтобы в начале декабря, когда он вернулся в Москву, ему доложили о письме Зощенко).

Запрет на продолжение печатания повести Зощенко, сообщенный Агитпропом ЦК журналу «Октябрь» в ноябре 1943 г., не сопровождался никакими печатными документами. Первая официальная бумага, содержащая негативный отзыв о ней, датирована 2 декабря 1943 г. (то есть *после* поступления в Агитпроп письма Зощенко Сталину[49]) – это идентичные докладные записки Маленкову и Щербакову за тремя подписями: начальника Агитпропа ЦК Г. Александрова, его заместителя А. Пузина и ...завотделом художественной литературы А. Еголина. Этот документ содержит критический обзор работы журналов «Октябрь» и «Знамя», главными «жертвами» которого оказались Сельвинский и Зощенко. «Анализ» повести Зощенко занимает в нем наибольшее место – и начинается с разгромного вывода:

> В журнале «Октябрь» (№ 6–7 и № 8–9 за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и поли-

[46] *Штеменко С.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 190–192.

[47] Когда Сталин лично просматривал документы и давал указание познакомить с ними других лиц, для них в секретариате Сталина специально печатали машинописные копии.

[48] Власть и художественная интеллигенция. С. 516.

[49] Понятно, что это письмо не было причиной сочинения докладной записки (сама по себе публичность запрещения продолжения повести требовала неких публичных же шагов против повести и ее автора), но обращение писателя к Сталину вызвало у руководства Агитпропа дополнительную ярость.

> тически вредная повесть Зощенко «Перед восходом солнца»[50].

Понятно, что этой формулировкой Александров наступательно защищал «честь мундира» Агитпропа, утверждая правильность решения его управления о запрете продолжения печатать повесть Зощенко. (Замечу, что главная рекомендация этой докладной записки: «Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах» – была осуществлена лишь в 1946 г. и, так получилось, журналов «Октябрь» и «Знамя» непосредственно не задела).

В тот же день, 2 декабря 1943 г., на основе докладной записки Агитпропа было принято постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О контроле над литературно-художественными журналами», содержавшее в преамбуле критику Агитпропа (понятно, не по причине запрета окончания повести Зощенко):

> Отметить, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его отдел печати плохо контролируют содержание журналов, особенно литературно-художественных. Только в результате слабого контроля могли проникнуть в журналы такие политически вредные и антихудожественные произведения, как «Перед восходом солнца» Зощенко...[51]

Критикуя Агитпроп, Секретариат ЦК не оставил камня на камне от повести Зощенко: Управлению вменялось в вину именно разрешение печатать начало повести Зощенко (что, к слову, не могло не напугать лично Еголина). Этим же постановлением к журналам «Новый мир», «Знамя» и «Октябрь» приставлялись ответственные от Агитпропа, относительно которых в постановлении было записано: «Установить, что наблю-

[50] Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. М., 1994. С. 93–104.

[51] Власть и художественная интеллигенция. С. 507.

дающие за этими журналами несут перед ЦК ВКП(б) всю полноту ответственности за содержание журналов»[52].

На следующий день Секретариат ЦК издал еще одно постановление «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», в котором повесть Зощенко была аттестована как «антихудожественная и пошлая»[53].

Оперативность этих решений и резкость их тона при повторяемости разоблачительных формулировок позволяют увидеть за всем этим желание Маленкова и Щербакова (да и Александрова) показать цензурное рвение в отсутствие Хозяина вопреки скудости аргументов. То, что Сталин писателя Зощенко не любил, они, скорей всего, знали. Но градации нелюбви у Сталина были широкими: «сволочь» было написано вождем все же на прозе Платонова (резолюция, как ни странно, оказалась не расстрельной) или в 40-е годы убийственные слова, сказанные Маленкову: «С этим человеком нужно обращаться бережно, его очень любили Троцкий и Бухарин» (это о Сельвинском)[54]. Однако индивидуально нелюбимых писателей-одиночек Сталин не смешивал с «враждебными» группами (здесь он был беспощаден); индивидуально не любимого вождем писателя могли жизни и не лишить. Зощенко, наверное, злил Сталина меньше, чем Платонов. Но злил. Существует много версий на этот счет, особенно о зощенковских рассказах ленинского цикла (мало- интересных), где вождь-де узнал себя в одном усатом персонаже, сопровождавшем Ленина, и рассвирепел[55]. Но все это догадки и домыслы, придумать подобное не трудно. Агитроповцы, возможно, что-то чуяли, но запрещать Зощенко на корню не замахивались. Письмо Зощенко Сталину заставило их на всякий случай «критику» усилить, и он заработал титул «пошляка».

Таким образом, в отличие от случая Федина, случай Зощенко оказался существенно более мрачным для писателя – и его обращение к Сталину лишь ухудшило дело.

---

[52] Видимо, именно «стараниями» приставленного к «Октябрю» агитроповца П.Н.Федосеева объясняется подписание в печать № 10 журнала лишь 27 декабря.

[53] Власть и художественная интеллигенция. С. 508.

[54] *Там же*. С. 784.

[55] *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., 1997. С. 157.

4. Артподготовка продолжается

Опираясь на решение Секретариата ЦК, Агитпроп тотчас же развил соответствующую деятельность. Выполняя заказ Агитпропа, погромная газета «Литература и искусство» уже 4 декабря опубликовала статью Л. Дмитриева (знакомого нам по травле Федина) «О новой повести Зощенко», где писатель именовался «мещанским хлюпиком, нудно копающимся в собственном интимном мирке». Это было первое публичное поношение повести «Перед восходом солнца». В тот же день Зощенко пишет жене в Ленинград, пытаясь смягчить впечатление от газетной атаки:

> Меня тут немного прорабатывают за книжку – это уж как обычно, приходится мне терпеть. Но ничего, вытерплю. Тем более, я прав[56].

После выхода двух постановлений Секретариата ЦК, содержавших острую критику работы журналов – органов Союза писателей, 6 декабря Агитпроп созвал заседание президиума ССП, на котором обсуждался журнал «Октябрь». Повесть Зощенко стала главной темой обсуждения[57]. Несмотря на выступления О. Форш[58] и С. Маршака в поддержку Зощенко, руководители Агитпропа и генсек ССП Фадеев, поддержанные всегда готовыми «братьями-писателями» (увы, был среди них и Виктор Шкловский[59]), заклеймили Зощенко. Правда, в этот раз (потом этого допускать не будут) Михаил Михайлович был приглашен на заседание и получил слово. Зощенко еще не знал, насколько безнадежно его положение, и говорил так:

---

[56] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 95.

[57] Наряду с напечатанными в «Октябре» стихами И. Сельвинского «Кого баюкала Россия», также попавшими в постановление Секретариата ЦК.

[58] В отчете о заседании, напечатанном в «Литературе и искусстве» 11 декабря, О.Д. Форш упрекнули в недостаточной критичности по отношению к Зощенко; этот публичный попрек аукнется в 1946 г. старой писательнице, жившей с Зощенко через стенку, состоянием панического страха.

[59] На вопрос сотрудника ленинградского «Большого дома»: «Были ли примеры двурушнической оценки вашего произведения?» – Зощенко ответил: «Были. В частности могу назвать Шкловского – Булгарина нашей литературы. – До "разгрома" повести он ее хвалил, а потом на заседании президиума союза ругал. Я его обличил во лжи тут же на заседании» (Власть и художественная интеллигенция. С. 514).

> Здесь я чувствую какую-то враждебность, которую я не заслуживаю... неуважение, какого я не испытывал за все 22 года моей работы... Вы признаете мой опыт неудачным... я считаю, что я прав абсолютно... вы же не читали моей книги... Это же непрофессиональный подход[60].

На заседании президиума ССП произошел еще один выразительный эпизод. В составе «бригады» Агитпропа, возглавляемой Александровым, на заседание прибыл и Еголин и, разумеется, в защиту Зощенко он не высказывался. Не высказывался, но... дрожал. Вот что об этом рассказал летом 1944 г. сам Зощенко:

> Еголин в отношении моей повести до критических выступлений печати – держался другого взгляда... Еголин одобрял повесть. Но когда ее начали ругать, Еголин струсил. Он боялся, что я «выдам» его, рассказав о его мнении на заседании президиума Союза писателей, где меня ругали. Видя, что я в своей речи его не «выдал», Еголин подошел ко мне после заседания и тихо сказал: «повесть хорошая...»[61]

На заседании Зощенко, разумеется, «не услышали». Выступавший после него агитпроповец П. Юдин продолжал «литературный» анализ повести:

> То, что напечатано, производит впечатление, что человек повернулся к народу, к войне, к задачам нашего государства задней частью, плюнул на все и копается в своем мусоре[62].

[60] См.: *Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. С. 77. Традиция судить о произведении, не прочитав его, достигла апогея при разгроме не опубликованного в СССР романа Б.Пастернака «Доктор Живаго» в 1958 г.

[61] Власть и художественная интеллигенция. С. 513–514. О поведении Еголина Зощенко рассказал оргсекретарю правления ССП Д. Поликарпову, и тот потребовал, чтобы Зощенко подал ему письменное заявление о поведении Еголина, но Зощенко отказался это сделать, несмотря на крики Поликарпова, которому нужна была эта бумага для Щербакова. В 1944 г. Зощенко собирался даже написать повесть, где намеревался вывести Еголина «во всей неприглядности его поведения» (Власть и художественная интеллигенция. С. 514).

[62] *Бабиченко Д.* Писатели и цезоры. С. 77.

22 декабря 1943 г. появилось закрытое (о, эта страсть к закрытости!) постановление президиума ССП СССР «О журнале "Октябрь" за 1943 год», повторявшее уже канонизированные обвинения против «пошлой антихудожественной повести М. Зощенко»: «Повесть Зощенко, претендуя на, якобы, "научные" изыскания, на деле уводит читателя в область узко-личных, мелких обывательских переживаний, далеких от жизни советского народа, в особенности в дни войны. Считать грубой ошибкой журнала напечатание вредной повести Зощенко»[63]. В тот же день Зощенко писал жене:

> Вообще получилось глупо – книга была разрешена ЦК. Ученые дали замечательный отзыв. Потом кому-то из начальства не понравилось. И начали бранить. Выдержать все не так-то легко было. Тем более очень был переутомлен работой. И вдобавок грипп. Вообще все утрясется. Но предстоит много поработать, чтоб все наладить – а то, чего доброго, отнимут паек. Ну, надеюсь, до этого не дойдет[64].

31 декабря 1943 г. редакция «Крокодила» сообщила Михаилу Михайловичу, что он выведен из ее состава. За день до этого навестивший Зощенко Валентин Катаев не без злорадства изрек: «Ну, Миша, ты рухнул!»[65].

8 января 1944 г. Зощенко обратился с письмом в ЦК ВКП(б) – к А.С. Щербакову. Признав, что критика повести смутила его своей неожиданностью, он признается:

> Тщательно проверив мою работу, я обнаружил, что в книге моей имеются значительные дефекты. Они возникли в силу нового жанра, в каком написана моя книга. Должного соединения между наукой и литературой не произошло...Сложность книги не позволила мне (и другим) тотчас обнаружить ошиб-

[63] Литературный фронт. С. 90. Отметим, что среди прочих недостатков «Октября» в 1943 г. был упомянут и «серый недоработанный» рассказ М.Слонимского «Единство». Точно так же, когда в 1946 г. будут искать изъяны в журнале «Ленинград», снова зацепят «Серапиона» М. Слонимского (рассказ «На заставе»).

[64] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 95–96.

[65] Вспоминая Михаила Зощенко. С. 327.

ки. И теперь я должен признать, что книгу не следовало печатать в том виде, как она есть. Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно. Некоторым утешением для меня является то, что эта работа была не основной (это, конечно, неправда, но Зощенко вынужден защищаться – он хочет напомнить и о других своих литературных трудах военного времени. – *Б.Ф.*). В годы войны я много работал в других жанрах...[66]

В конце послания писатель напоминает о своем ноябрьском письме Сталину:

В конце ноября я имел неосторожность написать письмо т. Сталину. Если мое письмо было передано, то я вынужден просить, чтобы и это мое признание стало бы известно тов. Сталину. В том, конечно, случае, если Вы найдете это нужным. Мне совестно и неловко, что я имею смелость вторично тревожить тов. Сталина и ЦК.

Ответа на это послание Зощенко также не получил, хотя на письме имеется помета: «т. Щербаков ознакомлен»[67].

11 января 1944 г. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и недавний агитпроповец А. Маханов доложил Жданову о подготовленном тексте публикации против Зощенко для «Ленинградской правды» (статья «О вредной повести» в освоенном режимом жанре: «письмо группы читателей»). Жданов, познакомившись с материалом, рекомендовал назвать его «Об одной вредной повести» и усилить «нападение на Зощенко, которого нужно расклевать, чтобы от него мокрого места не осталось»; резолюция заканчивалась выводом: «Это должно пойти не в “Ленинградскую правду”, а в “Правду”»[68]. Письмо «ленинградских рядовых читателей» напечатали в № 2 журнала «Большевик» – главного идеологического органа ЦК[69]. Со-

[66] Власть и художественная интеллигенция. С. 509–510.

[67] *Там же*. С. 509.

[68] Литературный фронт. С. 107.

[69] В. Каверин в «Эпилоге» (С. 67) ошибочно утверждает, что выход статьи в «Большевике» сделал публикацию следующей части повести Зощенко невозможной – на самом деле публикация была запрещена до появления статьи в «Большевике».

Заказ № 2076

здавалось впечатление, что стоящие за антизощенковскими статьями люди соревнуются друг с другом – кто лягнет писателя больней. В письме «читателей» выражения не выбирались: «Это грязный плевок в лицо нашему читателю... Галиматья, нужная лишь врагам нашей родины»; его вывод крут: «Мы твердо уверены, что в нашей стране не найдется читателей для 25 тыс. экземпляров (тираж «Октября». – *Б.Ф.)* повести Зощенко. Редколлегия «Октября» допустила преступную небрежность, поместив в наше время на страницах журнала это пошлое и вредное произведение»[70].

На девятом расширенном пленуме Правления ССП, состоявшемся в феврале 1944 г., критика повести Зощенко стала куда более яростной, чем на заседании Президиума в декабре 1943-го. «Серапион» Николай Тихонов, поставленный тогда на пост председателя Союза, по долгу службы старался наравне со всеми[71].

В Москве жизнь Зощенко становилась все более трудной – его изгнали из гостиницы «Москва», теперь он жил по знакомым. 1 февраля Зощенко писал жене:

> Резкая и даже грубая критика осложнила мои отношения с журналами... И два месяца я оставался совершенно без заработка... В общем Москва приняла меня плохо. Смех сейчас не очень-то нужен...[72]

Чтобы вернуться домой, в Ленинград, надо было получить разрешение тамошних властей – это было не легко. Главный редактор «Звезды» В. Саянов настоял на том, чтобы в Смоль-

[70] Большевик. 1944. № 2. С. 57–58.

[71] Его доклад в виде статьи был напечатан в «Большевике» (№ 3–4 за 1944 г.). На «беседе» с сотрудником УНКГБ Ленинграда Зощенко говорил об отношении Тихонова к его повести: «Он хвалил ее. Потом на заседании президиума объяснил мне, что повесть "приказано" ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в "Большевике", я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта "перемена фронта"? Тихонов стал "извиняться", сбивчиво объяснил, что от него «потребовали" усиления критики, "приказали" жестоко критиковать, – и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним не согласен» (Власть и художественная интеллигенция. С. 514).

[72] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 96.

ном такой вызов подписали; 2 апреля 1944 г. Зощенко вернулся в Ленинград. 28 июля 1944 г. он писал Л. Чаловой:

> Почти четыре месяца я провел тут весьма одиноко и, пожалуй, уныло… Отдаю себе полный отчет, что все это не на 2–3 дня. Тут процесс длительный, так как дело не только во мне, а в новом требовании к искусству…[73]

Это письмо написано после того, как с Зощенко 20 июля 1944 г. провел беседу сотрудник ленинградского Управления НКГБ СССР. Протокольная запись 31 вопроса и 31 ответа писателя была отправлена все в тот же Агитпроп ЦК и теперь опубликована[74]. Отвечая на вопросы уполномоченного сотрудника страшного ведомства, Михаил Михайлович вел себя в высшей степени смело; некоторые его ответы кажутся чрезмерно откровенными, понятно, что в 1944-м они были для него исключительно опасными. Например, на вопрос: кто был заинтересован в выступлении против него, Зощенко ответил: «…тут речь могла идти о соответствующих настроениях "вверху"»; очень резко говорил он о современной советской литературе («Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон…»), столь же определенно отвечал и на вопрос «о судьбе писателей в революционные годы», – вспоминая покончивших с собой Маяковского, Есенина, Цветаеву, погибших в заключении Клюева и Мандельштама, трагически погибших Хлебникова и Блока, расстрелянных Корнилова и Васильева. Был задан Зощенко и вопрос: «Считаете ли вы, что вами все было сделано для того, чтобы отстоять свою повесть "Перед восходом солнца"?», на который он ответил, сохраняя последнюю надежду: "Я сделал все, но мне "не повезло". Мы с академиком Сперанским написали письмо товарищу Сталину, но это письмо было направлено в те дни, когда товарищ Сталин уезжал в Тегеран, и попало в руки к заменявшему товарища Сталина Щербакову. А Щербаков, понятно, распорядился иначе, чем распорядился бы товарищ Сталин». Без указаний из Москвы сами «органы» ничего сделать с

[73] Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. С. 330.

[74] Власть и художественная интеллигенция. С. 513–517; впервые: Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. М., 1992. С. 130–136.

Зощенко не могли, а никаких конкретных указаний, видимо, не поступило, и его «острые» ответы были оставлены без последствий.

31 октября 1944 г.а нарком Госбезопасности В. Меркулов в специальной «Информации» доносил Жданову о политических настроениях и высказываниях писателей. Сообщение о Зощенко было построено в основном на материалах его допроса сотрудником органов («*Писатель Зощенко М.М.* считает, что критика и обсуждение его повести "Перед восходом солнца" были направлены не против книги, а против него самого» и т.д.). Вывод был достаточно определенным: «По полученным из Ленинграда сведениям, Зощенко, внешне подчеркивая стремление перестроить свое творчество на актуальные темы, продолжает писать и выступать перед слушателями с произведениями, отражающими его пацифистское мировоззрение»[75].

Тем не менее, в конце 1944 г. опалу с Зощенко сняли – его снова начали печатать в Москве и Ленинграде, театры интересовались его новыми комедиями, возобновилось издание его книг. В апреле 1946 г. Зощенко награждают медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» (награждали валом всех, но писательские списки просматривали внимательно, и Зощенко не вычеркнули). 6 июля 1946 г. «Ленинградская правда» опубликовала статью о Зощенко Юрия Германа, впоследствии упоминаемую только как «подозрительно хвалебная».

5. Августовский погром

В мае-июне 1946 г. в Ленинграде помимо воли Зощенко произошли два события. Они были связаны с Зощенко и с журналом «Звезда». Роковая роль этих событий в судьбе писателя прояснилась лишь в августе.

В сдвоенном 5–6 номере «Звезды» ее ответственный редактор Виссарион Саянов поместил небольшой детский рассказ Зощенко «Приключения обезьяны» – про то, как во время

[75] Власть и художественная интеллигенция. С. 522–523. Любопытно, что, публикуя этот документ, составители не указывают его архивные шифры, а ссылаются на журнал «Родина» за 1992 г. Видимо, это следует понимать так, что документ, который в 1992-м был открыт, в 1999-м таковым быть перестал.

бомбежки из зоопарка тылового города сбежала обезьяна и что она увидела в городе. Эта журнальная публикация оказалась по-своему беспрецедентной: к тому времени рассказ уже был напечатан четырежды: в московской «Мурзилке» (1945. № 12) и в трех книгах Зощенко, в частности, в библиотеке «Огонька», выпущенной весной 1946 г. (видимо, по этому изданию его и перепечатали в «Звезде»). И все-таки на сознательную провокацию, то есть на исполнение спецзадания сверху, это не похоже. Дело в том, что в этом номере «Звезды» затеяли раздел «Новинки детской литературы»; для него редакция располагала стихами К. Чуковского и молодого питерского детского поэта С. Погореловского, двумя рассказами малоизвестных авторов и сказкой В. Бианки. Вполне естественно, что Саянову захотелось добавить к ним рассказ писателя с «именем» и при этом не иметь дополнительных цензурных задержек. Так возник в журнале уже апробированный рассказ Зощенко. Считать, что в мае 1946 г. (номер подписан в печать 11 мая) Саянов получил на сей счет спецпоручение из Москвы, нет никаких оснований (об этом речь впереди). Работавший тогда в журнале П. Капица вспоминает, что на печатание номера тогда шло три месяца и что № 5–6 вышел в конце июля[76].

Второе событие, связанное с Зощенко и «Звездой», случилось 26 июня 1946 г.: в тот день ленинградский горком ВКП(б) кооптировал Зощенко М.М. в состав редколлегии журнала[77].

Теперь к августовскому погрому все было готово.

Декабрьское 1943 г. предложение Агитпропа Маленкову и Щербакову о необходимости принять специальное решение ЦК по литературно-художественным журналам, чтобы приструнить писателей, не умерло своей смертью (в отличие от Щербакова, который скончался в 1945 г.). Вопрос не был в том – ударить или не ударить по журналам, вопрос был в том, по *каким именно* журналам ударять. Как выяснилось, именно на этом вопросе схлестнулись интересы двух конкурирующих «фирм»:

[76] Нева. 1988. № 5. С. 136–137.

[77] Наряду с Зощенко в редколлегию кооптировали и «Серапиона» Н. Никитина, так что в ней, вместе с прежним членом редколлегии И. Груздевым, стало три «Серапиона».

Жданова и Маленкова (их борьбу Сталин, пожалуй, даже поощрял). Маленков курировал Москву, Жданов – Ленинград; в этом смысле география стала полем их схватки. Кадровое противостояние их (борьба за звание «любимого ученика т. Сталина») в 1946 г. шло с переменным успехом: мартовский пленум ЦК избрал секретаря ЦК Маленкова членом Политбюро, и он сравнялся со Ждановым, но майский пленум освободил его от поста секретаря ЦК, и Маленкова на время даже «сослали» в Среднюю Азию. В это время Жданов провел немало своих питерских людей в аппарат ЦК. Однако, не без помощи Берии, Маленков смог еще летом вернуться в столицу, где снова стал вести заседания Оргбюро ЦК. Таково было положение обоих «любимых учеников» к августу 1946 г.

18 апреля 1946 г., выступая на совещании работников аппарата ЦК ВКП(б) по вопросам пропаганды, Жданов огласил мнение тов. Сталина о главных литературно-художественных журналах страны. Толстых журналов было тогда всего четыре: три московских – «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и ленинградская «Звезда». Московские журналы сдавали подготовленные номера на проверку в ЦК, «Звезда» – в ленинградский горком. Ответственность за московские журналы нес и ЦК, за «Звезду» – только ленинградский горком. Тов. Сталин лучшим признал «Знамя» (в 1944 г. по нему принималось критическое постановление ЦК и, таким образом, признавалось, что оно существенно улучшило работу журнала), вторым был назван «Октябрь» (который разнесли в 1943 г. за повесть Зощенко, по которому тоже было принято секретное постановление ЦК, и вот он тоже улучшился), меньше вождю понравилась питерская «Звезда» и, наконец, «самым худшим» был назван «Новый мир»[78]. Эта оценка была безусловным ударом по Г.Ф. Александрову, которого в декабре 1943 г. назначили куратором «Нового мира» от ЦК. Замечу, что Александров был человеком скорее Маленкова, чем Жданова. Апрельский доклад Жданова установил ориентиры в пропагандистской кампании по журнальной части на ближайшее время, ориентиры не всем приятные.

Эти ориентиры резко изменились в самом начале августа 1946 г. Общепринятой ясности в этом вопросе нет (скажем,

---

[78] Власть и художественная интеллигенция. С. 549.

Д. Бабиченко о начале августа 1946 г. пишет вообще загадочно: «А потом что-то произошло в Москве»[79]).

Мне кажется наиболее правдоподобной простая гипотеза. Тов. Сталин, регулярно читавший в ту пору все толстые журналы, ознакомился с вышедшим в конце июля в Ленинграде сдвоенным номером «Звезды»; увидев рассказ не любимого им Зощенко, прочел его и воспринял как пасквиль, прикрытый невинной рубрикой «Новинки детской литературы». Гнев его, видимо, пролился непосредственно на руководителя Ленинграда тов. Жданова, который немедленно поручил Управлению Агитпропа подготовить докладную записку и проект постановления ЦК – вопрос о выборе журнала для битья решился помимо воли Жданова. Надо полагать, что именно Жданов указал Агитпропу в качестве второй мишени в Ленинграде (одной было, несомненно, мало) имя А.А. Ахматовой, поскольку он лично руководил в октябре 1940 г. запрещением ее сборника «Из шести книг» и владел некой аргументацией на ее счет[80].

Уже 7 августа 1946 г. Александров и Еголин представили на имя Жданова докладную записку управления Агитпропа о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград» и неопубликованный до сих пор проект соответствующего постановления ЦК. В докладной записке были перечислены все произведения из ленинградских журналов, к которым можно было хоть за что-нибудь придраться. Применительно к Зощенко записка содержала главное обвинение: «Описание похождений обезьяны автору понадобилось только для того, чтобы издевательски подчеркнуть трудности жизни нашего народа в дни войны... Автор оглупляет наших людей»[81]. Имелся в докладной записке и обычный в таких случаях абзац с критикой ленинградских партийных органов; эта критика сравнительно мягкая: «Ленинградский горком ВКП(б) не уделяет достаточного внимания литературно-художественным журналам, не замечает крупных идейных ошибок в содержании произведений, опубликованных в “Звезде” и “Ленинграде”, не руководит работой редакций»[82]. Если бы от Сталина исходила более жесткая критика ленинградского горкома, то Жданов, думаю, не

[79] *Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. С. 121.

[80] См., например: Власть и художественная литература. С. 456–458, 462.

[81] *Там же.* С. 562.

[82] *Там же.* С. 565.

посмел бы ее сильно смягчить и несомненно проинформировал бы о ней (в установочном порядке) Александрова, что, в свою очередь, нашло бы отражение в докладной записке. По-видимому, установку на резкую критику ленинградских парторганов Агитпроп тогда не получил. Не исключено, что Жданов перед заседанием Оргбюро познакомил Сталина с докладной запиской Агитпропа[83].

8 августа 1946 г. шесть сотрудников ленинградских журналов (три – от редколлегии «Звезды» и три – от «Ленинграда») были без объяснения причины срочно вызваны в Москву и в тот же день отбыли в столицу на «Красной стреле». В пути они обнаружили, что этим же составом в столицу направляются секретари горкома Попков и Широков. «“Что же такое стряслось?” – принялись гадать мы, – вспоминал один из шестерки П. Капица. – Обсудили многие материалы, напечатанные в последних номерах журналов, но никому и в голову не пришло вспомнить “Приключения обезьяны”»[84]. Об этой, в общем-то, высосанной из пальца причине скандала посланцы питерских журналов узнали утром в Агитпропе ЦК, где их принял Александров, «приглушенным тихим голосом» объяснивший гостям причину их вызова вечером на Оргбюро ЦК. (Рассказ «Приключения обезьяны», – сказал он – переполнил чашу весов). В. Саянов, входивший в шестерку, рассказывал потом сыну Зощенко, как, вопрошая на заседании Оргбюро ЦК: «Что это? По-моему это пасквиль, – Сталин потрясал номером “Звезды”»[85].

Неправленая стенограмма заседания Оргбюро, прошедшего в Кремле вечером 9 августа, опубликована[86]. Участникам, сидевшим в зале за индивидуальными столиками, позволили записывать, что они успевали (канва напечатанных фрагментов записей Капицы в общем соответствуют опубликованной

[83] В ходе заседания Оргбюро ЦК 9 августа Сталин оскорблял не только Зощенко, но и Ахматову, а также не упомянутого в докладной записке Агитпропа печатавшегося в Питере Г. Ягдфельда.

[84] Нева. 1988. № 5. С. 137.

[85] Дружба народов. 1988. № 3. С. 172.

[86] Власть и художественная интеллигенция. С. 566–581. Стенограмма велась не сразу, она не содержит текста десятиминутной речи Г. Александрова, открывшего обсуждение. К тому же, строго говоря, это не стенограмма – заседание вел Жданов, давая слово то одному, то другому писателю (в блокноте А.А. Прокофьева, содержащем записи заседания Оргбюро ЦК, все это обозначено – см.: РО ИРЛИ. Ф. 726. Оп. 1. № 463), но ничего этого в тексте «стенограммы» нет.

стенограмме; при этом Капица замечает, что «протокола этого заседания, как мне известно, нет»[87] – то есть стенографисток в зале он не заметил).

Поскольку «стенограмма» велась не сразу, приведу запись начала заседания, сделанную А.А. Прокофьевым[88]:

«Заседание Оргбюро ЦК от 9.VIII.1946. Начало 8 ч. 05 вечера. Андрей Ал. Жданов открывает заседание и предоставляет слово для доклада т. *Александрову.*

Т. Александров докладывает об ошибках, совершенных руководителями журналов “Звезда” и “Ленинград”. Говорит об идейно порочных произведениях, напечатанных за последнее время в этих журналах. Называет имена Л. Борисова, В. Кнехта, Г.Б. Ягдфельда, Г. Гора, говорит об упадочных, пессимистических стихах Ахматовой, Комиссаровой, Садофьева, о критических статьях С. Спасского, который расхваливал творчество Ахматовой. Отмечает, что была напечатана хорошая пьеса Б. Лавренева. Т. Александров с возмущением говорит о безобразном пасквиле Зощенко – рассказе “Приключение обезьянки”, получается, что обезьяна пример для человека.

Реплика Сталина: – ...и каков автор? К какому разряду зверей принадлежит?

Далее т. Александров говорит об ошибках журнала “Ленинград”, говорит о неудачных стихах И.Сельвинского о Севастополе, о клеветнической пародии Хазина “Онегин в Ленинграде”, о безыдейном, слабом рассказе Варшавского и Реста “Случай под Берлином”. В чем причина ошибок?

Сталин: ...материала не хватает.

<Александров> ...очевидно наши писатели попали под влияние Зощенко и Ахматовой. – Выпускается “Звезда” небрежно, нет ни месяца, ни адреса, приводит и другие примеры небрежности... Зачитывает проект решения...

т. Жданов предлагает слово Саянову»[89].

С выступления Саянова заседание стенографировалось, однако, например, в записях Прокофьева есть реплики, не вошед-

[87] Нева. 1988. № 5. С. 138–142.

[88] Эти записи сделаны, несомненно, уже после заседания на основе тех, что Прокофьев вел во время его (это следует из характера записи собственного выступления и ответов на вопросы, которые Прокофьев давал по ходу своего слова, – вся запись сделана аккуратным и одинаковым почерком без единой помарки).

[89] РО ИРЛИ. Ф. 726. Оп. 1. № 463. Л. 1–5.

шие в «стенограмму». Так, Жданов прервал выступление главного редактора журнала «Ленинград» Б. Лихарева репликой: «У вас часто печатается Зощенко... "Случай на Олимпе" и т.д.», на что Лихарев ответил: «У меня регламент», а Сталин ему заметил: «Говорите сколько хотите»[90]. Или, например, запись уточняет, что в ответ на пассаж Попкова, что писатели преклоняются перед Зощенко, именно Левоневский заметил ему: В «Лен. Правде» органе ГК похвалили Зощенко безудержно»[91].

Брань Сталина и наскоки Маленкова на том заседании были главным двигателем обсуждения. Ленинградских писателей эта брань и эти наскоки, естественно, перепугали, и Саянов побоялся сообщить Сталину, что злополучный рассказ Зощенко уже неоднократно публиковался. О том, что ленинградский горком кооптировал Зощенко в состав редколлегии «Звезды», на заседании Оргбюро Сталин, возможно, узнал от Попкова[92] (в № 5–6 этого сообщить еще не успели). Видимо, боясь быть наказанным за такую кооптацию, Попков поспешил сказать, что он на том заседании горкома не присутствовал, но Зощенко всячески рекомендовали сами писатели. «Зачем Зощенко утвердили?» – переспросил Маленков, и тут Попков нашел смелость взять вину на себя: проглядел это решение.

В ходе обсуждения Маленков наскакивал на ленинградцев, а Жданов больше помалкивал, только в конце бросил реплику: «В свое время места мокрого не оставили ленинградцы от Зощенко» – таким способом он защищал ленинградский горком (эту линию он избрал для себя и в дальнейшем: не выбирая выражений громил Зощенко и Ахматову, полагая, что тем самым смягчает удар по своему горкому). Но Маленков на заседании Оргбюро продолжал гнуть свое, подчеркивая непростительные ошибки ленинградской партвласти.

Странным образом в опубликованной «стенограмме» отсутствует выступление Сталина[93] (Капица пишет, что оно продолжалось «не менее десяти минут» и приводит свою запись его[94]).

[90] РО ИРЛИ. Ф. 726. Оп. 1. № 463. Л. 9–10.

[91] *Там же.* Л. 30.

[92] Хотя, в принципе, информацию об этом Ленинградский горком представил в Агитпроп, и, возможно, Александров ее доложил Маленкову перед Оргбюро.

[93] Выступление Сталина см.: Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 289–294; вошло в книгу «Большая цензура...». С. 573–576.

[94] Нева. 1988. № 5. С. 139–140.

Приведу выступление Сталина по записи Прокофьева (запись представляет свой интерес, и сравнение ее с официальной стенограммой показывает, что отсебятины в ней нет):

«Журналы не могут быть аполитичными. Некоторые думают, что политика дело правительства, дело ЦК. Написал человек красиво и все. А там есть плохие вещи, вредные места, которые отравляют сознание молодежи. В этом у нас и расхождение с писателями, занимающими руководящие посты в журналах. Мы требуем, чтобы наши писатели воспитывали молодежь идейную, а Зощенко проводник безыдейности. Почему я недолюбливаю людей вроде Зощенко, потому что он пишет что-то похожее на рвотный порошок. Можем ли мы терпеть на посту руководителей людей, которые это пропускают в печать. Советский строй не терпит безыдейности. Зощенко пишет – а другие заняты, мало пишут. Вот он и воспитывает. И все это называется аполитичным отношением со стороны руководителей. Мы видим, что отношение среди писателей и редакторов не политические, а приятельские, проистекающие из аполитичности. И в результате пропускают гниль. Все это идет за счет правильного воспитания молодежи. Спрашивается, что выше? Ваши приятельские отношения или вопросы воспитания? Человек, который не способен сам себя раскритиковать, такой человек не может быть сов<етским> человеком – руководителем – он трус. У него нет мужества. Он боится сказать правду о себе. Он боится критики, а мы приветствуем такую критику. Болезнь запускать нельзя – чем скорей и быстрей будет обнаружена болезнь – тем лучше. Критику надо встречать мужественно. Вечером подводить итоги за каждый день – а не мог ли я сделать лучше? Только при этих условиях можно совершенствоваться. Этого тоже не хватает у наших руководителей литературы. Практически, что вытекает. Есть ответ<ственный> редактор. Есть и безответственный, а кто главный? Кто отвечает за направление журнала? Должен быть редактор и при нем редколлегия. У него и у редколлегии должно быть чувство ответственности перед государством и партией, нужно, чтобы редактором был человек, который имеет моральное право критиковать писателей, а если вы посадите туда олуха царя небесного, то ничего не получится. Нужен авторитетный человек. Пусть он скажет, что плохо и что хорошо, и, чтобы ему поверили. Это поможет писателю улучшить работу. Чтоб это был человек спо-

собный критиковать и помогать людям. Не может быть правила – никого не обижать. Если у Ахматовой есть чепуха – то у вас должно быть мужество прямо про это сказать. Зачем поэтессу-старуху приспосабливать к журналу. У нас журнал не частное предприятие. Есть в Англии лорды. Которые содержат журналы, а у нас журнал государственный, журнал народа и он не имеет права приспосабливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наш строй. Разве Ахматова может воспитывать молодежь? Разве этот дурак – балаганный писака Зощенко может воспитывать? Надо не считаясь с авторитетом Зощенко и др. сказать им правду в глаза. Поэтому и редакторов нужно таких подобрать, которые считались бы с интересами государства. Редактор должен вести свое дело мужественно, не оглядываться. Что касается журнала «Звезда», то здесь было напечатано много хорошего, но плохого еще больше. Я бы хотел, чтобы Саянов там остался. Если он имеет для этого достаточно мужества, если он способен сделать все, чтобы «Звезда» не превратилась в почтовый ящик, а в журнал руководящий – то я бы высказался за Саянова. Говорят, что у него характер слаб – воли мало... не знаю... О проповедниках безыдейности. Не нам же переделывать свои вкусы, не нам же приспосабливать свои мысли и чувства к Зощенкам и Ахматовым. Пусть уж они перестраиваются сами. А кто не хочет перестраиваться, пускай убирается ко всем чертям...

Вот т. Саянов молчит, а в журнале не обозначено ни адреса, ни в каком даже месяце вышел. (Журнал «Ленинград».) Вижу материала не хватает. Неслучайно двойные номера. Может быть лучше дать побольше бумаги и объединить писателей вокруг одного журнала. Трагедии тут нет как говорил Вишневский[95] – это называется рационализацией (*смех*). Пойдут дела хорошо, можно открыть второй и третий и даже пятый журнал. А пока лучше иметь один журнал, да хороший, чем два хромающих. Теперь о тех, кто приезжает с фронтов. Мы не должны их ставить на литературный «пьедестал» – а если в литературном отношении слаб? Чинов много, а пишут плохо. Пусть вас ордена не смущают. Не на ордена надо смотреть, а на то, *как*

[95] Выступая на заседании Оргбюро ЦК, В.В. Вишневский сказал: «Я прошу журнал "Ленинград", бесконечно нам дорогой, оставить, только сделать новый подбор рабочей силы в редколлегии, помочь ему. Это одна из наших первых радостей» (Власть и художественная интеллигенция. С. 574).

и *что* пишут... Когда пишешь, учись уважать людей, а не научишься, не будешь уважаем.... Вы думаете они на фронте многому научились (в лит. отношении)? У нас 12 1/2 миллионов стояло под ружьем, разве можно предположить, что они все ангелы... Пишешь хорошо – почет и уважение, плохо – учись писать лучше»[96].

Тон речи Сталина едва ли не отеческий (хотя, конечно, в ней можно прочесть разные нюансы) – это обычный прием: Сталин знал, что аппарат со всей присущей ему жесткостью не допустит больше «ошибок» в литературе, что ему достаточно лишь погрозить пальцем писателям, понимая, что все и так смертельно перепугаются, а он, в очередной раз, произведет впечатление строгого, но заботливого и мудрого отца страны.

Решение о закрытии журнала «Ленинград», на чем настаивал Сталин, было принято сразу же на заседании Оргбюро, хотя все выступавшие писатели и просили вождя сохранить журнал. Решение по журналу «Звезда» поручили подготовить комиссии во главе со Ждановым, в нее был введен и Маленков.

Стрелы в адрес ленинградского горкома ВКП(б), который «проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах», а также «допустил грубую политическую ошибку», кооптировав Зощенко в состав редакции «Звезды»[97] – эти стрелы, включенные в постановление ЦК и работавшие против Жданова (он десять лет руководил городом: с 1934 по 1944 г), надо думать, направлялись рукой Маленкова и его людей (в докладной записке Агитпропа все было куда мягче).

10 августа МГБ докладывало в ЦК: «В настоящее время Зощенко продолжает критиковать строгость цензурного режима, отсутствие условий для подлинного творчества»[98].

В тот же день «Культура и жизнь» напечатала статью Вс. Вишневского «Вредный рассказ Мих. Зощенко», а 12 августа в связи с этим же рассказом «Приключение обезьяны» управление кадрами ЦК ВКП(б) направило секретарю ЦК ставленнику Жда-

[96] РО ИРЛИ. Ф. 726. Оп. 1. № 463. Л. 32–42.

[97] Культура и жизнь. 1946. 20 авг.

[98] Власть и художественная интеллигенция. С. 587.

нова А.А. Кузнецову бумагу, в которой огоньковская книжица Зощенко, выпущенная летом 1946 г. тиражом 100 тысяч экземпляров, аттестовывалась как образец антисоветской пропаганды.

14 августа проект постановления ЦК был одобрен; в тот же день Жданов выехал в Ленинград его «разъяснять».

Интрига против Ленинградского горкома, скрытая в постановлении ЦК, разумеется, не имела заметного резонанса в обществе, а вот беспардонно грубый, жестокий и несправедливый удар по Зощенко и Ахматовой был воспринят в разных кругах общества хотя и по-разному, но одинаково серьезно.

В связи с событиями 1946 г. никому не приходило в голову слово «маленковщина», но слово «ждановщина» в революционную пору перестройки было на устах у всех[99]. Понятно, что оба термина имеют одинаково неточный смысл, как и пресловутая «ежовщина», – они вуалируют роль «главного организатора и вдохновителя всех побед советского народа». Конечно, товарищ Сталин не имел в виду уничтожить писателя Зощенко как такового. Он просто хотел серьезно погрозить пальцем этому автору «пошлых рассказов» и заодно всем писателям советской страны (прошу простить за неминуемый акцент).

Поэтому Зощенко, как и Ахматова, исключенный вскоре из Союза писателей и лишенный продуктовых карточек, арестован не был[100]. Ну, а то, что кампания 1946 г. убила большого писателя, хотя он и прожил еще 12 лет – это, по возможной мысли товарища Сталина, говорило всего лишь о неспособности писателя Зощенко войти в настоящую советскую литературу.

Прочие события шли своим ходом. Жданов в 1948 г. при загадочных обстоятельствах умер. А через год, в 1949 г., Маленков прокурировал «ленинградское дело», стоившее жизни многим партийным руководителям Ленинграда (в частности, секретарю ЦК ВКП(б) Кузнецову и секретарю Ленинградского обкома Попкову, выступавшему на Оргбюро ЦК 9 августа 1946 г.). Уничтожение креатуры бывшего конкурента – могло

---

[99] Памятная статья о «ждановщине» Ю.Ф. Карякина «Стоит ли наступать на грабли» (Знамя. 1987. № 9. С. 200–224) имела в стране огромный резонанс.

[100] В.В. Зощенко была вызвана в ленинградский «Большой дом», где ей сказали, что с Зощенко «не будет ничего страшного» (Дружба народов. 1988. № 3. С. 173); в беседе с К. Симоновым в 1947 г. Сталин даже обсуждал вопрос, как надо помочь писателю Зощенко («Надо ему помочь. Дать деньги») – см.: *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 139.

быть полезно Маленкову и потому могло его интересовать (о том, что вскоре его самого исключат из «великой партии Ленина – Сталина», он не догадывался). Писатель Зощенко Маленкова не интересовал вообще.

Писательская публика (в своем большинстве) отнеслась к постановлению 1946 г. «с пониманием». Вернувшийся с войны поэт Д. Самойлов записал 28 августа 1946 г.: «Совершенно ясно, что послевоенный поворот в политике уже произошел. Литературное мещанство его не расчухало...Как всегда, литература отстала от политики. Решение ЦК спасает литературу от провинциального прозябания. Генеральный путь литературы – широкие политические страсти...»[101]

КПСС много лет зубами держалась за постановление 1946 г., ни за что не желая его отменять. В кризисных литературных ситуациях это подлое постановление неизменно вынимали из нафталина и трясли им, подводя базис под борьбу с литературным инакомыслием. В спокойные времена о постановлении 1946 г. вспоминали только в обязательных лекциях по истории КПСС – дуря головы всем студентам страны. Когда в подцензурных мемуарах «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург очень осторожно, но с нескрываемой горечью написал, что это постановление «на восемь лет определило судьбы нашей литературы»[102] – цензура неумолимо вычеркнула эти слова, полагая, что постановление 1946 г. будет определять означенные судьбы вечно.

[101] *Самойлов Д.* Поденные записи. Т. 1. М., 2002. С. 232.

[102] Слова восстановлены в первом бесцензурном издании мемуаров 1990 г.; см. также: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 40.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ В ГОДЫ СТАЛИНСКОГО ГОСАНТИСЕМИТИЗМА

(Полемика с г. Костырченко)

Последнее сталинское десятилетие (1943–1953) отмечено непрестанными атаками на культуру. Атаки поистине следовали одна за другой: кампания 1943–1944 гг. против писателей; разгром 1946 г. («дело» против Зощенко и Ахматовой – пресловутое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»); постановления 1946–1948 гг. о репертуаре драмтеатров, по киноискусству и музыке (травля Прокофьева, Шостаковича, Шебалина, Эйзенштейна, Пудовкина и др.); кампания против «космополитов» 1949 г.; ликвидация еврейской культуры и ее творцов в 1948–1952 гг., потенциальные проекты Сталина на 1953 г.; разгром романа Гроссмана «За правое дело» и т.д. Даже те деятели культуры, которых непосредственно не коснулись погромные акции, чувствовали себя не вполне уютно. Активными пособниками власти иногда выступали творческие союзы – в тех случаях, когда в управляющем ими аппарате сосредоточились отъявленные держиморды (как, например, в Союзе писателей).

При внешнем безусловном подчинении режиму всех деятелей советской культуры внутреннее сопротивление тем или иным действиям «сверху», попытки пережить худшие времена с минимальными потерями (не «вымазавшись в грязи») – предпринимались (в разной мере) всеми подлинными художниками. Мера сопротивления зависела и от меры слома в 30-е гг.; для многих идейный кризис наступил после «заморозков» – «оттепель», как ни странно, оказалась психологически более труд-

ным временем. Выведя за скобки откровенных бездарей и палачей (скажем, в литературе – Грибачев, Софронов, Суров и т.п.), проблему взаимоотношения художников с властью, меру ангажированности каждого можно понять только в контексте реального и адресного пресса, глубины понимания художником положения вещей и перспектив, меры допускаемых им компромиссов, меры иллюзий и идейной зашоренности, типа художественных предпочтений (Восток – Запад), степени искренности заблуждений, характера постепенных прозрений (пример – эволюция Гроссмана). Понять, вникая в подробности эволюции мировоззрения и в особенности жизнедеятельности каждого конкретного художника в его конкретных же обстоятельствах. Достаточно широкие поведенческие градации, неоднозначность, а подчас расплывчатость моральных критериев, многообразие форм сотрудничества и несотрудничества с режимом – все это существенно для понимания конкретных «случаев».

Ставшие доступными документы на тему «власть и художественная интеллигенция в СССР» существенно обогащают представление о реальных процессах, протекавших в этой сфере. Не следует, однако, думать, что процесс постижения прошлого является строго монотонной функцией времени. Получая доступ к потаенным прежде историческим документам, потомки вместе с тем утрачивают знание и чувство атмосферы и многих реалий прошлого, специально никак не зафиксированных, и потому моделируют их упрощенно. Анализируя жизнедеятельность не выбирающего своего времени творческого человека, ее масштаб и общественный вес безотносительно к предоставляемым временем возможностям и свободам, нельзя достичь адекватного понимания ее экзистенциальной сущности.

Анализ поведения отдельно взятой исторической личности требует особенно скрупулезных знаний и безусловной непредвзятости.

Одной из центральных фигур на горизонте советской культуры последнего сталинского десятилетия был Илья Григорьевич Эренбург. Сложность и многоплановость фигуры Эренбурга заключается не только в емкости и противоречивости его долгого и сложного жизненного пути в целом, но и в неоднозначности некоторых локальных участков его творческой художественной и политической биографии. Тем не менее внимательный и многоаспектный взгляд на них позволяет установить

Заказ № 2076

те безусловные нравственные «правила», которым Эренбург не изменял в самых критических условиях жизнедеятельности.

В нынешнюю пору утвердившихся едва ли не повсеместно лихого взгляда на прошлое и едва ли не старорежимных (лишь с переменой знака) его оценок, фигура Эренбурга, выхваченная из контекста времени, представляется некоторыми авторами крайне упрощенно. Например, перестроечная формула поэта Д. Самойлова применительно к послевоенной эпохе: «Эренбург стал крайним западным флангом сталинизма»[1] – замените последнее слово чем-нибудь вроде «тогдашнего СССР», и она станет банальной, что до обвинения в сталинизме – кому из деятелей советской культуры при желании не пришьешь его в России сталинских лет (несколько теперь общепринятых оправданий не меняют дела).

Фигура Эренбурга оказывалась на острие нескольких исторически важных событий того десятилетия, непосредственно увязывающих писателя с фигурой диктатора. Эти события – за ними неизменно стояла фигура Сталина с характерными для него политическими клише – ставили перед Эренбургом нелегкие политические и нравственные проблемы, и анализ того, как он их пытался решать, несомненно содержателен и поучителен. Мы остановимся здесь на трех эпизодах, так или иначе связанных с проблемами «тайной сталинской политики» в части «еврейского вопроса в СССР». В контексте публичной борьбы против государственного антисемитизма в СССР в последнее сталинское десятилетие фигура Эренбурга фактически была ключевой. Некоторые возможности в плане означенной «борьбы» открывала перед писателем репутация ведущего публициста, заслуженная беспрецедентной работой в годы войны, а затем определенным (в четко очерченных для себя границах) участием в идеологическом обеспечении «холодной» войны. В глазах населения эти возможности представлялись исключительными; реально они были, конечно, едва ли значительными – но

[1] *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 241. Намерение как-то «запачкать» Эренбурга сталинизмом связано не с политикой, а с обидой на его статью «О стихах Бориса Слуцкого» (Литературная газета. 1956. 28 июля; см. также: Борис Слуцкий: воспоминания современников. СПб., 2005. С. 9–19), сделавшую друга-соперника Самойлова известным всей стране. Еще более хлестки, грубы и несправедливы высказывания Самойлова о послесталинском периоде деятельности Эренбурга, но сие – вне темы этой главы.

все-таки были и, что важнее, Эренбург их не упускал. Формула об «искусстве возможного» относится к советской эпохе, в той же мере, как к любой другой, лишь самый спектр этих возможностей был предельно сужен.

Три эпизода, о которых пойдет речь (самый важный из них – 1953 г.), нашли место и на страницах солидной монографии Г. Костырченко (центриста от истории, как он себя именует) «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм»[2] – она включает большой свод исторических материалов, систематизированных и проанализированных автором. Заметим, что обстоятельно исследуя политику государственного антисемитизма сталинской эпохи, Г. Костырченко, в той или иной мере, затрагивает и вопрос о взаимоотношениях власти с деятелями советской культуры (в контексте проблематики книги), в частности общественная и публицистическая деятельность Эренбурга содержательно упоминается им на 41 странице текста.

Рассказывая об этих трех эпизодах, посмотрим, как эти эпизоды изложены в монографии Костырченко (такое сравнение небесполезно, чтобы судить о точности и объективности монографии).

1. Товарищ Эренбург упрощает

14 апреля 1945 г. «Правда» напечатала статью зав. Агитпропом ЦК Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», которая – после почти четырех лет войны – обвиняла писателя, неизменно повторявшего: враг должен быть уничтожен, в недифференцированном подходе к гражданам гитлеровской Германии[3]. Имя Эренбурга, написавшего за войну не меньше полутора тысяч статей для СССР и заграницы и заслужившего славу первого публициста антигитлеровской коалиции, в одночасье исчезло со страниц советских газет. Геббельсовская пропаганда к тому времени создала и успешно вбила в сознание своей паствы устойчивый образ Эренбурга – кровожадного сталинского еврея, призывавшего-де насиловать немок и убивать их детей. Свалив всю «вину» за антинемецкую пропа-

[2] М.: Международные отношения, 2001. Б-ка Российского Еврейского конгресса. Ниже при ссылках на это издание указываются только страницы.

[3] На следующий день эту статью перепечатала «Красная звезда», где всю войну, иногда ежедневно, печатались антифашистские статьи Эренбурга.

ганду на Эренбурга и пообещав немцам (в момент, когда боевые действия Красной армии перешли на территорию Германии) не преследовать их за содеянное на территории СССР, Сталин, что и говорить, сделал сильный (и, разумеется, аморальный) политический ход – он надеялся этим существенно ослабить сопротивление гитлеровцев Красной армии. Выбрав Эренбурга в качестве «козла отпущения», Сталин придал своему решению сенсационный (не только на Западе, но и в СССР) характер и тем самым обеспечил быстрое проникновение информации об этом на территорию противника. Одновременно им были приняты достаточно строгие меры с целью остановить дебоши, учиняемые Красной армией на территории Германии.

Подвергнув Эренбурга публичному разносу, Сталин, помимо военно-политических задач, решал еще и задачи внутренне-политические: он напоминал деятелям советской культуры, что никакие заслуги перед страной не гарантируют им неприкасаемости.

Беспрецедентная популярность публицистики Ильи Эренбурга в армии и в тылу не могла не раздражать вождя. (Академик и дипломат И.М. Майский говорил в Союзе писателей – это было еще в сталинскую пору, – что во время войны «существовало только два человека, влияние которых можно было сравнивать, – имя одного Эренбург, второго он не назвал, видно испугавшись собственной идеи – сравнивать»[4]). Как подтверждение того, что окрыленный своей славой Эренбург слишком многое себе позволяет, Сталин воспринял основанное на агентурных данных донесение, направленное ему 29 марта 1945 г. главой контрразведки Смерш В.С. Абакумовым[5]. Будущий министр Госбезопасности сообщал, что, вернувшись из Восточной Пруссии, Эренбург, выступая в Москве (в частности, в Военной академии им. Фрунзе и в редакции «Красной звезды»), обвинил части Красной армии в мародерстве, насилиях, пьянстве – то есть в неготовности исполнять роль освободителя от фашизма; все это Абакумов представил, как «клевету на Красную армию».

Дав указание начальнику Агитпропа Александрову публично обвинить писателя именно в том, против чего тот выступил, и тем самым сделать невозможной дальнейшую публикацию

---

[4] Воспоминания С.Е. Голованивского (собрание автора).

[5] Новое время. 1994. № 8. С. 51.

его статей, Сталин действовал в обычной для него иезуитской манере. Надо сказать, что, прочитав в «Правде» статью Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», писатель никаких иллюзий относительно ее инициатора не строил – соответствующий намек есть в его мемуарах: «Я, конечно, сразу понял, что Александров выступил не по своему почину»[6]. Армия же в массе своей не раздумывала над тем, кто такой Александров и по чьему почину он выступил. Статью «Товарищ Эренбург упрощает» политруки прочитали недоуменно, а вот статей любимого писателя, которые на фронте всегда и прежде всего искали в «Красной звезде», они больше найти не могли. Фронтовики чувствовали себя куда свободнее, чем в мирное время, и реакция армии была ошеломительной – писателя и «Красную звезду» заваливали письмами с вопросами: где Эренбург, почему замолчал?[7] Такими письмами можно было бы заполнить много страниц этой книги, приведем только одну выдержку: «Недавно прочитал статью в газете проф. Александрова. Кто такой Александров, мне неизвестно. Но я хоч и рядовой человек, но имею определенный взгляд на жизнь... Согласно морали, выработанной проф. Александровым, злодей называется злодеем только ночью, когда он крадется. Великий писатель нашей свободной страны, Вы пишете не для “учителей морали”, а для нас, для народа. Мы ждем Ваших статей. Вишняк Федор Михайлович, инвалид Отечественной войны, орденоносец». Но все эти письма и даже телеграммы дела не меняли – статьи писателя появились только после Победы.

Костырченко, занимаясь проблемой госантисемитизма, излагает историю появления статьи Александрова совершенно иначе – не как исполнение прямого указания Сталина, а как самовольные происки аппаратчиков Старой площади (они-де получили от Сталина задание идеологически переориентировать Красную армию на более гуманное отношение к немцам и воспользовались этим, чтобы публично высечь Эренбурга). Это предположение принять нельзя: всю войну тексты наиболее важных статей Эренбурга неизменно предварительно по-

[6] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 466. При дальнейших ссылках на это издание указываются номера тома и страниц.

[7] Несколько характерных примеров приведено в наших комментариях к мемуарам писателя – см.: (2, 569–570).

сылались Сталину – он был их первым читателем; за рубежом статьи Эренбурга рассматривались как выражающие позицию советского руководства[8]. Думать, что кто-либо в СССР тогда мог публично дезавуировать Эренбурга без указания Сталина – значит не представлять реального положения дел.

Возникновение у аппарата личных счетов к Эренбургу в книге «Тайная политика Сталина» мотивируется выступлениями писателя против насаждавшегося антисемитизма: «За призывы бороться с внутренним антисемитизмом был чувствительно одернут (Александровым. – *Б.Ф.*) Эренбург, который хоть и критиковал только бытовую юдофобию, но никак не антисемитизм сталинских верхов, о котором если бы даже и знал, то вынужден был помалкивать, тем не менее, сам того не сознавая, вторгся в опасную сферу тайной государственной политики»[9]. Возможности прямого выступления против «антисемитизма сталинских верхов» тогда в советской печати не было ни у кого. Выражение «если бы даже и знал» применительно к Эренбургу – неточно. Начиная с 1942 г. Эренбург постоянно сталкивался с антисемитизмом аппаратчиков и противодействовал ему. В 1943 г. Н.И. Кондаков, новый ответственный секретарь Совинформбюро (надо полагать, с новыми заданиями сверху), вычеркивал из статей Эренбурга все упоминания о подвигах евреев на фронтах войны. Писателю приходилось бороться за каждое слово; управу на призванного властью юдофоба он искал у главы Совинформбюро секретаря ЦК А.С. Щербакова (в письмах, по телефону или добившись приема[10]). Разумеется, удавалось далеко не все и далеко не всегда. О росте антисемитизма в стране Эренбург хорошо знал из своей обширнейшей почты и встреч с людьми (оказавшись в Москве, многие фронтовики и тыловики считали нужным попасть к Эренбургу в гостиницу «Москва»). Немало говорится об этом и в Записных книжках Эренбурга; вот лишь несколько записей:

---

[8] В архиве Эренбурга сохранилась масса секретных донесений ТАСС, показывающих, что именно так статьи писателя воспринимались в странах и гитлеровской и антигитлеровской коалиций – и правительственными кругами и прессой. Именно поэтому появление статьи Александрова было воспринято за рубежом как сенсация – как изменение политики Сталина.

[9] *Костырченко.* С. 247.

[10] См. коммент. к мемуарам «Люди, годы, жизнь» (2, 554–555).

«21 мая 1942 – Антисемитизм среди партчиновников...

17 ноября 1943. Украинский Наркомвнудел: евреев не пускают на Украину и говорят: "Они хотят приехать на все готовое".

8 октября 1944. Бабий яр – панихиду запретили.

15 октября 1944. Был Бахмутский – не принимают в аспирантуру, как еврея. Написал Кафтанову (председатель Комитета по делам высшей школы. – *Б.Ф.*)[11].

Американское посольство в Москве еще в 1943 г. информировало Госдепартамент о постоянной озабоченности Эренбурга ростом антисемитизма в СССР (он своей тревоги не скрывал)[12].

Костырченко считает, что нанести удар по Эренбургу аппарату удалось лишь в конце войны, ибо прежде он был защищен от мести номенклатурных верхов огромной популярностью и тем, что был в фаворе у Сталина[13]. На самом деле, с 1943 г., когда начался очередной тур борьбы власти с литературой, пресс этой борьбы ощущал и Эренбург – усилилась цензура статей, не печатали стихи, рассыпали набор книги «Сто писем». 31 сентября 1944 г., информируя Жданова о настроениях среди литераторов, нарком Госбезопасности приводил слова писателя: «Я – Эренбург, и мне позволено многое. Меня уважают в стране и на фронте. Но и я не могу напечатать своих лучших стихов, ибо они пессимистичны, недостаточно похожи на стиль салютов»[14]. Однако воскресший гнет цензуры и статья Александрова – явления разного рода.

Александров без боли в сердце выполнил указание Сталина, хотя Эренбургу и показалось, что заву Агитпропа перед ним было неловко[15].Чиновники Старой площади чинили Эренбургу препятствия, как и всем литераторам, но их начальники среднего звена, когда писатель оспаривал действия аппарата, всегда пытались несколько смягчить конфликты – Эренбурга побаиваясь (такая ситуация сохранилась до конца его дней), потому что знали: он может при случае через голову аппарата обратиться, скажем, к Молотову или, чего доброго, письменно к самому Сталину (а впоследствии – к Хрущеву), и тогда неизвестно, как

[11] *Эренбург* (2, 567–568).

[12] Сообщено Дж. Рубинштейном (США).

[13] *Костырченко*. С. 247.

[14] Власть и художественная интеллигенция. С. 530.

[15] *Эренбург* (2, 466).

обернулось бы дело – чтобы выглядеть гуманистами, вожди всегда могли свалить все на чиновников и их же покарать.

Прочитав статью Александрова, Эренбург оторопел от несправедливости. Понимая, что за этим стоит Сталин, он тем не менее написал вождю, разумно делая вид, что считает инициатором статьи начальника Агитпропа:

15 апреля 1945 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мне тяжело, что я должен занять Ваше время в эти большие дни вопросом, касающимся лично меня. Прочитав статью Г.Ф. Александрова, я подумал о своей работе в годы войны и не вижу своей вины. Не политический работник, не журналист, я отдался целиком газетной работе, выполняя свой долг писателя. В течение четырех лет ежедневно я писал статьи, хотел выполнить работу до конца, до победы, когда смог бы вернуться к труду романиста. Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа, и то же самое писали другие, политически более ответственные. Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно, и накануне появления статьи, осуждающей меня, мне сообщили из изд<ательст>ва «Правда», что они переиздают массовым тиражом статью «Хватит»[16].

Статья в «Правде» говорит, что непонятно, когда антифашист призывает к поголовному уничтожению немецкого народа. Я к этому не призывал. В те годы, когда захватчики топтали наше землю, я писал, что нужно убивать немецких оккупантов. Но и тогда я подчеркивал, что мы не фашисты и далеки от расправы. А вернувшись из Восточной Пруссии, в нескольких статьях («Рыцари справедливости»[17] и др.) я подчеркивал, что мы подходим к граж-

---

[16] Статья Эренбурга, напечатанная в «Правде» 9 апреля 1945 г. и перепечатанная 11 апреля «Красной звездой» и «Вечерней Москвой (см. также: *Эренбург. И.* Война 1941–1945. М., 2004. С. 735–741).

[17] Красная звезда. 1945. 14 марта (см. также: *Эренбург И.* Война 1941–1945. М., 2004. С. 720–723).

данскому населению с другим мерилом, нежели гитлеровцы. Совесть моя в этом чиста.

Накануне победы я увидел в «Правде» оценку моей работы, которая меня глубоко огорчила. Вы понимаете, Иосиф Виссарионович, что я испытываю. Статья, напечатанная в ЦО[18], естественно, создает вокруг меня атмосферу отчуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить заслужено ли это мной.

Я прошу Вас также решить должен ли я довести до победы работу писателя-публициста или в интересах государства должен ее оборвать.

Простите меня, что Вас побеспокоил личным делом и верьте, что я искренне предан Вам.

И. Эренбург[19].

В дневнике дочери писателя Ирины Эренбург есть запись о реакции Ильи Григорьевича на все случившееся: «Дома полный мрак в связи со статьей Александрова. Мы (то есть СССР. – *Б.Ф.*) ее передаем на Германию… Тупой взгляд Ильи, полное отсутствие интереса ко всему, нежелание ничего есть, за исключением укропа… Написал письмо Сталину и ждет… У Ильи требуют покаянной статьи. Он не будет ее писать...»[20]

Ответа от Сталина Эренбург не получил, но после Победы его, как ни в чем не бывало, снова печатали в «Правде»…

Говоря о письме Эренбурга Сталину, Костырченко утверждает: секретарь Сталина Поскребышев не передал письмо Эренбурга вождю как «малозначительную информацию», а отдал Маленкову, который отправил письмо в архив. Это – не так: Маленкову была послана лишь незаверенная машинописная копия письма Эренбурга с пометой: «Тов. Маленкову. П<оскребышев>», а не подлинник[21]. Процедуру работы со сталинской

---

[18] ЦО – то есть «Правда», бывшая центральным *о*рганом ВКП(б)

[19] *Эренбург И.* На цоколе историй… Письма 1931–1967. М., 2004. С. 338.

[20] *Эренбург Ирина.* Годы разлуки (Мой дневник во время войны) // Звезда. 1999. № 2. С. 107–108.

[21] «Литературный фронт». История политической цензуры 1923–1946 гг. М., 1994. С 157.

почтой А.Н. Поскребышев описал так: «Порядок обработки материалов устанавливался т. Сталиным и заключался в следующем. Все материалы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались лично мною или моим заместителем, затем докладывались т.Сталину устно или посылались ему по месту нахождения»[22]. Именно информацией Сталин дорожил более всего, и недонесение ему о какой-либо бумаге было опасно для недоносителя. Сталин мог не прочесть письма Эренбурга (точно известно, что он не ответил на него), но скрыть от вождя наличие *такого* письма было слишком рискованно, чтобы Поскребышев мог на это пойти. (Да и чего, собственно, ради? Какие основания считать, что в 1945 г. Поскребышев состоял в аппаратном сговоре с кем-то из сталинских чиновников?) К сказанному автор делает такое примечание: «Правда, возможно, чтобы предотвратить повторное обращение Эренбурга к Сталину (но если первое письмо можно было скрыть, то почему нельзя скрыть и второе? – минуя Поскребышева, доставить письмо Сталину Эренбург не мог. – *Б.Ф.)*, чиновники со Старой площади вынуждены были пойти с ним "на мировую", дав санкцию на публикацию уже 10 мая его большой статьи в "Правде"»[23]. Это снова неточно. Вопрос о «победной» статье Эренбурга без Сталина быть решен не мог, и личным цензором статьи «Утро мира» стал Жданов[24]. Слово Эренбургу предоставили не столько из соображений справедливости, сколько в силу его популярности в армии (об откликах фронта на «молчание» Эренбурга редакция «Красной звезды» не могла не сообщать куда надо); да и немецкий фактор после победы потерял актуальность.

Еще одно неточное утверждение: «именно с этого времени Эренбург дистанцировался от ЕАК (Еврейский антифашистский комитет. – *Б.Ф.*) и еврейских проблем и уже остерегался во всеуслышание обличать антисемитские настроения в стране, поняв окончательно, что в противном случае он рискует противопоставить себя весьма могущественным силам»[25].

---

[22] См.: *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 548.

[23] *Костырченко.* С. 248.

[24] Эренбург упоминал об этом в черновике к мемуарам – см.: (2, 569).

[25] *Костырченко.* С. 248.

«Дистанцирование от ЕАК» – не связано со статьей Александрова, оно произошло раньше (в марте 1945 г.) и связано с политикой руководства ЕАК (главным образом с действиями И.С. Фефера) по части «Черной книги» об уничтожении гитлеровцами еврейского мирного населения СССР. Эренбург добивался издания этой книги прежде всего в СССР; он понимал, что передача Фефером ее материалов в США в итоге сорвет советское издание, что и произошло (разумеется, книгу могли запретить в СССР и без того, но пересылка ее материалов за границу облегчала запрещение). Узнав, что Фефер и пр., выполняя волю своих начальников из Госбезопасности, отослали материалы в США, Эренбург распустил созданную им литературную комиссию по «Черной книге» (автор применяет расплывчатые выражения: «под его началом была сформирована литературная комиссия» и «замысел уникального издания принялся активно реализовывать Илья Эренбург»[26], хотя этот замысел возник у самого Эренбурга независимо от американского плана – когда он стал получать из освобожденных районов массу документов и свидетельств о Холокосте[27]). Последствия показали, что Эренбург точно предвидел: аппарат ЦК не даст издать «Черную книгу» в СССР, и ЕАК послушно исполнит указания «сверху».

Эренбург и после 14 апреля не отказался от борьбы с антисемитизмом, хотя высказываться об этом ему приходилось еще аккуратнее: и тогда, и потом он работал на пределе возможного. Тем не менее всегда находились обвинявшие его в том, что он, по образному выражению Н.Я. Мандельштам (из письма к Эренбургу), «не повернул реки и не изменил течение светил, не преломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя всегда хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное»[28]. Людьми непонимающими, но честными лагерь критиков Эренбурга

[26] *Костырченко*. С. 466. Отмечу, что в этом же параграфе на основе воспоминаний Г.Меир повествуется о московской встрече Эренбурга с израильским посланником – отсылаю читателя к полемике с ее мемуарами в статье «Еще раз о Голде Меир, Илье Эренбурге, антисемитизме и ассимиляции» // Народ Книги в мире книг. СПб., 2001. № 34. С. 3–7. (См. также: *Фрезинский Б.* Все это было в XX веке. [Винница]: Глобус-пресс, 2006. С. 327–339).

[27] Этот термин тогда еще не употреблялся.

[28] Почта Ильи Эренбурга. С. 530.

не исчерпывается. Возвращаясь к «историку-центристу», заметим, что Эренбург был умнее, чем это можно представить только на основе архивных бумаг аппарата ЦК КПСС, которые сами по себе не гарантируют точного понимания отошедшей эпохи, ее людей и событий.

2. По поводу одного письма

Следующий эпизод, связанный с Эренбургом, относится к событиям 1948 г.; в книге «Тайная политика Сталина» о нем идет речь в параграфе «Эренбург и его выбор»[29]. В связи с заголовком заметим, что как бы ни были жестоки обстоятельства сталинской эпохи и как бы ни хотел Эренбург выжить, он никогда не переступал страшной черты – не писал доносов, не предавал друзей, своего народа, хранил верность искусству.

Важнейшим испытанием 1948 г. для Эренбурга стала его статья «По поводу одного письма»[30], указание написать которую было дано Сталиным.

При решении осенью 1947 г. в ООН вопроса о создании государства Израиль Сталин, надеясь в будущем подчинить себе социалистических правителей Израиля, распорядился образование Израиля поддержать. Однако в конце лета 1948 г. надежды «отца народов» подмять под себя израильские власти явно проваливались, а с другой стороны, из агентурных источников поступали сведения о росте симпатий части еврейского населения СССР к Израилю (так, информация о пылких контактах московских евреев с первым посланником Израиля в СССР Г. Мейерсон поступала с самого начала сентября 1948 г.). В этих условиях Сталин изменил свое отношение к новому государству. Уезжая в отпуск, он дал указание Маленкову подготовить для советской печати статью о том, как именно надлежит советским евреям относиться к Израилю. Статью, по замыслу вождя, должны были подписать несколько лиц, в том числе Илья Эренбург. После этого с писателем беседовали Г.М. Маленков, Л.М. Каганович и редакторы «Правды» и «Известий» П.Н. Поспелов и Л.Ф. Ильи-

[29] *Костырченко.* С. 407–417.

[30] Правда. 1948. 21 сент.

чев. Отказаться выполнить поручение Сталина Эренбург посметь не мог (как не мог это сделать никакой публицист в СССР).

Не знавший ни иврита, ни идиша, Эренбург всю жизнь был ассимилянтом и этого не скрывал. Как не скрывал и еврейского происхождения, повторяя: «Покуда на свете будет существовать хотя бы один антисемит, я буду с гордостью отвечать на вопрос о национальности – "еврей"»[31]. Такую позицию после войны разделяли очень многие советские евреи, хотя появилась и некоторая прослойка обратившихся к сионизму. Впоследствии, с ростом государственного антисемитизма в СССР, число евреев, готовых эмигрировать, естественно, возрастало – но массовая эмиграция, как известно, началась, когда Эренбурга уже не было в живых. Если во время Отечественной войны в огромной почте Эренбурга не было враждебных писем от советских евреев, то после статьи «По поводу одного письма» такие письма появились[32], причем их авторы, утверждая, что писатель не имеет права говорить от имени всего еврейского народа, себе в таком праве не отказывали.

Не отказавшись выполнить поручение Сталина как таковое, Эренбург сразу же отказался участвовать в написании коллективной статьи, как Сталин ее задумал. Давая согласие выполнить приказ Сталина и столь же определенно отказываясь участвовать в коллективном труде, Эренбург старался не попасть в капкан: чтобы его имя использовали, а высказать то, *что* он хочет, и *как* он хочет – не дали. Писатель брал на себя бремя исторической ответственности за эту заказную и для него политически двусмысленную статью, понимая, что дает повод и тогдашним, и будущим «критикам» обвинять его в смертных грехах. Но зато он смог сказать гораздо больше того, что от него хотели получить и что ему позволили бы сказать в ином случае.

18 сентября 1948 г. заместитель председателя совета министров СССР Г.М. Маленков, (такова была официальная должность главного заместителя Сталина) отправил находящемуся на отдыхе вождю следующую записку:

---

[31] *Эренбург И.* Т. 6. С. 313.

[32] Их Костырченко подробно цитирует.

Товарищу Сталину.

Перед отъездом Вы дали указание подготовить статью об Израиле. Дело несколько задержалось из-за отсутствия в Москве Эренбурга. На днях Эренбург прибыл. Мы с Кагановичем, Поспеловым и Ильичевым имели с ним разговор. Эренбург согласился написать статью и высказался против того чтобы статья вышла за несколькими подписями.

Посылаю Вам статью И. Эренбурга «По поводу одного письма». Если с Вашей стороны не будет других указаний, то мы хотели бы опубликовать эту статью во вторник, 21 IX, в газете «Правда»

Г. Маленков.[33]

Отметим: цитируя эту записку в своей книге, Костырченко опускает слова о том, что писатель «высказался против того, чтобы статья вышла за несколькими подписями».

Они бы нарушили его простую схему: Эренбург – послушный исполнитель, ангажированный сталинской пропагандой.

Написанное Эренбургом в его статье не укладывается в формулу Костырченко: «поддержать советский внешнеполитический курс в отношении Израиля и развенчать в то же время в глазах советского еврейства сионизм как идею всемирного братства евреев». Пятнадцать лет спустя, вспоминая 1948 г., Эренбург привел в мемуарах целую страницу выдержек из той статьи[34] – от всего сказанного он не отказывался и в оттепель (опустил лишь фразу: «только социализм решает еврейский вопрос»; либо, говоря так в 1948 г., он вынужден был кривить душой, либо расстался с этой иллюзией позднее). Да, статья Эренбурга, обращаясь к советским евреям, содержала многозначную оценку Израиля[35] и однозначную информацию о том, что репатриация советских евреев в Израиль допущена не будет.

[33] Советско-израильские отношения. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. 1941 – май 1949. М., 2000. С. 375.

[34] *Эренбург* (3, 116–117).

[35] 24 сентября 1948 г. Г. Мейерсон доносила своему правительству из Москвы: «Статья Эренбурга в "Правде" по сути за Израиль и против сионизма» (см.: Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн. 1. С. 388).

Более того, она содержала молчаливое предостережение тем евреям, исповедующим сионизм и забывшим, где они живут, что их импульсивные выступления в Москве могут принести непоправимый вред *всем* советским евреям – и тем, кто сионизма *не* исповедует. Но эта же статья, обращенная к Сталину, содержала исторически подтвержденную мысль о позорности антисемитизма.

В итоговых суждениях книги о тайной сталинской политике («Еще одно задание Кремля», с которым Эренбург «справился успешно»; «популярность Эренбурга среди советского еврейства» исчезла; «это было полное фиаско человека, пытавшегося ответить на национальный вызов сугубо прагматически»), в той характеристике Эренбурга, которую дает автор писателю («идеологический коллаборационизм», «психология космополита», «убеждения антисиониста»[36] и т.д.) даже не упоминается, что все эти годы писатель оставался едва ли не единственным в стране автором, упоминавшим проблему антисемитизма в СССР. Подчеркнем: по еврейскому вопросу Эренбург высказывался только в советской печати, ибо это позволяло высказать публичное осуждение антисемитизма (общее место для послевоенного Запада). От любых сугубо пропагандистских выступлений, с подачи власти, по этому вопросу на Западе Эренбург неизменно отказывался[37]. Вдумчивые читатели понимали смысл эренбурговских инвектив и «общих мест» – так писал только он. Даже когда осуждающе говорилось об антисемитизме в США, внимательный читатель не мог не думать об СССР. Публично напоминая о недопустимости антисемитизма (в частности, ссылаясь на знаменитые слова Сталина: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма»), Эренбург напоминал читателям об идеологически неуязвимом оружии – открыто спорить с ним было невозможно (так, будущие диссиденты, безусловно учась у Эренбурга, требовали всего лишь выполнять конституцию страны). Направленные против антисемитизма пассажи Эренбурга внушали беззащитным читателям надежду (пусть иллюзорную), что худшего не случится.

---

[36] *Костырченко*. С. 411.

[37] Например, в 1949 г., когда ему предложили написать соответствующую статью для американской коммунистической газеты по поводу кампании о космополитах в СССР.

В мемуарах писатель не признался, что его статья была написана по заказу Сталина, но сообщил: «Мне сказали, что статью Сталину посылали и он ее одобрил»[38]. Это одобрение поддержало тогда в писателе надежду, что разнузданно антисемитских акций Сталин не допустит. Надежда оказалась сомнительной, и впредь Эренбург этого не забывал.

Дружеские отношения советских евреев к Эренбургу отнюдь не закончились в 1948 г. – в последующие 20 лет едва ли не большинство советских евреев относилось к писателю как к своему защитнику. Сошлемся на строфу стихов Бориса Слуцкого о похоронах Эренбурга:

Эти искаженные отчаяньем
старые и молодые лица,
что пришли к еврейскому печальнику,
справедливцу и нетерпеливцу...[39]

3. Илья Эренбург в январе-феврале 1953 г.

Существует версия: в 1952–1953 гг. Сталин замышлял депортацию еврейского населения СССР в Сибирь и на Дальний Восток. Осуществление депортации должно было начаться сразу после процесса над кремлевскими «врачами-убийцами» (в большинстве своем евреями) и их казни. Суд над врачами не состоялся и депортация не осуществилась – Сталин умер. Версия существует, хотя прямых документов, с ней связанных, не обнаружено. Возможны три варианта: депортация готовилась реально, но следы этого замели; депортация лишь замышлялась Сталиным (тайно или обсуждалась в узком кругу) и, наконец, депортация не замышлялась, ее выдумали от страха сами советские евреи. В «Тайной политике Сталина» декларируется приверженность третьему варианту. Между тем семь лет назад в первом, ныне существенно расширенном, издании книги Костырченко содержался иной вывод: «Каковы должны были быть последствия этого процесса (над врачами. – *Б.Ф.*): массо-

---

[38] *Эренбург* (3, 121). На рукописи статьи Эренбурга, сохранившейся в сталинском архиве, написано: «Товарищ Сталин согласен» (см.: Советско-израильские отношения. Т. 1. Кн.1. С. 383).

[39] *Слуцкий Б.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 2. С. 209.

вая депортация евреев в Сибирь, как утверждают одни исследователи, или расправа вождя со своими ближайшими соратниками по политическому руководству, о чем пишут другие? А может быть, то и другое одновременно? Будем надеяться, что на эти и другие вопросы мы получим когда-нибудь однозначные ответы»[40]. Теперь из того, что новых документов, подтверждающих или опровергающих версию о депортации, не добыто, автор делает тот самый однозначный вывод: «...отживает свой век и другая легенда времен холодной войны: вошедшие сначала в публицистику, а потом и перекочевавшие в научные издания "неопровержимые" данные о планировавшемся якобы в СССР насильственном и повальном выселении евреев в Сибирь»[41]. За прошедшие годы изменилось отношение автора к надежности всех свидетельств в пользу депортационной версии[42] (члена сталинского Политбюро Н.А. Булганина[43], ряда сотрудников спецслужб, приведенные З.С. Шейнисом[44], и т.д.). Подкрепляя свой новый вывод, автор упоминает и отсутствие ссылок на депортационную версию в мемуарах Н.С. Хрущева[45] (как известно, – устных, наговоренных на магнитофон, и рассказывал Хрущев разным лицам – разное). В этой связи приведем отрывок из рукописи воспоминаний об Эренбурге дружившего с ним в 1960-е гг. молодого тогда ху-

---

[40] *Костырченко Г.* В плену красного фараона. Политическое преследование евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994. С. 361.

[41] *Костырченко.* С. 671–672.

[42] Наиболее полную сводку этих свидетельств см. в кн.: *Лясс Ф.* Последний процесс Сталина, или Несостоявшийся юдоцид. 2-е изд., доп. Иерусалим, 2006. С. 470–487.

[43] Об этих свидетельствах автор говорит, как о полученных «после изрядного возлияния» (см. С. 680).

[44] *Шейнис З.* Провокация века. М., 1992; изложенные Шейнисом версии именуются «пригодными разве что для постановки триллеров» (*Костырченко.* С. 672).

[45] Что, конечно, неубедительно, ибо свидетельства у Хрущева есть всякие, а его наговоренные и потом напечатанные мемуары не позволяют судить о полноте известного ему; к тому же, как и большинство членов сталинского Политбюро, Хрущев не слишком откровенен. В этом смысле можно указать и воспоминания Д.Т. Шепилова «Непримкнувший», имевшего непосредственное отношение к данному сюжету, где нет ни слова о событиях января-февраля 1953 г., не вспоминал о них Шепилов и в беседах с Ф. Чуевым (как и нераскаявшиеся сталинские сатрапы Молотов и Каганович, совершившие немало преступлений, но в сталинские планы последнего года, возможно, непосвященные).

дожника Б.Г. Биргера. Запись эта сделана им в 1974 г.[46], она содержит рассказ Хрущева Эренбургу во время их встречи в Кремле 3 августа 1963 г. (Биргер был у Эренбурга вечером того же дня): «В 1952 году Сталин в присутствии нескольких членов Политбюро бросил фразу: "А не пора ли их проучить?" Все присутствующие поняли, что он имеет в виду евреев и что это прямой призыв к погрому... Хрущев считал, что все понимали, что, если эта фраза просочится, то начнется погром, который впоследствии остановит Сталин, а виновным окажется кто-нибудь из выполнявших его волю»[47]. Эту историю, если не ошибаюсь, Хрущев рассказывал не только Эренбургу. Депортация еврейского населения в этой версии замышлялась Сталиным как «спасение братского еврейского народа от справедливого гнева великого русского народа» (такая фраза попадалась мне в одной из зарубежных публикаций фрагментов воспоминаний Хрущева).

Депортационная версия отвергается автором и как географически не реализуемая (аргумент, скорее, неубедительный применительно к сталинскому режиму – скажем, депортация немецкого населения в СССР в 1941 г. была предпринята не только из Республики немцев Поволжья, но и из Москвы, Ленинграда и т.д.). Численность еврейского населения, существенно сокращенная гитлеровцами, также не могла остановить диктатора, как, скажем, остановила его численность украинского (депортировав чеченцев, ингушей, калмыков и крымских татар за сотрудничество с гитлеровцами, Сталин не депортировал за то же самое украинцев). Спорен и психологический аргумент: «По складу своего характера он (то есть Сталин. – *Б.Ф.*) не решился бы открыто выступить против евреев (? – *Б.Ф.*), хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца (? – *Б.Ф.*), был обречен переживать муки психологической амбивалентности, которая, возможно, и ускорила его конец»[48].

[46] Отмечу, что, когда в 1983–1984 гг., еще не зная текста этих воспоминаний, я дважды расспрашивал Биргера о его встречах с Эренбургом, он почти дословно рассказал мне этот эпизод.

[47] Ксерокопия правленной мемуаристом машинописи воспоминаний Б.Г. Биргера передана мне И.И. Эренбург.

[48] *Костырченко.* С. 678.

То обстоятельство, что за семь лет у Костырченко не появилось документов о подготовке неосуществленной еврейской депортации, не позволяет все же сделать окончательный вывод о том, что Сталин депортацию не замышлял. Вопрос в любом случае, как и семь лет назад, остается открытым. Прав, думаю, академик А.А. Фурсенко – упомянув об имеющихся свидетельствах и слухах о депортации, он написал: «В архивах такого рода фактов обнаружить не удалось. Возможно, их все еще хранят в секретных сейфах. Возможно, приказ был отдан в устной форме. Может быть, документы уничтожены. Это было обычным делом»[49]. Разумеется, вопрос о реальности готовившихся планов, их конкретных деталях и т.д. важен. Но не только этим определялась жизнь еврейского населения в СССР, но и тогдашними опасениями, ожиданиями беды. Костырченко признает: «Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский дух... Основательность слухам придавало и то, что с конца 1952 года из Москвы в Казахстан стали высылаться семьи арестованных "еврейских националистов"... Конечно, потенциальная угроза депортации безусловно существовала»[50].

В январе-феврале 1953 г. в элитарных, как теперь бы сказали, кругах советского еврейства угроза депортации считалась абсолютно реальной. Именно как прелюдия к депортации была воспринята частью еврейской элиты история с подписанием «Письма в редакцию "Правды"», подготовленного по заданию Сталина после объявления об аресте «врачей-убийц». Это письмо содержало не только горячее одобрение ареста «убийц в белых халатах» (большинство обвиняемых были евреи) и призыв беспощадно покарать преступников, но и признание того, что часть еврейского населения заражена национализмом-сионизмом и подвержена влиянию агентов империализма. В.А. Каверин, прочитавший тогда текст письма, в написанной «в стол» неподцензурной книге

[49] *Фурсенко А.А.* И.В. Сталин: последние годы жизни и смерть // Исторические записки. 2000. № 3 (121). С. 190.

[50] *Костырченко.* С. 675.

мемуаров вспоминал свое ощущение от него: «Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке. Знаменитые деятели советской медицины обвинялись в чудовищных преступлениях, и подписывающие письмо требовали для них самого сурового наказания. Но это выглядело как нечто самой собой разумеющееся – подобными требованиями были полны газеты. Вопрос ставился гораздо шире – он охватывал интересы всего еврейского населения в целом, и сущность его заключалась в другом. Евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, в научных институтах, на фабриках и заводах. И тем не менее в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма, и к этому явлению мы, нижеподписавшиеся, не можем и не должны относиться равнодушно»[51].

Отвергая версию депортации, Костырченко утверждает, что замысел письма возник у Сталина с целью прямо противоположной: «снять политическое напряжение... затушить скандальную ажитацию вокруг "дела врачей" в стране и в мире»[52]. Однако, сравнивая этот ход «отца народов» с его известной статьей 1930 г. «Головокружение от успехов» (свалив тогда все «издержки» коллективизации на местных чиновников, самой коллективизации Сталин не отменил), автор тем самым признает: даже если Сталиным и было предпринято «отступление» – то лишь временное (стратегических планов диктатор не менял). То обстоятельство, что текст «Письма в "Правду"» произвел на многих потенциальных подписантов впечатление не только не успокаивающее, а наоборот – устрашающее, в «Тайной политике Сталина» объясняется лишь «кондовым стилем», который-де исказил сталинский замысел (как всегда – все дело в аппаратчиках). Вину автор возлагает на «недалекого и заскорузлого по ментальности чиновника» – главу Агитпропа секретаря ЦК Н.А. Михайлова, которому-де Сталин поручил подготовку письма. Отметим однако, что наряду с Михайловым «письмом»

[51] *Каверин В.* Эпилог. М., 1989. С. 316.

[52] *Костырченко.* С. 679, 681.

занимался и тогдашний главный редактор «Правды» молодой сталинский любимец Д.Т. Шепилов – человек несомненно образованный и уж никак не заскорузлый. Подчеркнем также, что сталинские чиновники волю вождя выполняли точно (иначе и головы можно было не сносить), да и подготовленные по его указанию тексты Сталин обычно просматривал лично и, если нужно, правил – не случайно стиль официальных текстов, как правило, определял их политические последствия.

Многие подробности в деле с письмом в «Правду» остаются тайной.

Неизвестно, когда точно возникла у Сталина идея, чтобы знаменитые советские граждане еврейского происхождения обратились в «Правду», требуя сурово покарать «врачей-убийц» (возможно, после 13 января 1953 г. – дня официального объявления об их аресте, хотя не исключено, что и раньше того). Неизвестно, кто именно формировал список подписантов; неизвестен состав реальных сочинителей письма. Заметим, что среди 57 подписантов под отредактированным первым вариантом письма значились не имевшие отношения к его написанию писатели: Эренбург – № 9, Маршак – № 12, Гроссман – № 23, Алигер – № 26, Кассиль – № 43 (все, кроме Гроссмана, лауреаты Сталинской премии; имя Гроссмана, думаю, было внесено лично Сталиным, который дважды и тоже лично вычеркивал его фамилию из списков лауреатов Сталинской премии).

Всю процедуру подготовки текста курировал Г.М. Маленков (второй человек в партии), которому Михайлов и Шепилов представляли проекты письма, а уже он передавал их Сталину (материалы, связанные с пропагандистским обеспечением «дела врачей», хранятся в РГАНИ: в бумагах Агитпропа, непосредственно готовившего письмо, – Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 602, и в бумагах отдела Маленкова – Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504; соответствующие бумаги, представленные лично Сталину, хранятся в Президентском архиве). Иерархическая лестница работала строго: только Маленков решал, *что* следует посылать Сталину. К подготовленному Агитпропом тексту первого варианта письма была приложена отпечатанная на машинке записка:

Товарищу Маленкову Г.М.

Представляем Вам отредактированный текст письма в редакцию газеты «Правда».

Н. Михайлов
Д. Шепилов
29/I 53 г.[53].

Слово «отредактированный» говорит о том, что текст письма с Маленковым, а может быть, и со Сталиным уже обсуждался. Письмо начиналось с изложения официального сообщения об аресте «врачей-убийц», содержало истерические обвинения еврейских «буржуазных националистов», продавшихся империалистам США, в попытке разжечь среди еврейского населения СССР национальную вражду к русскому народу и заканчивалось требованием «самого беспощадного наказания преступников»[54].

Сбор подписей отобранных «представителей» еврейского происхождения к этому времени, похоже, уже шел.

Отметим, что на записке Михайлова и Шепилова Маленкову (внизу и наискосок) сделаны рукой сотрудника Маленкова две пометы: первая – «Материал по указанию т. Маленкова лично передан 29/I тов. Кагановичу Л.М.»; вторая – «Архив. 2/II 53 г.». В архив отдела Маленкова 2 февраля были наряду с этой запиской отправлены машинописный текст первого варианта письма – его заключали отпечатанные подписи 57 человек, начиная с дважды Героя Советского Союза полковника Д.А. Драгунского[55]. Кроме того, в архив была отправлена также представленная Маленкову правдинская верстка этого письма, в которую внесли рукописные изменения в расположение фамилий подписантов и в формулировки их титулов: на первое место с шестого передвинули академика С.И. Вольфковича (вторым стал Драгунский), в титуле генерал-полковника Б.Л. Ван-

[53] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 187.

[54] Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации 1938–1953. Документы / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 470–473.

[55] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 173–177 – текст письма, л. 178, 179– машинописный перечень подписантов с указанием их титулов. Первоначального, неотредактированного, текста а архиве нет.

никова, который именовался членом ЦК КПСС и дважды Героем Социалистического Труда, зачеркнули слово «дважды», хотя это звание действительно присуждалось ему дважды – в 1942 и 1949 гг., причем в 1954-м вручили уже третью звезду Героя, а в титуле Л.М. Кагановича, который именовался Героем и депутатом и шел четвертым, перед словами «Герой Социалистического Труда» вписали: «член ЦК КПСС»[56]. Эту верстку, чтоб не путать ее с версткой, отправленной позже Сталину, будем называть «Верстка I». Заметим, что в машинописный текст письма, отправленный 2 февраля в архив, внесены сделанные *от руки* несколько, как кажется, непринципиальных по смыслу исправлений (об их происхождении мы скажем ниже) – понятно, что сделаны они могли быть только *после* предоставления текста Маленкову.

Как ясно из приведенной пометы на записке, 29 января машинописный текст письма с напечатанными под ним фамилиями подписантов, включая Кагановича, был вручен в рабочем кабинете Л.М. Кагановичу, причем вручен (только ему!) лично зав. Агитпропом Михайловым.

И тут случилось неожиданное: единственный еврей в сталинском Политбюро почувствовал себя оскорбленным. Оскорбил его вовсе не текст письма, не его содержание (упаси бог!). Его оскорбило, что имя члена высшего руководства страны воткнули в длинный перечень лиц, к высшему руководству не имевших никакого отношения[57]. Спустя много лет Каганович рассказывал:

«Когда Михайлов принес мне бумагу для публикации против этих врачей – я вам рассказываю кое-что личное, – по еврейскому вопросу, и там были подписи Рейзена и многих других еврейских деятелей, Михайлов был секретарем ЦК, потом министром культуры. Я ему сказал: “Я не подпишу. Я член Политбюро, а не какой-нибудь этот вот!”

Он говорит: “Как? Мне товарищ Сталин поручил (имеется в виду указание Маленкова, которое могло быть поручением Сталина. – *Б.Ф.*)” – “Скажите товарищу Сталину, что я не под-

[56] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 188.

[57] Среди подписантов тридцатой значилась и жена Кагановича Мария Марковна – председатель ЦК профсоюза рабочих швейной и трикотажной промышленности.

пишу. Я ему сам объясню". Когда я пришел[58], Сталин меня спрашивает "Почему вы не подписали?" Я говорю: "Я член Политбюро ЦК КПСС, а не еврейский общественный деятель, и буду подписывать бумагу как член Политбюро. Давайте такую бумагу я напишу, а как еврейский общественный деятель не буду подписывать. Я не еврейский общественный деятель!". Сталин внимательно на меня посмотрел: "Ладно, хорошо". Я говорю: "Если нужно, я напишу статью от себя". – "Посмотрим, может, надо будет и статью написать"»[59].

В итоге с Кагановичем вопрос решился просто: тот же самый текст письма специально для него перепечатали на 4-х страницах (без перечня подписантов в конце!), и член Политбюро собственноручно начертал под ним: Л.М. Каганович[60]. После этого его имя беспрепятственно впечатывали в общий перечень подписантов во все копии и варианты письма.

А вот как выстраивается (на основе многих свидетельств и документов) канва событий, связанных с подписью Эренбурга.

Сбор подписей под еврейским письмом в «Правду» был поручен академику-историку И.И.Минцу и журналисту, бывшему во время войны начальником ТАСС Я.С. Хавинсону (его литературный псевдоним М. Маринин). Большинство подписантов приглашалось в редакцию «Правды», где в приемной Д.И. Заславского им предлагалось ознакомиться с текстом письма и подписать его; к некоторым из подписантов собиратели подписей являлись домой. Примерно в начале 20-х чисел января Минц и Хавинсон приехали к Эренбургу на дачу, но Илья Григорьевич отказался подписать письмо (возможно, его не прочитав) и, отнеся дело к личной инициативе старающихся выслужиться «гостей», не придал этому значения[61]. Неизвестно, доложили ли Минц и Хавинсон своему начальству о визите к Эренбургу и что имен-

---

[58] Этот разговор, по-видимому, состоялся на "ближней даче" или по телефону, так как в кремлевском кабинете Сталина Каганович после 22 ноября 1952 г. появился лишь 2 марта 1953 г. (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4).

[59] *Чуев* Ф. Каганович. Шепилов. М., 2001. С. 239–240.

[60] Подлинник – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 169–172.

[61] Запись беседы с вдовой ближайшего друга Эренбурга А.Я. Савич 30 мая 1982 г., Москва.

но. (Имеются сведения, что, как и от Эренбурга, они получили отказ от историка А.С. Ерусалимского[62]. Существуют слухи, что письмо не подписали певец М.О. Рейзен[63], генерал Я.Г. Крейзер, композитор И.О. Дунаевский[64], о своем отказе расписаться под письмом говорит в мемуарах писатель В.А. Каверин[65] – ему это предложение было сделано Хавинсоном в редакции «Правды».)

Каверин рассказывает в «Эпилоге» (эта книга писалась в 70-е гг. «в стол», и выхода ее в свет автор не дождался), что, когда его вызвали в «Правду» и дали прочесть письмо, ему было заявлено, что многие уже подписали: назвали фамилии Гроссмана и Антокольского[66]. Каверин спросил: «А Эренбург?» – и услышал в ответ: «С Ильей Григорьевичем согласовано. Он подпишет»[67], чему Вениамин Александрович не поверил и, сказав, что ему нужно время подумать, прямо из «Правды» поехал к Эренбургу. Вот краткий рассказ о его встрече с Ильей Григорьевичем: «Он уже знал о письме, с ним говорили – и встретил меня спокойно. Впрочем, спокойствие у него было разное – случалось, что он скрывал бешенство, равнодушно попыхивая трубкой.

– Илья Григорьевич, как поступить?

– Так, как вы сочтете нужным. В разговоре со мной вы упоминались. Если вы откажетесь, они подумают, что отсоветовал Эренбург.

– Так это ложь, что письмо согласовано с вами?

– Конечно, ложь. Разговор был предварительный. Я еще не читал этого письма.

Мы проговорили недолго, пятнадцать минут. Что мог посоветовать Илья Григорьевич? Он сам был в гораздо более сложном положении, чем я. Каждый должен решать за себя, с этим

[62] *Фурсенко А.А.* И.В. Сталин: последние годы жизни и смерть. С. 189.

[63] О подписи М.О. Рейзена говорит Каганович, но он имеет в виду не автограф, а заранее (еще до сбора подписей) напечатанный в машинописи письма полный перечень подписантов.

[64] *Рапопорт Я.Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 68.

[65] *Каверин В.* Эпилог. С. 316–319.

[66] В итоге имя поэта, лауреата Сталинской премии П.Г. Антокольского оказалось невостребованным в качестве подписанта; может быть, его решили заменить Маргаритой Алигер – среди подписантов явно не хватало женщин.

[67] *Каверин В.* Эпилог. С. 317.

[68] *Там же.* С. 319.

я от него и уехал»[68]. Заметим, что фамилии Каверина в перечне подписантов под машинописными текстами письма и в правдинских гранках изначально не было (возможно, чиновники из ЦК не считали, что в сознании читателей Каверин – еврей, и инициативу Хавинсона не приняли)...

Точная дата следующей встречи Минца и Хавинсона с Эренбургом неизвестна. Можно лишь утверждать, что это произошло до 29 января, но никак не 27 января, когда, в день рождения писателя, ему в Кремле торжественно вручили международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», присужденную в конце 1952 г. (Понятно, что по замыслу Сталина эта премия должна была для Запада послужить своего рода ширмой: как-де можно говорить об антисемитизме в СССР, если столь высокая награда вручается *еврею* – первым из советских граждан. Перед вручением Эренбург получил недвусмысленный совет в своей речи в Кремле упомянуть про «убийц в белых халатах», но он от этого уклонился, более того – для понимающих людей Эренбург произнес фразу, которую при публикации его речи в «Правде» цензура вынуждена была откорректировать[69]).

Во второй раз Минц и Маринин побывали у Эренбурга уже не на даче, а в его московской квартире; настойчивость «гостей» показала писателю, что дело не в их личной инициативе. На сей раз Эренбург прочитал письмо, но подписать его отказался, объяснив, что, по его мнению, это письмо может принести вред стране. При этом он предложил четыре, как кажется, непринципиальные поправки к его тексту: я, мол, думаю, что письмо принесет вред Советскому Союзу, но уж если и говорить о его тексте, то в нем имеются явные несообразности, которые всяко надо исправить. Эти поправки, скорее всего, ходоки тогда сами и записали со слов Эренбурга – ввиду крайней неразборчивости его почерка. При этом Эренбург вовсе не считал, что принятие предложенной им правки обяжет его письмо подписать.

Поправки Эренбурга Минц и Хавинсон доложили начальству.

---

[69] См.: *Эренбург* (3, 276). Любопытно утверждение Костырченко, что Эренбург говорил, «явно пытаясь успокоить западное общественное мнение» (*Костырченко*. С. 681).

Не раньше того дня, когда проект письма уже был представлен Маленкову и поправлен им, для Сталина набрали новую верстку письма – в ней, в отличие от «Верстки I», фамилию Эренбурга в перечне подписей передвинули с девятой позиции на третью (впереди Кагановича!). Но вопрос о правке, предложенной Эренбургом, Маленков решать не стал – оставил на решение Сталину.

Поэтому поправки Эренбурга вписали в сталинскую верстку аккуратно от руки двумя столбцами слева и справа от текста набранного письма[70].

Слева от верстки под заголовком «И.Эренбург:» перечислены четыре замечания, первое из которых: «1) На поправках не настаиваю, но отдельные фразы нынешнего[71] текста могут принести вред»; второе – «2) выражение “некоторая часть” может толковаться так, что националистов-евреев очень много, выражение “среди некоторых элементов” лучше»; третье – «3) “хотят превратить евреев” – могут подумать, что всех евреев, в том числе авторов настоящего письма»; четвертое – «4) не нужно употреблять выражение “еврейский народ”, это как раз будет усиливать тенденцию к обособлению, усиливать еврейский национализм, а наша главная задача ассимиляция евреев».

Справа от верстки под заголовком: «Поправки, предлагаемые И. Эренбургом:» вписаны пять замен слов или словосочетаний. Эти, по сути стилистические, поправки сводились к устранению из текста словосочетания «еврейский народ», противоречившего сталинскому определению нации. Судя по всему, Сталин поправки Эренбурга одобрил и, когда Маленков 2 февраля отправил в архив машинопись «Письма в редакцию “Правды”», поправки Эренбурга в нее уже были вписаны без ссылки на автора.

Передав Сталину поправки Эренбурга и узнав, что писателем письмо в «Правду» все еще не подписано, Маленков (ско-

---

[70] Благодарю академика А.А. Фурсенко, предоставившего мне ксерокопию этой верстки из Президентского архива. (Отмечу, что г. Костырченко с этой версткой знаком не был, и, печатая текст первого варианта еврейского письма в «Правду» в сборнике документов «Государственный антисемитизм в СССР 1938–1953», он включил в него поправки Эренбурга, ссылаясь на журнал «Лехайм» (2003. № 8), где фрагмент этой ксерокопии опубликовал получивший ее от меня Б.М. Сарнов).

[71] Слово «нынешнего» обращает на себя внимание – поскольку в итоге последовала команда Сталина подготовить другой текст.

рее всего, именно он) распорядился: Минцу и Хавинсону подпись Эренбурга получить. Они явились в московскую квартиру писателя 3 февраля, и были на сей раз настроены агрессивно. На очередной отказ писателя Минц впрямую сказал ему, что текст письма согласован с вождем. В ответ Эренбург заявил, что напишет Сталину лично. С этими словами он удалился в кабинет, где в течение часа работал над текстом письма, оставив непрошеных гостей на попечение своей жены. Б.Г. Биргер записал рассказ И.Г. и Л.М. Эренбург о том, как это было: «ИГ ушел в кабинет, а Минц начал запугивать Любовь Михайловну, весьма образно описывая, что с ними будет, если ИГ не подпишет письмо. Любовь Михайловна рассказывала, что час, проведенный в обществе "этих двух иуд" (как она выразилась), был не только одним из самых страшных в ее жизни, но и самым омерзительным. Когда ИГ вернулся с запечатанным письмом, достойная парочка снова было приступила к уговорам, но ИГ попросил передать его письмо Сталину и сказал, что больше он беседовать на эту тему не собирается, и выпроводил их». Заметим, что письмо Эренбург писал на машинке, потом правил текст простым карандашом, затем перепечатал и снова правил, после чего отпечатал беловой экземпляр. Сохранились оба машинописных, правленных им черновика, напечатанных на обычной для Эренбурга папиросной французской бумаге с «водными» знаками[72] – это подтверждает, что письмо писалось дома, а не в помещении редакции «Правды».

Письмо Эренбурга Сталину не раз публиковалось, тем не менее приведем его текст:

> Дорогой Иосиф Виссарионович,
>
> я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я сам не могу решить, представляется мне чрезвычайно важным.
>
> Тов. Минц и Маринин ознакомили меня сегодня с проектом «Письма в редакцию газеты "Правда"» и предложили мне его подписать. Я считаю своим долгом изложить мои сомнения и попросить Вашего совета.

[72] Собрание автора.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут[73]. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистической пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской русской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте «Письма» имеется определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого «Письма в редакцию» на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда в различных комиссиях, пресс-конференциях и пр. ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше не существует еврейских школ или газет на еврейском языке, я отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей «черты оседлости» и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и пр. нет понятия «еврей», как представитель некой национальности, слово «еврей» там означает религиозную принадлежность, и клеветники смогут использовать «Письмо в редакцию» для своих низких целей.

---

[73] Это была давняя и твердая точка зрения Эренбурга на «еврейский вопрос».

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить и насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, в том числе подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции «Правды» и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, поможет справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне – желательно ли опубликование такого документа и желательна ли под ним моя подпись. Само собой разумеется, что если это может быть полезным для защиты нашей Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу «Письмо в редакцию».

С глубоким уважением

И. Эренбург[74].

[74] *Эренбург И.* На цоколе историй… С. 374–377. Впервые напечатано по-английски (с неверной датой) в кн.: *Goldberg A.* Ilya Ehrenburg. Writing, Politics and Art of Survival. London, 1984. P. 281–282. Впервые по-русски: Источник. 1997. № 1. С. 142–143; подлинник хранится в Президентском архиве (Ф. 3. Оп. 32. Д. 17. Л. 100–100 об). По сохранившимся в личном архиве Эренбурга черновикам письмо было напечатано в предисловии Б.М. Сарнова к первому бесцензурном изданию мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1990) и цитировалось нами в комментариях к этому изданию.

Это письмо может быть понято и верно оценено только в конкретных политических реалиях Советского Союза февраля 1953 г., когда отгороженной от всего мира страной правил диктатор-параноик, и подчиненная ему махина карающих и пропагандистских органов держала практически все неарестованное и значительную часть арестованного населения не только в состоянии полного повиновения, но еще и убеждения в том, что товарищ Сталин – великий вождь и учитель, гарант, как теперь бы сказали, лучшей в мире сталинской конституции.

Эренбург знал, что любое сопротивление замыслу вождя могло вызвать лишь его гнев и, стало быть, помешать попытке остановить им задуманное. Потому Эренбург недвусмысленно написал вождю, что тотчас подпишет письмо, если он сочтет это полезным для Родины. Поскольку Сталин считал Эренбурга неплохо знающим Запад и хорошо – положение дел в Движении сторонников мира, а со взглядами специалистов он, бывало, считался, Эренбург избрал в качестве аргументов против публикации письма в «Правду» не принципиально гуманистические, но сугубо прагматические соображения об отрицательном влиянии планируемого акта на западные компартии и организованное по команде Сталина Движение сторонников мира. Эти аргументы были единственными из уст Эренбурга, которые могли произвести впечатление на Сталина и остановить реализацию задуманного.

Письмо Эренбурга Сталину Минц и Маринин доставили главному редактору «Правды» Д.Т. Шепилову. Прочесть его он, надо думать, не решился, но и адресату сразу не отправил. Вместо этого вызвал Эренбурга к себе в «Правду».

Обратимся снова к рассказу писателя, записанному Б.Г. Биргером: «Шепилов сказал, что письмо ИГ к Сталину находится у него и что он его до сих пор не отправил дальше, так как очень хорошо относится к ИГ, а отправка письма с отказом от подписи коллективного письма в "Правду" равносильна приговору. Шепилов добавил, что не будет скрывать от ИГ, что письмо в "Правду" написано по инициативе Сталина и, как понял ИГ из намеков Шепилова, Сталиным отредактировано, а возможно и сочинено. ИГ ответил, что он настаивает на том, чтобы его письмо было передано Сталину и только после личного ответа Сталина он вернется к обсуждению подписывать или не подписывать письмо в "Правду". Шепилов довольно ясно

дал понять ИГ, что тот просто сошел с ума. Разговор продолжался около двух часов. Шепилов закончил его, сказав, что он сделал все, что мог для ИГ, и раз он так настаивает, то передаст его письмо Сталину, а дальше пусть ИГ пеняет на себя. ИГ уехал от Шепилова в полной уверенности, что его в ближайшие дни арестуют».

Текст письма Эренбурга Сталину Биргер не знал, но, сравнивая его дальнейший рассказ с приведенным текстом письма, можно убедиться и в правдивости рассказа Эренбурга, и в точности записок Биргера: «Я спросил ИГ, что же он написал Сталину. ИГ ответил мне, что он прекрасно понимал, что вслед за опубликованием письма избранных евреев с отказом от своего народа последуют массовые репрессии по отношению ко всем евреям, живущим в Советском Союзе, и поэтому, когда он писал свое письмо к Сталину, он старался прибегать только к тем доводам, которые могли бы оказать хоть какое-нибудь воздействие на Сталина. У ИГ было слишком мало времени, чтобы как следует обдумать, так как в соседней комнате сидели эти два мерзавца и довели почти до обморочного состояния Любовь Михайловну. ИГ пытался как можно убедительнее довести до сознания Сталина, что опубликование такого письма покончит с коммунистическими партиями Европы. Правда, добавил ИГ, он был уверен, что максимум – поредели бы ряды компартий Европы. Но других доводов, способных дойти до сознания Сталина, у него не было».

Здесь к месту будет напомнить единственное упоминание об этих событиях в подцензурных мемуарах Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Написано это было примерно в ту же пору, когда писатель рассказывал о событиях начала 1953 г. Б.Г. Биргеру, написано осторожно, так, чтобы хотя бы эти несколько фраз прошли не изуродованными через цензуру – ни слова не говоря о существе дела, лишь намекая понимающему читателю. Рассказав про начавшуюся в советской прессе оголтелую антисемитскую кампанию в связи с делом врачей, Эренбург написал: «События должны были развернуться дальше. Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать то, что хотел. Ко-

нечно, эта история – глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить»[75].

Этот абзац (теперь, когда известно, о чем в нем идет речь, достаточно внятный) был опубликован и прокомментирован нами в первом бесцензурном издании мемуаров 1990 г., а тогда, в 1964–1965 гг., цензура не пропустила его, и в новомировской публикации мемуаров появился существенно более туманный абзац (коллективное письмо в нем не упоминалось вообще, отсутствовала и оценка готовившегося акта): «Февраль оказался для меня очень трудным, о пережитом мною я считаю преждевременным рассказывать. В глазах миллионов читателей я был писателем, который мог пойти к Сталину, сказать ему, что я в том-то с ним не согласен. На самом деле я был таким же "колесиком" и "винтиком", как мои читатели. Я попробовал запротестовать. Решило дело не мое письмо, а судьба»[76]. Редакция журнала предлагала Эренбургу снять процитированные здесь и разрешенные цензурой строки: все равно-де непонятно, о чем идет речь, но он настоял на сохранении этого упоминания, надеясь, что внимательные читатели хотя бы задумаются над его словами. (Заметим, что в книге Костырченко «Тайная политика Сталина» дается ссылка именно на обкорнанное цензурой изложение событий, а не на полный текст мемуаров.) Важно подчеркнуть, что не готовившуюся публикацию коллективного письма Эренбург называет «затеей, воистину безумной», а, разумеется, то, что должно было последовать за ней, угрозу чего он сразу ощутил.

В записках Биргера далее говорится: «Получил ли Сталин его письмо и сыграло ли оно хоть какую-нибудь роль во всей этой истории, ИГ не знал». Точно не знал, но безусловно догадывался. Теперь мы знаем точно: Сталину письмо Эренбурга вручено было (вплоть до 17 февраля он приезжал в Кремль и работал в своем рабочем кабинете, в частности, 2, 7, 16 и 17 февраля принимал там Маленкова[77]; некоторые члены Политбюро регулярно, вплоть до 1 марта, посещали вождя на ближней даче). Именно с ближней дачи 10 октября 1953 г. письмо Эренбурга

---

[75] *Эренбург* (3, 277).

[76] Новый мир. 1965. № 4. С. 58–59; см. также: *Эренбург И.* Собр. соч. в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 730.

[77] Исторический архив. 1998. № 4.

поступило в архив Сталина (теперь Президентский архив РФ.) – сегодня это факт установленный[78].

Письмо Эренбурга Сталин прочитал. Его первая реакция была эмоциональной: сообщить писателю Эренбургу, что его подпись под письмом в редакцию «Правды» товарищ Сталин считает необходимой. Но, как можно понять из дальнейших событий, над письмом Сталин продолжал раздумывать и *форсировать его публикацию не стал.*

Указание товарища Сталина Эренбургу было передано, и он ему подчинился.

Приведу здесь записанный мною рассказ Али Яковлевны Савич, вдовы ближайшего друга Эренбурга Овадия Герцовича Савича[79]. В один из февральских дней 1953 г., когда Савичи были в гостях у Эренбургов в их московской квартире, Илью Григорьевича срочно вызвали в «Правду». Уезжая, он сказал Савичам: «Не уходите», и они остались ждать его возвращения. Эренбург вернулся поздно и совершенно подавленный. Он сказал, вытирая ладонью лоб (что делал всегда в минуты сильных переживаний): «Случилось самое страшное – я подписал...». Рассказав это, А.Я. Савич почувствовала, что я ей не поверил. Зная тогда воспоминания Эренбурга и содержание черновиков его письма Сталину, я действительно счел рассказ Али Яковлевны какой-то аберрацией ее памяти и даже не включил его в беловую машинопись ее воспоминаний. «Боря, вы мне не верите? – печально спросила А.Я. – Я помню это, как сейчас». Много позже, когда от надежного человека мне стало известно, что подпись Эренбурга в подписных листах действительно имеется, стало понятно, что рассказ Али Яковлевны отнюдь не противоречит тому, что я знал тогда. Сперва я решил, что Эренбург подписал *второй* вариант письма в «Правду» (о нем речь впереди) и не мог понять, почему он так убивался, поставив под ним свою подпись. И лишь когда я в 2005 г. своими глазами увидел в РГАНИ подписной лист, на котором было собственноручно выведено: «Илья Эренбург, писатель»[80], и убедился, что подписные листы относятся именно к *первому* вари-

[78] См.: Источник. 1997. № 1. С. 143.

[79] В течение примерно 10 лет, приезжая в Москву, я записывал воспоминания А.Я. Савич «Минувшее проходит предо мною»; у нас установились очень добрые и доверительные отношения.

[80] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 181.

анту письма в «Правду», я поверил рассказу Али Яковлевны во всем его трагизме, и мне стало грустно, что я уже не могу сообщить ей об этом. Скажу еще, что на подписных листах проставлены подписи *всех* лиц, о которых ходили устойчивые слухи, что они письмо *не* подписали (возможно, их подписи были поставлены не сразу) – и Рейзена, и Ерусалимского, и Крейзера, и Дунаевского...

Подписные листы – важный документ в этой истории, и о них стоит сказать подробнее. Всего подписных листов шесть. Их первоначальная нумерация в середине верхней строчки тщательно зачеркнута, новая нумерация начинается с л. 180 (листы 173–177 – текст первого варианта письма в «Правду», листы 178 и 179 – отпечатанные на машинке фамилии подписантов, начиная с Драгунского). Порядок расположения подписей от руки ничего общего с порядком расположения подписей в верстках и машинописях не имеет. Подписи ставились на нелинованных листах отнюдь не плотно и не нумеровались. На листе 180 – десять подписей, начиная с академика С.И. Вольфковича, кончая академиком И.И. Минцем[81]. На листе 181 – девять подписей: генерал-полковник А.Д. Цырлин, генерал-лейтенант С.Д. Кремер, дважды Герой Д.А. Драгунский, начальник цеха С.В. Лившиц, композитор Ю.С. Мейтус, поэтесса М.И. Алигер, министр Д.Я. Райзер, генерал-полковник, министр Б.Л. Ванников, писатель И.Г. Эренбург. На листе 182 – девять подписей от академика И.А. Трахтенберга до академика Л.Д. Ландау. На листе 183 – девять подписей от артиста М.И. Прудкина до конструктора М.И. Гуревича. На листе 184 – восемь подписей от учителя Д.Я. Райхина до сталевара Д.Л. Харитонского. На листе 185 – три подписи от зав. РОНО в Москве К.И. Золотаря до директора Коломенского завода тяжелого станкостроения Н.Э. Носовского. На листе 186 – восемь подписей от генерал-полковника Я.Г. Крейзера до врача О.А. Чурлионской. Всего 56 подписей (в машинописи значатся 57, но подпись Кагановича стоит на отдельном экземпляре письма).

Неизвестно, совпадает ли порядок новой нумерации подписных листов с порядком их первоначальной нумерации. «Подписанты» вызывались в «Правду» индивидуально и в разное время, чтобы они не могли встретиться друг с другом, а подписывая письмо, они не могли узнать, сколько человек поставило свои

[81] Подпись Я.С. Хавинсона, пятьдесят первая по счету, на л. 186.

подписи до них. Установить порядок заполнения подписных листов теперь практически не представляется возможным (скажем, Эренбург оказывается девятнадцатым по счету, а подписавший письмо существенно раньше его Гроссман – двадцать первым; заметим, что подпись Эренбурга значится последней на листе 181 и могла быть поставлена в конце любого негусто заполненного листа). Отметим еще, что следующая по порядку 41-й неразборчивая подпись маляра Московского часового завода в машинописях и верстках письма вообще отсутствует, зато фигурирующая там подпись рабочего вагоноремонтного завода им. Войтовича А.И. Ямпольского отсутствует на подписных листах. На листе 185 подписи пианиста Э.Г. Гилельса и директора Коломенского завода тяжелого станкостроения Н.Э. Носовского наклеены.

Теперь о том, как развивались события после того, как Эренбург выполнил указание Сталина и расписался под письмом в «Правду».

Первые дни после этого он пребывал в отвратительном состоянии: мысль о том, что его попытка переубедить вождя и остановить замышляемое им оказалась безуспешной, была неотвязной. Но проходили дни, а еврейское письмо в «Правде» не появлялось…

Что же произошло? Понятно, что Сталин взял тайм-аут, *приостановив* публикацию письма. Фактически, для точного ответа на этот вопрос мы располагаем лишь одним документом – *второй* редакцией письма евреев в «Правду»[82]. Ее сопровождала следующая записка:

Тов. Михайлову Н.А.

Представляю Вам исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда».

Д. Шепилов
20 II 53[83]

(Заметим, что на этом листе имеется важная и не опубликованная Костырченко надпись наискосок: «В архив. 16 III 53. (Под-

[82] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Ед. хр. 504. Л. 160–168.
[83] *Там же.* Л. 159.

пись неразборчива, может быть, Михайлов. – *Б.Ф.*)», говорящая о том, что решение об отмене публикации письма в «Правду» было принято еще за две недели до письма Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС о реабилитации арестованных по «Делу врачей-вредителей»).

Итак, первый вариант письма в «Правду» Сталин отверг и распорядился подготовить новый текст. Исполнение этого было поручено Д.Т. Шепилову. Не исключено, что Сталин обсуждал с ним содержание нового текста, может быть, даже надиктовывал какие-то его куски (видимо, на ближней даче, так как в кремлевском кабинете Сталина Шепилов последний раз был 20 октября 1952 г.[84]).

Когда именно Сталин пришел к мысли отвергнуть старый и подготовить новый текст письма в «Правду», точно не известно.

Предположение, что задание подготовить новый текст Сталин дал во время встречи с Маленковым 2 февраля, представляется совершенно неверным – 18 дней немыслимо долгий срок для подготовки нового письма (Маленков тщательно следил за быстротой и точностью исполнения *всех* сталинских поручений, и это была одна из главных его добродетелей, особо ценимая «хозяином»). Кроме того, получи 2 февраля задание переписать текст еврейского письма, Шепилов совершенно бы иначе (без откровенных угроз) говорил с Эренбургом 3 февраля.

Факт отправления Маленковым 2 февраля в архив прежних невыправленных машинописи и верстки этого письма связан, надо думать, не с каким-либо решением Сталина по первому варианту, в частности, с тем, что вождь его отверг, как считает Костырченко[85], а именно с промежуточностью, невыправленностью этих документов, и это было решение самого Маленкова: ненужные для дела бумаги, согласно правилам делопроизводства, отправлялись в архив.

Наиболее вероятно, что задание подготовить принципиально другой, существенно более мягкий, текст письма в «Правду» было дано Сталиным в одну из встреч с Маленковым 16 или 17 февраля. Важна именно эта почти двухнедельная пауза, этот сталинский тайм-аут, а уж сразу он засомневался в первом варианте письма или не сразу – исторически несущественно.

---

[84] Исторический архив. 1998. № 4.

[85] *Костырченко*. С. 681.

То, что Шепилов назвал «исправленным текстом проекта письма» на самом деле было *новым* текстом, принципиально отличающимся от первого варианта[86]. Самое главное отличие его в том, что о «врачах-убийцах» теперь упоминалось лишь в одном абзаце – двенадцатом от начала! И в существенно более сдержанном тоне – никакого призыва покарать убийц нет и в помине. Письмо фактически посвящено разоблачению империализма, сионизма и государства Израиль – врагов трудящихся-евреев всего мира, то есть оно целиком направлено только против *внешних* врагов. Что же касается внутрисоюзных дел, то письмо заканчивалось предложением издавать международную еврейскую газету, из которой бы граждане СССР и всего мира могли узнать, как хорошо живется советским евреям в Советской стране.

Заметим, что 23 февраля 1953 г. в «Правде» была напечатана большая статья Эренбурга «Решающие годы», содержащая критику правительств США и Англии – обычная риторика того времени (в ней, к слову сказать, не было ни одной ссылки на Сталина). Следующая заказная статья Эренбурга появилась в «Правде» уже 11 марта, и называлась она «Великий защитник мира» (статья кончалась словами «Народы выполнят завет Сталина, народы отстоят мир» – начиналась новая политическая эпоха).

А теперь посмотрим, как о событиях февраля 1953 г. повествует г. Костырченко.

---

[86] Недаром, когда журнал «Источник» в 1997 г. предпринял публикацию документов, связанную с событиями января-февраля 1953 г., и включил в нее письмо Эренбурга Сталину, а также проект письма в редакцию «Правды» – эта публикация воспринималась едва ли не как фальсификация (см., например: *Фрезинский Б.* Помутневший «Источник», или О чем евреи просили Сталина // Литературная газета. 1997. 26 июля). Второй вариант письма публикаторы выдали за первый. Топорную ошибку заметили многие: в письме Эренбурга Сталину от *3 февраля* говорилось о письме в редакцию «Правды», напечатанном в том же номере «Источника», и в нем упоминался взрыв в Тель-Авиве, совершенный *9 февраля*. При этом комментаторы сообщали, что «в деле имеются также гранки данного письма, текстуально несколько отличающиеся от машинописного варианта. На полях гранок сделаны редакционные правки, выполненные со ссылкой на мнение И.Г. Эренбурга». Но эта верстка содержала первый, принципиально иной вариант письма, который честный историк не мог спутать со вторым. Имел место откровенный обман читателей, несомненная фальсификация, – возникал вопрос, а чего, собственно, такой ужас объял евреев при чтении подобного письма в начале 1953 г.?

Его схема проста и факт эренбурговского письма Сталину фактически исключает: 29 января Михайлов и Шепилов представили Маленкову готовый текст еврейского письма в «Правду»; 2 февраля Сталин его отверг, и письмо отправили в архив; 20 февраля был подготовлен второй, мягкий вариант письма[87].

3 февраля в эту схему не вписывалось. Но вообще не сказать ни слова о письме Эренбурга Сталину было даже «историку-центристу» неприлично, и, упомянув, что Каганович не захотел, чтобы его имя члена Политбюро фигурировало в общем списке подписантов, автор «Тайной политики Сталина» далее пишет так: «Возникла и заминка с Эренбургом, который, прежде чем поставить свой автограф, решил заручиться благословением Сталина, направив ему записку, в которой как сторонник полной ассимиляции евреев намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Он также выступил против использования в письме определения "еврейский народ", которое, по его мнению, могло "ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет". Что ж, будучи искусным пропагандистом сталинской политики на Западе, Эренбург был очень ценен для режима и потому, особенно не тревожась за свою безопасность, мог позволить себе некоторые вольности, тем более, что в данном случае он вышел за рамки ортодоксального большевизма»[88].

Вот так!

Правда, каждому непредвзятому человеку понятно: чтобы подписать письмо в редакцию «Правды», благословения Сталина не требовалось. Более того, если, по Костырченко, Сталин уже 2 февраля отверг первый вариант письма и поручил писать другой (смягченный) текст, то спрашивается: зачем вообще Эренбург писал Сталину 3 февраля?

Видимо, этот вопрос приходил Костырченко в голову, но ответить на него он смог только в 2005 г., подготовляя сборник документов «Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953». Ответ оказался радикальным: дата письма Эренбурга Сталину была исправлена: вместо *3 февраля* Костырченко написал: *не позднее 29 января*. Но ведь письмо с датой 3 февраля уже было

[87] *Костырченко*. С. 681.
[88] *Костырченко*. С. 680–681.

напечатано в 1997 г. в журнале «Источник», поэтому «историку-центристу» пришлось сделать такое примечание: «В публикации данного письма в "Источнике" оно датировано 3 февраля 1953 г., что, по нашему мнению, необоснованно, т.к. Н.М. Михайлов (конечно, Н.А. Михайлов! – *Б.Ф.*)» и Д.Т. Шепилов уже 29 января направили Г.М. Маленкову отредактированный с учетом замечаний Эренбурга вариант "еврейского письма", в котором идет речь о данном обращении к Сталину». В этом месте сделана ссылка на записку Михайлова и Шепилова Маленкову от 29 января 1953 г.[89] И все!

Заметим, что слово «необоснованно» может применяться только в том случае, если бы публикаторы датировали письмо Эренбурга *сами*, то есть если бы Эренбург *не* поставил на письме даты. Надо думать все же, что Костырченко, не доверяя публикаторам «Источника», подлинника письма Эренбурга вождю сам не видел. Между тем на нем, как и на шести других напечатанных на машинке письмах Эренбурга Сталину (1934–1950 гг.) и на всей его деловой корреспонденции советской поры – даты неизменно ставились самим автором.

Вернемся к цитате из Костырченко. Утверждение об эренбурговской безопасности абсолютно нелепо. Да, Сталин считал, что Эренбург ему еще пригодится, но разве ему бы не пригодился, скажем, абсолютно преданный Михаил Кольцов? Надо, мягко говоря, не понимать ту эпоху, чтобы думать, будто кто-то из имевших дело со Сталиным мог чувствовать себя в безопасности – и члены Политбюро не были застрахованы, разве что крупные физики, работавшие над ядерным оружием, и то... Что же касается Эренбурга, то его судьба неоднократно висела на волоске – в 1938 г., когда у него во время процесса над другом его юности Н.И. Бухариным отобрали зарубежный паспорт[90]; в 1939 г., когда Сталин отдал прямое распоряжение о его аресте[91]; в начале 1945 г. (то есть в пору безусловно всемирной славы Эренбурга-публициста), когда Сталин обвинил Фадеева в том, что тот окружил себя шпионами, среди которых был назван Эренбург[92]; в 1949 г., когда в списке лиц, подлежащих аре-

---

[89] Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953 / Сост. Г.В.Костырченко. М., 2005. С. 478.

[90] Источник. 1997. № 2. С. 115–116.

[91] *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 404.

[92] Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 173.

сту, предоставленном Абакумовым, имя Эренбурга стояло одним из первых[93]; наконец, если бы за процессом «врачей-убийц» последовали процессы над деятелями культуры еврейского происхождения (чего нельзя было исключить, останься Сталин жив), то чаша эта не обошла бы Эренбурга; не говоря уже о том, из кого только не выбивали на Лубянке показания против Эренбурга – так, про запас…

Рассуждая о событиях января-февраля 1953 г., автор пишет о незаменимости Эренбурга для сталинского режима: «Незадолго до этого он немало потрудился, прикрывая от критики Запада шовинистическую политику Сталина: 27 января писатель во время вручения ему международной Сталинской премии за укрепление мира между народами заявил, явно пытаясь успокоить западное общественное мнение: "Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей Родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства, бесстрашный защитник мира"»[94]. В 1994 г. Костырченко чувствовал в этих словах и «риск» и «определенный подтекст»[95]. Теперь он не понимает, как и в случае 1948 г., что стрела этой полемической по отношению к тому, что звучало в тогдашней советской прессе, фразы обращена не за границу, а внутрь СССР. В самый разгар махровой антисемитской кампании, когда евреев огульно обвиняли в предательстве, на всю страну из Кремля прозвучал голос Ильи Эренбурга, отвергшего эти бредни. Известно, что перед церемонией в Кремле ответственный сотрудник ЦК КПСС В. Григорьян рекомендовал Эренбургу в его речи обязательно осудить арестованных врачей – о своей реакции на это Эренбург написал в мемуарах: «Я вышел из себя, сказал, что не просил премии, готов хоть сейчас от нее отказаться, но о врачах говорить не буду…»[96]. Приведя далее в мемуарах «Люди, годы, жизнь» слова из своей речи, которые как раз процитировал Костырченко, Эренбург продолжал: «Эти слова были продиктованы событиями, и я снова вернулся к тому, что меня мучило: "На этом торжестве в

[93] Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 788.
[94] *Костырченко*. С. 681.
[95] *Костырченко Г.* В плену красного фараона. С. 347.
[96] *Эренбург* (3, 276).

белом парадном зале Кремля я хочу вспомнить тех сторонников мира, которых преследуют, мучают, травят, я хочу сказать про ночь тюрем, про допросы, суды – про мужество многих и многих...” В Свердловском зале было тихо, очень тихо. Люба потом рассказала, что, когда я сказал о тюрьмах, сидевшие рядом с нею замерли. На следующее утро я увидел в газете мою речь выправленной – к словам о преследовании вставили “силы реакции”: боялись, что читатели могут правильно понять мои слова и отнести их к жертвам Берии»[97].

О последствиях для Эренбурга его письма Сталину Костырченко пишет так: «Сомнения писателя (заметьте: сомнения, раньше говорилось всего лишь о попытке заручиться благословением вождя. – *Б.Ф.*) дошли до всесильного адресата, который тем не менее не позволил ему уклониться от исполнения номенклатурного долга. Так под обращением наряду с прочими появился и автограф Эренбурга»[98].

Там, где мысль Костырченко сосредоточена не на писателе, его суждения менее предвзяты – например, уже после изложения всей канвы событий, говоря о Сталине и его решении отказаться от коллективного письма евреев, автор замечает: «Возможно, что до диктатора в конце концов дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга»[99] (заметьте: уже предостережения! – *Б.Ф.*) и приводит соответствующую цитату из обращения Ильи Григорьевича к Сталину. Там, где его мысль сосредоточена на Эренбурге, автор выискивает возможности выразиться о нем негативно. Но это уже из области психологии «творчества».

Отвергая все свидетельства, подтверждающие версию о задуманной Сталиным депортации еврейского населения СССР, Костырченко выступает с позиций предельно строгого юриста, бракующего сколько-нибудь спорные показания. Но там, где это ему нужно для подтверждения собственных схем, он пользуется любыми сомнительными источниками, как абсолютно достоверными. Так, используется самая недостовер-

---

[97] *Там же*; «Берия», конечно, эвфемизм – слово «Сталин» в этом контексте цензура бы зарубила.

[98] *Костырченко*. С. 681.

[99] *Там же*. С. 682.

ная работа А.Авторханова «Загадка смерти Сталина (Заговор Берии)». Со ссылкой на нее подается как достоверный факт слух из французской газеты, в свою очередь ссылавшейся якобы на Эренбурга. Прямые фальшивки такого рода время от времени появлялись на Западе. Здесь существенен даже не сам эпизод, а то, как он используется, чтобы в очередной раз напомнить: Эренбург – «агент Кремля» на Западе. Заметив, что «в 1956–57 годах наследники Сталина попытались задним числом приписать себе заслугу избавления страны, а может быть, и мира, от катастрофы, которой чревата была безумная авантюра с "делом врачей", предпринятая диктатором якобы при деятельном участии Берии и "пешек" вроде Рюмина», Костырченко сообщает: «Для обработки западного общественного мнения в таком духе был опять же использован Эренбург, который распространял в интеллектуальных кругах Франции версию о том, что 1 марта 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС ближайшие соратники Сталина, прежде всего Молотов и Каганович, решительно потребовали от него организации объективного расследования по "делу врачей" и отмены будто бы принятого им решения о депортации евреев, причем этот демарш так, мол, ошеломил диктатора, что с ним приключился удар, после которого он уже не оправился». Затем следует комментарий: «Ясно, что это намеренная дезинформация... Так порождались оказавшиеся потом столь живучими мифы и легенды вокруг "дела врачей"...»[100]. Один только вопрос – причем тут Эренбург?. Тем более, что подобную информацию французская печать публиковала еще в 1956 г. со ссылкой на Хрущева[101] (не зная, что русскому «историку-центристу» она понадобится только со ссылкой на Эренбурга).

Закончив знакомство с книгой «Тайная политика Сталина», я еще раз перечитал коротенькое предуведомление «От издательства»: «...издательство не считает нужным скрывать, что оно не согласно с отдельными оценками автора, в частности касающимися персональных характеристик ряда государ-

[100] *Костырченко*. С. 692–693.

[101] «Le Monde». 1956. 17 avril; на этот материал есть ссылка в известной автору (цитируется в его книге) монографии: *Joshua Rubenstein*. Tangled loyalties. The Life and Times of Ilya Ehrenburg. Basic Books. 1996.

ственных и общественных деятелей, представителей культуры». Осторожность солидного издательства можно понять. Куда менее осторожен автор, высокоторжественно формулирующий свое научное credo: «Политически неангажированное, независимое и объективное исследование, основанное на научно-критическом анализе исторических источников, плюс следование традициям классиков мировой и русской исторической науки, основу творчества которых составляли стремление к глубокому проникновению в суть событий и явлений прошлого, а также императив всестороннего осмысления и исчерпывающего объяснения сопряженных с ними причин и следствий»[102]
Voila!

[102] *Костырченко.* С. 21–22.

УРОКИ СТЕНДАЛЯ И СВЕТЛАНА СТАЛИНА

Оттаивание общества после длительной стужи (послесталинская, или хрущевская, оттепель) было трудным, но заметным. Видно это даже по тому, как росла почта Ильи Эренбурга (с легкой руки которого слово «оттепель» стало именем эпохи) и как менялись сами письма к писателю.

Среди корреспондентов Эренбурга не сразу, но появлялись реабилитированные – те, кто уцелел в тюрьмах и ссылках, и те, кто жил, укрываясь от больших дорог: вдовы Мандельштама и Маркиша, сестра и дочь Цветаевой, литераторы Юрий Домбровский, Варлам Шаламов, Александр Гладков, Евгения Гинзбург, Борис Чичибабин, литературовед Ю.Г. Оксман, журналист Е.А. Гнедин, дипломат И.М. Майский, вдова Н.И. Бухарина. Более интенсивной стала и переписка с иностранцами.

Процесс оттепели оказался неровным, со сбоями и заморозками. Весной 1956 г. прошел XX съезд, разоблачивший некоторые преступления Сталина, но осенью подавили венгерское восстание, которое перепугало Кремль, и это вызвало угрозу срыва десталинизации в СССР. Не приняв венгерского восстания (в нем проявились слишком неоднородные силы, включая откровенно антисемитскую составляющую), Эренбург опасался, что изоляция СССР после взятия Будапешта советскими войсками сорвет оттепель. Он все делал, чтобы многообразные и еще не крепкие связи с Европой не прервались, в том числе из-за радикальности левых на Западе. Об этом – его переписка с писателями К. Руа, Р. Вайяном, Веркором, д'Астье и др. Клод Руа писал Эренбургу в декабре 1956 г.:

> Ласточка не делает весны, но две ласточки, это, может быть, уже что-то. Я желаю, чтобы появление в Москве Ива <Монтана> и Симоны<Синьоре>, которые вручат Вам это письмо, означало бы начало весны... А в данный момент мы – в самой тьме зимней ночи. Все эти ужасные недели мы не переставали думать о Вас. Мы знали, что все удары, которые обрушились на нас при чтении новостей, были для Вас не менее болезненными, чем для нас[1].

Теперь принято (это едва ли не правило) судить о наших писателях эпохи оттепели вне исторических возможностей времени, обвиняя их в чрезмерной осторожности, непоследовательности, компромиссах и прочих грехах. Высказывания такого рода начали звучать еще при жизни Ильи Григорьевича Эренбурга. Напомню, что в самый разгар нападок на мемуары «Люди, годы, жизнь» весной 1963 г. Н.Я. Мандельштам, чей политический радикализм не нуждается в особых доказательствах, писала Эренбургу:

> Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течение светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное. Теперь, после последних событий, видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают *все*. И я рада сказать тебе это и пожать тебе руку[2].

В том, что это понимают все, Н. Мандельштам, понятно, ошибалась – достаточно обратиться хотя бы к относящимся как раз к тому времени воспоминаниям А. Солженицына, который высказывается о работе Эренбурга эпохи оттепели с высокомерием, позволяя компромиссы и молчание только себе. Единствен-

---

[1] Почта Ильи Эренбурга. С. 336.
[2] *Там же.* С. 530.

ным достойным ответом на это является обращение к документам и фактам.

После выхода повести «Оттепель» отношение к Илье Эренбургу в кабинетах на Старой площади стало откровенно настороженным. Разумеется, сохранялась определенная дифференциация подходов: в секретариате ЦК учитывали пользу контактов «выдающегося борца за мир, против войны и фашизма» с левой интеллигенцией Запада, в отделах и секторах к человеческой неприязни добавлялась деловая – выступления Эренбурга, вызывавшие общественный резонанс, усложняли управление идеологическим кораблем и без того в нелегких для этого условиях оттепели. Компромат на Эренбурга стекался на Старую площадь как от внутренних – официальных и неофициальных – осведомителей, так и из оперативных донесений советских посольств. Официальный статус «борца за мир» позволял Эренбургу регулярно выезжать за границу (рядовые граждане такой возможности не имели) и выступать там на различных встречах и заседаниях. Эти выступления тщательно отслеживались и анализировались в посольствах и при каждом удобном случае оформлялись в виде соответствующей секретной бумаги, имевшей силу инструкции для Союза писателей, редакций и издательств. Теперь можно считать документально установленным, что антиэренбурговская кампания советской печати в 1956–1964 гг. была инспирирована не только просталинскими силами аппарата Союза писателей, но прежде всего – аппаратом ЦК КПСС.

4 января 1956 г. заведующим отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарповым была составлена и четырьмя секретарями ЦК во главе с М.А. Сусловым завизирована «Записка отдела культуры ЦК КПСС с согласием секретарей ЦК КПСС о несовместимости взглядов И.Г. Эренбурга с идеологией и политикой КПСС в области литературы и искусства». В ней, в частности, говорилось:

> «Как следует из поступившей в ЦК КПСС записки советского посольства в Будапеште, Эренбург допустил высказывания, которые были использованы для оправдания своих позиций сторонниками правого антипартийного уклона в венгерской литературе <...>. Можно в связи с этим напомнить

ряд других подобного же характера выступлений и высказываний Эренбурга перед зарубежными писателями и деятелями искусства <...> В мае 1954 г. И.Эренбург выступал по вопросам литературы в Национальном комитете писателей Франции в Париже. Там он так же утрированно характеризовал советские романы на производственную тему, в Будапеште Эренбург повторил и еще более заострил свои суждения), нигилистически отозвался о советской критике и литературе, не указал никаких ее положительных и поучительных сторон. В октябре 1955 г. Эренбург встретился в Москве с мексиканским прогрессивным художником Д.А. Сикейросом. Как заявил затем Сикейрос в своем докладе в Московском Союзе художников, Эренбург сказал, что он и некоторые его друзья испытывают усталость от пропагандистского искусства. Эренбург не скрывает свою приверженность к современному буржуазному декадентскому и формалистиче-скому искусству. Будучи членом редколлегии журнала «Иностранная литература», в начале 1955 г. Эренбург старался навязать редколлегии журнала свои взгляды и добиться соответственного заполнения страниц журнала. На заседаниях редколлегии Эренбург выражал безграничные восторги по поводу натуралистической и бескрылой повести Хемингуэя «Старик и море». Как настоящих писателей Эренбург рекомендовал Фолкнера, творчество которого крайне формалистично и мрачно, Мориака, реакционного католического писателя Франции. О многих произведениях прогрессивной литературы и широко известных у нас передовых писателях говорил скептически и пренебрежительно <...>. В знак несогласия с линией журнала, не соответствующей его намерениям, Эренбург вышел из состава редколлегии. Свои выводы Эренбург высказывает в прямой или завуалированной форме в различных выступлениях за границей и при встречах с зарубежными деятелями искусства. Причем его личные суждения воспринимаются как мнение дове-

> ренного представителя советской литературы, Союза советских писателей. Тем самым подобные выступления способны наносить ущерб влиянию советской литературы и искусства за рубежом. Полагали бы целесообразным пригласить т. Эренбурга в ЦК КПСС и обратить его внимание на непозволительность высказывания им в беседах с зарубежными деятелями литературы и искусства выводов, несовместимых с нашей идеологией и политикой партии в области литературы и искусства[3].

На этом документе имеется резолюция Д. Шепилова:

> Согласиться. Предлагаю беседу поручить провести Поликарпову и Рюрикову.
>
> *Д. Шепилов.* 23.01.1956[4].

Однако вскоре грянул XX съезд КПСС, ход которого для аппаратчиков ЦК оказался непредсказуемым, и им стало не до Эренбурга. Только к началу осени, когда просталинские легионы, собравшись с силами, переломили ситуацию, январское указание по части Эренбурга было исполнено. 4 сентября Д. Поликарпов записал:

> В соответствии с поручением секретарей ЦК КПСС с тов. Эренбургом проведена беседа по вопросам, поставленным в данной записке[5].

О результатах этой беседы проще всего судить по эренбурговской эссеистике 1956–1958 гг., – недаром просталинские силы ее встречали в штыки массированным, хорошо срежиссированным контрнаступлением на страницах газет и журналов. «Критики “согласовывали” свои оценки с тем или иным товарищем, но согласовывать со временем ни своей хулы, ни своих острот они не могли, – вспоминал Эренбург в книге “Люди, годы, жизнь” и продолжал: – Для меня те годы были хорошим испытанием, я

[3] Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М., 2001. С. 466–468.

[4] *Там же.* С. 468.

[5] *Там же.*

Заказ № 2076

понял: можно писать и нужно писать»[6]. Эссеистика Эренбурга 1956–1958 гг. была не только просветительством и попыткой вернуть читателю украденное у него в сталинские годы, она была осознанной борьбой за очищение литературы и искусства от мертвящего наследия сталинщины. 23 марта 1957 г. Эренбург писал в Ленинград своему старому другу поэтессе Елизавете Полонской:

> Я борюсь, как могу, но трудно. На меня взъелись за статью о Цветаевой, за статью в «ЛГ», которую Кочетов напечатал с глубоким отвращением, объявив своим сотрудникам, что она, как поганая мазь, «только для наружного употребления». Я долго сидел над двумя статьями. Сначала написал о французских импрессионистах, а вчера кончил статью о Стендале. Это, разумеется, не история, а все та же борьба[7].

«Уроки Стендаля» были написаны для вдумчивого читателя, которому было о чем задуматься и что вспомнить, читая в статье: «...дело не в личности тирана, а в сущности тирании. Тиран может умным или глупым, добрым или злым – все равно он всесилен и бессилен, его пугают заговорами, ему льстят, его обманывают; полнятся тюрьмы, шепчутся малодушные лицемеры и твердеет молчание, от которого готово остановиться сердце»[8]. Мысль эренбурговской статьи вела читателя к раздумьям о современности, о том, *что* должна вернуть себе русская литература: «Искажение души насилием, лицемерием, подачками и угрозами было большой, может быть основной

[6] *Эренбург* (3, 385).

[7] *Эренбург И.* На цоколе историй. В этом письме упоминаются статьи Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой» (Литературная Москва. Сб. 2. М., 1956), написанная в качестве предисловия к первому посмертному сборнику Цветаевой в СССР, подготовленному к печати и запрещенному цензурой; «Необходимое объяснение» (Литературная газета. 1957. 9 и 12 февр.)»; «Импрессионисты», написанная для третьего сборника «Литературная Москва», запрещенного цензурой, и впервые напечатанная в книге Эренбурга «Французские тетради» (М., 1958).

[8] *Эренбург И.* Уроки Стендаля // Иностранная литература. 1957. № 6. С. 205. Цитаты, следующие за этой, – см. с. 204, 208, 202, 201, 204, 211, 212. Статья вошла в книгу Эренбурга «Французские тетради» (два издания: 1958, 1959), которая включалась в собрания сочинений Эренбурга в 9 т. и в 8 т.

темой романов Стендаля. Он не пытался скрыть свои политические симпатии; роль беспристрастного арбитра его не соблазняла. Удача его романов показывает, что тенденциозность не может повредить произведению искусства, если она рождена подлинной страстью и сочетается с внутренней свободой художника». Иногда Эренбург открыто переходил к современности: «Если это – критический реализм, – пишет он о Стендале, – то я до конца моей жизни буду ломать себе голову, что же его отличает от художественных методов того революционного и гуманного реализма, к которому стремятся теперь передовые писатели мира?» (не говоря уже о реплике, вызвавшей ярость литаппаратчиков: «Живи он сейчас у нас, его, наверно, долго не принимали бы в Союз писателей...».)

«Уроки Стендаля» – не научное исследование, и Эренбурга легче всего обвинить в субъективности; он пишет о том, что ему близко и дорого в Стендале (« Он не хотел смотреть человеческую комедию из ложи бельэтажа, он сам ее играл»; «Бейль жил не для литературы, но его жизнь позволила ему стать большим писателем»; «Политика была для Стендаля одной из человеческих страстей, большой, но не всепоглощающей»; «Стендаль любил свою родину, но он не выносил ни лживых похвал, ни лжепатриотической шумихи...»). Вместе с тем на примере Стендаля Эренбург говорит о проблемах, остроту которых история оставляет неизменно актуальной: «Спор о космополитизме Стендаля – это давний спор о подлинном характере любви к родине: связана ли такая любовь с пренебрежением к другим народам, с восхвалением пороков и недостатков соотечественников, с анафемами и здравицами», или: «Он говорил, что все человеческие несчастья происходили от лжи, работа писателя была для него служением правде. Он хотел примирить справедливость с той свободой, которая ему представлялась неотделимой от человеческого счастья... Он писал: "Нужно научиться не льстить никому, даже народу"». Прочитывается в «Уроках Стендаля и несомненный спор с Фадеевым, который настойчиво подчеркивал героическое начало в героях Стендаля[9].

«Уроки Стендаля» были закончены 22 марта 1957 г., а 24 марта в составе шестого номера «Иностранной литературы» сданы в

[9] Заметки А. Фадеева «О Стендале», опубликованы в его посмертной книге «За тридцать лет» (М., 1957); Эренбург ссылался на них в своей статье.

набор. 13 мая, только что вернувшись из Японии, Эренбург был приглашен на совещание писателей в ЦК КПСС, на котором присутствовал Н.С. Хрущев[10]. Д.Т. Шепилов, тогда уже не главный редактор «Правды», а кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК и министр иностранных дел, вел это совещание и предложил Эренбургу выступить. Эренбург согласился; не очень точно зная ситуацию, он говорил дипломатично, но обвинения в ревизионизме (самые опасные после венгерских событий) отверг решительно. («В заключение мне хочется сказать, что я не понимаю и не понял разговоров о ревизионизме...У нас слишком много врагов на стороне, чтобы мы устраивали какую-то тихую "резню" внутри нашего Союза писателей»[11]). Однако Хрущев поддержал на этом совещании не либералов, а (по его терминологии) «автоматчиков» Грибачева и Кочетова.

Такой поворот событий, естественно, сказался и на Эренбурге – 2 августа на Старой площади была сочинена «Записка отдела культуры ЦК КПСС об ошибках в статье И.Г. Эренбурга "Уроки Стендаля"»[12], содержащая массу цитат из «Уроков Стендаля» и из статьи Эренбурга «14 июля», напечатанной в журнале «Новое время». Вывод был таким:

> Отдел культуры ЦК КПСС считает, что подобные выступления в печати наносят идеологический вред. Следовало бы указать главному редактору журнала «Иностранная литература» т. Чаковскому и главному редактору журнала «Новое время» т. Леонтьеву на ошибочность опубликованных ими в таком виде статей И.Эренбурга и необходимость более требовательного подхода к публикуемым материалам. Было бы целесообразным рекомендовать редакции «Литературной газеты» выступить с критикой неправильных утверждений И. Эренбурга.

[10] На этом совещании массированно громили опубликованные в 1956 г. в «Новом мире» и «Литературной Москве» произведения Дудинцева, Яшина, Гранина, Алигер, Каверина, Эренбурга и др., сопоставляя их с публикациями венгерских, польских и югославских «ревизионистов».

[11] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 33. Л. 93.

[12] Аппарат ЦК КПСС и культура. С. 692–694. Документ завизирован секретарем ЦК КПСС П.Н. Поспеловым.

На «Записке» есть помета чиновника, что помощнику Поспелова об этом напоминали 10, 17 и 23 августа. Но 22 августа «Литературная газета» уже исполнила указание ЦК КПСС, опубликовав статью молодого питерского литературоведа Н.А. Таманцева «В чем же все-таки "уроки Стендаля"?», в которой академическая критика Эренбурга строилась на трех китах: 1) Эренбург пишет о Стендале вне контекста истории французской литературы XIX века, 2) Эренбург игнорирует продиктованность книг Стендаля правильным пониманием его гражданского долга, 3) Эренбург игнорирует достижения советского стендалеведения. Соображениями такого рода Таманцев убеждал читателей в том, что Эренбург преуменьшил значение и роль Стендаля во французской и мировой литературе[13].

Уже на следующий день, 23 августа парижская газета «Франс суар», у которой с Эренбургом были свои счеты, поместила изложение статьи Таманцева под заголовком «Он не принимает Стендаля всерьез» (имелся в виду, конечно, Эренбург). Именно эта публикация вынудила Луи Арагона выступить в защиту Эренбурга, и он сделал это с характерным для него блеском и темпераментом. В статье «Стендаль в СССР и живое зеркало» Арагон писал:

> Таманцев нагромоздил необоснованные обвинения против манеры Эренбурга трактовать не "историко-литературный материал", а великих французских писателей XIX века. Да будет нам здесь, в Париже, разрешено быть менее чувствительными к этому вопросу, чем Таманцеву... Таманцев упрекает Эренбурга главным образом в проявлении интереса к тому, что, не будучи *всем* Стендалем, является как раз для него характерным. И если я совсем не знаю, был ли бы в наши дни живой и пишущий в СССР Стендаль членом Союза советских писателей, то я зато хорошо знаю, что даже будучи членом этого союза, он бы за каждое напи-

[13] Этот опус, кажется, единственный след – и то благодаря пылкому отклику Луи Арагона, – который оставил Таманцев в литературе; спустя четыре года он покончил с собой.

> санное им слово подвергался проработке со стороны всех Таманцевых.

Арагон ясно понял, что статья Таманцева – лишь звено новой идеологической кампании, и сказал об этом без обиняков: «Обвинение против Эренбурга выходит далеко за пределы статьи о Стендале... Сомнению подвергается весь Эренбург, его предыдущие статьи, само его творчество[14].

Номер «Летр франсез» со статьей Арагона еще не поступил в Москву, а редактор «Иностранной литературы» А.Чаковский уже доносил в ЦК КПСС в письме под грифом «Совершенно секретно»:

> Сообщаю, что по имеющимся сведениям, в журнале «Леттр франсез» (еще не полученном в нашей редакции) напечатана резкая статья Л. Арагона, полемизирующая с выступлением «Литературной газеты» по поводу статьи И. Эренбурга о Стендале[15].

Кампанию против «Уроков Стендаля» решили продолжить. К ней подключились испытанные «бойцы литературного участка идеологического фронта» Е. Книпович и Я. Эльсберг. В статье Книпович «Еще раз об уроках Стендаля»[16] Эренбургу предъявлялись политические обвинения; его допрашивали, «почему же именно сейчас, когда идет жестокий спор о методе социалистического реализма, он вдруг оказался столь "застенчивым в бою", что даже имени социалистического реализма произнести не хочет?», ему советовали высказаться «прямо без игры в слова». Статья «Уроки Стендаля» рассматривалась

---

[14] «Les letters françaises». 19–25 IX 1957. См. также: *Яхонтова М.А.* Художественный опыт Стендаля в оценке Арагона // Генезис социалистического реализма в литературах стран Запада. М., 1965.

[15] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 35. Л. 114. Отметим, что А. Чаковскиий, получивший 2 августа втык от ЦК КПСС за нетребовательное отношение к публикации материалов в «Иностранной литературе», а 17 августа подписавший в печать восьмой номер журнала с «Японскими заметками» Эренбурга, не был заинтересован в раздувании скандала вокруг «Уроков Стендаля», – он лишь демонстрировал свою лояльность. Но представленные в журнал в конце сентября 1957 г. заметки Эренбурга «Размышления в Греции» печатать, понятно, отказался (см.: Почта Ильи Эренбурга. С. 357–359).

[16] Знамя. 1957. № 10.

Книпович как попытка использовать фигуру Стендаля для того, чтобы «высказать некоторые мысли о "назначении поэта", о художнике и современности. Мысли не очень новые и очень неверные». 14 ноября 1957 г. «Литературная газета» напечатала под заголовком «Точки над "и"» подробное изложение статьи Е. Книпович; заметка была подписана «Литератор», – указание ЦК КПСС о «критике неправильных утверждений И. Эренбурга» было, таким образом, исполнено, и записка отдела культуры с соответствующей пометкой сдана в архив.

Советская пресса, жестоко управляемая ЦК КПСС, высказывалась об эссеистике Эренбурга 1956–1958 гг. (а эта работа писателя была своего рода репетицией будущих мемуаров «Люди, годы, жизнь») только отрицательно. В отличие от нее читательская почта Эренбурга приносила ему вполне плюралистические отклики тех, для кого он работал (разве что резко враждебные суждения направлялись не автору, а непосредственно в редакции или компетентным органам). Читательские письма, как бы наивным это ни показалось, служили Эренбургу поддержкой. Ежедневная почта писателя – деловая и читательская – была огромной; Эренбург прочитывал все письма, делал на них краткие пометки, и секретарь печатала ответ, который прочитывался, правился и подписывался писателем. Благодаря этому в архиве Эренбурга сохранились копии его ответов послевоенным корреспондентам. И только в редких случаях Эренбург отвечал на письма сам и никаких копий, понятно, не оставлял.

Письмо Светланы Сталиной (безотносительно к обстоятельствам личной судьбы его автора) – свидетельство тех перемен, что вызревали в советском обществе в годы оттепели, свидетельство того самого смягчения нравов, о котором писала Эренбургу Н.Я. Мандельштам и для которого тогда уже совсем не молодой писатель находил силы работать.

Москва, 7.VIII 1957

Дорогой и уважаемый Илья Григорьевич!

Когда я прочитала Вашу статью о Стендале в «Иностранной литературе», моей первой мыслью было писать к Вам. Не знаю, о чем именно – о

себе, о книгах, об искусстве вообще, о нашей молодежи, о «Красном и черном», о любви, о людях, которых я знаю, – словом, мне захотелось непременно с Вами говорить. Два дня я ходила с этой неотвязной мыслью – и вот, в результате Вы должны будете прочитать еще одно несуразное письмо из числа тех сотен, которые Вы получаете. Но я знаю, что Ваша профессия – «наблюдать человеческие сердца» и поэтому может быть Вам будет любопытно, что думает о жизни молодой советский литературовед, женщина, и притом человек не совсем обыкновенной судьбы.

Вот, профессия моя – литературоведение. Я, конечно, плохой литературовед; у меня нет статей, монографий. Но я очень люблю литературу, с детства; процесс оформления чувства и мысли в слова всегда представлялся мне чудом, а Жан Кристоф и Аннет Ривьер[17] – мои друзья, без которых я скучаю, когда их долго нет. Мои друзья со школьной скамьи, мои однокурсники по университету, мои сегодняшние товарищи по работе (я работаю в Институте Мировой Литературы им. Горького) – все мы любим литературу со всей страстью сердца. Но вот беда: у каждого из нас, да и у других наших коллег, есть десятки интересных мыслей об искусстве, но мы никогда *их* не произносим вслух в те моменты, когда нам представляется трибуна научной конференции и страницы журнала. Там мы пережевываем жвачку известных всем высушенных догм. И это не от нашего лицемерия, это какая-то болезнь века, в этой двойственности даже никто не видит порока, это стало единственной формой мышления интеллигенции (я говорю о своей среде, которую знаю).

В 1954 г. я защитила диссертацию на тему «Развитие передовых традиций русского реализма в

[17] Жан Кристоф – герой одноименного многотомного романа Ромена Роллана; Аннет Ривьер – героиня романа Р.Роллана «Очарованная душа» (1922–1933).

советском романе». Когда я сейчас ее перечитываю – мне смешно, но процесс работы, пристальный анализ были для меня колоссальной школой, вернее, первыми ее ступенями, потому что диссертация была окончена, а думать над этой самой темой я продолжаю все время. И вот что мне страшно, вот что со мной произошло. Что такое реализм, реалистическая литература, ее методы, принципы, традиции, что такое наш сегодняшний реализм – всему этому меня учили в школе (я окончила десятилетку в 1943 г.), учили в Университете, и в аспирантуре по всем известным традиционным нашим сводам и канонам. Не скажу, что они казались мне несправедливыми; нет. Но они были узки, они были испорчены и обескровлены дешевой популяризацией, и, наконец, они были совершенно оторваны от развития современного искусства и литературы, от века, от чувств эпохи, от современного человека. Я была обыкновенной советской студенткой, такой, как и мои сверстницы, и мне – всем нам – для полного выражения наших чувств были совершенно необходимы и Маяковский, и Пушкин, и Пастернак, и Ахматова, и Р. Тагор, которым мы увлекались на первом курсе; мы бегали на концерты в Консерваторию и на вечера испанского певца Фернандо Кардона, ходили в Третьяковку и читали стихи Сельвинского, нам очень нравились стихи Симонова, но мы читали по ночам с карандашом в руках и «Войну и мир». Моим любимым из чеховских рассказов был и всегда будет «Архиерей», может быть самый трагический из всего, что он написал; с юности я люблю точность слов у Ахматовой («настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха…»[18] – как можно сказать точнее?!), я рыдала над «Молодой Гвардией» Фадеева, я готова снова перечитывать «Сердце друга» моего самого любимого советского писателя Казакевича – и я никогда, держа в руках хорошую книгу, не нахо-

[18] Две первые строки стихотворения Анны Ахматовой без названия (1913).

дила, не чувствовала разницы «реализмов», той самой разницы, о которой мне пришлось писать целую диссертацию в 300 страниц. Диссертация ведь пишется по известным научным формам. Когда я выбрала эту тему, мне объяснили: «А, это у вас проблема традиций и новаторства, очень, очень интересно. Раскройте традиции, раскройте новаторский характер советской литературы, установите преемственность и т.д.». Так я села за работу. А когда окончила ее – мне было ясно, что я не нахожу этого всего в литературе, что для меня есть реализм, есть искусство большое и настоящее и что я никак не могу «сделать выводы», которые мне подсказывает мой научный руководитель. Так мою работу и охарактеризовали: «Интересный художественный анализ, много тонких наблюдений, но выводы недостаточно точны». А умный и тонкий человек Г.А. Недошивин, которому я дала прочитать работу перед защитой, чуть не плача заявив ему, что уже сама в ней ничего не понимаю, сказал: «Вы как-то теряетесь пред самым существом Вашей проблемы – в чем же сущность новаторского характера социалистического реализма в самом процессе типизации?». Да, я терялась, ибо я никак не могла эту сущность найти, исписав 300 страниц... Но назавтра была защита, пришло много народу и все было прекрасно. Все недостающие слова были хором произнесены, и все стало на свои места. Я стала кандидатом филологических наук и обрела право учить молодежь. – Чему? Я не берусь сказать это и сегодня. Учить догмам я не стану.

Ваша статья о Стендале привлекательна для меня больше всего позицией: искусство, литература, слово о человеке, о его жизни в обществе вечны тогда, когда они шире и глубже тенденции дня. Любовь, честолюбие, революцию, страсти и чувства эпохи можно охватить только с каких-то очень широких и общегуманистических и общедемократических позиций; тогда Жюльен Со-

рель[19] и Анна Каренина становятся вечными характерами. Этой широты мышления и видения нет ни в нашем искусстве, ни в литературе, ни в литературоведении, потому что в этом видят не достоинство, а порок. Молодой талантливый литературовед А.Д. Синявский написал небольшую монографию о Пастернаке для 3-х томной истории Советской литературы, готовящейся в нашем институте[20]. Эта великолепная работа написана именно с таких широких позиций гуманистического и жизнеутверждающего слова, как только и можно писать о Пастернаке. Ее очень хвалили, но, увы, в 3-х томник она очевидно не войдет, потому что работа отходит от прямых норм и форм узкой классификации, в которые никак не втиснешь Пастернака. И вот таким образом из Истории советской литературы этот поэт – крупнейший художник – «выпадает», ибо с этих узких позиций поставить его рядом с Горьким никак нельзя. А с точки зрения большого настоящего искусства, служащего народу, человечеству, прогрессу – это можно и должно, и необходимо было сделать! И с точки зрения большого, передового гуманного искусства прекрасно стали бы рядом и Горький, и Маяковский, и Пастернак, и Ахматова, и Фадеев, и Казакевич, потому что они все-все – нужны советскому человеку в разные моменты его жизни, для выражения различных состояний его сложной духовной жизни. Я не ломлюсь в открытую дверь, нет, я, к сожалению, декларирую все это перед глухой стеной.

Вот «Красное и черное», вот юный Жюльен Сорель, пылкий, искренний, в чем-то добрейший, в чем-то хитрейший молодой человек. Он – дитя революции, революция сделала его судьбу сюжетом для Истории. Разве этот молодой человек незнаком нам сегодня? Разве у нас честолюбие пе-

[19] Жюльен Сорель – главный герой романа Стендаля «Красное и черное».

[20] Издание «Истории русской советской литературы» в 3 томах, завершенное в 1961 г., вышло вообще без статьи о Б.Л. Пастернаке.

рестало быть двигателем душ? И разве колесо Истории не раздавило сотни таких горячих голов, выбитых из захолустной жизни и устремившихся по незнакомым орбитам куда-то вдаль и ввысь? А сколько трагических любовных историй разыгрывается в нашей жизни, в каждой из которых запечатлевается история нашего общества!

Когда мне было 17 лет и я училась в 10-м классе школы, я познакомилась с А.Я. Каплером и мы полюбили друг друга. Это был очень короткий роман, напугавший и возмутивший всех ханжей, это были чистейшие и прекраснейшие чувства тепла, уважения, привязанности, нежности друг к другу двух людей, разделенных возрастом, воспитанием, условиями жизни, всеми тысячами условностей пошлой традиционной жизни. Каплер поплатился за это десятью годами ссылки и лагерей, я – разочарованием в правоте и мудрости одного близкого мне человека[21], разочарованием во многом, что связано было для меня, до того, с абсолютностью его имени. Но прошло 12 лет, и вот встретившись, мы посмотрели в глаза друг другу, и оказалось, что не забыто ни одно слово, сказанное друг другу тогда, что мы можем разговаривать, продолжая фразу, начатую 12 лет назад, понимая друг друга так же легко и свободно, как это было тогда. Чудо осталось живо и не исчезло до сегодняшнего дня, хотя новые условности и новые барьеры снова нас разделили и, должно быть, навсегда.

У меня была нянька, старуха, прожившая в нашем трудном доме 30 лет. Деревенской девчонкой 13 лет ее взяли работать в дом к помещику, потом перевезли в Петербург. Она была хорошенькой и очень смышленой девчонкой, все умела, любила читать книжки и работала в богатых, образованных и либеральных домах то экономкой, то поварихой, то нянькой. Довольно долго жила она в семье Н.Н. Евреинова, видела Лансере, Трубец-

[21] Имеется в виду И.В. Сталин.

ких, как-то я показывала ей репродукции портретов Серова, она увидела «портрет фон Дервиз с ребенком» и сказала: «А, фон Дервиз, я помню ее, она бывала у моей буржуйки» (так она называла своих бывших хозяек). Вот эта Александра Андреевна, прекрасно знавшая русскую литературу оттого, что была любознательна, умевшая великолепно рассказывать русские сказки, попала в 1926 году в наш дом. За ней бегали толпами дети, жившие тогда в многолюдном Кремле, и, открыв рот, слушали ее прибаутки и песенки. Когда к нам в дом приехал как-то Горький, она смотрела на него в щелку двери; ее вытащили за руку в переднюю и представили писателю, который спросил, что же она читала из его книг. Она назвала ему: «Мать», «Детство», «В людях», а особенно ей понравился рассказ «Рождение человека». Горький был очень доволен. У нее был муж, фельдшер, бросивший ее с двумя сыновьями во время мировой войны. Один сын умер, другого она вырастила сама, он сейчас преподаватель Тимирязевской академии, работает над докторской диссертацией. Мальчишкой она привезла его в Москву из деревни и спросила у моего отца, куда его определить. Это были первые годы коллективизации, и естественно ей сказали, что «нам сейчас нужны люди в сельском хозяйстве». Так она определила судьбу своего сына. В 1955 году мы справляли ее 70-летний юбилей, и удивительно, сколько добрых слов было сказано ей, делавшей людям только добро всю жизнь. Для меня она была в течение всей моей жизни оплотом спокойствия, трудолюбия, тепла, какого-то эпического спокойствия, каратаевской «круглости» и неиссякаемого оптимизма. Она была толстуха, обожала вкусно готовить и кушать, болела грудной жабой и с ней делались припадки оттого, что она лазила с детьми под стол на четвереньках или кидалась ловить бабочек. А последний приступ случился с ней оттого, что она со всех ног побежала к телевизору посмотреть на приезд в Моск-

ву У Ну[22], и, споткнувшись, упала. Мы похоронили ее на Новодевичьем рядом с могилой нашей матери[23].

Вот два сюжета из нашей современной жизни, как видите. Два романа можно написать, если вспомнить всех окружающих людей, которых я знаю, если взять детали душевной жизни, если вспомнить, на фоне какой бурной и изменчивой истории развивались эти сюжеты – один любовный, другой просто история жизни одной женщины. Какие это великолепные могли бы быть «Картины общественной жизни», сколько поэзии в такой истории любви, сколько исторической закономерности в судьбе моей няньки! Должно быть, это был бы чистейший реализм. Но почему способы «его типизации» должны были бы быть «новаторскими» по сравнению, скажем, со «способами» Льва Толстого – я не понимаю, хотя за то, что должна понимать, обязана понимать, мне платят ежемесячно 1800 рублей в моем институте!

Вот о чем можно написать автору статьи о Стендале, вот что такое «Красное и черное», вот почему искусство – настоящее искусство, как его не называй, – объединяет очень многих людей, и даже, в какой-то степени, нас с Вами, дорогой Илья Григорьевич.

Я написала Вам все это, просто потому, что не могла не написать. Извините меня, если это неинтересно. Я не надеюсь получить от Вас ответ, потому что я ведь Вас ни о чем не спрашиваю. Вы мне уже на все ответили в своей прекрасной статье. Я очень признательна Вам за Вашу страстную любовь к искусству и за то, что Вы, один из немногих, умеете находить слова правды, произнося эти слова вслух, и не прибегая к той двуличности, которая для нас всех – современных советских обывателей-интеллигентов – стала второй натурой. Я думаю, что Ваша

[22] Премьер-министр Бирмы с 1948 по 1962 г.

[23] Надежда Сергеевна Аллилуева – жена Сталина.

статья «Уроки Стендаля» вернется к Вам не одним десятком благодарных писем.

Примите мои самые сердечные и искренние чувства.

Ваша *Светлана Сталина*[24].

На письме Светланы Сталиной есть помета секретаря Эренбурга Н.И. Столяровой: «И.Г. ответил сам, август 1957 г.», но мы этим ответом не располагаем. Известно только, что письмо дочери Сталина его взволновало. А.Я. Савич вспоминала, что в один из наездов Савичей к Эренбургам в подмосковный Новый Иерусалим летом 1957 г.: «...мы сидели на террасе дачи, когда И.Г. показал нам это письмо. Видно было, что оно его тронуло, он давал его читать; помню, как он показывал его Пабло Неруде...»[25].

Тут было от чего взволноваться: взгляды, изложенные в письме, оказались несомненно ему близкими. И то обстоятельство, что именно его статья о Стендале, в которую он сам вложил многое из своих сокровенных дум, именно она расположила образованного и думающего автора письма к такой откровенности, можно даже сказать – исповедальности, это не могло не тронуть глубоко писателя. Ну а то, что автором письма была дочь Сталина (человека, от которого сама жизнь Эренбурга всецело зависела около двух десятилетий, которого он должен был смертельно бояться, а присутствие которого – постоянно учитывать во всех своих телодвижениях), – в этом было нечто невообразимое, какой-то поразительный и значимый итог очень долгого, изнурительного для Эренбурга, поединка с вождем...

[24] Впервые: Вопросы литературы. 1995. № 5. С. 293–304 / Публ., вступит. статья и коммент. Б.Я. Фрезинского. Подлинник – собрание автора книги.

[25] *Савич А.Я.* Минувшее проходит предо мною (рукопись воспоминаний, запись Б.Я. Фрезинского).

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Заказ № 2076

Заказ № 2076

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙЙ

АПРФ – Архив Президента Российской Федерации.

БДТ – Большой драматический театр в Петрограде.

ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

ВССП – Всероссийский союз советских писателей.

ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет.

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГБ – Государственная безопасность.

ГИЗ – Государственное издательство.

ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы.

ГК – Городской комитет.

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (создано в 1922 г. при реорганизации ВЧК).

ЕАК – Еврейский антифашистский комитет.

ИГВ – История Гражданской войны.

ИККИ – Исполнительный комитет Коминтерна.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького (Москва).

ИПЛ – Издательство писателей в Ленинграде.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

ИФиЗ – История фабрик и заводов.

ИФЛИ– Институт философии, литературы и истории (Москва).

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

ЛГАЛИ – Ленинградский государственный архив литературы и искусства.

ЛЕФ – Левый фронт искусств.

ЛОКАФ – Литературное объединение Красной Армии и Флота.

МГБ – Министерство государственной безопасности.

МГУ – Московский государственный университет.

МОПР – Международная организация помощи борцам революции.

МОРП – Международное объединение революционных писателей.

МСПО – Московский союз потребительских обществ.

МХАТ – Московский Художественный академический театр.

МХТ – Московский Художественный театр.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел.

НКП – Народный комиссариат просвещения.

НКРКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.

НРФ (NRF) – Nouvelle Revue Française (название парижского издательства и журнала).

НЭП – Новая экономическая политика.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление (в 1923 г. в него преобразовано ГПУ).

ПБ – Политбюро.

ПВО – Противовоздушная оборона.

ПОУМ (POUM) – Пролетарская партия марксистского единства.

ПТО – Петроградский театральный отдел.

ПЧК – Петроградская чрезвычайная комиссия.

РАН – Российская академия наук.

РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.

РВС – Революционный военный совет.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи.

РО – Рукописный отдел.

РОНО – Районный отдел народного образования.

РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

ССП – Союз советских писателей.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза.

ТЕО – Театральный отдел (Наркомпроса).

ФКП – Французская коммунистическая партия.

ФСП – Федерация Союзов писателей.

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив.

ЦДЛ – Центральный дом литераторов (в Москве).

ЦЕКА – впервые употребленное Сталиным написание аббревиатуры ЦК.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет.

ЦКК – Центральная контрольная комиссия.

ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

ЦПКиО – Центральный парк культуры и отдыха (Москва).

AEAR – Association des Ecrivains et des Artistes Revolutionaires (Ассоциация революционных писателей и художников), французская секция МОРП, создана в 1932 г.

UGT – Union General de Trabajadoves (Всеобщий рабочий союз – объединение профсоюзов, созданное Испанской социалистической партией).

UHP – Союз братьев-пролетариев.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ Б.Я. ФРЕЗИНСКОГО

Книги

1. Хроника жизни и деятельности Ильи Эренбурга (совместно с В. Поповым)

Т. 1 (1891–1923). СПб., 1993. 382 с.;

Т. 2 (1924–1931). СПб., 2000, 364 с.;

Т. 3 (1932–1935). СПб., 2001, 337с.

2. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб., 2003. 592 с.

3. Все это было в XX веке. Заметки на полях истории. Глобус-пресс. 2006. 766 с.

4. Илья Эренбург с фотоаппаратом. 1923–1944. СПб.; М.; Иерусалим. 2007. 200 с.

5. *Эренбург И.* Испанские репортажи 1931–1939/ Сост., послесл. и примеч. (совм. с В. Поповым). М.: Изд-во АПН, 1986. 398 с.

6. *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. / Подгот. текстов и коммент. М., 1991–2000.

7. *Бухарин Н.* Революция и культура / Сост., вступ. статья, коммент. М., 1993, 352 с.

8. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина / Вступ. статья к кн. «Социализм и его культура»; вступ. статья к роману «Времена» – «Голос из бездны»; коммент. М., 2008. С. 31–49; 677–691.

9. *Ларина-Бухарина А.* Незабываемое / Вступ. статья – «Любовь и вера, мука и стойкость (о книге Анны Михайловны Лариной)»). М.: Вагриус, 2002 (2-е изд. М., 2003).

10. *Эренбург И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. СПб., 2000. 816 с. Новая б-ка поэта.

11. *Эренбург И.* Необыкновенные похождения. Проза 1920-х годов / Вступ. статья, подгот. текста, сост., коммент. СПб., 2001. 1150 с.

12. *Эренбург И.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М., 2004. 621 с.

13. *Эренбург И.* На цоколе историй... Письма 1931–1967 / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М., 2004. 635 с.

14. Почта Ильи Эренбурга. Я слышу всё. 1916–1967 / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М.: Аграф. 2006. 681 с.

15. *Эренбург И.* Война. 1941–1945 / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М., 2004. 795 с.

16. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. / Подгот. текста, коммент., словарь имен. М., 2005.

Т. 1. 749 с.;

Т. 2. 573 с.;

Т. 3. 622 с.

17. *Балцвиник М.* Здесь хорошо, хотя с погодой мне не повезло / Сост., вступ. статья, публ. писем и коммент. СПб., 2006. 153 с.

18. Венок Илье Эренбургу / Сост., вступ. статья, коммент. СПб.: Бельведер. 2007. 179 с.

19. *Эренбург И.* Запомни и живи...Стихи, переводы, статьи о поэзии и поэтах / Сост., вступ. статья, коммент. М: Время, 2008. 607 с.

20. *Полонская Е.* Города и встречи. Книга воспоминаний. НЛО. 2008 (готовится к печати).

Периодика

1. *Киреева М.* Илья Эренбург в Париже 1909 года / Публ., вступ. статья, коммент. // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 144–157.

2. Я. Ивашкевич об И. Эренбурге / Публ., вступ. статья, пер., примеч. // Вопросы литературы. 1984. № 1. С. 194–201.

3. *Савич О.* Записи разных лет / Вступ. статья, публ. и коммент. // Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 135–159.

4. Переписка В.Я. Брюсова с И.Г. Эренбургом / Вступ. статья, публ., коммент. // Литературное наследство. Т. 96. Кн. 2. 1994. М. С. 515–533.

5. Илья Эренбург и Роман Якобсон // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 101–108.

6. *Соммер Я.* Записки / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. // Минувшее. Вып. 17. СПб., 1995. С. 116–170.

7. Елизавета Полонская и Лев Лунц / Публ., вступ. статья, коммент. // Вопросы литературы. 1995. Вып. 4. С. 311–325.

8. Три доклада Вс. Мейерхольда / Вступ. статья, подгот. текста // Петербургский театральный журнал. 1995. № 8. С. 97–100.

9. Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты 1915–1918 (совм. с Д. Зубаревым) // Звезда. 1996. № 2. С. 157–201.

10. Эренбург и Замятин. Письма И. Эренбурга Е. Замятину; Замятин в архиве М. Слонимского / Вступ. статьи, публ., коммент. // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 162–190.

11. Леонид Мартынов и Илья Эренбург // Складчина-2. Омск, 1996. С. 525–539.

12. Андре Дерен удивлен и разобижен // Русская мысль. Париж. № 4147. 31 окт. – 6 нояб. 1996.

13. Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее. 1997. Вып. 22. С. 248–335.

14. Заколдованные сочинения Льва Лунца // Звезда. 1997. № 12. С. 149–171.

15. Литературная почта Карла Радека // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 278–316.

16. *Савич О.* Из стихов... / Публ., вступ. статья // Звезда. 1998. № 4. С. 116–121.

17. Илья Эренбург и Пабло Пикассо // Памятники культуры, новые открытия. 1996. М., 1998. С. 66–92.

18. Великая иллюзия – Париж, 1935 год // Минувшее. Вып. 24. СПб., 1998. С. 166–239.

19. И. Эренбург и Н. Бухарин // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 291–334.

20. *Эренбург Ирина.* Годы разлуки / Публ., вступ. заметка, примеч. // Звезда. 1999. № 2. С. 89–110.

21. Не отзвенело наше дело (Борис Слуцкий в зеркале переписки) // Вопросы литературы // 1999. № 3. С. 288–329.

22. Запретный Эренбург / Предисл., публ. // Арион. № 3(23). С. 32–43.

23. Сюжет из истории большевистской этики // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Paris, 2000. С. 100–116.

24. Черт меня дернул влюбиться в чужую страну // Всемирное слово. 2000. № 13. С. 77–85.

25. Два «английских» сюжета прошедшего века // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 124–129.

26. Скрещенья судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич) // Диаспора. Вып 1. Париж; СПб., 2001. С. 145–178.

27. Илья Эренбург и Марк Шагал. Очерк взаимоотношений // Диаспора. Вып. III. 2002. С. 411–431.

28. Эренбург и Ахматова (взаимоотношения, встречи, письма, автографы, суждения) // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 243–291.

29. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа (Илья Эренбург в реальности и в новой книге о тайной сталинской политике) // Исторические записки. № 5(123). М.: РАН, 2002. С. 298–322.

30. А.М. Коллонтай и И.Г. Эренбург. Шведские страницы // Всемирное слово. 2002. № 15. С. 24–34.

31. Две судьбы: художник и журналист (парижский круг Ильи Эренбурга) // Русские евреи в зарубежье. Т. 4(9). Русские евреи во Франции. Иерусалим. 2002. С. 192–210.

32. Какие были надежды! (Илья Эренбург – Николаю Тихонову: 1925–1939; о Николае Тихонове: 1922–1967) // Вопросы литературы. 2003. № 3. С. 226–257.

33. *Савич А.Я.* Минувшее проходит предо мною / Публ., запись, вступ. статья, коммент. // Диаспора. Вып. V. Париж; СПб., 2003. С. 68–98.

34. Серапионы: в Питере и в Европе (сюжеты навскидку) // Всемирное слово.2003. № 16. С. 54–63.

35. Письма А.Л. Соколовской и А.А. Иоффе Л.Д. Троцкому / Вступ. заметки, публ. и коммент. // Диаспора. Вып. VI. Париж; СПб., 2004. С. 381–415.

36. Илья Эренбург и Германия // Звезда. № 9. 2004. С. 192–208.

37. Эренбург и Мандельштам (Сюжет с долгим последействием: канва литературных и личных отношений и встреч; жёны, борьба за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР) // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 275–318.

38. Милая сердцу Италия (Страницы архива Ильи Эренбурга) // Всемирное слово. 2005. № 17/18. С. 82–94.

39. Художник Каплан и писатель Эренбург (по страницам переписки) // A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hudhes and Robert P. Hughes. Stanford, 2006. P. 490–518.

40. *Полонская Е.* Не странно ли, что мы забудем всё... / Публ. и вступ. заметка) // Звезда. 2006. № 11. С. 106–115.

41. Затаившаяся муза / Предисл., публ. и коммент. к публикации стихов Е. Полонской // Арион. 2007. № 1(53). С. 82–92.

42. Берлинская жизнь Семена Либермана – поэта, редактора, человека книги и театра // Диаспора. Вып. VIII. Париж; СПб., 2007. С. 173–210.

43. Современник Мандельштама Борис Лапин // Сохрани мою речь... Вып. 4. М., 2008. С. 203–225.

СОДЕРЖАНИЕ

Фрезинский, Борис Яковлевич
Ф86 Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов / Борис Фрезинский. – М.: Эллис Лак, 2008. – 672 с.: ил.

ISBN 978-5-902152-53-8

Книга историка литературы Б.Я. Фрезинского «Писатели и советские вожди» насыщена неизвестными и малоизвестными историческими документами. Она позволяет читателю на конкретных примерах, избегая упрощенных схем и скороспелых выводов, увидеть, как в различные десятилетия советской истории по-разному складывались в стране, оставаясь неизменно сложными, неоднозначными и трагическими, индивидуальные судьбы писателей. А попутно – и как созданная в результате Октябрьской революции система привела к жесточайшей диктатуре Сталина, уничтожившей вождей революции – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Радека...

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
УДК 82.091:930.85(47)

Борис Яковлевич Фрезинский

ПИСАТЕЛИ И СОВЕТСКИЕ ВОЖДИ

Избранные сюжеты 1919–1960 годов

Корректор *Е.И. Коротаева*

Подписано в печать 15.05.08. Формат 84х108/32.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 24,0 + вклд. Уч.-изд. л. 27, 50. Тираж 3000 экз.

Заказ № 2076.

Издательство «Эллис Лак 2000»

123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16

Тел. (495) 605-37-97.
Факс (495) 605-89-47

E-mail:ellisluck@mail.ru
http:/www.ellisluck.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.

Историк литературы и публицист **Борис Фрезинский** — автор книг «Судьбы Серапионов», «Все это было в XX веке (заметки на полях истории)», «Илья Эренбург с фотоаппаратом»; биограф Ильи Эренбурга, публикатор и комментатор его сочинений, а также работ Н.И. Бухарина и других авторов; его перу принадлежат более 250 статей и публикаций по истории литературы и политической истории русского XX века. Новая документальная книга Б.Я. Фрезинского «Писатели и советские вожди» основана на многолетних архивных изысканиях автора.